

ВЕСТНИК

Томского государственного университета

2016. № 402. Январь

• ФИЛОЛОГИЯ

• ИСТОРИЯ

• ПРАВО

• PHILOLOGY

• HISTORY

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2016. № 402. January

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **В.И. Голиков**, канд. ист. наук, доц.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **Л.С. Гринкевич**, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **В.И. Канов**, д-р экон. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потekaев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слизов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянанин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **V. Golikov**, PhD in History, Associate Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **V. Kanov**, Dr. of Economics, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИЯ ВЫПУСКА

Т.А. Демешкина, д-р филол. наук, проф.; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Л.М. Прокументов**, д-р юрид. наук, проф.

EDITORIAL BOARD OF THE ISSUE

T. Demeshkina, Dr. of Philology, Professor; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694,
электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793;
электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Certificates of registration: printed version № 018694,
electronic version № 018693
Issued by the Russian Federation State Committee for Publishing
and Printing on April 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
April 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Борисова А.Б.** Мотивы тишины и музыки
в рассказе А. Платонова «Невозможное» 5
- Некрасова Е.Д.** Взаимозависимость модальной семантики
слова и перцептивного канала предъявления информации 10

ИСТОРИЯ

- Абсеметов М.О.** Вклад академика А.М. Панкратовой
в историческую науку Казахстана 18
- Антонова Е.К.** Социально-экономический строй
крестьянского хозяйства переходной от лесостепи к тайге
природной зоны Томской губернии на рубеже XIX–XX вв. 23
- Бойко В.П., Бойко О.Е.** Русское купечество в творчестве
М.Е. Салтыкова-Щедрина (реальная характеристика
и художественный вымысел) 29
- Воробьева В.С.** К вопросу о взаимоотношениях либеральных
партий и органов региональной власти в Томской области
в 1990-е гг. 36
- Гоголева М.Т.** Сакральный мир якутского сказителя 44
- Дякова Е.А.** Влияние транснациональных корпораций
на государственную политику Соединенных Штатов Америки
в сфере экологической безопасности в 90-е гг. XX в. 51
- Зиновьев В.П.** Классики марксизма о характере
рабочего движения в России 57
- Клинический А.И.** Основные направления
благотворительности в развитии мужского гимназического
образования Западно-Сибирского учебного округа 66
- Кустова Е.В.** Строгановы и монастырское строительство
в Приуралье в середине XVI–XVII вв. 71
- Маклюков А.В.** Решение задач электроснабжения народного
хозяйства Дальнего Востока СССР в послевоенные годы
(1946–1950 гг.) 79
- Нам Е.В.** К вопросу о полисемантической образности
в системе мировоззрения сибирского шаманизма 88
- Сергусева Е.А., Рябогина Н.Е., Ляшевская М.С.,
Гольева А.А.** Аргументация земледелия на археологических
памятниках Приамурья и Приморья: результаты
применения палеоботанических методик 99
- Сизова И.А.** Государственная политика в сфере
музейного дела во второй половине 1950-х – начале 1990-х гг.
и ее местная реализация (на примере Томской области) 109
- Соловченко И.С.** Основные направления нейтрализации
протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг. 117
- Федина Н.Г.** Особенности российской историографии
заграничного похода (1813–1814 гг.) 131
- Фоменко С.В.** Предвоенное британское общество
в поисках идеала гражданина-демократа 136
- Фоминых С.Ф., Афанасенков В.О. А.К. Иванов
(1886–1937) – географ, археолог и этнограф** 141
- Харлов В.Р.** Внутренние факторы демократизации режима
на Тайване 148
- Харусь О.А.** Парламентская тактика кадетов
в III Государственной думе: опыт политической
деятельности сибирских депутатов 155

CONTENTS

PHILOLOGY

- Borisova A.B.** Motifs of silence and music in Platonov's
"The Impossible" 5
- Nekrasova E.D.** The semantics of words and a perceptive channel:
the impact of sensorimotor experience on the perception of words 10

HISTORY

- Absemetov M.O.** Academician A.M. Pankratova, a researcher
of the history of Kazakhstan 18
- Antonova E.K.** The socio-economic structure of peasant economy
in transition from the forest steppe to the boreal forest natural area
of Tomsk Province at the turn of the 19th and 20th centuries 23
- Boyko V.P., Boyko O.E.** M.E. Saltykov-Shchedrin
on Russian merchants
(real description and reflection) 29
- Vorobyeva V.S.** On the relations between liberal parties
and regional authorities in Tomsk Oblast
in the 1990s 36
- Gogoleva M.T.** The sacral world of a Yakut storyteller 44
- Dyakova E.A.** The influence of transnational corporations
on the public policy of the United States of America in the field
of environmental safety in the 1990s 51
- Zinoviev V.P.** The classics of Marxism on the nature
of the labor movement in Russia 57
- Klinitskiy A.I.** Main charity activities
in the development of male secondary education
in the West Siberian school district 66
- Kustova E.V.** The Stroganovs and monastery construction
in the Urals in the mid-16th and 17th centuries 71
- Maklyukov A.V.** The solution of power supply problems
of the national economy in the USSR Far East
in postwar years (1946–1950) 79
- Nam E.V.** On the polysemanticism of the image
of a tree in the Siberian shamanism worldview 88
- Sergusheva E.A., Ryabogina N.E., Lyashevskaya M.S.,
Gol'eva A.A.** Argumentation of agriculture
in archaeological sites of Priamurye and Primorye:
results of palaeobotanical method application 99
- Sizova I.A.** State policy in the museum work
in the second half of the 1950s – early 1990s
and its local implementation in Tomsk Oblast 109
- Solovenko I.S.** Principal directions to control protest campaigns
of Russian miners in 1992–1999 117
- Fedina N.G.** Features of Russian historiography
on the foreign campaign (1813–1814) 131
- Fomenko S.V.** The search for the ideal citizen's model
in the British society on the eve of the Second World War 136
- Fominykh S.F., Afanasenkov V.O. A.K. Ivanov (1886–1937):
geographer, archaeologist and ethnographer** 141
- Kharlov V.R.** Domestic factors of democratization
of Taiwan 148
- Kharus O.A.** The parliamentary tactics
of the Cadets in the III State Duma: political experience
of Siberian deputies 155

Хахалкина Е.В. Планы кабинета У. Черчилля по реформированию Совета Европы в контексте проблем европейской безопасности (1951–1955 гг.)	164
Чуркина Н.И. Развитие читательской компетенции будущих учителей: практики педагогического образования Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)	172
Шерстова Л.И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур	176

ПРАВО

Андрющенко А.В. Значение организационных договоров в системе гражданского права	181
Ведерников Н.Т. Личность как субъект конституционно-правовых отношений	184
Грибунов О.П. Всеобщая дактилоскопическая регистрация граждан как элемент реализации криминалистического предупреждения преступлений	188
Нарыжный Е.В. Интегральный подход получения криминалистически значимой информации по следам обуви при расследовании преступлений	192
Семенюк Р.А. Социально-экономические факторы, обуславливающие преступления против личности, совершаемые в состоянии опьянения на территории Сибири	197
Титаренко А.П. Формы и методы индивидуальной профилактической деятельности полиции в современных социально-экономических условиях	201
КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	207

Khakhalkina E.V. Plans of reforming the Council of Europe in the context of European security under Churchill Government (1951–1955)	164
Churkina N.I. Development of reading competence of future teachers: practice of pedagogical education of Western Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)	172
Sherstova L.I. Ethnic consolidation versus construction: traditional cultures genesis problem	176

LAW

Andryushchenko A.V. The value of organizational contracts in the civil law system	181
Vedernikov N.T. A person as a subject of constitutional-legal relations	184
Gribunov O.P. Universal dactyloscopic registration of citizens as an element of crime prevention	188
Naryzhny Ye.V. An integrated approach for obtaining forensically relevant information from shoe traces when investigating crimes	192
Semeniuk R.A. Socio-economic factors contributing to crimes against persons committed in a state of intoxication in Siberia	197
Titarenko A.P. Forms and methods of police activities on individual prevention in the current socio-economic conditions	201
BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	207

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

А.Б. Борисова

МОТИВЫ ТИШИНЫ И МУЗЫКИ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «НЕВОЗМОЖНОЕ»

Раннее творчество Платонова представляет собой пространство творческих экспериментов, где писатель пытается выработать собственное отношение к миру. Создание утопических моделей переустройства Вселенной и в то же время недоверие к своему собственному утопизму проявляется уже в его первых рассказах, где многие мотивы приобретают противоположный смысл в пределах одного текста. В статье данное положение проводится на примере мотивов тишины и музыки в рассказе «Невозможное» (1921). Оба мотива играют значимую роль в создании художественной картины мира и в поведенческой характеристике персонажей. Показано динамическое изменение семантики мотива тишины – от выражения того, что понятно без слов, до вынужденного молчания. Также неоднозначен в платоновском тексте и мотив музыки. С одной стороны, это музыка сфер, выражающая гармонию мира, с другой – музыка революции и борьбы, эту гармонию разрушающая. Оба мотива отражают один из основных конфликтов в сознании раннего Платонова – принятие мира либо борьбу с ним.

Ключевые слова: ранняя проза А.П. Платонова; художественная картина мира; мотив; персонаж; музыка; тишина.

В настоящее время исследователи уделяют большое внимание изучению мотивики творчества Платонова, куда входят мотивы тишины и музыки. Однако основным объектом исследования являются в данном случае романы писателя. Так, роману «Счастливая Москва» посвящены статьи Л. Фоменко «Краски и звуки «Счастливой Москвы»» [1] и В. Серафимовой «Образ музыки в романе» [2], роману «Чевенгур» – статья Н.М. Малыгиной «Роман Платонова как мотивная структура» [3], статья Н. Брагиной «Роман «Чевенгур», прочитанный глазами музыканта» [4]. Эта тема также освещается в общих работах по поэтике произведений Платонова.

В исследованиях ученых используются различные подходы к теме музыки у Платонова. Работы Л. Фоменко [1], К.А. Баршта [5] основаны на функциональном анализе, тогда как работы А.В. Храмых [6], В. Серафимовой [2], Н. Брагиной [4] – на структурном с выявлением в композиционном строении произведений Платонова симфонической, хоральной основы. В качестве основных приемов отмечаются приемы полифонии и контрапункта.

Мотив тишины рассматривается исследователями главным образом как оппозиция музыке, звуку. Например, в статье Л. Фоменко [1] показано постепенное движение от музыки к молчанию в романе «Счастливая Москва». К.А. Баршт [5] в своей монографии помещает безмолвие в семантический ряд «симфония, песня, гул, безмолвие». Молчание как самостоятельное явление рассматривает в статье «Молчание и речь у Андрея Платонова» А. Дырдин [7], связывая его с эсхатологической идеей и с традицией молчаливности в русской религиозной культуре.

Предметом исследования в нашей статье являются мотивы тишины и музыки в раннем рассказе Платонова «Невозможное» (1921), который еще не анализировался с этой точки зрения. Для творчества Платонова в наибольшей степени применима характеристика мотива, данная Б.Н. Путиловым: «Каждый мотив обладает устойчивым набором значений, отчасти заложенных в него генетически, отчасти явившихся в процессе долгой исторической жизни. Одни значения

лежат словно бы на поверхности. Легко обнаруживают себя, другие спрятаны в глубине. Значения могут сталкиваться, «мешать» одно другому, но могут и взаимодействовать, дополнять одно другое, создавая своеобразный семантический полифонизм» [8. С. 84].

Раннее творчество Платонова представляет собой пространство творческих экспериментов, где писатель пытается выработать собственное отношение к миру, найти свой художественный язык. Создание утопических моделей переустройства Вселенной и в то же время недоверие к своему собственному утопизму проявляется уже в его первых рассказах, где многие мотивы приобретают разный смысл даже в пределах одного текста. Примером могут служить мотивы тишины и музыки, находящиеся в динамических взаимоотношениях.

В рассказе «Невозможное», где автор пытается встроить архетипическую модель *эрос* и *танатос* в мессианский сюжет преображения мира, тишина имеет концептуальное значение, связанное с поисками ответа на вопрос о взаимодействии человека и Вселенной. Мотив тишины возникает в нескольких сюжетных ситуациях. В одной из них я-рассказчик наблюдает красоту тихой утренней природы: «На востоке в нежном невыразимом свете горела одна пышная последняя голубая звезда, и на нее неслись и неслись без ветра, в великой утренней тишине, неуловимые, почти несуществующие облака. <...> Далекий город не начинал еще греметь. Это был час полета облаков и тихого света. Я узнал тогда, что полная тишина есть вселенская музыка, и слушать ее можно без конца, и позабыть жить» [9. С. 190] (далее рассказ цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках после цитаты). В данном фрагменте мотив тишины выражает духовную связь героя-повествователя с миром, возникающую в краткий миг восторженного порыва души. Тишина выступает признаком открывшегося герою знания как первочувства, невыразимого словами. Важным здесь является особое, экстатическое состояние героя, позволяющее ему ощутить эту связь. Тема экстаза в произведениях Платонова 1920–1930-х гг. рассмотрена в статье

Е.Н. Проскуриной «Эмоциональные ландшафты прозы А. Платонова», где прослеживается динамика внутренних ощущений персонажей и, в частности, отмечается, что «у героев “Невозможного” экстатическое состояние проявляется через самозабвение, возникающее в ситуации один на один с миром, что приоткрывает им тайну мира» [10. С. 333]. Мотив музыки оказывается в данном случае тождествен мотиву тишины: «полная тишина есть вселенская музыка».

Тишина и вселенская, природная музыка, сливаясь в одно, находятся в оппозиции к звукам гремящего города: «Далекий город не начинал еще греметь» (190). Оппозиция тишина / звук соотносится в данном случае с противопоставлением природа / город. В этой связи важной в рассказе является категория времени. Время, соответствующее состоянию тишины мира, – раннее утро. День же принадлежит городу: это время труда, громких звуков урбанистической музыки.

Урбанистическая тема связана в рассказе с идеей принципиальной непознаваемости мира, которая не дает платоновскому герою душевного успокоения, примирения с наличествующей реальностью. Не случайно экстатическое слияние героя с миром сразу же разрушается внезапной мыслью о свете как об энергии, «которой можно напитать и спасти человечество, и вывести его на путь борьбы с этой вселенной, и победить ее, сделать человеческой обителью» (191). Невозможность вместить в себя все многообразие и сложность мироздания рождает в герое желание адаптировать мир под себя, встроить в границы своего разума, сделав более удобным и понятным. Так формируется один из ведущих сюжетов ранней прозы Платонова – «восстания на вселенную» (подробно см.: [11–14]).

Утопическая линия сюжета реализуется через введение второго главного персонажа – друга героя. В этом образе привычный для Платонова тип изобретателя, деятеля-утописта, сочетается с типом «печального и ласкового странника» (193) – человека, который был «радостный, простой и совсем родной земле» (190). Мотив тишины актуализирует одну из душевных граней данного персонажа, связанную, как и у рассказчика, с его «кровной связью с миром», что дает возможность показать их внутреннюю близость: «Мы стояли очарованные и почти плакали от восторга» (190). Внутренние ощущения одного отражаются в чувствах другого, рождая общую для обоих идею о свете как о спасительной энергии для человечества. В тексте это слияние чувств и мыслей отображается через динамику личных местоимений. Первоначально рассказчик использует местоимение Я, тем самым отделяя себя от *другого* («Я узнал тогда, что полная тишина есть вселенская музыка» (190)). Но ниже Я сменяется на Мы: «Мы все поняли», «У нас обоих родилась мысль». Таким образом, семантика мотива тишины расширяется в рассказе внесением в него синергетического компонента, генерирующего слияние мыслей и эмоций персонажей. Синергизм усиливается в дальнейшем движении сюжета с появлением героини:

«Все трое мы ничего не говорили, и это молчание нам было легко. Так и должно быть. Есть моменты,

когда человек с человеком сливаются в одно своими сокровенными душами, и тогда бывает экстаз. Только через другую душу можно увидеть весь мир, а не через одну свою».

Мы сидели тем грозным осенним вечером в ласковой маленькой комнате, полной света и музыки далекого рояля (кто-то играл в соседней квартире)» (193–194).

В связи с этим эпизодом стоит обратить внимание на различие семантики тишины и молчания. Тишина, по определению М. Эпштейна, – это «естественное состояние беззвучия в отсутствие разговора» [15. С. 179], не требующее предмета речи. Молчание же является продолжением разговора и делит с ним «интенциональную обращенность сознания на что-то» [Там же. С. 180]. Таким образом, молчание тесно связано с человеческими взаимоотношениями и «предполагает выполнение речевого действия» [16. С. 418]. В цитированном эпизоде молчание персонажей – это не отсутствие звуков, речи, а состояние беззвучия, т.е. проявление тишины. У персонажей нет необходимости в речи. Они находятся в слиянии с миром и друг другом. Образуется то единение, которое в рассказах Платонова никак не достичь человеческому разуму и не выразить словами. Здесь тишина семантически тождественна умиротворению, чему подыгрывает обстановка «ласковой маленькой комнаты, полной света» (194). Внешнее же пространство изображено как «чужое» – это «грозный осенний вечер», где «замерла тьма» (194). Светлая тихая комната и темный внешний мир образуют значимую для Платонова оппозицию «человеческого» и «нечеловеческого», своего и чужого как чуждого.

Однако очень скоро тишина трансформируется в молчание, причем в неудобное, смущенное молчание. Разрушение внутреннего единения персонажей происходит по причине зарождения у второго героя любовного чувства. Находясь рядом с незнакомой девушкой, он «не знал, зачем пришел и о чем говорить» (194). Такое молчание оказывается красноречивее всяких слов, но одновременно выражает невозможность полноты понимания людьми друг друга.

Конфликт слова и молчания как проявление «невозможного» становится основным в следующем эпизоде рассказа, где невысказанность чувств оказывается препятствием для понимания *другого*. Грубые материальные слова, как и материальное тело человека, противопоставляются невыразимому духовному миру:

«Я люблю, – сказал он тихо».

О, знаю, – ее хочу! Но не такую. Я не дотронусь до нее. Ни губы, ни груди мне не нужны. Я хочу поцеловать ее душу... Нет, тут ничего невозможно. Этого нельзя сказать. Слово сделано для удобства. Я не знаю, как сказать, и никто никогда ничего про это не скажет ни словом, ни музыкой, ни песней. Это можно иметь, но нельзя об этом рассказать» (195).

Отношение Платонова к слову как способу отображения действительности можно проследить на примере его ранней публицистической статьи «Пролетарская поэзия» (1921). Выделяя три элемента слова (идея, образ, звук), он пишет о том, что слово без любого из них «получится бледное, сумрачное и будет

только неясным образом явления, которым оно сотворено. *А слово и так очень глухое эхо действительно-сти*» [17. С. 165] (курсив мой. – А.Б.). Осознание неполноты человеческого языка для выражения тончайших нюансов внутреннего мира рождает в героях Платонова чувство тоски, граничащей с безысходностью. В итоге душевный конфликт приводит одного из них к смерти, влечение к которой возникает от невыносимости и невыразимости любви к героине. Изображение его смерти сопровождается мотивом тишины: «Он сел и тихо заговорил <...>. Он лег на пол, положил голову на дрова и сразу весь померк. <...> Он лежал померкший и мирный. <...> ... в нем замерло сердце от любви» (195). В этом эпизоде смерть предстает в красках смирения, успокоения, варьирующих мотивный инвариант. Эмоционально с этим эпизодом контрастирует финальная часть рассказа, где не желающий смириться со смертью друга я-повествователь пытается найти научное объяснение любви, бессмертию, постичь тайну «невозможного». Но эта проблема выходит за тематические рамки нашей работы.

Как и тишина, музыка в рассказе Платонова наделена разными значениями. С одной стороны, это гремущая музыка цивилизации, с другой – «звуковое самовыражение сокровенной гармонии мира» [18. С. 83], «свидетельство пульсации ритма Вселенной» [5. С. 149]. В плане психологической характеристики героя слышание музыки сфер маркирует его внутреннее созвучие с мирозданием. Именно эта модальность мотива музыки доминирует в платоновском тексте. Любопытно в этой связи обращение писателя к знаковой для революционного времени фигуре Бетховена, музыка которого воспринималась главным образом как музыка борьбы: «Он [Бетховен] любит борьбу, он чувствует глубокую радость борьбы при всем сознании тех бедствий и тех лишений, которые она с собой несет. И приятие борьбы – вот та основная особенность, вот та атмосфера, которой проникнута музыка Бетховена в главных ее частях» [19. С. 4].

Тема борьбы в творчестве Бетховена становится одной из главных и для Платонова. В своей статье «Горький и его “На дне”» (1921) он характеризует Бетховена как определенный тип человека: «Бетховен борется, одолевает, уничтожает вселенную, сметает её из своего взора и сердца, чтобы остаться одному или только с любимыми; для него (и для всех богов) мир нестерпим, потому что он распылен, и каждая пылинка поражена от этого сознанием, а такое сознание рождает любовь» [17. С. 199]. Тем самым, имя Бетховена встраивается в ряд платоновских «деятелей-утопистов» (термин Е. Яблокова [20. С. 195]). Связь персонажа этого типа и музыки Бетховена отмечает Н.В. Корниенко: «Музыка Бетховена сопровождает у Платонова всех его “новых людей”» [21. С. 115–116].

Показательно, что для внутренней характеристики второго героя «Невозможного» Платонов избирает не «героические» опусы Бетховена, а произведение, наиболее рельефно высвечивающее доминанту его образа, – «Лунную сонату», которая приводит его «в исступление»: «Больше всего он любил Лунную сонату

Бетховена. И если он всегда жил, как пьяный и безумный, то после Лунной сонаты он уходил в странствие и пропадал по неделям» (191). «Лунное» начало («Но больше света и звезд он любил луну» (191), «Луна делала его лучшим и безумным» (191)) служит свидетельством его душевной подвижности, соотносящейся со способностью проникновения в тайны мира. Как отмечает М. Элиаде, «через мифы и символы, связанные с Луной, человек проникает в таинственную связь между временем, рождением, смертью и воскресением, сексуальностью, плодородием, дождем, растительным миром, и так далее. Мир уже не есть непроницаемая масса объектов, произвольно соединенных вместе, но живой космос, упорядоченный и полный смысла» [22. С. 144]. Таким образом, безумие и исступление в характеристике второго героя рассказа перетекают в платоновское семантическое поле «сокровенности», делая его (героя) предтечей «сокровенного человека», в котором интуиция главенствует над рассудком.

В связи с бетховенской темой в рассказе возникают пересечения с идеями Ницше. «Бетховену играют тимпаны и кимвалы дионисийского праздника», – пишет в монографии «Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов» Л.Л. Гевея [23. С. 34]. Знакомство Платонова с философией Ницше упоминается многими исследователями, ее отзвуки можно встретить и в публицистике, и в художественном творчестве писателя. В ницшеанском контексте образ второго героя в «Невозможном» приобретает статус носителя дионисийского начала: «Через минуту мы шли уже по улицам, и он, светящийся так, что видны лужи, был смешон и жалок. И встречные люди останавливались и удивлялись. В первый раз по земле, по грязной улице скучного, злого города шел светлый и светящийся человек. В первый раз человек полюбил другого человека; и другой, ясный и мучительный мир, вонзился в этот – и завязалась короткая радостная борьба между любовью и жизнью. Жизнь есть свет в физическом смысле, и этот свет уходил из моего друга, чтобы могло в него войти другое» (194). – Ср. у Ницше: «Под чарами Диониса не только вновь смыкается союз человека с человеком: сама отчужденная, враждебная или поработенная природа снова празднует праздник примирения со своим блудным сыном – человеком» [24. С. 62]. В дионисийском семантическом ключе прочитывается и смерть влюбленного героя, для которого любовь стала «ослепительной победой»: победой его замершего сердца над жизнью – «ненужной маленькой возможностью». Можно заключить, что, сталкиваясь друг с другом, «лунность» и дионисийство в характере данного героя создают полифонический эффект, усложняя проблематику рассказа и оставляя открытой проблему «невозможного».

Мы попытались проследить разноплановые семантические проекции мотивов тишины и музыки в рассказе А. Платонова «Невозможное». На персонажном уровне эти два мотива маркируют образы платоновских героев, вмещающих в себя интуитивное и деятельное начала, соединяющих типы мечтателя и де-

миурга. На метафизическом плане наличие оппозиционных подходов к миру как сокровенному пространству тишины и одновременно необорудованной гре-

мющей вселенной отражает один из основных конфликтов в сознании раннего Платонова: «Мир должен воскреснуть или взорваться» (193).

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоменко Л. Краски и звуки «Счастливой Москвы» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М. : ИМЛИ РАН, 1999. Вып. 3. С. 176–185.
2. Серафимова В. Образ музыки в романе // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М. : ИМЛИ РАН, 1999. Вып. 3. С. 273–276.
3. Малыгина Н.М. Роман Платонова как мотивная структура // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М. : ИМЛИ РАН, 1999. Вып. 3. С. 212–222.
4. Брагина Н. Роман «Чевенгур», прочитанный глазами музыканта // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М. : ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 6.
5. Баршт К.А. Поэтика прозы Андрея Платонова. СПб., 2000.
6. Храмых А.В. Принцип музыкальности в поэтике А. Платонова (1918–1926 годы) : дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2014.
7. Дырдин А. Молчание и речь у Андрея Платонова. URL: <http://platonov.lib.ru/AP/dyrdin2.html>
8. Путилов Б.Н. Веселовский и проблема фольклорного мотива // Наследие Александра Веселовского. Исследования и материалы. СПб., 1992. С. 84.
9. Платонов А.П. Сочинения. Т. 1 : 1918–1927, кн. 1 : Рассказы. Стихотворения. М. : ИМЛИ РАН, 2004.
10. Проскурина Е.Н. Эмоциональные ландшафты прозы А. Платонова // Критика и семиотика. 2015. № 1. С. 329–339.
11. Хрящева Н.П. «Кипящая Вселенная» Андрея Платонова: Динамика образотворчества и миропостижения. Екатеринбург ; Sterlitamak, 1998.
12. Проскурина Е.Н., Хрящева Н.П. Рецептивный план сюжета А. Платонова «восстание на вселенную». Ч.1. // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 6. Интерпретация художественного произведения: сюжет и мотив : сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2004. С. 209–230.
13. Проскурина Е.Н., Хрящева Н.П. Рецептивный план сюжета А. Платонова «восстание на вселенную» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 7 : Тема, сюжет, мотив в лирике и эпосе : сборник научных трудов. Новосибирск, 2006. Ч. 2. С. 236–266.
14. Проскурина Е.Н. Фаустиана Андрея Платонова (на материале прозы 1920–1930-х годов). М. : Новый Хронограф, 2015.
15. Эпштейн М. Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М. : Высшая школа, 2006.
16. Арутюнова Н.Д. Феномен молчания // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000.
17. Платонов А. П. Сочинения. Т. 1 : 1918–1927, кн. 2 : Статьи. М. : ИМЛИ РАН, 2004.
18. Малыгина Н.М. Эстетика Андрея Платонова. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985.
19. Луначарский А.В. Бетховен и современность // Красная газета. Л., 1927. № 63. С. 4. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/v-mire-muzyki/bethoven-i-sovremennost>
20. Яблоков Е. «О типологии персонажей А. Платонова» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М. : ИМЛИ РАН, 1994. Вып. 1. С. 194–203.
21. Корниенко Н.В. Песенно-музыкальные сюжеты у Платонова (Литературные и иные контексты) // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. СПб. : Наука, 2004. Кн. 3. С. 93–120.
22. Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии. М. : Рефл-бук, 1996.
23. Гевевер Л.Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов. М. : ИНДРИК, 2001.
24. Ницше Фр. Рождение трагедии из духа музыки // Фр. Ницше. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1996. Т. 1.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 января 2016 г.

MOTIFS OF SILENCE AND MUSIC IN PLATONOV'S "THE IMPOSSIBLE"

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 5–9. DOI: 10.17223/15617793/402/1

Borisova Alisa B. Institute of Philology, SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: borisovaab88@mail.ru

Keywords: early prose of Platonov; story "The Impossible"; motif; music; silence.

Relationship of the motifs of silence and music in the early story of A.P. Platonov "The Impossible" is considered in this article. Silence in this story has a conceptual value, connected with the search of the answer to the question of interaction of the person and the Universe. The dynamic change of the meaning of the motif of silence is traced on the example of several episodes. The motif of silence expresses the spiritual relation of the hero with the world at the beginning of the story. It arises during a moment of an enthusiastic impulse of the soul. The opposition of sound and silence also reflects the topographical opposition of city and nature and the temporal opposition of day and night. The urbanistic subject of the story is connected with the idea of basic non-cognoscibility of the world, and the hero has a desire to adapt the world, to make it more convenient and clear. Here appears the motif of the revolt on the Universe that is important for the early prose of the writer. The motif of silence is important for the description of the characters of the story. The silence semantics extends in the story through bringing in the synergistic effect that generates a merge of thoughts and emotions of the characters. It gives a chance to show their internal proximity with the world and serves as a sign of a relationship of human souls. Silence becomes the generator of strong emotions that cannot be put into words. Along with the idea of silence as the uniting force, its other meaning in human relations is actualized at the same time. It is inconvenient silence, confusion that becomes a psychological marker of the feeling of love that appears in the soul of the hero. The motif of music is analyzed in the aspect of the behavioral description of Platonov's character and shows its role in the plot of the text. The connection of music of Beethoven and Nietzsche's Dionysian element is also considered in the same way. In particular, for the behavioral description of the hero in love, the choice of the Moonlight Sonata as a favorite piece of music is significant. The analysis shows that silence and music in "The Impossible" emphasize the versatility of the image of Platonov's character. The hero has intuitive and active features; he is a dreamer and a demiurge. Existence of oppositional approaches to the world as to the intimate space of silence and to the rattling Universe reflects one of the main conflicts in early Platonov's consciousness: fight against the world or integration with it.

REFERENCES

1. Fomenko, L. (1999) Kraski i zvuki "Schastlivoy Moskvy" [Colors and sounds of "Happy Moscow"]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["Country of philosophers" of Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature. 3. pp. 176–185.
2. Serafimova, V. (1999) Obraz muzyki v romane [The image of music in the novel]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["Country of philosophers" of Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature. 3. pp. 273–276.
3. Malygina, N.M. (1999) Roman Platonova kak motivnaya struktura [Platonov's novel as a motivic structure]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["Country of philosophers" of Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature. 3. pp. 212–222.
4. Bragina, N. (2005) Roman "Chevengur", pročitannyi glazami muzykanta [The Chevengur novel read by the eyes of a musician]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["Country of philosophers" of Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature. 6.
5. Barsht, K.A. (2000) *Poetika prozy Andrey Platonova* [The poetics of the prose of Andrei Platonov]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology.
6. Khramykh, A.V. (2014) *Printsip muzykal'nosti v poetike A. Platonova (1918–1926 gody)* [The principle of musicality in the poetics of Andrei Platonov (1918–1926)]. Philology Cand. Diss. Petrozavodsk.
7. Dyrdin, A. (2000) *Molchanie i rech' u Andrey Platonova* [Silence and speech of Andrei Platonov]. [Online]. Available from: <http://platonov.lib.ru/AP/dyrdin2.html>.
8. Putilov, B.N. (1992) Veselovskiy i problema fol'klornogo motiva [Veselovsky and the problem of the folk motif]. In: Zaborov, P.R. (ed.) *Nasledie Aleksandra Veselovskogo. Issledovaniya i materialy* [Legacy of Alexander Veselovsky. Research and Materials]. St. Petersburg: Nauka.
9. Platonov, A.P. (2004) *Sochineniya* [Works]. V. 1. Book 1. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature.
10. Proskurina, E.N. (2015) Emotsional'nye landschafty prozy A. Platonova [Emotional landscapes in Andrei Platonov's prose]. *Kritika i semiotika*. 1. pp. 329–339.
11. Khryashcheva, N.P. (1998) *"Kipyashchaya Vselennaya" Andrey Platonov: Dinamika obrazotvorchestva i miropostizheniya* ["The Boiling Universe" of Andrei Platonov: dynamics and image creation and world discernment]. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University; Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical University.
12. Proskurina, E.N. & Khryashcheva, N.P. (2004) Retseptivnyy plan syuzheta A. Platonova "vosstanie na vselennuyu". Ch.1. [The receptive plan of Andrei Platonov's plot "rebellion in the universe". Part 1]. In: Romodanovskaya, E.K. (ed.) *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Materials to the dictionary of themes and motifs of Russian literature]. Is. 6. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Proskurina, E.N. & Khryashcheva, N.P. (2006) Retseptivnyy plan syuzheta A. Platonova "vosstanie na vselennuyu". Ch. 2]. In: Romodanovskaya, E.K. (ed.) *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Materials to the dictionary of themes and motifs of Russian literature. Part 2]. Is. 7. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
14. Proskurina, E.N. (2015) *Faustiana Andrey Platonov (na materiale prozy 1920–1930-kh godov)* [The Faust motifs of Andrei Platonov (based on the prose of the 1920–1930-ies)]. Moscow: Novyy Khronograf.
15. Epshteyn, M. (2006) *Slovo i molchanie. Metafizika russkoy literatury* [Word and silence. Metaphysics of Russian literature]. Moscow: Vysshaya shkola.
16. Arutyunova, N.D. (2000) Fenomen molchaniya [The phenomenon of silence]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Yazyk o yazyke* [Language about a language]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
17. Platonov, A.P. (2004) *Sochineniya* [Works]. V. 1. Book 2. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature.
18. Malygina, N.M. (1985) *Eстетика Andrey Platonov* [The aesthetics of Andrei Platonov]. Irkutsk: Irkutsk State University.
19. Lunacharskiy, A.V. (1927) Betkhoven i sovremennost' [Beethoven and the present]. *Krasnaya gazeta*. 63. p. 4. [Online]. Available from: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/v-mire-muzyki/bethoven-i-sovremennost>.
20. Yablokov, E. (1994) O tipologii personazhey A. Platonova [On the typology of the characters of Andrei Platonov]. In: *"Strana filosofov" Andrey Platonov: problemy tvorchestva* ["Country of philosophers" of Andrei Platonov: problems of creativity]. Moscow: Russian Academy of Sciences Institute of World Literature. 1. pp. 194–203.
21. Kornienko, N.V. (2004) Pesenno-muzykal'nye syuzhety u Platonova (Literaturnye i inye konteksty) [Songs and music scenes in Platonov's works (literary and other contexts)]. In: Kolesnikova, E.I. (ed.) *Tvorchestvo Andrey Platonov. Issledovaniya i materialy* [Creativity of Andrei Platonov. Research and Materials]. St. Petersburg: Nauka. Kn. 3. pp. 93–120.
22. Eliade, M. (1996) *Mify. Snovideniya. Misterii* [Myths. Dreams. Mysteries]. Moscow: Refl-buk.
23. Gevert, L.L. (2001) *Muzyka i muzykal'naya mifologiya v tvorchestve russkikh poetov* [Music and musical mythology in the works of Russian poets]. Moscow: INDRIK.
24. Nietzsche, F. (1996) Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki [The Birth of Tragedy from the Spirit of Music]. In: Nietzsche, F. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 v.]. V. 1. Translated from German. Moscow: Mysl'.

Received: 25 January 2016

ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ПЕРЦЕПТИВНОГО КАНАЛА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы «Научный фонд им. Д.И. Менделеева Томского государственного университета» в 2015–2016 гг.

Представлены результаты поведенческого эксперимента, направленного на выявление связи между сенсомоторным опытом человека, находящим отражение в семантике слова, и формами существования слова (последовательности звуков и последовательности графем), соотносимыми с физическими каналами восприятия информации (аудиальным и визуальным). Эксперимент выполнен на материале болгарского языка.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; воплощенное познание; модальное соответствие; психолингвистический эксперимент; время реакции; модальность.

Одно из центральных мест в когнитивной, «антропоцентрической» семантике занимает тезис о воплощенности познания. Теория воплощенного познания (*embodied cognition*) подразумевает зависимость когниции от видов телесного опыта, опосредованного сенсомоторной системой человека [1. С. 172–173]. Так, при восприятии слова *стул* для понимания стоящего за вербальным кодом понятия (для воссоздания концепта¹, сконструированного ранее на основе восприятия предмета или явления действительности) человеку необходимо задействовать свой моторный, визуальный, тактильный и другие типы перцептивного опыта [2. С. 164–167].

Особое место в когнитивной семантике занимает тезис *модальной опосредованности понятий*, вытекающий в том числе из теории Л. Барсалоу о системе перцептивных символов (*perceptual symbols theory*), сформулированной еще в 90-е гг. XX в. [3. С. 577–660].

Любой *перцептивный опыт*, по мнению исследователя, хранится в долговременной памяти в качестве перцептивных символов и носит модальный характер, поскольку действует в рамках той же системы, что и порождающий его *модальный опыт*. Одним из ключевых свойств перцептивных символов является создание «мультимодальных конструкторов», или «симуляций» (*multimodal simulations*). Подобные конструкторы необходимы для сохранения информации, поступающей посредством внешних органов чувств. Так, например, система перцептивных символов, соотносящаяся с понятием «велосипед», будет включать в себя зрительный образ велосипеда, звук велосипедного звонка или звон велосипедной цепи, определенное положение тела, необходимое для поддержания равновесия, моторное ощущение работы педалей, торможения, проприоцепцию (ощущение положения частей собственного тела относительно друг друга), тактильные ощущения поворота руля, в некоторых случаях – чувство эйфории от бьющего в лицо ветра и т.п.

В рамках данной теории любое концептуальное знание опосредовано модальностями (перцептивными каналами восприятия человека) [2].

Язык, по мнению Л. Барсалоу, ничем принципиально не отличается от иных способов воздействия на перцептивную систему человека, также порождая динамические конструкторы. В данном случае полимо-

дальная информация будет аккумулироваться в словах, поэтому понимание текста и речи (вербального устного или письменного кода) может быть описано как создание динамических симуляций (конструкторов), репрезентирующих значение высказывания.

Любой концепт, выражаемый в речи средствами вербального кода, содержит в себе информацию о перцептивном и модальном опыте. Как правило, количество актуализируемых словом модальностей оказывается больше одной. Например, слово *лимон* (корректнее в данном случае говорить о «модальном конструкторе», концепте *лимона*, репрезентируемого в речи посредством слова) содержит в себе перцептивный *визуальный* опыт (потому что лимон может быть *желтым* или *зеленоватым* и т.п.), *вкусовой* (*кислый* лимон), тактильный (лимон может быть *гладким* или *шершавым*) и др. [4. С. 119–124].

Модальные конструкторы Л. Барсалоу оказываются зависимы от ситуативных контекстов. Так, разворачивание модальной модели *велосипеда* для велосипедиста (1) и для человека, наблюдающего его движение со стороны (2), будет происходить разными путями: в одном случае определяющими будет моторное ощущение работы педалей, в другом – визуальный образ, в третьем – звук велосипедного звонка (например, для пешехода, которого велосипедист таким образом просит уступить дорогу) и т.п. Наглядный пример приводит В.В. Глебкин: «Ножницы в руках парикмахера и у ребенка на уроке труда будут вызывать различные семантические ассоциации и, следовательно, возбуждать различные перцептивные структуры, связанные с этим понятием» [5. С. 83].

В вербальных конструкциях актуализация модальной информации также происходит в контексте, более того, именно через контекст можно сделать акцент на ту или иную модальность, репрезентируемую представленным словом. Например, в уже рассмотренном слове «велосипед», содержащем целый комплекс сенсорных ощущений, при помощи контекстуального распространения можно актуализировать какую-то одну модальную составляющую: велосипед *прошумел* по мостовой (аудиальная модальность), *зеленый* велосипед (визуальная модальность) и т.п.

Д. Пичер, исследуя влияние контекста на восприятие слова, утверждает, что подобная актуализация

модального контекста способна провоцировать перенос «ведущей» модальности на следующие воспринимаемые слова: если реципиенту путем контекстного расширения сначала сделать акцент на один тип модальной информации («красная вишня»), то при восприятии следующего слова он автоматически будет настроен на визуальные характеристики репрезентируемого этим словом объекта (воспринимая слово «яблоко», он сначала актуализирует его цвет, например «зеленое яблоко»).

Выявленный эффект схож с *эффектом предшествования* (priming effect)²: предъявление контекстов, актуализирующих однотипную модальную информацию, повышает вероятность обращения к той же информации при восприятии следующего объекта.

Одним из эффективных методов изучения заключенной внутри слова перцептивной информации является поведенческий эксперимент. Безусловными его достоинствами являются возможность построения направленных экспериментов со сбором данных времени реакции и процента допускаемых ошибок при выполнении задания, а также обращение к методам математической статистики, что позволяет говорить о высокой степени верифицируемости полученных результатов и, следовательно, достоверности получаемых выводов. Недостатком подобного метода является ограниченность задачи (в отличие от традиционных интроспективных методов анализа, позволяющих путем анализа семантики слова и его реализации в различных контекстах выстраивать масштабную картину модальных компонентов конструкта).

Обращаясь к подобному методу исследования заключенной внутри слова модальной информации, Д. Пичер говорит об эффекте переключателя (switch) между модальностями. Для проведения эксперимента она использует слова, называющие объекты, которые совмещают в себе различный модальный и перцептивный опыт (например, *банан*). Каждое слово распространено до словосочетания, в котором прилагательное указывает на одну из модальностей (например, *банан: желтый* (визуальная модальность), *сладкий* (вкусовая), *мягкий* (тактильная) и др.). Исследователь устанавливает, что актуализация (через согласование с прилагательным) одной из модальностей в предшествующей пробе (trial) ускоряет обработку стимула соответствующей модальности в основной пробе. Например, если в предшествующей пробе респонденту предъявляется словосочетание «шуршащие листья» (*аудиальная* модальность актуализируется прилагательным «шуршащие»), он быстрее и вернее обработает следующее за ним словосочетание «громкий звук» в основной пробе, нежели если сначала ему будет предъявлено словосочетание «горькая клюква» (в этом случае происходит актуализация *вкусовой* модальности посредством согласования со словом «горькая»).

Наиболее широким спектром возможностей актуализации модальностей в контекстах (в отличие от других частей речи) в русском языке обладает *имя прилагательное* (ср. *шершавая / мягкая ягода, красная ягода, сладкая ягода* и т.п.), поскольку значение признака – основное категориальное значение указанной

части речи. Исследователи также указывают, что прилагательные не могут быть описаны без непосредственного обращения к *чувственному опыту человека*, следовательно, их связь с сенсомоторным опытом наиболее сильна [7]. Именно эта особенность имен прилагательных легла в основу выбора материала для исследования.

Очевидно, что не все прилагательные имеют связь с перцептивными каналами человека (напр., *абсурдный, конкретный, умозрительный, абстрактный* и т.д.). При этом прилагательные, тесно связанные с сенсомоторным опытом человека, как правило, репрезентируют не одну модальность восприятия. Вопрос заключается не только в количестве репрезентируемых именем прилагательным модальностей, но также в «степени, силе репрезентации». В данном случае показательны прилагательные типа «мокрый», актуализирующие параллельно несколько модальностей: тактильную (мокрый камень отличается от сухого *тактильно*), а также визуальную (мокрый камень *темнее* сухого).

Говоря о концептуальном знании, опосредованном модальностями, и о собственно модальных конструктах (симуляциях), Л. Барсалоу говорит об информации, заключенной *внутри* самого слова, репрезентирующего указанные конструкты. Информация о *перцептивном опыте* (например, опыт зрительного, вкусового, тактильного восприятия *банана*) хранится в долговременной памяти человека и актуализируется в момент прочтения слова (если речь идет о визуальном вербальном коде). Тот же спектр информации о модальном перцептивном опыте человека относительно этого объекта действительности (*банана*) актуализируется в случае, если человек услышит произнесенное кем-то слово «банан», если он увидит изображение банана на картинке и т.п. Иными словами, модальный конструкт, созданный на основе первоначального перцептивного опыта, относительно независим от канала репрезентации перцептивного символа (слова «банан»). Мы говорим *относительно независим* по двум причинам: во-первых, спектр актуализируемых модальных ассоциаций является контекстуально, ситуативно зависимым, о чем мы уже говорили выше. Во-вторых, на наш взгляд, должен существовать эффект, подобный эффекту переключателя (switch), только для *физической* и *семантической* модальности.

Однако тут необходимо понимать, что слово как объект восприятия человека совмещает в себе несколько особенностей. Во-первых, оно актуализирует разворачивание модального конструкта, составленного из ранее полученного перцептивного опыта восприятия предметов и явлений действительности. Во-вторых, в силу своей специфики слово само по себе может быть объектом восприятия двух модальностей: аудиальной (как последовательность звуков: [кн'и'тъ]) и визуальной (как последовательность графем: «книга»). В таком случае восприятие любого модального конструкта опосредовано восприятием слова (и, вероятно, не может не зависеть от его формы):

перцептивный канал → *форма слова* (аудиальная или визуальная) → *модальная симуляция (конструкт)*.

При анализе восприятия ментальных конструктов исследователями, как правило, выбирается одна форма существования слова (последовательность графем). Однако форма существования слова, на наш взгляд, должна оказывать существенное влияние на восприятие всего модального конструкта.

Теперь, говоря о *модальности*, мы будем разграничивать два существенных аспекта (см. рис. 1):

– *семантическая информация* о канале восприятия, содержащаяся в слове и актуализирующая перцептивный опыт человека, приобретенный им при восприятии объектов действительности и легший в основу формирования модальных конструктов (симуляций): например, слово «красный» актуализирует визуальный канал восприятия, так как цветовая гамма

может быть воспринята исключительно визуально и является зрительным опытом человека. Все то, о чем шла речь выше;

– *физическая модальность*, посредством которой в актуальный момент времени (например, при проведении эксперимента) происходит репрезентация и восприятие информации (тот канал восприятия, через который респонденты получают информацию, например аудиальный (через наушники) vs визуальный (на экране монитора)). Обусловлено это тем, что означающее языкового знака существует в двух формах. Само слово воспринимается как образ звучания – последовательности звуков – или визуальный образ – последовательность графических единиц.

Рис. 1. Связь физической и семантической модальностей

Наши предыдущие исследования [8–11] были сосредоточены преимущественно на изучении взаимодействия *физических перцептивных каналов* (зрение и слух) при восприятии вербальных стимулов, помещенных в условия модального конфликта. Респондентам необходимо было одновременно слушать слова, предлагаемые в наушниках, и читать слова, помещенные на экран монитора. Основные результаты, полученные в ходе подобных экспериментальных исследований, привели нас к выводу о существенном влиянии физических модальностей на восприятие слова.

Д. Пичер, говоря о выявленном ею эффекте переключателя (switch effect), анализирует информацию о модальном опыте, заключенную *внутри* перцептивного символа (в терминах Л. Барсалоу). Все словосочетания исследователь предлагает респондентам посредством *визуального канала восприятия* (на экране монитора). Поэтому можно говорить, что выявленный эффект справедлив для информации о перцептивном опыте человека, заключенной *внутри* слова в виде модальных конструктов, следовательно, эффект спра-

ведлив для слов, представленных в одной своей форме – как последовательности графем.

Схематично подобное взаимодействие можно изобразить следующим образом:

– Семантика → семантика (влияние семантики одного слова / словосочетания на восприятие другого слова / словосочетания).

– Семантика ↔ семантика (взаимовлияние семантики слов / словосочетаний).

Д. Пичер наглядно демонстрирует, что подобное влияние существует: актуализация определенной модальной семантики предшествующего слова вызывает актуализацию той же модальной семантики последующего слова.

Нам представляется интересным посмотреть на поведение модальной информации (речь идет о модальных конструктах, о которых подробно было сказано выше), транслируемой при помощи *разных* физических модальностей (в частности, аудиальной и визуальной одновременно), посредствующих восприятие информации через визуальную или графическую форму слова.

– Семантика $\leftrightarrow$ канал восприятия (существует ли связь между модальными конструктами и физической модальностью репрезентации?).

Любая информация о перцептивном опыте человека, которая ложится в основу формирования модального конструкта, связана, прежде всего, с физическим каналом восприятия: мы воспринимаем *желтый* цвет банана, продолговатую *форму* фрукта посредством *визуального* перцептивного канала и т.п. Следовательно, в условиях разноканального восприятия (если информация может предъявляться респонденту визуально, а может предъявляться аудиально) совпадение *семантической* и *физической* информации должно упрощать восприятие. Обработка слова «красный» предположительно будет происходить быстрее, если оно будет предъявляться в визуальном образе посредством *визуального* канала восприятия, нежели в звуковой форме, воспринимаемой посредством аудиального канала, потому что сенсомоторный опыт восприятия *цвета* связан прежде всего с визуальным опытом и потому актуализирует визуальный канал восприятия.

Это и составило *гипотезу* нашего исследования. Если предположить, что актуализация схожей модальной семантики (*красная* ягода (визуальная) и *желтый* лимон (визуальная)) влияет на появление эффекта переключателя (switch) в рамках *одной* перцептивной модальности (в случае, когда стимулы последовательно предъявляются визуально, т.е. предстают в одной своей форме: как последовательности графем), то при использовании *нескольких* перцептивных каналов восприятия словесного образа одновременно (аудиальная и визуальная) актуализация такой *семантической* информации в рамках уже *физического* канала восприятия должна ускорять восприятие указанной информации. Иными словами, *форма существования слова (аудиальная и визуальная) должна будет оказывать влияние на восприятие модальной семантики слова. В частности, слова с визуальной семантикой успешнее будут усваиваться в визуальной форме (средствами зрительного перцептивного канала), слова с аудиальной семантикой – в аудиальной форме (средствами аудиального перцептивного канала).*

Метод. Для проверки выдвинутой гипотезы был проведен психолингвистический эксперимент с использованием программного обеспечения E-Prime Software Psychological Tools 2.0, позволяющий фиксировать скорость времени реакции обработки стимулов и процент правильности выполнения задания.

В качестве *стимульного материала* использовались слова *визуальной семантики* (три лексико-семантические группы: 1) *названия цветов* (красный, синий, желтый, зеленый), 2) *названия внешних признаков человека* (лысый, усатый, чернобрый), а также 3) *описание формы предметов* (круглый, квадратный) и т.п.); слова аудиальной семантики (слова, содержащие *физические* (громкий, высокий), *гармонические* (одноголосый, многоголосый) характеристики звука, а также *описание голоса человека* (писклявый, гортанный, басистый) и т.п. Всего 80 слов.

Семантика каждого прилагательного проверялась в ходе психолингвистического эксперимента при помощи шкал Лайкерта с носителями языка.

Дизайн эксперимента, таким образом, представлял собой 2*2, где в качестве *независимых факторов* выступили:

1. *Физическая модальность* предъявления информации:

– визуальная (на экране слово воспринимается как последовательность графем);

– аудиальная (в наушниках слово воспринимается как последовательность звуков).

2. *Семантическая информация* об актуализируемой словом модальности:

– визуальная (слова с аудиальной модальной семантикой: *червен* – красный);

– аудиальная (слова с аудиальной модальной семантикой: *силен* – громкий).

В качестве *зависимой переменной* собирались данные *времени реакции* (RT).

Процедура эксперимента предполагала использование опосредованной задачи: респондентам требовалось определить, возможно ли предлагаемыми словами описать человека (в данном случае мы не снимали проблемы многозначности и метафорических наименований человека (красный человек, квадратный человек и др.), поскольку это никак не противоречило основным целям эксперимента).

Испытуемым следовало нажать клавишу «1», если хотя бы одно из пары слов, одновременно предлагаемых на экране и в наушниках, может быть использовано для описания человека, и клавишу «2» – если ни одно слово из пары не может быть использовано для описания человека.

Экспериментальная проба (trial) включала появление фиксационного креста на 500 мс, одновременное транслирование пары стимулов (один на экран, второй – в наушники) до нажатия респондентом клавиши «1» или «2», но не более чем на 5 000 мс и межпробный интервал (ITI) длиной в 500 мс.

В качестве **респондентов** выступили студенты различных факультетов Нового Болгарского университета (New Bulgarian University, Sofia, Bulgaria) в возрасте от 20 до 27 лет с нормальным либо скорректированным до нормального зрением и слухом. Эксперимент проводился на материале болгарского языка.

Данный эксперимент – один из серии двуязычных русско-болгарских экспериментов, предполагающих проведение методологически единых экспериментальных сессий на материале русского и болгарского языков, что позволит впоследствии сделать вывод о влиянии структурных особенностей языков на процессы бимодального восприятия и интерпретации информации.

В данный момент проводится репликация подобного эксперимента на материале русскоязычных стимулов с носителями русского языка.

Таким образом, в каждой *физической* модальности восприятия (визуальной, предъявляемой на экране монитора) и аудиальной (предлагаемой посредством

наушников, имеющих перекрывающую поверхность) были представлены две пары стимулов: актуализирующих семантическую *визуальную* и семантическую *аудиальную* информацию.

По мере предъявления пар на экране и в наушниках могло возникнуть несколько случаев *совпадения* и *несовпадения* физической (канала восприятия) и семантической модальностей соответственно:

1. Соответствие (match) канала восприятия и семантики: в случае, когда в *визуальном* канале восприятия предлагалась информация, актуализирующая *визуальную* информацию (напр., слово *червен* (красный) появляется на экране), либо аналогичный случай для аудиального канала (*силен* (громкий) в наушниках).

2. Несоответствие (mismatch) канала восприятия и семантики: в случае, когда в *визуальном* перцептивном канале предлагалась информация, актуализирующая *аудиальную* природу (напр., слово *силен* (громкий) появляется на экране), аналогичный случай для аудиального канала (*червен* (красный) в наушниках).

Поскольку дизайн эксперимента предполагает параллельное предъявление стимулов на экране и в наушниках, наиболее наглядно весь спектр типов пар стимулов можно представить следующим образом (таблица).

Типы пар стимулов

Стимулы, предъявляемые визуально (на экране)	Стимулы, предъявляемые аудиально (в наушниках)
Соответствие визуальное червен (красный)	Соответствие аудиальное силен (громкий)
Соответствие визуальное червен (красный)	Несоответствие аудиальное жълт (желтый)
Несоответствие визуальное силен (громкий)	Соответствие аудиальное звънене (звонкий)
Несоответствие визуальное силен (громкий)	Несоответствие аудиальное червен (красный)

В соответствии с выдвинутой гипотезой мы предположили, что в случаях «соответствия» канала (вербального образа) и семантики время обработки стимула будет сокращаться, при этом в случаях «несоответствия» канала (вербального образа) и семантики время обработки стимула будет увеличиваться, т.е.:

1. Соответствие канала и семантики: респондент будет эффективнее обрабатывать слово с визуальной семантикой (например, *червен* (красный)), если оно будет иметь визуальную, графическую форму (т.е. транслироваться посредством зрительного канала восприятия). А также респондент будет эффективнее обрабатывать слово с аудиальной семантикой (например, *силен* (громкий)), если оно будет иметь аудиальную форму (т.е. транслироваться посредством аудиального канала).

2. Несоответствие канала и семантики: респондент будет менее эффективно обрабатывать слово с аудиальной семантикой (например, *силен* (громкий)), если оно будет иметь визуальную, графическую форму (т.е. транслироваться посредством зрительного канала восприятия). А также респондент будет менее эффективно обрабатывать слово с визуальной семан-

тикой (например, *червен* (красный)), если оно будет иметь аудиальную форму (т.е. транслироваться посредством аудиального канала)

Анализ результатов. Перед анализом все данные усреднялись, проверялись на наличие нормального распределения, а также обрезались более чем на два стандартных отклонения от значения среднего.

Статистический анализ (two-way ANOVA) данных по фактору времени реакции (RT) выявил следующие интересные закономерности.

1. Главный эффект для визуальной модальности. Анализ главного эффекта по фактору соотношения семантической и физической модальности (канала и семантики) для случаев предъявления стимулов на экране выявил наличие статистически значимого ($p < 0,01$) эффекта: в случае, когда на экране появляется стимул (стимул предъявляется в графической форме, воспринимаемой через визуальный канал), информативно актуализирующий визуальную модальность (напр., слов *червен* (красный)), обработка происходит быстрее, нежели в случае со стимулами, актуализирующими аудиальную модальность (напр., слово *силен* (громкий)) (см. рис. 2). Данный вывод согласуется с выдвинутой в начале исследования гипотезой.

2. Эффекты аудиальной модальности. Для аудиальной модальности (в случае, когда стимулы предъявляются в аудиальной форме, в виде последовательности звуков: *силен*, *червен* и т.п.) статистически значимых эффектов обнаружено не было, за исключением явления намечающейся интерференции.

Если для *визуальной модальности* ускорение обработки стимулов происходит в случаях *соответствия* формы слова (визуального образа) и семантики заключенного в нем модального конструкта (например, на экране появляется слово *червен* (красный)), то в *аудиальной модальности* ускорение обработки стимулов происходит в обратном случае: при *несоответствии* формы слова (звуковой оболочки слова, воспринимаемой посредством аудиального канала восприятия) и семантического конструкта (напр., в случае, если в наушниках звучит слово *червен* (красный)).

3. Интеракция между анализируемыми факторами. На графике (рис. 3) хорошо видно соотношение указанных явлений между собой. В данном случае следует напомнить условия процедуры проведения эксперимента, предполагавшей *одновременное* предъявление стимулов на экране и в наушниках.

Помимо уже обозначенного главного эффекта для визуальной модальности (см п. 1), предполагающего сокращение времени обработки стимулов при совпадении визуальной семантики и формы слова (канала и семантики), мы можем наблюдать еще один интересный эффект.

Напоминаю, что для каждого случая *несоответствия в визуальной модальности* (слово *силен* (громкий) на *экране*) может быть два случая в аудиальной модальности так, чтобы получились пары (см. рис. 3):

– А – несоответствие визуальное (*силен* (громкий) на экране) + несоответствие аудиальное (*червен* (красный) в наушниках);

– Б – несоответствие визуальное (*силен* (громкий) на экране) + соответствие аудиальное (*силен* (громкий) в наушниках).

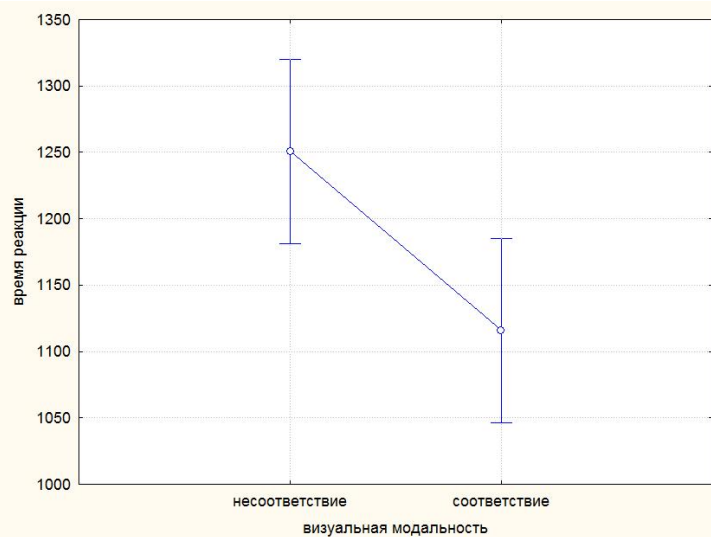

Рис. 2. Главный эффект для визуальной модальности

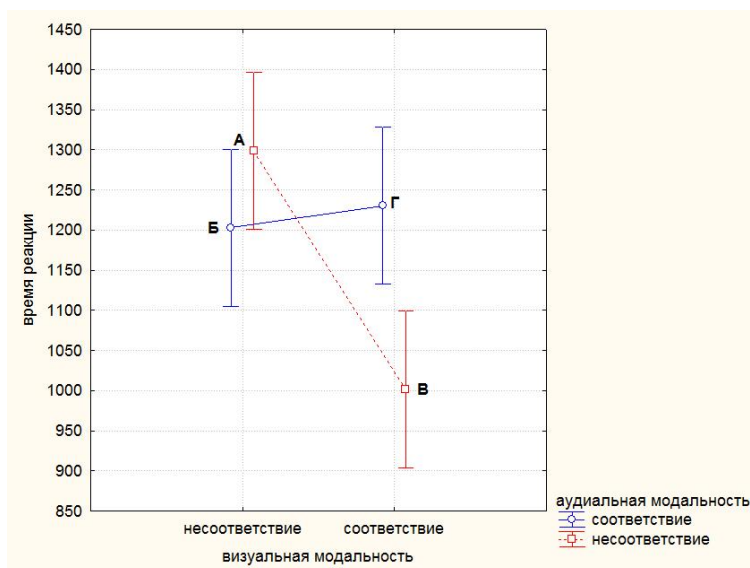

Рис. 3. Соотношение факторов физической и семантической модальностей

Для каждого случая **соответствия в визуальной модальности** (*червен* (красный) на экране) может быть, соответственно, два случая в аудиальной модальности:

– В – соответствие визуальное (*червен* (красный) на экране) + несоответствие аудиальное (*червен* (красный) в наушниках);

– Г – соответствие визуальное (*червен* (красный) на экране) + соответствие аудиальное (*силен* (громкий) в наушниках).

Анализ показывает, что в случаях **несоответствия для визуальной модальности** (случаи А и Б) мы не можем говорить о наличии статической разницы между обработкой аудиальных стимулов (следовательно, о каком-либо влиянии физической аудиальной модальности на визуальную).

В случаях **соответствия в визуальной модальности** (случаи Г и В) появление дистракторной аудиальной информации существенно сокращает время обработки стимула по сравнению с идентичной информацией. То есть если на экране появляется слово *червен* (красный), то обработка его будет идти успешнее (быстрее) в том случае, если в этот момент в наушниках появится слово также визуальной семантики (например, *жълт* (желтый)). Обработка того же слова *червен* (красный) будет затруднена, если одновременно с этим в наушниках появится слово аудиальной семантики (например, *силен* (громкий)).

Похожий эффект наблюдается и в противоположных случаях (случаи А и Б): когда на экране появляется слово аудиальной семантики (например, слово *силен* (громкий)), параллельно звучащее в наушниках

слово *звънене* (звонкий) сокращает время реакции, а параллельно звучащее слово *червен* (красный) – увеличивает его. Однако о статистической значимости этих случаев говорить не приходится.

Выводы:

1. Взаимодействие формы слова (канала восприятия) и модальной информации. На основании проведенного эксперимента и анализа полученных данных можно говорить о том, что первоначальная гипотеза о влиянии формы существования слова на успех восприятия семантической информации, заложенной в самом слове и актуализирующей ту или иную модальность восприятия, подтвердилась.

Наличие на экране слова (визуальный перцептивный канал), описывающего внешние характеристики объектов и предметов действительности, воспринима-

емые человеком посредством визуальной модальности (например, цвета или очертания объектов), существенно сокращает обработку этих стимулов по сравнению со стимулами, характеризующими явления аудиальной природы. То есть слова, имеющие визуальную семантику (*красный, желтый, лысый, круглый*), успешнее усваиваются в графической форме посредством визуального канала восприятия, нежели слова, имеющие аудиальную семантику (*громкий, писклявый*).

2. Межканальное взаимодействие. Мы можем говорить о том, что подобная детерминация свойственна и для условий межканального соотношения. Появление в слуховом канале слова визуальной семантики (все того же наименования цвета, например) катализирует усвоение информации, получаемой посредством визуального канала восприятия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Термин «концепт» является одним из наиболее употребительных и вместе с тем наименее четко дефинированным термином в российской лингвистике. Проблема терминологического разграничения можно посвятить отдельное исследование, однако в данном случае терминологические тонкости не имеют принципиального значения для понимания основного предмета описания статьи. Под термином «концепт» мы подразумеваем динамический ментальный конструкт (включающий эмоциональный и др. компоненты), частью которого, помимо прочего, являются и «мультимодальные симуляции» (в терминах Л. Барсалоу), отражающие опыт сенсомоторного взаимодействия человека с предметами и явлениями действительности (см., например, [6. С. 90]). Придерживаясь точки зрения о наличии различий в терминах «понятие» и «концепт», в рамках данной статьи мы употребляем их как синонимические.

² Прайминг определяется как «изменение способности опознать или извлечь из памяти объект в результате особой предшествующей встречи с этим объектом» [12]. В данном случае имеется в виду, что актуализация модальной информации одного объекта провоцирует смещение фокуса внимания на схожую модальную информацию следующего в очереди объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience. Cambridge MA : MIT Press, 1991. 328 с.
2. Pecher D. Sensorimotor simulations underlie conceptual representations: Modality-specific effects of prior activation // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2004. Vol. 11 (1). P. 164–167.
3. Barsalou L.W. Perceptual symbol systems // *Behavioral and Brain Sciences*. 1999. № 22. P. 577–660.
4. Pecher D. Verifying different-modality properties for concepts produces switching costs // *Psychological science* 2003. Vol. 14, No. 2. P. 119–124.
5. Глебкин В.В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. 256 с. (Humanitas).
6. Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001. С. 90.
7. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка : лингво-психологический словарь / Ин-т психологии РАН. М. : Языки славянских культур, 2010. 368 с.
8. Некрасова Е.Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 378. С. 45–48.
9. Некрасова Е.Д. Влияние межмодального конфликта на восприятие вербальных стимулов // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 392. С. 21–26.
10. Некрасова Е.Д. Полимодальное восприятие вербальных стимулов в условиях конфликта модальностей (экспериментальное исследование) // Шестая международная конференция по когнитивной науке : сб. докл. Калининград : БФУ, 2014. С. 441–443.
11. Резанова З.И., Некрасова Е.Д. Влияние грамматической категории рода на бимодальное восприятие имен существительных болгарского языка // *Русин*. 2015. № 3 (41). С. 241–255.
12. Фаликман М.В. Прайминг и прайминг-эффекты (эффекты предшествования). The virtual CogLab. URL: <http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html>

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 ноября 2015 г.

THE SEMANTICS OF WORDS AND A PERCEPTIVE CHANNEL: THE IMPACT OF SENSOMOTOR EXPERIENCE ON THE PERCEPTION OF WORDS

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 10–17. DOI: 10.17223/15617793/402/2

Nekrasova Elena D. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: NekrasovaED@yandex.ru

Keywords: cognitive linguistics; embodied cognition; modal correspondence; psycholinguistic experiment; reaction time; modality.

The article describes the main results in the field of interaction between word semantics and perception channels (the physical form of the word). The word is an object of the two modalities. Therefore, the word can have two forms of physical existence: the auditory shell (the word as a sequence of sounds) and the visual shell (the word as a sequence of graphs). Any word mediates the perception of a semantic multimodal simulation (in terms of L. Barsalou). A multimodal simulation is a mental construct that contains information about modalities that help to perceive certain objects or phenomena of reality. The word semantics is investigated on the material of Bulgarian adjectives containing information about modality. For example, “cherven” is “red”, “silen” is “loud”, etc. The author suggests that a semantic modal simulation is mediated by word perception. The word has two forms of existence: auditory and visual. A person can perceive the word through two sensory channels: visual and auditory. The basis of the study is a

hypothesis that the form of word existence (and, therefore, the channel of perception) will affect the perception of words with auditory or visual semantics. Words with visual semantics (“cherven” – “red”) will be more successfully (faster) acquired if they are perceived through the visual perceptual channel. Words with auditory semantics (“silen” – “loud”) will be successfully acquired if perceived through the auditory perceptual channel. A behavioral RT-experiment is being conducted to test this hypothesis. The experiment involves parallel bimodal presentation of words with visual and auditory semantics. Some of the words are given on the screen, the others in the headphones. The hypothesis was confirmed for the visual modality. Words with visual semantics (red, yellow, bald, round) are better perceived in their graphical form through the visual channels of perception, unlike words with auditory semantics (loud, squeaky). Such a determination is typical for the conditions of the interchannel correlation. The appearance of words with visual semantics in the auditory channel (names of colors, for example) catalyzes the perception of information received through visual channels of perception.

REFERENCES

1. Varela, F.J., Thompson, E. & Rosch, E. (1991) *The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience*. Cambridge, MA: MIT Press.
2. Pecher, D. (2004) Sensorimotor simulations underlie conceptual representations: Modality-specific effects of prior activation. *Psychonomic Bulletin & Review*. 11 (1). pp. 164–167. DOI: 10.3758/BF03206477
3. Barsalou, L.W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*. 22. pp. 577–660.
4. Pecher, D. (2003) Verifying different-modality properties for concepts produces switching costs. *Psychological Science*. 14 (2). pp. 119–124.
5. Glebkin, V.V. (2012) *Leksicheskaya semantika: kul'turno-istoricheskiy podkhod* [Lexical Semantics: a cultural-historical approach]. Moscow: Tsentr humanitarnykh initsiativ.
6. Zalevskaya, A.A. (2001) *Tekst i ego ponimanie* [Text and its understanding]. Tver: Tver State University.
7. Kolbeneva, M.G. & Aleksandrov, Yu.I. (2010) *Organy chuvstv, emotsii i prilagatel'nye russkogo yazyka: lingvo-psikhologicheskii slovar'* [Senses, emotions and adjectives of the Russian language: a linguistic and psychological dictionary]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
8. Nekrasova, E.D. (2014) On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 378. pp. 45–48. (In Russian).
9. Nekrasova, E.D. (2015) The influence of intermodal conflict on perception of verbal stimuli. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 21–26. (In Russian).
10. Nekrasova, E.D. (2014) [Multimodal perception of verbal stimuli in conflict modalities (experimental research)]. *Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoy nauke: sbornik dokladov* [The Sixth International Conference on Cognitive Science: collection of reports]. Kaliningrad. 23–27 June 2014. Kaliningrad: Baltic Federal University. pp. 441–443. (In Russian).
11. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2015) The Influence of Grammatical Gender on the Bimodal Perception of Bulgarian Nouns. *Rusin*. 3 (41). pp. 241–255. (In Russian).
12. Falikman, M.V. (n.d.) *Prayming i prayming-effekty (effekty predshestvovaniya)* [Priming and priming effects (effects of precedence)]. [Online]. Available from: <http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html>

Received: 27 November 2015

ИСТОРИЯ

УДК 930.1(574)(092)

М.О. Абсеметов

ВКЛАД АКАДЕМИКА А.М. ПАНКРАТОВОЙ В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ КАЗАХСТАНА

В начале 40-х годов XX столетия в СССР была предпринята попытка написать историю Казахстана с древнейших времен до первых дней Великой Отечественной войны. Показана деятельность творческого коллектива по написанию основных разделов учебника, особенно при раскрытии национально-освободительного движения казахского народа. Проанализирована роль академика Анны Михайловны Панкратовой как главного научного редактора учебника по истории Казахстана.

Ключевые слова: А.М. Панкратова; Кенесары Касымов; История Казахской ССР; Институт истории Академии наук СССР.

Первой крупной работой в исторической науке СССР, появившейся в разгар Великой Отечественной войны, стала «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» под редакцией академика Анны Михайловны Панкратовой [1], находившейся вместе с группой специалистов Института истории АН СССР в эвакуации в Алма-Ате. Это был первый в советской исторической науке опыт обобщения истории в масштабе союзной республики с древнейших времён до начала Великой Отечественной войны. В условиях сурового военного времени, идеологического прессинга, спорности многих вопросов такая работа имела огромное значение. В авторском коллективе были А. Баевский, Е. Бекмаханов, А. Бернштам, М. Вяткин, Б. Греков, Н. Дружинин, Н. Тимофеев, А. Якунин, М. Ауэзов, Е. Исмаилов, С. Муканов и др. А.М. Панкратова, кроме руководства, написания отдельных глав и редактирования книги, выступила с обобщающей статьёй.

«История Казахской ССР» была задумана и начата в 1942 г. Алма-Атинской группой Института истории Академии наук СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук. Идея написания книги не вызвала возражений ученых, ориентированных на познание и переоценку малоисследованных проблем. В то же время определились острые противоречия в содержательной сути и научной направленности нового проекта, в реализации которого принимали участие 33 ученых. В основном они представляли московскую, ленинградскую и Алма-Атинскую академические школы. По мнению членов редколлегии, их коллективная работа являлась обобщением исторического опыта русско-казахского взаимодействия в борьбе против царизма [2. С. 83]. Написанная этим коллективом «История Казахской ССР» тщательно и всесторонне обсуждалась в течение двух месяцев на специальных редакционных совещаниях, организованных при отделе пропаганды и агитации ЦК КП (б) Казахстана. В результате этого обсуждения в книгу были внесены значительные изменения, исправления и дополнения. Книга вышла под общей редакцией секретаря ЦК КП (б) Казахстана по пропаганде М. Абдыкалыкова и А.М. Панкратовой. Общий объём книги составил 42 печатных листа. Она снабжена картами,

схемами и иллюстрациями документального и художественного характера [3. С. 19].

Сам факт подготовки и издания этой работы характеризовал уверенность правительства и академических ученых в победе Советского Союза над Германией. Содержательная основа крупнейшего издания формировалась под влиянием исторического анализа предшествующих исторических событий, завершившихся Октябрьской революцией, которая ставилась как веха в становлении эпохи равенства и благоденствия проживающих в едином государстве многочисленных народов. Поэтому сам факт написания исторического издания свидетельствовал о признании формирования нового советского общества. В этом обществе формировалась идеология объединяющего патриотизма, основанного, прежде всего, на взаимном уважении и признании национальных прав и заслуг. Общественный долг ученых заключался в подготовке фундаментального труда с соблюдением этих общественных, гражданских принципов. Так, соратник А.М. Панкратовой академик А.М. Дружинин отмечал в своих воспоминаниях: «По нашему мнению, нужно было освещать героическое прошлое не только русского, но и казахского народа, среди которого мы жили и с которым дружно работали» [4. С. 29].

По окончании работы над книгой между учеными начались прения по некоторым моментам национально-освободительного движения. Представители казахстанской группы в составе писателя Г. Мусрепова, Е. Исмаилова, Х. Айдаровой, М. Маргулана и московских ученых М.У. Шаца, С.Л. Фукса, С.В. Юшкова критически оценили освещение в книге истории национально-освободительного движения казахов царского периода. По мнению Г. Мусрепова, ряд узловых моментов национально-освободительных движений был недостаточно освещен, а восстание 1916 г., с его точки зрения, рассматривалось как стихийное крестьянское движение, лишённое конечной цели. Много замечаний было высказано по написанию главы о движении Кенесары Касымова и Срыма Датова. Разработчик главы о движении Кенесары М.П. Вяткин считал эти выступления байскими и националистическими и привел доводы в пользу своей версии. Е. Бекмаханову было поручено переработать данную главу с позиций признания этих выступ-

лений частью национально-освободительной борьбы казахского народа против царизма. Впоследствии концепция Е. Бекмаханова получила поддержку большинства авторов и одобрение руководящих органов республики. В дальнейшем в процессе редактирования эта глава вошла в утвержденный текст книги. Немало дискуссий было проведено по проблеме образования Казахского ханства и его дальнейшей истории.

К лету 1942 г. рабочая группа завершила первоначальный вариант «Истории Казахской ССР». В его обсуждении принимали участие А.М. Панкратова и директор Института истории Б.Д. Греков [4. С. 30].

Характерно, что в редакции книги непосредственное участие принимал секретарь ЦК КП (б) Казахстана по идеологии М. Абдыхалыков, который был включен в авторский коллектив. В процессе обсуждения некоторые составители книги, в частности А.П. Кучкин и Н.Т. Тимофеев, высказались о необходимости написать имена только ответственных редакторов в списке авторов. А.М. Панкратова выступила против этой инициативы и предложила перечислить фамилии всех авторов и редакторов, принимавших участие в составлении учебника [5. С. 62].

Через год московская группа историков по завершении проекта вернулась в Москву. Необходимо отметить, что республиканские власти по достоинству оценили проведенную москвичами работу. В воспоминаниях Н.М. Дружинина отмечено, что «в знак благодарности все ученые награждались благодарственными грамотами республиканского правительства» [4. С. 30]. По представлению республиканского руководства А.М. Панкратова получила звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР. В тот период признавалось, что именно разработка А.М. Панкратовой и ее товарищей представляла собой первый проект написания истории отдельной республики.

В 1943 г. «История Казахской ССР» была представлена на соискание Сталинской премии. Ученому А.И. Яковлеву поручалось написать рецензию на авторский труд, который выдвигался на номинацию. Яковлев в целом дал благоприятную оценку. Тем не менее он выдвинул ряд принципиальных соображений, в которых высказал свое несогласие по ряду изложенных в работе положений. Например, он поддерживал точку зрения авторов, по его мнению, не проводивших четкой дифференциации между царской колониальной политикой и агрессивными планами кокандцев и хивинцев. Он критически оценивал особую роль казахского сопротивления имперскому режиму, на исторической роли которой акцентировали свое внимание авторы. Яковлев в резюмирующей части рецензии высказал свое предположение о том, что авторам не хватает благожелательности к внутренней имперской политике и в целом к самому русскому народу [6. С. 359].

Вероятнее всего, рецензия Яковлева сыграла роковую роль при номинации книги на Сталинскую премию. Несогласные с рецензией Яковлева по принципиальным позициям А.М. Панкратова и ее коллеги в конце 1943 г. направили протестное письмо руководителю исторической секции комитета по Сталинским премиям В.П. Потемкину.

Авторы письма искренне настаивали на патристической направленности академического издания. В письме откровенно прозвучала мысль о том, что эта книга является коллективным вкладом в дело мобилизации всех ресурсов в защите единой Родины, так как ее содержательная часть направлена на подъем боевого духа граждан республики. А.М. Панкратова актуализировала описание значения антиколониальных восстаний в регионе. А.М. Панкратова критически оценила утверждение Яковлева о провозглашаемой в книге позиции межнационального сглаживания казахов и русских. Она высказала мысль о невнимательном прочтении Яковлевым исторического сюжета взаимопомощи русских и казахов в период восстания Пугачева и национальных движений в регионе. Панкратова подчеркивала противостояние рецензии Яковлева официальному внутриполитическому курсу в государстве: «...ибо она наносит удар дружбе народов, лишает... народы СССР их боевых традиций и героев и даже их права на свою историю» [5. С. 69].

Возможно, Потёмкин и читал письмо Панкратовой и её коллег, однако он не предпринял никаких шагов, чтобы вернуть книгу в список номинантов на получение Сталинской премии. Огорчённая таким решением А.М. Панкратова в начале 1944 г. обратилась в Агитпроп к Александрову и Федосееву с просьбой о повторном рецензировании книги. Отказ Александрова прозвучал следующим образом: «1) Книга антирусская, т.к. симпатии авторов на стороне восставших против царизма; 2) Книга написана без учёта того, что Казахстан стоял вне истории и что Россия поставила его в ряд исторических народов» [6. С. 347]. Возмущенная позицией Александрова А.М. Панкратова обратилась к Жданову. Основываясь на документальных источниках и материалах, она доказывала руководству Агитпропа и некоторым ведущим ученым правомочность представленных в работе выводов и умозаключений.

Панкратова настаивала, что книги, подобные «Истории Казахской ССР», способны объяснить реальную сущность царского колониализма и боевых традиций нерусских народов и в то же самое время они способствуют «дружбе народов, уважению и любви к великому русскому народу». А.М. Панкратова обращалась к Жданову с просьбой изменить решение Александрова. Согласно ее мнению непредставление книги на получение Сталинской премии могло способствовать негативной реакции и разочарованию в Казахстане, т.е. «вызовет глубокую обиду руководителей Казахской республики» [Там же. С. 345].

Авторов учебника обвиняли в том, что книга написана в отрыве от всемирной истории. В ней присутствуют элементы идеализации истории Казахстана, а создатели книги смотрят на события в Степи сквозь «казахские очки». К.С. Бушуев прямо заявил, что «История Казахской ССР» – книга антирусская, так как идеализирует национальные восстания против России.

Известны и другие отзывы на книгу. Начало очернительной кампании против «Истории Казахской ССР» положила рецензия М. Морозова «Об «Истории

Казахской ССР», опубликованная в главном печатном журнале партии «Большевик» в 1945 г. [7. С. 74–80]. Следует отметить, что в начале рецензент отметил положительные моменты «Истории Казахской ССР»: «Создание труда по истории казахского народа предпринимается впервые. Рецензируемая книга является также первой попыткой систематического марксистского освещения истории одного из народов Советского Востока. Это определило её исключительный научный интерес и налагало особую ответственность на авторский коллектив и редакторов. Авторы немало поработали над источниками, собрали большой, не изученный ранее документальный материал, сделали попытку систематизировать фактические данные по истории Казахстана с древнейших времён до наших дней <...> Положительным фактом является исследование национально-освободительных движений в Казахстане; в книге приводится большой материал по этому вопросу. Правильно и полно показано движение, которым руководил Амангельды Иманов <...> Хорошо, доходчивым, популярным языком написан раздел книги, посвящённый советскому периоду истории Казахстана... Книга рассказывает о богатом народном творчестве казахов, о лучших писателях, поэтах и учёных Казахстана, вскрывает их исторические связи с передовой русской и украинской культурой, показывает расцвет культуры казахского народа за годы советской власти» [7. С. 74]. Но затем М. Морозов подверг яростной критике содержание учебника, отметив, что при всех положительных моментах рецензируемой работы составители её всё же не дали марксистского освещения истории казахского народа в целом, допустили ошибки в изложении многих важнейших проблем истории Казахстана.

По его мнению, при составлении книги была применена порочная методология в освещении вопросов присоединения Казахстана к России и национально-освободительных движений в Казахстане. Книга названа порочной, так как страдает односторонностью и её авторы неправильно подошли к исследованию историю казахского народа.

«Коренной порок книги заключается в одностороннем, неправильном подходе к исследованию истории Казахской ССР. Основным требованием исторического материализма, как известно, является изложение истории народов с точки зрения развития классов и классовой борьбы. Эту точку зрения составители книги почему-то подменили другой установкой. Они представили историю казахского народа исключительно как процесс формирования боевых традиций борьбы казахов за свою независимость. Рассматривая историю Казахстана только под углом зрения борьбы казахов за свою независимость, составители книги, по существу, не дали надлежащего анализа развития экономических, общественных и политических отношений у казахов, хотя попытки дать такой анализ в «Истории Казахской ССР» имеются...» [Там же. С. 76].

Разгромная рецензия М. Морозова послужила своеобразным толчком к выходу подобных статей в различных республиканских и союзных печатных изданиях в 1945–1951 гг. В соответствии с директи-

вами из Москвы 14 августа 1945 г. ЦК КП (б) Казахстана принял постановление «О подготовке второго издания “Истории Казахской ССР”, в котором должны быть учтены все критические замечания, сделанные в адрес первого издания книги. ЦК КП (б) Казахстана признал необходимым в сентябре 1945 г. рассмотреть проспект второго издания “Истории Казахской ССР”. Подготовку второго издания “Истории Казахской ССР” ЦК возложил на Институт истории и этнографии КазФАН. ЦК обязал руководство КазФАН (тов. Сатпаев) укрепить институт ...квалифицированными кадрами и принять все меры к организации научной разработки истории Казахстана, особенно её советского периода» [8. С. 51].

Таким образом, перед казахстанскими историками была поставлена большая научная задача – в краткие сроки пересмотреть все дискуссионные моменты первого издания «Истории Казахской ССР» и приступить к разработке второго издания. «Необходимо, чтобы историки, литераторы, все работники идеологического фронта при освещении исторических проблем руководствовались бы решением ЦК КП (б). К по вопросу о первом издании и подготовке второго издания “Истории Казахской ССР”» [9. С. 34].

Второе издание учебника вышло в свет в 1949 г. под общей редакцией И. Омарова и А.М. Панкратовой. Таким образом, и второе издание «Истории Казахской ССР» было осуществлено под непосредственным руководством академика А.М. Панкратовой, которая приложила весь свой научный потенциал, неутомимую энергию в дело освещения истории казахского народа, несмотря на идеологический пресинг со стороны партийного руководства.

В газете «Правда» (26 декабря 1950 г.) широкий резонанс получила статья Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой, А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана». В ней, в частности, акцентировалось внимание на том, что «Советские историки призваны освещать историю национальных движений глубоко и правдиво. Это значит подходить к историческим фактам с марксистско-ленинских позиций. К сожалению, ещё не все научно-исследовательские работы отвечают этим требованиям. В частности, серьёзными методологическими ошибками, которые ведут к извращению исторических фактов, страдают некоторые книги по истории Казахстана» [10].

Академик А.М. Панкратова вынуждена была отказаться от своей точки зрения, которую она отстаивала по завершении работы над первым изданием учебника в ходе жарких дискуссий по номинированию книги на Сталинскую премию. «А.М. Панкратова признаёт своей основной ошибкой то, что она считала факт участия в движении народных масс с освободительными лозунгами явлением, определяющим характер движения» [11. С. 196]. Ей ничего не оставалось, как согласиться с господствующей идеологией марксизма-ленинизма в освещении истории народа «в свете тех национальных проблем, которые стояли перед угнетёнными народами, но и в свете развития классов и классовой борьбы» [11. С. 196]. Это было озвучено

на заседании Учёного совета Института истории АН СССР, посвящённом обсуждению в «Правде» статьи «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории» (авторы Г. Шоинбаев, Х. Айдарова, А. Якунин), которое состоялось 21 февраля 1951 г. В частности, А.М. Панкратовой было отмечено, что «первый том, вышедший в 1943 г., писался в 1941–1942 гг., в условиях Великой Отечественной войны, и был первым опытом по истории не только Казахстана, но и других национальных республик» [Там же]. В книге были даны неправильная периодизация и неправильная оценка движения Кенесары Касымова, что нашло своё отражение в работе Бекмаханова и во втором издании «Истории Казахской ССР».

Необходимо отметить, что несмотря на все организационные сложности и идеологический прессинг в ходе работы над первым и над вторым академическими изданиями «Истории Казахской ССР», Анна Ми-

хайловна Панкратова горячо отстаивала свои позиции и всячески поддерживала научные изыскания казахских учёных. Примечательно, что в 2011 г. «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней» (издание 1943 г.) была переиздана фондом имени Болатхана Тайжана [12]. Безусловно, данный факт является своеобразной данью уважения и почтения памяти не только выдающегося академика Анны Михайловны Панкратовой, но и всех учёных, работавших над созданием первого академического учебника по истории республики, ставшего своеобразным образцом, отправной точкой в дальнейшем написании последующих учебников по истории бывших союзных республик, а также примером для создания учебников по истории стран постсоветского пространства после обретения ими независимости. Новые поколения учёных-историков глубоко ценят труды и заслуги академика А.М. Панкратовой перед казахским народом.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней / под ред. М. Абдыкалыкова, А. Панкратовой. Алма-Ата : КазОГИЗ, 1943. 656 с.
2. Козыбаев И.М. Историография Казахстана: уроки истории. Алма-Ата : Рауан, 1990.
3. Панкратова А.М. Основные вопросы истории Казахской ССР (К выходу в свет книги «История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней») // Большевик Казахстана. 1943. № 10.
4. Дружинин Н.М. Труд и быт эвакуированных историков в 1941–1943 гг. // В годы войны. Статьи и очерки / отв. ред. акад. А.М. Самсонов. М. : Наука, 1985.
5. Письма Анны Михайловны Панкратовой // Вопросы истории. 1988. № 11.
6. Бранденбергер Д.Л. «Выдвинуть на первый план мотив русского национализма»: споры в сталинских идеологических кругах, 1931–1945 гг. (статья переработана из главы монографии: Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм: сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956): дополненное издание с авторизованным переводом Н. Алёшиной и Л. Высоцкого. СПб. : Академический проект / ДНК, 2009) // Государство наций: империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М. : РОССПЭН, 2011.
7. Морозов М. Об «Истории Казахской ССР» // Большевик. 1945. № 1–12.
8. О подготовке 2-го издания «Истории Казахской ССР» // Большевик Казахстана. 1945. № 6 (июнь).
9. Выше уровень идеологической работы // Большевик Казахстана. 1946. № 1 (январь).
10. Шоинбаев Т., Айдарова Х., Якунин А. За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана // Правда. 1950. 26 декабря.
11. В отделе истории и философии Академии наук СССР (обсуждение опубликованной в «Правде» статьи Т. Шоинбаева, Х. Айдаровой и А. Якунина «За марксистско-ленинское освещение вопросов истории Казахстана») // Известия Академии наук СССР. Сер. История и философия. 1951. № 2.
12. История Казахстана (История Казахской ССР с древнейших времён до наших дней. Издание 1943 года). 3-е изд. Алматы : Printexpress, 2011. 702 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 ноября 2015 г.

ACADEMICIAN A.M. PANKRATOVA, A RESEARCHER OF THE HISTORY OF KAZAKHSTAN

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 18–22. DOI: 10.17223/15617793/402/3

Absemetov Marat O. National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Kazakhstan). E-mail: m.absemetov@gmail.com

Keywords: A.M. Pankratova; Kenesary Kasymov; history of Kazakh SSR; Institute of History of the Academy of Sciences of USSR.

Pankratova Anna M. (1897–1957) is a Soviet historian, public figure, Academician of the Academy of Sciences of the USSR (1953), Honored Scientist of the Kazakh SSR (1943), a member of several foreign academies of sciences. In 1917, she graduated from the Faculty of History of the University of Odessa, and in 1927, from the Institute of Red Professors. She taught at the Academy of Communist Education, Comvuz (Communist higher educational institution). She headed the History Department of Moscow and Saratov State Universities, Moscow State Pedagogical Institute named after Lenin and Academy of Social Sciences of the Central Committee of CPSU. She worked as the Head of a sector and the Deputy Director of the History Institute in 1953–1957, and the Chief Editor of the *Voprosy istorii* journal. She is the author of nearly 200 research papers on the history of the working class and the revolutionary movement, the head of multi-volume documentary publications on the working class and the revolution of 1905–1907. As a member of the Communist Party she took an active part in social work. At the XIX and XX Congresses of the CPSU she was elected to the Central Committee, she was a deputy of the Supreme Soviet of the 4th convocation, a member of the Presidium of the Supreme Soviet. In the 1930s, she had a good relationship with historians S.D. Asfandiyarov, M.D. Vyatkin, who studied the history of Kazakhstan. During the Second World War, she was evacuated to Alma-Ata with specialists of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. Under her leadership, researchers-historians from Moscow, Leningrad and Alma-Ata started writing *The History of the Kazakh SSR*. In the Soviet historical science it was the first experience of generalization of history in the scale of a Union Republic from the earliest times to the early years of the Second World War. During the harsh wartime, with ideological pressure and with many contentious issues, this work was of great importance. The authors were A. Baevskiy, E. Bekmahanov,

A. Bernshtam, M. Vyatkin, B. Grekov, N.M. Druzhinin, N. Timofeev, A. Yakunin, M. Auezov, E. Ismailov, S. Mukanov and others. *The History of the Kazakh SSR* was carefully and comprehensively reviewed at special editorial meetings organized under the Propaganda Department of the CC of Kazakhstan CP. The result of this review was significant changes, corrections and additions to the book. It was edited by Secretary of the CC of Kazakhstan CP A.M. Abdykalykov and by A.M. Pankratova. Its total volume was 42 printed pages. The book with maps, diagrams, documentary and artistic illustrations became a milestone in the study of history of the peoples of the Soviet Union, and gave impetus to the scientific research and the broader range of historical sources, both of pre-Soviet and Soviet periods. But for managing the process, writing and editing individual sections of the book, Pankratova made a summary article. She took part in the writing of the first volume of *The History of the Kazakh SSR*, published in 1949, and in the discussion of issues related to the solution of various problems in the history of Kazakhstan, giving academic advice. The doctoral theses of historians E.B. Bekmakhanov, S.N. Pokrovsky and A.B. Tursunbayev were prepared under her supervision.

REFERENCES

1. Abdykalykov, M. & Pankratova, A. (1943) (eds) *Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day]. Alma-Ata: KazOGIZ.
2. Kozybaev, I.M. (1990) *Istoriografiya Kazakhstana: uroki istorii* [Historiography of Kazakhstan: history lessons]. Alma-Ata: Rauan.
3. Pankratova, A.M. (1943) Osnovnye voprosy istorii Kazakhskoy SSR (K vykhodu v svet knigi "Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney") [Key issues in the history of the Kazakh SSR (on the release of the book The History of the Kazakh SSR from Ancient Times to the Present Day)]. *Bol'shevik Kazakhstana*. 10.
4. Druzhinin, N.M. (1985) Trud i byt evakuirovannykh istorikov v 1941–1943 gg. [Work and life of evacuated historians in 1941–1943]. In: Samsonov, A.M. (ed.) *V gody voyny. Stat'i i ocherki* [During the war years. Articles and essays]. Moscow: Nauka.
5. Pankratova, A.M. (1988) Pis'ma Anny Mikhaylovny Pankratovoy [Letters of Anna Mikhailovna Pankratova]. *Voprosy istorii*. 11.
6. Brandenberger, D.L. (2011) "Vydvinut' na pervyy plan motiv russkogo natsionalizma": spory v stalinskikh ideologicheskikh krugakh, 1931–1945 gg. ["Highlighting the motif of Russian nationalism": controversy in the Stalinist ideological circles, 1931–1945]. In: Suni, R.G. (ed.) *Gosudarstvo natsiy: imperiya i natsional'noe stroitel'stvo v epokhu Lenina i Stalina* [State of Nations: Empire and nation-building in the era of Lenin and Stalin]. Moscow: ROSSPEN.
7. Morozov, M. (1945) Ob "Istorii Kazakhskoy SSR" [On The History of the Kazakh SSR]. *Bol'shevik*. 1–12.
8. Anon. (1945) O podgotovke 2-go izdaniya "Istorii Kazakhskoy SSR" [On the preparation of the 2nd edition of The History of the Kazakh SSR]. *Bol'shevik Kazakhstana*. 6 (June).
9. Anon. (1946) Vyshe uroven' ideologicheskoy raboty [The higher the level of ideological work]. *Bol'shevik Kazakhstana*. 1 (January).
10. Shoinbaev, T., Aydarova, Kh. & Yakunin, A. (1950) Za marksistsko-leninskoe osveshchenie voprosov istorii Kazakhstana [For the Marxist-Leninist coverage of the history of Kazakhstan]. *Pravda*. 26 December.
11. Anon. (1951) V otdelenii istorii i filosofii Akademii nauk SSSR (obsuzhdenie opublikovannoy v "Pravde" stat'i T. Shoinbaeva, Kh. Aydarovoy i A. Yakunin "Za marksistsko-leninskoe osveshchenie voprosov istorii Kazakhstana") [In the Department of History and Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR (the discussion of the article by Shoinbaev, Aydarova & Yakunin "For the Marxist-Leninist coverage of the history of Kazakhstan" published in Pravda)]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya istorii i filosofii*. 2.
12. Abdykalykov, M. & Pankratova, A. (2011) (eds) *Istoriya Kazakhstana (Istoriya Kazakhskoy SSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney. Izdanie 1943 goda)* [History of Kazakhstan (The History of the Kazakh SSR from ancient times to the present day. The publication of 1943)]. 3rd ed. Almaty: Printexpress.

Received: 15 November 2015

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ПЕРЕХОДНОЙ ОТ ЛЕСОСТЕПИ К ТАЙГЕ ПРИРОДНОЙ ЗОНЫ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

На типических материалах Томской губернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. определяются экономический строй и степень включенности в общероссийский аграрный рынок крестьянского хозяйства притаежной пригородной зоны Томского уезда на рубеже XIX–XX в. Удалось выяснить, что на 1901 г. земледельческое хозяйство пригородной зоны продолжало развиваться в составе местного западносибирского мелкотоварного рынка. Это позволило построить модель крестьянского хозяйства, включенного в региональный мелкотоварный рынок.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство Сибири; экономический строй; мелкотоварный рынок; аграрно-капиталистический рынок.

На рубеже XIX–XX в. с проведением Сибирской железной дороги мелкотоварное крестьянское хозяйство Западной Сибири, развивавшееся прежде в рамках местного, регионального рынка, стало интенсивно включаться в систему общероссийских аграрно-рыночных отношений. Этот процесс происходил в различных природно-экономических зонах западносибирского края одновременно, что обуславливалось сроком включения той или иной территории в зону влияния эксплуатируемых участков Транссибирской магистрали, ее удаленностью от железной дороги, а также уровнем товарно-рыночного развития и местом земледельческого хозяйства данной территории в системе мелкотоварного сибирского рынка конца XIX в. Значительный интерес в этой связи представляет последовательность вхождения сельского хозяйства различных природно-экономических территорий западносибирского края в общероссийские рыночные отношения. Первым во всероссийский аграрно-капиталистический рынок вошло крестьянское хозяйство лесостепной зоны юга Западной Сибири, включая левобережье Оби (в 1898–1898 гг.). Затем включились аграрные районы правобережья Оби, в которое входили земли Томского и Мариинского уездов Томской губернии (в 1898–1899 гг.). Главную роль здесь играло крестьянское хозяйство, расположенное в основном в переходной от лесостепи к тайге природной зоне Томской губернии. В экономике земледельческого хозяйства подтаежной (переходной) зоны Томского и Мариинского уездов преобладали экстенсивное зерновое хозяйство и мясомолочное скотоводство. Широкое распространение получили натуральные промыслы. Товарное производство земледельческого хозяйства данного региона в 70–90-е гг. XIX в. целиком обслуживало местный рынок сельскохозяйственной продукции: транспортно-хозяйственный комплекс Московского тракта, городское население Томска, Новониколаевска, Мариинска и предприятия винокуренной и горнорудной промышленности. Таким образом, изучение деревенской экономики переходной подтаежной зоны позволит выявить особенности интеграции в общероссийский рынок рубежа XIX–XX в. сугубо местного аграрного района и определить внутренний строй и уровень товарно-денежного развития крестьянского хозяйства, про-

должавшего после запуска в эксплуатацию всего участка Западносибирской железной дороги некоторое переходное время функционировать в системе прежнего регионального мелкотоварного рынка.

Открывающиеся исследовательские направления стали предметом настоящей работы. Она представляет собой попытку, основываясь на статистических материалах по сельскому хозяйству переходной – от лесостепи к тайге – природно-географической зоны Томского уезда рубежа XIX–XX в., определить экономический характер внутренней структуры крестьянского хозяйства и оценить степень его вовлеченности в товарно-рыночные отношения. Эта проблема в целом получила в советской и современной литературе достаточно широкое освещение в общесибирском плане на основе главным образом данных по самым широким – лесостепной и степной – природным зонам. Другие природно-экономические районы, включая переходную зону, практически не рассматривались. Обойден вниманием исследователей и рубежный период с 1897 по 1904 г., в который произошло вхождение земледельческого хозяйства Западной Сибири в общероссийский аграрно-капиталистический рынок [1–10].

Крестьянское хозяйство являлось социально-культурной и экономической системой. Поэтому его необходимо рассматривать целостно-системно как структуру взаимосвязанных социальных и производственно-технических компонентов: населения, семейной рабочей силы, рабочего и продуктивного скота и посевов [11; 12. С. 159–168; 13]. Системный подход реализуется в настоящей работе на основе корреляционного метода. Корреляционная методика измеряет силу взаимосвязей между хозяйственными компонентами. В корреляционном анализе наиболее простым и эффективным методом измерения сил взаимосвязей между элементами крестьянского хозяйства является парный линейный коэффициент. Парный коэффициент корреляции изменяется в пределах от -1 до $+1$. Если коэффициент равен или близок 0 , это свидетельствует о том, что между хозяйственными компонентами нет связи. Коэффициент величиной -1 или $+1$ показывает наличие полной функциональной связи. Знак « $+$ » указывает на то, что связь носит прямой характер. Отрицательная связь свидетельствует об обратной зависимости

между признаками. Величина парного коэффициента до 0,4 указывает на слабую связь, коэффициент от 0,4 до 0,7 считается средним по силе, от 0,7 до 1,0 указывает на очень сильную связь. На основе матрицы подсчитанных линейных коэффициентов взаимосвязей между существенными признаками (компонентами) формируется корреляционная модель внутреннего строя сельскохозяйственного хозяйства [13. С. 137–168].

В качестве источниковой базы исследования избраны подворные материалы Томской общегубернской сельскохозяйственной переписи 1901 г. [14]. Для работы с ними, с целью подготовить изучение крестьянского хозяйства подтаежной зоны, необходимо прежде всего выбрать типическую волость. Она отобрана на основе опубликованных поволостных данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. [16. С. 1–2, 142–161, 184–195, 196–205]. В ходе осуществления типической выборки за основу для расчетов были взяты данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по переходной от лесостепи к тайге естественно-географической зоны Томской губернии. В пределы этой зоны, в которой располагались 82 945 крестьянских дворов, входили 18-й район Томского уезда и 21-й район Мариинского уезда. В качестве объекта типической выборки был избран более широкий 18-й район, который включал в себя 53 651 хозяйство.

В 18-м районе по волостным материалам переписи 1916 г. как наиболее типичная была отобрана Ояшинская волость, расположенная севернее Московского тракта и Сибирской железной дороги, в междуречье Оби и Томи [16. С. 1–2, 142–161, 184–205].

В Ояшинской волости Томского уезда по данным подворных переписей 1901 и 1916 гг. числились 39

сел и деревень: Каменская, Ояшинская, Балтинская, Верх-Балтинская, Воронова, Кривояшинская, Чебулинская, Варюхинское, Смокотино, Мошнинское, Кафтанчиково, Кандинская, Калтайская, Алаево, Ларинское, Сурановское, Коневское, Вершинино, Ярское, Дубровинское, Бибеево, Бозойская, Умревинское, Ташара, Зеледеевское, Просоково, Болотинское, Зудово, Киряково, Верх-Елбакское, Карасевская, Елбак, Ново-Поросское, Поросское [16. С. 142–161, 184–205].

На 1901 г. в Ояшинской волости Томской губернии насчитывалось 2 370 хозяйств, 11 940 душ обоого пола, в том числе 6 273 семейных работника обоого пола. В крестьянских хозяйствах волости было 9 510 рабочих лошадей, 7 534 коров и 8 091 дес. посева, в которых преобладали посевы ржи (1 486 дес.), овса (2 071 дес.), яровой пшеницы (1 459 дес.) [15. Д. 1293–1331].

Крестьянские хозяйства Ояшинской волости обслуживали местный рынок. В целом преобладала широкая сельскохозяйственно-скотоводческая специализация. Небольшое число деревень, расположенных на лесистых, малопашенных территориях, имели скотоводческое направление, характерное для чисто таежной природной зоны. В связи с утвердившимися в переходной зоне направлениями рыночной специализации автором настоящей работы были отобраны типические сельскохозяйственные и скотоводческие группы сёл – примерно на 200 дворов в каждой. В сельскохозяйственную выборку дворов попали деревни Балтинская и Ново-Поросское – всего 180 хозяйств; в скотоводческую – деревни Ташара и Дубровинское: всего 206 дворов [Там же. Д. 1294, 1308, 1314, 1331].

Т а б л и ц а 1

**Подушечные размеры крестьянских хозяйств Ояшинской волости
земледельческой и животноводческой специализаций (в расчете на 1 душу)**

Показатель	Хозяйств	Всего душ	Семейные работники	Рабочие лошади	Весь посев	Коровы
Специализация земледельческо-скотоводческая	183	1 080	0,53	0,9	1,0	0,9
Специализация скотоводческая	206	952	0,5	0,8	0,3	0,8
В целом по волости	2 370	11 940	0,5	0,8	0,7	0,6

Средние подушечные показатели уровня и рыночной специализации отобранных групп крестьянских хозяйств земледельческо-скотоводческой и скотоводческой направленности отображены в табл. 1. Они ярко свидетельствуют о комбинированной – зерновой и животноводческой – специализации дворов земледельческой выборки и чисто животноводческой направленности хозяйств скотоводческой выборки. Крестьянские хозяйства земледельческо-скотоводческой специализации в расчете на 1 душу имели весь посев 1,0 дес., в то время как крестьянские хозяйства скотоводческой специализации имели посева всего 0,3 дес.

Таким образом, хозяйства земледельческо-скотоводческой специализации имели посев в 3,3 раза больше, чем хозяйства скотоводческой специализации. Число рабочих лошадей в расчете на 1 душу было примерно равным: в хозяйствах земледельческо-

скотоводческой специализации – 0,9; во дворах животноводческой специализации – 0,8.

После типологической выборки необходимо провести социально-экономическую группировку дворов. Хозяйства земледельческой специализации были разделены на четыре посевные группы: I группа – беспосевные; II группа – 0,1–4 дес.; III – 4,1–7,9 дес.; IV группа – 8 и более дес. Крестьянские дворы скотоводческой специализации соответственно поделены по числу коров на четыре следующие группы: бескоровные; с 1–2 коровами; с 3–4 коровами; с 5 и более коровами. Сформированные группы хозяйств были подвергнуты общестатистическому и корреляционному анализу.

Прежде, опираясь на полученные подушечные данные, оценим общее состояние крестьянских дворов в различных группах (см. табл. 2, 3).

В хозяйствах земледельческой специализации (табл. 2) четко прослеживается рост экономической силы

крестьянских хозяйств при увеличении посевных площадей. В зажиточных земельельческих хозяйствах IV группы обеспеченность рабочими лошадьми была в 2,4 раза больше, чем у бедной II группы (1,7 против 0,7 гол.).

По коровам богатая IV группа превосходила малообеспеченную II группу в 2,6 раза (1,8 гол. против 0,7) [15. Д. 1294. Л. 4; Д. 1308. Л. 5; Д. 1314. Л. 6; Д. 1331. Л. 7].

Таблица 2

Уровень крестьянского хозяйства сельскохозяйственной специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с посевом, дес.				Хозяйства в целом
	0	0,1–4	4,1–7,9	8 и более	
	I	II	III	IV	
Семейные работники, чел.	0,56	0,62	0,52	0,55	0,56
Рабочий скот, гол.	0,5	0,7	1,1	1,7	1,1
Коровы, гол.	0,5	0,6	1,0	1,6	1,0
Продуктивный скот, гол.	0,5	0,7	1,2	1,8	1,0
Весь посев, дес.	–	0,6	1,2	1,8	1,1
Число дворов в группе	15	59	59	50	183
Доля дворов в группе, %	8,3	32,2	32,2	27,3	100

Таблица 3

Уровень крестьянского хозяйства скотоводческой специализации в различных социальных группах

Показатель (в расчёте на 1 душу)	Группа хозяйств с количеством коров, гол.				Хозяйства в целом
	0	1–2	3–4	5 и более	
	I	II	III	IV	
Семейные работники, чел.	0,54	0,55	0,58	0,62	0,57
Рабочий скот, гол.	0,4	0,6	0,9	1,4	0,9
Коровы, гол.	–	0,4	0,9	1,9	0,9
Продуктивный скот, гол.	–	0,5	1,1	2,1	0,9
Весь посев, дес.	0,1	0,3	0,4	0,4	0,3
Число дворов в группе	19	86	50	51	206
Доля дворов в группе, %	9,2	41,7	24,3	24,8	100

Уровень развития крестьянских хозяйств скотоводческой специализации (табл. 3) также имел большие различия. Зажиточная IV группа превышала по душевому количеству рабочего скота II группу в 2,3 раза. По посеву бедные дворы I и II групп уступали IV группе в 2 раза (0,2 дес. против 0,4).

Особенно ярко об экономической дифференциации сравниваемых групп зажиточных и бедных дворов свидетельствуют резкие различия в обеспеченности средствами производства в товарных отраслях хозяйства: по посевам в зерновой специализации – 3 раза и по коровам в скотоводческой специализации – 4,7 раза.

В изученных материалах в большей степени представлена рыночная предпринимательская деятельность зажиточного крестьянства. Товарные отношения во дворах бедняков и середняков прослеживаются значительно хуже. Для более обстоятельного анализа развития товарно-денежных отношений во всех социальных слоях обратимся к результатам корреляционного анализа рассматриваемых сведений сельскохозяйственной переписи 1901 г. по переходной зоне.

Прежде рассмотрим данные о корреляционных коэффициентах, показывающих взаимосвязи между компонентами структуры крестьянских хозяйств зерновой специализации (табл. 4).

Таблица 4

Взаимосвязи уровня производства (всего посева на 1 душу) с основными компонентами крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент корреляции)

Показатель	Группа хозяйств с посевом, дес.			Хозяйства в целом
	0,1–4	4,1–7,9	8 и более	
	II	III	IV	
Размеры семьи, чел.	–50	–92	–70	–17
Рабочего скота на 1 двор, гол.	0	0	29	53
Продуктивного скота на 1 двор, гол.	17	10	42	59
Всего посева на 1 двор, дес.	67	22	54	81
Семейных работников на 1 душу	40	34	09	13
Рабочего скота на 1 душу, гол.	28	57	66	62
Продуктивного скота на 1 душу, гол.	38	58	69	68
Всего посева на 1 семейного работника	84	66	80	89
Рабочего скота на 1 семейного работника, гол.	17	35	57	58
Продуктивного скота на работника	31	41	63	65
Семейных работников на 1 гол. рабочего скота	–10	–40	–57	–52

Как следует из данных табл. 4, взаимосвязи уровня производства с другими экономическими показателями имеют достаточно высокий уровень. В зажиточной IV группе коэффициенты корреляции душе-

вого посева с рабочим продуктивным скотом на 1 душу составляют 0,66 и 0,69 соответственно. В средней III группе – 0,57 и 0,58. Это свидетельствует о довольно высокой степени втянутости богатых и

средних дворов в товарно-денежные отношения мелкотоварного типа.

Земледельческое хозяйство в целом, как и дворы средних и зажиточных крестьян, имело довольно высокие значения корреляции уровня производства с душевыми показателями рабочего и продуктивного скота: 0,62 и 0,68. Это указывает на ведущую роль богатой и середняцкой групп в рыночном хозяйствовании.

Далее обратимся к корреляционной структуре крестьянских хозяйств животноводческой специализации (табл. 5). Взаимосвязь уровня производства (продуктивного скота на 1 душу – с посевом и рабочим ско-

том в расчете на 1 душу) у скотоводческих дворов во всех группах очень высокая: во II – 0,38 и 0,66; в III – 0,58 и 0,72; в IV – 0,69 и 0,84; в целом – 0,68 и 0,79. Это говорит об очень высокой степени втянутости практически всех групп животноводческих хозяйств в товарно-денежные отношения. Высокая рыночная активность дворов данной специализации была связана с очень благоприятной общероссийской конъюнктурой на сибирское мясо, сложившейся в результате введения в эксплуатацию западносибирского участка Транссибирской железнодорожной магистрали [9. С. 283–284, 285–286; 18. С. 84, 88].

Таблица 5

Взаимосвязи уровня производства (продуктивного скота на 1 душу) с основными компонентами крестьянского хозяйства скотоводческой специализации (коэффициент корреляции 0...)

Показатель	Группа хозяйств с количеством коров, гол.			Хозяйства в целом
	1–2	3–4	5 и более	
	II	III	IV	
Размеры семьи, чел.	–47	–55	–29	–20
Рабочего скота на 1 двор, гол.	33	42	67	63
Продуктивного скота на 1 двор, гол.	65	76	88	85
Всего посева на 1 двор, дес.	08	23	67	55
Семейных работников на 1 душу	20	34	–04	09
Рабочего скота на 1 душу, гол.	66	72	84	79
Всего посева на 1 душу, дес.	38	58	69	68
Рабочего скота на 1 семейного работника, гол.	51	47	76	69
Семейных работников на 1 гол. рабочего скота	–42	–42	–76	–64
Семейных работников на 1 гол. продуктивного скота	–85	–78	–88	–88

Таким образом, приведенные аналитические данные ярко показывают ускорение процесса вовлечения крестьянских хозяйств переходной (от лесостепи к тайге) зоны на рубеже XIX–XX вв. в современные рыночно-капиталистические отношения. Сущность данного процесса заключалась во включении местного (пригородного) сельскохозяйственного мелкотоварного рынка в состав всероссийского аграрно-капиталистического рынка. Интеграция местного мелкотоварного рынка осуществлялась путем распространения на территорию его функционирования закономерностей капиталистического рынка, при господстве которых регулятором рыночных отношений выступали цены производства. Практически же это происходило путем расширения товарного производства в крестьянском хозяйстве и распространения его продукции на территорию Урала и Европейской России. В переходной подтаежной зоне первыми в данный процесс вошли все скотоводческие хозяйства, включая бедняков. На это твердо указывают очень высокие коэффициенты корреляции: от 0,6 до 0,8. Несколько позже и более низкими темпами на нужды зауральского мясного рынка также переключились зажиточные и середняцкие дворы земледельческой специализации, сохраняя при этом ведущие позиции на местном (мелкотоварном) хлебном рынке. Бедные крестьяне, имея очень мало товарного мясного скота, в поставках животноводческой продукции в Европейскую Россию практически не участвовали.

Процесс включения крестьянского хозяйства переходной – от лесостепи к тайге – природной зоны

Томского и Мариинского уездов в состав всероссийского аграрно-капиталистического рынка на 1901 г. еще не завершился. Критерием полной интеграции экономики деревни в капиталистическую систему хозяйствования, как показали исследования П.Ф. Никулина, является формирование во внутреннем строе земледельческого хозяйства рыночно-капиталистической подсистемы. Главным показателем ее сформированности можно считать высокую степень корреляции (0,7 и выше) между посевом, рабочими лошадьми и продуктивным скотом в расчете на 1 дес. посева или на 1 голову скота, отражающими фондовооруженность крестьянского хозяйства [9. С. 172–175; 19. С. 107–109; 20. С. 79–80, 81].

Согласно полученным в настоящей работе результатам уровень корреляции между показателями фондовооруженности крестьянского хозяйства подтаежной зоны имеет значение в пределах от 0,55 до 0,62, в зажиточном хозяйстве – от 0,62 до 0,65. Это позволяет твердо констатировать, что на рубеже XIX–XX вв. крестьянское хозяйство переходной зоны Томского и Мариинского уездов продолжало функционировать в условиях преобладания местного мелкотоварного рынка. Следовательно, во всех социальных группах крестьянских дворов внутренний экономический строй имел мелкотоварный характер. Вместе с тем интенсивная рыночно-капиталистическая деятельность и сосредоточение товарного производства в мелкотоварных зажиточных хозяйствах на рубеже XIX–XX вв. положило начало формированию предпринимательского направления хозяйствования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы Столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

2. Степанин В.А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск, 1962.
3. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
4. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967.
5. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Л., 1968. Т. 3 : Сибирь в эпоху капитализма.
7. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
8. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство Сибири (конец 1880-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–76.
9. Никулин П.Ф. Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. Томск, 2009.
10. Разгон В.Н., Храмов А.А., Пожарская К.А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул, 2010.
11. Блауберг И.В., Юдин Э.Г. Становление и сущность системного подхода. М., 1973.
12. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
13. Количественные методы в исторических исследованиях. М., 1984. Гл. 6.
14. Никулин П.Ф. Материалы сельскохозяйственной переписи 1901 г. как источник для изучения крестьянского хозяйства Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 307. С. 77–79.
15. Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 44.
16. Алтайско-Томская часть Сибири по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г. Материалы сельскохозяйственной переписи 1916 г., собранные и разработанные под руководством В.Я. Нагнибеда. Томск, 1927.
17. Государственный архив Алтайского края. Ф. 4. Оп. 1.
18. Никулин П.Ф. Воспроизводство крестьянского хозяйства Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 313. С. 83–89.
19. Никулин П.Ф. Товарно-денежная система хозяйствования в западносибирской деревни начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 105–111.
20. Никулин П.Ф. О возможностях методики многомерного факторного анализа внутреннего экономического строя крестьянского хозяйства Сибири рубежа XIX–XX вв. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 361. С. 77–82.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 сентября 2015 г.

THE SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE OF PEASANT ECONOMY IN TRANSITION FROM THE FOREST STEPPE TO THE BOREAL FOREST NATURAL AREA OF TOMSK PROVINCE AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 23–28. DOI: 10.17223/15617793/402/4

Antonova Evgenia K. Gymnasium 1 (Strezhevoy, Russian Federation). E-mail: antonovatomsk@gmail.com

Keywords: Siberian peasant economy; economic system; small commodity market; agro-capitalist market.

At the turn of the 19th and 20th centuries, with the construction of the Siberian railway, the small-scale peasant economy of Western Siberia, which earlier developed within the local, regional market, was intensely included in the all-Russian agro-market relations. This process occurred in a variety of natural and economic areas of the West Siberian Region at different times. In this regard, of considerable interest is the involvement of peasant economies, located in transition from the forest steppe to the boreal forest natural area of Tomsk Province and having a local suburban value, in the All-Russian agricultural market. The research of this involvement will clarify the features of the integration of purely local agricultural area into the Russian market of the 19th and 20th centuries, and determine the internal structure and the level of commodity-money development of the local agricultural economies. Farms of the steppe zone of the south of Western Siberia and of the left bank of the Ob first entered the All-Russian agricultural capitalist market. The right bank of the Ob, i.e. lands of Mariinsk and Tomsk counties of Tomsk Province entered the all-Russian market later. The economy of the peasant agricultural farms of the subtaiga (transition) area of Tomsk and Mariinsk uyezds was set for meat and dairy farming, with a predominance of extensive grain farming. Farms of the region satisfied the local market in Tomsk and Novonikolaevsk in the 1870–1890-ies. The study is based on the sources from typical homestead materials of Tomsk Governorate Agricultural Census of 1901 in Oyashinskaya volost of Tomsk uезд. The study showed the acceleration of the process of involving farms of the transition (from the forest to the taiga) zone in the late 19th and early 20th centuries into the market capitalist relations. But the process had not yet been completed by 1901. It allows to state firmly that, at the turn of the 19th and 20th centuries, the peasant economy of the transition zone of Tomsk and the Mariinsk uyezds continued to operate in the conditions of the predominance of small-scale local market. Therefore, in all social groups of peasant households, the inner economic structure was that of small commodity. At the same time, the concentration of commodity production in small-scale wealthy farms at the turn of the 19th and 20th centuries initiated the formation of the business areas of farming.

REFERENCES

1. Sklyarov, L.F. (1962) *Pereselenie i zemleustroystvo v Sibiri v gody Stolypinskoy agrarnoy reformy* [Resettlement and land management in Siberia in the years of the Stolypin agrarian reform]. Leningrad: Leningrad State University.
2. Stepynin, V.A. (1962) *Kolonizatsiya Eniseyskoy gubernii v epokhu kapitalizma* [Colonization of Yenisei Province in the era of capitalism]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical Institute.
3. Tyukavkin, V.G. (1966) *Sibirskaya derevnya nakanune Okiyabrya* [The Siberian village on the eve of the October Revolution]. Irkutsk Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo.
4. Goryushkin, L.M. (1967) *Sibirskoe krest'yanstvo na rubezhe dvukh vekov. Konets XIX – nachalo XX v.* [Siberian peasants at the turn of the centuries]. Novosibirsk: Nauka.
5. Goryushkin, L.M. (1976) *Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.)* [Agrarian relations in Siberia in the period of imperialism (1900–1917)]. Novosibirsk: Nauka.
6. Okladnikov, A.P. (ed.) *Istoriya Sibiri s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [The History of Siberia since ancient times to the present day]. V. 3. Leningrad: Nauka.
7. Goryushkin, L.M. (ed.) (1983) *Krest'yanstvo Sibiri v epokhu kapitalizma* [Siberian peasantry in the epoch of capitalism]. Novosibirsk: Nauka.
8. Il'inykh, V.A. (1999) *Krest'yanskoe khozyaystvo Sibiri (konets 1880-kh – nachalo 1940-kh godov): tendentsii i etapy razvitiya* [Peasant economies in Siberia (the end of the 1880s – early 1940s): Trends and development stages]. In: Il'inykh, V.A. (ed.) *Krest'yanskaya sem'ya i dvor v Sibiri v*

XX veke: problemy izucheniya [The peasant family and household in Siberia in the twentieth century: the problem of study]. Novosibirsk: SB RAS.

9. Nikulin, P.F. (2009) *Ekonomicheskiy stroy krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri nachala XX v.* [The economic structure of peasant economy of Western Siberia of the early twentieth century]. Tomsk: TML-Press.
10. Razgon, V.N., Khramkov, A.A. & Pozharskaya, K.A. (2010) *Stolypinskaya agrarnaya reforma i Altay* [The Stolypin agrarian reform and Altai]. Barnaul: Altai State University.
11. Blauberger, I.V. & Yudin, E.G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [Formation and nature of the system approach]. Moscow: Nauka.
12. Koval'chenko, I.D. (1987) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [The methods of historical research]. Moscow: Nauka.
13. Koval'chenko, I.D. (ed.) (1984) *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Vysshaya shkola.
14. Nikulin, P.F. (2008) Materialy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1901 g. kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv. [Materials of the agricultural census of 1901 as a source for the study of peasant farming in Western Siberia in late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 307. pp. 77–79.
15. State Archive of Tomsk Oblast. Fund 3. List 44.
16. Nagnibed, V. Ya. (1927) *Altaysko-Tomskaya chast' Sibiri po dannym sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 g. Materialy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 1916 g., sobrannyye i razrabotannyye pod rukovodstvom V.Ya. Nagnibeda* [Altai and Tomsk part of Siberia according to the Census of Agriculture of 1916. Materials of the agricultural census of 1916 collected and developed under the leadership of V.Ya. Nagnibed]. Tomsk.
17. State Archive of Altai Krai. Fund 4. List 1.
18. Nikulin, P.F. (2008) Vosproizvodstvo krest'yanskogo khozyaystva Zapadnoy Sibiri na rubezhe XIX–XX vv. [The reproduction of the peasant economy of Western Siberia in the 19th – 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 313. pp. 83–89.
19. Nikulin, P.F. (2007) Tovarno-denezhnaya sistema khozyaystvovaniya v zapadnosibirskoy derevni nachala XX v. [The commodity-money system of management in the West Siberian village of the early twentieth century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 296. pp. 105–111.
20. Nikulin, P.F. (2012) On potential of multidimensional factor analysis of peasant household's economic system in Siberia in late 19 – early 20 centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 361. pp. 77–82. (In Russian).

Received: 12 September 2015

РУССКОЕ КУПЕЧЕСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ М.Е. Салтыкова-Щедрина (РЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-11-70001).

Рассмотрено творчество великого русского писателя М.Е. Салтыкова-Щедрина как источник по истории отечественной буржуазии и ее ядра – купечества. Делается попытка выявить причины негативного отношения писателя к новым явлениям социально-экономической жизни страны и той роли, которую играли в ней купцы. Авторы приходят к выводу, что в произведениях Салтыкова-Щедрина наблюдается все возрастающий интерес к предпринимательству купцов, которые были заинтересованы, прежде всего, в собственном обогащении всеми доступными им средствами.

Ключевые слова: история; Россия; М.Е. Салтыков-Щедрин; купцы, предпринимательство.

В России среди читающей публики середины XIX в. был широко известен критик и публицист Н. Щедрин, но мало кто знал тогда, что под этим псевдонимом печатался видный чиновник Михаил Евграфович Салтыков, который после окончания Царскосельского (Александровского) лицея, превратившегося к тому времени из рассадника свободомыслия в кузницу административных кадров страны, поступил на государственную службу. Успешная чиновная карьера молодого Салтыкова завершилась «генеральским» званием действительного статского советника на посту тверского вице-губернатора.

Возвратившийся из сибирской ссылки Ф.М. Достоевский, по мнению тверского исследователя Т.Н. Никитина, обратил на это внимание, и такой факт нашел отражение в его творчестве. В романе «Преступление и наказание» реальным прототипом критика «прогрессивного» направления Лебезятникова послужил М.Е. Салтыков-Щедрин, а в романе «Бесы» он стал прообразом губернатора фон Лембе. Т.Н. Никитин вслед за современниками отмечает портретное сходство оригинала и прототипов (большие, выпуклые и чрезвычайно близорукие глаза, роскошные бакенбарды в виде котлеток), сходство характеров (стремление к лидерству в журналах и кружках), направление ума и общественной деятельности [1. С. 170–178]. Автор статьи делает вывод, что в этих образах Достоевский хотел показать некоторые черты личности и творчества знаменитого сатирика, к которому он относился критически, хотя творчество Салтыкова-Щедрина было востребовано и имело огромный общественный резонанс.

Салтыков-Щедрин не только критически осветил многие стороны общественной жизни пореформенной эпохи, но и дал впечатляющую характеристику социально-экономическому развитию страны и показал роль в этом процессе старых сословий и новых классов. Одним из таких сословий являлось российское купечество, которое у Салтыкова-Щедрина получило исключительно негативную окраску, ставшую особенно популярной среди советских историков и литературоведов. Образы «Колупаевых» и «Разуваевых», по их мнению, не имели в творчестве Салтыкова-Щедрина иного значения, как остро критического. Между тем их характеристика не так уж

однозначна и требует пристального изучения, пояснения и дополнения.

Естественно, творческое наследие М.Е. Салтыкова-Щедрина, его биография хорошо изучены, и в процессе написания данной статьи было обращено внимание на труды классиков литературоведения, которые оставили глубокий след в изучении не только его творчества, но и других писателей. Благодаря их усилиям, было издано двадцатитомное собрание сочинений Салтыкова-Щедрина, которое стало наиболее полным и академичным изданием последнего времени [2]. Тем не менее знакомство с трудами исследователей стало необходимым условием проникновения в художественный мир Салтыкова-Щедрина, выявлением связей его биографии и общественно-политической обстановки в стране с его творчеством [3–8].

При чтении многих произведений М.Е. Салтыкова-Щедрина поражаешься той смелости, с которой он обрушивался на реакцию во всех ее проявлениях – и в правительственных кругах, и в буржуазной среде, и среди либеральной интеллигенции, однако назвать его революционным демократом, приверженцем радикальных действий, на наш взгляд, нельзя. Конечно, великий критик не мог не заметить проникновение в страну новых буржуазных отношений, которые имели в России специфическую окраску. В отличие от стран Западной Европы и Северной Америки, русская буржуазия не была приверженцем революций, где бы она выступала гегемоном, но была сторонником соглашений с правительством и помещиками, довольно долго сохраняла традиционный тип предпринимательства и своеобразный облик, который великий сатирик едко высмеивает. В образе купца первой гильдии Парамонова нам представлен делец, сохранивший еще дореформенные черты, успешно занимающийся ростовщичеством, благодаря которому скопил колоссальные богатства, но еще не осознавший своего политического могущества, не претендующий на господство в области культуры и образа жизни. Всю жизнь он откупается от взяточников-чиновников, что вызвано отчасти принадлежностью к секте скопцов.

Как известно, скопчество как общественное движение возникло во второй половине XVIII в. среди беглых солдат, мещан и крестьян в ответ на вызывающе открытый разврат высшего российского дворян-

ства. Отказавшись от самой возможности совершать блуд самым кардинальным способом, члены этой секты держали под запретом употребление спиртных напитков и табака, и все силы и возможности скопцы положили на обретение материальных богатств, достигнув здесь определенных успехов. Однако выигрывая в сражении за капитал, Онуфрий Парамонов много проигрывал своим соперникам во внешности: «Лицо у него было отекавшее, точно у младенца, страдающего водянкой в голове; глаза мутные, слезящиеся; на бороде, в виде запятых, торчали четыре белые волоска, по два с каждой стороны; над верхней губой висел рыжеватый пух. В довершение всего волосы на голове, желто-саврасового цвета, были заботливо рукою Фаинушки напوماжены и зачесаны, через весь обнаженный череп, с уха на ухо» [2. Т. 15, кн. 1. С. 122].

Роль Фаинушки у купца Парамонова была своеобразной: любовницей у скопца она, естественно, быть не могла, но в силу своей замечательной красоты, могла исполнять роль хозяйки секты менял. Так Щедрин называет тайные ростовщические конторы, в которых работали в основном скопцы, и среди них было много очень богатых людей. Полиция должна была их преследовать, но на самом деле эти секты изуверов процветали, так как умело маскировались и откупались от властей: «Жертвы меняльного фанатизма вербовались десятками, а становой пристав, получив мзду, ходил по улице и делал вид, что все обстоит благополучно» [Там же. С. 118]. В такой ситуации судьба бедной девушки, оказавшейся в сложных обстоятельствах, могла быть печальной – скопцы подвергали «большой или малой печати» (полного или частичного оскотления не только мужчин, но и женщин), однако Онуфрий Петрович подготовил ей другую судьбу – купил на ее имя дом и устроил ее в качестве «штучки». Со знанием дела описывает Салтыков-Щедрин взаимоотношения полов в таких случаях: «Сначала Онуфрий Петрович не решался давать ей помногу денег, опасаясь, что она даст стрелка, но мало-помалу убедился в ее благонадежности и пролил на нее такие щедроты, что в настоящее время она уже самостоятельно объявляла первую гильдию. Впрочем, лично она торговли не производила, а имела на всякий случай на Калашниковской пристани кладовую, на которой красовалась вывеска с надписью “оптовая торговля первой гильдии купчихи Фаины Егоровны Стёгнушкиной”. По временам Парамонов от имени ее производил более или менее значительную операцию и, разумеется, подносил ей хороший куш» [Там же. С. 119]. Большое впечатление на читателя «Современной идиллии», а именно там дано жизнеописание купца Парамонова, производит перечень взяток и пожертвований этого купца. Сатирически заострив ситуации, Салтыков пишет о якобы 15 копейках, данных этим купцом на памятник Пушкину и самые значительные пожертвования в этом списке «на патреотизм» (95 и 87 тыс. руб. в 1877 и 1878 гг.) [Там же. С. 196–199].

В этой же сатире даются характеристики других купцов – Вздошникова и Кубышкина, которые так же широко дают взятки полиции и чиновникам других

ведомств, но чувствуют себя уже настоящими хозяевами жизни. Они – реальная власть в своих уездах, как, например, купец Вздошников в Корчевском уезде, где на его пожертвования был возведен просторный и светлый собор, где все было в наилучшем виде: «прекраснейшее паникадило, массивное евангелие, изящной работы напестольный крест», но все это было собрано за счет содержания кабаков, производства «иностранных виноградных» вин по кашинским образцам, где, как известно, никогда не было виноградников, и другими нечестными сделками. Такая характеристика дополняется наблюдениями местных жителей, которые считали, что в их небогатом краю многим не обогатиться, а одному, Вздошникову, в самый раз. Тем не менее нельзя не отрицать предпринимательский талант этого и других купцов, их благотворительную щедрость и заботу о моральных устоях местного общества, так как без веры можно было делать все, что угодно.

Другой купец, выведенный в число действующих лиц «Современной идиллии», Кубышкин, претендует на господство уже не только во внутренней, но и во внешней политике страны. Представляя текстильный капитал, он ищет внешних рынков для продукции своих фабрик, подталкивает к захвату Средней Азии, где было возможно выращивание необходимого для него дешевого хлопка. Впоследствии М.Е. Салтыков-Щедрин разовьет тему колонизации окраин Российской империи и негативных последствий этого процесса в «Господах ташкентцах» и некоторых других своих произведениях.

В лице разбогатевшего на железнодорожных концессиях Вооза Лазаревича Ошмянского представлен крупный промышленный капитал, который хотя и покрыл страну сетью дешевых железных дорог, но использовал, по мнению Щедрина, негодные средства: подкуп, взятки, национальную круговую поруку и прочие грехи. С необыкновенной легкостью еврей-капиталист Ошмянский отрекается от своей веры и национальности, но, впрочем, это была довольно распространенная практика национальной буржуазии в России, когда ради предстоящей прибыли разноплеменные купцы забывали на время о своих родовых корнях и национальных противоречиях. Еврейская буржуазия описана здесь весьма достоверно, и в братях Ошмянских легко угадывается портретное сходство с золотопромышленниками, железнодорожными дельцами и финансистами Поляковым, бароном Гинзбургом, Варшавским и другими крупными деятелями той эпохи.

В другом своем произведении, «Дневнике провинциала в Петербурге», М.Е. Салтыков-Щедрин отмечает первое и главное увлечение прибывших в столицу провинциалов – получить шальные деньги за счет обретения хоть какой-то концессии, т.е. права на строительство какой-либо железнодорожной ветки или даже ее небольшого участка. Концессионная «горячка» охватила в начале 1870-х гг. не только коммерческие круги, но захватила часть помещиков, которые после отмены крепостного права испытывали финансовые трудности, несмотря на старания прави-

тельства оказать им поддержку, а также высшую и среднюю бюрократию. Появились здесь и свои авторитеты, например магнат Бубновин, решающий многие важные вопросы в своем клубе и реагирующий только на предложения об окольных путях достижения цели (фаворитки, любовницы, влиятельные светские дамы, популярная французская актриса). Фамилия намекает на карточную масть – бубновыми валетами, королями и тузами называли тогда преступников-интеллектуалов (подлоги, взятки, мошенничества, разного рода аферы), а также и на П.И. Губонина, богатейшего железнодорожного концессионера из крестьян, составившего свой капитал в виноторговле, который пользовался постоянной поддержкой высокопоставленных лиц, получавших от него огромные субсидии.

Другой персонаж «Дневника провинциала» – банкир Мерзавский, прозрачно намекает на имена крупнейших концессионеров страны А.М. Варшавского и С.С. Полякова, которые, несмотря на свое низкое еврейское происхождение, стали богатейшими людьми России. Здесь же упоминается и исторически реальное лицо «господин Латкин с свежее печорской семгой и кедровой шишкой в руках», это сибирский золотопромышленник купец В.Н. Латкин, который активно выступал в печати за освоение природных богатств Сибири и Крайнего Севера [2. Т. 10. С. 279].

Важную, хотя и малоизвестную сторону творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина занимают его драматические произведения. Вслед за А.Н. Островским он обращается к купеческой теме, где страсти кипят, конечно, главным образом вокруг денег, способов их приобретения и передачи по наследству. В комедии «Смерть Пазухина» речь идет о завещании бывшего откупщика Ивана Прокофьевича Пазухина, который в свое время отошел от старообрядческой веры и занялся оптовой торговлей водкой, выполнением государственных подрядов, что при его старообрядчестве было бы невозможно. В результате он скопил к концу жизни баснословные капиталы, вокруг которых началась нешуточная борьба наследников. Парадоксально, но сын его, Прокофий Иванович, остался предан старой вере, носил бороду и традиционное русское платье, не курил и не пил водки, женат был на красавице кержачке и занимался малоприбыльной «копеечной», по его словам, торговлей. Однако в пылу борьбы за наследство, в угоду своему отцу, Прокофий сбрил бороду, переделался в сюртук и даже публично выпил рюмку водки, что было, как известно, главным признаком отказа старообрядца от своей веры. Сначала купеческий сын Пазухин вроде бы проиграл борьбу за наследство своим чиновным высокопоставленным родственникам, но потом, подкупив нужных свидетелей, стал после смерти родителя хозяином двухмиллионного капитала, обширных размеров недвижимости и другого имущества. Тем не менее еще в процессе борьбы за это наследство Пазухин готов отказаться от собственных обещаний поделить деньги со своими временными союзниками и готовит для них крайне неприятные сюрпризы.

В другой пьесе Салтыкова-Щедрина «Тени» рассказывается о чиновной среде, где, как известно, су-

ществовала строгая иерархия, и прибывший в Петербург товарищ по гимназии одного из «столпов» чиновного мира сразу окунается в эту атмосферу. Здесь, как и в купеческой среде, господствует корысть, причем ставки делаются на размещение заказа на некое крупное строительство, сулящее крупные дивиденды. Между заказчиками ведется ожесточенная война, и побеждает в ней некий Артамонов, судя по всему, известный купец, который смог вручить 50-тысячную взятку Кларе Ивановне, фаворитке одного из сановников, и пообещать ей еще «золотые горы» в случае успеха. Этот сюжет отчетливо перекликается с известной ситуацией 1870-х гг., когда успех железнодорожных концессий во многом зависел от доступности предпринимателей к морганатической супруге Александра II Екатерине Долгорукой. В это время моральная планка общества опустилась настолько низко, что, по словам одного из персонажей пьесы, воровство и подлость могут сойти «за благоразумие». В обычае была и торговля должностями, когда дети очень состоятельных людей могли получить места в департаментах, потому что заплатили нужным людям кругленькие суммы. Так в пьесе поступил сын откупщика Нарукавников, который прямо заявлял: «Повторяю, место будет за мной, потому что я заплатил деньги, а мы, потомки откупщиков, не имеем привычки бросать деньги даром» [2. Т. 10. С. 310].

Таким образом, в драмах Салтыкова-Щедрина, как и в прозаических его произведениях, дается преимущественно негативная характеристика предпринимателей, в первую очередь купцов, что, разумеется, было в традициях русской реалистической литературы второй половины XIX в. Время оценки коммерции как серьезного и полезного для общества дела еще не пришло, а на поверхность всплывала только видимая часть айсберга. Бросались в глаза такие социально-психологические черты купечества, как корыстолюбие и экономность, граничившие с жадностью и скупостью, но без которых нельзя было начать свое дело; простота и необразованность, позволявшие купечеству сохранять черты национальной «народной» идентичности, непомерное честолюбие и купеческая гордость, которые подчас и побуждали заниматься широкой благотворительностью и некоторые другие специфические качества, которые не встречали понимания и одобрения великими русским писателями, происходившими в большинстве случаев из дворян.

Однако именно в драматическом творчестве Салтыкова-Щедрина объективный, объемный исторический взгляд на роль купечества в судьбе пореформенной России приходит в противоречие, на наш взгляд, с изначальной, однозначно критической авторской установкой в отношении отечественной буржуазии. Представляется не случайным в этой связи, что последняя пьеса «Тени» с вялыми диалогами персонажей, преимущественно нравоучительного характера, так и не была закончена автором. Пафос сатирического обличения требовал других художественных и публицистических жанров и не выдерживал драматургической проверки на историческую объективность. Впрочем, понятно, что драматический талант у

Салтыкова-Щедрина не сопоставим с его писательским и публицистическим мастерством, и он прекратил опыты в этой области, так и не закончив своей последней пьесы «Тени».

Как выясняется, замечательное знание Салтыковым-Щедриным всех деталей и подробностей купеческой жизни, ее бытового уклада и нравов, а также острое неприятие идеи предпринимательства и, как следствие, негативная оценка купечества как класса и его роли в современном ему обществе имеют под собой биографическую подоплеку. Дело в том, что у Салтыкова-Щедрина, как и у Достоевского, матери происходили из купеческого сословия, что помогает понять их интерес к истории купечества и отдельным его представителям, в том числе к ближайшим своим родственникам [9. С. 70–74]. Известно, что все детство и юность Щедрин провел в имении родителей, которые регулярно ссорились по поводу обмана при заключении своего брака – за купеческой дочерью дали приданого вдвое меньше, чем обещали до свадьбы.

В «Пошехонской старине», произведении во многом автобиографическом, это описывается так: «Отец мой, Василий Порфирыч, за выделом сестер вновь спустился на степень дворянина средней руки. Это заставило его подумать о выгодном браке, и, будучи уже сорока лет, он женился на пятнадцатилетней купеческой дочери, Анне Павловне Глуховой, в чаянии получить за нею богатое приданое. Но расчет на богатое приданое не оправдался: по купеческому обыкновению, его обманули, а он, в свою очередь, выказал при этом непростительную слабость характера. Напрасно сестры уговаривали его не ехать в церковь для венчания, покуда не отдадут договоренной суммы полностью, он доверился лживым обещаниям и обвенчался. Вышел так называемый неравный брак, который впоследствии сделался источником бесконечных укоров и семейных сцен самого грубого свойства» [2. Т. 19. С. 8]. В русской живописи такая ситуация отражена в картинах П.А. Федотова «Сватовство майора» и В.В. Пукирева «Неравный брак». Впрочем, переписка между супругами Салтыковыми была вполне дружеской, и особое обоюдное восхищение у них вызывало необычайно раннее развитие и успехи в учебе юного Миши, который был шестым ребенком в семье (как известно, он родился в 1826 г., когда отцу было 50 лет, а матери 25, но и спустя некоторое время родились два сына – Сергей и Илья, 1829 и 1834 гг. рождения соответственно).

Тем не менее юная купеческая дочь, кроме экономного ведения хозяйства, граничащего со скопидомством, рождения многих детей, проявила необыкновенные приобретательские способности и семья писателя, от лица которого ведется повествование, стала быстро богатеть, введя во всех отраслях хозяйства «меру, вес и счет». В семью мужа, в имение Малиновец, мать писателя сначала привнесла народные обычаи, которые, вероятно, были присущи ее родной купеческой среде: «Ходило в семье предание, что поначалу она была веселая и разбитная молодка, называла горничных подружками, любила играть с ними

песни, побегать в горелки и ходить веселой гурьбой в лес по ягоды. Часто ездила в гости и к себе зазывала гостей и вообще не отказывала себе в удовольствиях. Очень возможно, что она и навсегда удержалась бы на этой стезе, если б не золовки. Они с самого начала вознамерились сделать из нее нечто вроде семейной потехи и всячески язвили ее колкостями, в особенности допекая ее по поводу недоданного приданого... Года через четыре после свадьбы в ее жизни совершился крутой поворот. Из молодухи она как-то внезапно сделалась “барыней”, перестала звать сенных девушек подруженьками, и слово “девка” впервые слетело с ее языка, слетело самоуверенно, грозно и бесповоротно» [2. Т. 19. С. 88–89]. Вместе с тем из купеческой среды пришел дух меркантилизма, поиска во всем своей выгоды.

Особенно большие страсти разгорались в борьбе за наследство, что нашло отражение, как уже отмечалось, в некоторых произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина. Например, наследство московского купца Павла Борисовича, дедушки писателя, которому уже было за семьдесят, было под пристальным надзором всей родни. Он был вдов и держал при себе «красную», молодую краснощекущую крутобедрую девицу. Иногда дедушка решал менять «красную», и тогда среди родни начинался переполох: по деревням искали самых красивых девушек, отмывали и наряжали их для сморсинга, но до открытого «конкурса» красавиц дело не доходило – побеждали ловкость и проворство одного из наследников. В результате никто не знал в точности размера дедушкиного капитала, «но всякому хотелось узнать тайну; всякий подозревал друг друга, а главное, всякий желал овладеть кубышкой врасплох, в полную свою собственность, так чтоб другим ничего не досталось. Это клало своеобразную печать на семейные отношения. Снаружи все смотрело дружелюбно и даже слащаво; внутри кипела вражда» [Там же. С. 186].

Воспоминаниями детства и юности навеян другой образ властной и предприимчивой женщины – Арины Петровны Головлевой, которая не очень счастлива была в семейной жизни, «...но все внимание свое устремляла на один предмет: на округление головлевского имения, и действительно, в течение сорокалетней супружеской жизни успела удесятить свое состояние. С изумительным терпением и зоркостью подкарауливала она дальние и ближние деревни, разузнавала по секрету об отношениях их владельцев к опекунскому совету и всегда, как снег на голову, являлась на аукционах» [Там же. Т. 13. С. 11]. Салтыков здесь не указывает на купеческое происхождение Арины Петровны, но характер ее поступков, ее энергия и решительность прямо указывают на то, что коммерческая сметка у нее была в крови.

Надо сказать, что в самом знаменитом романе Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» купцам уделяется мало внимания – все сосредоточено на процессе разложения и гибели помещичьей семьи накануне отмены крепостного права в России. В это время стремительно уходили с общественной сцены дворяне-душевнодеспоты, чиновники старой патриархаль-

ной закваски, которые видели во взятке не преступление, а благоразумие. Но сатирик видел, что на смену им идут «чумазы», Разуваевы и Колупаевы, новые, буржуазные столпы общества, вознесенные вверх силой власти и денег, по-своему аморальные и бездушные к близким, в том числе и по отношению к женщине. В этом плане показательна история племянницы Арины Петровны, которая хотела стать артисткой, сначала провинциального, а затем столичного театра, но попала в поле зрения купца, торгующего модным товаром, Кукишева. Сначала он предлагал деньги в конвертах, но Аннинька их возвращала, но потом купец подкупил публику, антрепренера и других актрис, которые, конечно, убедили ее в достоинствах Кукишева. Вскоре ей самой казалось немножко смешно и лестно, «что она так легко приобрела себе этого рослого и сильного купчину, который шутя может подкову согнуть и разогнуть и которому она может все приказать, и что захочет, то с ним и сделает» [2. Т. 13. С. 240].

После первой победы, «...на несчастье Анниньки, у Кукишева явилась новая “идея”, которую он начал преследовать с обычным упорством. Как человеку неразвитому и притом несомненно неумному, ему казалось, что он окажется наверху блаженства, если его “кряля” будет делать ему “аккомпанемент”, т.е. вместе с ним станет пить водку» [Там же. С. 242]. Надо ли говорить, что он добился осуществления своей второй «идеи», а следом за ней в его нетрезвой голове зрели и дальнейшие «развратные планы», но свои деньги кончились, и тогда он вместе с компаньоном Люлькиным запустил руку в казенные деньги, что и привело к разоблачению. Компаньон застрелился, а Кукишев на суде «был циничен до мерзости, даже надобности не было в тех подробностях, которые он выложил». Тем не менее «присяжные вынесли Кукишеву обвинительный приговор, с смягчающими, впрочем, обстоятельствами, вследствие чего он был тут же присужден на житье в Западную Сибирь, в места не столь отдаленные» [Там же. С. 244]. Здесь, в Сибири, такого рода преступников называли «бубновыми валетами», и жизнь их, судя по газетам и воспоминаниям того времени, была вполне сносной. Следующим покровителем Анниньки стал купец Забвенный, человек грубый и драчливый, тратившийся на свою любовницу умеренно, по его словам, «глядя по товару». Кроме этого, он мечтал, как будет «понауждать» свою кралю прохаживаться по «маленькой», как она сначала будет жеманиться, а затем мало-помалу уступит, был очень обижен, что «школа уже пройдена сполна».

Поводом для написания цикла очерков «Убежище Монрепо» стала покупка Салтыковым в 1877 г. небольшого имения Лебяжье на берегу Финского залива, которое вскоре пришлось продать из-за его убыточности, а главной причиной создания этого произведения стало отражение процесса смены помещичьего землевладения буржуазными отношениями, когда на смену «ветхого», старозаветного или старосветского человека приходит капиталистический хищник, новый хозяин жизни. Салтыков-Щедрин пишет, что

на смену ослабевшим Прогореловым явились люди свежие, сильные и бессовестные, но станут ли они настоящими хозяевами страны? «Мне кажется, — отмечает писатель, — что наиболее существенным препятствием в этом смысле явится род ваших занятий. Вы, кабатчики, железнодорожники и менялы, не имеете занятий оседлых и производительных, но исключительно отдаетесь подсиживаньям и сводничествам. В согласность этому, и жизнь ваша получила характер кочевой, так что большую ее часть вы проводите вне домов своих, в Кунавине. Но о каких же принципах может быть речь в Кунавине?» [2. Т. 13. С. 402]. Остается добавить, что Кунавино — это ярмарочное предместье Нижнего Новгорода со всевозможными увеселительными заведениями, где купцы любили устраивать грандиозные кутежи и предаваться вдали от семьи грехам, недоступным дома.

В своей сатире Салтыков-Щедрин обращает внимание на купцов-кабатчиков, носящих отчасти типично русские фамилии — Прохоров, Груздев, Осьмушников, или фамилии сатирические, ставшие нарицательными, — Колупаев, Разуваев, Дерунов. Ничего страшного каждый из них по отдельности не представлял, некоторые были даже вполне симпатичными. Сам автор не скрывает этого: «Разуваев жил от меня верстах в пяти, снимал рожи и отправлял в город барки с дровами. Сверх того, он занимался и другими операциями, объектом которых обыкновенно служил мужик. И он был веселый, и жена у него была веселая. Дом их, небольшой и невзрачный, стоял у лесной опушки, так что из окон никакого другого вида не было, кроме громадного пространства, сплошь усеянное пнями. Но хозяева были гостеприимные, и пированье шло в этом домишке великое... Мужик он был не то чтобы молодой, но в пору, статный, широкоплечий, лицо имел русское, круглое, румяное, глаза веселые, бороду пушистую, светло-русую. И жена у него была такая же, русская: круглолицая, белотелая, полногрудая, румяная, с веселыми, слегка бесстыжими глазами навывкате. Охотники были оба песни попеть, и пели мастерски, особенно хоровые, подблюдные» [Там же. С. 346]. Тем не менее в массе своей купцы Салтыкова-Щедрина — персонажи малосимпатичные, как и устанавливаемые ими новые порядки. В скором времени эти новые хозяева жизни скупают у помещиков по дешевке их имения и обустраивают их на коммерческий, приносящий доход лад. В результате, чудом миновав каторгу, купец, по мнению Щедрина, «пьет кровь уже въявь и в то же время сознает себя “столпом”». Все кругом подражают ему, заискивают и льстят. Но это был не тот буржуа, «которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе; это — просто праздный, невежественный и притом ленивейший забулдыга, которому благодаря слепой случайности, удалось уйти от каторги и затем слопать кишасные вокруг него массы “рохлей”, “ротозеев” и “дураков”» [Там же. С. 352]. Таким образом, на основе частных наблюдений, создавая вполне симпатичные образы русских купцов, писатель, тем не менее, делает вывод

о паразитарности и аморальности купеческого сословия в целом, находит для него еще одно обидное, если не оскорбительное, слово – «чумазые». Салтыков не верит в эффективность действий новых хозяев жизни: «Придет “чумазый”, придет с ног до головы наглый, с цепкими руками, с несытой утробой – придет и слопаёт! Только и всего» [2. Т. 13. С. 381]. Выход из этой ситуации великий сатирик видит в том, чтобы «Разуваев», хотя бы на словах, изменил суть своих претензий: «Перестань заниматься кабаками, не подсиживай, не сводничай, сократи до минимума экскурсии в Кунавино, производи, а не маклери – это до известной степени осадит тебя, утрет твои “слюни” и приведет в порядок твои утробные урчания» [Там же. С. 403].

Таким образом, Салтыков-Щедрин не мог скрыть своей антипатии к новоявленным русским буржуа, происходившим из дореформенных сословий, преимущественно из зажиточных крестьян, «мироедов», главной отличительной чертой которых были жадность, грубость и отсутствие элементарных культурных навыков. Однако, на наш взгляд, такая характеристика относится преимущественно к тем территориям, где господствовало поместное хозяйство в самых жестких формах – в виде барщинного (отработочного) хозяйства. Там, где практиковался денежный оброк или вообще, как, например, в Сибири, не было крепостного права, формы предпринимательства были более гуманными. «Чумазый идет!», «Чумазый все слопаёт!» – такие восклицания встречаются в нескольких произведениях Салтыкова-Щедрина. Это означало неприятие им новых хозяев жизни и их деятельности, противопоставление их, например, французской буржуазии. Главными причинами такого отношения к русскому купечеству и предпринимательству в целом стало, на наш взгляд, происхождение, «семейный сценарий», воспитание и служебная карьера самого автора. Все-таки, достигнув генеральского чина в статской службе, занимая ответственные посты правителя канцелярии в Вятской губернии, вице-губернатора в Рязанской и Тверской губерниях, Салтыков-Щедрин был далек от народного быта, народного образа жизни. Но ведь именно в этой среде проходили процессы выделения наиболее активных и предприимчивых деятелей, способных к первоначальному накоплению капиталов.

Сравнивая оценки роли и места нарождающейся российской буржуазии у Салтыкова-Щедрина и Достоевского, нельзя не заметить их кардинального расхождения: несмотря на негативные черты купечества, сделанные Достоевским в «Униженных и оскорбленных» и других ранних произведениях, в дальнейшем он меняет свою точку зрения и признает в облике представителей этого сословия некоторые положительные черты [9]. Думается, что подобная эволюция явилась следствием не только и не столько личных наблюдений Достоевского, но и также и отражением в его творчестве близкой писателю теории «почвенничества», согласно которой само понятие «народ» вбирает в себя не только крестьянство, как у ранних славянофилов, но и городские слои населения – мещанство и купечество.

Сарказм же Салтыкова-Щедрина по отношению к отечественной буржуазии вызван его убеждениями, близкими к взглядам революционных демократов, которые связывали свои надежды на перемены к лучшему с крестьянской общиной, но никак не с гильдейским купечеством. По своим социально-политическим убеждениям Салтыков-Щедрин, конечно, не революционер, но просветитель, наследник взглядов декабристов в период их сибирской ссылки, когда переустройство общества связывалось с просвещением народа, улучшением его материального и правового положения [10]. Недаром его ближайшим другом и соратником являлся воспитанник декабристов Н.А. Белоголовый, происходивший из семьи иркутского купца, личный врач Салтыкова-Щедрина и автор воспоминаний о нем. Потому-то, невзирая на долю личной симпатии к отдельным представителям нарождающейся российской буржуазии, в целом прогрессивная роль коммерции как дела серьезного и полезного для общества в творчестве сатирика не находит отражения. Напротив, едким сарказмом пронизаны описания таких купеческих черт, как корыстолюбие и жадность, граничившие с экономностью и скупостью, их простота и необразованность и др. Признание же как экономически прогрессивной роли купечества, так и отдельных светлых сторон облика представителей этого сословия, таких как честность, своеобразная купеческая гордость, побуждавшая заниматься широкой благотворительностью, не нашли отражения в творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Т.Н. К вопросу о реальных прототипах некоторых героев романов «Преступление и наказание» и «Бесы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2010. Т. 19. С. 169–181.
2. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. : в 20 т. М. : Худ. лит., 1969–1974.
3. Макашин С.А. Салтыков-Щедрин. Биография. М. : Госполитиздат, 1957. Т. 1. 426 с.
4. Кирпотин В.Я. Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина. М. : Госполитиздат, 1957. 368 с.
5. Бушмин А.С. Сатира Салтыкова-Щедрина. М. ; Л. : АН СССР, 1957. 484 с.
6. Бушмин А.С. Роман в теоретическом и художественном истолковании Салтыкова-Щедрина // История русского романа. М. ; Л. : АН СССР, 1964. Т. 2. С. 350–365.
7. Николаев Д.П. Сатира Салтыкова-Щедрина и реалистический гротеск. М. : Худ. лит., 1977. 328 с.
8. Тюнькин К.И. Салтыков-Щедрин. М. : Молодая гвардия, 1989. 624 с.
9. Бойко В.П. Достоевский о российском предпринимательстве: художественный образ и реальная характеристика // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 359. С. 70–74.
10. Бойко В.П. Декабристы в Сибири: предпринимательство, образ жизни, социокультурный облик. Томск : Изд-во ТГАСУ, 2013. 270 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 апреля 2015 г.

M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN ON RUSSIAN MERCHANTS (REAL DESCRIPTION AND REFLECTION)

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 29–35. DOI: 10.17223/15617793/402/5

Boyko Vladimir P. Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpboyko@yandex.ru

Boyko Olga E. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: boyko1958@yandex.ru

Keywords: history; Russia; M.E. Saltykov-Shchedrin; merchants; business.

M.E. Saltykov-Shchedrin, in his works and journalism, could not hide his antipathy to the nouveau Russian bourgeoisie that came from the pre-reform social classes, mainly from wealthy peasants. The main features of these entrepreneurs were greed, rudeness and lack of basic cultural skills. However, in our opinion, such features were mainly inherent to regions where the manorial economy dominated in the most severe forms: in the form of *corvée* (labor) economy. In places with cash rents or, like in Siberia, with no serfdom, forms of business were more humane. The great writer often expressed his rejection of the new masters of life and their activities, contrasting them with, for example, the French bourgeoisie. The main reasons for this attitude to Russian merchants and business in general was, in our opinion, the origin, education and professional career of the writer. Reaching the rank of General in the civil service, occupying responsible positions of the Head of the Chancellery in Vyatka Province, of Vice-governor in Ryazan and Tver Provinces, Saltykov-Shchedrin was far from the common people that witnessed the complex processes of selection of the most active and enterprising leaders. On the other hand, Saltykov-Shchedrin's sarcasm in relation to Russian bourgeoisie is caused by his convictions close to the views of the revolutionary democrats who connected their hopes for positive changes with the peasant community, but not with the guild merchants. However, according to his beliefs, Saltykov-Shchedrin was certainly not a revolutionary; he was rather the enlightener, an heir to the views of the Decembrists in the period of exile in Siberia, when reconstruction of society was associated with education of people, with improvement of their financial and legal status. No wonder his closest friend and colleague was a pupil of the Siberian Decembrists, N.A. Belogolovy, who came from a family of Irkutsk merchants. He was a personal doctor of Saltykov-Shchedrin and author of memoirs about him. Comparing Saltykov-Shchedrin's description of entrepreneurship and Dostoevsky's comments on Russian bourgeoisie, it is obvious that in spite of the negative features of merchants in *The Insulted and Humiliated* and his other early works, later F.M. Dostoevsky changed his mind and saw some positive features in merchants, while Saltykov-Shchedrin never found good words for this class. It is not just Dostoevsky's personal observations, but also the reflection of the Pochvennichestvo theory in his work, where the people is not only the peasantry, as in the early Slavophiles, but also the urban population: tradesmen and merchants. Saltykov-Shchedrin had a different attitude to merchants, although by his origin he was a merchant and knew the life and customs of Moscow and provincial merchants.

REFERENCES

1. Nikitin, T.N. (2010) K voprosu o real'nykh prototipakh nekotorykh geroev romanov "Prestuplenie i nakazanie" i "Besy" [On the question of a real prototype some of the characters of the novels Crime and Punishment and The Possessed]. In: Budanova, N.F. & Kibal'nik, S.A. (eds) *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Research]. V. 19. St. Petersburg: Nauka.
2. Saltykov-Shchedrin, M.E. (1969–1974) *Sobraniye sochineniy. V 20 t.* [Collected Works. In 20 v.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Makashin, S.A. (1957) *Saltykov-Shchedrin. Biografiya* [Saltykov-Shchedrin. A Biography]. V. 1. Moscow: Gospolitizdat.
4. Kirpotin, V.Ya. (1957) *Filosofskie i esteticheskie vzglyady Saltykova-Shchedrina* [Philosophical and aesthetic views of Saltykov-Shchedrin]. Moscow: Gospolitizdat.
5. Bushmin, A.S. (1957) *Satira Saltykova-Shchedrina* [The satire of Saltykov-Shchedrin]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
6. Bushmin, A.S. (1964) Roman v teoreticheskom i khudozhestvennom istolkovanii Saltykova-Shchedrina [The novel in the theoretical and artistic interpretation of Saltykov-Shchedrin]. In: *Istoriya russkogo romana* [History of the Russian novel]. V. 2. Moscow; Leningrad: USSR AS.
7. Nikolaev, D.P. (1977) *Satira Saltykova-Shchedrina i realisticheskii grotesk* [The satire of Saltykov-Shchedrin and realistic grotesque]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
8. Tyun'kin, K.I. (1989) *Saltykov-Shchedrin*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian).
9. Boyko, V.P. (2012) F.M. Dostoevsky on Russian entrepreneurship: art image and real features. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 359. pp. 70–74. (In Russian).
10. Boyko, V.P. (2013) *Dekabristy v Sibiri: predprinimatel'stvo, obraz zhizni, sotsiokul'turnyy oblik* [Decembrists in Siberia: business, lifestyle, socio-cultural aspect]. Tomsk: Tomsk State University of Architecture and Building.

Received: 02 April 2015

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПАРТИЙ И ОРГАНОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е гг.

Рассматриваются модели взаимоотношений политических партий либерального спектра и органов региональной власти в Томской области в 1989–1999 гг. Основное внимание фокусируется на анализе содержания этих отношений через электоральный, парламентский и правительственный формат. Дана оценка степени влияния либеральных партий на политику институтов власти в Томской области в 1990-е гг.

Ключевые слова: либеральные партии; Томская область; выборы; региональный парламент; исполнительная власть.

Проблема взаимоотношений власти и общества является одной из центральных в современном российском исследовании, поскольку фокусирует внимание на основных акторах исторического процесса. Высокий интерес к политическим партиям обусловливается тем, что в современной России они выполняют ряд важнейших политических функций, связанных с агрегацией и представлением интересов групп общества, формированием федеральных и региональных структур власти, определением приоритетов региональной политики и рекрутированием политической элиты. Для России в настоящее время по-прежнему актуальными являются проблемы партийного строительства, эффективности деятельности политических партий, поиска точек соприкосновения и диалога между партиями и государством. Особую важность решение этих вопросов представляет в регионах, поскольку без существования жизнеспособных региональных структур политических партий и их участия в формировании региональных органов власти посредством конкуренции политических программ ставится под сомнение эффективность партий в целом как политического института, а также их способность представлять интересы социальных групп в органах управления разного уровня.

Пониманию истоков и сущности современных реалий, прогнозированию перспектив партийного строительства призвана способствовать историческая реконструкция процесса становления и развития взаимоотношений между властью и политическими партиями в России конца XX в. Проблемы партийного строительства в Сибири являлись объектом исследования целого ряда историков, изучавших различные аспекты общественно-политической жизни региона в конце 1980-х – конце 1990-х гг. [1–3]. Однако сюжеты, связанные с анализом взаимоотношений между партиями и региональной властью, до сих пор не стали предметом специального рассмотрения и получили освещение исключительно в контексте организации избирательных кампаний.

Целью данной статьи является определение моделей взаимоотношений органов региональной власти Томской области и политических партий либерального спектра в 1989–1999 гг. Основное внимание фокусируется на анализе содержания этих отношений через электоральный (федеральные и региональные выборы представительных органов и глав страны и субъектов РФ), парламентский (реальное представле-

ние либеральных партий в парламенте, в том числе формирование фракций) и правительственный (отношения с исполнительной властью в лице президента и Правительства РФ, а также органов исполнительной власти субъекта РФ) формат. Особый интерес к политическим партиям либеральной направленности объясняется, прежде всего, тем местом, которое занял либерализм в реформировании России в 1990-е гг. Поскольку одной из принципиальных характеристик либерализма как социально-политического феномена является опора на инициативу осознавших свою ответственность граждан, а основным залогом успеха либеральной альтернативы следует считать укорененность либеральных ценностей в обществе, перспективным направлением в разработке поставленных проблем является исследование их на региональном материале. Такой подход обеспечивает возможность детальной исторической реконструкции социально-политических процессов, основанной на скрупулезном анализе разнообразных по происхождению и характеру источников.

Развитие политических партий либеральной направленности в 1990-х гг. в Томской области отражало общую динамику становления многопартийности в России: от выделения Демократической платформы в рамках КПСС и появления различных неформальных организаций демократической направленности до образования партийных структур, а также избирательных блоков, которые принимали участие в электоральном процессе 1993, 1995 и 1999 гг. При этом организации, так или иначе исповедовавшие либеральные принципы, во многих случаях предпочитали действовать в качестве инициативных общественных формирований, не стремясь к партийной институционализации. Поэтому либеральный фланг партийной системы России был крайне фрагментирован и данные политические организации зачастую не имели представительства в регионах. В 1990-х гг. либеральный спектр в Томской области был представлен двумя основными направлениями: классическим – Республиканская партия России (РПР) (до раскола ее на две организации), «Выбор России» (ВР), затем «Демократический выбор России» (ДВР), а также в меньшей степени Демократической партией России (ДПР), и социальным – «Яблоко».

Особую роль в процессе взаимодействия либеральных партий и органов власти имеют их электоральные взаимоотношения, поскольку победа на вы-

борах федерального и регионального уровней может предоставить либеральным политикам реальные возможности для участия в управлении страны и региона. При такой форме взаимоотношений партии выполняют три вида функций – процедурные (регистрация и выдвижение кандидатов), организационные (подготовка к выборам и участие в избирательных комиссиях и т.д.) и информационные (оповещение избирателей о политической программе и принципах партии и о ходе выборов, а также формирование у электората осознанной позиции в отношении партии) [4. С. 94].

В 1989–1990 гг. были созданы благоприятные условия для проникновения демократических сил (в том числе и либеральных) в представительные органы власти в результате выборов в Советы народных депутатов (СНД) разных уровней, где они формировали депутатские фракции. Однако первые альтернативные выборы в СССР (1989 г.) проходили в условиях еще сохранявшейся однопартийной системы, поэтому на них не было конкуренции между партиями и не существовало каких-либо предвыборных платформ, объединявших значительное количество кандидатов – каждый кандидат представлял свою немногочисленную команду [5. С. 241]. В СНД СССР от демократических сил Томской области был избран С.С. Сулакшин [6. Л. 3–4]. Он работал в ряде комиссий, участвовал в социал-демократических форумах в стране и за рубежом [7. 10 сент. 1991 г. С. 2.]. В отличие от Съезда народных депутатов СССР Съезд народных депутатов РСФСР с самого начала был политически четко структурирован: многие кандидаты уже после своего выдвижения объединились в предвыборные блоки, которые имели определенную политическую позицию [5. С. 253]. От Томской области депутатами при поддержке томского отделения движения «Демократическая Россия» (ДемРоссия) были избраны Д. Добжинский и А. Кобзев [8. Л. 22–25].

Выборы в областной и городской Советы Томской области проходили одновременно с выборами народных депутатов РСФСР (1990 г.). На этом этапе еще рано говорить об организационно оформленных политических партиях либерального толка, поэтому кандидаты, которые так или иначе выражали демократические принципы, шли на выборы от Томского народного движения (ТНД), в которое входили либеральные протопартии РПР и ДПР. По данным Томского комитета избирателей (ТКИ), в Областной совет от ТНД было выдвинуто 77 кандидатов, из них избрано 33, а в городской из выдвинутых 83 кандидатов прошли 38 человек [7. 24 мая 1990 г. С. 3].

В рамках избирательных циклов 1993–1994 гг. и 1995–1997 гг. проходили разноуровневые выборы от главы государства до выборов в местную городскую думу. Особое значение либеральные партии придавали выборам в представительный орган власти как на федеральном уровне – Государственная Дума, так и на региональном – региональный парламент. Ведь именно через депутатов в парламенте политические партии рассчитывали реализовывать свои программы. В вопросах регистрации и выдвижения кандидатов

предполагается, что региональные отделения партий должны проводить такую же политику, что и центральное руководство партии. Однако по отношению к либеральным партиям в Томской области дело обстояло иначе. Блок «Выбор России» в Томской области не был цельной организацией, в 1993 г. разгорелся конфликт между представителями отделения «Выбора России», созданного на базе объединения «Солидарность и реформы», во главе которого стоял В.А. Бауэр, и альтернативного отделения, возникшего в рамках томского отделения движения «ДемРоссия» [7. 27 окт. 1993 г. С. 1–2]. Центральное руководство ВР пыталось сгладить этот конфликт путем включения в партийный список представителей обеих организаций, однако этот спорный вопрос был решен конфликтной комиссией под руководством С.А. Ковалева без участия делегатов-томичей от «ДемРоссии». В итоге места в избирательном списке ВР заняли С.С. Сулакшин и В.А. Бауэр, но кандидаты от ДемРоссии продолжили в своей предвыборной кампании отстаивать принципы блока. После раскола РПР на две фракции в томском отделении 15 января 1994 г. была создана фракция на платформе «Я-Б-Л» во главе с Б.К. Шайдуллиным, в которую вошли 17 человек [7. 22 янв. 1994 г. С. 1.]. Состоявшееся 5 февраля 1994 г. отчетно-выборное собрание ТО РПР решило не принимать эту фракцию в качестве коллективного члена в свои ряды [9. 10 февр. 1994 г. С. 1]. Впоследствии, оформившись в партийную структуру, томская организация «Яблоко», хотя в своей практической деятельности и выступала с идеологических позиций российского «Яблока» и участвовала в его внутрипартийной жизни, позиционировала себя независимой от партии Явлинского [10. Л. 2–8].

В 1993 г. от томской организации ВР в Государственную Думу РФ I созыва баллотировались 2 кандидата – В.А. Бауэр и С.С. Сулакшин (оба кандидата победили в своем округе и были избраны депутатами). В 1995 г. в связи с конфликтом с центральным руководством партии В.А. Бауэр вышел из фракции ДВР и баллотировался от «Блока И. Рыбкина» [11. Л. 3], однако Томская организация ДВР также оказывала ему поддержку [12. Л. 51]. Помимо В.А. Бауэра также был поддержан С.С. Сулакшин, который и одержал победу по одномандатному округу [Там же. Л. 53]. Томская организация «Яблоко» в 1993 г. напрямую не выставила своих кандидатов на выборы в Государственную Думу, однако сами кандидаты заявляли о своих политических пристрастиях: фигурами, близкими к блоку «Яблоко», кроме Б.К. Шайдуллина, считались И.С. Вахрушева и М.В. Архипкин [7. 1993. 11 дек. С. 2]. Томское отделение ДПР заявило о своей поддержке С.П. Ильина [13. 1993. 3 дек. С. 2]. В 1995 г. напрямую от томской организации «Яблоко» баллотировался Б.К. Шайдуллин, а также было представлено пять кандидатов в региональную часть списка «Яблока» [14. Л. 1–4]. Результат Б.К. Шайдуллина оказался недостаточным для того, чтобы пройти в Государственную Думу II созыва (4,17%), что, по мнению «яблочников», было обусловлено противодействием со стороны местных органов власти [13. 1996. 13 янв. С. 3].

Общие результаты либеральных партий в Томской области на выборах в 1993 и 1995 гг. существенно отличались от общероссийских. По итогам голосования в Томской области в 1993 г. победу одержал «Выбор России» – 22,06% [15] (на общенациональном уровне победила ЛДПР) и оба кандидата заняли места в Государственной Думе РФ. Помимо этого, согласно статистике, Томская область вошла в десятку регионов, где организация «Яблоко» по сравнению с другими регионами набрала больше всех голосов – 11,81%, что означало в итоговой расстановке сил 3-е место [Там же]. В 1995 г. Томское «Яблоко» практически сумело повторить свой результат (10,37%), что было лучшим результатом по России и третьим по Томской области [Там же]. Региональная специфика Томской области вполне объяснима с точки зрения особенности томского электората – заявленные либералами ориентиры (рыночная экономика, правовое закрепление частной собственности, построение демократического государства) были довольно популярны в среде интеллигенции Томска.

Выборы в региональные парламенты также могли являться индикатором положения местных либеральных организаций. В Томской области 31 января 1994 г. представителями движений «ДемРоссия», ВРРПР, Демократического движения Томск-7, общества «Мемориал», движения «Экологическая инициатива» было подписано соглашение «О формировании предвыборного блока демократических сил», условно названного «Выбор России» [9. 3 февр. 1994 г. С. 2]. От него в областную Думу Томской области баллотировалось 8 кандидатов [Там же. 24 марта 1994 г. С. 3]. Столько же кандидатов представляли томское «Яблоко» [14. Л. 1–4]. Движение «Солидарность и реформы» выдвинуло 5 кандидатов [7. 26 марта 1994 г. С. 1]. В городскую Думу от «Выбора России» баллотировались 12 кандидатов [9. 24 марта 1994 г. С. 3]. На выборах в 1997 г. партия ДВР, бывшая некогда одной из наиболее значительных политических сил в области, практически утратила влияние и не смогла выставить своего кандидата в Думу в Томской области [16. Л. 3.]. От «Яблока» на этих выборах баллотировался один кандидат. Анализ итогов региональных выборов, проведенный П.С. Шараевым, свидетельствует о том, что депутатами региональных законодательных органов, в том числе и местного самоуправления, становились люди, обладавшие достаточными средствами для ведения избирательной кампании и использовавшие административный ресурс [17]. Депутатский корпус был сформирован в основном из руководителей крупных предприятий и глав местных администраций. Политические партии в таких условиях играли второстепенную роль. Показателем весьма скромного влияния партий на настроения избирателей являлся и высокий процент независимых кандидатов.

Информационное взаимодействие власти и либеральных политических партий включает в себя оповещение избирателей о программе и действиях политических партий, о выдвинутых кандидатах и ходе выборов. Томское объединение «Яблоко» проводило различные пропагандистские мероприятия, активно

сотрудничая с региональными СМИ (тележурнал «Власть», радио «Сибирь», телекомпания NTSC, ТРК «Эфир», газета «Томский Вестник»); организовало издание собственных газет («Сибирское обозрение», «ЭПИЦентр», «Все для Вас») [14. Л. 1–4]. Общество ЭПИЦентр («Центр экономических и политических исследований» Г. Явлинского) активно включилось не только в агитационную часть предвыборной кампании, но и в аналитическую работу: по результатам социологического опроса жителей Томска был составлен рейтинг проблем области. Эти результаты впоследствии были использованы в агитационной деятельности, направленной против томской администрации [18].

Парламентский формат взаимоотношений власти и политических партий подразумевает непосредственное участие последних в управлении регионом и страной. Это позволяет партиям через выбранных от их платформы депутатов проводить последовательный курс реформ, соответствующий заявленной на выборах программе. Такие взаимоотношения устанавливаются через фракции или депутатские группы, когда при решении того или иного вопроса расстановка сил имеет решающую роль.

После I Съезда СНД СССР (1989 г.) демократически настроенные депутаты образовали Межрегиональную депутатскую группу (МДГ), которая стала первой политической фракцией в советском парламенте [5. С. 267]. В ней работал депутат от Томской области С.С. Сулакшин. В СНД РСФСР расстановка сил была такова, что ни консервативные (блок «Российское единство»), ни радикальные (блок «Коалиция реформ») фракции не имели явного перевеса, поэтому ход сессии во многом определялся позицией, которую занимали депутаты умеренного блока (блок «Созидательные силы») [19. Л. 42]. Помимо этого, сплоченность депутатов во фракциях, а тем более в блоках была невысока [Там же]. Говоря в этом контексте о взаимодействии политических партий и фракций данного государственного органа, следует учитывать, что становление многопартийной системы и процедура формирования фракций проходили достаточно обособленно, с разной динамикой и своими внутренними закономерностями. После распада СССР и перехода к радикальным экономическим реформам усилилось взаимовлияние политической борьбы на парламентском и внепарламентском уровнях [19. Л. 56]. В этой политической ситуации стали заметны изменения в механизме взаимодействия политических партий и депутатских фракций. Традиционная модель образования фракций депутатов, представляющих ту или иную политическую партию, дополняется моделью, при которой фракции трансформируются в политические партии за счет создания внепарламентских организаций. Модель «фракция-партия» впервые была опробована «Демократической Россией» [Там же. Л. 57].

В Областном СНД образца 1990 г. из четырех депутатских групп демократически настроенные депутаты консолидировались в одной – «Демократический

Томск» (лидер – С. Сулакшин), которая была сформирована Томским отделением РПР. Кроме С. Сулакшина, в эту депутатскую группу входили также В.А. Бауэр и Б.К. Шайдуллин, которые впоследствии стали родоначальниками либеральных партий в Томской области. Данная депутатская группа считала необходимым отмежеваться от позиции председателя облисполкома (О.Э. Кушелевского) и политики, которую проводила депутатская группа «Действие», так как «централизация и монополизация исполнительной власти облисполкомом, несанкционированное Советом разгосударствление, ущемляющее права собственника городских и районных Советов, отсутствие гласности при принятии решений исполкомом, стремление исполкома представлять от имени области без согласования позиций и полномочий с Советом не согласуются с платформой облсовета и политикой Президента и Правительства РСФСР» [7. 1991 г. 16 июля].

Относительно позиционирования политических партий в представительном органе РФ – Государственной думе, можно сделать вывод, что выборы по смешанной системе в значительной степени способствовали политическому структурированию этого органа. Важнейшую роль в его работе стали играть фракции и различные депутатские группы и блоки. Данные фракции были образованы по модели «партия-фракция». Из Томской области во фракции ДПР работал С.С. Сулакшин, в депутатской группе «Новая региональная политика» – В.А. Бауэр (после выхода из фракции ДВР) [20. С. 43]. В Государственной думе II созыва депутат из Томской области С.С. Сулакшин входил в депутатскую группу «Народовластие» [Там же. С. 46].

Говоря о своей деятельности как законодателя, В.А. Бауэр выделил несколько приоритетных направлений: принятие закона об ответственности центра перед территориями, решение проблем села, производителей сельхозпродукции, совершенствование налоговой политики, реформирование системы пенсионного обеспечения, защита малообеспеченных слоев населения. Среди проблем Томской области: законодательные гарантии прав жителей 30-километровой «атомной» зоны, придание Томску статуса общероссийского центра по подготовке кадров, помощь предприятиям военно-промышленного комплекса и др. Также В.А. Бауэр обращался к главе администрации Томской области с предложением создать при администрации экспертную группу из 3–4 человек, которая помогла бы томским депутатам Федерального собрания разрабатывать проекты документов, касающихся интересов области, для их последующей реализации в высших эшелонах власти [9. 13 янв. 1994 г. С. 2].

На региональном уровне идеологические моменты при расстановке сил в представительном органе играли значительно меньшую роль. В Томской области из-за малого количества депутатов, выдвигаемых от политических партий, а также из-за большого количества беспартийных депутатов-хозяйственников невозможно было сформировать фракции на основе какой-либо партии.

Участие в деятельности исполнительных органов власти наряду с парламентской работой может позволить партиям оказывать непосредственное воздействие на принятие решений. Однако единая структура исполнительной власти в России, а значит, и в Томской области, несмотря на присутствие в ней некоторого количества членов политических организаций, формируется не по партийному принципу. В такой ситуации либеральные партии могут лишь либо поддерживать проводимый правительством курс, либо быть оппозицией. Как показывает российская практика, даже на федеральном уровне, если член либеральной партии занимал какой-либо пост в правительстве страны, он автоматически выходил из состава партии¹.

В начале 1990-х гг. Томское отделение РПР (когда еще было цельной партией), а также томское отделение движения «ДемРоссия» поддерживали реформы Е. Гайдара и его команды. III Съезд ТО РПР (1992 г.) так определил позицию партии по отношению к правительству: «Республиканская партия с самого начала его поддерживала, ценит его решительность и профессионализм, его готовность к корректировке своего курса с учетом результатов каждого шага реформы» [7. 5 сент. 1992. С. 3]. Однако также было заявлено, что «серьезно назвать нашу партию (РПР. – прим. авт.) правительственной нельзя, такое определение она приобрела в связи с тем, что, пожалуй, больше, чем любая другая политическая организация, выдавала авансов Гайдару и его команде» [Там же]. После раскола на две организации единство мнений относительно политики федерального правительства перестало существовать. Наряду с общероссийской организацией «Яблоко», которая на протяжении 1990-х гг. была «демократической оппозицией»² [21. Л. 84], томское «Яблоко» в апреле 1994 г. приняло решение находиться в конструктивной оппозиции к администрации области и признало возможность сотрудничества с областным и городским парламентами, если они поддержат «яблочную» идею развития региональной политики [7. 27 апр. 1994 г. С. 2]. Лидер же томского «Яблока» Б.К. Шайдуллин подчеркивал жесткую оппозиционность «яблочников», считавших главными болезнями существовавшего режима «его антиреформаторство, авторитаризм, патологический рост числа чиновников» [Там же. 17 марта 1994 г. С. 6].

В свою очередь, партия «Выбор России» начиная с 1993 г. являлась своего рода «правительственной» партией, поскольку именно члены данной партии отвечали за реализацию экономических реформ в стране. Преемник этой партии – ДВР, не сумев провести своих кандидатов в Государственную Думу II созыва, также решил сосредоточить усилия на сотрудничестве со структурами исполнительной власти. ДВР полностью курировал экономический блок, что означало ответственность партии перед обществом за проводившиеся экономические реформы. Однако многие исследователи считают, что при огромной ответственности за проводимую правительством политику, даже ту, к которой они не имели отношения, партия фактически не имела влияния на правитель-

ство [22]. Тем не менее позицию ДВР по отношению к правительству следует определять как сотрудничество. И «Выбор России» ТО РПР, и созданное С. Сулакшиным движение «Солидарность и реформы», от которого в региональный парламент прошли все заявленные депутаты, последовательно поддерживали курс российского правительства и президента Б.Н. Ельцина [13. 23 марта 1993 г. С. 1].

Отношение томских либеральных партий к самому Президенту РФ и его политике было различным. Несомненно, что в 1990-е гг. именно президент являлся центральной властной фигурой, исходя из личных отношений с которым и определялись властные позиции и возможности тех или иных политических партий. Первоначально демократические организации Томской области поддержали Б.Н. Ельцина в борьбе за президентский пост в 1991 г. Томское отделение «ДемРоссии» осудило решение Облсовета о приостановке действия указа Президента о приватизации на территории области [Там же. 4 февр. 1992 г. С. 3]. Но после 1991 г. в региональном отделении «ДемРоссии» наметилось охлаждение взаимоотношений с президентом. Томская областная организация была склонна к переходу в оппозицию правительству. Представители Томского отделения «ДемРоссии» отметили просчеты Б.Н. Ельцина, которые оказывали негативное влияние на развитие демократического движения: отказ от создания мощной консолидированной структуры на базе «ДемРоссии»; ошибочная кадровая политика, выразившаяся в назначении на руководящие посты в регионах представителей бывшей номенклатуры, которые не были заинтересованы в проведении реформ или недостаточно компетентны в этом вопросе; не были проведены выборы в законодательные собрания регионов, в результате чего они остались коммунистическими по своему составу; после августовских событий не была предложена конкретная программа дальнейших действий; не был решен вопрос о власти и т.д. [23]. Как уже было сказано, томские организации «Выбора России» фактически полностью поддерживали политику Б.Н. Ельцина, а томское «Яблоко» находилось в оппозиции. Однако существовал один вопрос, по которому мнение представителей либеральных политических партий было единым. Этот вопрос касался Чеченской войны: и ДВР, и «Яблоко» твердо выступали за ее прекращение. В Томской области «Яблоко» совместно с комитетом родителей военнослужащих проводило антивоенную кампанию в январе–мае 1995 г. [14. Л. 1–4].

Еще в ноябре 1991 г. в результате переговоров и консультаций между Б.Н. Ельциным и представителями политических партий³ стороны пришли к выводу о необходимости согласованных действий, направленных на поддержку реформ. Все проекты решений должны были разрабатываться на основании согласования позиций политических партий, парламентских фракций и движений и приниматься при их непосредственном участии [24. Л. 1–10]. Таким образом, Б.Н. Ельцин допустил политические партии до реальной политики. Предполагалось также, что все решения, принятые на федеральном уровне, незамедли-

тельно будут транслироваться на региональный, где местные представители партий смогут внести коррективы. Однако на практике государственные структуры фактически игнорировали политические партии, не представляя им проекты реформирования на экспертизу и предпринимая важные политические шаги без их согласия [24. Л. 23]. Такая линия поведения президента сохранялась на протяжении всех 1990-х гг. — он оставался беспартийным.

Однако для достижения своих целей, связанных с одобрением реформ, а также переизбранием на новый срок, Б.Н. Ельцин не стеснялся опираться на различные политические партии. В ходе избирательной кампании 1996 г. Президенту вновь понадобилась поддержка демократических сил. О невозможности такой поддержки сразу заявили «Яблоко» и Партия экономической свободы (ПЭС). Центральная организация ДПР поставила условием поддержки предоставление возможности сотрудничать с властью [13. 5 марта 1996 г. С. 2]. Не проявили решительности и региональные организации демократических партий: томская областная организация ДВР решила поддержать действовавшего президента лишь после «многочисленных совещаний и долгих раздумий» [Там же. 20 февр. 1996 г. С. 1, 3]. А в томском «Яблоке» и вообще произошел раскол (как, впрочем, и в федеральной партии): ряд членов организации проводили агитацию в поддержку Б.Н. Ельцина [25], в то время как Политсовет объединения выступил против поддержки кого-либо из кандидатов [7. Л. 10]. Еще осенью 1994 г. «Яблоко» выступило с заявлением о том, что политическое время Ельцина закончилось: «Все чаще президент Ельцин совершает грубые политические просчеты, все больше утрачивает связь с гражданами, демократической общественностью, все дальше и дальше отступает от курса на развитие реальной демократии и рыночных реформ, окружает себя людьми с запятанной репутацией, заигрывает с откровенно реакционными силами» [26].

У «Яблока» был и свой кандидат в президенты — лидер партии Г.А. Явлинский. Однако во время своей президентской кампании он фактически отказался от опоры на партийные структуры в регионах, а его кампания строилась как «персоналистская» [1. С. 319]. Кампания Явлинского протекала скупой: представители областных организаций «Яблоко» ограничились лишь выступлениями в прессе и распространением рекламной продукции [Там же. С. 320].

Результаты президентских выборов 1996 г. в Томской области еще раз подтвердили особое положение партии «Яблоко» — за кандидатуру Г. Явлинского проголосовало 10,9% избирателей [15], что было выше среднего уровня по стране. Во втором туре Томская область, по словам представителя администрации области Н.С. Кречетовой, «проголосовала правильно» [13. 18 июня 1996 г. С. 1]. За Б.Н. Ельцина было отдано 59,17% голосов [15], за Г. Зюганова — 33,69% [Там же]. В результате из регионов Западной Сибири Ельцин победил только в Томске.

На региональном уровне в вопросе взаимоотношений либеральных партий и главы исполнитель-

ной власти имели место сходные тенденции. Большая часть руководителей регионов в 1990-е гг. была также внепартийной. В Томской области в рамках второго избирательного цикла губернаторские выборы проходили дважды: 17 декабря 1995 г. и 19 сентября 1999 г. Согласно отчету о работе Томского объединения «Яблоко» с апреля 1995 г. [14. Л. 1–4] данная либеральная организация поддерживала кандидата И.И. Тютрина в режиме политического взаимодействия на основе договора, согласованного с Г.А. Явлинским. И.И. Тютрин заявил, что в рамках губернаторской избирательной кампании считает нецелесообразным предлагать развернутую долгосрочную программу, но если его выберут, то он незамедлительно проведет меры, включающие снижение зависимости области от центра, расширение комплекса мер социальной защиты, создание эффективной системы борьбы с преступностью, увеличение доходной части бюджета [13. 11 дек. 1995 г. С. 4]. Итогом выборов (1995 и 1999 гг.) стала убедительная победа действовавшего губернатора В.М. Кресса. Особую активность в критике губернатора на протяжении 1990-х гг. проявила именно томская организация «Яблоко», что соответствовало ее общей позиции. Главной причиной такого отношения являлось то, что В. Кресс опирался отнюдь не на весь спектр политического движения области, а только на вчерашнюю номенклатуру, именно поэтому его политика в области была малоэффективной [7. 17 марта. С. 6].

В целом на протяжении 1990-х гг. у томских либеральных партий, впрочем, как и у общефедеральных, не было общей стратегии поведения в отношении ор-

ганов власти. Если в 1989–1990 гг. идея борьбы с властью КПСС была основополагающей целью всех демократических организаций, в том числе и протолиберальных (они находились в оппозиции по отношению к действовавшим политическим институтам, стремились разрушить советскую политическую систему и создать демократическое государство), то в 1991–1999 гг. либеральный спектр партийности был разделен на два фланга: «ДемРоссия», затем ДВ и ДВР поддерживали руководство области и страны в проводившихся ими реформах, а «Яблоко», критикуя общий курс правительства, состояло к нему в конструктивной оппозиции.

При постоянном прохождении кандидатов от либеральных партий в Государственную Думу РФ, высоких результатах общефедеральных выборов, показанных «Яблоком» и ВР в Томской области, либералы фактически не были представлены в региональном парламенте, следовательно, они не могли реально влиять на политику региональных властей. Ситуация также осложнялась тем, что, постоянно критикуя деятельность губернатора и администрации области, томские «яблочники» не хотели сотрудничать с властью на ее условиях, тем самым утрачивая возможность управления регионом. Томские организации ДВР, выбрав сотрудничество с властью, также не могли содействовать хоть каким-то либеральным преобразованиям в области, поскольку все решения принимались беспартийным губернатором и его командой. Таким образом, влияние либеральных партий на политику институтов власти в Томской области в 1990-е гг. нельзя признать сколько-нибудь значимым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ От «Выбора России»: Г. Салтыков, Е.Ю. Сидоров; от объединения «Яблоко»: М.М. Задорнов, О.Г. Дмитриева, С.В. Грушак.

² Это означало, что представители этого движения отвергали способы и методы общественных преобразований, которые применялись в начале 1990-х гг.

³ Речь идет о Республиканской партии РФ, Демократической партии России, Народной партии «Свободная Россия», Социал-демократической партии России, Российском христианском демократическом движении, Народной партии России и Крестьянской партии России.

ЛИТЕРАТУРА

- Осипов А.Г. Политический спектр: формирование многопартийности в Западной Сибири 1986–1996. Новосибирск, 2003. 254 с.
- Пучкин Д.Т. Становление политических организаций либеральной ориентации в Западной Сибири. 1988–1996 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004. 214 с.
- Осташова Е.А. Политические организации Западной Сибири на выборах в органы власти 1993–1999 годов (на примере Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 297 с.
- Григорьева Л.А. Взаимоотношения государства и политических партий в современной России : дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 196 с.
- Кынев А.В. Партии и выборы в современной России: эволюция и деволюция. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 792 с.
- Протоколы Конференций и собраний трудовых коллективов о выдвижении кандидата в народные депутаты СССР С. Сулакшина // Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 1801.
- Народная трибуна : обл. еженед. газета. Томск.
- Информация, обобщенные справки, докладные записки о ходе подготовки и проведении выборов в РСФСР // ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 2063.
- Красное знамя : том. обл. еженед. общ.-полит. газета. Томск.
- Устав Томской организации «Яблоко» // Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 5864. Оп. 1. Д. 3.
- Документы об отзыве Бауэра с поста председателя комитета по организации работы Государственной Думы и исключении его из фракции «Выбор России» // ЦДНИ ТО. Ф. 5754. Оп. 1. Д. 25.
- Протоколы № 4–19 заседания политсовета и приложения к ним // ЦДНИ ТО. Ф. 5754. Оп. 1. Д. 17.
- Томский вестник : обл. еженед. общ.-полит. газета. Томск.
- Отчет о работе томского объединения «Яблоко» с апреля 1995 г. // ЦДНИ ТО. Ф. 5864. Оп. 1. Д. 7.
- Центральная избирательная комиссия РФ / Томская область. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/arhivfci/70/70_list.html (дата обращения: 10.11.2015).

16. Документы об участии отделения ДВР в избирательных кампаниях // ЦДНИ ТО. Ф. 5754. Оп. 1. Д. 24.
17. Шараев П.С. Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е гг. XX в. (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). Томск : ТМЛ-Пресс, 2007. 205 с.
18. Шайдуллин Б. Преступность. Власть. Гражданин // Эпицентр. 1995.
19. Аналитические справки о деятельности фракций и расстановке политических сил в РСФСР // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10026. Оп. 9. Д. 8.
20. Петров А.В. Политические партии современной России: федеральные тренды, региональные возможности. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 164 с.
21. Программные и уставные документы, документы конференций и съездов, информационно-аналитические и другие материалы общественно-политических движений и партий // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 662. Оп. 3. Д. 66.
22. Малинова О.Ю. Либерализм в политическом спектре России. URL: <http://www.yabloko.ru/Publ/Liber/olga.html> (дата обращения: 10.11.2015).
23. Новиков С.В. Политические партии, общественно-политические движения, пресса, избиратель Западной Сибири: проблемы взаимовлияния. 1988–1996. Омск : Изд-во ОмГАУ, 2002. 364 с.
24. Документы о подготовке встречи Президента РФ с представителями парламентских фракций, политических партий и движений // ГАРФ. Ф. 10026. Оп. 9. Д. 1.
25. Документы о политической борьбе среди томских «яблочников» // ЦДНИ ТО. Ф. 5864. Оп. 1. Д. 19.
26. Общероссийская общественная политическая организация «Объединение Яблоко». URL: <http://www.yabloko.ru/Union/gdy.html> (дата обращения: 10.11.2015).

Статья представлена научной редакцией «История» 2 декабря 2015 г.

ON THE RELATIONS BETWEEN LIBERAL PARTIES AND REGIONAL AUTHORITIES IN TOMSK OBLAST IN THE 1990S

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 36–43. DOI: 10.17223/15617793/402/6

Vorobyeva Veronika S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 63.Oniks@gmail.com

Keywords: liberal parties; Tomsk Oblast; elections; regional parliament; executive branch.

During the 1990s in Tomsk Oblast, there was a process of political pluralism legalization. This was due to the intensity of social and political processes, intellectual potential and high social-political activity of the population. Regional liberal spectrum was presented by two main directions – classic liberalism and social liberalism. Classic liberalism was represented by the Republican Party of Russia (before the dissociation into two organizations), the Choice of Russia, followed by the Democratic Choice of Russia and the Democratic Party of Russia. Social liberalism was presented by the political organization Yabloko. The regional specificity of Tomsk Oblast was expressed in the fact that liberal parties gained quite a respectable number of votes in the elections of different levels. This could be explained by the fact that the alleged liberal orientation (market economy, legalization of private property, construction of a democratic state) was quite popular among Tomsk intelligentsia. After the dissolution of the Soviet Union, Tomsk Oblast became a full member of the Russian Federation. In Tomsk Oblast, there were large-scale radical economic reforms, the formation of executive power and regional parliament. In this situation, liberal political parties became an independent actor in the regional political process and took the responsibility of public decision. They had to be in constant and direct contact with the authorities, which prompted the latter to establish certain “rules of the game”. Therefore, further development of the political system in Tomsk Oblast depended on the relationship between these actors of the regional political process. The author analyzed the content of the relationship between liberal parties and regional authorities in the electoral, parliamentary and government aspects. It was concluded that Tomsk liberal parties, as well as parties’ federal structures, did not have overall behavior strategies. Liberal partisanship range had been divided into two wings. Tomsk branch of the Republican Party of Russia (later, the block Choice of Russia and the party Democratic Choice of Russia) supported regional and federal authorities in their reforms. The Tomsk organization Yabloko, criticizing the general course of the government, was in constructive opposition to it. Despite the fact that the candidates of the liberal parties were members of the State Duma of the Russian Federation and the parties themselves achieved good results in the general federal elections in Tomsk Oblast, they actually were not represented in the regional parliament and could not really influence the policy of regional authorities. The situation was also made more complicated by the fact that, constantly criticizing the actions of the Governor and the regional Administration, Tomsk Yabloko did not want to cooperate with the government on its terms. The Tomsk organization Choice of Russia decided to cooperate with the authorities, but also could not contribute to any of the liberal reforms in the region, because the non-partisan Governor and his team made all decisions. Thus, the position of the liberal parties in Tomsk Oblast in the 1990s was not powerful and strong.

REFERENCES

1. Osipov, A.G. (2003) *Politicheskiy spektr: formirovaniye mnogopartiynosti v Zapadnoy Sibiri 1986–1996* [The political spectrum: the formation of a multiparty system in Western Siberia in 1986–1996]. Novosibirsk.
2. Puchkin, D.T. (2004) *Stanovleniye politicheskikh organizatsiy liberal'noy orientatsii v Zapadnoy Sibiri. 1988–1996 gg.* [The formation of political organizations of the liberal orientation in Western Siberia. 1988–1996]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
3. Ostashova, E.A. (2014) *Politicheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri na vyborah v organy vlasti 1993–1999 godov (na primere Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey)* [Political organizations of Western Siberia in the elections to the authorities of 1993–1999 (by example of Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk Oblasts)]. History Cand. Diss. Tomsk.
4. Grigor'eva, L.A. (2009) *Vzaimootnosheniya gosudarstva i politicheskikh partiy v sovremennoy Rossii* [Relations between the state and political parties in modern Russia]. Political Science Cand. Diss. Moscow.
5. Kynev, A.V. (2011) *Partii i vybory v sovremennoy Rossii: evolyutsiya i devolyutsiya* [Parties and elections in contemporary Russia: evolution and devolution]. Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”.
6. Protokoly Konferentsiy i sobraniy trudovykh kollektivov o vydizhenii kandidata v narodnye deputaty SSSR pp. Sulakshina [Minutes of conferences and meetings of labor collectives to nominate a candidate for People's Deputies of the USSR, S. Sulakshin]. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 1801.
7. *Narodnaya tribuna*. Tomsk.

8. Informatsiya, obobshchennye spravki, докладные записки о ходе подготовки и проведении выборов в РСФСР [Information, generic reference, reports on the preparation and conduct of elections in the Russian Federation]. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 2063.
9. *Krasnoe znamy*. Tomsk.
10. Ustav Tomskoy organizatsii "Yabloko" [Charter of Tomsk organization Yabloko]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5864. List 1. File 3.
11. Dokumenty ob otzyve Bauera s posta predsedatelya komiteta po organizatsii raboty Gosudarstvennoy Dumy i isklyucheni ego iz fraktsii "Vybor Rossii" [Documents on the revocation of Bauer as chairman of the organization committee of the State Duma and his exclusion from the Choice of Russia faction]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5754. List 1. File 25.
12. Protokoly № 4–19 zasedaniya politsoвета i prilozheniya k nim [Minutes 4–19 of the meeting of the political council and supplements]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5754. List 1. File 17.
13. *Tomskiy vestnik*. Tomsk.
14. Otchet o rabote tomnskogo ob"edineniya "Yabloko" s aprelya 1995 g. [Report on the work of the Tomsk association Yabloko since April 1995]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5864. List 1. File 7.
15. Tsentral'naya izbiratel'naya komissiya RF. Tomskaya oblast' [The Central Election Committee of the Russian Federation. Tomsk Oblast]. [Online]. Available from: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv/arhivfci/70/70_list.html. (Accessed: 10 November 2015).
16. Dokumenty ob uchastii otdeleniya DVR v izbiratel'nykh kampaniyakh [Documents on the participation of the Democratic Choice of Russia department in election campaigns]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5754. List 1. File 24.
17. Sharaev, P.S. (2007) *Zakonodatel'nye organy gosudarstvennoy vlasti v sub"ektakh RF v 90-e gg. XX v. (na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey)* [The legislative bodies of state power in the subjects of the Russian Federation in the 1990s (on materials of Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk Oblasts)]. Tomsk: TML-Press.
18. Shaydullin, B. (1995) Prestupnost'. Vlast'. Grazhdanin [Crime. Power. Citizen]. *Epitsentr*. December.
19. Analiticheskie spravki o deyatelnosti fraktsiy i rasstanovke politicheskikh sil v RSFSR [Analytical reports on the activities of factions and the alignment of political forces in the Russian Federation]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10026. List 9. File 8.
20. Petrov, A.V. (2014) *Politicheskie partii sovremennoy Rossii: federal'nye trendy, regional'nye vozmozhnosti* [Political parties of modern Russia: federal trends, regional capabilities]. Irkutsk: Irkutsk State University.
21. Programmnye i ustavnye dokumenty, dokumenty konferentsiy i s"ezdov, informatsionno-analiticheskie i drugie materialy obshchestvenno-politicheskikh dvizheniy i partiy [The program documents and statutes of conferences and congresses, information and analytical and other materials on socio-political movements and parties]. Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 662. List 3. File 66.
22. Malinova, O.Yu. (1997) *Liberalizm v politicheskom spektre Rossii* [Liberalism in the political spectrum of Russia]. [Online]. Available from: <http://www.yabloko.ru/Publ/Liber/olga.html>. (Accessed: 10 November 2015).
23. Novikov, S.V. (2002) *Politicheskie partii, obshchestvenno-politicheskie dvizheniya, pressa, izbiratel' Zapadnoy Sibiri: problemy vzaimovliyaniya. 1988–1996* [Political parties, socio-political movements, mass media, the elector of Western Siberia: the problem of interference. 1988–1996]. Omsk: OmGAU.
24. Dokumenty o podgotovke vstrechi Prezidenta RF s predstavitel'yami parlamentskikh fraktsiy, politicheskikh partiy i dvizheniy [Documents on the preparation of the meeting of the Russian President with the representatives of parliamentary factions, political parties and movements]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10026. List 9. File 1.
25. Dokumenty o politicheskoy bor'be sredi tomskikh "yablochnikov" [Documents on the political struggle among the Tomsk Yabloko members]. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 5864. List 1. File 19.
26. *Obshcherossiyskaya obshchestvennaya politicheskaya organizatsiya "Ob"edinenie Yabloko"* [The All-Russian public political organization "Ob"edinenie Yabloko"]. [Online]. Available from: <http://www.yabloko.ru/Union/gdy.html>. (Accessed: 10 November 2015).

Received: 2 December 2015

САКРАЛЬНЫЙ МИР ЯКУТСКОГО СКАЗИТЕЛЯ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496.

Освещается культурологический аспект якутского сказительства. Рассмотрены малоизученные факты из жизни олонхосутов, которые в народной памяти остались как великие певцы-импровизаторы. Само бытование якутского сказительства свидетельствует о существовании различных табу и поверий, связанных с верованиями народа. Утверждается идея об обусловленности сакральной стороны сказительства задачами передачи важных сведений, сохраненных в якутском героическом эпосе-олонхо.

Ключевые слова: сакральная сторона; олонхо; сказительство; табу и запреты; сохранность традиций.

Со времен Гомера, Бояна вокруг имен знаменитых исполнителей эпического жанра устного народного творчества существовал некий ореол таинственности. Описания их жизни, рассказы о получении дара певца, а также необычные обстоятельства, сопровождавшие сказителей в земной жизни, – все вызывало интерес не только у современников, но и у последующих поколений, представителей разных народов. Не являются исключением и олонхосуты – исполнители якутского героического эпоса олонхо. Как и в любом искусстве, среди олонхосутов, или, как принято обозначать в научной литературе, сказителей, особо почитаемы были именно те, которые поражали слушателей своим неповторимым талантом и в народной памяти остались как великие певцы-импровизаторы. Про них слагаются и передаются из уст в уста легенды, где постоянным лейтмотивом звучит утверждение о том, что сказительство – это сакральное искусство, и не всякому дано быть олонхосутом, а если человеку судьбой предназначено стать великим сказителем, то он должен взамен небесному дару отдать свое счастье. В свою очередь, само бытование якутского сказительства свидетельствует о существовании различных табу и поверий, связанных с верованиями народа. В статье предпринята попытка заглянуть в сакральный мир якутского сказителя, чтобы поразмыслить над его природой, отраженной в устном народном творчестве.

В обширной литературе о сказителях значительное место занимает описание искусства якутских олонхосутов. Первые записи об олонхо, сделанные А.Ф. Миддендорфом во время его путешествия на север и восток Сибири, были опубликованы О.Н. Бётлингком в его фундаментальном труде «О языке якутов», изданном в 1851 г. В Приложении указанного труда в качестве образца устного народного творчества якутов было приведено небольшое олонхо А.Я. Уваровского, якутянина – автора первого литературного произведения на якутском языке, считавшего якутский язык своим родным [1]. Позднее экспедицией Р.К. Маака (1854–1855 гг.) по Вилюйскому округу были зафиксированы небольшие тексты двух олонхо, 21 загадки, текст древней клятвы. Первые образцы олонхо им были записаны непосредственно от исполнителей, и тем ценны его наблюдения: «Способность некоторых якутов к рассказыванию сказок особенно меня поражала; хотя я и заме-

чал, что рассказчики позволяли себе иногда импровизации, но большинство слышанных мною сказок от одного и того же лица передавались мне без большой перемены и без прибавлений в главном. Иногда даже рассказчиком передавались сказки слово в слово, что указывало на замечательную память. Сюда относятся особенно такие сказки, в которых главную роль играли богатыри» [2. С. 300]. В отличие от первых отрывочных сведений об олонхосутах, в труде сосланного в г. Верхоянск Якутской области И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа», изданного столетие спустя после завершения, содержится относительно подробная характеристика феномена якутских сказителей-олонхосутов [3. С. 365–368]. Опытный фольклорист подметил такие существенные черты якутского сказительства, как необычная долгота исполнения олонхо, неразлучность интонирования с песней: «и начинается сказочник “петь-говорить” целую эпопею», «они пели и сказывали целые сутки и голос их становился все громче и громче...»; также интересно и то, что он обратил внимание на сакральную сторону этого явления, связанную с верованиями народа. Например: «Танцор, певец, сказочник не бывают людьми, – говорит якутская пословица» [3. С. 365]. Также: «С хорошим певцом дьявол вместе поет, певец не должен останавливаться... человек должен постараться и кончить раньше и сказать тотчас ему: “Я лучше тебя пою; я перегнал тебя!” Этим он спасается» [Там же].

Краткие, но емкие записи о «драматизированном пении» якутов сделал В.Л. Серошевский, автор крупного этнографического исследования «Якуты», проживший в якутской ссылке 12 лет (1880–1892 гг.): «...кроме голоса, фантазии, художественного чутья, якутский певец должен обладать громадной памятью, так как ему приходится помнить сотни тысяч стихов» [4. С. 573]. Как и И.А. Худяков, В.Л. Серошевский отметил особое отношение якутов к олонхосутам, привел народные, как он пишет, «афоризмы» о печальной судьбе певцов. Ему удалось даже объяснить причины несчастья народного певца: «Не петь певцу нельзя, как нельзя шаману не шаманить. Шаман за свою силу платит здоровьем, мы за свою силу платим счастьем». «Певец бывает несчастлив. Он тревожит своей песней духов и обращает на себя их внимание» [Там же]. Примечательны записи В.Л. Серошевского об обучении искусству сказительства, о многократном

повторении вслед за старым певцом стихов и песен олонхо, причем отмечается, что обучение иногда бывало платным. «Кроме голоса, фантазии, художественного чутья, якутский певец должен обладать громадной памятью, так как ему приходится помнить сотни тысяч стихов» [4. С. 578]. Также интересен его вывод: «Что-то более крепкое, чем сами боги, лежит в основе якутской эпической драмы. Но это не рок, а скорее живая, деятельная человеческая воля» [Там же. С. 592]. В этих словах чувствуется больше, чем просто признание мировоззренческого содержания якутских олонхо, в них – восхищение и преклонение перед интеллектуальной мощью и силой творческой фантазии создавшего его народа.

Другой политемный, Э.К. Пекарский, во время работы над «Словарем якутского языка» и выпусками «Образцов народной литературы якутов» (1907–1911 гг.) непосредственно работал со сказителями, был лично знаком со многими из них. Миинэ Уола Дьөгүөрсэ, Константин Оросин, Мария Ионова-Андросова и другие талантливые сказители из народа помогали ему собирать устное народное творчество якутов, а грамотные из них (К.Г. Оросин и М.Н. Андросова) собственноручно записывали олонхо, представляющие ранние образцы аутентичных текстов.

Знаком устнопоэтического творчества, писатель и ученый П.А. Ойунский выполнил специальный научный труд по героическому эпосу олонхо, им был основан научно-исследовательский Институт языка и культуры, благодаря деятельности которого создан основной архивный фонд по олонхо [5. С. 215–220]. Выявленные материалы послужили основой для дальнейших теоретических исследований эпосоведов В.М. Гацака [6] В.М. Жирмунского [7], В.Я. Проппа [8, 9], Е.М. Мелетинского [10], А.А. Петросян [11], Б.Н. Путилова [12], С.Ю. Неклюдова [13], К.В. Чистова [14] и др.

Из последующих фольклористов, затронувших тему сказительства, наиболее известны имена И.В. Пухова [15, 16], Г.У. Эргиса [17], В.В. Илларионова [18], которые освещали особенности якутского сказительства, указывая на неповторимое мастерство и индивидуальный стиль сказителей.

Поскольку и сказитель, и шаман относятся к избранной категории людей в тюрко-монгольском мире, большой интерес вызывают труды, рассматривающие указанные фигуры в функционально-составительном аспекте. Типологические особенности, а также проблема соотношения функций шамана и сказителя освещены авторами [19, 20], подробно раскрыты в трудах Д.А. Функа. В фундаментальном исследовании Д.А. Функа «Миры шаманов и сказителей» на базе телеутских и шорских материалов находим весьма интересные факты, перекликающиеся с темой данной статьи [21, 22]. В частности утверждается: «Важным моментом в избранничестве сказителей, как и шаманов, считалось сошествие к будущему сказителю духов – тös. В отношении шаманов такое сошествие обычно определялось стандартной формулой тös па-сыпчалар – “духи дают” и влекло за собой то, что обычно именуется “шаманской болезнью”. Прямых

свидетельств “сказительской болезни” у шорцев отмечено не было. <...> Есть сообщения о том, что у шаманов и кайчи тös одни и те же» [21. С. 33]. Взгляды якутов на этот вопрос нами приводятся ниже. Выявлено, что сходства с якутскими традициями проявляются на различных уровнях: например, исследователем установлены единичные случаи полного соединения шаманских и сказительских функций у одного человека; отмечается, что искажение текстов запрещено, если это осознается исполнителем [Там же. С. 41, 43]. Итак, обращаясь в этой статье к сакральной стороне бытования сказительства, мы задаемся скромной целью приобщить новые сведения к интерпретации фольклорного материала в рамках конкретной этнической культуры.

О том, как много различных поверий и табу связано с искусством сказителя, лучше всего поведают сами олонхосуты. В воспоминаниях народного писателя Якутии В.М. Новикова-Күннук Уурастырова о своем земляке, знаменитом олонхосуте Т.В. Захарове-Чээбий есть такой момент: «В 1930 г. я с ним встретился в последний раз. Тогда он как бы в шутку сказал:

– Я так и до конца еще не исполнил свое олонхо.

– Почему?

– Большой (в значении *великий* – здесь и далее представлен наш перевод текстов с якутского на русский язык. – Г.М.) олонхосут никогда не должен до конца петь-сказывать олонхо. Если он сделает это, то с этого момента его олонхо придет в упадок, ибо подойдет к своему концу, как и все сущее на свете. Если я узнаю о близкой кончине, то только тогда решусь исполнить олонхо до самого конца» [23. С. 34].

Известного олонхосута И.И. Бурнашева-Тон Суоруна старейшины рода не раз предостерегали от чрезмерного усердия в подражании знаменитым олонхосутам при описании сотворения Среднего мира и Мирового дерева-Аал Дууп Мас: «Ты слишком усердствуешь в перечислении имен божеств из Верхнего мира, это большой грех – все упоминать их старинные имена. У тебя есть дети, береги их, остерегайся от громких слов» [24. С. 9]. Аналогичный случай рассказан дочерью олонхосута из Таттинского улуса Степана Егоровича Андросова-Куохтаана (1895–1948): «Однажды отец рассказал нам о своем весте сне из раннего детства, пророчившем ему судьбу олонхосута. Он рассказывал об этом очень подробно, в мельчайших деталях, я хорошо помню это. Впоследствии жена дальнего родственника отца Ивана Ойуотама из Жулейского наслега (кажется, она удаганкой была) при встрече с отцом в с. Черкёх прямо сказала ему: “Степан, тебе не следует слишком подробно и витиевато изображать иные миры в своих олонхо. Не к добру это, что-то не по себе мне, нехорошие предчувствия одолевают”. С тех пор отец с сожалением говорил, что никогда после того разговора не решался нарушать запрет удаганки» [25. С. 21].

А сын олонхосута И.М. Давыдова К.И. Давыдов вспоминает: «Как-то я услышал, как отец рассказывал: “В своих олонхо никогда не привожу описания шаманских путей, их обрядов из-за того, что у меня дети. Считаю грехом, хотя сам хорошо знаю

тойуки-камлания шаманов и их пути-дороги (по которым они ездят в иные миры. – Г.М.)» [25. С. 36]. Известным краеведом еще приводятся такие сведения: «Из последнего поколения баягинских сказителей особо выделялся Конон Кононович Попов-Ырья Куонаан... Иногда, не в силах унять страстное желание петь, пел-проклинал, обхватив руками, цветущую лиственницу, после чего дерево высыхало. Он и погиб-то от нервной болезни, будучи совсем молодым, из-за того что не смог совладать с даром»; а Егор Петрович Кривошапкин тоже перестал рассказывать после того, как однажды во время исполнения им олонхо, три раза раздалось: «Ноо!» (подбадривающий возглас. – Г.М.) из смежного помещения-хотона для скота [Там же. С. 43, 44].

Рассказы об олонхосутах часто сопровождаются быличками о необычных обстоятельствах во время исполнения эпоса. В Тюбей-Жарханском наслеге Сунтарского улуса жил олонхосут Иванов Иннокентий Васильевич-Бүлүүс оюнньор. Приводим рассказ его внука: «В молодости дед много рассказывал олонхо. И вот как-то раз, сидя перед камельком, начал петь-рассказывать. Когда дошел до середины олонхо, появились три мыши и уселись перед олонхосутом, как бы тоже внимая его исполнению. Затем мыши начали драться друг с другом. Дед, считая это плохой приметой, схватился за метлу, прислоненной к камельку. Выдернул прутик из метлы и стал им бить мышей, только тогда они убежали. Дед перестал рассказывать и вскоре уснул. А наутро оказалось, что у него сильно заболело горло, и с тех пор голос его совсем испортился, весь хриплый стал, а ведь у него был такой звучный, похожий на женский, высокий голос. Больше не пел, только рассказывал. Думается, что мыши стали драться, подражая героям олонхо» [26. С. 41–42].

Из поколения в поколение передавалось поверье, что с хорошим певцом состязается абаасы-демон. Как рассказывает дочь народного певца Т.А. Титова-Ырья Тиитэп, славившегося своим неповторимым мастерством в исполнении песен олонхо, духа иногда удаётся перехитрить: «Отец рассказал один случай, произошедший с ним. Однажды, осенью на охоте, его настигла ночь. Отец, сидя у костра, ждал, когда закипит вода для чая, и курил. Вдруг услышал, как кто-то поет *тойук*, и стал вторить пению. Спустя некоторое время, чтобы запутать невидимого демона, отец пропел особенные, запретные слова, после которых пение внезапно прекратилось. Если бы он сидел и просто слушал, то помер бы» [Там же. С. 64].

По сведению информантов В.Г. Петрова и А.А. Дмитриева, однажды, когда сказитель И.П. Догоюков возвращался домой, на него напал злой дух абаасы и потребовал сразиться с ним в пении. Они состязались до тех пор, пока абаасы неправильно произнес магическое слово, обращенное к верховным божествам. Тогда злой дух признал свое поражение и удалился [27. С. 23]. Причем внимания духов удостаивался лишь певец с выдающимися вокальными данными.

Известно, что ближайшие родственные тюркские этносы, проживающие в Южной Сибири, – алтайцы, тувинцы, хакасы, шорцы – за тысячу верст от Якутии в эпическом творчестве сохранили отдельные черты,

свидетельствующие об общих корнях. Прежде всего, слова *кай*, *хай*, *кайчи*, *хайджи* в якутском языке имеют аналог *хай*, хотя как самостоятельная лексическая единица не употребляются. В якутском языке это слово достаточно часто встречается в составе парных слов выражений: *ый-хай бөбөнү түһэрдэ* (поднял крик), *ытаабытын кубулуппакка ыйды-хайды сыта* (не переставая кричала-плакала).

О знаменитом кайчы Кабаке Тадыжекове люди говорили, что нет в черни лучшего кайчы, он «ээле кайчы», т.е. «сказитель, наделенный даром ясновидения», имеющий контакт с божеством Алтай-Кудай, духами гор и местностей. «По поверью устами *ээлү кайчы* сам дух сказания исполняет. Бытует поверье, что у *ээлү кайчы* топшур “говорящий”. Он может продолжать звучать даже тогда, когда *ээлү кайчы* прерывает сказание, чтобы отдохнуть» [28. С. 356]. Хакасский сказитель Петр Куржибеков обладал редким талантом поднять услышанное им богатырское сказание до уровня подлинной художественности. Не случайно в народе его звали *ээлиг хайчы*, т.е. «сказитель, имеющий личного духа-хая». Таким эпитетом награждают только великих *хайджи-нымахчи*, виртуозно владеющих сказительским мастерством [29. С. 24]. В статье А.И. Чудоякова «Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова» приводятся табу, связанные с поверьями в духа кая. Поскольку эпические традиции шорцев и якутов имеют схожие черты, вызывают интерес табу и поверья, общие для обеих традиций. Как пишет исследователь, «...раньше рассказывать сказки, кайларить (петь каем) разрешалось только ночью, а днем – строжайшим образом запрещалось. Считалось, что кай-ээзи (“хозяин” кая) не разрешает делать этого днем. Нарушителей табу он строго наказывает: отнимает у кайчи память и даже душу» [30. С. 30]. Далее исследователь приводит наблюдения Н.П. Дыренковой, относящиеся к 20–30 гг. прошлого столетия: «Днем сказители обычно не рассказывали героических поэм. Если же рассказывали, то без концовок». Причем считалось необходимым начатую поэму рассказать до конца в эту же ночь или же дорассказать в следующую ночь, в противном случае сказитель становится забывчивым, а жизнь укорачивается. Кроме того, кай-ээзи запрещал сокращать, искажать, изменять текст сказания [Там же. С. 31]. Косвенным подтверждением древности такой традиции говорит то обстоятельство, что и у бурятов исполнение улигера всегда предполагало верность предшествующей традиции и соблюдение точности в воспроизведении унаследованного текста [31. С. 13].

Якутский олонхосут тоже не имел права произвольно толковать, заменять непонятные слова и выражения. Автор данной статьи выросла в семье олонхосута и имеет возможность засвидетельствовать правдивость такого утверждения. В книге «Олонхохут Доропуун» («Сказитель Трофим») об этом рассказывают его дети: «Если у отца спрашивали о том, что означает то или иное выражение, он кратко отвечал: “Так говорили исстари. Я должен передавать так, как услышал сам”. Отец два раза овдовел, потерял ребенка, естественно, очень переживал,

но никак это не связывал с тем, что он был олонхосут-ом, пока однажды ему не приснился сон, в котором ему было предложено выбирать между своим пением и гнездышком с птенчиками. Когда он выбрал гнездо, его строго предупредили: «Раз ты предпочел это, то должен отречься от олонхо!» С тех пор он никогда не сказывал, не желая подвергать опасности жизнь своих детей. Более того, когда встречался с исследователями, он стал всячески принижать свое искусство, чтобы души его оставили в покое и больше не преследовали. Между тем, в архиве ИГиИПМНС СО РАН сохранились записи С.И. Дьячковского-Сэһэн Боло, известного собирателя якутского фольклора, где он считает его одним из лучших олонхосутов Вилуйского региона, услышанных им лично» [32. С. 6, 16]. Отметим, что приведенное вынужденное защитное действие олонхосута – не характерное явление. Гораздо чаще использовался прием отвлекающего пения, когда олонхосут завершал исполнение эпоса какой-либо песней, не имеющей связи с предыдущим: о природе, родных местах и пр. [33. С. 152]. Записи о том, что талантливых сказителей сопровождает неудача в личной жизни, можно найти почти в каждой книге об олонхосутах [25. С. 36; 27. С. 22, 23, 121; 34. С. 37; 35].

Строгих запретов по гендерным признакам в якутской традиции не наблюдается, но женщин-олонхосутов даже в пору активного бытования сказительства (XVIII–XIX вв.) было мало, за исключением немногих одаренных, как вышеупомянутая М.Н. Андросова-Ионова. Талантливыми олонхосутами в середине XX в. были Е.Е. Иванова из Амгинского и П.М. Терютина из Чурапчинского улусов. Из последнего поколения сказительниц выделяется Д.А. Томская-Чайка, уроженка Верхоянского улуса. Таким образом, в течение двух столетий на фоне сотен известных олонхосутов-мужчин общенародное признание получили всего несколько женщин-сказительниц. Вполне вероятно, что такое положение дел может быть отзвуком ранее существовавших табу, нашедших реальную основу в борьбе за выживание в условиях сурового севера, когда женщина подолгу не могла отвлекаться от ведения хозяйства и занимается сказительством, как мужчина, который мог более свободно располагать своим временем. Известно, что традиции живут долго, если они исходят из нужд этноса, а в их соблюдении существует реальная необходимость. Так, в Шории запрещалось сказывать сказки летом, разрешалось – осенью и зимой, после загона скота в зимние скотные дворы [30. С. 31]. Схожие поверья бытуют и у тувинцев. Произведения этого жанра рассказывали и слушали везде, где собирались люди: в юртах после дневного труда, на отдыхе во время охоты, на тое в честь новорожденного и даже в дни похоронных обрядов. Существует поверье, согласно которому после исполнения эпических сказаний и сказок удачливее бывает охота [36. С. 16]. Якутских сказителей, совмещавших сказительство и шаманство, было относительно немного. В Мегино-Кангаласском улусе в пору активного бытования олонхо олонхосутами-шаманами были Апросимова Татьяна-удаганша Татьяна, Макаров Василий-шаман

Ньогорулла, Абрамов Петр-шаман Алаадды, Аргунов Иннокентий-шаман Дьалкысыап, Окорокова (имя не сохранилось)-удаганка Кыйытыыр и Никита Петрович Яковлев-шаман Курууппа [Там же. С. 7].

Весьма любопытным материалом предстает текст олонхо шамана Н.П. Яковлева-Курууппа ойуун. По свидетельству составителей книги «Даадар Хара», в нем, особенно по части описания путешествия богатыря в Верхний и Нижний миры, присущи идиолекты, по которым можно предположить, что сказитель является еще и шаманом [37. С. 17].

Описание одного только священного дерева – Аал Луук Кудук Мас – занимает 836 строк, что не характерно для среднего объема эпического текста. При жизни шамана были записаны его воспоминания и мировоззренческие представления. В камлании шаман Курууппа обращается к божествам, имена и функции которых отличаются от эпических небожителей – айыы. К примеру, при душевной болезни шаман обращается к Хоптолоох Куоҕай Хотун (Госпоже Куогай с Чайкой) и Ытыктаах Ырыа Чураайы (Поющей Чураайы Священной), при болезни суставов – к Истоку Северной Гибельной Преграды, а в камлании по поводу рождения уродливого теленка – к Госпоже Кумааһа и Господину Кутаччы из Верхнего мира [38. С. 9, 10]. Упоминаемые персонажи относятся к существам, посылающим разные бедствия и болезни, то есть, так же как и злые существа-шаманские абаасы, они не имеют ничего общего с эпическими айыы и абаасы. По воспоминаниям самого шамана, он сказителем стал только в пожилом возрасте, тогда как камлать начал еще совсем ребенком. Тогда же и пережил шаманскую болезнь [38. С. 5].

Несколько по-другому обстоит дело у ближайших соседей – эвенков. Сказитель эпоса проходил своеобразную инициацию, чтобы стать исполнителем эпоса – *нимнгаканом*. К примеру, по рассказу К.П. Афанасьевой, к 29 годам она стала болеть «падучей болезнью», падать в обмороки. Шаман Федот Тимофеев указал ей путь избавления от болезни – она должна была исполнять при взрослой аудитории героические сказания в течение семи дней [39. С. 10].

Проанализировав малоизвестные сведения о сакральной стороне бытования якутского сказительства, можно сформулировать некоторые выводы:

1. Олонхосуты относились к категории уважаемых людей в обществе. Устойчиво мнение о том, что кузнец, шаман и олонхосут имеют одни и те же корни, т.е. происходят из рода небесных покровителей их дела.

2. Сведений о болезнях инициации у олонхосутов не зафиксировано, хотя в реальной жизни известны случаи, когда олонхосут заболел из-за того, что он переставал сказывать. Будущий сказитель в основном самостоятельно обучался у знаменитых олонхосутов, слушая исполнение эпоса и подражая искусству певца-импровизатора.

3. Считалось также опасным иметь слишком звучный красивый голос, ибо с непревзойденным певцом непременно будет состязаться злой дух-абаасы, которого необходимо побороть во избежание беды.

4. Существуют определенные ограничения, общие как для олонхосут, так и для алтайских сказителей: в светлое время суток нельзя до конца сказывать эпос; олонхосут, как и кайчи, не должен осознанно искажать текст, он обязан передавать текст так, как услышал сам от кого-то; также следует придерживаться определенных правил исполнения, например, в начале и конце допускаются отвлекающие отступления, не относящиеся непосредственно к тексту эпоса.

5. Олонхо, якутский героический эпос, как и любой другой жанр устного народного творчества, имеет свою специфику, регулирующую сохранность традиций сказительства. Сакральная сторона якутского сказительства неотделима от понимания общей природы эпического творчества, ибо во многом благодаря этому обстоятельству не меняются основные идеи и художественно-эстетическое своеобразие якутского героического эпоса-олонхо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бётлингк О.Н. О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадина. Новосибирск : Наука, 1989.
2. Маак Р.К. Вилюйский округ Якутской области. 2-е изд. М., 1994.
3. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. М., 1969.
4. Серошевский В.Л. Якуты: опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993.
5. Ойунский П.А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание // Ойунский П.А. Собр. соч. Якутск, 1962. Т. 7.
6. Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики. М., 1989.
7. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л., 1974.
8. Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.
9. Пропп В.Я. Фольклор и действительность : избранные статьи. М., 1976.
10. Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
11. Петросян А.А. История народа и его эпос. М., 1982.
12. Путилов Б.Н. Эпическое сказительство: типология и специфика. М., 1997.
13. Неклюдов С.Ю. Ранние формы искусства. М., 1972.
14. Чистов К.В. Народные традиции и фольклор : очерки теории. Л., 1986.
15. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо : основные образы. М., 1962.
16. Пухов И.В. Героический эпос алтае-сайских народов и якутские олонхо / ред. В.Н. Иванов. Якутск, 2004.
17. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М., 1974.
18. Илларионов В.В. Якутское сказительство и проблемы возрождения олонхо. Новосибирск, 2006.
19. Самдан З.Б. Сказитель и шаман: типологические особенности в исполнительской традиции тюрков Южной Сибири // Экология и традиционные религиозно-магические знания : материалы Междунар. интердисциплинарного науч.-практ. симп. Кызыл, 2001. С. 267–272.
20. Мухоплева С.Д. К вопросу о соотношении функции шамана и сказителя по якутским материалам // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2009. Вып. 2. С. 70–77.
21. Функ Д.А. Шаманская и эпическая традиция тюрков Юга Западной Сибири (историко-этнографические исследования телеутских и шорских материалов во второй половине XIX – начале XXI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003).
22. Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М. : Наука, 2005.
23. Великий олонхосут Чэбий : статьи, восп. / сост. Е.Д. Уварова ; ред. С.Д. Мухоплева. Якутск, 2014. На якут яз.
24. Яркий талант И.И. Бурнашева – Тонг Суоруна / сост. Т.В. Илларионова, Т.Ф. Сосин. Якутск, 2012. На якут яз.
25. Андросов Е.Д. Таттинские олонхосуты. Якутск : Изд-во Центра культуры и искусства им. А. Кулаковского, 1993. Ч. 2. На якут яз.
26. Сунтаар – земля олонхо : статьи, восп. / ред. В.В. Илларионов. Якутск, 2010. На якут яз.
27. Кузьмина А.А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. Новосибирск : Наука, 2014.
28. Садалова Т.М. Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания : тексты и переводы. Горно-Алтайск, 2011.
29. Хакасский героический эпос «Ай-Хуучин» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1997.
30. Шорские героические сказания // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1998.
31. Бурятский героический эпос «Аламжи Мерген» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991.
32. Сказитель Доропуун : тексты, восп. / сост. М.Т. Гоголева, Б.Т. Гоголев. Якутск, 2007. На якут. яз.
33. Якутский героический эпос «Модун Эр Соботох» // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1996.
34. Андросов Е.Д. Таттинские олонхосуты. Якутск : Изд-во Центра культуры и искусства им. А. Кулаковского, 1993. Ч. 1. На якут. яз.
35. Ермолаев В.Ф. Чурапчинские олонхосуты. Якутск : Бичик, 1994. На якут. яз.
36. Тувинские героические сказания: Хунан-Кара, Боктут-Кириш, Бора-Шэлэй // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1997.
37. Даадар Хара: олонхо на якут. яз. / Н.П. Яковлев-Куруппа ойуун ; [редкол.: В.Н. Иванов и др.] ; НИИ Олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова. Якутск : Издат дом СВФУ, 2013.
38. Яковлев Н.П. Курууппа ойуун. Курууппа ойуун көрүүлэрэ // Воззрения шамана Курууппы в записи Х.И. Константинова. Подготовил к печати Л.А. Афанасьев. Якутск : Бичик, 1993. На якут яз.
39. Типы героических сказаний эвенков / сост. Г.И. Варламова, А.Н. Мыреева // Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 2008. Т. 20.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2015 г.

THE SACRAL WORLD OF A YAKUT STORYTELLER

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 44–50. DOI: 10.17223/15617793/402/7

Gogoleva Marina T. North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: mtgogoleva@mail.ru

Keywords: sacral aspect; olonkho; storytelling; taboos and prohibitions; preservation of traditions.

The article highlights the cultural aspect of Yakut storytelling. The author raises facts from lives of olonkhosuts, who remained in people's memory as great improvising singers. Though the subject of storytelling is well-studied, the sacral aspect of olonkho remains largely unexplored, it is almost missing in olonkho studies. The coverage of this issue requires the accumulation of information from the epic traditions of the world. Why do these legends constantly repeat that storytelling is a sacred art, not accessible to everyone, and if a man is destined to become a great storyteller, he must bring a toluk-sacrifice in return for this

heavenly gift? The fact that Yakut storytelling exists itself proves the existence of the taboos and beliefs associated with the religious beliefs of the people. The article attempts to look into the sacral world of the olonkhosut, reflected in the Yakut folklore. Addressing to the subject of the sacral in storytelling, the author aims to bring new information to the interpretation of folklore data within a particular ethnic culture. In comparative terms, the article contains previously unknown facts about olonkhosuts, including restrictions common for olonkhosuts and Altai narrators. These are, for example: the epic should not be performed fully in the daytime; olonkhosut, as well as kaichi, should not change the text deliberately, he is obliged to transmit the original meaning of the text; he should follow certain rules of storytelling, for example, he must include distractive utterances which are not directly related to the text of the epic at the beginning and the end of the performance. Also there are facts that during two centuries against the background of hundreds of known olonkhosuts-men, only a few female narrators earned nation-wide recognition. This situation may be an echo of the previously existing taboos that found real grounds in the struggle for survival in the north life conditions, when a woman could not be distracted from her household and engage in storytelling for a long time unlike a man who could freely dispose of his time. It is known that traditions will live long if they are based on the needs of the ethnic group, and there is a real need in their implementation. It was revealed that similarity between the Yakut traditions is manifested at different levels: researchers found isolated cases of a complete connection of shamanic and storyteller functions to one person, or the distortion of texts is forbidden if it is recognized by the storyteller. Thus, it is argued that the sacral aspect of epic storytelling comes from the needs of transmission and preservation of important information. The sacral aspect of Yakut storytelling is inseparable from understanding the general nature of epic works. Mainly because of this circumstance, the basic ideas and artistic and aesthetic originality of the Yakut heroic epic-olonkho remain unchanged.

REFERENCES

1. Betlingk, O.N. (1989) *O yazyke yakutov* [On the Yakut language]. Translated from German by V.I. Rassadin. Novosibirsk: Nauka.
2. Maak, R.K. (1994) *Vilyuyskiy okrug Yakutskoy oblasti* [Vilyusky District of Yakutsk Oblast]. 2nd ed. Moscow: Yana.
3. Khudyakov, I.A. (1969) *Kratkoe opisanie Verkhoyanskogo okruga* [A brief description of Verkhoyansk District]. Moscow: Nauka.
4. Seroshevskiy, V.L. (1993) *Yakuty: opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Yakuts: the experience of an ethnographic research]. 2nd ed. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
5. Oyunskiy, P.A. (1962) Yakutskaya skazka (olonkho), ee syuzhet i sodержanie [Yakut tale (olonkho), its plot and content]. In: Oyunskiy, P.A. *Sobraniye sochineniy. v 7 t.* [Works: in 7 v.]. V. 7. Yakutsk: Yakutskay.
6. Gatsak, V.M. (1989) *Ustnaya epicheskaya traditsiya vo vremeni: istoricheskoe issledovanie poetiki* [The oral epic tradition in time: a historical study of poetics]. Moscow: Nauka.
7. Zhirmunskiy, V.M. (1974) *Tyurkskiy geroicheskiy epos* [Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka.
8. Propp, V.Ya. (1958) *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian heroic epic]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.
9. Propp, V.Ya. (1976) *Fol'klor i deystvitel'nost': izbrannye stat'i* [Folklore and Reality: Selected articles]. Moscow: Nauka.
10. Meletinskiy, E.M. (1963) *Proiskhozhdenie geroicheskogo eposa: rannye formy i arkhaiskie pamyatniki* [The origin of the heroic epic: earliest forms and archaic monuments]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
11. Petrosyan, A.A. (1982) *Istoriya naroda i ego epos* [The history of the people and its epic]. Moscow: Nauka.
12. Putilov, B.N. (1997) *Epicheskoe skazitel'stvo: tipologiya i spetsifika* [Epic storytelling: typology and specificity]. Moscow: Vostochnaya literatura.
13. Neklyudov, S.Yu. (1972) *Rannye formy iskusstva* [Early forms of art]. Moscow: Iskusstvo.
14. Chistov, K.V. (1986) *Narodnye traditsii i fol'klor: ocherki teorii* [Folk traditions and folklore: Essays on the theory]. Leningrad: Nauka.
15. Pukhov, I.V. (1962) *Yakutskiy geroicheskiy epos olonkho: osnovnye obrazy* [Yakut heroic epic olonkho: basic images]. Moscow: USSR AS.
16. Pukhov, I.V. (2004) *Geroicheskiy epos altae-sayanskikh narodov i yakutskie olonkho* [The heroic epic of the Altai-Sayan peoples and Yakut olonkho]. Yakutsk: SB RAS.
17. Ergis, G.U. (1974) *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Sketches on the Yakut folklore]. Moscow: Nauka.
18. Illarionov, V.V. (2006) *Yakutskoe skazitel'stvo i problemy vozrozhdeniya olonkho* [Yakut Storytelling and problems of olonkho revival]. Novosibirsk: Nauka.
19. Samdan, Z.B. (2001) [The shaman and the storyteller: typological features in the performing tradition of the Turks of southern Siberia]. *Ekologiya i traditsionnye religiozno-magicheskie znaniya* [Ecology and traditional religious and magical knowledge]. Proceedings of the International Interdisciplinary Scientific and Practical Symposium. Kyzyl. pp. 267–272. (In Russian).
20. Mukhopleva, S.D. (2009) K voprosu o sootnoshenii funktsii shamana i skaziteleya po yakutskim materialam [On the relationship between the function of the shaman and the storyteller by the Yakut materials]. In: Bakaeva, E.P., Bicheev, B.A. & Ochirov, U.B. (eds) *Problemy etnicheskoy istorii i kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* [Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongolian peoples]. Is. 2. Elista: KHR RAS.
21. Funk, D.A. (2003) *Shamanskaya i epicheskaya traditsiya tyurkov Yuga Zapadnoy Sibiri (istoriko-etnograficheskie issledovaniya teleutskikh i shorskikh materialov vo vtoroy polovine XIX – nachala XXI v.)* [The shamanic and epic tradition of the Turks in the south of Western Siberia (the historical and ethnographic research of the Teleut and Shor materials in the second half of the 19th – early 21st centuries)]. History Dr. Diss. Moscow.
22. Funk, D.A. (2005) *Miry shamanov i skaziteley: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [The worlds of shamans and storytellers: a comprehensive study the Teleut and Shor materials]. Moscow: Nauka.
23. Mukhopleva, S.D. (2014) *Velikiy olonkhosut Cheebiy: stat'i, vosp.* [Great olonkhosut Cheebiy: articles, memories]. Yakutsk. (In Yakut).
24. Illarionova, T.V. & Sosin, T.F. (Illarionova, T.V. & Sosin, T.F.) *Yarkiy talant I.I. Burnasheva – Toh Suoruna* [The bright talent of I.I. Burnashev – Toh Suorun]. Yakutsk. (In Yakut).
25. Androsov, E.D. (1993) *Tattinskiye olonkhosuty* [Tatta olonkhosuts]. Pt. 2. Yakutsk: Izd-vo Tsentra kul'tury i iskusstva im. A. Kulakovskogo. (In Yakut).
26. Illarionov, V.V. (ed.) (2010) *Suntaar – zemlya olonkho: stat'i, vosp.* [Suntaar, the Olonkholand: articles, memories]. Yakutsk. (In Yakut).
27. Kuz'mina, A.A. (2014) *Olonkho Vilyuyskogo regiona: bytovaniye, syuzhetno-kompozitsionnaya struktura, obrazy* [Olonkho of Vilyusky District: existence, plot and compositional structure, images]. Novosibirsk: Nauka.
28. Sadalova, T.M. (2011) *Skazitel' Nikolay Ulagashev. Altayskie geroicheskie skazaniya: teksty i perevody* [Storyteller Nikolai Ulagashev. Altai heroic legends: Texts and translations]. Gorno-Altaysk.
29. Kurbizhekov, P.V. (1997) *Khakasskiy geroicheskiy epos "Ay-Khuuchin"* [Khakas heroic epos Ai-Huuchin]. In: Maynogasheva, V.E. (ed.) *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka.
30. Chudoyakov, A.I. (ed.) (1998) *Shorskie geroicheskie skazaniya* [Shor heroic tales]. In: Chudoyakov, A.I. (ed.) *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka.

31. Tulokhonov, M.I. (ed.) (1991) Buryatskiy geroicheskiy epos "Alamzhi Mergen [Buryat heroic epic Alamzhi Mergen]. In: Tulokhonov, M.I. (ed.) *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka.
32. Gogoleva, M.T. & Gogolev, B.T. (2007) *Skazitel' Doropuun: teksty, vosp.* [Storyteller Doropuun: texts, memories]. Yakutsk. (In Yakut).
33. Karataev, V.O. (1996) Yakutskiy geroicheskiy epos "Modun Er Soḡgotokh" [Yakut heroic epic Modun Air Soḡgotoh]. In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka.
34. Androsov, E.D. (1993) *Tattinskije olonkhosuty* [Tatta olonkhosuts]. Pt. 1. Yakutsk: Izd-vo Tsentra kul'tury i iskusstva im. A. Kulakovskogo. (In Yakut).
35. Ermolaev, V.F. (1994) *Churapchinskie olonkhosuty* [Churapchino olonkhosuts]. Yakutsk: Bichik. (In Yakut).
36. Kudiyarov, A.V. (ed.) (1997) Tuvinskie geroicheskie skazaniya: Khunan-Kara, Boktug-Kirish, Bora-Sheley [Tuvan heroic tales: Hunan-Kara-Boktug Kirish, Bora Sheley]. In: Kudiyarov, A.V. (ed.) *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Nauka.
37. Ivanov, V.N. et al. (eds) (2013) *Daadar Khara: olonkho na yakut. yaz.* [Daadar Hara: olonkho in the Yakut language]. Yakutsk: North Eastern Federal University.
38. Yakovlev, N.P. (1993) Kuruuppa oyuun. Kuruuppa oyuun koryylere. In: Afanas'ev, L.A. (ed.) *Vozzreniya shamana Kuruuppy v zapisi Kh.I. Konstantinova* [The views of shaman Kuruuppy recorded by Kh.I. Konstantinov]. Yakutsk: Bichik. (In Yakut).
39. Varlamova, G.I. & Myreeva, A.N. (2008) Tipy geroicheskikh skazaniy evenkov [Types of heroic tales of the Evenk]. In: Akimov, A.K. (ed.) *Pamyatniki etnicheskoy kul'tury korenykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of ethnic culture of Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East]. V. 20. Novosibirsk: Nauka.

Received: 30 September 2015

ВЛИЯНИЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 90-е гг. XX в.

Вопрос влияния крупного бизнеса на американскую экологическую политику изучен мало, в связи с чем довольно сложно проследить в исторической перспективе, как часто и каким образом ратификация того или иного законопроекта по экологии зависела от интересов транснациональных корпораций. В данной работе проводится анализ того, как часто интересы бизнеса в сфере экологии вмешивались в законодательный процесс в 90-е гг. XX в. накануне подписания Киотского протокола, какие стратегии и тактики при этом использовались и насколько успешны они были.

Ключевые слова: экологическая безопасность; парниковые газы; Киотский протокол; президент Клинтон; транснациональные корпорации; Рамочная конвенция ООН об изменении климата.

Конец XX в. отмечен значительными изменениями как в повестке дня мировой политики, так и в составе ее участников. Прежде всего это коснулось расширения понятия безопасности как состояния международной среды системы международных отношений, способных не только удерживать народы от вовлечения в военные конфликты, но и обеспечить благоприятные условия для устойчивого поступательного развития. В связи с этим в лексиконе международников появились такие понятия, как «экономическая», «энергетическая», «экологическая» безопасность (об этом подробнее см.: [1, 2]).

В современных условиях глобализации, динамичного расширения новых областей и участников транснациональных отношений неограниченный суверенитет государства превращается в фикцию, резко уменьшая его способность осуществлять контроль над населением, территорией и ресурсами средствами национальной политики и на основе норм национального права. Национальное правительство вынуждено делиться монополией на управление (как основной суверенности) с транснациональными корпорациями (ТНК), традиционными межправительственными международными организациями (МПО) и международными неправительственными организациями (МНПО) [3. С. 126].

Как только сорок лет назад начало формироваться современное экологическое движение, американский бизнес сразу стал играть заметную роль в данном политическом процессе. От содействия в формировании политической повестки дня вплоть до влияния на принятие решений в исполнительных ведомствах и судах, американские компании уже на тот момент были среди самых влиятельных акторов политики на всех уровнях власти. Американский бизнес объединил свои усилия, чтобы изложить общую позицию по целому ряду вопросов, связанных с защитой окружающей среды, сохранением природных ресурсов, а также по энергетической проблеме. Компаниям всегда удавалось повлиять на общественное мнение и выработать успешную стратегию для достижения своих целей.

История экологической политики видела большое количество примеров, особенно в 70-е и 80-е гг. XX в., когда многие национальные законы (например,

Закон о чистом воздухе и Закон о чистой воде) были приняты и ужесточены, несмотря на сопротивление бизнеса. Достижения по защите окружающей среды и сохранению природных ресурсов того периода нашли свое продолжение и в 1990-е гг. Бизнес потерпел поражение, пытаясь отменить или аннулировать ряд экологических актов, но в то же время ему удавалось максимально выгодно повлиять на их реализацию уже на уровне исполнительных ведомств.

Роль бизнеса в американской экономике стремительно менялась по мере развития промышленности. От аграрной экономики с ее мелкими фирмами страна быстро и целенаправленно двигалась к экономике с крупными финансовыми корпорациями, обладавшими богатством и политическим влиянием. Одновременно с этим роль государства менялась от пассивного содействия экономическому росту до активной поддержки экономики и избранных отраслей промышленности (железные дороги, нефтяные компании, оборона и ядерная энергетика). Бизнес на протяжении долгого времени занимал привилегированное положение в американской экономике.

Осознав важность крупного бизнеса, государство все чаще стало продвигать и защищать его интересы. По мнению Дэвида Фогеля [4], только в Соединенных Штатах возникновение крупных корпораций предшествовало росту государственного надзора за их деятельностью. В то время как европейские и японское правительства поддерживали финансы и создание крупных предприятий, американские корпорации развивались с гораздо меньшим государственным участием. По сравнению с другими развитыми странами в Америке между бизнесом и властью сложились скорее отношения противоборства, нежели сотрудничества, особенно в период после Второй мировой войны. Наиболее ярко это проявилось в вопросах обеспечения экологической безопасности.

Поворотным этапом в судьбе экологического движения считается публикация в 1962 г. книги Рейчел Карсон «Безмолвная весна» [5. Р. 30]. Описанная ею опасность неконтролируемого использования химических пестицидов шла в разрез с существовавшим на тот момент представлением о величии научного прогресса и триумфе человека над природой. Начались серьезные споры уже в научном мире. Но книга Кар-

сон была лишь первой ласточкой. В 1960–1970 гг. выходит огромное количество книг, посвященных экологическому кризису, угрожающему всему человечеству. Экологические движения начинают возникать по всему миру, а объявление о создании в 1970 г. Дня Земли ясно дало понять политикам, что окружающая среда стала важным пунктом повестки дня национальной и мировой политики, и с этим нужно считаться.

В 1979 г. в отчете Национальной академии наук США указывалось еще на одну угрозу экологической безопасности мирового сообщества, а именно на необратимое изменение климата в результате неконтролируемых выбросов в атмосферу диоксида углерода [6. Р. 119].

В середине 1980-х гг. ученые обнаружили, что антропогенные выбросы таких газов, как метан и закись азота, также приводят к усилению парникового эффекта. Проявлением этого стала аномальная жара и засуха 1988 г. в Северной Америке, что еще больше увеличило количество сторонников защиты окружающей среды, особенно в США и Канаде.

В 1990 г. в своем первом оценочном докладе Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) объявила, что антропогенные выбросы значительно увеличили концентрацию в атмосфере парниковых газов, а удвоение уровня диоксида углерода может привести к глобальному повышению температуры, в связи с чем требуется немедленное сокращение выбросов парниковых газов в атмосферу на 60% [7].

Предприятия топливной промышленности быстро осознали финансовые последствия включения глобального потепления в число ключевых государственных проблем: нефть и уголь являются основными источниками получения диоксида углерода; предприятия, работающие на угольном топливе, – основные производители выбросов CO_2 (40% всех американских выбросов), вслед за ними идет транспортный сектор (30%) [8. Р. 98].

С самого начала руководство данных корпораций ставило задачей предотвратить обсуждение проблемы глобального потепления как угрозы всеобщей экологической безопасности. С этой целью национальная ассоциация промышленников создала первую крупную организацию, деятельность которой была направлена на координацию участия бизнеса в дебатах по вопросам изменения климата – Глобальную климатическую коалицию (Global Climate Coalition, GCC). Это объединение 54 промышленных и торговых корпораций, представляющих такие отрасли, как электроэнергетика, автомобилестроение, добыча угля и нефти. Чтобы отвлечь внимание общественности от глобального потепления, GCC начала кампанию по дискредитации научных данных, подкреплявших теорию глобального потепления. Члены коалиции профинансировали публикации и распространение книг, брошюр и статей ученых-скептиков, оспаривавших оценки экспертов, которые связывали изменение климата с действием антропогенных факторов [9].

Важной целью ассоциации являлось переключение внимания общественности с социального аспекта

проблемы на вредоносные последствия сокращения выбросов для экономики государства. С этой целью коалиция проспонсировала и опубликовала десятки экономических исследований, главным выводом которых было утверждение о том, что потребуются огромные затраты для перехода к надежным и экологически безопасным способам энергосбережения.

В 1991 г. Национальная угольная ассоциация, Западная топливная ассоциация и Электрический институт Эдисона (крупнейшая ассоциация по торговле оборудованием) объединили свои усилия для создания Информационного совета по окружающей среде (Information Council on the Environment, ICE), целью которого являлось проведение информационной кампании по дискредитации мнения ученых об угрозе глобального потепления. Три известных скептика: климатолог из Университета Виржинии Патрик Майклс, климатолог Университета Аризоны Роберт Баллинг и почвовед Шервуд Идсо, работали в качестве научных консультантов. Целью данной инициативы являлось размещение их статей и интервью в журналах, на теле- и радиоканалах, особенно в штатах, где использование угля для получения энергии играло значительную роль, имевших представителей в Комитете по энергетике.

Помимо этого, Западная топливная ассоциация потратила 250 тыс. долл. на создание видео под названием «Озеленение планеты Земля» (The Greening of Planet Earth), активно продвигаемого в Вашингтоне и утверждавшего, что более теплый и влажный мир, полный выбросов диоксида углерода, выгоден Соединенным Штатам Америки.

В 1992 г. президент Буш подписал Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (РКИК), чьей главной задачей являлась стабилизация наличия парниковых газов в атмосфере на безопасном уровне, «который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на экологическую систему» (РКИК, ст. 2) [10].

Однако на подписание положений Конвенции, которые оговаривали конкретные сроки и объемы сокращений выбросов, Президент был категорически не согласен.

С избранием президентом У. Клинтона через месяц после ратификации Сенатом РКИК у экологов появилась надежда на то, что Штаты примут на себя больше обязательств и будут вести более активную экологическую политику. В своей первой речи на праздновании Дня Земли президент Клинтон пообещал реструктурировать энергопотребление в Соединенных Штатах, переведя страну от топливной зависимости к применению возобновляемых и экологически чистых источников энергии [11].

Однако, столкнувшись с яростным сопротивлением Конгресса в ходе обсуждения законопроекта налога с британской тепловой единицы (подробнее о законопроекте см.: [12]), президент вынужден был отступить.

В октябре 1993 г. Клинтон представил свой План действий по борьбе с изменением климата, состоявший из 50 инициатив, нацеленных на сокращение американских выбросов к 2000 г. до уровня 1990 г. Предполагалось, что для осуществления данного

Плана в период с 1994 до 2000 г. администрация выделяет 1,9 млрд долл., а инвестиции компаний и частных лиц в энергосберегающее оборудование и технологии приведут к значительной экономии в долгосрочной перспективе [13. Р. 421].

План был осужден многими экологическими организациями как недостаточный, поскольку не налагал никаких обязательств по сокращению выбросов. Мягкий характер программы можно объяснить тем, что, столкнувшись с отказом Конгресса принять налог с британской тепловой единицы, администрация Президента поняла, что Конгресс не пропустит план, предполагающий обязательное сокращение выбросов, в связи с чем решила придать всем программам добровольный, а не строго обязательный характер.

В результате План действий по борьбе с изменением климата 1993 г. включал в себя около 50 добровольных федеральных программ по энергосбережению, но ни одна из них не предполагала обязательно сокращения выбросов парниковых газов [14].

В 1995 г. МГЭИК опубликовала второй оценочный доклад, в котором с полной уверенностью заявила о наличии фактов, доказывающих беспрецедентное влияние человека на климат. Документ подтвердил, что сокращение выбросов диоксида углерода на 60–80% лишь стабилизирует концентрацию парниковых газов в атмосфере [15].

Участники переговоров сошлись во мнении о том, что документ, подписанный в Киото в 1997 г., должен будет налагать ограничения на выбросы только для развитых стран.

В ответ на это предприятия топливной промышленности начали новый этап внешнего лоббирования. Они постарались дискредитировать отчет МГЭИК, запустив кампанию атак на его авторов, обвинив их в спекуляциях на научной неопределенности и недостаточной достоверности данных о глобальном потеплении, в создании иллюзии единства мнения научного сообщества по данному вопросу. Кроме того, лоббисты энергетически «грязных» компаний оспаривали освобождение от ответственности развивающихся стран, указывая на то, что именно они вырубают леса на своих землях, тем самым уничтожая основных поглотителей углерода из атмосферы, и в будущем станут основным эмитентами.

В результате выборов 1994 г. партия республиканцев впервые с 50-х гг. набирает большинство в обеих палатах Конгресса и сразу начинает активно противодействовать экологической политике Клинтона. В сентябре 1995 г. представитель республиканской партии от штата Калифорния Дана Рохрабачер начала серию слушаний под названием «Честность в науке и доверие общества», целью которых являлось подчеркнуть противоречивость научных мнений и дискредитировать ученых – сторонников сокращения CO₂ в целом и МГЭИК в частности.

25 июля 1997 г. Сенат единогласно принял резолюцию Берда–Хагеля, в которой четко отражалась позиция промышленников. В резолюции отмечалось, что «Соединенные Штаты не должны подписывать какой-либо протокол или соглашение, которое (А)

накладывает новые обязательства по ограничению или сокращению выбросов парниковых газов на страны – участники приложения I, пока этот протокол также не определит отдельные обязательства... для развивающихся стран на тот же период, или (В) наносит вред экономике Соединенных Штатов Америки» [16].

В октябре президент Клинтон представил более умеренный план по сокращению национальных выбросов до уровня 1990 г. в период с 2008 по 2012 г., предоставлявший налоговые льготы на сумму 5 млрд долл. и другие преференции [13. Р. 437].

Консервативно настроенные республиканцы в Конгрессе осудили предложенный план. От лица большинства республиканцев в Палате Представителей Том Делэй (штат Техас) заявил: «Прежде чем мы сделаем что-то, что может навредить нашим детям, конкурентоспособности нации, налогоплательщикам и экономическому росту, нам необходимо принять во внимание все факты» [17].

Томас Блайли (республиканец от штата Вирджиния), председатель комитета торговли в Палате представителей, был не менее категоричен: «Подобные действия немедленно вызовут массовое повышение коммунальных платежей за электричество и газ и приведут к замедлению экономического роста как минимум на один процент» [Там же].

Несмотря на сопротивление Конгресса, президент Клинтон был намерен продемонстрировать в Киото стремление Америки к значительному сокращению выбросов. Президент пользовался поддержкой некоторых представителей бизнеса, в частности Международного партнерства по изменению климата, включающего более 500 таких крупных компаний, как DuPont, General Electric и AT&T, которые надеялись повлиять на американскую политику в данном вопросе.

Сторонниками президента на тот момент были Деловой совет по устойчивому развитию энергетики, в который входили поставщики газа и производители альтернативных источников энергии, а также некоторые крупные страховые компании, опасавшиеся катастрофических потерь, которые они понесут в случае, если предсказания ученых оправдаются. Но основная часть бизнеса все равно выступала против сокращения выбросов парниковых газов.

Накануне встречи в Киото осенью 1997 г. противники соглашения начали всестороннюю медиапропаганду. Только GSC в одиночку потратила 13 млн долл. на рекламную кампанию, предупреждавшую телезрителей о том, что «жесткое сокращение парниковых газов приведет к катастрофическим экономическим последствиям, угрожающим образу жизни каждого рядового американца. Стоимость бензина за галлон взлетит на 50 центов или даже больше, счета за электричество и отопление будут расти, в то время как повышение стоимости электроэнергии поднимет цены на все предметы первой необходимости. Источник существования тысяч шахтеров, работников автомобильной отрасли, а также других сфер, связанных с энергетикой, окажется под угрозой» [18. Р. 28].

Чтобы укрепить данное представление, консервативные фабрики мысли – Институт конкурентного

предпринимательства (Competitive Enterprise Institute) и Национальный центр политического анализа (National Center for Policy Analysis) – организовали серию пресс-конференций по данному вопросу и выступали с заявлениями на протяжении всего лета и осени 1997 г. Они также направили своих представителей в Киото для публикации ежедневных бюллетеней и их распространения в СМИ [19. Р. 511].

Результат оказался неоднозначным. Согласно опросу, проведенному в ноябре 1997 г. авторитетным Исследовательским центром Пью для народа и прессы, примерно три четверти опрошенных (73%) заявили, что ради борьбы с глобальным потеплением они готовы платить за баллон газа на 5 центов больше. При этом 60% людей из этой группы согласились с повышением даже на 25 центов [20].

В начале 1998 г. промышленная оппозиция сконцентрировала все усилия на том, чтобы удостовериться, что у Киотского протокола нет ни малейшего шанса на ратификацию в Сенате. Председатель Chrysler Corporation Роберт Итон заявил: «В течение нескольких месяцев мы убеждали администрацию не связывать страну обязательствами по ограничению выбросов парниковых газов в совершенно необоснованные и непонятно кем выдуманные сроки. Инновации и изобретения не часто создаются по заказу к определенной дате» [8. Р. 105].

Ред Кавани, президент Американского института нефти, утверждал, что протокол может вынудить нефтяные компании, а также другие предприятия с большими энергозатратами перенести свои заводы вместе с рабочими местами в страны, не принявшие требования по сокращению выбросов. Он выразил сомнение, что новые технологии помогут достигнуть требуемого снижения выбросов, и предположил, что это может привести к нормированию электроэнергии, «что означает меньше энергии для каждого» либо «резкое искусственное» повышение цен за счет налогов [Там же].

Томас Кун, президент электрического институт Эдисона, охарактеризовал Киотский протокол как «экономическое самоубийство» и сказал, что энергетическим компаниям с угольными генерирующими мощностями это будет стоить 30 млрд долл. [Там же].

В апреле 1998 г. группа компаний под руководством Американского института нефти при участии представителей Exxon, Chevron и энергетического гиганта Southern Company распространила меморандум под названием План действий по передаче научной информации по вопросу глобального изменений климата (Global Climate Science Communications Action Plan). Его основной задачей было снижение уровня поддержки стремлению президента подписать положения Киотского протокола [21].

План рекомендовал нанять пять независимых ученых для участия в медиапропаганде, разработать комплекс научных данных для СМИ, убедить авторитетных журналистов запустить проект о проверке научной обоснованности Киотского протокола, а также организовать и провести ряд студенческих и общественных дебатов и семинаров по климатическим проблемам.

План так никогда и не был реализован, но его авторы продолжили координировать усилия и пропагандировать свои взгляды через ряд фабрик мысли, организаций и веб-сайтов. На праздновании Дня Земли в 1998 г. Западная топливная ассоциация запустила проект «Озеленение общества Земли» (Greening Earth Society), так называемое народное движение, основанное на предположении, что «увеличение в атмосфере CO₂ – это добро, а не зло. Это приведет к увеличению разнообразия животных и растительных видов, к более богатым урожаям» [8. Р. 106].

Столь активная деятельность оказала весомую поддержку в глазах общественности противникам Киотского протокола в Конгрессе. Осознав это, президент Клинтон в результате отказался предоставить Киотский протокол для ратификации Конгрессу. Вместо предложения ограничить выбросы, он обнародовал пятилетний план на сумму 6,3 млрд долл., включавший налоговые льготы и инвестирование в научные исследования, направленные на сокращение выбросов [13. Р. 449].

Однако даже такой шаг вызвал бурную реакцию у республиканского большинства Конгресса, категорически настроенного уничтожить малейшую попытку реализации соглашения. Сенатор Чак Хагел, чей комитет планировал провести слушания по оценке экономических последствий Киотского протокола, заявил: «Единственное, что мы хотим сказать: Киотский протокол не будет реализован, и на него не будут расходоваться никакие средства из бюджета Соединенных Штатов Америки» [22].

Противники сотрудничества США с мировым сообществом по вопросам экологической политики вздохнули с облегчением в 2001 г., когда новым президентом Соединенных Штатов Америки стал Джордж Буш. В том же году он заявил, что не намерен ратифицировать Киотский протокол, назвав его нечестным и неэффективным и тем самым поставив жирную точку в данном вопросе. Отказываясь от ратификации Киото, в своей речи Буш ссылаясь на положения резолюции Берда-Хагеля: «Я выступаю против Киотского протокола, так как он освобождает от выполнения обязательств 80% стран мира, включая такие крупнонаселенные центры, как Китай и Индия, а также наносит серьезный урон экономике Соединенных Штатов» [23].

Джордж Буш-мл. также упоминает и принятие резолюции: «Тот факт, что в Сенате 95 голосов было отдано за ратификацию и ни одного против, является ярким доказательством единства мнений на тот счет, что Киотский протокол – это нечестное и неэффективное средство для решения глобальных проблем изменения климата» [24].

В 90-е гг. XX в. влияние крупных энергетических и топливных компаний на экологическую политику Соединенных Штатов Америки является бесспорным. Во многом это связано с тем, что американская экономика держится на больших запасах угля, нефти и природного газа. Если к этому добавить автомобильную промышленность и в особенности штаты, зависящие от поставок угольной электроэнергии из других районов, экономика более половины американских

штатов пострадала бы от мер по сокращению выбросов парниковых газов. Это служит серьезным аргументом в пользу поддержки Конгрессом США интересов транснациональных корпораций и их партнеров.

Для лоббирования своих интересов компании использовали ряд инструментов: давление в Конгрессе,

медийная пропаганда, научные симпозиумы и пресс-конференции, спонсирование научных исследований. Как видно на примере Киотского протокола, эти методы работают и позволяют ТНК диктовать свои условия по ряду вопросов экологической безопасности на всех уровнях власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонина О.И. Международное право в условиях глобализации // Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность. Новосибирск : НГУЭУ, 2015. С. 86–88.
2. Ивонина О.И. Современные оценки роли международных институтов в обеспечении коллективной безопасности // Вестник НГУЭУ. 2011. № 2. С. 231.
3. Ивонина О.И. Международное право в контексте нового миропорядка: традиции и трансформации // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Право. 2006. Т. 2, № 1. С. 119–128.
4. Vogel D. Fluctuating Fortunes: The Political Power of Business in America. New York : Beard Books, 1989. 352 p.
5. Broadhead L. International Environmental Politics: The Limits of green diplomacy. Volorado : Lynne Rienner Pub., 2002. 240 p.
6. Stewart R.B., Wiener J.B. Reconstructing climate policy: after Kyoto. Stewart and Washington, D.C., 2003. 193 p.
7. Climate Change: The IPCC Scientific Assessment (1990). URL: http://www.ipcc.ch/publications_and_data/publications_ipcc_first_assessment_1990_wg1.shtml
8. Layzer J.A. Deep Freeze: How Business Has Shaped the Global Warming Debate in Congress // Business and Environmental Policy: Corporate Interests in the American Political System (American and Comparative Environmental Policy) / ed. by Sheldon Kamieniecki, Michael E. Kraft. Cambridge, 2007. 358 p.
9. Layzer J.A. The Environmental Case: Translating Values into Policy. Washington, D.C., 2nd ed., 2005. 616 p.
10. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml
11. William J. Clinton Remarks on Earth Day. 1993. April 21. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=46460>
12. Greenhouse S. Clinton's Economic Plan: The Energy Plan; Fuels Tax: Spreading The Burden // The New York Times. 1993. February 18. URL: <http://www.nytimes.com/1993/02/18/us/clinton-s-economic-plan-the-energy-plan-fuels-tax-spreading-the-burden.html>
13. Royden A. U.S. Climate Change Policy Under President Clinton: A Look Back // Golden Gate University Law Review. Rio's Decade: Reassessing the 1992 Earth Summit. 2002. Vol. 32, iss. 4. P. 415–477. URL: <http://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1842&context=ggulrev>
14. President William J. Clinton and Vice President Albert Gore, Jr., The Climate Change Action Plan (Oct. 1993). URL: <http://www.gcrio.org/USCCAP/toc.html>
15. IPCC Second Assessment (1995). URL: <http://ipcc.ch/pdf/climate-changes-1995/ipcc-2nd-assessment/2nd-assessment-en.pdf>
16. Byrd-Hagel Resolution. URL: <http://www.nationalcenter.org/KyotoSenate.html>
17. Freedman A. Clinton's Global Warming Plans Take Heat from Congress. CQ Weekly, October 25, 1997. URL: <https://library.cqpress.com/cqweekly/toc.php?mode=weekly-date&level=3&values=1997~10|October>
18. Christianson G.E. Greenhouse: The 200-Year Story of Global Warming. New York, 2000. 305 p.
19. McCright A.M., Dunlap R.E. Challenging Global Warming as a Social Problem: An Analysis of the Conservative Movement's Counter Claims // Social Problems. 2000. № 47(4). P. 499–522. URL: http://www.climateaccess.org/sites/default/files/McCright_Challenging%20Global%20Warming.pdf
20. Americans Support Action on Global Warming. November 21. 1997. URL: <http://www.people-press.org/1997/11/21/americans-support-action-on-global-warming>
21. Global Climate Science Communications Action Plan. URL: http://www.euronet.nl/users/e_wesker/ew@shell/API-prop.html
22. Fialka J. Global-Warming Debate Gets No Consensus in Industry // Wall Street Journal. 1998. April 16.
23. Lisowski M. Playing the two-level game: US President Bush's decision to repudiate the Kyoto Protocol // Environmental Politics. 2002. Vol. 11, № 4. URL: <http://www.tandfonline.com/toc/fenp20/11/4>
24. Letter from the President to Senators Hagel, Helms, Craig, and Roberts. URL: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/03/20010314.html>

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2015 г.

THE INFLUENCE OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS ON THE PUBLIC POLICY OF THE UNITED STATES OF AMERICA IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE 1990S

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 51–56. DOI: 10.17223/15617793/402/8

Dyakova Evgeniya A. Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: evgeniya.dyakova@gmail.com

Keywords: environmental safety; greenhouse gases; Kyoto Protocol; President Clinton; transnational corporations; UN Framework Convention on Climate Change (FCCC).

The end of the 20th century was marked by significant changes both in the agenda of world politics and composition of its participants. In the 1990s, there was introduced the concept of ecological safety. With the development of globalization, transnational corporations became one of the leading actors of international relations along with states and governments. In the 1980s, scientists discovered that the anthropogenic emissions of gases such as methane and nitrous oxide complicated the greenhouse effect. In 1990, the first assessment report of the Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC) announced that anthropogenic emissions had significantly increased the concentration of greenhouse gases in the atmosphere, and a doubling of carbon dioxide levels could lead to a global rise of temperature, and, therefore, required immediate reduction of the greenhouse gas emissions by 60 %. US fuel companies quickly realized financial implications of the inclusion of global warming into the list of key public issues; that is why they launched a campaign to prevent the discussion of this problem as a threat to global environmental safety. There were established the Global Climate Coalition (consisting of 54 industrial and commercial corporations) and the Information Council on the Environment (including the National Coal Association, the Western Fuel Association and the Edison Electric Institute) that were organizing propa-

ganda against discussion of the problems of global warming at the government level. The election of William Jefferson Clinton as the President gave environmentalists a hope that America would begin to pay more attention to ecological policy. In his first speech the President promised to restructure energy consumption of the United States by using renewable and ecologically-safe power sources. That caused a new round of controversy with transnational corporations and the Republicans that supported them. The struggle is entering a new phase in 1997, on the eve of the meeting in Kyoto where it was planned to sign an agreement imposing obligations on limiting greenhouse gas emissions for all the developed countries. To counter the will of the President to sign such an agreement, the Senate unanimously adopted the Byrd-Hagel resolution in July 1997. The resolution forbade America to sign a protocol or an agreement that imposes commitments to reduce emissions if such obligations are not imposed on developing countries. Although Clinton signed the Kyoto Protocol, the Byrd-Hagel resolution and the Republicans lobbying business interests in the Congress did not give any chance to its ratification, that is why the President dismissed the idea to submit the Protocol to the Senate.

REFERENCES

1. Ivonina, O.I. (2015) Mezhdunarodnoe pravo v usloviyakh globalizatsii [International law in the context of globalization]. In: Ivonina, O.I. (ed.) *Konfiguratsiya novogo mirovoryadka: proekty i real'nost'* [Configuration of the new world order: Projects and Reality]. Novosibirsk: NGUEU.
2. Borisov, D.A. & Ivonina, O.I. (2011) Modern appraisals of the role of international institutes in the collective security assurance. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 2. pp. 231. (In Russian).
3. Ivonina, O.I. (2006) Mezhdunarodnoe pravo v kontekste novogo mirovoryadka: traditsii i transformatsii [International law in the context of the new world order: tradition and transformation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 2:1. pp. 119–128.
4. Vogel, D. (1989) *Fluctuating Fortunes: The Political Power of Business in America*. New York: Beard Books.
5. Broadhead, L. (2002) *International Environmental Politics: The Limits of green diplomacy*. Volorado: Lynne Rienner Pub.
6. Stewart, R.B. & Wiener, J.B. (2003) *Reconstructing climate policy: after Kyoto*. Stewart and Washington, D.C.: American Enterprise Institute.
7. Climate Change: The IPCC Scientific Assessment (1990). [Online]. Available from: http://www.ipcc.ch/publications_and_data/publications_ipcc_first_assessment_1990_wg1.shtml.
8. Layzer, J.A. (2007) Deep Freeze: How Business Has Shaped the Global Warming Debate in Congress. In: Kamieniecki, Sh. & Kraft, M.E. (eds) *Business and Environmental Policy: Corporate Interests in the American Political System (American and Comparative Environmental Policy)*. Cambridge, MA: MIT Press.
9. Layzer, J.A. (2005) *The Environmental Case: Translating Values into Policy*. 2nd ed. Washington, D.C.: CQ Press.
10. Ramochnaya konventsia Organizatsii Ob"edinennykh Natsiy ob izmenenii klimata [The UN Framework Convention on Climate Change]. (1992). [Online]. Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml.
11. Clinton, W.J. (1993) *William J. Clinton Remarks on Earth Day*. 1993. April 21. [Online]. Available from: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=46460>.
12. Greenhouse, S. (1993) Clinton's Economic Plan: The Energy Plan; Fuels Tax: Spreading The Burden. *The New York Times*. February 18. [Online]. Available from: <http://www.nytimes.com/1993/02/18/us/clinton-s-economic-plan-the-energy-plan-fuels-tax-spreading-the-burden.html>.
13. Royden, A. (2002) U.S. Climate Change Policy Under President Clinton: A Look Back. *Golden Gate University Law Review*. Rio's Decade: Reassessing the 1992 Earth Summit. 32:4. pp. 415–477. [Online]. Available from: <http://digitalcommons.law.ggu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1842&context=ggulrev>.
14. Clinton, W.J. & Gore, A., Jr. (1993) *The Climate Change Action Plan* (Oct. 1993). [Online]. Available from: <http://www.gcric.org/USCCAP/toc.html>.
15. IPCC Second Assessment. (1995). [Online]. Available from: <http://ipcc.ch/pdf/climate-changes-1995/ipcc-2nd-assessment/2nd-assessment-en.pdf>.
16. Byrd-Hagel Resolution. (1997). [Online]. Available from: <http://www.nationalcenter.org/KyotoSenate.html>.
17. Freedman, A. (1997) Clinton's Global Warming Plans Take Heat from Congress. *CQ Weekly*. October 25. [Online]. Available from: <https://library.cqpress.com/cqweekly/toc.php?mode=weekly-date&level=3&values=1997~10|October>.
18. Christianson, G.E. (2000) *Greenhouse: The 200-Year Story of Global Warming*. New York: Penguin Books.
19. McCright, A.M. & Dunlap, R.E. (2000) Challenging Global Warming as a Social Problem: An Analysis of the Conservative Movement's Counter Claims. *Social Problems*. 47(4). pp. 499–522. [Online]. Available from: http://www.climateaccess.org/sites/default/files/McCright_Challenging%20Global%20Warming.pdf.
20. *Americans Support Action on Global Warming*. November 21, 1997. [Online]. Available from: <http://www.people-press.org/1997/11/21/americans-support-action-on-global-warming>.
21. *Global Climate Science Communications Action Plan*. [Online]. Available from: http://www.euronet.nl/users/e_wesker/ew@shell/API-prop.html.
22. Fialka, J. (1998) Global-Warming Debate Gets No Consensus in Industry. *Wall Street Journal*. April 16.
23. Lisowski, M. (2002) Playing the two-level game: US President Bush's decision to repudiate the Kyoto Protocol. *Environmental Politics*. 11:4. [Online]. Available from: <http://www.tandfonline.com/toc/fenp20/11/4>.
24. Letter from the President to Senators Hagel, Helms, Craig, and Roberts. (2001). [Online]. Available from: <http://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/03/20010314.html>.

Received: 30 September 2015

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА О ХАРАКТЕРЕ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Дается анализ высказываний классиков марксизма о характере рабочего движения в России и делается вывод о том, что борьба пролетариата России в XIX – начале XX в. не вышла из раннего, революционного этапа рабочего движения в отличие от борьбы рабочего класса более развитых стран Европы и Северной Америки. В этом была причина разногласий В.И. Ленина и реформистских лидеров европейской социал-демократии при определении политических задач пролетариата.

Ключевые слова: социал-демократия; рабочий класс; рабочее движение; Россия; Европа.

Современный рабочий класс России, в отличие от рабочих других индустриальных стран, не представляет собой серьезной политической силы. Он был разобщен, обманут и разгромлен в 1990-е гг. в череде политических и экономических кризисов. За четверть века бывший класс-гегемон так и не нашел своего места в социально-политической структуре новой России. Федерация независимых профсоюзов России заняла место среди самых соглашательских профсоюзов и полностью зависит от правящей партии. Такие организации в дореволюционной России назывались рептильными, т.е. пресмыкающимися перед властью. В значительной мере это произошло вследствие отказа организованного рабочего движения России от социалистической идеи. В связи с этим обращение к характеристике рабочего движения в России классиками марксизма является актуальным в поисках ответа на вопрос: возродится ли в России рабочий класс как самостоятельная политическая сила?

Автор не собирается пинать мертвых львов, сводить счеты с историками КПСС. В задачи статьи не входит анализ марксистского учения об исторической миссии пролетариата, взглядов классиков на историю международного рабочего движения в целом. Этому посвящена обширная специальная литература [1–16]. Нет надобности подробно характеризовать эту литературу, однако уклониться от общей оценки нельзя. Значительная доля ее строится на цитировании избранных догматов и не может считаться вполне научной. Изложение марксистского учения о пролетариате в принятом в советской литературе варианте абсолютизации революционности пролетариата чаще всего являлось дежурной обязательной частью исторических трудов, которая служила доказательством лояльности их авторов идеологии правящей партии. Критика марксизма и научный анализ эволюции взглядов классиков марксизма и видных его представителей были по понятным причинам практически исключены. После падения советской власти ретивые критики уже наоборот отказывают К. Марксу и пролетариату в прогрессивной роли [17. С. 17–51]. Полагаю, что нет оснований выбрасывать всю литературу об исторической роли пролетариата на словесную свалку, поскольку сама теория К. Маркса не утратила и не утратит полностью своего значения. Она верна уже потому, что любой класс в период социальной эмансипации революционен и стремится переустроить общество в своих интересах. Эта борьба в итоге совершенствует общественные отношения в целом. Но, призна-

вая это, мы должны признать и другое – революционность рабочего класса не абсолютна, она исчерпывается периодом его социальной эмансипации. Обращение к трудам классиков марксизма позволяет сделать вывод, что революционность рабочего движения они связывали с ранними его этапами. Цель статьи – показать это на примере оценки марксистами рабочего движения в России в XIX – начале XX в.

Труды классиков и видных представителей марксизма – К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, К. Каутского, Г.В. Плеханова, В. Зомбарта, Л.И. Мартова, М.И. Туган-Барановского и др., остаются в арсенале исследователей общественного движения в XIX – начале XX в. Что означает изучать социальные движения с материалистических позиций, наиболее точно, на мой взгляд, сформулировал В. Зомбарт: «Это значит научиться понимать его историческую необходимость, его причинную связь с явлениями, из которых необходимо, силою вещей, вытекает то, что мы обозначаем как социальное движение. Это значит научиться понимать, почему образуются определенные социальные классы, почему они вступают в определенный антагонизм между собою, почему именно класс нападающий, дающий толчок движению, имеет и должен иметь свой идеал, к которому он стремится. Нужно научиться прежде всего видеть, что движение вытекло не из настроения, не из произвола и злонамеренности отдельных индивидуумов, что оно не сделано, а сделалось, не произведено, а произошло» [18. С. 5].

Именно К. Маркс и Ф. Энгельс одними из первых поняли, что людьми движут не идеалы добра и зла, а материальные интересы, что капитализм не заблуждение людей, а необходимое звено развития цивилизации, что совершенствование человеческого общества заключается не в проповедях, а в социальной борьбе. Разъясняя это положение марксизма, В. Зомбарт писал: «Скажу вам для иллюстрации и прошу вас не пугаться грубости следующего сравнения: история человечества наполнена непрерывной борьбой то за долю пищи, то за целое место на земле, на котором производится эта пища» [Там же. С. 4]. Он делил борьбу людей между собой на два вида, которые условно назвал борьбой за место под солнцем и борьбой за кусок хлеба. Если борьба за место под солнцем – это борьба племен и государств за территорию, то борьба за кусок хлеба – это социальная борьба внутри человеческих сообществ. «Борьба стала лозунгом этого жестокого и неприветливого поколения пролетариев, выросшего в середине XIX века, не мир,

не примирение, не всеобщее братство, но именно борьба», – заключил он далее [18. С. 79].

Уже в ранней совместной работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя социальную роль пролетариата, вписывают рабочее движение в общий контекст классовой борьбы и выделяют три стадии развития промышленности: ремесло, мануфактуру, крупную машинную промышленность, которой соответствуют три стадии формирования пролетариата: городской плебс и подмастерья, мануфактурные рабочие и класс промышленных рабочих [19. С. 51–61].

Здесь еще нет развернутой характеристики выделенным стадиям формирования рабочего класса и его участия в социальной борьбе. Однако для авторов очевидны качественные различия в интересах и социальной активности наемных рабочих на разных ступенях развития промышленности. Они не видят исторических перспектив в движении ремесленных подмастерьев, направленного на реализацию своего сословного статуса: «...если плебеи и поднимали иногда против всего этого городского строя мятежи, которые, впрочем, вследствие бессилия плебеев не приводили ни к какому результату, то подмастерья не шли дальше мелких столкновений, неразрывно связанных с самим существованием цехового строя» [Там же. С. 51–52].

Прогрессивность движения наемных работников феодального времени Ф. Энгельс связывал с плебсом, стоящим вне феодальных структур и поддерживавшим все антифеодальные выступления от крестьянских войн до буржуазных революций [20. С. 355; 21. С. 190–191]. Этот слой деклассированных, бесправных работников средневековых городов, вобравших в себя «всех отверженных феодального и цехового общества», он считал лишь «предтечей будущего пролетариата» или «предпролетариатом» [22. С. 267; 23. С. 399]. Ф. Энгельс не соглашался с К. Каутским, называвшим средневековых работников, как и современных ему, одним термином «пролетариат» [23. С. 399].

К. Каутский посвятил специальные труды истории борьбы рабочих средневековой Европы, в которых он определил правовое, экономическое положение наемных работников феодальных городов и ранних мануфактур: подмастерьев, плебеев, горнорабочих, ткачей. Дал анализ мотивам и формам их протеста [24. С. 29–101; 25].

Э. Бернштейн, излагая историю стачек, указал на исключительно давнее происхождение этого способа борьбы наемных рабочих: «Уже древняя история указывает на сходные с забастовкой движения, имеющие место обыкновенно при наличности отношений, сходных с современными условиями труда» [26. С. 7]. В средневековых городах стачки ремесленников были обычным явлением. При этом он также, как и Ф. Энгельс, отметил сословный характер борьбы подмастерьев, не посягавших на устои самого цехового строя [Там же. С. 2–18]. Тили Уленшпигели могли паковать хозяевам, но сами мечтали ими стать.

Иным, по мнению теоретиков марксизма, было движение мануфактурных рабочих. «С появлением мануфактур изменяется и отношение рабочих к работодателю: в цехах между подмастерьями и мастером

существовали патриархальные отношения; в мануфактуре же их сменили денежные отношения между рабочими и капиталистом», – отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» [19. С. 56]. В «Капитале» К. Маркс писал: «Борьба между капиталистом и наемным рабочим начинается с самого возникновения капиталистического отношения. Она бушует в течение всего мануфактурного периода» [27. Т. 23. С. 439]. Там же К. Маркс выделяет три направления движения рабочих мануфактурного периода: борьбу цехов против мануфактур; выступления рабочих за улучшение своего положения в мануфактурном производстве; борьба против внедрения машин (луддизм) [Там же. С. 439]. Таким образом, К. Маркс видел в социальной борьбе мануфактурного пролетариата сочетание консервативных и прогрессивных мотивов.

Формирующийся фабричный пролетариат также не сразу достигает организованных форм движения (союзов и стачек). Он прошел индивидуальные формы борьбы, бунтарские выступления, что и отмечал Ф. Энгельс в книге «Положение рабочего класса в Англии», которую можно назвать первым историко-публицистическим произведением, где применен к анализу борьбы пролетариата принцип исторического материализма [28. С. 438]. Он писал: «Возмущение рабочего против буржуазии стало проявляться вскоре после начала промышленного развития и прошло через различные фазы» [Там же]. «Первой, наиболее примитивной и бесплодной формой этого возмущения было преступление», – считал он, отметив, что «рабочие фабричной и горной промышленности быстро прошли первую стадию протеста отдельных лиц, выражавшуюся в правонарушениях; крестьяне же до сих пор застряли на этой стадии» [Там же]. К индивидуальным крестьянским методам борьбы Ф. Энгельс относил террор против хозяев и служащих, поджоги, воровство у хозяев. Надо сказать, что советские исследователи творческого наследия Ф. Энгельса, в отличие от В. Зомбарта, не заметили этой его мысли, поскольку она плохо вписывается в лакированный образ класса-борца [16. С. 364; 18. С. 34; 29. С. 442].

Более высокую фазу борьбы Ф. Энгельс видел в коллективных бунтарских выступлениях против механизации производства. Он писал: «Рабочий класс впервые выступил против буржуазии тогда, когда он силой воспротивился введению машин, что произошло в самом начале промышленного переворота» [28. С. 439]. Исторически это было обреченное на поражение, консервативное с точки зрения прогресса человеческого общества, движение, легко подавленное государством. Недавно пережитая развитыми странами волна выступлений рабочих против автоматизации производства – уже третья по счету консервативная волна рабочего движения после борьбы цехов против мануфактур и луддизма. Наша страна миновала эту стадию социального протеста, так как неэффективная промышленная технология советского времени погибла в результате столкновения с зарубежными конкурентами, превратив рабочих в свободных агентов на рынке труда. Живучесть движения разрушителей машин К. Маркс связывал с постепенным вытеснени-

ем мануфактур в различных отраслях промышленно-сти и с тем, что «требуется известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплуатации» [27. Т. 23. С. 439].

Переход рабочих к более организованной борьбе при помощи союзов и стачек означал следующую фазу движения, вершиной которой в Англии стал чартизм. Результативность и этой борьбы была, по наблюдениям Ф. Энгельса, первоначально не велика. Он отмечал: «История всех союзов представляет собой длинный ряд поражений рабочих, прерываемый несколькими отдельными победами» [28. С. 441]. Стачки сочетались с бунтарскими действиями – поджогами, взрывами, разрушением оборудования, актами террора против хозяев и штрейкбрехеров [Там же. С. 444–450]. Обострение классовой борьбы в период промышленной революции оказалось общей закономерностью для всех стран [18. С. 8–14; 30. С. 20–27].

Союзы и стачки, вне зависимости от их результативности, играли важнейшую роль в формировании пролетарской психологии и самосознания. Ф. Энгельс отмечал, что «как школа борьбы стачки незаменимы» [28. С. 448], а «союзы в значительной мере содействуют усилению ненависти и озлоблению рабочих против имущего класса» [Там же. С. 444]. По мнению Ф. Энгельса, в стачках пролетариат проявлял лучшие черты своего характера. Так, пятимесячную стачку шахтеров Нортумберленда и Дургамы в 1844 г. он считал примером «упорства, неодолимого мужества английского рабочего, уступающего силе лишь тогда, когда всякое сопротивление бесполезно и утратило смысл» [Там же. С. 449]. Ф. Энгельс восхищался «мужеством, сознательностью, рассудительностью» шахтеров, «показавших высокий уровень подлинно человеческой культуры, воодушевления и стойкости духа» [Там же. С. 479–480]. Эта проигранная стачка дала чартизму 30 тыс. новых членов и вывела шахтеров из состояния духовной спячки. На примере английского рабочего класса Ф. Энгельс пришел к выводу: «Чем больше обостряется противоположность между рабочими и капиталистами, тем больше развивается, тем больше проясняется в рабочем пролетарское сознание» [Там же. С. 463], что «все промышленные рабочие захвачены, в той или иной форме, борьбой против капитала и буржуазии. Все они сходятся в том, что они рабочие (working men), – звание, которым они гордятся и которое служит обычным обращением на собраниях чартистов, – что они составляют самостоятельный класс с собственными интересами и принципами, с собственным мировоззрением, класс, противоположный всем имущим классам, и в то же время класс, на котором зиждется вся сила нации и ее способность к дальнейшему развитию» [Там же].

К. Маркс также отмечал, что только «в борьбе... масса сплывается, она конституируется как класс для себя. Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба класса против класса

есть борьба политическая» [31. С. 183]. Тем самым К. Маркс считал переход к политической борьбе органической частью социального формирования пролетариата.

Ф. Энгельс отличал экономическую борьбу английских рабочих от политической – социальной, каковой являлся чартизм [28. С. 458]. Слабость рабочего движения в Англии в 1840-х гг. он видел в его разделении с социалистическим движением и предвидел их слияние [Там же. С. 461]. Позднее, наблюдая более зрелое рабочее движение, Ф. Энгельс выделил три взаимодополняющих направления борьбы рабочих – «теоретическое, политическое и практически-экономическое (сопротивление капиталистам)» [32. С. 499]. Неизбежность участия рабочих в политической борьбе и обращения их при этом к социалистическим идеям, необходимость просветительской работы социал-демократов в связи с этим признавали марксисты всех направлений. Эти идеи получили четкие формулировки в «Манифесте...», в других трудах К. Маркса и Ф. Энгельса [31. С. 178–185; 33. С. 546–554; 34. С. 431–434; 35. С. 262–266]. Применительно к рабочему движению в России об этом писали Г.В. Плеханов и К. Каутский, Л. Мартов, В.И. Ленин [36. С. 15, 34; 37. С. 53–54; 38. С. 80–81; 39. С. 45–79].

Перспективы рабочего движения в Англии Ф. Энгельс видел в 1840-е гг. в скорой социальной революции [28. С. 481]. Понятно, что прогноз молодого революционера не оправдался. Позднее он писал об этом: «...рабочий класс Великобритании годами страстно боролся, прибегая даже к насилию, за народную хартию, которая должна была дать ему эту политическую власть. Он потерпел поражение, но борьба произвела такое впечатление на победившую буржуазию, что с тех пор она бывала очень довольна уже тем, что ценою все новых и новых уступок рабочим покупала продолжение перемирия» [35. С. 266]. Опыт мирового рабочего движения показал, что мысль о социальной революции родилась в голове Ф. Энгельса в атмосфере 1840-х гг. не случайно. Именно на этапе завершения промышленной революции и в начале индустриализации, когда возрастает уровень организованности рабочего класса и в ряды его проникают социалистические идеи, а пролетариат еще не видит в рамках существующих отношений перспектив улучшения своего положения, возникает революционная альтернатива развития индустриального общества. Пролетариат и промышленная буржуазия как новые классы нового индустриального мира выясняют кто будет его социальным лидером. Именно в это время противостояние косности и эгоизма класса имущих и озлобленность и нетерпение эксплуатируемых масс рождают гремучую смесь социальных революций. Так было в Англии и Франции в 40–70-е XIX в., США и Германии в 1880-е гг., в России – в начале XX в., в Китае в первой половине XX в. В странах с более ранним развитием индустриального общества буржуазия путем уступок и репрессий предотвратила социальные революции или подавила их, подняла реальный жизненный уровень рабочих и сделала эволюционный ход развития общества более

гарантированным. Эти тенденции заметил и обобщил Э. Бернштейн, который потребовал изменить стратегию борьбы немецкого пролетариата и его партии в новых условиях с революционной на реформистскую [40; 41. С. 282–284, 432, 346, 376–377, 381, 393–394; 42. С. 36–42]. В. Зомбарт также полагал, что революционаризм «присущ раннему рабочему движению: эволюционизм – т.е. легальность, реформизм – зрелому» [18. С. 103]. Он настаивал, что именно эволюционность – суть учения К. Маркса и Ф. Энгельса о социальном движении пролетариата [Там же. С. 82–85].

Действительно, трудно представить, что такие мыслители, как К. Маркс и Ф. Энгельс, остались бы с прежними взглядами на стратегию и тактику рабочего и социалистического движения, несмотря на изменения политических и социальных условий борьбы рабочего класса в Европе. В последнем своем труде Ф. Энгельс заметил: «Мы гораздо больше преуспеваем с помощью легальных средств, чем с помощью нелегальных или с помощью переворота» [43. С. 546]. В России же конца XIX – начала XX в., где легальное рабочее движение было невозможно, социал-демократам более всего подходили пламенные слова «Манифеста».

Важным в теоретическом плане представляется анализ К. Марксом и Ф. Энгельсом методов эксплуатации рабочих, их правового и экономического положения как исходного пункта мотивов и методов борьбы рабочих. Ф. Энгельс писал об этом: «Положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных явлений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление наших современных социальных бедствий» [28. С. 238].

К. Маркс выделил и изучил основные пути эксплуатации наемных рабочих. Он различал первичный и вторичный уровни эксплуатации. К первому он отнес присвоение прибавочной стоимости, увеличение ее экономией на основном капитале за счет условий труда рабочих, за счет экономии переменного капитала. К. Маркс дал подробный анализ двух основных способов увеличения массы и нормы прибавочной стоимости. Экстенсивный метод состоит в получении прибавочной стоимости путем увеличения рабочего дня за пределы необходимого труда, интенсивный метод – в сокращении необходимого времени через усиление интенсивности и производительности труда [27. Т. 23. С. 325, 518–519]. Первый метод характерен для ранних стадий развития капиталистического производства, второй – для более зрелых. Ранний капитализм характеризуется также всемерной экономией на основном капитале, прежде всего за счет пренебрежения организацией условий труда работников. Эта «гнусная скаредность» оплачивается здоровьем и жизнями наемных рабочих [Там же. Т. 25, ч. 1. С. 100–109]. Капитал, по мнению К. Маркса, не прочь зашибить «какой-нибудь барышик» и на экономии переменного капитала. Это достигается не только оплатой труда ниже стоимости рабочей силы и фальсификацией средств обращения [Там же. Т. 24. С. 579–581], но и посредством вторичной эксплуата-

ции. К. Маркс писал, что «эксплуатация рабочих начинается сызнова, как только он начинает обменивать цену своего труда на другие товары. Лавочники, залогоприниматели, домовладельцы – решительно все эксплуатируют его еще раз» [44. С. 586]. Часто это один и тот же капиталист. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что предоставление рабочим семьям жилья, расплата товарами из лавок владельцев предприятий ставили под контроль хозяев потребление и быт рабочих, подчиняли их фабричному режиму, создавали условия для обкрадывания рабочих [45. С. 313; 46. С. 260–263; 27. Т. 23. С. 186, 480; Т. 24. С. 588].

Ф. Энгельс на примере эволюции системы эксплуатации в английской промышленности показал, что продолжительный рабочий день, примеры «мелкого обворовывания рабочих» при оплате труда – это признаки «юношеского возраста капиталистической эксплуатации», которые изживаются по мере развития капиталистического производства, становясь помехой для получения прибавочной стоимости [46. С. 260–263]. Ф. Энгельс писал, что последняя тенденция в полной мере проявила себя лишь в Англии, а в других странах – Франции, Германии, Америке и в 80-е гг. XIX в. преобладали, по его мнению, грубые формы эксплуатации рабочих [Там же. С. 263].

К таким странам относилась и Россия. К. Маркс отмечал: «На этой русской почве, столь обильной всяческими безобразиями, находятся в полном расцвете старые ужасы младенческого периода английской фабричной системы» [27. Т. 23. С. 572]. Ф. Энгельс, со ссылкой на В.В. Берви-Флеровского, писал, что при широком распространенной в России работе артелями «гнусно эксплуатируются те артели, которые целиком нанимаются к предпринимателям в качестве наемных рабочих. Они сами управляют своей собственной промышленной деятельностью и тем сберегают издержки надзора капиталисту. Последний сдает им лачуги для жилья и предоставляет в кредит пропитание, при чем опять развивается самым гнусным образом система оплаты товарами. Так обстоит у лесорубов и смолокуров Архангельской губернии, во многих промыслах Сибири и других» [47. С. 542].

В.И. Ленин также обращал внимание на то, что «российская буржуазия стремится к самой грубой эксплуатации пролетариата» [48. С. 141]. Он показал, что приемы вторичной эксплуатации имели место как в кустарных промыслах и на лесоразработках [49. С. 417, 527], так и на фабриках, где часть рабочих получала заработную плату харчами. В.И. Ленин считал, что «этот вид платы ставит рабочих в крепостную зависимость» от хозяев и дает «сверхприбыль хозяевам» [50. С. 431]. Для В.И. Ленина вопрос о методах эксплуатации рабочих имел не столько теоретический, сколько практический характер. Ясность этой проблемы позволяла точнее определить политическую стратегию партии. В письме к А.М. Горькому он связал вопрос о методах эксплуатации с вопросом о прогрессивности движения рабочих, когда он писал: «Спротивление... путем организации пролетариата, путем защиты свободы для пролетарской борьбы не задерживает развитие капитализма, а ускоряет его,

заставляя прибегать к более культурным, более технически высоким приемам капитализма. Есть капитализм и капитализм. Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический (“реалистический, демократический, активности полный”) капитализм. Чем больше мы будем обличать перед рабочими капитализм за «жадность и жестокость», тем труднее держаться капитализму первого сорта, тем обязательнее переход его в капитализм второго сорта. А это нам на руку, это пролетариату на руку» [51. С. 431]. В России второй половины XIX – начала XX в. преобладали грубые формы капитализма, опиравшегося на монархическую политическую структуру власти, и борьба рабочих за свои классовые интересы являлась вместе с тем и ведущей силой общедемократического освободительного процесса.

Сугубый интерес в методологическом плане представляет ленинская периодизация рабочего движения в России во второй половине XIX – начале XX в., ее принципы, критерии для определения моментов качественных изменений в борьбе рабочих России. Суждения В.И. Ленина о рабочем движении встречаются во многих его работах [52]. Их анализ показывает, что в поле зрения В.И. Ленина попало рабочее движение уже на сравнительно развитом уровне начиная с 1870-х гг., когда ведущей силой его стали фабричные рабочие. О более раннем периоде стачечного движения он упоминает мимоходом лишь дважды [53. С. 29; 54. С. 368]. Основным принципом периодизации В.И. Ленин считал изменения в формах и содержании рабочего движения. Движение рабочих до 1880-х гг. он считал зачаточным, экономическим стихийным, отмечая, вместе с тем, рабочие союзы 1870-х гг. как первый опыт политической борьбы пролетариата России и крупные стачки в Петербурге в конце 70-х гг. [53. С. 29; 55. С. 172; 56. С. 245; 57. С. 75; 58. С. 72]. К стихийным «рабочим бунтам» в своих первых работах он относил и стачки 1885–1886 гг. [60. С. 22–23], однако затем изменил свое мнение.

Со стачек середины 1880-х гг. В.И. Ленин начинал «новейшую историю нашего рабочего движения» и отмечал: «И с какой же поразительной быстротой развивался пролетариат, переходя от экономической борьбы к политическим демонстрациям, от демонстраций к революционному натиску!» [60. С. 250]. Главными вехами пройденного пути в статье «Первые уроки» он назвал 1885 г. – широкие стачки с участием единичных социалистов; 1891 г. – участие рабочих в демонстрации на похоронах Шелгунова, которую В.И. Ленин считал социал-демократической демонстрацией передовиков рабочих; 1896 г. – массовые стачки в Петербурге с уличной агитацией и участием социал-демократической организации; 1901 г. – политические демонстрации рабочих и студентов при прямом и широком участии социал-демократов; 1902 г. – ростовская стачка и самостоятельная рабочая демонстрация, массовые уличные собрания; 1903 г. – массовые стачки, демонстрации, собрания в целом районе страны; январь 1905 г. – всеобщая стачка и демонстрации стали превращаться в восстание – высшую ступень борьбы рабочих [60. С. 250–252]. В те-

зисах этой статьи мысль В.И. Ленина о диалектике формы и содержания борьбы, качественных и количественных изменениях подана еще более ясно: 1885 г. – стачка, 1891 г. – демонстрация крошечная, 1896 г. – стачка 30 тыс. участников, 1901 г. – демонстрации громадные, 1902 г. – стачка и демонстрация в Ростове-на-Дону, 1903 г. – стачка и демонстрации 100 тыс., 1905 г. – стачка и восстание – до 1 млн участников [60. С. 400].

В особый период рабочего движения В.И. Ленин выделял предреволюционное десятилетие. В статье «Начало демонстраций» он писал: «Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом массовой подготовки народной революции» [61. С. 74]. В другой статье он назвал этот период зарождением рабочего движения «в своей новейшей, массовой и освещенной светом марксистского учения форме» [58. С. 72]. На середину 1890-х гг. как на момент становления нового этапа в рабочем движении страны В.И. Ленин указывал во многих своих трудах [62. С. 185; 63. С. 379–380; 64. С. 22, 27; 65. С. 214–216; 66. С. 132]. Предреволюционное десятилетие В.И. Ленин делит на два больших отрезка: 1895–1901/2 гг. и 1901/2 г. – 1905 г., в первом из которых руководство рабочим движением попадает в руки социал-демократов, а во втором – переходит в стадию открытой политической борьбы [67. С. 154].

Аналогичные мысли высказывал и Л. Мартов, отмечая период стачек 1895–1900 гг., когда социал-демократы взяли на себя роль организаторов движения, за неимением у рабочих другой объединяющей силы, и период 1901–1903 гг., когда рабочие перешли к политической борьбе и массовым политическим демонстрациям [38. С. 93–131].

Середина 1890-х гг., по мнению В.И. Ленина, знаменуется и тем, что в это время «начался новый и более славный период в истории всей русской демократии» [58. С. 72]. В известной статье «Из прошлого рабочей печати в России» он конкретизирует свою мысль, когда с 1895 г. начинается новый пролетарский период освободительного движения в России [68. С. 93].

Таким образом, исходя из потребностей практической политической борьбы, В.И. Ленин рассмотрел рабочее движение в России с 80-х гг. XIX в., ограничившись редкими упоминаниями о более ранних его этапах. Явной натяжкой, по моему мнению, было превращать редкие его замечания в краеугольные камни периодизации рабочего движения, в том числе включать события до 1861 г. в некую «предысторию» рабочего движения [69. С. 12].

Советские историки для обоснования грани 1861 г. как начальной даты рабочего движения в России обычно как аргумент приводили следующую ленинскую сентенцию: «В ту пору, при крепостном праве, с выделением рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, “низшего”, “черного” сословия не могло быть и речи» [68. С. 93]. Однако этим же историкам было хорошо известно, что борьба работников мануфактур стала частью социальных движений в России задолго до формирования наемных работников в особый класс общества, и это было связа-

но с промышленным переворотом, завершившимся в России к концу XIX в. в обрабатывающей промышленности и транзитном транспорте, а не с реформой 1861 г. [70].

Для знатока истории промышленных рабочих России М.И. Туган-Барановского и для Л. Мартова, занимавшегося историей рабочего движения в России более основательно, чем В.И. Ленин, стачки и волнения рабочих в дореформенное время были очевидным фактом. Можно сделать заключение, что к ленинским оценкам рабочего движения в России следует прислушиваться лишь применительно к концу XIX – началу XX в. Более раннее время его как практического политика просто не интересовало.

Если суммировать высказывания классиков марксизма о рабочем движении в России во второй половине XIX – начале XX в., то напрашивается вывод, что они давали ему оценки, характерные для ранних этапов борьбы пролетариата: социальная незрелость, радикализм, переход от экономической борьбы к политической с революционными методами и целями. Все это харак-

терно для конфликтных раннеиндустриальных обществ, в которых не определился еще социальный лидер. Понятно, почему В.И. Ленин не находил взаимопонимания с теоретиками европейской социал-демократии, пришедшими к осознанию необходимости эволюционного, реформистского подхода в борьбе за интересы рабочего класса и отдававшими приоритет национальным интересам своих стран, если таковые сталкивались с классовой солидарностью рабочих разных стран.

Для России начала XXI в. революционный этап борьбы пролетариата пройден, но это не означает прекращение борьбы. Надо помнить слова Э. Бернштейна: «Современное движение не столько следствие, сколько причина теорий... и ...что бы не выкинула история из марксизма, она не уничтожит рабочего движения: борьба рабочего класса за социальную эмансипацию будет продолжаться» [41. С. 378–379]. Слова, сказанные более сотни лет назад, как никогда ранее актуальны в современной России, в которой рабочий класс опять обделен материально и находится на задворках политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Фридрих Энгельс // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 2. С. 5–14.
2. Каутский К. Карл Маркс и его историческое значение. Пг., 1913.
3. Покровский М.Н. Ленин и Маркс как историки. Ленинизм и русская история. Ленин и история // Покровский М.Н. Избранные произведения. Кн. 4: Лекции, статьи, речи. М., 1967. С. 21–55.
4. Бухарин Н.И. Ленин как марксист // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 50–85.
5. Быстрянский В.А. (Ватин В.А.) Ленин-историк. Историзм в ленинизме. Л., 1925.
6. Панкратова А.М. Маркс и Энгельс об исторической роли пролетариата // Панкратова А.М. Рабочий класс России. Избранные труды. М., 1983. С. 308–354.
7. История и историки. Историческая концепция В.И. Ленина. Методология. Лаборатория. М., 1972.
8. Маркс – историк. М., 1968.
9. В.И. Ленин и историческая наука. М., 1968.
10. В.И. Ленин и историческая наука. М., 1970.
11. В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970.
12. Волин М.С. Учение Ленина о гегемонии пролетариата // Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 26–50.
13. В.И. Ленин и проблемы истории. М., 1970.
14. Матюгин А.А. В.И. Ленин об исторической роли рабочего класса. М., 1974.
15. Распутник Б.И. Советская историография современного рабочего движения. Вопросы теории и методологии. Львов, 1976.
16. Гольман Л.И. Энгельс – историк. М., 1984.
17. Выступления Э.Ю. Соловьева, А.А. Гусейнова, А.И. Гельмана в дискуссии «Умер ли марксизм» // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 19–51.
18. Зомбарт В. Социализм и социальное движение в XIX столетии. Ростов н/Д, 1905.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 3.
20. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 7.
21. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 19.
22. Энгельс Ф. Виктору Адлеру. 4 декабря 1889 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 37.
23. Энгельс Ф. Карлу Каутскому 21 мая 1895 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 19.
24. Каутский К. Из истории культуры. Наемные рабочие в средние века и эпоху реформации. СПб., 1905.
25. Каутский К. Возникновение рабочего класса. М., 1923.
26. Бернштейн Э. Стачка. СПб., 1907.
27. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955.
28. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 2.
29. Карлинер М.М. Этапы развития марксовой методологии рабочего движения // Маркс – историк. М., 1968.
30. Мадор Ю.П. Стачка в буржуазном обществе. Историко-социологический очерк. М., 1984.
31. Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4.
32. Энгельс Ф. Добавление к предисловию 1870 г. «Крестьянской войне в Германии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 18.
33. Энгельс Ф. Эльберфельдские речи. Речь 15 февраля 1845 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 2.
34. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4.
35. Энгельс Ф. Тред-юнионы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 19.
36. Каутский К. Американский и русский рабочий. СПб., 1906.
37. Плеханов Г.В. Речь на международном рабочем социалистическом конгрессе в Париже (14–21 июня 1889 г.) // Сочинения. М., 1925. Т. 4.
38. Мартов Л. Пролетарская борьба в России. СПб., [1908].
39. Полевой Ю.З. Проблемы формирования пролетариата и его идеологии в трудах В.И. Ленина // В.И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М., 1970. С. 45–79.
40. Конгресс социал-демократической партии в Ганновере // Рабочее дело. Женева, 1899. № 4/5. С. 25–37.
41. Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб., 1902.

42. Пантин И., Плимак Е. Идеи К. Маркса на переломе человеческой цивилизации // Коммунист. 1990. № 4.
43. Энгельс Ф. Введение к «Классовой борьбе во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 22.
44. Маркс К. Заработная плата // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 6.
45. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 20.
46. Энгельс Ф. Приложение к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 21.
47. Энгельс Ф. Эмигрантская литература // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 18.
48. Ленин В.И. Третья Дума // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1961. Т. 16.
49. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 3.
50. Ленин В.И. Язык цифр // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 23.
51. Ленин В.И. Письмо к А.М. Горькому. 3 янв. 1911 г. // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1970. Т. 48.
52. Иванова Н.А. В.И. Ленин о революционной массовой стачке в России. М.: Наука, 1976. 240 с.
53. Ленин В.И. Что делать? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 6.
54. Ленин В.И. Что делается в народничестве и что делается в деревне? // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1961. Т. 22.
55. Ленин В.И. Протест российских социал-демократов // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 4.
56. Ленин В.И. Попытки направления в русской социал-демократии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967.
57. Ленин В.И. Ценное признание // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 5.
58. Ленин В.И. Прежде и теперь // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 22.
59. Ленин В.И. Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 2.
60. Ленин В.И. Первые уроки // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1967. Т. 9.
61. Ленин В.И. Начало демонстраций // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1973. Т. 20.
62. Ленин В.И. Сердитая растерянность // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1972. Т. 15.
63. Ленин В.И. О статистике стачек в России // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 19.
64. Ленин В.И. Как В. Засулич убивает ликвидаторство // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1973. Т. 24.
65. Ленин В.И. Стачки в России // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1973. Т. 24.
66. Ленин В.И. Идеинная борьба в рабочем движении // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1973. Т. 25.
67. Ленин В.И. Этапы, направления и перспективы революции // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1968. Т. 12.
68. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 25.
69. Волобуев П.В., Володарская А.М., Деренковский Г.М., Кирьянов Ю.И., Полевой Ю.З., Шебалдин Ю.Н. О периодизации рабочего движения в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917. М., 1961.
70. Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М.: Наука, 1983. 575 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 19 января 2015 г.

THE CLASSICS OF MARXISM ON THE NATURE OF THE LABOR MOVEMENT IN RUSSIA

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 57–65. DOI: 10.17223/15617793/402/9

Zinoviev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vpz@tsu.ru

Keywords: social democracy; working class; labor movement; Russia; Europe.

The article analyzes the assessment of the nature of the labor movement in the industrialized countries and in Russia in the 19th – early 20th centuries by the Marxist theorists. They marked out three stages of the workers' struggle: the struggle of pre-proletariat (apprentices and plebs) of medieval towns, the struggle of manufacturing workers and the social movement of factory workers. On the example of the workers' struggle in Europe and North America in the 19th century they concluded the inevitability of a social revolution in the capitalist society. However, the labor movement in the late 19th – early 20th centuries in Western Europe and the United States, after the turbulent period of class struggles, moved into a more effective legal economic and political struggle. It was observed and theoretically comprehended by the leaders of European social democracy who made conclusions about the prevalence of evolutionism in the labor movement, in contrast to the revolutionary spirit of the previous time. However, the Marxist theorists of Western Europe noted that the struggle of the Russian proletariat did not come out of the early revolutionary phase of the labor movement, in contrast to the struggle of the working class in more developed countries of Europe and North America. This was the reason for disagreement between V.I. Lenin and the reformist leaders of European social democracy in determining the political tasks of the proletariat. V.I. Lenin came from the practical problems of the Russian social-democrats in the analysis of the history of the labor movement in Russia, so he gave a description of the labor movement in Russia only in relation to the end of the 19th – early 20th centuries, without covering its previous stages. On the basis of the same practice of political struggle, V.I. Lenin placed the labor movement in the history of the people's liberation struggle against the tsarist regime as the highest stage of the struggle that his party, the RSDLP, headed. This fight was definitely revolutionary. Progress of the country, according to V.I. Lenin, could only be achieved through a socialist revolution, by overthrowing the existing government. While V.I. Lenin fought for political power, he put the class interests of the proletariat above the national interests of the country, identifying the latter with the interests of the ruling classes. During World War I, V.I. Lenin came across the misunderstanding of leaders of European social democracy who supported their governments in the war, putting national interests above class interests of the proletariat in their countries. Even in the first years after the victory of the October Revolution, Lenin did not lose hope for the world proletarian revolution. The author believes that the working class of modern Russia that lost its political leadership, social and ideological orientations in the crises of the last quarter of the century never said its last word in its history; for this reason, the Marxist analysis of the labor movement has not lost its relevance.

REFERENCES

1. Lenin, V.I. (1967) Fridrikh Engel's [Friedrich Engels]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 2. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
2. Kautskiy, K. (1919) *Karl Marks i ego istoricheskoe znachenie* [Karl Marx and his historical significance]. Petrograd: Petrogr. sov. r. i k. d.
3. Pokrovskiy, M.N. (1967) Lenin i Marks kak istoriki. Leninizm i russkaya istoriya. Lenin i istoriya [Lenin and Marx as historians. Leninism and Russian history. Lenin and history]. In: Pokrovskiy, M.N. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Book 4. Moscow: Mysl'.

4. Bukharin, N.I. (1988) Lenin kak marksist [Lenin as a Marxist]. In: Bukharin, N.I. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Politizdat.
5. Bystrianskiy, V.A. (Vatin, V.A.). (1925) *Lenin-istorik. Istorizm v leninizme* [Lenin as a historian. Historicism in Leninism]. Leningrad: Gos. izdatel'stvo.
6. Pankratova, A.M. (1983) Marks i Engel's ob istoricheskoy roli proletariata [Marx and Engels about the historical role of the proletariat]. In: Pankratova, A.M. *Rabochiy klass Rossii. Izbrannyye trudy* [The working class of Russia. Selected works]. Moscow: Nauka.
7. Nechkina, M.V. (ed.) (1972) *Istoriya i istoriki. Istoricheskaya kontseptsiya V.I. Lenina. Metodologiya. Laboratoriya. Istoriograficheskiy ezhegodnik 1970 g.* [History and historians. The historical concept of V.I. Lenin. Methodology. Laboratory. Historiographical Yearbook of 1970]. Moscow: Nauka.
8. Zhelubovskaya, E.A. (ed.) (1968) *Marks – istorik* [Marx as a historian]. Moscow: Nauka.
9. USSR AS. (1968) *V.I. Lenin i istoricheskaya nauka* [Lenin and the historical science]. Moscow: Nauka.
10. Mavrodin, V.V. (ed.) (1970) *V.I. Lenin i istoricheskaya nauka* [Lenin and the historical science]. Leningrad: Leningrad State University.
11. Ivanov, L.M. (ed.) (1970) *V.I. Lenin o sotsial'noy strukture i politicheskoy stroe kapitalisticheskoy Rossii* [Lenin on the social structure and political system of the capitalist Russia]. Moscow: Nauka.
12. Volin, M.S. (1970) Uchenie Lenina o gegemonii proletariata [The teachings of Lenin on the hegemony of the proletariat]. In: Ivanov, L.M. (ed.) *Rossiyskiy proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniya* [Russian proletariat: the face, the fight against hegemony]. Moscow: Nauka.
13. Nosov, N.E. (ed.) (1970) *V.I. Lenin i problemy istorii. Sbornik statey i issledovaniy* [Lenin and the problems of history. Collection of articles and research]. Moscow; Leningrad: Nauka.
14. Matyugin, A.A. (1974) *V.I. Lenin ob istoricheskoy roli rabochego klassa* [Lenin on the historical role of the working class]. Moscow: Mysl'.
15. Rasputin, B.I. (1976) *Sovetskaya istoriografiya sovremennogo rabochego dvizheniya. Voprosy teorii i metodologii* [Soviet historiography of the modern labor movement. Questions of the theory and methodology]. Lvov: Vishcha shkola, Izdatel'stvo pri L'vovskom universitete.
16. Gol'man, L.I. (1984) *Engel's – istorik* [Engels as a historian]. Moscow: Mysl'.
17. Solov'ev, E.Yu., Guseynov, A.A. & Gel'man, A.I. (1990) Umer li marksizm? [Is Marxism Dead?]. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 19–51.
18. Zombart, V. (1905) *Sotsializm i sotsial'noye dvizhenie v XIX stoletii* [Socialism and the Social Movement in the 19th century]. Translated from German. Rostov-on-Don: Izd. N. E. Paramonova "Donskaya rech'".
19. Marx, K. & Engels, F. (1955) Nemetskaya ideologiya [The German Ideology]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
20. Engels, F. (1955) Krest'yanskaya vojna v Germanii [The Peasant War in Germany]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
21. Engels, F. (1955) Razvitie sotsializma ot utopii k nauke [Socialism: from the Utopian to the Scientific]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
22. Engels, F. (1955) Viktoru Adleru. 4 dekabrya 1889 g. [To Viktor Adler. December 4th, 1889]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 37. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
23. Engels, F. (1955) Karlu Kautskomu 21 maya 1895 g. [To Karl Kautskiy. May 21, 1895]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
24. Kautskiy, K. (1905) *Iz istorii kul'tury. Naemnye rabochie v srednie veka i epokhu reformatsii* [From the history of culture. Hired workers in the Middle Ages and in the Reformation]. St. Petersburg: Izd. L'vovicha.
25. Kautskiy, K. (1923) *Vozniknovenie rabochego klassa* [Emergence of the working class]. Moscow: Krasnaya nov', Glavpolitprosvet.
26. Bernstein, E. (1907) *Stachka* [A strike]. Translated from German. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
27. Marx, K. (1955) Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii [Capital. Critique of Political Economy]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 1. Book 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
28. Engels, F. (1955) Polozhenie rabochego klassa v Anglii [Condition of the Working Class in England]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
29. Karlner, M.M. (1968) Etapy razvitiya marksovoy metodologii rabochego dvizheniya [Stages of development of the methodology of Marxist labor movement]. In: Zhelubovskaya, E.A. (ed.) *Marks – istorik* [Marx as a historian]. Moscow: Nauka.
30. Mador, Yu.P. (1984) *Stachka v burzhuznom obshchestve. Istoriko-sotsiologicheskii ocherk* [The strike in a bourgeois society. A historical and sociological essay]. Moscow: Nauka.
31. Marx, K. (1955) Nishcheta filosofii [The Poverty of Philosophy]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
32. Engels, F. (1955) Dobavlenie k predisloviyu 1870 g. k "Krest'yanskoy vojne v Germanii" [Addition to the Foreword of 1870 to The Peasant War in Germany]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 18. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
33. Engels, F. (1955) El'berfeldskie rech'. Rech' 15 fevralya 1845 g. [Elberfeld's speeches. A speech on February 15, 1845]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
34. Marx, K. & Engels, F. (1955) Manifest kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
35. Engels, F. (1955) Tred-yuniony [Trade unions]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 19. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
36. Kautskiy, K. (1906) *Amerikanskiy i russkiy rabochiy* [American and Russian workers]. St. Petersburg: Knigoizdatel'stvo "Zemlya".
37. Plekhanov, G.V. (1925) Rech' na mezhdunarodnom rabochem sotsialisticheskoy kongresse v Parizhe (14–21 iyunya 1889 g.) [Speech at an international socialist congress in Paris (14–21 June 1889)]. In: Plekhanov, G.V. *Sochineniya v dvadtsati chetyrekh tomakh* [Works in twenty-four volumes]. V. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
38. Martov, L. (c. 1908) *Proletarskaya bor'ba v Rossii* [The proletarian struggle in Russia]. 2nd ed. St. Petersburg: Knigoizdatel'stvo N.Glagoleva.
39. Polevoy, Yu.Z. (1970) Problemy formirovaniya proletariata i ego ideologii v trudakh V.I. Lenina [Problems of formation of the proletariat and its ideology in the works of Lenin]. In: Ivanov, L.M. (ed.) *V.I. Lenin o sotsial'noy strukture i politicheskoy stroe kapitalisticheskoy Rossii* [Lenin on the social structure and political system of the capitalist Russia]. Moscow: Nauka.
40. Anon. (1899) Kongress sotsial-demokraticheskoy partii v Gannovere [Congress of the Social Democratic Party in Hannover]. *Raboochee delo*. 4/5. pp. 25–37.
41. Bernshteyn, E. (1902) *Ocherki iz istorii i teorii sotsializma* [Essays on the History and Theory of Socialism]. St. Petersburg.
42. Pantin, I. & Plimak, E. (1990) Idei K. Marksa na perelome chelovecheskoy tsivilizatsii [Ideas of Karl Marx at the turn of human civilization]. *Kommunist*. 4.
43. Engels, F. (1955) Vvedenie k "Klassovoy bor'be vo Frantsii" [An Introduction to The Class Struggle in France]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 22. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
44. Marx, K. (1955) Zarabotnaya plata [Wages]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 6. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
45. Engels, F. (1955) Anti-Dyuring [Anti-Dühring]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 20. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
46. Engels, F. (1955) Prilozhenie k amerikanskomu izdaniyu "Polozheniya rabochego klassa v Anglii" [Supplement to the American edition of The Condition of the Working Class in England]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 21. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

47. Engels, F. (1955) Emigrantskaya literatura [Emigrant Literature]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. V. 18. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literature.
48. Lenin, V.I. (1961) Tret'ya Duma [The Third Duma]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 16. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
49. Lenin, V.I. (1967) Razvitiye kapitalizma v Rossii [Development of Capitalism in Russia]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 3. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
50. Lenin, V.I. (1969) Yazyk tsifr [The language of numbers]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 23. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
51. Lenin, V.I. (1970) Pis'mo k A.M. Gor'komu. 3 yanv. 1911 g. [Letter to A.M. Gorky. January 3, 1911]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 48. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
52. Ivanova, N.A. (1976) *V.I. Lenin o revolyutsionnoy massovoy stachke v Rossii* [Lenin on the revolutionary mass strike in Russia]. Moscow: Nauka.
53. Lenin, V.I. (1967) Chto delat'? [What to do?]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 6. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
54. Lenin, V.I. (1961) Chto delaetsya v narodnichestve i chto delaetsya v derevne? [What is being done in populism and what is being done in the country?]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 22. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
55. Lenin, V.I. (1967) Protest rossiyskikh sotsial-demokratov [Protest of the Russian Social-Democrats]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
56. Lenin, V.I. (1967) Popyatnoe napravlenie v russkoy sotsial-demokratii [A Retrograde Trend in Russian Social-Democracy]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 4. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
57. Lenin, V.I. (1967) Tsennoe priznanie [Valuable recognition]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 5. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
58. Lenin, V.I. (1968) Prezhde i teper' [Before and now]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 22. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
59. Lenin, V.I. (1967) Ob'yasnenie zakona o shtrafakh, vziataemykh s rabochikh na fabrikakh i zavodakh [An explanation of the law on fines imposed on the workers in the factories]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 2. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
60. Lenin, V.I. (1967) Pervye uroki [First lessons]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 9. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
61. Lenin, V.I. (1973) Nachalo demonstratsiy [Start of demonstrations]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 20. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
62. Lenin, V.I. (1972) Serditaya rasteryannost' [Angry confusion]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 15. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
63. Lenin, V.I. (1968) O statistike stachek v Rossii [Strike Statistics in Russia]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 19. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
64. Lenin, V.I. (1973) Kak V. Zasulich ubivaet likvidatorstvo [How Zasulich kills Liquidationism]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 24. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
65. Lenin, V.I. (1973) Stachki v Rossii [Strikes in Russia]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 24. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
66. Lenin, V.I. (1973) Ideynaya bor'ba v rabochem dvizhenii [The ideological struggle in the labor movement]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 25. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
67. Lenin, V.I. (1968) Etapy, napravleniya i perspektivy revolyutsii [Stages, trends and prospects of revolution]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 12. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
68. Lenin, V.I. (1969) Iz proshlogo rabochey pechati v Rossii [From the past of the workers' press in Russia]. In: Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 5th ed. V. 25. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literature.
69. Volobuev, P.V. et al. (1966) O periodizatsii rabochego dvizheniya v Rossii [Periodization of the labor movement in Russia]. In: Ivanov, L.M. (ed.) *Rabochiy klass i rabochee dvizhenie v Rossii. 1861–1917* [The working class and the labor movement in Russia. 1861–1917]. Moscow: Nauka.
70. Volin, M.S. & Kir'yanov, Yu.I. (eds) (1983) *Rabochiy klass Rossii ot zarozhdeniya do nachala XX v.* [The working class of Russia from the origin to the early twentieth century]. Moscow: Nauka.

Received: 19 January 2015

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РАЗВИТИИ МУЖСКОГО ГИМНАЗИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

Исследуются основные направления благотворительной деятельности меценатов, сословий и общественных организаций в развитии среднего образования Западно-Сибирского учебного округа на примере мужских гимназий. На основе архивных источников анализируется динамика их роста и снижения в период с 1885 по 1917 г., специфические черты различных форм филантропии. Оценка тех или иных видов меценатства позволяет лучше понять их значение для гимназий и учащихся, их вклад в развитие просвещения и региона в целом.

Ключевые слова: благотворительность; пожертвование; гимназия; стипендия; попечитель.

Общественное участие в развитии школьного дела в форме меценатства как в дореволюционной России, так и в наши дни имеет немаловажное значение, предоставляя возможность получения образования широким слоям населения. Особенно актуальна в дореволюционной России такая помощь была для выходцев из небогатых семей, ввиду не только высокой оплаты обучения, но и всех сопутствующих расходов – одежды, питания, необходимости аренды жилья, если гимназист не был уроженцем того города, где располагалось учебное заведение, и др.

Проанализировав основные направления благотворительной деятельности в сфере среднего образования Западно-Сибирского учебного округа (ЗСУО) вообще и мужского гимназического образования в частности, мы выделяем пять наиболее распространенных форм филантропии:

- 1) единовременные разовые пожертвования «по случаю»;
- 2) долговременная благотворительная деятельность, выражавшаяся в дарении капиталов, на процент с которых осуществлялась воля дарителя;
- 3) именные стипендии;
- 4) деятельность института попечительства при учебных заведениях;
- 5) организованные формы общественной благотворительности, различного рода «Общества вспомоществования учащимся» и т.п.

Каждое из выделенных нами направлений имеет свои особенности и характерные черты.

В своей работе профессор А.Р. Соколов замечал, что в целом для развития благотворительной деятельности в области образования в обществе должен вырваться ряд условий. Во-первых, сама благотворительность должна принять внецерковные формы, оторваться от древних традиций милостыни ради спасения собственной души. Во-вторых, образование должно осознаваться обществом как инструмент духовного и материального прогресса. И, наконец, в-третьих, образование не должно быть нацелено только лишь на «производство» необходимых государству кадров [1. С. 15].

По сути, первая обозначенная нами форма меценатства – единовременные пожертвования – являла собой еще переходную, «полусветскую» форму учебной филантропии. Не случайно анализ ее динамики, приведенный в табл. 1, показывает снижение роли единовременных пособий в бюджете гимназий.

Снижение удельного веса единовременных благотворительных взносов в период «бума» сибирского образования (второе десятилетие XX в.), как нам кажется, объясняется изменением парадигмы благотворительности в сфере народного образования. Появляется стремление не только жертвовать, но и заботиться о полезности пожертвованных средств, потому большее распространение получили долговременные формы благотворительности, выразившиеся как в дарении капиталов образовательному учреждению, так и в форме именных стипендий на оплату обучения, а также в деятельности различного рода благотворительных обществ, помогающих несостоятельным учащимся не эпизодически, а на постоянной основе.

Таблица 1

Удельный вес единовременных благотворительных взносов и случайных доходов мужских гимназий ЗСУО за 1885–1916 гг.

Показатель	1885 г.	1891 г.	1897 г.	1903 г.	1909 г.	1916 г.
Всего доходов, руб.	10 8741,6	134 125,04	158 212,3	201 933,2	228 224,05	780 962,66
Единовремен. взносы	1 112,5	714,18	1 154,63	400	0	1 904,56
Удельный вес, %	1,02	0,53	0,77	0,19	0	0,24

Источник подсчета: Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 248; Д. 622. Л. 330; Оп. 2. Д. 1112. Л. 331; Д. 1728. Л. 207; Д. 2563. Л. 268; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 205. Д. 4872. Л. 21.

Единовременные взносы все чаще становились лишь эпизодическим явлением, связанным с крайне значимым для города событием, например открытием нового учебного заведения. В отчете попечителя по мужским гимназиям за 1913 г. сообщается о единовременном пожертвовании в 4 704,24 руб., однако все

эти деньги были пожертвованы лишь новой мужской гимназии в г. Ишиме, остальные учебные заведения единовременных благотворительных взносов в этом году не получали совсем [2. Л. 62]. Данный показательный пример подтверждает обозначенный нами выше тезис об изменении направленности благотвори-

рительной деятельности в сфере образования. Похожие процессы перехода к долговременным формам благотворительности протекали и в других видах средних школ (женские гимназии, реальные училища).

С развитием банковской сети в Сибири появилась возможность переводить на счета образовательных учреждений крупные суммы – капиталы, на ежегодные проценты с которых должна быть осуществлена воля дарителя.

Самой амбициозной формой благотворительной деятельности в сфере среднего образования к концу XIX в. стало учреждение именных стипендий учащимся, однако помимо них капиталы могли жертвоваться непосредственно гимназии. Ежегодные проценты с таких капиталов призваны были решать определенные материальные затруднения в работе школы. Удельный вес процентов с пожертвованных капиталов в бюджете мужских гимназий представлен в табл. 2.

Таблица 2

Удельный вес процентов с капитала в смете доходов мужских гимназий ЗСУО за 1885–1916 гг.

Показатель	1885 г.	1891 г.	1897 г.	1903 г.	1909 г.	1916 г.
Всего доходов, руб.	108 741,60	134 125,04	158 212,33	201 933,2	228 224,05	780 962,66
Процент с капиталов	31 47,61	3 326,79	6 175,8	6 509,38	5 510,77	5 853,27
Удельный вес, %	2,89	2,48	3,90	3,22	2,41	0,74

Источник подсчета: ГАТО Ф. 126. Оп. 1. Д. 40. Л. 248; Д. 622. Л. 330; Оп. 2. Д. 1112. Л. 331; Д. 1728. Л. 207; Д. 2563. Л. 268; РГИА. Ф. 733. Оп. 205. Д. 4872. Л. 21.

Таблица наглядно демонстрирует, что долговременная благотворительность играла большую роль в материальной базе мужских гимназий, нежели единовременные взносы, но в то же время она также сходит на нет к 1916 г. Истинным «пиком» ее расцвета стал рубеж XIX и XX вв.

Расцвет долговременной благотворительности на рубеже XIX и XX вв., как во всей империи, так и в Западной Сибири, как абсолютно справедливо замечает псковский исследователь Б.Ю. Борисов, был вызван еще и естественным накоплением интеллектуального и вообще культурного потенциала в купеческом сословии; во второй половине XIX в. происходит расслоение купечества, из его среды выделяются люди новой формации – крупная буржуазия, фабриканты, банкиры, часть переходит из купеческого сословия в разряд государственных служащих высшего уровня, деятелей науки, искусства, образования [3. С. 179]. Некоторые получают дворянство.

Учреждение же именных стипендий – совершенно особый вид благотворительности. Значимым стимулом для их роста явилось Высочайше утвержденное положение Комитета министров от 14 декабря 1877 г. «О порядке присвоения особых наименований всякого рода учреждениям благотворительным и общепольным», согласно которому стипендиям разрешалось присваивать личные имена в соответствии с желанием самого жертвователя [4. С. 307].

В основном механизм их работы заключался в жертвовании капитала, на процент с которого осуществлялась воля дарителя в соответствии с Положением к стипендии или личным пожеланием мецената. Исключение составляли случаи постоянных пособий от общественных организаций или власти на содержание стипендиата.

Мотивов для учреждения стипендий было множество: желание увековечить имя кого-либо из близких или даже собственное, выражение верноподданнических чувств императору, помощь землякам и т.д. [5. С. 51], но все же празднование юбилейных дат российской истории, пожалуй, был самым популярным мотивом учреждения стипендиального пособия. Пример – учреждение в 1913 г. стипендий в память Отечественной войны 1812 г. в Бийской, Ишимской, Кур-

ганской и второй Томской мужских гимназиях [6]. Подобного рода стипендии, как правило, были практически во всех средних школах региона. В соответствии с правилами данное наименование стипендиям давалось с разрешения министров и главноуправляющих отдельными частями, в отдельных случаях – местных губернаторов [7. С. 320].

Второе десятилетие XX в. всколыхнуло сибирское общество на помощь неимущим школьникам, что связано в первую очередь со стремительным открытием новых учебных заведений в небольших городах и динамичным развитием региона. Так, уже к 1915 г. только при одной Тобольской мужской гимназии существовало 34 стипендии, при Томской – 20 [8. С. 83]. Но и само количество средних школ возросло с 27 в 1908 г. до 46 к 1917 г. [9. С. 101], т.е. практически в два раза. К слову, на всю империю капиталов по мужским гимназиям и прогимназиям в 1911 г. насчитывалось не менее 1 698 на общую сумму 8 871 156 руб. [10. С. 234]. На проценты с одного капитала могли выплачиваться не одна, а сразу несколько стипендий.

Важно заметить, что по мере увеличения числа стипендий к началу XX в. росло и количество учебных заведений, что снижало (в процентном отношении) эффективность пособий.

Не менее интересной формой долговременной благотворительности является функционирование института попечительства. Представленные преимущественно купеческим сословием, попечители гимназий и прогимназий являли собой связующее звено между профессиональными педагогами, родителями учащихся и гражданским обществом в целом.

Согласно Уставу гимназий и прогимназий (1871 г.) почетный попечитель «следит за ходом управления и состоянием гимназии и прогимназии, но сам собою не делает никаких распоряжений, а сообщает только словесно или письменно, и негласным образом, непосредственному начальству сих заведений о замеченных им каких-либо беспорядках или же доводит о них до сведения педагогического совета или хозяйственного комитета, по принадлежности и, если замечания его будут оставлены без уважения, представляет об этом попечителю округа» [11. С. 95].

К сожалению, ввиду несистемного характера почитательской помощи, невозможно в цифрах выразить их взнос. Однако упреки в адрес попечителей – весьма распространенное явление на страницах местной и центральной печати: «Воображение рисует им, что обязанности их далеко не должны исчерпываться только материальной помощью школе... “раз я даю деньги на школу, то значит я в некотором роде хозяин, и я начальство над учителем”» [12. С. 126]. Подобные заявления, однако, более характерны для начальных школ, нежели средних, ибо элементарные расходы на содержание среднего учебного заведения существенно выше.

Помощь со стороны попечителя могла заключать в себе некоторые ремонтные работы для гимназии (покупка материалов), покупку учебных принадлежностей для неимущих учащихся, теплой одежды для них и т.д. Небезразличный к делам школы попечитель – настоящая «находка» для гимназии. К примеру, попечитель тобольской мужской гимназии действительный статский советник Н.И. Давыдовский пожертвовал на строительство каменного здания больницы при ученическом пансионе 700 руб., за что ему была вручена благодарность от попечителя Западно-Сибирского учебного округа по представлению директора гимназии [13. Л. 48, 49].

Пожалуй, именно для этой формы благотворительности в большей мере свойствен мотив личного тщеславия купцов. За наиболее крупные пожертвования, как отмечает исследователь сибирского купечества В.П. Бойко, правительство награждало орденами, жаловало чинами и званиями, жертвователи имели возможность занимать почетные должности в городском самоуправлении [14. С. 240].

Нельзя обойти вниманием еще один распространенный мотив благотворительной деятельности: попечение о домово́й церкви. Например, пожертвование почетным попечителем семипалатинской мужской прогимназии А.В. Москвиным к 1 января 1902 г. следующих предметов: 1) иконы двенадцатых праздников – 125 руб.; 2) серебряное вызолоченное кадило – 45 руб.; 3) гробница для плащаницы – 45 руб.; 4) подсвечник – 35 руб.; 5) белое шелковое облачение на престол и жертвенник – 101 руб.; 6) хоругви голубого бархата, шитые серебром – 200 руб. [15. Л. 11]. Итого пожертвованная сумма в размере 551 руб. являлась весьма существенной.

Во многом схожей по содержанию с попечительством, но гораздо более крупной формой общественного участия в деле учебной благотворительности стало учреждение различного рода «Обществ вспомоществования учащимся», привлечших максимально широкие слои к делу народного образования и просвещения. Не только купечество, но и простой крестьянин мог оказать помощь неимущему учащемуся.

Взнос платы за учение, бесплатная выдача книг и учебных пособий и их продажа по удешевленной цене, снабжение одеждой, пищей, приютом, содействие в поиске работы, снабжение бедных медицинской помощью и медикаментами, в исключительных случаях – денежными пособиями – вот те направления

деятельности благотворительных обществ, которые были предписаны им «Нормальным уставом» [16. С. 2].

Правительство не ограничивало состав и численность обществ половой, религиозной, сословной или какой-либо иной принадлежностью, и это важно, так как в общепользную деятельность оказались втянуты все слои общества.

Общества стремились использовать все возможные методы для достижения главной цели – помощи малоимущим учащимся. В частности, исследователь Н.А. Серякова, обобщив материалы «Томских губернских ведомостей» за вторую половину XIX в., выделяет следующую градацию публичных мероприятий по объему кассового сбора: на первом месте стоят лотереи-аллеги и балы-базары (в среднем сборы составляли более 3 тыс. руб.), на втором месте – маскарады (932 руб.), на третьем – народные гуляния (639 руб.), на четвертом – спектакли (496 руб.) и на пятом – концерты и музыкальные вечера (333 руб.). Большая доля дохода во время проведения лотерей-аллеги и балов-базаров поступала от торговли различными напитками и закусками. Доход же от спектаклей, концертов и музыкальных вечеров складывался из расчета проданных билетов и пожертвований посетителей сверх цены билета [17. С. 59]. Собранные во время мероприятий средства шли как непосредственно учебному заведению, его организовавшему, либо для решения проблем которого оно было организовано, так и благотворительным обществам для распоряжения ими на конкретную цель или по собственному усмотрению.

Необходимо также отметить принципиально важную особенность общественной благотворительной деятельности – ее ссудный характер. Оказываемая обществом помощь предполагала, что ученик, выучившись, в форме взносов вернет затраченные на него деньги, лично осознавая значимость помощи малоимущим ученикам. Однако де-факто ситуация не всегда была таковой. В частности, томское «Общество для вспомоществования учащимся» за первые 20 лет своего существования (1873–1893), начав деятельность с капиталом 1 040 руб., собрало до 40 000 руб. и раздало на пособия 348 лицам до 30 000 руб., возврат же был не более 2 000 руб. Общество имело более 200 должников, в том числе и среди лиц, «занимающих хорошие места» [18. С. 36–37]. Данная проблема весьма часто встречается в различных отчетах деятельности обществ.

Настоящий «бум» в развитии общественной благотворительности, как по всей империи, так и в Западной Сибири, приходится на начало XX в. По подсчетам исследователей, по числу благотворительных обществ в Сибири на первом месте находилась Томская губерния, в которой насчитывалось 106 различных обществ, за ней следовала Тобольская губерния – 78 организаций, далее шли восточносибирские земли Иркутской (59) и Енисейской (44) губерний, Омский уезд насчитывал 19 благотворительных организаций [19. С. 27].

Привлечение широкого круга людей различных сословий, званий и вероисповеданий является важным шагом формирования гражданской ответствен-

ности у населения. Благотворительная деятельность к названному периоду перестала считаться монополией купеческого сословия и наиболее состоятельных слоев общества, теперь каждый гражданин, небезразличный к судьбе своего города, окружающих его людей, мог внести посильную лепту в развитие системы образования в крае посредством вступления в то или иное благотворительное общество и выплачивая периодические денежные взносы. Особенно широко в эту деятельность включилась интеллигенция, в том числе и сами педагоги.

Таким образом, краткая характеристика основных направлений благотворительности в сфере мужского

гимназического образования, представленная нами, вовсе не исчерпывается обозначенными направлениями, однако она показательно выявила важнейшие направления социальной эволюции региона. Стоит отметить, что все пять форм благотворительности в разной степени сосуществовали одновременно и не противоречили, а, скорее, дополняли друг друга. Меценатство перестало считаться монополией купечества во имя искупления своих «ростовщических» грехов, обретя более массовый и масштабный характер, что, безусловно, положительно отразилось на социально-культурной жизни Западной Сибири рубежа XIX–XX столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. СПб., 2005.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 205. Д. 4869.
3. Борисов Б.Ю. Духовно-нравственные основы благотворительности и попечительства русского купечества в отечественном образовании // Человек и образование. 2009. № 3 (20).
4. Высочайше утвержденное положение кабинета министров «О порядке присвоения особых наименований всякого рода учреждениям благотворительным и общепользовным» (№ 57978) // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1879. Т. 52, отд. 2: 1877.
5. Клинический А.И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX – начала XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61), т. 4.
6. Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 11–12.
7. Высочайше утвержденное мнение Гос. Совета 26 мая 1897 г. «О порядке присвоения особых наименований общепользовным учреждениям» (№ 14152) // ПСЗРИ. Собр. 3-е. СПб., 1900. Т. 17: 1897.
8. Сизова Е.В. Мужские гимназии Западной Сибири в исторической динамике (XIX – начало XX в.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2011.
9. Шамахов Ф.Ф. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1905–1917 гг.). Томск, 1966.
10. Указатель пожертвованных капиталов по Министерству народного просвещения. СПб., 1912.
11. Высочайше утвержденный Устав гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения 30 июля 1871 г. (№ 49860) // ПСЗРИ. Собр. 2-е. СПб., 1874. Т. 46, отд. 2: 1871.
12. Филатов К. Школьные попечительства // Русская школа 1904. № 3.
13. Государственный архив Томской области (далее – ГАО). Ф. 126. Оп. 1. Д. 1140.
14. Бойко В.П. Томское купечество. Томск, 1996.
15. ГАО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1692.
16. Нормальный устав Обществ вспомоществования нуждающимся учащимся. СПб., 1898.
17. Серякова Н.А. Благотворительность и общественный досуг томичей во второй половине XIX в. (по материалам «Томских губернских ведомостей») // Вестник Томского государственного университета. История. 2010. № 1 (9).
18. Соболев С. Благотворительные учреждения Томской губернии (очерк). Томск, 1895.
19. Бочанова Г.А. [и др.] Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начало XX в. Новосибирск, 2000.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 мая 2015 г.

MAIN CHARITY ACTIVITIES IN THE DEVELOPMENT OF MALE SECONDARY EDUCATION IN THE WEST SIBERIAN SCHOOL DISTRICT

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 66–70. DOI: 10.17223/15617793/402/10

Klinitskiy Artyom I. Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: ArtemKlinitskiy@yandex.ru

Keywords: charity; donation; gymnasium (school); scholarship; trustee.

The object of the following article are five philanthropy activities which played a significant role in the development of male classical education in West Siberia in the end of the 19th – beginning of the 20th centuries. The first activity was represented by ordinary one-time private donations. The analysis of this income item in the budget of male classical gymnasiums based on the report by a trustee of West Siberian school district (1885–1916) shows that in the second decade of the 20th century this form of charity almost came to naught. Its rare acts were connected with the most relevant events in towns' history. For example, the opening of a new grammar school in Ishim in 1913. The second activity refers to capital donations, interest on which implemented the will of a grantor. It also almost disappeared by the second decade of the 20th century giving place to some more organized forms of philanthropy. The third activity was represented by nominal grants. It functioned closely to the mechanism of capital donations but it had its own peculiarities: the constitutor of a scholarship could be a private person, a public organization or a local government. The reasons for scholarship constitution were also different. Loyalty to the emperor, aspiration to immortalize somebody's name, often their own or their relative's, celebration of Russian memory days, etc. were among them. The fourth form, guardianship of a school, partly combines some traits of the already mentioned activities. It also has a long-term nature and is essentially represented by merchants. Basing on archival documents, the article gives examples of guardian work and briefly states the problems secondary schools faced during their work with a trustee. The fifth form of charity, the activity of charity organizations, has a fundamental difference as this help started to reach mass levels attracting various strata of society. Intellectuals, including teachers themselves, were involved a lot into this activity. Another peculiarity of social charity can be its loan nature. The development of this form of charity reached its highest point in the beginning of the 20th century both throughout the empire and in Western Siberia. Its biggest center was Tomsk, the university capital of Siberia. After analyzing and characterizing the main charity activities, the author has learned that philantropy

py activities did not interfere but supplemented each other. However, social participation in male classical education was not significant. The formation of social charity proclaims the social evolution of the region and the development of public civil awareness.

REFERENCES

1. Sokolov, A.R. (2005) *Blagotvoritel'nost' v narodnom obrazovanii i ee rol' v transformatsii rossiyskogo obshchestva* [Charity in public education and its role in the transformation of Russian society]. St. Petersburg: Liki Rossii.
2. Russian State Historical Archive. Fund 733. List 205. File 4869. (In Russian).
3. Borisov, B.Yu. (2009) Dukhovno-nravstvennye osnovy blagotvoritel'nosti i popechitel'stva russkogo kupechestva v otechestvennom obrazovanii [The spiritual and moral foundations of charity and guardianship of Russian merchants in the domestic education]. *Chelovek i obrazovanie*. 3 (20).
4. Russian Empire. (1879) Vysochayshe utverzhdennoe polozhenie kabineta ministrov "O poryadke prisvoeniya osobykh naimenovaniy vsyakogo roda uchrezhdeniyam blagotvoritel'nym i obshchepoleznym" (№ 57978) [The imperially approved regulation of the Cabinet "On the order of assigning specific names of every kind to charitable institutions of general interest" (No. 57978)]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. V. 52, pt. 2: 1877. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
5. Klinitskiy, A.I. (2015) Nominal grants as a charity form in the development of Western Siberian secondary schools in the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1 (61): 4. pp. 50–54. (In Russian).
6. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. (1913). 11–12.
7. Russian Empire. (1900) Vysochayshe utverzhdennoe mnenie Gos. Soveta 26 maya 1897 g. "O poryadke prisvoeniya osobykh naimenovaniy obshchepoleznym ustanovleniyam" (№ 14152) [The imperially approved Government Council opinion of 26 May 1897 "On the procedure of assigning specific names to statutes of general interest" (No. 14152)]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. V. 17: 1897. St. Petersburg.
8. Sizova, E.V. (2011) *Muzhskie gimnazii Zapadnoy Sibiri v istoricheskoy dinamike (XIX – nachalo XX v.)* [Men's gymnasiums in Western Siberia in the historical dynamics (19th – early 20th centuries)]. History Cand. Diss. Tomsk.
9. Shamakhov, F.F. (1966) *Shkola Zapadnoy Sibiri mezdu dvumya burzhuaizno-demokraticeskimi revolyutsiyami (1905–1917 gg.)* [Schools of Western Siberia between the two bourgeois-democratic revolutions (1905–1917)]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Anon. (1912) *Ukazatel' pozhertvovannykh kapitalov po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [Index of capital donated to the Ministry of Education]. St. Petersburg.
11. Russian Empire. (1874) Vysochayshe utverzhdennyy Ustav gimnaziy i progimnaziy vedomstva ministerstva narodnogo prosveshcheniya 30 iyulya 1871 g. (№ 49860) [The imperially approved Progymnasium and Gymnasium Charter of the Ministry of Education of July 30, 1871 (No. 49860)]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii*. V. 46, pt. 2: 1871. St. Petersburg: Tip. II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii.
12. Filatov, K. (1904) *Shkol'nye popechitel'stva* [School guardianship]. *Russkaya shkola*. 3.
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 1. File 1140. (In Russian).
14. Boyko, V.P. (1996) *Tomskoe kupechestvo* [Tomsk merchants]. Tomsk: Vodoley.
15. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 1692. (In Russian).
16. Anon. (1898) *Normal'nyy ustav Obshchestv vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya uchashchimsya* [Normal Charter of charity organizations to help needy students]. St. Petersburg.
17. Seryakova, N.A. (2010) Blagotvoritel'nost' i obshchestvennyy dosug tomichey vo vtoroy polovine XIX v. (po materialam "Tomskikh gubernskikh vedomostey") [Charity and public leisure of Tomsk residents in the second half of the 19th century. (based on the Tomsk Provincial Gazette)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (9).
18. Sobolev, S. (1895) *Blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Tomskoy gubernii (ocherk)* [Charities of Tomsk Province (an essay)]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
19. Bochanova, G.A. et al. (2000) *Ocherki istorii blagotvoritel'nosti v Sibiri vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.* [Studies in the history of charity in Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: SB RAS.

Received: 27 May 2015

СТРОГАНОВЫ И МОНАСТЫРСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПРИУРАЛЬЕ В СЕРЕДИНЕ XVI–XVII вв.

На основании как опубликованных, так и впервые введенных в научный оборот архивных документов РГАДА рассматриваются вопросы участия рода Строгановых в создании и развитии монастырей в Приуралье. Анализируются факторы, способствовавшие появлению монастырей в строгановских вотчинах, показана роль отдельных представителей рода в этом процессе. Обзорно рассматривается вопрос о развитии церковного искусства в землях Строгановых, их роль в становлении культуры региона. Также указывается благотворительная помощь известного рода русским монастырям за пределами пермских земель.

Ключевые слова: Приуралье; Пермь; Великая колонизация; вотчины; Строгановы; монастыри; вклады; храмы; иконописание; лицевое шитье.

Строгановы как один из наиболее богатых и влиятельных родов в российской истории интересовали историков еще с XIX в. В последние годы появляется большое число статей и монографий, посвященных этой теме [1–9 и др.]. В частности, среди работ последнего времени следует отметить опубликованную И.В. Купцовым наиболее полную на сегодняшний день родословную этой знаменитой фамилии [10]. Однако, несмотря на многочисленные публикации, нет отдельных работ, посвященных роли Строгановых в монастырском строительстве в Приуралье. Эти вопросы затрагиваются исследователями косвенно и не дают полноты картины.

Родоначальником пермской ветви Строгановых был Аника Федорович (рис. 1). Его предки были выходцами из новгородских земель. Первоначально Строгановы имели земли только в Перми Вычегодской. В 1519 г. они получили первую грамоту на соляные промыслы. Во второй половине XVI в. Строгановы распространили свои владения на Пермь Великую. По царским грамотам 1558 и 1564 гг. они получили здесь обширные владения по берегам Камы от устья р. Лысьвы до устья р. Чусовой, всего, по подсчетам Ф.А. Волегова, около 3,4 млн дес. По грамоте 25 марта 1568 г. им перешли по р. Чусовой более 1,1 млн дес. В 1688 г. в руках Строгановых находилось 9,5 млн дес. земли, 20 городков, свыше 200 деревень и столько же починков, более 3 000 дворов и свыше 15 тыс. душ м.п., не считая инородцев. К 1701 г. им принадлежало более 10,4 млн дес. Крупный характер царских пожалований был связан с тем, что это были пограничные, преимущественно пустующие или малозаселенные земли.

Являясь прекрасными колонизаторами, Строгановы быстро осваивали новые владения, льготами привлекали сюда крестьян, в том числе бежавших из Средней России, разоренной опричниной Ивана Грозного. Колонизация Строгановыми пермских земель происходила обычно следующим образом. В пожалованных царем землях ими устраивались соляные варницы, затем строились для их охраны укрепленные городки, основными среди которых были Орел-городок, Канкор (Пыскор) и Чусовские городки. Также они держали за свой счет пушкарей и пищальников для «береженья от ногайских людей и других орд».

Основное богатство рода было связано с вываркой соли. Немалую роль играла и меновая торговля с

местными племенами. За значительную помощь русским государям в 1610 г. они единственные в стране получили звание именитых людей. Вместе со званием приобрели и многие привилегии, в частности Строгановы неподсудность местным властям (они судились непосредственно царским судом), право строить города и крепости, содержать ратных людей, отливать пушки, беспошлинно торговать с инородцами, судить своих людей, обладали многими налоговыми льготами. Историки нередко сравнивали владения Строгановых с «государством в государстве» со своими законами, установлениями, вооруженными силами и управлением, независимым от царских наместников и воевод. Они имели право сноситься по многим вопросам непосредственно с государственными учреждениями в Москве, минуя местную администрацию [11. С. 153–154; 7. С. 3, 91–106].

Д. Флетчер, побывав в России в правление Федора Ивановича в конце XVI в., писал о Строгановых: «Капитала у них, как полагали, было до 300 000 рублей наличными деньгами, кроме земель, скота и другого товара... В продолжение целого года у них работали десять тысяч человек, занимаясь добыванием соли, перевозом тяжестей на телегах и барках, рубкой леса и т.п., кроме, по меньшей мере, 5 000 душ крестьян, живших в деревнях и обрабатывавших землю их. У них были свои лекаря, хирурги, аптекари и всякие ремесленники из голландцев и других иноземцев. Говорят, что царю платили они ежегодно до 23 000 рублей (почему им и дозволено было производить торговлю) и, кроме того, содержали несколько гарнизонов на Сибирской границе, близкой к ним... Имена их были: Яков, Григорий и Симеон Строгановы, сыновья Аники» [12].

Строгановых связывали с приуральскими землями не только экономические отношения. Несмотря на то что это был один из самых «деловых» родов России того времени, духовная жизнь всегда оставалась важной стороной их бытия. Колонизация сопровождалась активным церковным строительством. Осваивая новые земли, Строгановы возводили здесь храмы и монастыри. Более того, в 1565 г. от московского митрополита Строгановы получили право проводить, опираясь на братию Пыскорского монастыря, крещение коми-пермяцкого населения своих вотчин [13. С. 37].

Рис. 1. Род Строгановых

Первым положил начало традиции монастырского строительства Аника Строганов (1497–1569). Во второй половине XVI в. со своими сыновьями и внуками он основал в Перми Великой Пыскорский и Чусовской монастыри. Особое отношение к монашеству было заложено в него, вероятно, еще его родителями – Федором Лукичем и Евфимией Кузьминичной, которые незадолго до смерти приняли монашество, равно как стала монахиней и его бабушка – Мария Дементьевна (Юрьева) [10. С. 12].

Примерно в 1558 г. Аника строит городок Конкор (Камкор), который предназначался для защиты строгановских земель от набегов сибирского хана. В том же году он начинает строить у городка **Спасо-Преображенский Пыскорский монастырь**. Сначала он располагался под горой, у р. Нижней Пыскорки, а позднее был перенесен на гору. Вскоре после смерти своей второй жены Софьи Андреевны в 1567 г. по примеру родителей он принял постриг с именем Иоасаф в основанной им Пыскорской обители. Однако монашеские правила в полной мере он, вероятно, не соблюдал: от семьи не удалился, жил вместе с младшим сыном Семеном в Сольвычегодске. Здесь он занимался составлением родового синодика и чтением духовной литературы (он обладал одной из лучших частных библиотек в России, в которой было около 500 книг), уделял время церковному песнопению. Спустя два года он скончался и был погребен в Сольвычегодске в Борисоглебском монастыре [7. С. 94–95; 10. С. 13]. Он не только обеспечил этот монастырь первыми землями, но и завещал своим детям заботиться о новой обители, подав им пример монастырского строительства.

Строгановы стали главными благотворителями и «благоукрашителями» монастырских храмов. В одной из царских грамот 1621 г. Пыскорский монастырь называется строением Аникия Строганова, его детей Якова, Григория и Семена и внуков Максима, Никиты, Андрея и Петра, которые не только построили храмы, но и дали монастырю «леса, и пожни, и иные угоды» [14. Л. 1]. По завещанию 18 января 1686 г. Анна Никитична, супруга Федора Петровича, одна из самых известных благотворительниц великопермских монастырей, завещала 5 тыс. руб. Пыскорской мужской обители «на построй церкви и больным старцам кельи каменным строением» [15. С. 173–174].

Среди пожертвований, хранившихся в Пыском монастыре в 1702 г., были указаны, в частности, следующие вклады Строгановых последней четверти XVII в.: образ Одигитрии с цатой, жемчугом и серебropозлащенной ризой (окладом), риза (фелонь) желтой камки, вложенные Григорием Дмитриевичем; оклад с жемчугом для иконы Божией Матери с золотыми привесами – приклад Анны Никитичны, супруги [16. Л. 2 об.– 4 об.].

При этом у Строгановых со своими монастырями могли быть и чисто деловые отношения. Так, по приходно-расходной книге 1688/89 г. у Григория Дмитриевича Строганова Пыскорский монастырь взял кабальный займ в размере 4 455 руб. и в том же году заплатил по кабалам 5 059 руб. В то же время монастырь предоставил ему в оброк некоторые монастырские земли [17. Л. 174 об., 181]. В 1694/95 г. монастырь обменялся с тем же Г.Д. Строгановым некоторыми землями [18. Л. 13].

Выступая в роли ктиторов Пыскорского монастыря, Строгановы оговорили особые условия для своего

рода и своих людей при пострижении: принимать монашество им было позволено без вклада. Примечательно, что в 1703 г. в синодике церкви Орла-городка, где был записан род Строгановых, 36 представителей рода были указаны в монашеском чине схимников [19. С. 184–186]. Правда, следует иметь в виду, что большинство из них приняло постриг в стенах «родового» Сольвычегодского Введенского монастыря, а не в Перми Великой. Преподобный Трифон Вятский, исцеливший сына Якова Аникиевича Максима, как «человек Строгановых», вероятно, также был пострижен в Пыскорском монастыре по их разрешению «безвкладно», хотя его постриг был совершен еще до появления этого указа.

Пыскорский женский монастырь появился позднее мужского – в конце XVI – начале XVII в. Впервые он упоминается в 1623 г.: «Да на посаде под горою в девичьем монастыре церковь Изосима и Савватия Соловецких чудотворцев деревянная клецки». По-видимому, он был основан на том месте, где первоначально располагался мужской монастырь и где оставалась Преображенская церковь. В переписи Кайсарова не говорится о том, что это было «строение Строгановых». Но поскольку обитель располагалась на их землях, то и создавалась не без их помощи. Кроме того, она находилась под покровительством мужского монастыря и частично им содержалась. Также архимандриты мужской обители занимались строительством храмов и келий в женском монастыре.

Вдова Федора Петровича (внука Семена Аникиевича) Анна Никитична в 1686 г. построила в монастыре Введенскую церковь по завещанию своего супруга. Вместе с церковью были сооружены ограды вокруг монастыря и десять келий, по завещанию жертвователя: «А в дев(ич)ье подгорном монастыре на Пыскоре обещался Феодор Петрович построить церковь и старицам дес(ят)ь келий и ограду деревянным строением и на той построй Пыскорского монастыря архимандрита Пафнутия, или кто по нем иные архимандриты с братией в том монастыре будут по сей памяти Феодора Петровича Спасу обещанные деньги в монастырь 5 000 руб. из живота его взять на том, кто вотчиною мужа моего Феодора Петровича учнет владеть». Заложил церковь архим. Пафнутий, а окончил и освятил 2 августа 1687 г. его преемник архим. Изосим. Впоследствии и сам монастырь по названию этого храма получил название Введенского [20. С. 439–441]. На именование, возможно, повлияло название монастыря в Строгановской столице – Сольвычегодске. В том же 1686 г. две трети имени мужа она передала своему племяннику Григорию, сыну Дмитрия Андреевича, оставив себе «на прожиток» треть. Спустя два года, в 1688 г., она скончалась [7. С. 106].

В иных условиях, чем Пыскорские монастыри, создавалась **Чусовская Успенская пустынь**. Возникновение обители было связано с именем преп. Трифона Вятского. Он прибыл в чусовские земли, избранные им для «иноческих подвигов», в 1572 г. Незадолго до этого, в 1568 г., земли по р. Чусовой и вниз по Каме были пожалованы царем Якову Строганову, который

заложил в среднем течении р. Чусовой на левом ее берегу укрепленный городок Чусовской «для охраны и бережения» варниц (впоследствии этот городок получит название Нижнего Чусовского городка). В тех местах в 1579 г. располагалось 5 деревень, 16 починков, слобода и городок [21. С. 82, 85].

На противоположном от Нижне-Чусовских городков крутом берегу р. Чусовой Строгановы определили преп. Трифону пустынное место для уединенной жизни. В глазах местного сообщества это было сакральное пространство, населенное нечистыми духами: «...бе же на горе той живяше демон лют зело и хотя по той горе и кричаше нелепым гласом, и аще кто от ту живущих потребы ради некия въздет на гору ону, внезапно таковой бесом одержим бываше и сходящее с горы в недуг впадает. Святый же отец наш Трифон, имея дерзновение к Богу, творяше молитвы непрестанны о изгнании лютаго того демона, еже бы не быти ему в месте оном, место же то часто кропаше святою водою; и тако... изыде той бес от места того» [22. С. 53]. Преподобный освящает это место, установив часовню во имя святой Софии Премудрости Божией: «Дом молитвенный, сиречь часовню, и украси ю святыми иконами и книгами» [Там же. С. 54].

Личность монаха-подвижника привлекала жителей окрестных селений, желавших получить наставление или исцеление: «начаша приходити к преподобному молитв ради и благословения и поучением святаго пользовахуся мнози». Также «различными недуги одержимии мнози прихождаху ко преподобному Трифону и молитвами его исцеление получаху». Житие приводит примеры исцелений местного населения – из поселений Калинин Луг, Сылва, в том числе от беснований и слепоты [Там же. С. 54–57]. Посещали его не только русские, но и проживавшие здесь племена манси (устар. – вогулы), желавшие принять христианство: «И мнози вогуляты прихождаху крестисяся» [23. С. 51]. Таким образом, пустынь не только отвечала на духовные запросы русского населения, но и со временем приобрела миссионерскую функцию.

Первоначально преп. Трифон жил монахом-отшельником. Но со временем около него поселились другие монахи-отшельники [24. С. 52]. Так постепенно преп. Трифон из монаха-отшельника становился старцем, на которого возлагался труд духовного руководства.

Возник ли Чусовской монастырь во время пребывания на этом месте преп. Трифона? На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Если в редакции П.Д. Шестакова жилище преподобного не именуется монастырем, то в более ранней редакции, опубликованной И.М. Осокиным, говорится о том, что люди приходили в монастырь [23. С. 45–46]. В обеих редакциях жития точное время не называется, указывается только, что он был основан после того, как там был поставлен молитвенный дом: «Святый ж постави ту дом молитвенный во имя Успения пречистыя Богородицы и усекновения честныя Главы святаго Иоанна Предтечи. Последи ж (после, спустя какое-то время. – прим. авт.) молитвами преподобнаго на том месте и монастырь создася, даже и доднесь всем яве

есть. Невмале бо времени бысть тако, но исперва на том месте преподобный поживе в безмолвии в посте и во бдении и всеношном стоянии в нищете и в трудах и слезах, непрестанных молитвах» [Там же. С. 44].

В любом случае местное население надеялось на создание преп. Трифоном в этих местах монастыря. Однако братия вокруг него не собиралась, что стало поводом для обвинений преподобного и изгнания его из этих мест. При том что само население далеко не всегда отличалось добрым нравом. О них житие пишет: «Видев же преподобный Трифон... ту живущий мнози людие, не веи ким (неизвестно каким. – прим. авт.) обычаем» [23. С. 51]. Также преподобный жаловался, что «от господина вашего стало отныне аз во утеснении» [Там же. С. 52]. Последняя фраза свидетельствует о том, что к изгнанию и притеснениям преп. Трифона был причастен Семен Строганов. Он был человеком сложного характера, у него сложились непростые отношения даже со своими братьями. В отличие от Якова и Григория, которые чтит преподобного (так, Яков Строганов был благодарен ему за исцеление сына Максима) и дали ему землю, он стремился его изгнать с р. Чусовой. После смерти братьев-покровителей в 1577 г. преп. Трифон остался без защиты и был вынужден удалиться из-за недовольства Семена Аникиевича и его крестьян. Непосредственным поводом к изгнанию послужил случай, когда по вине Трифона сгорели дрова, заготовленные крестьянами для строгановских солеварниц. Крестьяне чуть не убили преподобного, сбросив его с крутой горы, а Строганов заключил его в темницу. Семен Аникиевич, по словам автора жития, разыскав преподобного, много оскорблял и поносил его «в горести сердца своего». Однако потом, раскаявшись, попросил у него прощения и отпустил его. Все это побудило преп. Трифона покинуть это место. Чтобы народ по-прежнему приходил в храм, он оставил вместо себя «...на сем месте строителя ученика своего именем Ивана» [Там же. С. 52]. Судя по времени прибытия преп. Трифона в г. Слободской, он покинул Чусовую в конце 1579 г.

Какова была роль Строгановых в основании Чусовского монастыря? Монастырь располагался на их землях, и без их разрешения основание его было невозможно. Более того, они официально владели им, являясь его ктиторами. Безусловно, без помощи Строгановых он не мог развиваться. В то же время первые кельи и часовня, по-видимому, были построены преп. Трифоном. Автор жития, перечисляя иконы в храме, указывает на то, что «все то строение преподобного Трифона» [Там же]. Хотя и отрицать помощь Строгановых при создании обители тоже нет достаточных оснований, особенно если она официально была основана уже после того, как преп. Трифон покинул эти места.

Более того, по писцовым книгам М. Кайсарова 1623/24 г. Чусовской монастырь именовался «строением» Ивана (1592–1644) и Максима (1603–1627) Максимовичей Строгановых – внуков Якова Аникиевича. Однако однозначно говорить о том, что они основали обитель, нельзя. Данная фраза могла указы-

вать только на то, что они воздвигли в нем храмы и другие строения. Не случайно в 1647 г. монастырь уже был назван «Данила же Строганова строением» [10. С. 45, 48; 21. С. 86–87]. В любом случае можно утверждать, что он существовал не без их материальной помощи. О причастности Строгановых к основанию обители свидетельствует и прикладная запись 1697 г. В ней Григорий Дмитриевич Строганов с супругой сообщают, что «в прошлых давних годах» их предки Строгановы «милости ради великаго Бога и своево ради телеснаго спасения» приложили земли и построили обитель в имя Успения Богородицы, Иоанна Предтечи и вмч. Параскевы Пятницы, и обители были даны от них земли, где позднее были построены деревни [25. Л. 1].

Благодаря Строгановым Чусовской монастырь имел свои земельные владения. По переписи Кайсарова 1623/24 г., обитель имела скотный двор, 32 чети «пашни паханые, а в дву по тому же», 380 копен сена выкашивалось на р. Чусовой. Монастырю принадлежали также 2 деревни – д. Мыс и деревня на р. Чусовой, починок Оглово на Косьюинском ручье, в которых было 8 дворов и 9 человек, 15 четвертей пашни и 220 копен сена. Земли были «середние» [21. С. 86–87].

Та же перепись дает представление о внутреннем устройстве храмов, украшенных Строгановыми, и иных воздвигнутых ими монастырских постройках: «Храм Успения Пречистыя Богородицы древян клецки вверх шатром, да предел Усекновение честные Главы святого Иоанна Предтечи, а в них образов местных: образ Успения Пречистыя Богородицы на золоте, а у нее двои серги серебряны с камышки; образ Софея большая пядница на золоте; образ Пречистыя Богородицы Успение, а у нее венец сканной с финифты, гривна басменная, пятеры серги серебряны с камышки; образ Пречистыя Богородицы Одегитрие на празелени, а у него венец низан жемчугом, да 2 цаты низаны жемчужком же мелким, да 4 серги серебряны с камышки, да в пределе образ Усекновение честные Главы Иоанна Предтечи на золоте, а у него венец басменный, да 4 креста серебряных; образ местной Парасковей, нарицаемые Пятницы большая пядница на золоте, а у нее венец басменный, да 2 гривны басменных обниз и цата низан жемчужком мелким, да трое серги серебряны с камышки, да 9 крестов серебряных; да пред местными образы 3 свечи поставленных с краски, сосуды церковные оловянные; воздух и покровцы зендевинные, престол обложен выбойкою; Евангелъе печать литовская оболочено бархатом, евангелисты серебряны басменные золоченые, ризы полотняные, оплечье и ердань бархат червчат; служебник печать литовская, Евангелъе толковое письменное, триоди цветная и постная письменные, апостол печать литовская тетр, две псалтыри, одна печатная, а другая письменная, часовник, третофол, два пролога во весь год, соборник; да на колокольнице 5 колоколов. Да в монастыре ж 5 келей, в них поп черной Иосиф, да 23 человека черных старцев, да 4 кельи, а в них живут черные старицы» [Там же. С. 86].

В дальнейшем владения монастыря расширялись незначительно: в 1642 г., по переписи Ф. Чемезова,

когда Чусовской монастырь принадлежал Даниилу Ивановичу Строганову, к монастырю были приписаны монастырская слободка, 2 деревни, 14 дворов и 57 человек м.п., в том числе 4 церковных [15. С. 81].

С 1668 г. Успенский монастырь вместе с В.-Чусовским городком и его округом поступил во владение Агафьи Тимофеевны с дочерью Анной Даниловной [15. С. 155]. По переписи строгановских владений 1682 г. по случаю передачи Анной Даниловной Строгановой своих имений двоюродному брату Григорию Дмитриевичу среди владений значится и Успенский монастырь на Чусовской с приписными к нему крестьянами Строгановых [21. С. 87].

Вплоть до конца XVII в. Строгановы опекали монастырь и давали ему привилегии и льготы. Так, 25 ноября 1697 г. была дана прикладная запись Григорием Дмитриевичем и Марией Яковлевной Строгановыми. Они сообщали, что при основании монастыря Строгановы дали ему земли, где сейчас построены деревни и поселены крестьяне. Но, работая на монастырь, они оставались «людьми Строгановых», продолжая в их пользу нести разные повинности: «И те крестьяне изстари давали в той монастырь с пашен своих всякого хлеба четвертую меру да делали на нас дровяное зделье как и наши крестьяне. И ныне мы... сие разсудихом несправедно что тем монастырским крестьяном быти нами обладаемы и сего ради мы указом чусовских своих городков приказным своим людем Харитону Цывилину с товарищи и по нем иным хто будет, чтоб быти тем крестьяном по прежнему за монастырем, дровяного зделья на них... никакого нипочему ненакладывать и ни на какие зделья и поделки и на наши службы никуда не спрашивать, необладаема будет и ниже насилуема Церковь, но свободна. А тем вышеписанным монастырским крестьянам быть за монастырем по прежнему и давати им со своих пашен в монастырь третью меру всякого хлеба и делати им всякие поделки в монастырь что прикажет строитель и братия без ослушания и во всем быть им послушным... ослушающиеся ж их строителя и братии да примут от них строителя з братиею наказание какого хто достоин». Те же, кто хотел бы продолжать заготавливать дрова для Строгановских варниц, мог работать по подряду по договорной цене. Таким образом, в результате пожалования монастырю уже шла не четвертая, а третья часть приплодного крестьянского хлеба [25. Л. 1–2].

Во второй половине XVII в. Строгановыми в великопермских землях были основаны еще два монастыря – Шеринская и Оханная пустыни.

Об основании **Оханной Зосимо-Савватиевской пустыни** сохранилось немного сведений. В 1647 г. в переписи строгановской вотчины впервые упоминается починок на берегу р. Камы с 4 дворами, жители которого в основном занимались рыболовством. Возле этого починка «на Охани» (охань – орудие лова, сеть) расположилась монашеская пустынь. Ряд историков относят ее основание к 1650 г., но документального подтверждения этому нет. Выбор охани, по видимому, был определен не столько стремлением монахов к уединению, сколько практической целью: место располагало к развитию земледелия, промыслов

и торговли. Есть письменное сообщение, что «до 1663 г. было здесь селение господ Строгановых, заведенное для рыбной ловли и называемое охань. Потом основан в нем монастырь» [26. С. 344].

Впервые «Соловецкая пустынь Оханской монастырь над рекою Камою» упоминается в переписной книге Очерского округа строгановских вотчин 1678 г. В ней было отмечено 2 церковных двора, где проживало 7 вкладчиков, 18 крестьянских дворов и скотный двор. А.А. Дмитриев предположил, опираясь на ее название, что она была основана выходцами из Соловецкого монастыря [15. С. 160]. Однако для этого нет оснований: в монастыре, как известно, была церковь в честь Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев – святых, почитаемых по всей Руси. Также пустынь называлась Богородицкой [27. С. 516], по именованию одного из храмов монастыря Успенским [28. Л. 846].

Гораздо больше сведений о создании **Шеринской (Шеринской, Шервинской) Одигитриевой пустыни**. Она располагалась в 45 верстах к северо-западу от Оханной, на одном из притоков р. Нытвы. Инициатором постройки стала Анна Никитична – вдова Федора Петровича Строганова. На ее прошение 28 июля 1675 г. владыка Вятский и Великопермский Иона выдал грамоту, в которой позволил ей построить церковь во имя образа Пресвятой Богородицы Одигитрии и основать там монастырь: «В вотчине ея на реке Щерье лес ронить на церковь Одигитрии Пр(е)с(вя)тыя Б(огоро)д(и)цы и церковь вновь срубить и на освящение тое церкви дать с(вя)тый антиминс и миро и масло и как та церковь совсем совершится и ко освящению изготвится ис тоей церкви по правилу освятить попу со диаконом а как та церковь построена и освящена будет и у той церкви благословити бы и велети бы ей построить м(о)н(ас)т(ы)рь» [29. Л. 1–2]. «На кормление братии» Анна Никитична «...приложила Нытву реку с устия изо вершины рыбные ловли и с санными покосы и пашенные земли и хмели щипать и возле Каму реку с уст Сюзвы вниз по Каме реке по правой стороне до голова мысу санными покосы и на усть речки Шерьи деревню с крестьянами» [30. Л. 1].

Однако не прошло и двух лет, как старец Пафнотий с вкладчиками («последняя ваша нишета») попросил Анну Никитичну и ее дочь Марфу Федоровну пожаловать их земельными владениями. 15 марта 1677 г. новая обитель получила от своих покровительниц места по р. Каме и рыбную ловлю в озерке Копанце, «где бы рыбы весною половить на братью». Также ему была передана Аврамовская гарь, напротив которой было позволено построить скотный двор «и сено косить про монастырской обиход», а также Спириная гарь вверх по Шерье, где обители было указано «владеть той пашней» и «крестьян поселить» [31. Л. 1–1 об.].

Спустя 8 лет, 26 мая 1685 г., Анна Никитична пожаловала строителю Назарию и черному попу Евстратию с братией по челобитной прежнего настоятеля старца Гурия по обещанию своего покойного супруга Федора Петровича «блаженные памяти его» деревни при р. Устье с крестьянами («их пожитки с хлебом и со скотом») с санными покосами и рыбными

ловлями. Условием вклада стало традиционное поминовение родных: «...помянуть Федора Петровича и его сродников вечно, а Бог по душу мою пошлет и меня помянуть вечно» [32. Л. 1–1 об.].

В мае 1687 г. уже новый владелец земель по р. Шерье – Григорий Дмитриевич Строганов с супругой Василисой Ивановной пожаловал «строителя старца Гавриила да черного священника Евстрата да казначея Ивана Гарасимова и всю братию и болнишных старцов» рыбными ловлями и санными покосами по р. Каме, с условием «праведных ваших родителей помянуть». Строгановы пожаловали монастырь «на р. Нытве санными покосами, Шерьинскою деревню с крестьянами... вечно, без всякого премянения и нарушения» [30. Л. 1].

Основанные Строгановыми монастыри становились **культурными центрами** пермской земли. Начало строгановскому иконописанию было положено в Сольвычегодске. В 1560 г. там был построен домовый храм, при котором располагались иконные «горницы» – мастерские. Сложился особый строгановский стиль, который отличали изысканный колорит, проработка деталей, миниатюрность в изображении фигур, обилие серебра и золота. Этот стиль впоследствии распространился по всему Уралу.

Сравнение великопермских и сольвычегодских произведений говорит о том, что в первые строгановские храмы и монастыри Перми Великой иконы привозились из Сольвычегодска. Первая иконописная мастерская на Урале возникает в Пыскорском Преображенском монастыре. Здесь известные изографы и резчики, в том числе приглашенные Строгановыми из Москвы, обучали местных мастеров. Впоследствии были устроены иконописные мастерские при Чердынском Богословском монастыре, в Соликамске и Орлегородке. Сольвычегодские иконы стали своего рода образцом для пермских.

Иконы посвящались покровителям рода Строгановых. Строгановскими иконописцами были Истома Савин с детьми Назарием и Никифором, Семен Хромой, Емельян Москвитин, Прокопий Чирин, работы которых хранятся в Перми, Сольвычегодске и других городах. Наиболее монументальным является сохранившийся иконостас Пыскорского монастыря в Пермской художественной галерее.

Помимо иконописных мастерских в конце XVII в. в строгановских вотчинах получает распространение изготовление финифти – расписной миниатюры на эмали [6. С. 8, 10–11, 297; 7. С. 100–101, 106].

Также в Сольвычегодске зарождается особая усольская школа церковного пения, основателем которой считался появившийся у Строгановых в 1580-е гг. клирошанин – знаменитый композитор и распевщик Иван Лукошков, впоследствии архимандрит Владимирского Рождественского монастыря. В середине XVII в. «мастером певческого дела» в Сольвычегодске стал Фаддей Субботин. В 1670-е гг. крупный композитор Н.П. Дилецкий обучал хор Григория Дмитриевича новому партесному пению, и уже в 1689 г. царевна Софья приказала прислать в Москву «самых лучших спеваков партесного пения» из пермских вотчин

Г.Д. Строганова. Этот факт, наряду с распространением здесь произведений строгановского лицевого шитья, свидетельствует о преемственности и единстве культурного пространства строгановского Вычегодского и Камского Усолья.

Важной сферой деятельности Строгановых было книжное дело. Их библиотека считалась крупнейшим частным собранием книг в России XVI–XVII вв. У Строгановых велось описание книг, была создана своя школа каллиграфического искусства, где книги создавались и переписывались.

Еще одним направлением церковного искусства стало строгановское лицевое шитье. Оно признавалось одной из лучших русских школ и в значительной мере определило его развитие. Изделия золотошвейных мастерских были известны далеко за пределами строгановских владений [4; 5. С. 8–9]. Следует отметить, что руководили ими обычно женщины из рода Строгановых. В совершенстве овладев искусством золотого шитья, они не только работали сами, но и обучали мастериц. Вышивали в основном предметы церковной утвари: плащаницы, покровцы, воздухи, пелены, а также облачение. Предметы отличала тщательность работы и тонкий художественный вкус [7. С. 95].

Жизнь жен и дочерей Строгановых была тесно связана с монастырями: они были известными благотворительницами и даже основательницами пермских обителей, многие из них впоследствии приняли монашеский постриг (см. рис. 1). Также следует отметить их грамотность. Например, дочь Никиты Григорьевича – схимонахиня Татьяна – собственноручно переписала Евангелие, которое ее отец вложил «для своего поминовения заздравного и для своих родителей за упокой» в церковь Орла-городка в 1603 г. [33. С. 73].

Колонизация Приуралья, его экономическое освоение сопровождалось закреплением новых территорий, в том числе и в церковном отношении. Традиция монастырского строительства в землях Перми Великой, заложенная Аникой Строгановой, получила развитие на протяжении последней трети XVI–XVII в. Храмы и монастыри создавались в первую очередь для обслуживания духовных потребностей русского населения, пришедшего на новые земли. Но со временем некоторые обители стали приобретать миссионерские функции. В землях Перми Великой, в своих новых вотчинах Строгановы основали пять обителей: Пыскорские мужской и женский монастыри, а также Чусовскую, Шерьинскую и Оханную пустыни. Являясь владениями Строгановых, монастыри оставались в орбите их хозяйственных отношений.

Огромные прибыли от соляного промысла позволяли Строгановым тратить значительные средства на возведение и украшение храмов. Ими были заведены иконописные и золотошвейные мастерские, которые позволили сформироваться особому строгановскому стилю в церковном искусстве. Также формируется «строгановская школа» в музыке и архитектуре.

Все это позволяет сделать вывод о том, что Строгановы играли ведущую роль в монастырском строительстве Приуралья в XVI–XVII вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устрялов Н.Г. Именитые люди Строгановы. СПб., 1842.
2. Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1892. Вып. 4.
3. Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.
4. Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII вв. Челябинск, 1993.
5. Силкин А.В. Строгановское лицевое шитье. М., 2002.
6. Иконы Строгановских вотчин XVI–XVII веков. М., 2003.
7. Эйриян Т. Из рода Строгановых. Екатеринбург, 2003.
8. Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых: культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2007.
9. Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX вв.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011.
10. Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005.
11. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.
12. Флетчер Д. О государстве Русском, или Образ правления русского царя, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны. URL: http://nehrhist.at.ua/page/doc_fletcher.htm, свободный (дата обращения: 14.07.2014).
13. Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.
14. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 281. Оп. 17. Д. 11210.
15. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1890. Вып. 2.
16. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 48.
17. РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11440.
18. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55.
19. Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1895. Вып. 6.
20. Словцов И., свящ. Пыскорский Преображенский Ставропигиальный 2-го класса монастырь // Пермские епархиальные ведомости. 1867. № 28. Часть неоф.
21. Осокин И.М. Места подвигов преп. Трифона Вятского в Пермском крае // Труды Пермской ученой архивной комиссии. 1902. Вып. 5.
22. Житие преподобного отца нашего Трифона, Вятского чудотворца / публ. П.Д. Шестакова. Казань, 1868.
23. Житие преподобного отца нашего Трифона Вятского чудотворца / публ., предисл. И.М. Осокина // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка, 1912. Вып. I–II, отд. II.
24. Материалы для истории Пермского края // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь, 1862. Отд. 2.
25. РГАДА. Ф. 281. Оп. 17. Д. 11447.
26. Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007.
27. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. 5.
28. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1497.
29. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14242.
30. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14295.
31. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14249.
32. РГАДА. Ф. 281. Оп. 20. Д. 14280.
33. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.

Статья представлена научной редакцией «История» 9 июня 2015 г.

THE STROGANOV AND MONASTERY CONSTRUCTION IN THE URALS IN THE MID-16TH AND 17TH CENTURIES

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 71–78. DOI: 10.17223/15617793/402/11

Kustova Elena V. Vyatka State University for the Humanities (Kirov, Russian Federation). E-mail: kustovael@yandex.ru

Keywords: Ural region; Perm; great colonization; fiefdoms; the Stroganovs; monasteries; contributions; churches; iconography; pictorial embroidery.

The central topic of the article is the question of the Stroganov family participation in the creation and development of monasteries in the Urals. Based on both published and first introduced into scientific use archival documents of the Russian State Archive of Ancient Acts, factors that contributed to the emergence of monasteries in the Stroganov patrimonies are analyzed, the role of individual members of the family in the process is shown. The overview discusses the development of religious art in the Stroganov lands, their role in the development of culture in the region. It also indicates the famous family's contribution to Russian monasteries outside the Perm land. Colonization of the Urals and its economic development were accompanied by fixing new territories, including in relation to the church. The richest Stroganov family was the main colonizer of the Urals. The tradition of monastery building on the lands of Great Perm, started by Anika Stroganov, developed during the last third of the 16th and in the 17th centuries. Churches and monasteries were built to primarily serve the spiritual needs of the Russian people who came to the new land. But over time, some monasteries acquired the missionary function. In Great Perm, in their new patrimonies, the Stroganovs founded five monasteries: two Pyskorsky, Chusovskoy, Sherinsky and Okhanny. Traditionally, they were based in fortified towns which had military protection. The Stroganovs did not only erect buildings, but also provided them with lands and salt works, which allowed to support the monks. Belonging to the Stroganovs, monasteries remained part of their economic relations. Huge profits from salt works allowed the Stroganovs to spend considerable money on the construction and decoration of temples. They opened icon-painting and gold-embroidery shops that formed a special Stroganov style in church art. The Stroganov School in music and architecture was also formed. The Stroganovs were also engaged in book business. Their library was considered the largest private collection of books in Russia in the 16th–17th centuries. The Stroganovs made descriptions of the books, created their school of calligraphy, where the books were written and copied. The Stroganovs not only built monasteries, were their benefactors, but many also became monks themselves. Kitors of the Pyskorsky monastery, the Stroganovs set special conditions for their family and people when going into convent: they did not have to make a contribution. The study leads to a conclusion that the Stroganovs played a leading role in the construction of monasteries in the Urals in the 16th–17th centuries.

REFERENCES

1. Ustryalov, N.G. (1842) *Imenitnye lyudi Stroganovy* [Famous people, the Stroganovs]. St. Petersburg: v tipografii shtaba voenno- uchebnykh zavedeniy.
2. Dmitriev, A. (1892) *Permskaya starina* [The old of Perm]. V. 4. Perm.
3. Vvedenskiy, A.A. (1962) *Dom Stroganovykh v XVI–XVII vekakh* [The house of the Stroganovs in the 16th–17th centuries]. Moscow: Sotsekgiz.
4. Parfent'ev, N.P. & Parfent'eva, N.V. (1993) *Usol'skaya (Stroganovskaya) shkola v russkoy muzyke XVI–XVII vv.* [The Stroganov school in Russian music in the 16th–17th centuries]. Chelyabinsk: Poligr. Ob"edinenie Kniga.
5. Silkin, A.V. (2002) *Stroganovskoe litsevoe shit'e* [The Stroganovs' pictorial embroidery]. Moscow: Progress-Traditsiya.
6. Trubacheva, M.S. et al. (2003) *Ikony Stroganovskikh votchinn XVI–XVII vekov. Po materialam restavratsionnykh rabot VKhNRTs imeni akademika I.E. Grabarya: Katalog-al'bom* [Icons of the Stroganov estates in the 16th–17th centuries. By the materials of restoration work of Academician I.E. Grabar: A Catalog Album]. Moscow: Skanrus.
7. Eyriyan, T. (2003) *Iz roda Stroganovykh* [Of the Stroganov family]. Ekaterinburg: Ural'skiy Rabochiy.
8. Mezenina, T.G. et al. (2007) *Rod Stroganovykh: kul'turno-istoricheskie ocherki* [The Stroganov family: cultural and historical essays]. Ekaterinburg: ID "Sokrat".
9. Mezenina, T.G. (2011) *Permskie vladeniya Stroganovykh v XVIII – pervoy polovine XIX vv.: osobennosti prostranstvennoy i sotsial'no-ekonomicheskoy organizatsii* [The Perm possessions of the Stroganov family in the 18th – first half of the 19th centuries: features of spatial and socio-economic organization]. Nizhniy Tagil: Nizhniy Tagil State Social-Pedagogical Academy.
10. Kuptsov, I.V. (2005) *Rod Stroganovykh* [The Stroganov family]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas.
11. Preobrazhenskiy, A.A. (ed.) (1989) *Istoriya Urals s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [The history of the Urals from ancient times to 1861]. Moscow: Nauka.
12. Fletcher, D. (c. 1906) *O gosudarstve Russkom, ili Obraz pravleniya russkogo tsarya, s opisaniem nrayov i obychaev zhitel'ey etoy strany* [Of the Russe Common Wealth]. [Online]. Available from: http://nehris.at.ua/page/doc_fletcher.htm. (Accessed: 14 July 2014).
13. Golovchanskiy, G.P. & Mel'nikhuk, A.F. (2005) *Stroganovskie gorodki, ostrozhki, sela* [The Stroganov towns, outposts and villages]. Perm: Knizhnyy mir.
14. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 17. File 11210. (In Russian).
15. Dmitriev, A.A. (1890) *Permskaya starina* [The old of Perm]. V. 2. Perm: Tipografiya P.F. Kamenskogo.
16. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 237. List 1. File 48. (In Russian).
17. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 17. File 11440. (In Russian).
18. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 237. List 1. File 55. (In Russian).
19. Dmitriev, A.A. (1895) *Permskaya starina* [The old of Perm]. V. 6. Perm: Tipografiya P.F. Kamenskogo.
20. Slotsov, I. (1867) *Pyskorskiy Preobrazhenskiy Stavropigial'nyy 2-go klassa monastyr'* [Pyskorsky Transfiguration Stavropegic 2nd Class Monastery]. *Permskie eparkhial'nye vedomosti*. 28.
21. Osokin, I.M. (1902) *Mesta podvigov prep. Trifona Vyatskogo v Permskom krae* [Places of feats of rev. Trifon of Vyatka in Perm Krai]. *Trudy Permskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. 5.
22. Shestakov, P.D. (1868) *Zhitie prepodobnago ottsa nashego Trifona, Vyatskago chudotvortsy* [The life of our venerable father Trifon, a Vyatka wonderworker]. Kazan: Universitetskaya tipografiya.
23. Osokin, I.M. (1912) *Zhitie prepodobnago ottsa nashego Trifona Vyatskago chudotvortsy* [The life of our venerable father Trifon, a Vyatka wonderworker]. *Trudy Vyatskoy uchenoy arkhivnoy komissii*. I–II. Pt. II.
24. Penn, S. (ed.) (1862) *Materialy dlya istorii Permskogo kraya* [Materials for the history of Perm Krai]. In: Penn, S. (ed.) *Pamyatnaya knizhka Permskoy gubernii na 1863 g.* [The memorial book of Perm Province in 1863]. Perm: Gub. tip.
25. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) Fund 281. List 17. File 11447. (In Russian).
26. Chagin, G.N. & Shilov, A.V. (2007) *Uezdnye provintsii Kungur, Osa, Okhansk* [Uezd provinces Kungur, Osa, Okhansk]. Perm: Knizhnyy mir.
27. Semenov, V.P. (ed.) (1914) *Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva* [Russia. A full geographic description of our homeland]. V. 5. St. Petersburg: izdatel'stvo A.F. Devriena.
28. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 214. List 1. File 1497. (In Russian).
29. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14242. (In Russian).
30. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14295. (In Russian).
31. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14249. (In Russian).
32. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). Fund 281. List 20. File 14280. (In Russian).
33. Rybakov, B.A. (ed.) (1987) *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya* [The contribution book of the Trinity-Sergius Monastery]. Moscow: Nauka.

Received: 09 June 2015

РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ ЭЛЕКТРОСНАБЖЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1946–1950 гг.)

Рассматриваются проблемы электроснабжения экономики Дальнего Востока СССР в послевоенные годы. Советские партийно-хозяйственные органы решали региональную проблему электроснабжения путем расширения энергетической базы. В ряде районов Дальнего Востока образовалась пропасть между растущими потребностями в электроэнергии и энергетической базой, способной их обеспечить. Автор приходит к выводу, что из-за проблем электроснабжения потребителей в послевоенные годы тормозилось развитие всего народного хозяйства Дальневосточного экономического района.

Ключевые слова: электроснабжение; электроэнергетика; электростанции; народное хозяйство; Дальний Восток.

Электроэнергетика являлась базой промышленного и военного могущества СССР, обеспечившей победу в Великой Отечественной войне. От электроэнергии в военные годы зависела работа оборонных предприятий страны, производивших военную технику, боеприпасы и др. С окончанием войны энергетическое хозяйство СССР нуждалось в скорейшем восстановлении, что диктовалось как огромными потерями в отрасли, произошедшими за военный период, так и изношенностью оборудования электростанций. Без поднятия энергетической базы было невозможно восстановление и дальнейшее развитие всего народного хозяйства страны. В жизнеобеспечении населения и хозяйственной системе Дальнего Востока СССР ведущая роль принадлежала промышленности. В городах и посёлках городского типа на предприятия замыкалась вся инфраструктура и потребительская сфера. Поэтому реализация социально-экономической политики государства на дальневосточной территории страны осуществлялась в первую очередь через развитие промышленного производства и других отраслей народного хозяйства.

В послевоенные годы на Дальнем Востоке возникли серьезные трудности с электроснабжением городов и промышленных предприятий. Они были порождены как общими проблемами, накопившимися в энергетической отрасли еще с довоенных лет, так и связанными с последствиями войны. Во-первых, электроэнергетика являлась самым слабо развитым сектором экономики Дальневосточного края, дефицит электроэнергии в регионе возрастал из года в год, достигнув катастрофических масштабов в период войны. В Хабаровском крае в 1943–1944 гг. электроснабжение потребителей осуществлялось на уровне 50–60% от необходимого объема [1. Л. 132]. Во-вторых, промышленные предприятия, расширяясь и совершенствуя производство в военное время, увеличивали спрос на электроэнергию. К 1944 г. производство оборонной продукции в регионе по сравнению с 1940 г. возросло в 5 раз [2. С. 13]. В-третьих, электростанции, функционирующие в военные годы с большим перенапряжением, стали допускать срывы в работе. Например, в 1944 г. 27% генерирующих мощностей электропредприятий г. Хабаровска находилось в простое из-за изношенности оборудования [1. Л. 20]. В результате дефицит производства электроэнергии в ряде экономических районов края рос быстрыми тем-

пами. В январе 1946 г. из-за острой нехватки электроэнергии промышленные предприятия Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре были снова переведены на ночную смену работы, как в военные годы [3. Л. 1, 64, 86].

Электростанции и электросетевое хозяйство Дальнего Востока в первую очередь нуждались в капитальном ремонте. Только в Хабаровском крае в 1945 г. насчитывалось 427 ведомственных станций, из которых 233 снабжали электроэнергией промышленные предприятия [4. Л. 14 об]. В 1946 г. развернулись работы по восстановлению и наладке электрооборудования генерирующих источников дальневосточного энергетического хозяйства. В г. Хабаровске – центре машиностроения, нефтеперерабатывающей промышленности, судостроения, легкой и пищевой промышленности края – наблюдалась наиболее сложная ситуация с электроснабжением предприятий. Здесь в 1946–1948 гг. был осуществлен ремонт 27 ведомственных электростанций общей мощностью 21 МВт, введено в эксплуатацию 10 МВт бездействующих мощностей, дополнительно запущен энергопоезд мощностью 5 МВт, увеличена производительность заводских станций. После капитального ремонта столбового хозяйства были приведены в порядок линии электропередач. В результате производство электроэнергии по Хабаровску с 1945 по 1947 г. увеличилось на 20% [3. Л. 14].

К началу 1948 г. на Дальнем Востоке удалось стабилизировать электроснабжение промышленных предприятий. Несмотря на все принимаемые меры, дефицит энергетических мощностей продолжал быстро вращаться. Перед заводами и фабриками в четвертом пятилетнем плане ставились жесткие задачи по увеличению объемов производства, поэтому спрос на электроэнергию резко увеличивался. Советские партийно-хозяйственные органы в борьбе с дефицитом электроэнергии в первую очередь стали применять уже традиционный для края метод, который заключался в резком сокращении коммунально-бытовых нагрузок дальневосточных городов. Так, на бытовые нужды населения Хабаровска в 1946 г. было отпущено 14,7 млн кВт·ч электроэнергии, или 43% от потребного количества, в 1947 г. – только 9,4 млн кВт·ч, или всего 29%. Такая же ситуация наблюдалась и в других промышленных городах края. В г. Комсомольск-на-Амуре коммунальные нагрузки в 1946–1949 гг. сократились до 50% [3. Л. 1, 64, 86]. Однако

эти крайние меры даже частично не решали проблему электроснабжения промышленности на Дальнем Востоке.

Только качественно изменив структуру электроэнергетики за счет строительства крупных электростанций, введения в строй новых генерирующих мощностей и строительства высоковольтных линий передач, можно было обеспечить народное хозяйство Дальневосточного региона страны электроэнергией в необходимом объеме. Еще в 1939 г. началась реализация государственной программы по развитию электроэнергетики в четырех промышленных районах Дальнего Востока: Комсомольском, Хабаровском, Приморском и Совгаванском. Она предусматривала, что в течение трех-пяти лет в строй должны войти Хабаровская ТЭЦ, Комсомольская ТЭЦ-1, Владивостокская и Сучанская ГРЭС, ряд других крупных объектов энергетики [5. Л. 1–10]. Эти электростанции должны были централизованно снабжать электроэнергией все промышленные предприятия названных районов. Реализовать программу помешала Великая Отечественная война: в первые же месяцы войны работы по строительству мощных электростанций Дальнего Востока были прекращены [1. Л. 24].

В январе 1946 г. Дальневосточная краевая плановая комиссия составила отчет о состоянии энергетического хозяйства Хабаровского края, который показал, что вся электроэнергетика базировалась исключительно на мелких ведомственных, в большинстве изолированно работающих электростанциях. Специалисты Далькрайплана отмечали, что основная проблема электроснабжения региона заключалась в том, что даже в крупных центрах Хабаровского края не было создано централизованного обеспечения потребителей электричеством [4. Л. 14 об.]. Государственная плановая комиссия и Министерство электростанций СССР в четвертой пятилетке планировали возобновить на Дальнем Востоке крупное энергетическое строительство. Ставились задачи по сооружению в первую очередь таких предприятий, как Хабаровская ТЭЦ, Сучанская ГРЭС и Комсомольская ТЭЦ-1. В частности, только в строительство Хабаровской ТЭЦ планировалось вложить 82 млн руб., а уже в 1948 г. ввести ее в эксплуатацию [3. Л. 1]. В 4-м квартале 1948 г. планировался запуск первого турбогенератора Комсомольской ТЭЦ-1, для чего в завершение строительства электростанции нужно было вложить 10 млн руб. [6. Л. 1]. Намечались также работы по расширению мощностей ряда крупных энергообъектов, таких как Артемовская ГРЭС и другие предприятия. Планировалось строительство теплоэлектроцентралей, коммунальных и сельских станций [7. Л. 60–61].

Однако трудности послевоенного восстановления экономики страны не позволили сразу развернуть на Дальнем Востоке прерванное войной энергетическое строительство. Государственные средства были направлены в первую очередь на восстановление и развитие электроэнергетики в западных пострадавших районах страны. За 1946–1950 гг. в энергетику было вложено 1302 млн руб. – в 2,6 раза больше, чем за все годы войны [8. С. 68]. Из тех дотаций, которые

вливались в дальневосточную экономику в послевоенные годы, большая часть пошла на развитие тяжелой, добывающей промышленности и сельского хозяйства. За годы четвертой пятилетки угольная промышленность, цветная металлургия и судостроение увеличили объемы производства почти в 2 раза [9. С. 48, 50]. Это отражало политику государства в приоритетном развитии тех отраслей хозяйства, которые были необходимы для быстрого восстановления народного хозяйства страны. Ориентация была на развитие тяжелой промышленности, традиционной в советской хозяйственной системе в послевоенное время. Капиталовложения в региональную электроэнергетику в годы четвертой пятилетки были незначительными. Средства направлялись только на ремонт и строительство ведомственных электростанций, распределителей энергии и линий электропередач, а также реконструкцию и расширение старых предприятий. Строительство крупных объектов энергетики на Дальнем Востоке началось только в конце 1949 г. [10. С. 214].

Таким образом, Великая Отечественная война практически на десятилетие прервала развитие дальневосточной электроэнергетики, проходившей по пути создания централизованного электроснабжения промышленных предприятий и городов. В результате в ряде отдельных районов Дальнего Востока образовалась огромная пропасть между растущими потребностями экономики в электроэнергии и энергетической базой, способной их обеспечить.

Единственным дальневосточным районом, где электроснабжение потребителей в послевоенные годы осуществлялось в полном объеме, был юг Приморского края – города Владивосток, Артем и Ворошилов. Здесь размещалась энергосистема Дальэнерго Министерства электростанций СССР. В годы четвертой пятилетки предприятия Дальэнерго за счет выделенных Минэнерго средств расширили объемы производства электроэнергии. В декабре 1946 г. был запущен второй турбогенератор Артемовской ГРЭС 25 МВт, мощность станции увеличилась в 2 раза [11. Л. 3 об.]. В 1947 г. завершено прерванное войной строительство высоковольтной линии электропередач 110 кВ от Артемовской ГРЭС до г. Ворошилов длиной более 100 км. Минэнерго вложило в постройку ЛЭП 6,2 млн руб. [12. Л. 5]. Новая ЛЭП дала возможность подключить к системе Дальэнерго ведомственные станции г. Ворошилова: ТЭЦ сахарного завода и ТЭЦ масложиркомбината. Мощность энергосистемы Дальэнерго к 1950 г. составила 97 МВт, увеличившись по сравнению с 1940 г. в 2,3 раза [13. Л. 134].

Итак, в результате расширения энергосистемы Дальэнерго в послевоенные годы юг Приморского края (города Владивосток, Артем и Ворошилов), где была сконцентрирована значительная часть промышленности, оказался районом, наиболее обеспеченным электроэнергией среди всех других территорий Дальнего Востока. Здесь размещались машиностроительная, судостроительная, угольная, рыбная, легкая и пищевая промышленность, а также крупнейший морской и железнодорожный транспортные узлы региона. В этом районе наблюдался даже избыток энергомош-

ностей, а потребители электроэнергии пользовались преимуществом более высокого централизованного уровня электроснабжения.

В остальных районах Приморского края, не связанных с системой Дальэнергo, потребители недополучали электроэнергию, а электроснабжение находилось на сравнительно низком уровне. Это, в свою очередь тормозило социально-экономическое развитие не только этих территорий, но и всего дальневосточного региона. Так, в Тетюхинском районе Приморья, который специализировался на цветной металлургии, работали крупные предприятия Сихали и Синанча. Они обслуживались ведомственными электростанциями, общая мощность которых к 1950 г. составила 6,5 МВт, а дефицит энерго мощностей – 6,3 МВт, т.е. электроэнергии требовалось в 2 раза больше. Почти 50% простоев обогатительной фабрики Синанчинского комбината происходило по причине элементарного отсутствия электричества [14. С. 48].

В ряде других районов Приморского края ситуация с электроснабжением промышленных предприятий также выглядела не лучшим образом. Например, самый южный Сучано-Находкинский промышленный район Приморья в послевоенные годы кроме угольной промышленности получил направление в развитии новых отраслей хозяйства – рыбной, судоремонтной и морского транспорта. В 1947 г. Министерством судостроительной промышленности в бухте Находка была построена ведомственная паротурбинная электростанция судоремонтного завода мощностью 8,5 МВт. Трестом Сучануголь в 1949–1950 гг. проведены работы по замене оборудования Центральной электростанции, мощность которой была доведена до 10,8 МВт [7. Л. 20]. Несмотря на то что энергетическая база Сучано-Находкинского района в послевоенные годы расширилась, дефицит электроэнергии преодолен так и не был. По подсчетам энергетиков, к 1950 г. он составлял уже 4 МВт, что тормозило развитие всех старых и новых отраслей хозяйства этой территории. Только строительство Сучанской ГРЭС мощностью 100 МВт, как отмечали специалисты, могло нормализовать энергоснабжение потребителей. В таком же сложном положении находились и предприятия машиностроительной, лесной и цементной промышленности Приханкайско-Уссурийского района Приморья. Здесь за послевоенные годы энергетическая база расширилась только за счет пуска электростанции Министерства авиационной промышленности в г. Арсеньеве мощностью 5 МВт, при этом дефицит мощности по району к 1950 г. достигал 7 МВт [14. С. 49].

Если в Приморский крае в послевоенные годы электроснабжение потребителей, несмотря на нехватку генерирующих мощностей, осуществлялось относительно стабильно, то в Хабаровском крае ситуация выглядела совсем иначе. Здесь на огромной территории были разбросаны отдельные промышленные комплексы, которые практически не имели централизованного электроснабжения. Это объясняется слабой степенью заселенности, освоенности и экономического развития северных районов Дальнего Востока, где

отсутствовала развитая топливная промышленность и не было крупных тепловых энергетических предприятий. Так, г. Хабаровск обслуживали 27 маломощных ведомственных электростанций. В послевоенный период электроэнергетика развивалась здесь исключительно за счет наращивания мощностей действующих станций. В 1948 г. на заводе № 83 им. А.М. Горького генерирующие мощности возросли до 3 МВт, на заводе им. Г.К. Орджоникидзе – до 1,5 МВт, на заводе им. В.М. Молотова – до 1,8 МВт [3. Л. 64]. В целом энергетическая база г. Хабаровска к 1950 г. составляла 35 МВт, увеличившись по сравнению с 1945 г. в 1,4 раза. Однако дефицит энерго мощностей рос в 4 раза быстрее: если в 1945 г. он составлял 7 МВт, в 1947 г. – 12, то в 1950 г. – уже 30 МВт [1. Л. 65, 132; 3. Л. 9; 15. Л. 7; 16. Л. 1].

В г. Комсомольск-на-Амуре, центре тяжелой промышленности дальневосточного экономического района, в послевоенные годы также наблюдался резкий рост дефицита энергетических мощностей. Несмотря на то что потребители Комсомольска снабжались электроэнергией от ТЭЦ-2 30 МВт Амурского судостроительного завода № 199, дефицит энерго мощностей в 1946 г. составлял 10 МВт, а в 1950 г. – 15 МВт [6. Л. 1; 17. Л. 6]. Он был связан с расширением производства предприятий машиностроительной, судостроительной отраслей и черной металлургии. Только с восстановлением строительства ТЭЦ-1 завода Амурсталь в декабре 1949 г. и запуском первого турбогенератора мощностью 25 МВт в начале 1951 г. энергетикам удалось преодолеть эту проблему [14. С. 63]. Еще сложнее ситуация с электроснабжением сложилась в Амурской области, где работали предприятия металлообрабатывающей, угольной, золотодобывающей и пищевой промышленности. Энергетическая база Амурского района начиная с 1940 г. практически не развивалась. К примеру, угольные предприятия Райчихинска столкнулись с тем, что из-за нехватки электроэнергии дальнейшая разработка месторождения стала практически невозможной. Дефицит мощностей по Амурской области составлял 11 МВт [14. С. 48].

Советским правительством в послевоенные годы много внимания уделялось решению проблем электроснабжения о. Сахалин. В результате победоносного окончания войны Дальнему Востоку СССР был возвращен Южный Сахалин. В 1945 г. здесь размещались 26 крупных тепловых электростанций мощностью 118 МВт, построенных японцами. Это был огромный энергетический потенциал, который достался СССР. Но только на некоторых японских станциях оборудование находилось в рабочем состоянии [18. С. 126]. Из-за неисправности энергоисточников и сетей г. Южно-Сахалинск часто отключался от электроснабжения, что нарушало работу предприятий, не выпекался хлеб, а жители были вынуждены использовать керосиновые лампы, свечи и самодельные горелки. В ноябре–декабре 1945 г. город оставался без электроэнергии 58 раз [19. С. 351].

Важнейшей задачей развития электроэнергетики Южного Сахалина было восстановление и рекон-

струкция полученных электростанций для электроснабжения предприятий угольной, бумажной и лесной промышленности. В 1946 г. начал работу Южно-Сахалинский целлюлозно-бумажный комбинат, который одновременно с производством целлюлозы, бумаги, обоев, мебели обеспечивал г. Южно-Сахалинск электроэнергией. Электростанции бумажного комбината и сахарного завода подавали энергию по графику очередности 1 300 кВт·ч в сутки, что составляло 50% от потребности. Созданный в 1946 г. трест «Сахалинэлектросеть» объединил местные электросети в г. Южно-Сахалинске, Корсаковском, Долинском, Поронайском, Макаровском, Невельском, Холмском, Томаринском, Углегорском и Красногорском районах. К 1950 г. энергетиками было запущено 18 электростанций суммарной мощностью 81,3 МВт. Кроме того, на остров завозилось большое количество передвижных электростанций для обслуживания ряда потребителей [20. С. 79–80]. Также было построено 237 опор высоковольтных линий электропередач, 15 трансформаторных подстанций, введены в эксплуатацию ЛЭП на 22, 11 и 3,3 тыс. кВ общей протяженностью 71 км [19. С. 351].

Эти меры позволили обеспечить электроэнергией центр Южно-Сахалинска, но проблему энергодифицита решить не удалось. Южно-Сахалинским горисполкомом был установлен порядок пользования электроэнергией в городе, согласно которому каждое промышленное предприятие имело дополнительный выходной день или выполняло работы без использования электроэнергии. В случае нарушения требований предприятие отключалось от электроснабжения на один месяц с наложением штрафа до 10 тыс. руб. Также горисполком Южно-Сахалинска запретил использовать в квартирах электробытовые приборы, электролампы мощностью более 100 Вт, а в служебных помещениях – более 150 Вт. За бесцеловое горение электроламп и превышение установленных лимитов оплата электроэнергии производилась в трехкратном размере ее месячного потребления с отключением от сети на срок до 10 дней [Там же. С. 351].

На севере Сахалина в послевоенные годы быстрыми темпами развивалась нефтяная промышленность. Только в 1948–1951 гг. в ее развитие было вложено 890 млн руб. [10. С. 205]. Увеличение объемов производства нефтяных предприятий требовало значительного расширения энергетической инфраструктуры. Мощность ведомственных электростанций треста «Сахалиннефть» с 1945 по 1950 г. увеличилась более чем в 2 раза – с 7,6 до 18,4 МВт [4. Л. 11]. Но, несмотря на предпринимаемые меры, преодолеть энергетический дефицит на о. Сахалин в послевоенные годы так и не удалось.

Советская Гавань, небольшой промышленный район Дальнего Востока, специализировалась на судостроении, лесной и рыбной промышленности, морском и речном транспорте. Этот район обеспечивался энергией от Дальневосточной электростанции специального назначения (ДЭСНА) мощностью 6 МВт, входившей в подчинение Министерства электростанций и Дальэнерго, а также множества мелких ведом-

ственных предприятий. В послевоенные годы здесь были построены только маломощные дизельные электростанции на трех рыбокомбинатах суммарной мощностью всего 500 кВт. Развитие промышленности в Советской Гавани к концу пятилетки требовало как минимум еще 6 МВт мощностей, т.е. в 2 раза больше, чем генерировалось на ДЭСНА [21. Л. 11].

В других северных районах Дальнего Востока – на Колыме, в Магадане, на Чукотке – электроэнергетика развивалась в основном за счет строительства дизельных электростанций и мелких электрогенераторов. Строилось и некоторое количество более крупных энергетических предприятий. В феврале 1946 г. завершилось строительство Эльгенской паротурбинной электростанции. К тому времени была введена в эксплуатацию высоковольтная линия электропередач от станции к предприятиям Юго-Западного горного управления. В июле 1948 г. был создан Эльгено-Тасканский энергокомбинат, объединивший хозяйства Тасканской электросети и Эльгенской электростанции [19. С. 351]. Также в 1948 г. правительство приняло решение о строительстве Аркагаликанской, Эгвекинотской ГРЭС и Магаданской ТЭЦ для электроснабжения предприятий Дальстроя, но возведение этих объектов энергетики началось только в 1950-е гг. [22. С. 38].

Самостоятельный экономический комплекс складывался на Камчатском полуострове. Здесь главными отраслями были рыбная и лесная. В послевоенные годы были построены десятки консервных заводов, несколько рыбокомбинатов, предприятий лесной промышленности, параллельно с которыми строились ведомственные электростанции. Если в 1946 г. в Петропавловске-Камчатском насчитывалось 11 электростанций суммарной мощностью 4,7 МВт, то в 1950 г. здесь работало уже 25 станций общей мощностью 12 МВт. Несмотря на быстрое развитие энергетической базы, к концу пятилетки энергодифицит составлял почти 6 МВт [23. Л. 6; 24. С. 64]. Здесь развитие промышленности также значительно опережало рост энерго мощностей.

Итак, в годы четвертой пятилетки центральные и местные партийно-хозяйственные органы решали проблему электроснабжения народного хозяйства Дальнего Востока путем расширения действующих энергопредприятий, повсеместного применения передвижных электростанций, энергопоездов и мелких генераторов. Другими словами, электроэнергетика развивалась по пути расширения энергетической базы без качественного изменения ее структуры. Если в 1940 г. в Дальневосточном крае насчитывалось 419 предприятий, занимающихся производством электрической энергии, то в 1950 г. их было уже 858, не считая 407 передвижных станций, поездов и генераторов [14. С. 20; 25. Л. 208, 215]. То есть общее количество мелких энергопредприятий за десятилетие выросло в 2 раза. В крае использовались также американские паротурбинные установки, турбогенераторы и передвижные электростанции, полученные из США по ленд-лизу еще в 1944–1945 гг. Только в Хабаровском крае американское электрооборудование

давало 12 МВт мощности [3. Л. 1]. Такое развитие электроэнергетики, с одной стороны, объясняется трудностями перестройки энергетической базы региона, а с другой – разбросанностью по его огромной территории различных промышленных предприятий, для которых без значительных капиталовложений в энергостроительство было крайне трудно наладить и нормализовать электроснабжение. В результате к концу рассматриваемого периода дефицит энерго мощностей по региону в целом составил 78,8 МВт [14. С. 59]. Самым проблемным районом оставался Хабаровский край. Наличие огромного дефицита говорило о том, что не только народное хозяйство края не обеспечивается электроэнергией, но и значительно тормозится развитие его территории, а уровень электрификации региона остается крайне низким.

Децентрализованный путь развития электроэнергетики Дальнего Востока в послевоенные годы не только не решал проблемы энергетического дефицита, но и приводил к тому, что производство электроэнергии из года в год обходилось достаточно дорого. Если в 1950 г. себестоимость 1 кВт·ч электроэнергии в системе Дальэнерго составляло 26 коп., то на других ведомственных предприятиях – в 5–6 раз больше – от 1 руб. кВт·ч и выше. Производство электроэнергии на ведомственных электростанциях ежегодно обходилось государству на 150 млн руб. в год дороже, чем в системе Дальэнерго [26. С. 110]. Дороговизна электроэнергии, производимой на Дальнем Востоке, снижала экономическую эффективность электрификации экономики региона и не могла обеспечить надлежащего уровня электроснабжения народного хозяйства.

Таблица 1

Концентрация мощности и выработка электроэнергии на электростанциях Дальнего Востока в 1950 г.

Категории электростанций	Количество электростанций	Мощность, тыс. кВт	Выработка, млн кВт/ч
Районные министерства электростанций СССР (системы Дальэнерго)	4	97	379,0
Промышленные	540	309,7	778,2
Транспортные	66	25,2	86,4
Коммунальные	10	13,5	87,2
Сельские	123	4,4	2,4
Прочие	113	7,0	20,0
Всего:	858	456,8	1 353,2

Источник: Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 16, 20.

В табл. 1 приведены данные о структуре мощностей дальневосточных электростанций и производстве электроэнергии за 1950 г. Ведущую роль в электроснабжении Дальнего Востока играли разобщенные промышленные электростанции, на которые приходилось 67% всех энерго мощностей и 57% всей вырабатываемой электроэнергии. На крупные электростанции районного значения Минэнерго СССР (системы Дальэнерго) приходилось только 21% мощностей и 28% производства электроэнергии. В то же время в целом по СССР районными электростанциями вырабатывалось уже более 60% электроэнергии [8. С. 70]. Это было характерно не только для Дальнего Востока, но и для других регионов страны, которые только вступали на путь активного хозяйственного освоения. В частности, в Восточной Сибири к 1950 г. 70% энерго мощностей приходилось на промышленные станции и лишь 10% – на районные Минэнерго СССР [27. С. 266].

Быстрые темпы развития промышленности на Дальнем Востоке в послевоенные годы, в первую очередь машиностроительной и угольной отраслей, привели к тому, что предприятия потребляли до 70% от всей производимой в крае электроэнергии. Этот показатель был даже выше, чем в среднем по СССР. Объясняется это тем, что большая часть электроэнергии вырабатывалась на самих промышленных предприятиях, а также тем, что в регионе было небольшое количество городов. Крупными потребителями электроэнергии были такие отрасли промышленности, как машиностроительная (22,9%), угольная (15,4%) и бумажная (11,4%) (см. табл. 2).

Электрификация народного хозяйства Дальнего Востока находилась на низком техническом уровне. Коэффициент электрификации рабочих машин по всей промышленности края на начало 1950-х гг. составлял 80%, тогда как в среднем по СССР еще в 1940 г. он был равен 82%. Если в угольной отрасли края коэффициент электрификации машин к 1950 г. составлял 95,2%, в лесной и бумажной – 87,1%, то в цветной металлургии, он был 48,4%, в рыбной промышленности 27,7%. При этом большая часть электроэнергии расходовалась на силовые процессы и освещение, тогда как на технологические цели – только 2–4%. В то же время в среднем по СССР этот показатель составлял уже 20%. По такому показателю, как энерговооруженность труда рабочих, край отставал в 1,7 раза от среднесоюзной нормы. Если в среднем в СССР на одного рабочего приходилось 7 500 кВт·ч электроэнергии, то в Дальневосточном крае – только 4 340 кВт·ч. Регион находился на уровне, достигнутом СССР еще в 1937 г. На душу населения в крае производилось в 1,5 раза меньше электроэнергии, чем в среднем по СССР [14. С. 66–68; 28. Л. 9–11].

Жилищно-коммунальное хозяйство дальневосточных городов развивалось слабо. В 1950 г. оно потребляло 15% всей производимой электроэнергии в регионе, тогда как по СССР этот показатель в среднем достигал 30%. Конечно, как уже отмечалось, в крае было сконцентрировано значительно меньшее количество городов, чем в западных районах СССР. Но следует отметить, что городское население Дальнего Востока в послевоенные годы продолжало недополучать значительное количество

электроэнергии и жить при ее остром дефиците. На коммунально-бытовые нужды одного городского жителя края приходилось в 2–3 раза меньше элек-

троэнергии, чем в среднем на душу городского населения по СССР [28. Л. 2].

Таблица 2

Структура электропотребления промышленности Дальнего Востока по отраслям в 1950 г., %

Отрасль промышленности	Всего потреблялось	Расход энергии на силовые цели	На технологические цели	На электрическое освещение
Машиностроение	22,9	93,0	4,0	3,0
Угольная	15,4	91,4	4,7	4,2
Бумажная	11,4	97,6	0,3	0,1
Цветная металлургия	5,8	84,2	2,5	12,3
Нефтяная	5,4	—	—	—
Черная металлургия	5,0	93,0	2,7	4,3
Строительство	5,0	—	—	—
Рыбная	2,4	72,3	8,7	19,0
Лесная	2,2	—	—	—
Прочие (легкая, пищевая и др.)	24,5	88,0	3,4	9,6

Источник: Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 66–67.

Население городов и районных центров Дальнего Востока в послевоенные годы вынуждено было в вечернее и ночное время из-за перебоев в подаче электричества пользоваться традиционными источниками света. Жилые кварталы городов края нередко отключались от сети в пик нагрузок, электрические лампы в квартирах часто плохо освещали из-за низкого напряжения, а пользоваться бытовыми электронагревательными приборами было практически невозможно [29. Л. 1]. «Электроголод» ощущался повсеместно, и в то время как жилые массивы оставались «в потемках», рядом сверкали огнями промышленные предприятия.

Из-за проблем, связанных с электроснабжением, инфраструктура городов Дальнего Востока развивалась крайне медленно. В частности, электрический трамвай был только в одном дальневосточном городе – Владивостоке. В Хабаровске, где были давно намечены планы по созданию городского электрического транспорта, городскому совету из-за дефицита электроэнергии приходилось из года в год их откладывать.

На самом низком уровне электрификации находился железнодорожный транспорт Дальнего Востока. Доля потребления от общего производства электроэнергии в регионе составляла всего 5%. В крае не было ни одного километра дорог с электрифицированной тягой, а электровозы еще не использовались в качестве подвижного состава. Кроме того, на некоторых железнодорожных станциях и узлах отсутствовало даже электрическое освещение. В то же время в СССР к 1950 г. было электрифицировано уже 3 141 км железнодорожных путей [30. С. 9; 31. С. 3].

Сельское хозяйство Дальнего Востока по уровню электрификации также заметно отставало от других районов СССР, хотя в послевоенные годы в крае развернулось строительство сельских электростанций и общая мощность энергетической базы деревни за 4 года выросла в 2 раза. К 1950 г. в Приморском крае электроэнергию использовали 19,5% колхозов, 82% МТС, 65% совхозов. В Хабаровском крае – 14,3% колхозов, 74% МТС, 10% совхозов (в среднем по СССР – 15% колхозов, 80%

МТС, 76% совхозов) [32. С. 82–83; 33. С. 57]. При этом если в среднем по СССР в 1950 г. 26,7% всей потребляемой электроэнергии сельское хозяйство получало централизованно от электростанций районного значения, то на Дальнем Востоке в 1950 г. только 2 МТС и 2 колхоза снабжались от системы Дальэнерго [34. Л. 16].

Итак, электрификация народного хозяйства дальневосточного экономического района по всем показателям была на самом низком уровне среди других районов страны. Причина такого отставания крылась в недостаточном развитии электроэнергетики не только в количественном, но и в качественном отношении. На дальневосточных электростанциях было устаревшее генерирующее оборудование с низким коэффициентом полезного действия. Высокие технические и экономические показатели наблюдались только на 4 предприятиях, входивших в ведение Министерства электростанций СССР – системы Дальэнерго.

В табл. 3 представлены общие итоги развития электроэнергетики в восточных районах СССР. В восстановительный период, по подсчетам автора, производство электроэнергии в стране увеличилось на 110%, в том числе в Западной Сибири – на 43, Восточной Сибири – на 118 и на Дальнем Востоке – на 46%. Высокие темпы роста выработки электроэнергии в СССР объясняются быстрым восстановлением электростанций, разрушенных в годы войны на территории европейских районов страны. Темпы роста производства электроэнергии на Дальнем Востоке были в 2,3 раза ниже, чем в целом по стране. Его доля в суммарном электробалансе в послевоенные годы снизилась с 1,9 до 1,4%. А если не брать во внимание увеличение энергетической базы края за счет приобретенных генерирующих мощностей Южного Сахалина, то темпы развития электроэнергетики Дальневосточного района в этот период были самыми низкими среди всех территорий страны. Вместе с тем в соседнем регионе, в Восточной Сибири, развитие отрасли за счет строительства районных и промышленных станций превышало даже общесоюзные показатели [14. С. 14, 16; 27. С. 243; 35. С. 108].

Развитие электроэнергетики в восточных районах СССР в 1945–1950 гг.

Район	1945 г.				1950 г.			
	Мощность электростанций		Выработка электроэнергии		Мощность электростанций		Выработка электроэнергии	
	тыс. кВт	% к СССР	млн кВт·ч	% к СССР	тыс. кВт	% к СССР	млн кВт·ч	% к СССР
СССР	11 124	100	43 257,0	100	19 614,0	100	91 226,0	100
Западная Сибирь	758,2	6,8	3 984,2	9,2	993,3	5,0	5 733,5	6,2
Восточная Сибирь	348,7	3,1	1 116,3	2,6	705,8	3,5	2 439,9	2,6
Дальний Восток	221,7	1,9	924,0	2,1	456,8	2,3	1 353,2	1,4

Источник: Промышленность РСФСР : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1961. С. 108; Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Новосибирск : Наука, 1973. Ч. 1 : 1885–1950. С. 243; Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М. : Изд-во АН СССР, 1954. С. 14, 16.

Таким образом, в послевоенный период задачи электроснабжения народного хозяйства Дальнего Востока СССР полностью решены не были. Трудности послевоенного восстановления экономики страны и слабая дотационная поддержка государством региональной электроэнергетики не позволили развернуть в Дальневосточном районе прерванное Великой Отечественной войной крупное энергетическое строительство и, как следствие, обеспечить электроэнергией промышленность, транспорт, городское и сельское хозяйство края в необходимом объеме. Советским партийно-хозяйственным органам приходилось решать энергетическую проблему путем расширения энергетической базы без качественного изменения структуры электроэнергетики, введения лимитов на использование электроэнергии и

ограничения коммунально-бытовых нагрузок. В результате в ряде отдельных районов Дальнего Востока образовалась огромная пропасть между растущими потребностями экономики в электроэнергии и энергетической базой, способной их обеспечить. Децентрализованный путь развития электроэнергетики объективно вел к дальнейшему росту дефицита энерго мощностей, к затратности производства электроэнергии и неэффективности управления энергетическим потенциалом. По уровню электрификации народного хозяйства Дальний Восток заметно отставал от других территорий страны. Слабая энергетическая база региона в послевоенные годы в значительной степени тормозила развитие всех отраслей производства Дальневосточного экономического района.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 9.
2. Ткачева Г.А. Труд – фронт: промышленность Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Россия и АТР. 1995. № 3. С. 13–18.
3. ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 43.
4. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 78.
5. ГАХК. Ф. 353. Оп. 4. Д. 26.
6. ГАХК. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35.
7. Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. 26. Оп. 22. Д. 19.
8. История социалистической экономики СССР. Т. 6 : Восстановление народного хозяйства СССР. Создание экономики развитого социализма: 1946 – начало 1960-х гг. М. : Наука, 1980. 710 с.
9. Ермакова Э.В. Рабочий класс Дальнего Востока в послевоенные годы (1946–1950 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1967. 310 с.
10. Мир после войны: дальневосточное общество в 1945–1950-е гг. / под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток : Дальнаука, 2009. 696 с.
11. ГАПК. Ф. 34. Оп. 3. Д. 234.
12. ГАПК. Ф. 132. Оп. 7. Д. 41.
13. ГАПК. Ф. 34. Оп. 5. Д. 38.
14. Виленский М.А. Проблемы развития электроэнергетики Дальнего Востока. М. : Изд-во АН СССР, 1954. 159 с.
15. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 100.
16. ГАХК. Ф. 353. Оп. 10. Д. 88.
17. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 101.
18. Из докладной записки Южно-Сахалинского областного управления по гражданским делам. 2 февраля 1946 г. // Исторические чтения: труды Государственного Архива Сахалинской области. Южно-Сахалинск, 1994. № 1. С. 125–126.
19. Ярославцева Т.А. Государственная политика по развитию жилищно-коммунального хозяйства на Дальнем Востоке (1917–1993 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2014. 592 с.
20. Леонов П.А., Панькин И.В., Белоусов И.Е. Область на островах. Краткий очерк истории, развития экономики и культуры, деятельность партийной организации Сахалинской области. М., 1974. 326 с.
21. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 103.
22. Липицкий А.Г. Энергетические мускулы Севера: краткий обзор электрификации Магаданской области. Магадан, 1986. 110 с.
23. ГАХК. Ф. 353. Оп. 9. Д. 106.
24. Хлыпалов В.М. Электрификация Петропавловска-Камчатского (1910–1970 гг.) // Краеведческие записки. Петропавловск-Камчатский : Дальиздат, Камчат. отд-ние, 1991. Вып. 7. С. 60–65.
25. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 36. Д. 157.
26. Турбин М.З. История развития экономики энергетики Дальнего Востока // Сборник трудов Хабаровского политехнического института. Хабаровск, 1966. Вып. 3. С. 103–110.
27. Алексеев В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Ч. 1 : 1885–1950. Новосибирск : Наука, 1973. 298 с.
28. ГАПК. Ф. 131. Оп. 4. Д. 386.
29. ГАХК. Ф. 353. Оп. 10. Д. 88.
30. Бояринова А.И. Энергоэкономическое районирование Юга Дальнего Востока : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Владивосток, 1975. 31 с.

31. Дмитриев В.А. Народно-хозяйственная эффективность электрификации железных дорог и применение тепловозной тяги. М., 1976. 272 с.
32. Народное хозяйство Приморского края : стат. сб. Владивосток, 1958. 190 с.
33. Народное хозяйство Хабаровского края : стат. сб. Хабаровск, 1957. 131 с.
34. ГАПК. Ф. 34. Оп. 7. Д. 98.
35. Промышленность РСФСР : стат. сб. М. : Госстатиздат, 1961. 507 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 18 сентября 2015 г.

THE SOLUTION OF POWER SUPPLY PROBLEMS OF THE NATIONAL ECONOMY IN THE USSR FAR EAST IN POSTWAR YEARS (1946–1950)

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 79–87. DOI: 10.17223/15617793/402/12

Maklyukov Aleksey V. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

Keywords: power supply; electricity; power plant; power industry; Russian Far East.

The article deals with problems of power supply of the national economy of the Far East of the USSR in postwar years. The leading role in the population's life support and in the economic system of the Far East belonged to the industry. The implementation of the socio-economic policy of the country was carried out primarily through the development of industrial production and other sectors of the economy. After the Great Patriotic War there were serious problems with power supply of cities and industrial enterprises in the Far East. They were caused by both common problems that had been accumulated in the energy sector since the pre-war years, and by problems connected with consequences of the war. Firstly, the electric power industry was the worst developed sector of the economy of the Far East region; the shortage of electricity increased from year to year, reaching catastrophic proportions during the war. Secondly, the industry that had been expanding and improving production during the wartime, increasingly demanded electricity. Thirdly, power plants functioning during the war with a serious tension began to have disruptions in their work. By the beginning of 1948, due to the repair of power plants and power grid facilities in the Far East, they managed to stabilize the electricity supply industry, but failed to overcome the increasing shortage of generating capacity. The only way to provide the economy of the Far Eastern region with the necessary amount of electricity was to construct large power plants, to start new generating capacities and construct high-voltage power lines. Huge energy construction began in 1939 but it was interrupted by the Great Patriotic War. The difficulties of the post-war economic recovery and weak government's support for the regional electric power industry hindered to start the construction works of new high-power plants in the Far East region and, as a result, to provide industry, transport, agriculture and urban with electricity of sufficient content. The Soviet Party and economic agencies solved the problem of electricity supply to consumers by expanding the power base without a qualitative change in the structure of the power industry, by introducing limits on the use of electricity and restricting municipal loads. Consequently, there appeared a huge gap in a number of regions of the Far East between the growing needs of the economy in the electricity and the energy base that was unable to meet them. The decentralized way of development of the electric power in fact led to a further increase of the deficit of energy capacities, to the cost-intensity of electricity production and to inefficient management of the energy potential. The level of electrification of the national economy of the Far East significantly lagged behind the other areas of the country. The author concludes that the development of the economy of the Far Eastern region was held back because of the problems connected with the supply of electricity in the postwar years.

REFERENCES

1. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 1276. List 1. File 9. (In Russian).
2. Tkacheva, G.A. (1995) Trud – frontu: promyshlennost' Dal'nego Vostoka v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.) [Labor for the front: the industry of the Far East during the Second World War (1941–1945)]. *Rossiia i ATR*. 3. pp. 13–18.
3. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 1276. List 1. File 43. (In Russian).
4. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 353. List 9. File 78. (In Russian).
5. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 353. List 4. File 26. (In Russian).
6. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 1276. List 1. File 35. (In Russian).
7. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund 26. List 22. File 19. (In Russian).
8. Gladkov, I.A. (ed.) (1980) *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR* [The history of the socialist economy of the USSR]. V. 6. Moscow: Nauka.
9. Ermakova, E.V. (1967) *Rabochiy klass Dal'nego Vostoka v poslevoennnye gody (1946–1950 gg.)* [The working class of the Far East in the post-war years (1946–1950)]. History Cand. Diss. Vladivostok.
10. Larin, V.L. (ed.) (2009) *Mir posle voyny: dal'nevostochnoe obshchestvo v 1945–1950-e gg.* [The world after the war: the Far East Society in the 1945–1950-ies]. Vladivostok: Dal'nauka.
11. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund 34. List 3. File 234. (In Russian).
12. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund 132. List 7. File 41. (In Russian).
13. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund 34. List 5. File 38. (In Russian).
14. Vilenskiy, M.A. (1954) *Problemy razvitiya elektroenergetiki Dal'nego Vostoka* [Problems of development of electric power industry of the Far East]. Moscow: USSR AS.
15. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 353. List 9. File 100. (In Russian).
16. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 353. List 10. File 88. (In Russian).
17. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 353. List 9. File 101. (In Russian).
18. Anon. (1994) Iz dokladnoy zapiski Yuzhno-Sakhalinskogo oblastnogo upravleniya po grazhdanskim delam. 2 fevralya 1946 g. [From a memorandum of Yuzhno-Sakhalinsk Regional Department of Civil Affairs. February 2, 1946]. *Istoricheskie chteniya: trudy Gosudarstvennogo Arkhiva Sakhalinskoy oblasti*. 1. pp. 125–126.
19. Yaroslavl'tseva, T.A. (2014) *Gosudarstvennaya politika po razvitiyu zhilishchno-kommunal'nogo khozyaystva na Dal'nem Vostoke (1917–1993 gg.)* [Public policy in the development of housing and communal services in the Far East (1917–1993)]. History Dr. Diss. Moscow.
20. Leonov, P.A., Pan'kin, I.V. & Belousov, I.E. (1974) *Oblast' na ostrovakh. Kratkiy ocherk istorii, razvitiya ekonomiki i kul'tury, deyatel'nosti partynoy organizatsii Sakhalinskoy oblasti* [An oblast on the islands. A short history, the development of economic and cultural activities of the Party organization of Sakhalin Oblast]. Moscow: Mysl'.
21. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 353. List 9. File 103. (In Russian).

22. Lipitskiy, A.G. (1986) *Energeticheskie muskuly Severa: Kratkiy obzor elektrifikatsii Magadanskoy oblasti* [Energy muscles of the North: Overview of the electrification of Magadan Oblast]. Magadan: Magadanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
23. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). Fund 353. List 9. File 106. (In Russian).
24. Khlypalov, V.M. (1991) Elektrifikatsiya Petropavlovsk-Kamchatskogo (1910–1970 gg.) [Electrification of Petropavlovsk-Kamchatsky (1910–1970)]. In: Ponomarenko, A.K. (ed.) *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. V. 7. Petropavlovsk-Kamchatskiy: Dal'izdat.
25. Russian State Archive of Economics (RGAE). Fund 4372. List 36. File 157. (In Russian).
26. Turbin, M.Z. (1966) Istoriya razvitiya ekonomiki energetiki Dal'nego Vostoka [The history of economic development of the Far East Energy]. *Sbornik trudov Khabarovskogo politekhnicheskogo instituta*. 3. pp. 103–110.
27. Alekseev, V.V. (1973) *Elektrifikatsiya Sibiri. Istoricheskoe issledovanie* [Electrification of Siberia. Historical research]. Pt. 1: 1885–1950. Novosibirsk: Nauka.
28. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). F. 131. List 4. File 386. (In Russian).
29. State Archive of Khabarovsk Krai (GAKhK). F. 353. List 10. File 88. (In Russian).
30. Boyarinova, A.I. (1975) *Energoekonomicheskoe rayonirovaniye Yuga Dal'nego Vostoka* [Energy-economic zoning of the South of the Far East]. Abstract of Economics Cand. Diss. Vladivostok.
31. Dmitriev, V.A. (1976) *Narodno-khozyaystvennaya effektivnost' elektrifikatsii zheleznikh dorog i primeneniye teplovoynoy tyagi* [Economic efficiency of railway electrification and diesel traction use]. Moscow: Transport.
32. Anon. (1958) *Narodnoe khozyaystvo Primorskogo kraya: stat. sb.* [The national economy of Primorsky Krai: statistics]. Vladivostok: Primor. kn. izdatel'stvo.
33. Anon. (1957) *Narodnoe khozyaystvo Khabarovskogo kraya: stat. sb.* [The national economy of Khabarovsk Krai: statistics]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo.
34. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund 34. List 7. File 98. (In Russian).
35. Anon. (1961) *Promyshlennost' RSFSR: stat. sb.* [Industry of the RSFSR: statistics]. Moscow: Gosstatizdat.

Received: 18 September 2015

К ВОПРОСУ О ПОЛИСЕМАНТИЧНОСТИ ОБРАЗА ДЕРЕВА В СИСТЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ СИБИРСКОГО ШАМАНИЗМА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 №14 В25.31.0009.

Актуализируется символическая концепция культуры применительно к традиционному мировоззрению народов Сибири и непосредственно к шаманской системе представлений. Основным предметом изучения является множественность значений, вкладываемых в образ дерева, что позволяет рассматривать его как универсальный символический код, в котором скрыты основные культурные смыслы и механизмы их формирования. Утверждается, что образ дерева в традиционной системе мировоззрения народов Сибири раскрывается в трех основных смысловых сегментах: 1) Мировое дерево как основной структурообразующий элемент космической модели; 2) дерево жизни, воплощающее концепцию мироздания как животворного начала; 3) шаманское дерево как центральный символ шаманской идеологии, раскрывающий идеи шаманского дара, шаманского посвящения и шаманского пути.

Ключевые слова: жизнь; смерть; шаманское дерево; шаманский путь; символизм.

Заполненность культурного континуума символами, организующими систему представлений о мире, составляет характерную особенность традиционных культур народов Сибири. И центральная роль в этом символическом пространстве, несомненно, принадлежит образу дерева, обладающему наибольшей смысловой полифонией среди других символов и представляющему собой самое «сердце», ядро традиционного мировоззрения. В.Н. Топоров считал образ Мирового дерева универсальным знаковым комплексом. При этом он подчеркивал, что «универсальный характер подобных комплексов проявляется в том, что они возникают практически повсюду и, видимо, в самые разные времена, хотя правдоподобно, что неперенное появление их связано лишь с определенной, достаточно ранней стадией развития общества (условно – с преобладанием мифопоэтической традиции)» [1. С.13]. Дерево в мифопоэтической традиции – это не просто один из «доминантных» символов (по терминологии В. Тэрнера), выражающих несколько тем. Образ дерева представляет собой универсальную концепцию мира, с помощью которой стало возможным свести воедино различные смыслы, порознь описывавшие мир [2. С. 606]. Кроме того, этот образ оказался очень плодотворным при формировании «шаманской» картины мира и при обосновании основных постулатов шаманской идеологии.

Важнейшее символическое «развертывание» смыслов дает семантическое соответствие «дерево-жизнь». Здесь можно проследить несколько взаимосвязанных тем, составляющих «концепцию жизни» в традиционных культурах Сибири. Жизнь человека тесно связана с жизнью дерева, а в некоторых случаях тождественна ей. Достаточно распространенным среди сибирских народов было представление о том, что души нерожденных людей обитают на особом (священном) дереве в виде листочков или маленьких птенцов, а само священное дерево находится в особом месте, как правило, в верхнем мире. По представлениям верхнеамурских эвенков, прародиной людей является звезда *Чалбон* (Венера). Вся ее территория разделена на родовые участки, на которых растут сухие лиственницы, увешанные птичьими гнездами.

В этих гнездах помещаются души *оми*. При этом души простых людей выглядят как синички. Души шаманов помещаются не на ветках, а в дуплах и выглядят чаще всего как птенцы перелетных птиц – орлов, лебедей, гагар, куликов и т.д. [3. С. 10–11]. У нанайцев также существовало представление о том, что у каждого рода есть свое особое дерево, души (*омиа*) с которого попадали только к женщине своего рода. Это дерево называлось *омиа-мони* или *омиа-докини*, и считалось, что оно растет на небе в царстве *Омсон-Мама*. Плач ребенка до 3 месяцев нанайцы могли объяснять тем, что душа его слышит шум ветвей этого дерева и пугается [4. С. 106–108]. По представлениям алтайцев, жизнь каждого человека тоже начинается с небесной зоны Вселенной. На девятом небесном слое у Ульгения и его сыновей растет священная береза, на ветвях которой как листья висят души (*кут*) человека и домашнего скота [5. С. 34]. В древнебуурятской мифологии присутствует особое дерево *эхын шара модон* (материнское желтое дерево), на ветвях которого справа висели колчан и налучье, т.е. «жизненная сила» будущего мужчины, а слева – иголки и наперсток – «жизненная сила» будущей женщины [6. С. 90].

С деревом напрямую связан процесс зачатия и рождения, и даже питания новорожденного. У долган была отмечена легенда о стране, где зачатие осуществляется без участия мужчин. «Женщины, чтобы иметь детей, весной, когда деревья начинают распускаться, приходят, говорят, к березе и в нижней части ствола обнажают у нее кору. Затем, раскрыв свое худое тело, трутся им об эту обнаженную от коры часть березы. Когда входил в женщину сок березы, она становилась беременной и рожала ребенка» [7. С. 108]. А бездетная пара, чтобы иметь ребенка, перед половым общением клала под постель ветку дерева [Там же. С. 110]. В угорском фольклоре роженица разрешается от бремени «у прекрасного подножия женского дерева для родов», символом которого был специальный шест в доме для родов, за который женщины держались при родах, стоя на корточках [8. С. 87]. Долганы также устанавливали специальный чум или балак для родов, по обеим сторонам от входа в кото-

рый втыкались две молодые лиственницы с перекладинами. Они символизировали деревья, связанные с душой и жизнью человека. Поэтому считалось, что, опираясь на эти деревья душа роженицы вставала после родов и тем самым возвращалась к жизни [7. С. 113]. Якуты над постелью роженицы укрепляли одну или две жерди, которые вколачивались в земляной пол юрты. Якутки рожали стоя на коленях и опираясь на эти жерди [9. С. 135]. Якутский шаман, рассказывая о своем происхождении, пел: «Когда в начале моих дней женщина – человек с широкого прихода, упершись на (поставленную вверх ногами) тальниковую иву, спустила меня на блеклую траву у левой стороны печки...» [10. С. 183]. В алтайском эпосе «Маадай-Кара» герой подвешивает колыбель сына к четырем березам, растущим на горе:

Четыре березы эти
Пусть матерью тебе будут, дитя мое.
Чтобы сок четырех берез
В рот младенца-богатыря
В день по одной капле капал [11. С. 104].

А.М. Сагалаев рассматривал распространение мотива о вскармливании ребенка деревом (соком дерева) в алтайской и якутской эпике как «снижение» архаичной мифологемы рождения из дерева [Там же]. Подобный же мотив обнаруживается в родственном тюркскому миру Сибири монгольском фольклорном материале. Г.Н. Потаниным был записана легенда о Чингисхане. Он считался сыном неба, который сошел на землю и лежал под деревом. Возле этого дерева стояло другое, оба дерева склонялись друг к другу и соединялись вершинами. С ветвей одного дерева капал сок и попадал в рот ребенка, чем он и питался [12. С. 228–229].

Наиболее значимые проявления жизненного начала человека, отторгаемые в процессе жизнедеятельности, возвращались дереву как своему истоку. У хантов существовал обычай помещать пуповину ребенка в кузовок или в колыбельку и подвешивать в лесу на дерево [13. С. 211]. Вычесанные волосы и срезанные ногти кеты складывали в мешочек, который прикреплялся к молодому растущему дереву (обычно кедру) [14. С. 40]. К дереву возвращался человек после смерти. По мнению селькупов, человеческие души после смерти человека уходят под землю и становятся пауками. Затем по корням и ветвям священного дерева они поднимаются на небо и превращаются в звезды [15. С. 12]. Г.М. Василевич упоминает о древней эвенкийской традиции захоронения стоймя в дупле дерева и усматривает неслучайную мировоззренческую параллель между словами *мугды* (дух-предок) и *мугдэ* (пень) [16. С. 215]. В.И. Анучин описал у кетов обычай хоронить детей до года по старинному обряду, по-видимому, широко распространенному ранее. Детей завертывали в ткани и бересту и ставили вертикально в дуплах, гнилых пнях или специально выдолбленных нишах в больших деревьях [17. С. 12]. У хантов Васюгана, Ваха и Тром-Агана существовал обычай хоронить мертворожденного под корнями дуплистого дерева или в берестяной коробке [13. С. 199]. Интересный обычай захоронения шаманов

был отмечен Г.В. Ксенофоновым у бурят. Раньше бурятские шаманы сжигались на кострах, их кости собирались и клались в особое углубление, выдолбленное в стволе растущей толстой сосны. Отверстие плотно закрывали дощечкой, поверх нее накладывали снятую кору и забивали ее гвоздями [18. С. 5]. По мнению Л.Р. Павлинской, на деревьях хоронили главным образом детей и шаманов. Но образ дерева присутствует и при захоронениях на земле и в земле. В этих случаях его символизирует колода, сделанная из цельного ствола дерева или специально сделанный деревянный сруб, имеющий более сложную символику [19. С. 14].

Тождество жизни человека и жизни дерева выражали приметы и сны. У хантов падение звезды означало близкую смерть кого-то из родственников увидевшего это падение, поскольку считалось, что звезды (созвездия) – это корни небесных деревьев [13. С. 157]. У тюркских народов дерево и человек также были тесно связаны. Если во сне увидеть большое дерево, то умрет большой человек, если маленькое дерево, то умрет дитя. То же самое означает, если увидишь, как во сне рубят дерево. Если принести в юрту березу, то это предвещает рождение ребенка [20. С. 462–464]. По представлениям якутов, крепкое и цветущее дерево – символ долголетия, а сломанное бурей большое дерево означает чью-нибудь смерть [21. С. 67]. Сходные мотивы содержат хакасские загадки. Например: «У одного бревна девять дыр» (дыры у человека); «На степи стоит голый парень» (дерево, с которого снята кора); «На верхушке высокого дерева сидит большая птица» (шапка, надеваемая на голову) [20. С. 238, 240, 243]. Интерес представляет собой загадка, вскрывающая связь дерева и волос человека: «Два тополя стоят вниз головами» (косы у женщины) [Там же. С. 239]. Волосы как средоточие жизненных сил человека вполне закономерно отождествляются с деревом.

Теснейшая связь человека и дерева имеет истоки в мифах о происхождении первого человека, что доказывает глубокую закономерность этой связи. Такие мифы были зафиксированы у многих народов Сибири. А.М. Сагалаев считал мотив рождения от (из) дерева одним из самых значимых среди урало-алтайских народов [11. С. 103]. В. Радлов, пытаясь воссоздать представления тюркских народов Сибири о происхождении мира и человека, приводит миф о создании людей. *Тенгере Кайра Кан*, главный среди богов, сначала создал землю, а потом новых людей (первым человеком был Эрлик), которые должны были ее заселить. Для этого он вырастил на земле дерево с девятью ветвями и под каждой ветвью создал по человеку. Эти девять человек стали прародителями тех девяти племен, которые до сих пор населяют землю [22. С. 357]. У нанайцев первый человек рождается из березы, у негидальцев его находят у корней лиственницы [11. С. 104]. По сведениям Г.В. Ксенофопова, тунгусы (эвенки) считали, что бог при сотворении земли и людей создал два дерева: мужчину-лиственницу и ель-женщину [23. С. 87]. Г.М. Василевич зафиксировала у эвенков два вариан-

та сюжета о происхождении человека из дерева. Первый вариант был записан у крайне восточных эвенков. «Человек родился из дерева. Было дерево. Оно треснуло пополам. Оттуда вышло два человека: один – мужчина, другая – женщина. До рождения ребенка они были волосатыми. Первый сын родился без волос». У крайне западных сымских эвенков сюжет значительно трансформирован. «У мифического оленя... есть сосна, которая раздваивается, раскрывается и в середине появляется женщина и поэт. После выстрела в дерево последнее разваливается, и женщина человеком освобождается» [24. Л. 48]. Оба сюжета объединяются идеей буквального «выхода» человека из расколотого пополам дерева, из его «сердцевины».

В одном из мифов коряков демиург создал людей из березовых чурок и вложил в них прочные каменные сердца. Однако злой дух заменил их глиняными (непрочными). Поэтому люди стали подвергаться болезням и смерти [19. С. 10]. В мифологии манси присутствуют лесные духи – *менквы*. По одной из версий мифа о происхождении людей первыми людьми были именно *менквы*, которые были вырезаны *Нуми-Торумом* из лиственницы и имели форму человека. Они имеют также сходство с деревом, наделены огромной физической силой, и их рост равен высокому дереву [8. С. 88]. Согласно другой версии Нуми-Торум позвал *Тапал-Ойку* (младший брат или сын Нуми-Торума) и велел ему сделать людей. Тапал-Ойка вырубил из лиственницы 7 человеческих подобий. Но в это же время младший брат Нуми-Торума *Хуль-Отыр* (дух Нижнего мира) сделал 7 человеческих подобий из глины. А *Калтац-Эква* оживила глиняных людей [25. С. 105]. В данном мифе центральной является идея роковой ошибки, изменившей судьбу человека, прервавшей задуманную демиургом генетическую связь человека и дерева. Следствием этого становится смертность человека и его подверженность различным болезням. У этого мифа есть тесная смысловая связь с мифом кетов о происхождении смерти. «Когда-то в первый раз умер человек, какой-то старик, люди думали, что он спит, но когда его не удалось никак разбудить, люди испугались и стали плакать. *Ес* послал к ним собаку и велел сказать, чтоб люди не боялись, а старика обернули бы травами и подвесили к дереву, – тогда этот старик через 7 дней будет опять жить. Собака не исполнила воли *Ес*'я и обманула людей, велев им закопать старика в землю. С тех пор люди стали помирать...» [17. С. 11–12]. Здесь дерево выступает не просто как источник жизни, но также воплощает собой бессмертие, а нарушение связи человека с деревом становится причиной смертности человека. Представления о связи человека с деревом выражают трагичную раздвоенность его бытия: глубинное единство и в то же время неизбежный разрыв с миром природы как плата за переход в культурное состояние. Согласно бурятской легенде, раньше имелась возможность перехода из одного состояния в другое (природное или культурное) посредством дерева, осуществлявшего эту метаморфозу. «Медведь прежде был охотник и шаман. Он, отправляясь на охоту, обходил три раза одно дерево и

обращался в медведя; в таком виде он ловил зверей, потом снова обходил вокруг дерева три раза и становился человеком. Кто-то срубил то дерево, и шаман остался навеки медведем» [12. С. 168].

Дерево как воплощение жизненного начала, как центральный смыслообразующий образ традиционных культур являлось мерилем пространственно-временных характеристик мироздания и приобрело космические масштабы. Таким образом, идея всеобъемлемости жизни стала основой конструирования смыслов мира. Дерево – это природный объект, ставший одновременно культурным символом, фиксирующим процесс космо- и культурогенеза и воплотивший два варианта жизненности: природную и культурную. В одном угорском мифе говорится о том, что после создания земли Нуми-Торум сказал сыновьям: «Поищите, нет ли вокруг дома каких деревьев». Сыновья нашли кедр и березу. Нуми-Торум посадил эти деревья на земле, и это были первые деревья [11. С. 105]. В космогоническом мифе таймырских нганасанов, записанном А.А. Поповым, в ледяном мире, лишенном земли и растительности, существовали лишь два божества, сыном которых была маленькая веточка тальника с одним листочком. Эта веточка и стала первым растением [26. С. 42]. Бурятские сказки начинались словами: «В то время, когда дерево *Захэн-зондыр* было прутом, великий олень Загали был теленком, великая рыба *Абырга* была мальком, великое море *Ихы* было ручьем» [12. С. 226]. Дерево, присутствовавшее в начале мира в качестве прута (веточки), растет вместе с ним, достигая космических масштабов. У хакасов было отмечено представление о том, что на лиственнице, которая растет перед домом Ирле хана (Эрлика), есть надпись, указывающая на то, что это дерево было порождено Кудаем в то время, когда он создавал Небо, Землю и Нижний мир [27. С. 264].

Важнейшая характеристика Мирового дерева – расположение в центре мироздания. Часто оно дополняется наличием главного божества, живущего около этого дерева. Например, по представлениям селькупов, «пуп мира» находится в центре дома «жизненной старухи» *Ылынта-кота*. Из него растет дерево, соединяющее миры [28. С. 323]. По сведениям Е.Д. Прокофьевой, это дерево – береза. На его ветвях слева висит солнце (или «тень солнца»), справа – луна (или «тень луны»), а наверху сидят кукушки – покровительницы рождений [29. С. 56]. По представлениям алтайцев, в центре земли возвышается гора, на вершине которой находится молочное озеро. Это место – пуп земли и неба, из которого произрастает роскошное (богатое) дерево с золотыми ветвями и широкими листьями. Вершина этого дерева находится в небесной сфере [30. С. 161–162]. В. Радлов, реконструируя картину мира тюркских народов Сибири, выделял духов, персонифицирующих землю, на которой живут люди. Обобщенное название этих духов – *Йәр-су* (Земля-вода). Самый могущественный из них – *Йо Кан*. Он живет там, где пуп земли, ее центр, где растет самое высокое из всех земных деревьев, гигантская ель, вершина которой достигает дома *Бай Ульгена* [22. С. 359]. В шаманской вселенной нганасан есть место,

где расположены девять озер. Посредине одного из этих девяти озер есть остров. Посредине этого острова растет одно дерево, похожее на молодую лиственницу. Оно доходит до самого неба. Это дерево хозяина земли [31. Л. 5].

Срединное, центральное положение Мирового дерева дополняется другой его важнейшей характеристикой – прорастанием через три основные вертикальные сферы – верхнюю, среднюю и нижнюю. У нанайцев в таком качестве выступало Мировое дерево *конгор дягда яло туйгэ*, у ульчей – *подохо мо*, прорастающее из подземного мира и тянущееся до неба [4. С. 22]. У хакасов священная береза *Пай Хазын*, соединяющая миры, находится на мифическом горном хребте *Пулай сын* [32. С. 47]. В якутском фольклоре мифическое Мировое дерево носит название *Аар Кудук Черчи Мас*. Оно соединяет все три мира Вселенной, достигает светлой небесной страны божества *Урун Айыы тойона* и становится его коновязью [33. С. 162]. Представления о том, что священное дерево, прорастающее сквозь три сферы Вселенной, может служить коновязью для духов верхнего и подземного миров, характерны для алтайского эпоса [34. С. 33]. Та же идея прослеживается и в шаманских камланиях. Например, во время камлания Адаму телеутские шаманы называют «тополь с золотыми листьями» «коновязью нашего отца» (Адама) [35. Л. 277].

Единый образ Мирового дерева мог дробиться на отдельные сегменты, соответствующие сферам мироздания. Так, А.В. Смоляк отмечала отсутствие единства во мнениях относительно Мирового дерева у нанайцев. В частности, в записях Л.Я. Штернберга встречался сюжет о трех мировых деревьях: одно растет на небе (дерево душ), второе – в царстве мертвых, третье – с шаманскими принадлежностями – на земле [4. С. 25]. В кетской картине мира священное «шаманское» дерево растет на каждом из небес, за исключением первых двух [17. С. 65]. Верхнеамурские эвенки измеряли расстояние до звезды Чалбон, являвшейся прародиной людей, высокими молодыми лиственницами с голыми стволами и ветками на вершине – *тагу*. Считалось, что от земли до звезды Чалбон – 27 тагу, и это самый длинный шаманский путь [3. С. 10–11].

Дерево как структурообразующее начало в традиционной картине мира может заменяться и дополняться рекой. Е.А. Алексеенко читает, что у кетов, селькупов и эвенков горизонтальные пространственные характеристики, указывающие направление течения реки, преобладали над вертикальными, связанными с идеей Мирового дерева. При этом она подчеркивает глубокий синкретизм обоих образов, обусловленный общей полисемантической мифологическое мировосприятия. Эти идеи получили свое закрепление в лексике, где устье реки уподобляется корням деревьев, а исток – его вершине. Кетская лексема, обозначающая движение по зимней реке в направлении ее истоков, включает компонент *ес'* («небо»). А слово *кон* имеет два значения – исток реки и вершина дерева [36. С. 74–75]. В якутских олонхо также можно встретить мотив буквального совмещения священного

дерева и реки: «...семь корней его... вниз извиваясь, снизошли, полагаем; восемь корней (дерева) выгнувшись вверх, образовали глубокие реки, молочные озера, вздувающиеся вверх белым игл» [11. С. 107]. Исследователями подчеркивалась глубокая мировоззренческая закономерность уподобления ветвей дерева истокам рек в южносибирской тюркской картине мира [34. С. 23]. Дерево и река как маркеры смерти и посмертного состояния человека тесно переплелись в мировоззрении нганасан. Они считали, что в каждом дереве обитает дух, поэтому оно живет и дышит. Чтобы срубить дерево, нужно было упросить духа не сердиться на людей. Поэтому прежде чем срубить дерево для умершего, к нему обращались со словами: «Мы не по своей воле вынуждены употреблять тебя на нечистое дело, не по своей воле предназначаем тебя плыть вместе с покойником по воде загробного мира, не сердись на нас» [26. С. 54].

Медиативный образ дерева, соединяющего сферы мироздания, тесно связан с образом дерева, выполняющего функцию границы, разделяющей миры и охраняющей существующий мировой порядок. Дерево в хакасских героических сказаниях растет на границе реального и потустороннего миров [37. С. 178]. В религиозной обрядности сибирских народов большое значение имела функция дерева как пограничного объекта между миром живых и миром мертвых. Актуализация этой функции происходила во время похорон. У бурят существовал обычай при подъезде к месту захоронения устанавливать палку между двумя деревьями. Таким образом, сооружались импровизированные «ворота» в потусторонний мир. На обратном пути последний сбивал палку и таким образом закрывал ворота и соответственно проход между мирами [19. С. 27]. У кетов мир живых и мертвых разграничивала поставленная перед входом в чум жердь. Выходящие из чума должны были перешагнуть через нее, а покойного протаскивали снизу ногами вперед. Затем жердь срубалась. Покидая место захоронения, последний должен был положить поперек дороги палку, которая отгораживала мир живых от мира мертвых [14. С. 37]. Палка или жердь осмыслились как аналоги дерева, обладающего способностью связывания и разграничения миров. Таким образом, в символике дерева произошло объединение противоположных функций: соединения и разъединения. В хакасском героическом эпосе «Ай Хучин» рядом с Мировым деревом находится погребение, что также говорит в пользу соотнесения образа дерева с такими понятиями, как «смерть» и «переход в мир мертвых» [37. С. 178]. Намогильные сооружения венгров, хантов и селькупов в виде столбов, напоминающих коновязи, возможно, произошли от столбов-коновязей, которые устанавливались на кладбищах возле могил. Они назывались *анквал* (столб, пень – манс., хант.) и представляли собой высокие пни (опиленные сверху деревья), к которым привязывались жертвенные животные [8. С. 36]. Разграничивающая и, в то же время, медиативная составляющие прослеживаются в характеристике, которую в отношении «шаманского» дерева дал один

из нганасанских шаманов: «Это дерево должно иметь одну сторону высохшую, другую живую» [26. С. 108].

Пространственным разграничениям, определяющим структуру космоса, его естественные и сверхъестественные, культурные и природные характеристики, соответствует установление временных границ, позволяющих выделять значимые для человека отрезки длительности в непрерывном потоке времени. И здесь символика дерева также оказывается незаменимой. Она может маркировать границу дня и ночи. Этот мотив содержится, например, в камланиях телеутских шаманов, где тополь «с золотыми листьями» колеблющими землю, растет «на той стороне, откуда восходит месяц», тополь с «серебряными листьями», растет «на той стороне, откуда восходит солнце» [35. Л. 277]. В сакральной топонимике якутов дерево – *тууру*, на котором воспитывались души шаманов, также могло находиться на границе дня и ночи [38. С. 56]. Деление времени на сутки и месяцы слышится в алтайской загадке: «Перед дверью одна береза: пятнадцать ветвей приподняты кверху, пятнадцать наклонились вниз» (дни первой и второй половины месяца) [34. С. 23]. И наконец, загадка, записанная Радловым у сойотов, возводит дерево в ранг наиболее значимой временной характеристики – года: «У золотого тополя двенадцать ветвей и триста шестьдесят листьев» (12 месяцев года и 360 суток) [20. С. 180].

Комплекс традиционных представлений о дереве как универсальном носителе «жизненных», а также пространственно-временных характеристик мира в полной мере воплотился в «шаманской» системе мировоззрения, составил его основу, а также получил импульс для новых «импровизаций» на заданную тему. Фактически, не отходя от созданных традицией смыслов, в шаманизме были выработаны дополнительные механизмы культурной адаптации, встраивающие шаманскую идеологию в общий культурный контекст.

Идея о тесной связи жизни человека и дерева нашла свое дальнейшее воплощение в шаманских представлениях о наличии у каждого шамана своего особого «шаманского дерева». Эвенки считали, что в таком дереве помещалась душа шамана. Если такое дерево падало, шаман умирал [16. С. 227]. Единственное, предназначенное шаману дерево он мог увидеть во сне, но потом обязательно должен был отыскать его в лесу, поскольку из этого дерева изготавливались детали для ритуальных орудий – обечайка и рукоятка для бубна, колотушка, посох. У якутов деревом, предназначенным для обечайки бубна, служит развесистая лиственница с пучкообразно расходящимися вверх ветвями или же лиственница, выросшая наклонно и издающая скрип [39. С. 309]. Якутский шаман, найдя «свое» дерево, надевал на него костюм, привязывал веревкой и читал ряд заклинаний. Только после этого он откалывал от дерева нужный кусок [40. С. 143]. Во время обряда оживления бубна шаман произносил заклинание, в котором описывал это дерево и отмечал, что оно было специально создано для него:

...Знаменитому шаману от роду предназначаясь,

Полым бубном стать желая, со множеством подвесок медных,

Суетливостью болезней устранивших стать желая,
С круглой шапкой-подвеской, с рукояткой-крестовиной

Вещим, важным стать желая, – дозревали, вырастали!» [40. С. 145].

На костюме якутского шамана была привеска, изображавшая это единственное «шаманское» дерево: «зародившуюся по предназначению для шамана лиственницу с ветловидной кроной» [Там же. С. 151]. Изготовление бубнов ваховскими хантами также представляло собой сложную процедуру, связанную, прежде всего, с выбором особого дерева. Бубен изготовлялся самым пожилым мужчиной, который должен был один уйти в лес и отыскать дерево (кедр, ель или лиственницу) с верхними ветвями, напоминающими по форме оленьи рога. На уровне своего роста он должен был срезать сук для обечайки, желательно с восточной стороны дерева, можно с северной, или южной, но не с западной, так как на западе живут злые духи [41. С. 87]. Пришедший в негодность бубен уносился шаманом в лес и вешался на дерево. В случае смерти шамана бубен также вешали на дерево [Там же. С. 88]. Нанайцы считали, что шаманское дерево, растущее в тайге, является прообразом одного из девяти небесных деревьев, растущих на четвертом небе. Только шаман знал это дерево, но сам он в лес не ходил, а объяснял близким, как его найти. Из него делали фигурку главного духа-помощника шамана – *аями* [4. С. 13–14]. Дерево, предназначенное для колотушки, нанайский шаман мог увидеть во сне, а затем его необходимо было отыскать в лесу [4. С. 237]. Шаманские деревья тувинцев назывались *хам-ыяш* и пользовались особым почитанием. Как правило, это были деревья необычной формы: либо с причудливо сросшейся пышной кроной, либо разные деревья, растущие от общего корня [42. С. 2]. Береза, которую алтайцы выбирали для рукоятки бубна, должна быть чистой, без повреждений и расти вдали от жилья, чтобы к ней не подходил скот и ее не касалась рука человека. Такие же требования они предъявляли и к кедру, идущему на обечайку [39. С. 309]. Хакасский деревянный жезл – *орба* – должен был изготавливаться из березы, из корней которой выросло 3 побега. Отрезался отросток с восточной стороны так, чтобы дерево не засохло [32. С. 104].

Дерево могло быть связано с шаманским родом и воплощать собой его судьбу. Согласно народным верованиям хакасов, если на месте захоронения шамана выросло дерево, оно свидетельствовало о благополучии шаманского рода. Если дерево разрасталось, значит, шаманский род будет процветать, если засыхало, то род прекратит свое существование [Там же. С. 47]. Здесь можно также вспомнить об общем происхождении эвенкийских слов *мугды* (дух-предок) и *мугдэ* (пень), о чем уже упоминалось выше. У волочанских нганасан есть предание о происхождении шаманского рода Нгамтусу'о. Считается, что все представители этого рода получили свой дар от шаманки Нейминг, которая, чтобы отвлечь на себя козни оспы, уносившей целые стойбища, велела оставить себя в одиночестве на одном из холмов в тундре. Перед смертью она сказала, что в будущем на ее голове

вырастет дерево, которое нужно срубить и сделать себе *койка* (материальные предметы, воплощающие духов-покровителей (прим. авт.)) [43. С. 73–74]. Г.В. Ксенофонтов отмечал, что у бурят почитание душ наиболее чтимых, древнейших шаманов связано с особым отношением к деревьям, прежде всего, к березам. Запрещалось рубить какое бы то ни было дерево в шаманской роще. Кроме того, буряты угощали своих духов через ветви деревьев, растущих на могиле, а потом и через каждое березовое дерево, если не было возможности ехать на место погребения [23. С. 123].

Возможно, представление о том, что душа умершего воплощается в дереве, тесно связано с идеей о том, что местом обитания духов являются деревья, которые, как правило, имеют необычную и даже уродливую форму. Якуты считали, что дух-хозяйка земли обитает в каком-нибудь старом многоветвистом дереве с большой кроной [40. С. 124]. А злые духи на земле любили поселяться на уродливых по форме деревьях и на деревьях, имеющих дупла [44. С. 166]. Духов, обитающих в деревьях, видели шаманы, и эти духи могли участвовать в шаманском становлении и посвящении. Так, А.А. Попов, описывая посвящение нганасанского шамана, упоминал о том, что он увидел дерево с тремя разветвлениями. Из этих трех разветвлений вышли три духа, создающие шаманов: «Мы от одного человека уродившиеся женщины. Она (женщина) уродила нас, чтобы мы внутри дерева жили...» [26. С. 98]. В описании другого посвящения дух, посвящающий шамана, выходит из середины корня дерева [31. Л. 19]. К этому же смысловому ряду можно отнести олицетворения божеств в виде деревьев. Примером здесь может служить обрядовая традиция манси, в которой наиболее важные божества изображались в виде конкретных деревьев. На культовых местах часто находились три срубленных деревца (шеста), на которые набрасывали жертвенные одежды таким образом, что получались подобия человеческих фигур. Средний, самый высокий шест обозначал Нуми-Торума (кедр). Боковые шесты могли предназначаться для Мир-сусне-хума (ель, береза), Калтась (береза), Куль-отыра (сосна), Полум-Торума (ель) или других божеств. На верхних концах шестов иногда вырезали личины этих божеств [8. С. 139].

Тесная связь шамана с «шаманским» деревом, как правило, устанавливалась именно в период его посвящения. У якутов души будущих шаманов «воспитывались» в ветвях, наростах или отверстиях (дуплах) огромного дерева (лиственницы или березы), растущего в верхнем или нижнем мире (= на севере). Внизу этого дерева воспитываются плохие (слабые) шаманы. Самые сильные шаманы воспитываются в самых верхних ветвях (отверстиях) такого дерева [45. С. 283]. Дерево, где воспитывались души якутских шаманов, имеет признаки Мирового дерева. Так, якуты называли его *Ыйык-Мас*, считали, что оно доходит до девятого неба и окружность его никто не может определить [23. С. 36]. По другим сведениям, это дерево называется *Аар-Кудук-Мас*, что означает «священное дерево» или «великое дерево» [23. С. 47]. В якутском фольклоре это дерево связывает три мира

Вселенной. Нганасанский шаман во время посвящения спускается вниз по корню «шаманского» дерева, на котором в люльках укачиваются будущие шаманы [31. Л. 19]. По сведениям Г.В. Ксенофонтова, у эвенков такое дерево называется *тууру*. Оно находится наверху, и на ветвях этого дерева в гнездах воспитываются души будущих шаманов [23. С. 87]. Возможно, воспитание душ будущих шаманов на деревьях, а также в гнездах, явилось дальнейшим развитием идеи о том, что души будущих детей находятся в виде птичек или листочков в ветвях Мирового дерева. О постепенном выделении «иног» статуса шаманов среди соплеменников может свидетельствовать их особое положение в эвенкийской традиции, где души простых людей выглядели как синички и находились на ветках, а души шаманов помещались в дуплах и выглядели как птенцы перелетных птиц [3. С. 10–11].

Символика дерева стала также благодатным материалом для воплощения идеи «шаманского» пути как одного из стержневых и сквозных мотивов шаманской ритуальной практики. В описаниях шаманских посвящений у нганасан, сделанных А.А. Поповым, чтобы найти свою дорогу в мире духов, будущий шаман должен был либо вскарабкаться на дерево, либо пройти внутри него (по дуплу), либо спуститься вниз по корню дерева [26. С. 107; 31. Л. 19]. Непременное участие дерева или его аналога (шеста) в обрядах жертвоприношений, которые могли осуществляться как с шаманом, так и без него, свидетельствует о разработанности в традиционных культурах темы дерева как универсальной дороги, по которой жертва достигает своего адресата. Во время жертвоприношения хакасы обращались с молитвой к священной березе: «По обычаю, начатому стариками, (обращаясь к тебе), о богатая береза, имеющая серебряную кору и золотые листья, имеющая комкообразную о 9 разветвлениях макушку! Не перерезавши ни одного корешка, выкопав из черной земли, привезя на вершину белого таскыла, мы вкопали тебя и одною головою и обоими плечами кланяемся и покоряемся тебе!.. Согнувши правую ногу чернощеклого белого ягненка, 3 раза обойдя богатую березу, имеющую золотые листья, мы приносим жертву, выпустив ее внутренности! Да дойдет наша жертва до великих богов!» [20. С. 384–385].

Путь телеутского шамана на небо также начинался у подножия священной березы. Дорога представляла собой переход по 9 воображаемым ступеням, идущим от вершины березы до небосвода, в который она упиралась. На девятой ступени шаман достигал местопребывания одного из сыновей Ульгена [5. С. 140]. Непременными атрибутами нанайских и ульчских шаманов были стоявшие у дома столбы *тороан* (ульч. тура, туру, дару). Обычно их было три, и это были обыкновенные деревья, несколько обтесанные снизу [4. С. 247]. По предположению Л.Я. Штернберга, шаманские столбы *тороан* были символом Мирового дерева. Благодаря этому столбу шаман мог бывать где угодно, даже в самых «заоблачных высях» [4. С. 231]. Нанайцы и ульчи считали также, что шаман, возвращаясь из далекого путешествия в другие миры, садился на вершину столба, через него спускался в подзем-

ный мир и только после этого попадал домой. Кроме этого ульчи представляли, что невидимое шаманское дерево имеет три сучка с яркими светлыми цветами: один – для того, чтобы молиться небесному богу *Эндури*, второй – чтобы ходить в загробный мир *були*, третий – чтобы связываться с подводным богом *Тэму* [4. С. 26–27]. Таким образом, шаманское дерево воплощало собой три направления шаманских путешествий – на небо, в загробный и в подводный миры. У нанайцев помимо шаманов были особые ритуальные специалисты *тудины*. А.В. Смоляк предположила терминологическую связь слова «тудин» с ульчским *туде* – священный столб. Каждый *тудин* имел возле дома три столба тороан. *Тудины* молились по ночам у этих столбов и могли достигать второго неба, где находился бог *Ёрхе Эндур* [4. С. 48]. Якутский шаман перед началом камлания водружал перед юртой шест, на конце которого было прикреплено деревянное или берестяное чучело гагары и гуся. От шеста к юрте протягивалась веревка, означающая путь, по которому шаман отправлялся к духам и отправлял кут жертвенного животного [46. С. 141]. Мольбище забайкальских эвенков отличалось тем, что в чуме ставили две листовницы (*турукан*) с отрубленными ветвями так, чтобы вершины их проходили через дымовое отверстие. Одну из них ремнем соединяли с лабазом, устроенным на некотором расстоянии против входа в юрту. Ремень символизировал дорогу духов-помощников в нижний мир [16. С. 247].

Символикой дерева были насыщены костюм шамана и его ритуальные атрибуты. Характерной особенностью алтайских бубнов было наличие в правом углу на внешней стороне изображений одного или двух деревьев. Это береза с золотистыми листьями, по которой шаман поднимается на небо и под ветвями которой отдыхает во время своих странствий. К ней же он привязывает своего коня во время остановок в далеком пути [47. Л. 52–62]. А.В. Анохин выделял на шорских бубнах изображения трех деревьев: *Казың* (береза), *Сүгүт* (*Сөдт*) (дерево с сучьями на одной половине) и *Терак* (тополь). *Бай-Казың* считалась самым почитаемым деревом среди шаманистов. Шаман поднимался по девяти зарубкам этого дерева до самых облаков. За облаками *Бай-Казың* соединялась с другими сферами двумя параллельными шелковыми нитями, по которым шаман двигался дальше. *Сүгүт* (*Сөдт*) и *Терак* служили этапами на пути шамана в верхнем мире [48. Л. 560–561]. Кроме того, А.В. Анохиным было отмечено, что у телеутских шаманов *бай-сөдт* – дух, сопровождающий их во время путешествий, ожидающий у дверей и держащий «войско духов» при себе, как на привязи. Поэтому *бай-сөдт* называли также конской коновязью [Там же. Л. 561].

Рукоять бубнов у кетов называлась *хастадокс*, что буквально переводится как «бубна дерево» [17. С. 57]. Кроме того, В.И. Анучин отметил семантическое соответствие между шаманским жезлом и шаманским деревом. Когда шаман накануне камлания втыкал свой жезл в землю около входа в чум, это давало повод шутливо говорить: «...вот у нашего шамана выросло дерево; как скоро!» Из енисейских сказаний

видно, что у легендарного шамана Doh'a около дверей чума росло дерево, на котором сидел орел этого шамана. Таким образом, возможно, что шаманский жезл был именно символом «шаманского» (Мирового) дерева [17. С. 64–65]. Название хакасского шаманского жезла – *орба* – может быть связано с хакасским *хорба* – «побеги березы», из которой вырезался ритуальный жезл [32. С. 103]. Косвенные свидетельства в пользу семантического соответствия шаманского лука, стрелы и дерева можно обнаружить в фольклоре юкагиров:

Старик старухе: «Мой кафтан принеси, сапоги принеси, шапку принеси, мой лук принеси». Лиственничную ветку натянув, дала. «Мою стрелу принеси». Талину, приготовивши, дала. Старичок потом пошел. До большой безлесной поляны дошел. Упомянутую свою стрелу вверх бросил. Сказал: «С концом-невидимкой деревом сделайся». На то дерево поднялся» [49. С. 240].

«Важной деталью костюма эвенкийского шамана был нагрудник. Сверху донизу посреди нагрудника проходила вышитая полоса – *туру*, изображавшая дерево *ирэкте* (лиственница), имевшее два ответвления, направленных вниз [16. С. 255]. У нанайцев изображение священного дерева *конгор дягда яло туйгэ* присутствовало на юбке, также являвшейся важной деталью шаманского костюма [4. С. 223]. Определенный интерес представляет также нанайская шаманская шапка. Спереди на этой шапке находились оленьи рога *чурукту*. Но старики нанайцы называли эти рога еще и *суе*. Считалось, что это были части корней *суэ* мифического дерева *конгор дягда яло туйгэ*, на котором росли шаманские принадлежности. А.В. Смоляк отмечала, что по форме они скорее напоминают корни, а не рога [4. С. 231].

Полифония значений, вкладываемых в образ дерева, позволяет рассматривать его как универсальный символический код, в котором скрыты основные культурные смыслы и механизмы их формирования. Первоначальная идея тождества человека и дерева имеет несколько вариантов своего развития: 1) появление первого человека из дерева; 2) его потенциальное бессмертие, связанное с деревом и уничтоженное в результате роковой ошибки; 3) пребывание душ будущих людей до их рождения на деревьях; 4) возможность зачатия, рождения и питания новорожденного с помощью дерева; 5) возвращение человека к дереву после смерти; 6) наличие родовых деревьев, связанных с жизнью членов определенного рода. В качестве сакрального образца выступает непосредственное единство человека и дерева, являющееся гарантом бессмертия и абсолютной жизненности. Мифы, повествующие о выходе первого человека из сердцевины дерева и о возможности возвращения к жизни с помощью дерева, являются также свидетельствами изначальной тесной связи мира культуры и мира природы как различных воплощений жизненного начала. Рождение человека и его земная жизнь представляются как та или иная степень понижения градуса сакральности (падение душ будущих детей с небесных деревьев на землю), а смерть человека вновь возвращает его к сакральному образцу (тождество человека и дерева).

Жизнь как важнейшая культурная ценность воплощается и в космических характеристиках мироздания, определяя его пространственно-временные координаты. Присутствие дерева в мифах о начале мира фиксирует процесс космо- и культурогенеза, и, будучи природным объектом, этот образ в то же время становится центральным космическим символом. Его «срединное» местоположение среди других объектов определило концентрический характер становления системы культурных ценностей – от центра к периферии, от сакральных образцов к их профанным воплощениям. Многослойность мира, выраженная посредством вертикального прорастания дерева через три его основные сферы, возможно, является мифологическим прочтением идеи сосуществования различных вариантов жизненности (прежде всего природной и культурной). Кроме того, посредством образа дерева была реализована важнейшая функция культуры – установление как пространственных, так и временных границ (между реальным и потусторонним, днем и ночью, живым и мертвым и т.д.).

Наибольшая приближенность шамана к сакральной сфере среди других лиц традиционного социума определила особую роль дерева в шаманской системе представлений. Оно могло играть важную роль в процессе шаманского посвящения, олицетворять собой шаманский род, а также шаманский путь и его различные направления. По сути дела, с помощью дерева

была выражена важнейшая идея традиционного мировоззрения – идея о неразрывной связи мира людей с миром духов и о возможности налаживания постоянного контакта с сакральной сферой бытия. Символическим выражением этой идеи среди прочего являлось наличие образа дерева и его элементов в различных деталях шаманского облачения. В качестве сакрального образца дерево выступало материалом для изготовления важнейших шаманских атрибутов. И наконец, рассмотрение деревьев как мест обитания духов и как олицетворения верховных богов еще раз подтверждает важнейшие сакральные функции деревьев в традиционной системе мировоззрения.

Таким образом, образ дерева в традиционной системе мировоззрения народов Сибири раскрывается в трех основных смысловых сегментах, тесно связанных друг с другом: 1) Мировое дерево как основной структурообразующий элемент космической модели, формирующий ее пространственно-временные характеристики; 2) дерево жизни, воплощающее концепцию мироздания как животворного начала и определяющее процессы жизни и смерти человека; 3) шаманское дерево как центральный символ шаманской идеологии, раскрывающий идеи шаманского дара, шаманского посвящения и шаманского пути. Кроме того, смысловое раскрытие этого важнейшего культурного символа можно проследить на трех основных уровнях бытия: космос – общество – человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Топоров В.Н. К вопросу об универсальных знаковых комплексах / В.Н. Топоров. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010 (а). Т. 1. С. 11–24.
2. Топоров В.Н. Мировое дерево: универсальный образ мифологического сознания // В.Н. Топоров. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М., 2010 (б). Т. 1. С. 263–289.
3. Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (XIX – нач. XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 200 с.
4. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
5. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
6. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
7. Дьяченко В.И. Представления долган о душе и смерти. Отчего умирают «настоящие люди» // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 108–133. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9
8. Мифология манси. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. 196 с.
9. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов: к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа / отв. ред. С.А. Токарев; АН СССР. ИЭ. М.: Наука, 1977. 246 с.
10. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 440 с.
11. Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.
12. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV: Материалы этнографические. СПб., 1883. 1026 с.
13. Кулемзин В.М., Лукина Н.В., Молданов Т.А., Молданова Т.А. Мифология хантов / науч. ред. В.В. Напольских. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 310 с.
14. Алексеев Е.А. Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007 (а). С. 30–50. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9
15. Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70.
16. Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
17. Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1914. Т. II.2. 90 с.
18. Ксенофонтов Г.В. Хрестес. Шаманство и христианство (факты и выводы). Иркутск, 1929. 143 с.
19. Павлинская Л.Р. Мифы народов Сибири о «происхождении» смерти // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 8–29. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9
20. Радлов В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб., 1907. 658 с.
21. Кулаковский А.Е. Материалы для изучения верований якутов. Записки Якутского Краевого Географического общества. Якутск: Типография Н.К.П., 1923. 107 с.
22. Радлов В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
23. Ксенофонтов Г.В. Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1926–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с. URL: <http://vk.com/gvksenofontov>
24. Василевич Г.М. Архив СМАЭ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37.
25. Мифы и легенды Севера. М.: Современник, 1985. 400 с.
26. Попов А.А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л.: Наука, 1984. 152 с.

27. Hermanns M. Schamanen, Pseudoschamanen, Erlöser und Heilbringer: Eine vergleichende Studie religiöser Urphänomene. 3 vol. Franz Steiner Verlag, Wiesbaden, 1970. Vol. 1 : Schamanen. 705 s.
28. Мифология селькупов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. 382 с.
29. Прокофьева Е.Д. Представления селькупских шаманов о мире // СМАЭ. Л., 1961. Т. XX. С. 54–74.
30. Каруновская Л.Э. Представления алтайцев о вселенной (материалы к алтайскому шаманству) // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 160–183.
31. Попов А.А. Архив СМАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Д. 85.
32. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. 254 с.
33. Яковлев В.Ф. Якутские коновязи // Язык – миф – культура народов Сибири. Якутск, 1988. С. 161–167.
34. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск : Наука, 1988. 225 с.
35. Анохин А.В. Архив СМАЭ. Ф. 11. Оп. 11. Д. 23.
36. Алексеев Е.А. Речной компонент в культуре народов Енисейского бассейна // Реки и народы Сибири : сб. науч. ст. СПб. : Наука, 2007(6). С. 55–86.
37. Львова Э.Л., Усманова М.С. Представления о мировом дереве в традиционной обрядности Саяно-Алтая // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири. Омск : ОмГУ, 1979. С. 178–181.
38. Ксенофонов Г.В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. М. : Безбожник, 1930. 123 с.
39. Дыренкова Н.П. Атрибуты шаманов у тюрко-монгольских народов Сибири // Дыренкова Н.П. Тюрки Саяно-Алтая: статьи и этнографические материалы. СПб. : Наука, 2012. С. 278–339.
40. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – нач. XX вв. Новосибирск : Наука, 1975. 199 с.
41. Кулемзин В.М. Шаманство васюганов-ваховских хантов (к. XIX – н. XX вв.) // Из истории шаманства. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 3–155.
42. Будегечи Т. Мировоззренческие основы тувинского шаманства // Шаманы. Кызыл, 1993. С. 1–10.
43. Грачева Г.Н. Шаманы нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л. : Наука, 1981. С. 69–89.
44. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. М. : Наука, 1974. 402 с.
45. Попов А.А. Получение «шаманского дара» у Вилюйских якутов // Труды института этнографии им. Миклухо-Маклая. Москва ; Ленинград, 1947. Т. 2. С. 282–293.
46. Трошанский В. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань : Типо-литография Императорского ун-та, 1902. 204 с.
47. Дыренкова Н.П. Архив СМАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 206.
48. Анохин А.В. Архив СМАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 169.
49. Йохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1 : Образцы народной словесности юкагиров. СПб., 1900. 240 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2015 г.

ON THE POLYSEMANTICISM OF THE IMAGE OF A TREE IN THE SIBERIAN SHAMANISM WORLDVIEW

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 88–98. DOI: 10.17223/15617793/402/13

Nam Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: n.elvad@yandex.ru

Keywords: life; death; shamanic tree; shamanic way; symbolism.

The article foregrounds the symbolic concept of culture with regard to the traditional worldview of Siberia's peoples, particularly, to shamanic views. The main research focus is on the multiplicity of meanings put into the image of a tree which allows to consider it as a universal symbolic code that includes basic cultural meanings and mechanisms of their formation. The original idea of the identity of man and tree has several lines of development: 1) the emergence of the first man out of a tree; 2) his potential immortality associated with a tree and destroyed as a result of a fatal mistake; 3) the staying of souls of future people, prior to their birth, on trees; 4) the possibility of conceiving, giving birth and nurturing of a newly born with the help of a tree; 5) the return of man to a tree after death; 6) the existence of family trees associated with the life of members of a certain family. The immediate unity of man and tree, which guarantees immortality and absolute vitality, acts as a pattern of the sacred. Man's birth and his earthly life are seen as one or another degree of lowering the sacredness (the fall of souls of future children from celestial trees onto the ground), whereas man's death brings him back to the sacred pattern (burials on trees). The 'median' location of the World tree among other objects defined the concentric nature of the cultural values system formation – from the centre to the periphery, from sacred patterns to their profane embodiments. The stratification of the world, expressed in the vertical sprouting of a tree through its three main spheres is, possibly, a mythological interpretation of the idea of coexistence of various kinds of vitality (primarily, natural and cultural). Moreover, through the image of a tree a major function of culture was realized: the establishment of both spatial and time-related boundaries (between the real and the otherworldly, between night and day, between the live and the dead, etc.). The greater closeness of a shaman to the sacred sphere than that of other members of the traditional society determined the special role of a tree in the shamanic system of views. It could play an important role in the process of shamanic initiation and embody the shamanic race as well as the shamanic way and its various directions. In essence, with the help of a tree the most important idea of the traditional worldview was expressed: the idea of the inseparable link between the world of people and that of spirits and of the possibility of establishing a constant contact with the sacred sphere of being. Thus, the image of a tree in the traditional worldview of Siberia's peoples is disclosed in the three main closely connected segments of meaning: 1) the World tree as the primary structure forming element of the cosmic model which forms its space and time characteristics; 2) the tree of life which embodies the concept of the universe as a life-giving and man's life and death defining source; 3) the shamanic tree as a central symbol of the shamanic ideology disclosing ideas of the shamanic gift, initiation and the shamanic way. Besides, the meaningful disclosure of this significant cultural symbol can be traced at the three main levels of being: cosmos–society–man.

REFERENCES

1. Toporov, V.N. (2010a) K voprosu ob universal'nykh znakovykh kompleksakh [On the issue of universal iconic complexes]. In: Toporov, V.N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [World Tree: The universal symbolic systems]. V. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.

2. Toporov, V.N. (2010b) Mirovoe derevo: universal'nyy obraz mifologicheskogo soznaniya [World Tree: the universal image of the mythological consciousness]. In: Toporov, V.N. *Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы* [World Tree: The universal symbolic systems]. V. 1. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi.
3. Mazin, A.I. (1984) *Traditsionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (XIX – nach. XX v.)* [Traditional beliefs and practices of the Evenki-orochon people (19th – beg. 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
4. Smolyak, A.V. (1991) *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (Narody Nizhnego Amura)* [Smolyak Shaman: personality, functions, worldview (peoples of the Lower Amur)]. Moscow: Nauka.
5. Potapov, L.P. (1991) *Altayskiy shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka.
6. Manzhigeev, I.A. (1978) *Buryatskie shamanisticheskie i doshamanisticheskie terminy* [Buryat shamanic and pre-shamanic terms]. Moscow: Nauka.
7. D'yachenko, V.I. et al. (2007) Predstavleniya dolgan o dushe i smerti. Otchego umirayut "nastoyashchie lyudi" [Views of the Dolgan on the soul and death. Why "real people" die]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Mifologiya smerti. Struktura, funktsii i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri. Etnograficheskie ocherki* [Mythology of death. The structure, function and semantics of the funeral rites of the peoples of Siberia. Ethnographic essays]. St. Petersburg: Nauka. [Online]. Available from: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/.
8. Gemuev, I.N. et al. (2001) *Mifologiya mansi* [Mythology of the Mansi]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS.
9. Gurvich, I.S. (1977) *Kul'tura severnykh yakutov-olenevodov: k voprosu o pozdnykh etapakh formirovaniya yakutskogo naroda* [Culture of northern Yakut herders: the question of the later formation stages of the Yakut people]. Moscow: Nauka.
10. Khudyakov, I.A. (1969) *Kratkoe opisaniye Verkhoyanskogo okruga* [Brief description of Verkhoyansk District]. Leningrad: Nauka.
11. Sagalaev, A.M. (1991) *Uralo-altayskaya mifologiya: Simvol i arkhetyp* [Ural-Altaic mythology: symbol and archetype]. Novosibirsk: Nauka.
12. Potanin, G.N. (1883) *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays of the North-western Mongolia]. V. 4. St. Petersburg: Tipografiya V. Kirshbauma.
13. Kulemzin, V.M. et al. (2000) *Mifologiya khantov* [The Khanty Mythology]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Alekseenko, E.A. (2007a) Zhizn' i smert' v predstavleniyakh narodov basseyna Eniseya [Life and death in the views of the peoples of the Yenisei River basin]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Mifologiya smerti. Struktura, funktsii i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri. Etnograficheskie ocherki* [Mythology of death. The structure, function and semantics of the funeral rites of the peoples of Siberia. Ethnographic essays]. St. Petersburg: Nauka. [Online]. Available from: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/.
15. Pelikh, G.I. (1980) Materialy po sel'kupskomu shamanstvu [Materials on the Selkup shamanism]. In: Pelikh, G.I. & Toshchakova, E.M. (eds) *Etnografiya Severnoy Azii* [Ethnography of Northern Asia]. Novosibirsk: Nauka.
16. Vasilevich G.M. (1969) *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nach. XX vv.)* [The Evenks. Historical and ethnographic essays (18th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
17. Anuchin, V.I. (1914) Ocherk shamanstva u eniseyskikh ostyakov [Essay on shamanism and the Yenisei Ostyaks]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii pri Imperatorskoy akademii nauk*. II.2.
18. Ksenofontov, G.V. (1929) *Khrestes. Shamanstvo i khristianstvo (fakty i vyvody)* [Khrestes. Shamanism and Christianity (findings and conclusions)]. Irkutsk: Vlast' truda.
19. Pavlinskaya, L.R. (2007) Mify narodov Sibiri o "proiskhozhdenii" smerti [Myths of the peoples of Siberia on the "origin" of death]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Mifologiya smerti. Struktura, funktsii i semantika pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri. Etnograficheskie ocherki* [Mythology of death. The structure, function and semantics of the funeral rites of the peoples of Siberia. Ethnographic essays]. St. Petersburg: Nauka. [Online]. Available from: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/.
20. Radlov, V. (1907) *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen* [Samples of folk literature of Turkic tribes]. V. IX. St. Petersburg.
21. Kulakovskiy, A.E. (1923) *Materialy dlya izucheniya verovaniy yakutov. Zapiski Yakutskogo Kraevogo Geograficheskogo obshchestva* [Materials for the study of beliefs of the Yakuts. Notes of the Yakut Provincial Geographical Society]. Yakutsk: Tipografiya N.K.P.
22. Radlov, V. (1989) *Iz Sibiri: stranitsy dnevnika* [From Siberia: diary pages]. Moscow: Nauka.
23. Ksenofontov, G.V. (1992) *Shamanizm. Izbrannye trudy (Publikatsii 1926–1929 gg.)* [Shamanism. Selected Works (1926–1929 publications)]. Yakutsk. [Online]. Available from: <http://vk.com/gvksenofontov>
24. Vasilevich, G.M. Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences. Fund 22. List 1. File 37. (In Russian).
25. Sangi, V.M. (1985) *Mify i legendy Severa* [Myths and Legends of the North]. Moscow: Sovremennik.
26. Popov, A.A. (1984) *Nganasany. Sotsial'noe ustroystvo i verovaniya* [Nganasans. Social structure and beliefs]. Leningrad: Nauka.
27. Hermanns, M. (1970) *Schamanen, Pseudoschamanen, Erlöser und Heilbringer: Eine vergleichende Studie religiöser Urphänomene. 3 vol.* [Shamans, pseudo shamans, redeemer and savior: A comparative study of religious archetypal phenomena. 3 v.]. V. 1. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag.
28. Napol'skikh, V.V. (ed.) (2004) *Mifologiya sel'kupov* [Mythology of the Selkups]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Prokof'eva, E.D. (1961) Predstavleniya sel'kupskikh shamanov o mire [Views of the world of Selkup shamans]. *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii pri Imperatorskoy akademii nauk*. XX. pp. 54–74.
30. Karunovskaya, L.E. (1935) Predstavleniya altaytsev o vseleynoy (Materialy k altayskomu shamanstvu) [Representations of the Altai people of the universe (Materials on the Altai shamanism)]. *Sovetskaya etnografiya*. 4–5. pp. 160–183.
31. Popov, A.A. Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences. Fund 14. List 1. File 85. (In Russian).
32. Butanaev, V.Ya. (2006) *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional Khongor shamanism]. Abakan: Khakas State University.
33. Yakovlev, V.F. (1988) Yakutskie konovyazi [Yakut hitching posts]. In: Antonov, N.K. (ed.) *Yazyk – mif – kul'tura narodov Sibiri* [Language–myth–culture of the peoples of Siberia]. Yakutsk: Yakutsk State University.
34. L'vova, E.L. et al. (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [The traditional worldview of the Turks of southern Siberia. Space and time. Corporeal world]. Novosibirsk: Nauka.
35. Anokhin, A.V. Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences. Fund 11. List 11. File 23. (In Russian).
36. Alekseenko, E.A. (2007b) Rechnoy komponent v kul'ture narodov Eniseyskogo basseyna [River component in the culture of the peoples of the Yenisei River basin]. In: Pavlinskaya, L.R. (ed.) *Reki i narody Sibiri* [Rivers and peoples of Siberia]. St. Petersburg: Nauka.
37. L'vova, E.L. & Usmanova, M.S. (1979) [Usmanov MS Views on the world tree in the traditional rites of the Sayan-Altai]. *Etnogenez i etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnykh narodov Sibiri* [Ethnogenesis and ethnic history of the Turkic peoples of Siberia]. Omsk: Omsk State University. pp. 178–181. (In Russian).
38. Ksenofontov, G.V. (1930) *Legendy i rasskazy o shamanakh u yakutov, buryat i tungusov* [Legends and stories about shamans of the Yakuts, Buryats and Tungus]. Moscow: Bezbozhnik.
39. Dyrenkova, N.P. (2012) Atributy shamanov u turetsko-mongol'skikh narodov Sibiri [The attributes of shamans from the Turkish-Mongolian peoples of Siberia]. In: Dyrenkova, N.P. *Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of the Sayan-Altai. Articles and ethnographic materials]. St. Petersburg: Nauka.
40. Alekseev, N.A. (1975) *Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nach. XX vv.* [Traditional religious beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Nauka.

41. Kulemzin, V.M. (1976) Shamanstvo vasyugano-vakhovskikh khantov (k. XIX – n. XX vv.) [Shamanism of the Vasyugan-Vakhovo Khanty (late 19th – early 20th centuries)]. In: Lukina, N.V. *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism]. Tomsk: Tomsk State University.
42. Budegechi, T. (1993) Mirovozzrencheskie osnovy tuvinskogo shamanstva [Ideological foundations of Tuvan shamanism]. In: Budegechi, T. (ed.) *Shamany* [Shamans]. Kyzyl: Tuv. gumanit. tsentr. KGPI.
43. Gracheva, G.N. (1981) Shamany nganasan [Nganasan Shamans]. In: Vdovin, I.S. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam vtoroy poloviny XIX – nachala XX v.)* [Problems of the history of social consciousness of Siberian Aborigines (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka.
44. Ergis, G.U. (1974) *Ocherki po yakutskomu fol'kloru* [Essays on the Yakut folklore]. Moscow: Nauka.
45. Popov, A.A. (1947) Poluchenie “shamanskogo dara” u Vilyuyskikh yakutov [Getting a “shamanic gift” from Vilyuy Yakuts]. *Trudy instituta etnografii im. Miklukho-Maklaya*. 2. pp. 282–293.
46. Troshchanskiy, V. (1902) *Evolutsiya chernoy very (shamanstva) u yakutov* [Evolution of the black faith (shamanism) of Yakuts]. Kazan: Tipolitografiya Imperatorskogo un-ta.
47. Dyrenkova, N.P. Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences. Fund 3. List 1. File 206. (In Russian).
48. Anokhin, A.V. Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography at the Imperial Academy of Sciences. Fund 11. List 1. File 169. (In Russian).
49. Yokhel'son, V.I. (1900) *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials for the study of the Yukaghir language and folklore collected in Kolyma district]. Pt. 1. St. Petersburg.

Received: 30 September 2015

АРГУМЕНТАЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПРИАМУРЬЯ И ПРИМОРЬЯ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИХ МЕТОДИК

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (проект №13-06-12027-офи_м).

Акцентируется внимание на оценке возможностей и результативности трех палеоботанических подходов (карпологического, пыльцевого и фитолитного анализов) в поиске аргументов древнего просяного земледелия в культурных слоях археологических памятников Приамурья и Приморья. Карпологический метод оказался наиболее эффективным. Палинологический анализ продемонстрировал возможность идентификации пыльцы итальянского проса. Анализ фитолитов показал присутствие среди фитолитов неидентифицируемых биоморф культурных растений.

Ключевые слова: древнее земледелие; Приамурье; Приморье; карпоиды; пыльца; фитолиты; просо.

Исходной в изучении появления и распространения земледелия в Восточной Азии является территория Китая, где оно возникло в северокитайском (долина среднего течения р. Хуанхэ) и южнокитайском (долина среднего и нижнего течения р. Янцзы) суб-центрах и базировалось на доместикации разных культурных растений (просо и рис) [1–5]. Предполагается, что распространение земледелия происходило медленно либо с миграцией населения, практикующего его, либо в результате принятия неземледельческим населением самой идеи и технологии земледелия в условиях достаточно продолжительных межкультурных контактов с носителями земледельческих знаний [6]. Земледелие на основе возделывания проса, возникнув в долине р. Хуанхэ ранее 9 тыс. кал. л.н. [4], медленно эволюционировало, превращаясь в основу палеоэкономик неолитического населения, и в качестве одного, хоть и неосновного, компонента систем жизнеобеспечения распространялось в периферийные области, в том числе в северо-восточном направлении – северо-восток Китая, Корейский полуостров, Дальний Восток России, Япония [7]. Как результат этого движения на юге российского Дальнего Востока, в Приморье земледелие появилось лишь в позднем неолите (5 600–5 450 кал. л.н.) [8, 9]. Предполагается, что время появления земледельческих навыков в Приамурье также может приходиться на поздний неолит, но убедительные данные этого пока отсутствуют. К сожалению, одна из причин этого пробела в знаниях – отсутствие обязательной исследовательской процедуры по поиску растительных макроостатков на археологических памятниках в России. В то же время реконструкция природной среды и особенностей условий обитания на археологических памятниках с применением палинологического и фитолитного методов постепенно входят в состав отечественных археологических исследований [10–16].

В связи с этим в задачи исследования входила разработка методик поиска прямых свидетельств земледелия на археологических памятниках путем сопоставления идентификационных возможностей трех методов – карпологического, пыльцевого и фитолитного при исследовании культурных слоев археологических памятников российского Дальнего Востока. Мы ожидали, что сопряженное использование разных методик по выявлению следов культурных растений

на археологических памятниках оценит их результативность и согласованность выводов. В свою очередь, это позволит минимизировать дальнейшие усилия в выявлении земледелия на Дальнем Востоке.

Параллельно решалась задача поиска идентифицируемых микро- и макроостатков культурных растений (пыльцы, фитолитов и семян), свидетельствующих о существовании более раннего земледелия в Приморье и подтверждающих присутствие земледелия в позднем неолите Западного Приамурья.

Материалом для исследования послужили культурные отложения трех археологических памятников юга Дальнего Востока России – неолитического и средневекового поселений на Осиновом Озере и многослойной стоянки Рисовая-4 (рис. 1).

Рис. 1. Местоположение археологических памятников

Неолитическое поселение Осиновое Озеро расположено в долине р. Амур, в Константиновском районе Амурской области, на северо-восточном берегу одноименного озера. Результаты его стационарных раскопок 1962 и 1965 гг. послужили основой для выделения в позднем неолите Западного Приамурья осинозерской культуры, чье оседлое население было ориентировано на охоту и эксплуатацию речных ресурсов. Имеются данные о возможном существовании у ее носителей земледелия, однако убедительные доказательства этого отсутствуют [17. С. 193; 18. С. 111, 114, 117]. Время существования культуры оценивает-

ся в пределах 5 290–3 410 л.н. [19. С. 107]. Кроме неолитических материалов на эпонимном памятнике присутствуют артефакты и объекты мохэской археологической культуры раннего средневековья [20]. С 2012 г. на памятнике возобновлены археологические исследования. В 2013 г. при зачистке стенки в северо-западном углу раскопа 1965 г. выявлен четкий вертикальный контур ямы высотой до 0,88 м, заполненной серо-коричневой супесью и перекрытой сверху серыми суглинками. В ее заполнении найден небольшой отщеп халцедона – типичного сырья для изготовления орудий у носителей осиноозерской археологической культуры. Однако отсутствие других артефактов в стратиграфической зачистке не позволяет убедительно связать обнаруженный объект с осиноозерской археологической культурой; вполне возможно, неолитический культурный слой был поврежден более поздней ямой мохэской культуры.

Из нижней части заполнения ямы на глубине 1,06–0,91 м были отобраны три пробы грунта для палинологического и фитолиитного анализов. Из средней (0,40–0,50 м) и нижней (1,05–1,20 м) частей профиля для водной флотации отобраны две пробы грунта объемом 10 и 20 литров.

Средневековое поселение на Осиневом Озере находится на берегу того же озера, в 1 км к северо-западу от неолитического поселения. Внешне памятник проявляется 21 чашевидной западиной, одна из которых раскопана в 2009 г. Археологический материал свидетельствует о принадлежности поселения к троичской группе мохэской культуры и датирует его существование VIII–X вв. [21. С. 364].

Археологические памятники мохэской культуры Приморья и Приамурья представлены поселениями, известны могильники и городища. Система жизнеобеспечения мохэ включала земледелие, скотоводство, охоту на наземных животных, собирательство дикорастущих растений, а для отдельных районов – использование водных ресурсов (рыболовство). Находок остатков культурных растений, подтверждающих существование земледелия у мохэсцев, немного. Согласно им, основными сельскохозяйственными культурами у мохэсцев южной части Приморья могло быть просо итальянское (*Setaria italica*), просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*) и голозерный ячмень (*Hordeum vulgare* var. *nudum*) [22].

В 2013 г. на средневековом поселении на Осиневом Озере из стенки раскопа 2009 г. (кв. А-4) мощностью 1,05 м через 5 см отобрана полная колонка образцов для палинологического и фитолиитного анализов. В ее стратиграфии наблюдалось горизонтальное залегание слоев без каких-либо нарушений. На глубине 0,69 м зафиксировано скопление фрагментов керамики от одного сосуда. Судя по его морфологическим признакам, он может быть соотнесен с мохэской археологической культурой. На этом уровне была отобрана проба грунта объемом 10 л для водной флотации.

Многослойная стоянка Рисовая-4 занимает уплощенную вершину небольшого холма на левом берегу р. Тихая в Анучинском районе Приморского края. В 2013 и 2014 гг. на памятнике исследовались остатки

котлована углубленного жилища руднинской культуры среднего неолита (7 500–6 000 л.н.), сезонного жилища приханкайского локально-хронологического варианта зайсановской культурной традиции позднего неолита (3 800–3 300 л.н.), а также отложения бронзового века (3 200–2 700 л.н.) и раннего средневековья (6–8 вв.), в которых не выделены остатки конструкций [23. С. 209]. Недостаток места вынуждал обитателей селиться на единственном подходящем для этого участке, поэтому последующие обитатели разрушали отложения предшественников. Как результат на памятнике отсутствуют четкие стратиграфические условия залегания культурных отложений. Образцы грунта для палинологического и фитолиитного анализов отобраны на памятнике в 2013 и 2014 гг. вертикальной колонкой (через 10 см, шесть проб) и площадным способом из-под артефактов на дне жилища (три пробы). Колонка включала заполнение котлована руднинской культуры (кв. А-4), представленное бурокоричневой супесью мощностью до 40 см, и вышележащие отложения. Две пробы грунта взяты под скоплением керамики руднинской археологической культуры среднего неолита на бортике котлована жилища (кв. Г-7 и кв. Г-8), еще одна – из-под камня (кв. Г-6) в заполнении котлована, на уровне, который соотносится с горизонтом обитания поздненеолитического населения.

Образцы грунта для водной флотации отбирались на участках слоя с развалами сосудов и скоплениями артефактов установленной культурной принадлежности по всей площади раскопа 2014 г. В общей сложности на памятнике профлотировано более 600 л грунта из горизонтов обитания среднего и позднего неолита, бронзового века и средневековья.

Для извлечения карбонизированных семян и плодов растений (карпоидов) из культурных отложений археологических памятников мы применяли общепринятую методику водной флотации [24–26], для которой использовали сито с размером ячеек 0,5 мм. Идентификация карпоидов осуществлялась на основе анализа их морфологических признаков (карпологический метод) с применением стереоскопических микроскопов Leica-S6D и Zeiss-2000C при рабочем увеличении до ×40 и авторской коллекции эталонных образцов современных и древних семян и плодов.

Извлечение пыльцы и спор из грунта выполнено сепарационным методом Гричука [27] при использовании тяжелой жидкости ($CdJ\ 2 + KJ$), без ацетолита. Такой подход к пробоподготовке не разрушил фитолииты и позволил одновременно исследовать каждую пробу палинологическим и фитолиитным методами. Анализ состава спор и пыльцы выполнен на световых биологических микроскопах AxioImager A2 и AxioScope 40 при рабочем увеличении ×400. Особое внимание акцентировалось на пыльце злаков, которую затруднительно точно дифференцировать до рода или вида, кроме того, в ископаемом состоянии она часто смята или разорвана. Условная морфометрическая граница между средними значениями длины пыльцы диких и культивируемых злаков проведена на уровне 37 м [28. С. 76] и 38 м [29. С. 171]. Другим

важным показателем считается средний диаметр поры с валиком. При условии превышения этого параметра 10,53 м пыльцу идентифицируют как принадлежащую культивируемому злаку [30. С. 222]. Однако пыльца просяных культур в большинстве случаев не соответствует этим параметрам, поэтому редко диагностируется как принадлежащая культурным злакам. Размеры пылевых зерен *Panicum miliaceum* варьируют в пределах 35–47,3 м, а *Setaria italica* – 27,5–36,5 м [28. С. 78], т.е. значительно меньше пороговых значений. Тем не менее, согласно Н.-J.Beug [Там же. С. 81–86] пыльца группы *Panicum*-Туре может быть идентифицирована при увеличении $\times 1000$ с применением фазового контраста и масляной иммерсии, так как на поверхности экзины становятся видны очень специфичные группы из 5–6 точек (*Panicum miliaceum*) или крупные сгустки пятен (*Setaria italica*) (см. рис. 3, 1, 2). Нами анализировалась не только морфометрическая информация о пыльце злаков (замеры проведены в программе AxioVision Rel 4.6), под фазовым контрастом исследована поверхность пылевых зерен, размеры которых превышали 25 м (рис. 3, 3, 4).

При анализе фитолитов из культурных слоев акцентировалось внимание на наличии форм, имеющих контур клеток культурных злаков, оценивалась возможность соотнесения их с просяными культурами. За основу была взята собственная реферативная коллекция форм фитолитов [31]. Основная часть работы была проведена при помощи микроскопа Nikon ECLIPSE E200, рабочее увеличение $\times 400$. В ряде случаев для более детального изучения особенностей

морфологии фитолитов использовался электронный сканирующий микроскоп. Диагностика базировалась на их сравнении с эталонными кремнезёмными формами из соцветий или листьев культурных злаков, в том числе принадлежащих просу обыкновенному и просу итальянскому. Не выявлено надежных морфологических отличий фитолитов этих злаков, отчасти ввиду малочисленности выборки и редкой встречаемости четких специфических кремнезёмных форм клеток культурных злаков в образцах. Недавние морфометрические исследования фитолитов листьев этих злаков выявили показатели, позволяющие дифференцировать *Panicum miliaceum* и *Setaria italica* [32], в данной работе они не были применены, но дали нам направление для дальнейших поисков.

Обработка данных и построение спорово-пыльцевых и фитолитных диаграмм выполнены в программе TILIA и TILIA-Graph [33]. Получены следующие результаты.

Семена и плоды растений. Семена и плоды растений были обнаружены в отложениях всех трех памятников. В двух пробах из стратиграфической колонки неолитического поселения Осиновое Озеро зафиксировано 11 карпоидов. Работы с флотационными материалами с многослойного памятника Рисовая-4 продолжаются, но предварительные результаты убедительно демонстрируют присутствие в них значительного количества семян и плодов растений. Из пробы со средневекового поселения на Осиновом Озере выделено одно семя дикорастущего растения, которое не удалось идентифицировать.

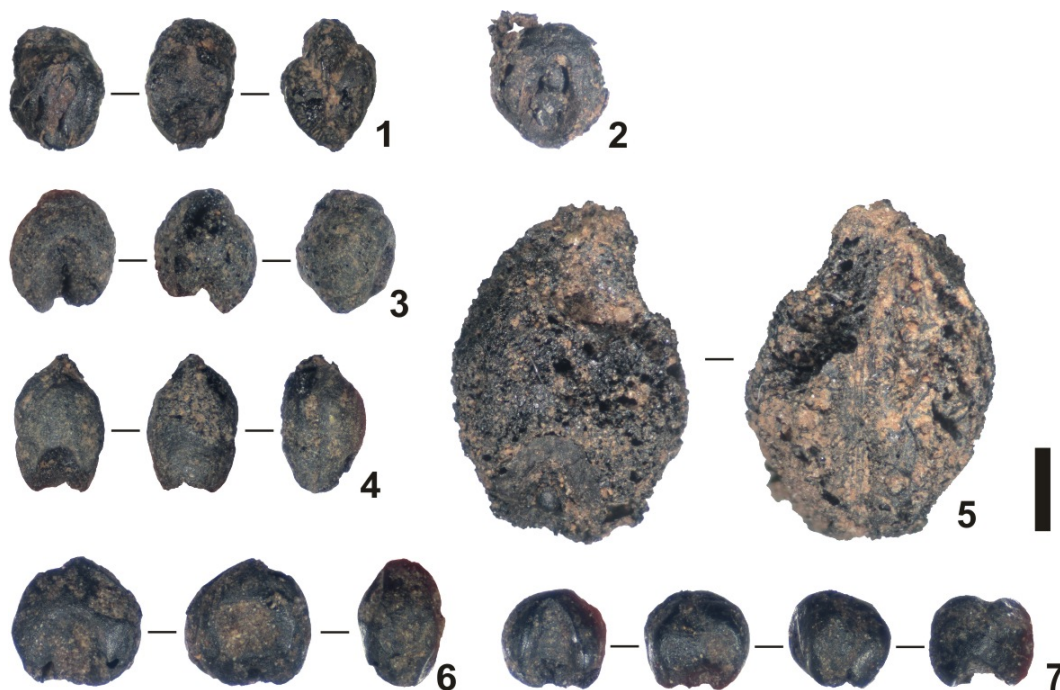

Рис. 2. Зерновки культурных растений с археологических памятников Приморья и Приамурья: 1–5 – с поселения Осиновое Озеро (ОсОзеро-1-2013, проба № 1); 6, 7 – с памятника Рисовая-4 (Рис-4-2014, проба № 23, кв. Б/7, 6 пл.). Размер масштабной линейки 1 мм. 1 – зерновка проса итальянского (*S. italica*).

Вид со спинки, брюшка и сбоку. 2 – зерновка проса итальянского (*S. italica*). Вид со спинки. 3 – зерновка проса итальянского (*S. italica*). Вид со спинки, брюшка и сбоку. 4 – зерновка проса обыкновенного (*P. miliaceum*). Вид со спинки, брюшка и сбоку. 5 – зерновка ячменя голозерного (*H. vulgare* var. *nudum*). Вид со спинки и брюшка. 6 – зерновка проса обыкновенного (*P. miliaceum*). Вид со спинки, брюшка, сбоку и со стороны верхушки. 7 – зерновка проса итальянского (*S. italica*). Вид со спинки, брюшка и сбоку.

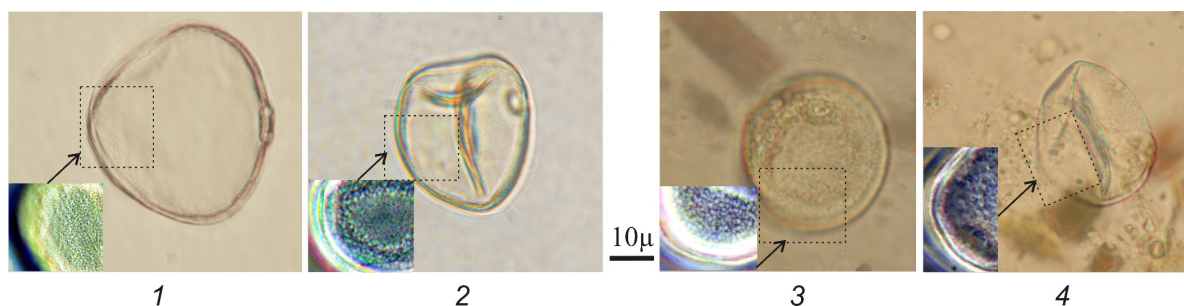

Рис. 3. Микрофотографии пыльцы злаков. Наиболее показателен для идентификации рисунок экзины в фазовом контрасте на участке пыльцы, с противоположной стороны от поры [28]: 1 – эталонная пыльца проса обыкновенного *Panicum miliaceum* и элемент поверхности в фазовом контрасте (рисунок образуют мелкие точки, объединяющиеся в удлиненные группы); 2 – эталонная пыльца проса итальянского *Setaria italica* и элемент поверхности в фазовом контрасте (рисунок образуют крупные близко расположенные сгустки); 3, 4 – пыльца, извлеченная из пробы под развалом керамики руднинской культуры, идентифицирована как *Setaria italica* по рисунку поверхности в фазовом контрасте

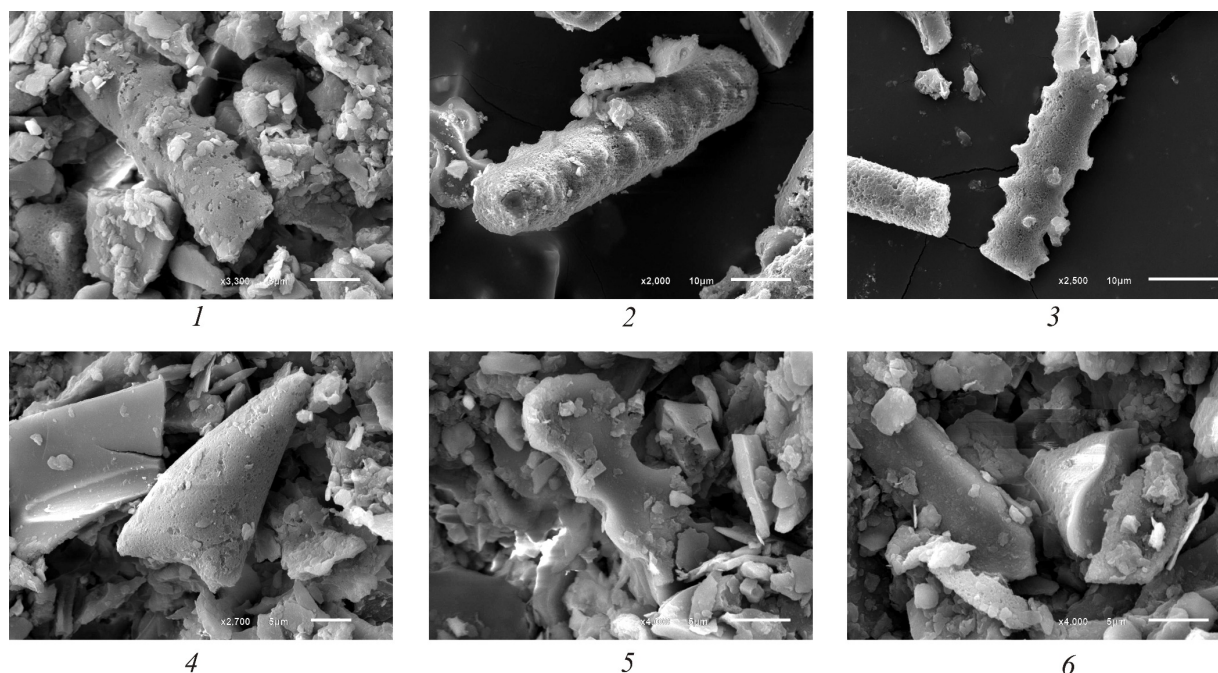

Рис. 4. Микрофотографии форм фитоцитов листьев злаков, встреченных в отложениях археологических памятников Приамурья. 1–3 – фитоциты культурных злаков (1, 2 – неявная, плохо диагностируемая форма); 4 – фитоцит лесного злака; 5 – фитоцит лугового злака; 6 – фитоцит степного и лугового злаков

Соотношение встречаемости маркеров земледелия в культурных слоях

Археологический памятник	Просо обыкновенное (<i>Panicum miliaceum</i>)	Просо итальянское (<i>Setaria italica</i>)	Ячмень (<i>Hordeum vulgare</i> var. <i>nudum</i>)	Пшеница (<i>Triticum aestivum</i>)	Неидентифицир. тип культурного злака (Cereal type)
Средневековое поселение на Осиновом Озере	– / – / ?	– / – / ?	– / – / –	– / – / –	– / ? / +
Осиновое Озеро, неолитическая стоянка	+ / – / –	+ / – / –	+ / – / –	? / – / –	+ / ? / +
Многослойное поселение Рисовая-4	+ / – / –	+ / + / –	– / – / –	– / – / –	– / – / +

Примечание. Карпоиды / пыльца / фитоциты.

Среди карпоидов с неолитического поселения Осиновое Озеро убедительно идентифицированы семена культурных растений (рис. 2, 1–5). Из восьми карпоидов в пробе № 1 семь принадлежат культурным видам: четыре зерновки проса итальянского (*Setaria italica*), по одной зерновке проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) и проса, идентифицированного как, возможно, просо обыкновенное (cf. *Panicum miliaceum*), зерновка голозерного ячменя (*Hordeum vulgare* var. *nudum*). В пробе № 1 обнаружено семя дикорастущего растения, видовая принадлежность

которого не установлена. В пробе № 2 зафиксировано три карпоида, два из них – семена культурных растений: просо итальянское и пшеница мягкая (?) или голозерный ячмень (*Triticum aestivum* (?)) / *Hordeum vulgare* var. *nudum*). В этой же пробе присутствует фрагмент скорлупы лещины (*Corylus* sp.). Таким образом, в двух пробах с неолитической стоянки Осиновое Озеро зафиксированы семена по меньшей мере трех видов культурных растений: два вида проса и голозерный ячмень. Кроме того, не исключается присутствие пшеницы.

Предварительный анализ карпологиического материала со стоянки Рисовая-4 свидетельствует о наличии в его отложениях семян культурного проса – обыкновенного и итальянского (рис. 2, 6, 7). Зерновки обоих видов обнаружены в единичных экземплярах во флотационных пробах из всех горизонтов обитания – в отложениях позднего неолита и бронзового века, а также впервые зафиксированы в отложениях средне-неолитического времени. Лабораторная обработка показала, что морфология и видовой состав семян культурного проса из разновременных отложений оказались идентичными. Высока вероятность того, что эти семена могли попасть в более ранние отложения памятника из его верхних слоев по корневым ходам и в результате жизнедеятельности роющих насекомых и животных. Без дополнительных исследований, в том числе прямого датирования этих семян, мы не можем быть уверенными в их средне-неолитическом возрасте.

Палинологические данные. Для объективной оценки состава палинологического спектра в каждой пробе подсчитывалось не менее 300 пыльцевых зерен, однако концентрация пыльцы в некоторых образцах была ниже этого порога (нижние пробы средневекового поселения на Осиновом Озере и две пробы поселения Рисовая-4).

Средневековое поселение на Осиновом Озере. Состав спорово-пыльцевых спектров колонки указывает на преобладание лесного типа растительности. В настоящее время для юга Зейско-Буреинской равнины характерны различной степени нарушенности неморальные дубово-березовые леса с участием других широколиственных пород и обширные пойменные луга. Но в палиноданных разреза чаще всего встречается пыльца древесных берез (*Betula sect. Albae*) и пыльца кустарниковых форм берез (*Betula sect. Nanae*). В очень небольших количествах присутствует пыльца лещины, липы, ольхи, сосны сибирской, единично – ильма, дуба и бересклета. В ландшафтах, окружающих поселение в раннем средневековье, сочетались березовые травяные и травяно-папоротниковые леса с участием ольхи и лещины и луга, в том числе переувлажненные, с осокой. Климатические условия в это время были прохладнее современных. В спектрах из культурного слоя (СПК II) как реакция на вырубки исчезает примесь широколиственных пород, общая доля и разнообразие пыльцы трав неуклонно снижается. Выше уровня культурного слоя, когда поселок был уже заброшен (СПК III) состав аккумулированной пыльцы указывает на восстановление локальной растительности после антропогенного прессинга (синхронный подъем кривых пыльцы маревых, злаков, крестоцветных, выюновых, цикориевых, астровых, одуванчика, лопуха, бодяка, появляется редкая примесь широколиственных. Подъем кривой полыней до 38% (СПК IV) в верхней части профиля однозначно маркирует расширение доли открытых остепненных участков.

В слое с углем и культурном слое (СПК I-II) выявлена локализация нескольких экземпляров пыльцы, морфологически и морфометрически близкой культурным формам злаков (*Cereal type*).

Средний размер этих пыльцевых зерен колебался от 31 до 38 м, что согласуется с размерами проса обыкновенного и итальянского. Однако дальнейшее исследование не подтвердило принадлежность ни одного из этих пыльцевых зерен просяным культурам. К сожалению, сохранность пыльцы злаковых крайне неудовлетворительная, и в некоторых случаях различить элементы структуры экзины под фазовым контрастом не удалось. Не обнаружено и пыльцы сеgetальных сорняков, сопровождающих посевы.

Неолитическое поселение Осиновое Озеро. Из трех образцов в нижней части заполнения ямы выделены очень сходные по составу спектры с доминированием пыльцы березы, около 45% которой было отнесено к кустарниковой форме (*Betula sect. Nanae*), в меньшем количестве идентифицирована пыльца древовидной березы, редко отмечен вяз, бересклет и лещина, единично – душекия и ясень. В составе пыльцы трав и кустарничков нижних проб доминирует пыльца полыни, широко представлено разнотравье, особенно много пыльцы одуванчика, в значительном количестве содержится пыльца осок, норичниковых, лапчатки и лютиковых. В образцах содержалось около 3% пыльцы злаков, морфологически близких культурным формам, однако, так же как и в слоях средневекового поселения Осиновое Озеро, эта пыльца не была идентифицирована как принадлежащая просяным культурам (*Panicum miliaceum* или *Setaria italica*), а ее размеры не соответствовали параметрам пыльцы других культурных злаков. Причина отрицательного результата в данном случае – очень плохая сохранность пыльцы в целом и избирательная сохранность пыльцы с наиболее тонкой оболочкой, в том числе злаков. Пыльцы сорняков, однозначно связанных с земледелием, в пробах не встречено. Однако выделяется группа рудеральных сорняков – лопух, лапчатка, щавель, одуванчик, отчасти сюда можно отнести и полынь.

Во время накопления отложений в окружении памятника были распространены березовые леса с подлеском из лещины и папоротников, с обилием кустарниковых берез и незначительной примесью широколиственных. Общий состав спектров и процентное соотношение таксонов очень близки таковым из СПК III средневекового поселения на Осиновом Озере (доминирование кустарниковой березы, редкая примесь вяза и ольхи, много сорняков). Поэтому исследованные отложения относятся не к неолиту, а, скорее всего, связаны со средневековым этапом заселения памятника.

Многослойное поселение Рисовая-4. Отмечена низкая концентрация палиноморф в верхней части профиля, общая сохранность пыльцы в отложениях этого памятника крайне неудовлетворительная.

Во время обитания поселение Рисовая-4 было окружено ландшафтами с березовыми лесами с редкой примесью лещины, ели и широколиственных, но при обилии кустарниковых форм березы. Повышенные показатели пыльцы частухи, василистника и спор папоротников могут быть связаны с переувлажненными лугами и указывают на хорошие условия увлажнения рядом с памятником.

В пробах вертикальной колонки встречено всего два пыльцевых зерна, соответствующих параметрам

культурных злаков группы *Panicum*-Type. Не подтверждена принадлежность к просяным культурам пыльцы, обнаруженной в нижней части культурного слоя. Однако структура рисунка эскизы пыльцы из поверхностной пробы близко соответствует *Panicum miliaceum*. Тем не менее единичное обнаружение не позволяет считать эти данные надежными. Пыльцы сорняков, надежно связанных с земледелием, нет, за исключением пыльцы полыни; доля сорняков рудеральной или пасквальной групп незначительна по всему профилю.

Пробы грунта, отобранные под фрагментами керамики и камнем на дне неолитического жилища, содержат количество пыльцы ниже статистической достоверной нормы, большая часть пылевых зерен сильно минерализована, пробы замусорены углем. Доминирует пыльца березы (*Betula sect. Albae*), в меньшем количестве встречена пыльца лещины, единично дуба, вяза, ореха и сосновых (*Pinus* sp.), в составе трав чаще всего встречается пыльца полыни, единично розоцветных, злаковых, лютиковых и маревых. Пробы из-под артефактов содержали в основном единичную пыльцу дикорастущих злаков, только четыре пылевых зерна по морфометрическим показателям близки культурным формам. Дальнейшее исследование установило, что два пылевых зерна в пробе из-под развала керамики рудинской культуры (кв. Г-7) с большой долей вероятности принадлежат просу итальянскому (*Setaria italica*) (рис. 3, 3–4). Они характеризуются размерами 34 и 37 м и специфичной крупнопятнистой структурой поверхности в фазовом контрасте.

Фитолиты. Из отложений средневекового и неолитического поселений на Осиновом Озере выделен разнообразный фитолитный комплекс хорошей сохранности с числом биоморф от 200 до 700 экземпляров. Концентрация фитолитов в отложениях поселения Рисовая-4 существенно ниже и не превышала 5–19 экземпляров в пробе.

Средневековое поселение на Осиновом Озере. Низкая общая концентрация фитолитов отмечена лишь внизу колонки и в слое дерна. Учитывая постепенный характер уменьшения количества фитолитов в верхних двух образцах, это может быть объяснено вытоптанностью, эродированностью поверхности почвы. В средней части, приуроченной к культурному слою, фитолитов очень много, они разнообразного состава, что характерно для участков, на которые люди приносят растения для различных нужд. Интересно, что только в толще культурного слоя есть спикеры губок практически в каждом образце. Возможно, этот участок регулярно заливался проточными водами в половодье, но более вероятно, что эти частицы попали сюда в виде пылевой примеси вместе с гидрофильными растениями (камыш, тростник), используемыми в хозяйстве. В целом преобладают фитолиты луговых злаков (рис. 4, 5) и двудольных трав при участии форм, принадлежащих лесным злакам (рис. 4, 4) и хвойным. Фитолиты, формирующиеся в степных формах злаков (рис. 4, 6), чаще всего встречаются в нижней части культурного слоя и в дерне, что, возможно, указывает на антропогенные нарушения локальных растительных сообществ.

Фитолиты культурных растений встречаются редко, они распылены в общей толще культурного слоя. Вероятнее всего, эти частицы можно охарактеризовать скорее как случайную примесь, чем результат конкретной хозяйственной деятельности на данном участке поселения. Большая часть этих частиц имеет слабо выраженные признаки, самый общий контур культурных злаков (рис. 4, 3), отнести их конкретно к просу невозможно. Только при исследовании пробы под развалом сосуда мохэской культуры подтверждено присутствие фитолитов просяных культур. Однако конкретизировать вид проса фитолитный анализ не позволяет.

Неолитическое поселение Осиновое Озеро. В трех образцах и рецентной пробе содержится много фитолитов, но при этом их состав практически однороден. Это может говорить об однотипности формирования культурных отложений на дне ямы. Учитывая частую встречаемость спикер губок в образцах, есть вероятность, что основная масса фитолитов привнесена водой и имеет локальный характер. Рецентная проба содержит совсем иной упрощенный фитолитный комплекс, что типично для естественных, природных ценозов. Состав фитолитов соответствует редколесью с хорошо развитым травянистым покровом.

Исследование заполнения ямы выявило значительное количество и разнообразный морфологический облик фитолитов культурных злаков. При этом четкие специфические формы большинства из них выражены слабо и могут быть охарактеризованы как промежуточные между культурными и дикими растениями (рис. 4, 1–2). Только присутствие одновременно маркеров сорной флоры (крапива, конопля или хмель) позволяет отнести их к культурным формам.

Многослойная стоянка Рисовая-4. Распределение фитолитов до глубины 0,2 м ровное, но анализ состава и концентрации фитолитов указывает на наличие уровня древней погребенной почвы на глубине 0,3–0,4 м. Погребенная почва имеет типичный характер распределения фитолитов – их убывание с глубиной при максимуме на поверхности. Состав форм преимущественно лугово-лесной. Присутствие фитолитов тростника, скорее всего, связано с его использованием в хозяйственных целях, например в качестве циновок или перекрытий.

Фитолиты, идентичные культурным злакам, многочисленны и обнаружены только в одной пробе из культурного слоя, в других слоях не встречались, что позволяет высказать предположение об их случайном привносе в толщу. Не подтверждена их принадлежность просяным культурам. Малое количество фитолитов в пробах с поселения Рисовая-4 связано с тем, что люди использовали растения или их части, которые не формируют фитолиты, или занимались обработкой растительного сырья за пределами участка пробоотбора.

Таким образом, по данным фитолитного анализа на исследованных археологических памятниках выявлены формы, сходные с таковыми у культурных злаков. Однако редкая встречаемость и общий морфологический облик выявленных форм не позволяют сделать уверенный вывод о культивировании культурных злаков, в частности просяных культур.

Карпологиические исследования, проведенные на трех памятниках, продемонстрировали присутствие семян культурных растений в отложениях двух из них — Осиновое Озеро (неолитическое поселение) и Рисовая-4.

Пыльцевой анализ выявил только одну пробу с пылью культурных злаков на стоянке Рисовая-4. Анализ фитолитов выявил редкие формы, морфологически идентичные фитолитам культурных злаков, в отложениях всех трех памятников, однако не позволил конкретизировать вид растения (см. таблицу).

Нам не удалось найти остатков культурных растений в единственной флотационной пробе со *средневекового поселения на Осиневом Озере*, однако это не должно расцениваться как свидетельство отсутствия земледелия у его обитателей. Вне сомнения, это следствие малочисленности отобранного материала. К тому же грунт для водной флотации отбирался не из археологических объектов, а был получен из межжилищного пространства. Земледелие мохэской археологической культуры подтверждается карпологиическими данными с других синхронных археологических памятников Приморья, на которых проводился их систематический сбор [22]. Наиболее уверенные выводы о присутствии культурных злаков в хозяйстве средневекового населения на Осиневом Озере дал фитолитный анализ. Несколько частиц, принадлежащих просяным культурам, обнаружено только в одной пробе под развалом сосуда. Остальные фитолиты имели слабо выраженные признаки культурных злаков и не могут быть достоверными маркерами земледелия. Пыльцевым методом выявлено очень мало пыльцы злаков в целом, хотя фитолитный анализ по всему профилю демонстрирует изобилие форм дикорастущих злаков. В связи с этим редкая встречаемость пыльцы дикорастущих злаков и отсутствие пыльцы культурных злаков, вероятно, объясняются избирательной сохранностью пыльцы с тонкой оболочкой. С другой стороны, дальность разноса пыльцы культурных растений не превышает 0,5–2 км [34–36], поэтому эта пыльца может отсутствовать в слоях поселения, если возделываемые поля были на удалении, например, на участках поймы, более удобных для земледелия. Интересным представляется тот факт, что пыльцевые данные указывают на большую долю лесов в окружении поселения. Хотя исчезновение широколиственных пород и может ассоциироваться с локальными вырубками, но значительное расширение доли открытых участков в ландшафтах произошло только позже периода обитания на поселении. Таким образом, остается открытым вопрос, практиковало ли население подсечно-огневую расчистку лесов под поля или использовало для этого доступные луговые участки.

В отложениях ямы *неолитического поселения Осиневое Озеро* выявлено много фитолитов, морфологически близких культурным злакам. Палинологический анализ дал отрицательный результат. Количество карпологиических материалов невелико, предварительные выводы по ним нуждаются в последующей верификации. Из 11 карпидов, обнаруженных в пробах со стоянки Осиневое Озеро, девять принадлежат представителями культурной флоры, что составляет

почти 80% от общего количества обнаруженных карпидов. Данный показатель является относительно высоким. Он не характерен для первобытных памятников юга Дальнего Востока, с которых получены подобные данные (см., например, [37. С. 31]). Кроме того, видовой состав семян культурных растений из этих проб выглядит разнообразнее набора культурных растений, выявленного на синхронных позднеолитических памятниках Приморья [9]. Это наблюдение позволяет соотнести данные находки с периодом раннего средневековья, а не позднеолитическим временем. Это предположение подтверждают и палинологические данные, так как крайне незначительная роль широколиственных в составе спектров не позволяет отнести их к оптимуму голоцена, когда эти породы достигли максимального расцвета в Приамурье [38]. Состав трех исследованных проб из ямы больше согласуется с материалами из отложений, перекрывающих культурный слой средневекового поселения на Осиневом Озере. Очевидно, угол археологического объекта в стенке раскопа 1965 г. относится к мохэской археологической культуре, конструкции которой также зафиксированы на этом памятнике.

В отложениях *многослойной стоянки Рисовая-4* зерновки культурного проса ожидаемо присутствуют не только в отложениях позднего неолита и бронзового века, но и в среднеолитических, что выглядит сенсационно. Идентичность морфологии и видового состава семян культурного проса из разновременных отложений дает серьезные основания подозревать занос этих остатков из верхних отложений в нижележащие в результате нарушений культурного слоя. Хотя именно в пробе под керамикой руднинской культуры среднего неолита найдена пыльца проса итальянского. Фитолиты культурных злаков также найдены только в слое котлована углубленного жилища руднинской культуры. Тем не менее единичность находок пыльцы и фитолитов заставляет сомневаться в их инситуальном залегании в культурном слое среднего неолита. Критично мы подходим и к реконструкции растительности по пыльцевым данным отложений памятника Рисовая-4. Чрезвычайно редкая встречаемость пыльцы широколиственных пород в Приморье, особенно дуба, вероятно, связана с диагенетическим преобразованием почвенного субстрата и разрушением части пыльцы. Аналогичное расхождение состава спектров природных и антропогенно преобразованных отложений фиксировалось и на других памятниках этого региона [39].

В целом же расположение памятников в окружении лесов, отсутствие явных следов масштабных вырубок, редкая встречаемость не только пыльцы злаков, но и пыльцы сорняков сегетальной группы указывают на то, что поля не могли занимать значительных площадей или были локализованы на отдалении от поселений.

Таким образом, при синхронном исследовании культурных отложений тремя методами, являющимися ключевыми при поиске индикаторов земледелия на археологических памятниках, мы не получили согласованных выводов. Карпологиический метод оказался

наиболее эффективным для поиска остатков культурных растений, однако только при условии систематического пробоотбора. Результативность пыльцевого и фитолиитного методов оказалась значительно ниже, хотя и по разным причинам. Фитолиитный метод нацелен на выявление остатков растений, которые использовались, произрастали, хранились или случайно попали в культурный слой в месте отбора проб. Результаты анализа этим методом локальны в большей степени, чем материалы пыльцевого исследования. Поэтому археологический контекст места пробоотбора и число исследованных образцов являются принципиальными для надежности выводов, так же как и в случае с карпологическим методом. Именно этим объясняется определенное несовпадение результатов карпологического и фитолиитного анализов; вероятность находок фитолиитов культурных злаков была бы суще-

ственно выше в случае отбора проб в заполнениях хозяйственных ям, около очагов. Синхронный отбор проб для пыльцевого и фитолиитного исследования оказался мало продуктивен, хотя и позволяет уменьшить трудозатраты при проведении пробоподготовки к микроскопированию. Пыльца аккумулируется на любом участке памятника, поэтому для получения репрезентативных выводов о земледелии по пыльце наиболее важным является качество ее сохранности и обилие в почвенных отложениях. По всей видимости, на исследованных памятниках физико-химические свойства почв были неблагоприятны для пыльцевых оболочек, особенно для наиболее тонких и уязвимых к разрушению. Классический подход к исследованию торфяных или озерных отложений около памятников мог дать иной результат из-за оптимальных условий для консервации пыльцы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Underhill A.P. Current issues in Chinese Neolithic archaeology // *Journal of World Prehistory*. 1997. № 11. P. 103–160.
2. Crawford G.W. Prehistoric plant domestication in East Asia // *The origins of agriculture an international perspective* / eds. C.Wesley Cowan and Patty Jo Watson. Washington ; London : Smithsonian Institution Press, 1992. P. 8–38.
3. Crawford G.W. East Asian plant domestication // *Archaeology of Asia* / ed. M. Stark. Blackwell Publishing, 2006. P. 77–95.
4. Cohen D.J. The beginnings of agriculture in China: a multiregional view // *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52, Suppl. 4. P. 273–293.
5. Bar-Yosef O. Climatic fluctuations and early farming in West and East Asia // *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52, Suppl. 4. P. 175–193.
6. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих обществ / пер. с англ. М. Колопотина. М. : АСТ ; CORPUS, 2010. 720 с.
7. Сергушева Е.А. Эволюция просяного земледелия в Восточной Азии и ее периферии в неолите по данным археоботаники // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. I. С. 347–350.*
8. Krounovka 1 Site in Primorye, Russia : report of excavation in 2002 and 2003 // *Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia* / eds. M. Komoto and H. Obata. Kumamoto : Shimoda Print Co. Ltd., 2004. 58 p.
9. Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М. : Параллели, 2008. Вып. 6. С. 180–195.*
10. Березина Н.А., Гольева А.А., Кривохарченко И.С. К вопросу об истории растительности Звенигородской биостанции МГУ // *Труды Звенигородской биологической станции. М. : Изд-во МГУ, 2001. Т. 3. С. 38–60.*
11. Golyeva A., Andrič M. Paleoeocological reconstruction of wetlands and Eneolithic land used in Ljubjansko barje (Slovenia) based on biomorphic and pollen analysis // *Catena*. 2014. Vol. 112. P. 37–47. DOI: 10.1016/j.catena.2012.12.009
12. Ершова Е.Г. Результаты ботанического и спорово-пыльцевого анализа по разрезам стоянки Замостье-2, 2013 г. // *Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита–неолита в бассейне Верхней Волги. М. : Изд-во ИИМК РАН, 2013. С. 181–191.*
13. Приходько В.Е., Иванов И.В., Манахов Д.В., Герасименко Н.П., Инубуши К., Кавашигаши М., Нагано Х., Сугихара С. Почвы, растительность и климат южного Зауралья в эпоху средней бронзы (на примере Аркаима) // *Почвоведение*. 2013. № 9. С. 1027–1036.
14. Ершова Е.Г., Кренке Н.А. Изучение природных и культурных ландшафтов железного века в долине Москвы-реки методами палинологии и археологии // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2014. № 3 (26). С. 159–172.
15. Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск : Наука, 2008. С. 212.
16. Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д. Естественные и антропогенные изменения природного комплекса лесной зоны Русской равнины в средневековье. М. : Воентехиздат, 2008. 248 с.
17. Алкин С.В. Современное состояние изучения осиноозерской неолитической культуры Среднего Приамурья // *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. ст. / отв. ред. В.А. Лынша, В.Н. Тарасенко. Уссурийск : Изд-во УГПИ, 2011. С. 188–198.*
18. Коваленко С.В. Полевые исследования неолитической стоянки на Осиновом Озере в 2012 г. // *Традиционная культура Востока Азии : сб. ст. / под ред. Д.П. Волкова, А.П. Забияко, Е.А. Завадской, С.П. Нестерова. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. Вып. 7. С. 102–129.*
19. Кузьмин Я.В., Нестеров С.П. Хронология неолитических культур Западного Приамурья // *Традиционная культура востока Азии. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2010. Вып. 6. С. 103–110.*
20. Окладников А.П., Васильевский Р.С., Деревянко А.П. Археологические исследования на Осиновом озере (раскопки 1965 года) // *Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Новосибирск, 1971. Ч. II. С. 323–392.*
21. Нестеров С.Н., Юн Кванджин, Хан Джисун, Шин Хи Квон, Хабибуллина Я.Ю., Ли Кёнха, Пак Джонсен, Шеломихин О.А., Лоскутов В.Д., Хун Гунмук. Исследование поселения Осиновое Озеро в Амурской Области в 2009 году // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий : материалы итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. Т. XV. С. 360–365.*
22. Сергушева Е.А. Культурные растения средневекового населения Приморья // *Россия и АТР*. 2010. № 4. С. 151–158.
23. Ключев Н.А., Морев О.Л. Новые материалы по неолиту Приморья (поселение Рисовое-4) // *Россия и АТР*. 2014. № 3. С. 206–210.
24. Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н., Вострещев Ю.Е. Исследование ботанических остатков из древних поселений (методические аспекты и практика) : препр. Владивосток : ДВО АН СССР, 1989. 36 с.
25. Лебедева Е.Ю. Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // *Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М. : Ин-т археологии РАН, 2009. Вып. 1. С. 258–267.*
26. Сергушева Е.А. Археоботаника: теория и практика. Владивосток : Дальнаука, 2013. 84 с.
27. Пыльцевой анализ / под ред. И.М. Покровской. М., 1950. 479 с.
28. Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete. Munich : Verlag Friedrich Pfeil, 2004. 542 p.
29. Федорова Р.В. Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков // *Труды Института географии АН СССР: материалы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу*. 1959. Вып. 77. С. 166–186.

30. Joly C., Barille L., Barreau M., Mancheron A., Visset L. Grain and annulus diameter as criteria for distinguishing pollen grains of cereals from wild grasses // *Review of Palaeobotany and Palynology*. 2007. № 146. P. 221–233.
31. Гольева А.А. Фитолиты и их информационная роль в изучении природных и археологических объектов. Москва ; Сыктывкар ; Элиста, 2001. 200 с.
32. Out W.A., Madella M. Morphometric distinction between bilobate phytoliths from *Panicum miliaceum* and *Setaria italica* leaves // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2015. March. DOI: 10.1007/s12520-015-0235-6.
33. Grimm E.C. TILIA and TILIA GRAPH.PC spreadsheet and graphics software for pollen data // *INQUA, Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter*. 1990. No. 4. P. 5–7.
34. Федорова Р.В. Применение спорово-пыльцевого анализа при археологических исследованиях // *КСИИМК*. 1958. Вып. 72. С. 17–28.
35. Федорова Р.В. Рассеивание воздушным путем пыльцы злаков // *Труды Института географии АН СССР: материалы по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу*. 1959. Вып. 77. С. 187–195.
36. Александровский А.Л., Анненков В.В., Глушко Е.В., Истомина Э.Г., Николаев В.И., Постников А.В., Хотинский Н.А. Антропогенные индикаторы в пыльцевых спектрах голоценовых отложений // *Источники и методы исторических реконструкций изменений окружающей среды*. Сер. География. 1991. Т. 8. С. 7–18.
37. Батаршев С.В., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б., Морева О.Л., Сергушева Е.А. Маргаритовская археологическая культура в Приморье: итоги и перспективы изучения // *Традиционная культура Востока Азии* : сб. ст. / под ред. Д.П. Волкова, А.П. Забияко, Е.А. Завадской, С.П. Нестерова. Благовещенск : Изд-во Амурского гос ун-та, 2014. Вып. 7. С. 138–163.
38. Базарова В.Б., Мохова Л.М. Развитие широколиственной флоры в лесах бассейна Амура в голоцене // *География и природные ресурсы*. 2012. № 3. С. 105–109.
39. Короткий А.М. Использование геологических данных при изучении археологических памятников южного Приморья (голоцен) // *Вестник ДВО РАН*. 2009. № 1. С. 62–73.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2015 г.

ARGUMENTATION OF AGRICULTURE IN ARCHAEOLOGICAL SITES OF PRIAMURYE AND PRIMORYE: RESULTS OF PALAEOBOTANICAL METHOD APPLICATION

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 99–108. DOI: 10.17223/15617793/402/14

Sergusheva Elena A. Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of Far East, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: lenasergu@gmail.com

Ryabogina Natalya E. Institute of Problems of Development of the North, SB RAS (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com

Lyashevskaya Marina S. Pacific Institute of Geography, FEB RAS (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: lyshevskay@mail.ru

Gol'eva Aleksandra A. Institute of Geography, RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: 79163294335@ya.ru

Keywords: ancient agriculture; Priamurye; Primorye; carpoids; pollen; phytoliths; millet.

The spread of agriculture to the south of the Russian Far East from the core region (Northern China) has been proved by the archaeobotanical data for the Zaisanovka Late Neolithic culture only. There is no doubt that we need to continue further search of direct evidence of agriculture, its dissemination and composition of cultural plants for other archaeological cultures in the region. But the lack of archaeobotanists in Russia seriously limits such studies. This article focuses attention on the three archaeobotanical methods tested on the archaeological sites in the Primorye and the Amur River region for detecting crop remains and simultaneously minimizing effort for this. We compared capabilities and effectiveness of carpological, pollen and phytolith analysis for finding plant remains in two settlements near the Osinovoye Lake (Priamurye) and the Risovaya-4 site (Primorye). Carpological analysis showed high effectiveness. Identified seeds of farming plants were found in deposits of two sites. We received new data confirming the existence of a crop complex with two millet species (*Panicum miliaceum*, *Setaria italica*), naked barley (*Hordeum vulgare* var. *nudum*) and, possibly, soft wheat (*Triticum aestivum*) in the early Middle Ages of the West Amur River region. Broomcorn and foxtail millet seeds from Risovaya-4 cannot be definitely attributed to the Middle Neolithic layer of this multilayer site. Apparently, they must be correlated with the Late Neolithic and the Early Bronze Age. Effectiveness of pollen and phytolith analysis was significantly lower. Some pollen similar to foxtail millet was found only on the Risovaya-4 site. The obtained result is not convincing, because only little pollen was found. However, this finding demonstrates a possibility to determine the pollen of cultivated millet in the archaeological layers of the Russian Far East, one of the areas of millet agriculture. Despite the abundance of forests around the ancient settlements, pollen data does not reveal the large-scale deforestation and pollen of segetal weeds. Thus, the farming fields were not large or were localized at a long distance from the sites. A small amount of phytoliths, morphologically similar to cultivated grains, were found on all sites. But only in one case (in the medieval settlement on the Osinovoye Lake) phytoliths belonging to cultural millet were identified. Identification of most of other phytoliths as cultivated millet species was complicated in most cases, because of the small number of detected forms and similar diagnostic features between phytoliths of broomcorn and foxtail millet. An important condition for a successful search of carpoids and phytoliths of cultivated plants is numerous and oriented sampling in relevant archaeological contexts. The quality of preservation and abundance of pollen in the soil are serious limiting factors for searching of agriculture traces with this method in the Russian Far East archaeological sites.

REFERENCES

1. Underhill, A.P. (1997) Current issues in Chinese Neolithic archaeology. *Journal of World Prehistory*. 11. pp. 103–160.
2. Crawford, G.W. (1992) Prehistoric plant domestication in East Asia. In: Cowan, C.W. & Watson, P.J. (eds) *The origins of agriculture an international perspective*. Washington; London: Smithsonian Institution Press.
3. Crawford, G.W. (2006) East Asian plant domestication. In: Stark, M. (ed.) *Archaeology of Asia*. Blackwell Publishing.
4. Cohen, D.J. (2011) The beginnings of agriculture in China: a multiregional view. *Current Anthropology*. 52:4. pp. 273–293. DOI: 10.1086/659965
5. Bar-Yosef, O. (2011) Climatic fluctuations and early farming in West and East Asia. *Current Anthropology*. 52:4. pp. 175–193. DOI: 10.1086/659784
6. Diamond, J. (2010) *Ruzh'ya, mikroby i stal': Sud'by chelovecheskikh obshchestv* [Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies]. Translated from English by M. Kolopotin. Moscow: AST; AST MOSKVA; CORPUS.
7. Sergusheva, E.A. (2014) Evolyutsiya prosyanogo zemledeliya v Vostochnoy Azii i ee periferii v neolite po dannym arkheobotaniki [Evolution of millet agriculture in East Asia and its periphery in the Neolithic according to archaeobotany]. In: *Trudy IV (XX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. V. I. Kazan: Otechestvo. pp. 347–350.

8. Komoto, M. & Obata, H. (eds) (2004) Krounovka 1 Site in Primorye, Russia. Report of excavation in 2002 and 2003. In: Komoto, M. & Obata, H. (eds) *Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia*. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd.
9. Sergusheva, E.A. (2008) K voprosu o poyavlenii zemledeliya na territorii Primor'ya v pozdnem neolite: arkhobotanicheskie issledovaniya [On the appearance of farming in the territory of Primorye in the Late Neolithic: archaeobotanical studies]. In: *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkhologii* [OPUS: interdisciplinary research in archaeology]. V. 6. Moscow: Paralleli. pp. 180–195.
10. Berezina, N.A., Gol'eva, A.A. & Krivokharchenko, I.S. (2001) K voprosu ob istorii rastitel'nosti Zvenigorodskoy biostantsii MGU [On the history of vegetation of the Zvenigorod Biological Station of Moscow State University]. *Trudy Zvenigorodskoy biologicheskoy stantsii*. 3. pp. 38–60.
11. Golyeva, A. & Andrič, M. (2014) Paleoeological reconstruction of wetlands and Eneolithic land used in Ljubjansko barje (Slovenia) based on biomorphic and pollen analysis. *Catena*. 112. pp. 37–47. DOI: 10.1016/j.catena.2012.12.009
12. Ershova, E.G. (2013) Rezul'taty botanicheskogo i sporovo-pyl'tsevoogo analiza po razrezam stoyanki Zamost'e-2, 2013 g. [The results of botanical and palynological analysis of sections of Zamost'e-2 site, 2013]. In: Lozovskiy, V.M., Lozovskaya, O.V. & Klemente-Konte, I. (eds) *Zamost'e 2. Ozernee poselenie drevnikh rybolovov epokhi mezolita–neolita v bassejne Verkhney Volgi* [Zamost'e-2. The lake settlement of ancient fishermen of the Mesolithic-Neolithic in the basin of the Upper Volga]. Moscow: Izdatel'stvo IIMK RAN.
13. Prikhod'ko, V.E. et al. (2013) Soils, vegetation, and climate of the southern Transural region in the Middle Bronze Age (by the example of the Arkaim fortress). *Pochvovedenie*. 9. pp. 1027–1036. (In Russian).
14. Ershova, E.G. & Krenke, N.A. (2014) Investigation of natural and cultural landscapes of the Iron Age in the valley of the Moskva-river using methods of palynology and archaeology. *Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii – Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography*. 3 (26). pp. 159–172. (In Russian).
15. Zakh, V.A. et al. (2008) *Landshafty golotsena i vzaimodeystvie kul'tur v Tobolo-Ishimskom mezhdurech'e* [Holocene landscapes and cultural interaction in the Tobol-Ishim interfluv]. Novosibirsk: Nauka.
16. Spiridonova, E.A., Aleshinskaya, A.S. & Kochanova, M.D. (2008) *Estestvennye i antropogennye izmeneniya prirodnogo kompleksa lesnoy zony Russkoy ravniny v srednevekov'e* [Natural and man-made changes in natural systems of the forest zone of the Russian Plain in the Middle Ages]. Moscow: Voentekhnizdat.
17. Alkin, S.V. (2011) [The present state of the study of the Osinovoye Lake Neolithic culture of the Middle Amur Region]. *Aktual'nye problemy arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Topical problems of archeology of Siberia and the Far East]. Ussuriysk: Ussuriysk State Pedagogical Institute. pp. 188–198. (In Russian).
18. Kovalenko, S.V. (2014) Polevye issledovaniya neoliticheskoy stoyanki na Osinovom Ozere v 2012 g. [Field research on the Neolithic Osinovoye Lake site in 2012]. In: Volkov, D.P. et al. (eds) *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [The traditional culture of East Asia]. V. 7. Blagoveshchensk: Amur State University.
19. Kuz'min, Ya.V. & Nesterov, S.P. (2010) Khronologiya neoliticheskikh kul'tur Zapadnogo Priamur'ya [The chronology of the Neolithic cultures of the West Priamurye]. In: Zabiayko, A.P. (ed.) *Traditsionnaya kul'tura vostoka Azii* [The traditional culture of East Asia]. V. 6. Blagoveshchensk: Amur State University.
20. Okladnikov, A.P., Vasil'evskiy, R.S. & Derevyanko, A.P. (1971) Arkheologicheskie issledovaniya na Osinovom ozere (raskopki 1965 goda) [Archaeological research on Osinovoye Lake (excavated in 1965)]. In: *Materialy polevykh issledovaniy Dal'nevostochnoy arkhologicheskoy ekspeditsii* [Materials of field research of the Far East archaeological expedition]. V. 2. Novosibirsk.
21. Nesterov, S.N. et al. (2009) [Research of Osinovoye Lake settlement in the Amur region in 2009]. *Problemy arkhologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent areas]. Materials of the session of the Institute of Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences in 2009. V. XV. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS. pp. 360–365. (In Russian).
22. Sergusheva, E.A. (2010) Kul'turnye rasteniya srednevekovogo naseleniya Primor'ya [Cultivated plants of the medieval population of Primorye]. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 4. pp. 151–158.
23. Klyuev, N.A. & Moreva, O.L. (2014) New materials on a Neolithic of Primorye (Risovoye-4 settlement). *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 3. pp. 206–210. (In Russian).
24. Yanushevich, Z.V., Kuz'minova, N.N. & Vostretsov, Yu.E. (1989) *Issledovanie botanicheskikh ostatkov iz drevnikh poseleniy (metodicheskie aspekty i praktika)* [Study of botanical remnants of ancient settlements (methodological aspects and practice)]. Vladivostok: FEB USSR AS.
25. Lebedeva, E.Yu. (2009) Rekomendatsii po sboru obraztsov dlya arkhobotanicheskogo analiza [Guidelines for the collection of samples for archaeobotanical analysis]. In: *Analiticheskie issledovaniya laboratorii estestvennonauchnykh metodov*. V. 1. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
26. Sergusheva, E.A. (2013) *Arkheobotanika: teoriya i praktika* [Archaeobotany: Theory and Practice]. Vladivostok: Dal'nauka.
27. Pokrovskaya, I.M. (ed.) (1950) *Pyl'tsevoy analiz* [Pollen analysis]. Moscow: Gosgeolizdat.
28. Beug, H.-J. (2004) *Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete* [Guide on pollen provision for Central Europe and adjacent areas]. Munich: Verlag Friedrich Pfeil.
29. Fedorova, R.V. (1959) Nekotorye osobennosti morfologii pyl'tsy kul'turnykh zlakov [Some morphological features of pollen of cultural grains]. *Trudy Instituta geografii AN SSSR: materialy po geomorfologii i paleogeografii. Raboty po sporovo-pyl'tsevomu analizu*. 77. pp. 166–186.
30. Joly, C. et al. (2007) Grain and annulus diameter as criteria for distinguishing pollen grains of cereals from wild grasses. *Review of Palaeobotany and Palynology*. 146. pp. 221–233. DOI: 10.1016/j.revpalbo.2007.04.003
31. Gol'eva, A.A. (2001) *Fitolity i ikh informatsionnaya rol' v izuchenii prirodnikh i arkhologicheskikh ob'ektov* [Phytoliths and their informational role in the study of natural and archaeological sites]. Moscow; Syktyvkar; Elista.
32. Out, W.A. & Madella, M. (2015) Morphometric distinction between bilobate phytoliths from *Panicum miliaceum* and *Setaria italica* leaves. *Archaeological and Anthropological Sciences*. March. DOI: 10.1007/s12520-015-0235-6.
33. Grimm, E.C. (1990) TLIA and TLIA GRAPH.PC spreadsheet and graphics software for pollen data. *INQUA, Working Group on Data-Handling Methods. Newsletter*. 4. pp. 5–7.
34. Fedorova, R.V. (1958) Primenenie sporovo-pyl'tsevoogo analiza pri arkhologicheskikh issledovaniyakh [Application of spore-pollen analysis during archaeological research]. *KSIIIMK*. 72. pp. 17–28.
35. Fedorova, R.V. (1959) Rasseivanie vozdushnym putem pyl'tsy zlakov [Airborne dispersion of grain pollen]. *Trudy Instituta geografii AN SSSR: materialy po geomorfologii i paleogeografii. Raboty po sporovo-pyl'tsevomu analizu*. 77. pp. 187–195.
36. Aleksandrovskiy, A.L. et al. (1991) Antropogennye indikatory v pyl'tsevykh spektrakh golotsenovykh otlozheniy [Anthropogenic indicators in pollen spectra of the Holocene sediments]. *Istochniki i metody istoricheskikh rekonstruktsiy izmeneniy okruzhayushchey sredy. Ser. Geografiya*. 8. pp. 7–18.
37. Batarshev, S.V. et al. (2014) Margaritovskaya arkhologicheskaya kul'tura v Primor'e: itogi i perspektivy izucheniya [The Margaritovskaya archaeological culture in Primorye: results and prospects of studying]. In: Volkov, D.P. et al. (eds) *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii* [The traditional culture of East Asia]. V. 7. Blagoveshchensk: Amur State University.
38. Bazarova, V.B. & Mokhova, L.M. (2012) Development of the broad-leaved flora in forests within the Amur basin during the Holocene. *Geografiya i prirodnye resursy – Geography and Natural Resources*. 3. pp. 105–109. (In Russian).
39. Korotkiy, A.M. (2009) Ispol'zovanie geologicheskikh dannykh pri izuchenii arkhologicheskikh pamyatnikov yuzhnogo Primor'ya (golotsen) [Using geological data in the study of archaeological sites in southern Primorye (Holocene)]. *Vestnik DVO RAN*. 1. pp. 62–73.

Received: 30 September 2015

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1990-х гг. И ЕЕ МЕСТНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Проанализированы государственная политика в области музейного дела в 1950-х – начале 1990-х гг. и ее реализация в Томской области. Показано, что развитие музейного дела на территории Томской области шло в русле общегосударственной политики в музейной сфере, но имело свои особенности, зачастую отставая от общегосударственных тенденций.

Ключевые слова: музейное дело; изменение музейной политики; Томская область; демократизация; деидеологизация.

После смерти И.В. Сталина в 1953 г. начались изменения в политической жизни страны, что отразилось на всех сферах жизни советского общества. Наступившая вследствие этого некоторая демократизация общественной жизни страны коснулась и музейной сферы. В частности, в 1957 г. был создан советский комитет Международного совета музеев (ICOM), неправительственной организации при ЮНЕСКО, что позволило начать международный обмен опытом между музеями. В большей мере влияние ICOM стало ощущаться в конце 1970-х гг., после 11-й генеральной конференции ICOM в Советском Союзе, когда было принято решение о проведении Международного дня музеев 18 мая. С 1978 г. в советской периодической печати к этому дню публиковались статьи о музейной жизни в целом или об отдельном музее. Не стала исключением и Томская область: 18 мая 1978 г. в газете «Красное знамя» были опубликованы две статьи о музейной жизни страны и о музее в средней школе № 8 г. Томска [1]. С тех пор томские газеты, включая районные, старались к этой дате подготовить публикации, в том числе и о малоизвестных музеях региона. По результатам анализа томской периодической печати с 1978 по 2010 г. было выявлено, что Международному дню музеев томские журналисты не уделили внимания только в 1979, 1981, 1982, 1984, 1987, 1996 и 2004 гг.

В конце 1950-х гг. Томский областной краеведческий музей (ТОКМ) получил организационно-методическую помощь от Научно-исследовательского института музееведения (г. Москва). Так, в августе 1957 г. этот НИИ направил в Томск своего сотрудника А.А. Лебедеву для изучения работы областного краеведческого музея и оказания ему методической помощи. Из городов Урала и Сибири, кроме Томска, в списке командировок сотрудников московского НИИ музееведения указан еще Нижний Тагил. Остальные 48 командировок совершены по городам европейской части РСФСР и союзных республик, а также в Польшу и Финляндию [2. Л. 8]. В результате ТОКМ смог восполнить некоторые недоработки и, в свою очередь, начать оказывать организационно-методическую помощь другим музеям региона, тем самым став действительно головным музеем Томской области.

В это же время в СССР начался процесс реперофирования музеев, посвященных жизни и деятельности И.В. Сталина. Так, Музей И.В. Сталина в Красноярске был преобразован в Музей истории Красно-

ярской организации КПСС, Вологодский музей И.В. Сталина – в музей Вологодской ссылки и т.д. Что касается Дома-музея И.В. Сталина при Нарымском Доме культуры, то в 1956 г. он был закрыт, а в 1958 г. постановлением Совета министров РСФСР был реорганизован в Музей политических ссыльных большевиков. Именно под таким названием музей и был открыт в 1960 г. [3. Л. 306]. После реорганизации музея акцент в экспозиции был поставлен на показ жизни и деятельности тех партийных и государственных деятелей, кто при самодержавии отбывал ссылку в Нарымском крае: В.В. Куйбышева, Я.М. Свердлов и др. Отдельный стенд был посвящен И.В. Сталину, однако после XXII съезда КПСС (1961 г.) материалы о жизни Сталина в Нарыме были изъяты из экспозиции и перемещены в фондохранилище [Там же. Л. 307].

В то же время посетители музея просили вернуть материалы, связанные с жизнью и деятельностью Сталина, что было отражено в книге отзывов и предложений посетителей Нарымского музея, копия которой хранится в Центре документации новейшей истории Томской области. В ней содержатся отзывы с момента открытия музея в 1948 г. и до 1966 г. включительно [3. Л. 308–312; 4. Л. 16–24]. В результате настоятельных просьб о возвращении в экспозицию музея материалов, отражающих «роль И.В. Сталина в революционном движении, в строительстве социализма и в победе в Великой Отечественной войне», Томский обком КПСС настоятельно рекомендовал включить в экспозицию обновленного музея документы и материалы, связанные с пребыванием Сталина в Нарымской ссылке, вернуть в состав музея дом Алексеевых, где проживал во время ссылки в 1910 г. Сталин. Новую экспозицию Нарымского мемориального музея планировали открыть в ноябре 1967 г. – к 50-летию советской власти, что и было осуществлено [3. Л. 307, 311–312; 5].

Уловив настроения музейной общественности, органы управления культурой задумались и об активизации музейной жизни в целом, для чего был использован соревновательный принцип. В результате было решено провести первый Всероссийский смотр музейной работы, посвященный 40-летию Октябрьской революции. В первом смотре, инициаторами которого выступили Министерство культуры РСФСР и ЦК профсоюза работников культуры, приняли участие 270 музеев системы Министерства культуры РСФСР [6. С. 251]. Данный опыт действительно оживил му-

зейную жизнь страны: во-первых, музеи были вынуждены привести в порядок дела по таким направлениям своей деятельности, как научно-просветительная и учетно-хранительская; во-вторых, активизировать контакты с различными учреждениями культуры и науки (университеты, архивы, библиотеки и т.д.) для развития научно-исследовательской деятельности. Что касается томских музеев, то инспектор Управления музеев и охраны памятников Министерства культуры РСФСР В. Лурье в 1959 г. отмечал значительную (!) научно-исследовательскую и неплохую (!) экспозиционно-выставочную работы этих музеев, а среди недостатков выделил «неоперативность реагирования на важнейшие события жизни страны» и слабую работу со школами и предприятиями [7].

По мнению В.И. Златоустовой, положительным следствием смотра стало зарождение интереса местных властей именно к музейной жизни своего края, а не в целом к деятельности культурно-просветительных учреждений [6. С. 251]. Однако утверждать подобное по отношению к музеям Томской области нельзя: томские музеи не стали приоритетными для Управления культурой Томского облисполкома. В глазах руководства они продолжали оставаться не самой важной частью культурно-просветительных учреждений, о чем красноречиво свидетельствует статья заместителя начальника областного управления культуры М. Зиньковского, опубликованная в 1959 г. в газете «Красное знамя» [8].

В результате позитивного эффекта, полученного по итогам работы смотров, сформировалась традиция проводить подобные смотры-конкурсы в преддверии различных юбилеев. Смотры на протяжении ряда лет стимулировали развитие музейной жизни страны в целом и региона в частности.

Главным же итогом первого Всероссийского смотра музейной работы стала активизация интереса общественности не только к музеям и их деятельности, но и к самостоятельному поиску историко-краеведческой информации, тем самым возродился интерес к краеведческому движению, одним из следствий которого стало формирование общественных музеев. Открытие последних было приурочено к различным юбилейным датам: юбилеи Великой Октябрьской социалистической революции, Победы в Великой Отечественной войне, начало работы предприятия, организации и т.д.

Параллельно с попытками оживления музейной жизни государственное руководство занялось фактически сокращением музейной сети РСФСР, названным упорядочиванием. Так, в 1962 г. было издано Постановление Совета министров РСФСР «О более экономном расходовании государственных средств на социально-культурные мероприятия». В нем предлагалось сократить сеть музеев посредством объединения параллельно существующих однотипных музеев, устранить излишества в штатах, т.е. уменьшить финансирование научно-исследовательской работы, усилить филиализацию ряда региональных музеев. В итоге одни музеи были закрыты, другие – перепрофилированы, третьи стали филиалами более крупных

музеев [6. С. 258–259]. Именно по последнему варианту развивались события в Томской области. Так, выполняя постановление Совета министров, начальник управления культуры Томского облисполкома издал приказ считать с 1 января 1963 г. Колпашевский краеведческий музей филиалом Томского областного краеведческого музея. Тем самым сократилось расходование средств на отдельный музей, находящийся на местном бюджете [9. С. 312–313; 10. Л. 28].

Однако никто не подумал о том, как отразится филиализация на деятельности одного из крупнейших музеев Томской области. Сотрудники Колпашевского музея были не довольны сложившейся системой финансирования. Они заявили о нехватке средств, о том, что «40 тыс. руб., предназначенные на ремонт музея, областное управление культуры потратило на другие цели». Указывая на отсутствие должных условий хранения музейных предметов, отмечали: «С тех пор как Колпашевский музей стал филиалом областного, все про нас забыли» [11]. Но мнение колпашевских музейщиков не было замечено или учтено.

Для оперативного руководства музейной работой в 1964 г. был создан Научно-методический совет по работе музеев. Совет являлся консультативным органом при Министерстве культуры СССР, основная задача которого заключалась в выработке рекомендаций по координации и улучшению всех сфер деятельности советских музеев [12. С. 24–25]. В частности, им неоднократно отмечалось, что развитие музейного дела в стране невозможно без четкой программы. В результате в том же 1964 г. для разработки программы функционирования музеев была организована объединенная комиссия Министерства культуры СССР и Президиума Академии наук СССР. В ее состав вошли музейные работники, ученые, научные сотрудники НИИ музееведения и охраны памятников. Они разработали проект «Принципы развития музейного дела в СССР», основные положения которых заключались в следующем:

- 1) открытие государственных музеев должно производиться в первую очередь в новых экономических и культурных регионах со слабо развитой музейной сетью;
- 2) осуществление государственной поддержки общественной инициативы в создании музеев, и если фонды общественного музея значительно превосходят местное значение – перевод таких музеев на государственный бюджет;
- 3) проведение музеефикации ценных мемориальных и архитектурно-художественных памятников независимо от их местонахождения [6. С. 263; 13. С. 28].

И хотя предложенные «Принципы...» так и не получили государственной поддержки, однако их разработка не была напрасной. Так, в этом документе впервые была предпринята попытка правового закрепления понятия музейной сети, ее институционализации. Напрямую на создание музейных сетей были направлены решения и распоряжения Министерства культуры РСФСР, постановления ЦК КПСС.

В конце 1960-х гг. в результате принятого в 1957 г. «Положения о художественных музеях...» активно начала формироваться сеть художественных музеев

страны. Активизировалась эта деятельность после 1974 г., когда Министерство культуры РСФСР издало приказ «Об улучшении организации научно-исследовательской работы по изобразительному искусству и деятельности художественных музеев». В результате издания этого приказа был сформирован научно-методический совет по художественным музеям и были определены головные художественные музеи [13].

В 1970–1980-х гг. расширение сети художественных музеев продолжилось за счет выделения художественных отделов из краеведческих музеев [14, 15]. В это время по стране было создано 28 художественных музеев [6. С. 267], в том числе и Томский областной художественный музей, который начал формироваться с 1975 г. именно путем выделения художественной коллекции из фондов Томского краеведческого музея. Итак, решение об открытии областного художественного музея в Томске было принято на заседании бюро Томского обкома КПСС в январе 1975 г. и отправлено на согласование в Министерство культуры РСФСР [16. Л. 3, 46; 17. Л. 20–21]. В 1979 г. исполнительный комитет Томского областного Совета народных депутатов принял предложение томского управления культуры, согласованное с Министерством культуры РСФСР, об открытии с 1 октября 1979 г. в Томске художественного музея [16. Л. 43]. Открылся же музей только в 1982 г., когда Томский обком КПСС, располагавшийся в предназначенных для музея помещениях, переехал в новое здание [Там же. Л. 68]. Однако сети художественных музеев на территории Томской области так и не сложилось. До середины 1980-х гг. кроме одного государственного художественного музея существовала одна картинная галерея в качестве общественного музея. И лишь с 1990-х гг. у областного художественного музея появляется ряд филиалов.

В начале 1970-х гг. в условиях быстрого роста музейной сети в стране были необходимы новые формы и методы организации и управления музейным делом. В связи с этим был проведен эксперимент по объединению музеев отдельной территории на примере Владимирской области (1974 г.). Опыт был удачным, в результате чего в 1975 г. коллегия Министерства культуры РСФСР рекомендовала другим музеям страны «ознакомиться с опытом владимирцев по объединению музеев» и перенять его [6. С. 271–274; 12. С. 33–34]. Централизация музеев проходила по двум направлениям: по территориальному принципу (объединение различных музеев одного региона) и профильному (например, объединение литературных музеев Пензенской области) [18]. В развитие этих рекомендаций 3 августа 1984 г. было принято решение Томского облисполкома «О создании в Томской области Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея» [19. С. 70]. Раньше этого решения, в 1982 г., вышло постановление ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев», в котором отмечалось, что эксперимент по созданию объединенных музейных систем себя оправдал [6. С. 286; 12. С. 36]. В том же году вышло областное постановление о принятии к руководству и

исполнению Постановления ЦК КПСС «Об улучшении идейно-воспитательной работы музеев» [20. Л. 4–5]. А Научно-методический совет при Министерстве культуры СССР отмечал, что создание музейных объединений позволяет перейти к выработке научно обоснованных перспективных планов развития музейного дела в стране на ближайшие 10–15 лет, а также проводить единую согласованную политику по всем сферам музейной деятельности [12. С. 35].

Музейное объединение в Томской области было организовано на базе Томского областного краеведческого музея и получило название «Томский государственный объединенный историко-архитектурный музей» (ТГОИАМ), в состав которого, кроме Томского областного краеведческого музея, вошли его филиалы:

1) Колпашевский краеведческий музей (филиал с 1963 г.);

2) дом-музей Я.М. Свердлова в с. Максимкин Яр (с 1981 г.) [21. С. 113];

3) историко-этнографический музей под открытым небом в с. Коларово (открыт в 1981 г. в качестве филиала ТОКМ). Письмом Министерства культуры РСФСР от 23 марта 1981 г. было разрешено строительство музея под открытым небом, и решением от 28 августа 1981 г. Томский облисполком утвердил открытие нового филиала Томского областного краеведческого музея в с. Коларово [22. Л. 3–6, 9–12, 99–103];

4) Нарымский музей политических ссыльных-большевиков (скорее всего, также в 1981 г. становится филиалом ТОКМ). По мнению исследователей О.И. Матюшенко и С.Е. Григорьевой, Нарымский музей стал филиалом ТОКМ в 1984 г. [21. С. 113; 23. С. 246–247]. Однако судя по отчету ТОКМ (форма 8-НК), перед Министерством культуры РСФСР в 1982 г. Нарымский музей на 1 января 1982 г. уже был филиалом ТОКМ [24. Л. 11];

5) Музей истории освоения нефтяного комплекса Томского Севера, организованный в г. Стрежевом (филиал с 1984 г.). Впервые идея об открытии музея в Стрежевом была высказана еще в 1970 г. Решение о создании городского общественного музея по теме «История освоения нефтегазового комплекса Томского Севера» было принято исполнительным комитетом Стрежевского городского Совета народных депутатов Томской области в 1981 г. [25. Л. 116–118].

Таким образом, в середине 1960–1980-х гг. государственная музейная сеть страны развивалась в русле следующих тенденций:

1) филиализация (перевод общественных музеев в статус филиалов областных музеев);

2) создание самостоятельных музеев из филиалов;

3) создание и рост сети художественных музеев [6. С. 267–268].

Для Томской области в этот период были характерны только две тенденции: филиализация (причем не за счет общественных музеев, а за счет самостоятельных музейных единиц) и создание художественных музеев. В результате упорядочения в Томской области сеть государственных музеев в рассматриваемый период сократилась: часть самостоятельных музеев стали филиалами областного краеведческого музея.

С 1986 г. музейное дело Томской области развивалась в русле общегосударственной музейной политики, влияние на которую оказывала общеполитическая ситуация в стране. С марта 1985 г. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС вступил М.С. Горбачев, начав реорганизацию различных сфер жизни общества. Сфера культуры вообще и музейное дело в частности также участвовали в этом процессе. Так, с середины 1980-х гг. в условиях перестройки начался процесс демократизации управления музейным делом, вовлечением в него музейной общественности. И. Бестужев-Лада отмечал, что работники центральных музеев озвучивали мысль о том, что подлинная дебиюрократизация музейного дела должна идти по пути ликвидации отделов музеев при республиканских министерствах культуры и передачи их полномочий научно-методическим советам, в которых должны быть представлены профессиональные работники музеев [26; 27. С. 17].

Идея дебиюрократизации получила некоторое реальное воплощение. Так, в январе 1988 г. был издан приказ Министерства культуры РСФСР «О передаче ряда функций Министерства в компетенцию местных органов культуры и музеев» [28]. Согласно приказу директорам музеев местного подчинения предоставлялось право осуществлять временную выдачу экспонатов из музеев (кроме зарубежных выставок), а также кино-, фото-, телесъемки этих экспонатов в помещении музея (кроме съемок, проводимых зарубежными издательствами, теле- и кинокомпаниями, другими организациями и частными лицами) и производить обмен выставками между музеями. Напомним, что ранее процедура выдачи предметов в обязательном порядке должна была согласовываться с Министерством культуры.

Претерпела изменения и система управления отраслью культуры в целом. Так, в августе 1988 г. было издано Постановление Совета министров РСФСР «О генеральной схеме управления отраслью культуры в РСФСР», в результате которого музейное дело и охрана памятников вновь были разделены: музейное дело было передано в компетенцию Главного управления по делам изобразительного искусства и музеев, а охрана памятников – Главного управления охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры. На местах начали формироваться новые интегрированные органы управления культурой и кинематографией [29].

В конце 1988 г. было принято новое Положение о музейном фонде СССР [30], согласно которому все музейные предметы (государственных и общественных музеев) объявлялись государственной собственностью, а за причинение ущерба музейным предметам могло быть наложено уголовное, административное или иное взыскание (п. 7.1). Также в Положении впервые упоминаются «корпоративные музеи» (п. 1.1, 3.1, 4.1), но вот определение этому виду музеев так и не было дано.

Таким образом, по итогам 1988 г. в сфере музейного строительства и управления музейной отраслью были сделаны некоторые уступки. В частности, были

определены конкретные меры развития существующей сети; формирование новых музеев было отнесено к компетенции местных органов власти и самих музеев и т.д. Предполагалось, что изменение государственной структуры управления музейным делом позволит решить ряд давних вопросов: экономический и правовой статус музейных учреждений, повышение квалификации музейных сотрудников, укрепление материально-технической базы музеев и др. [31].

Продолжались попытки государства усовершенствовать систему управления музейным делом: при Министерстве культуры СССР был создан Музейный совет, в состав которого вошли директора крупнейших музеев Москвы, ведущие научные сотрудники московских музеев, представители музеев из союзных республик, историки, архитекторы, художники. Таким образом, Музейный совет рассматривался как общественный посреднический орган между музеями и властью, обладающий высоким авторитетом. Ему поручалась подготовка вопросов, выносившихся на коллегию Министерства культуры [32].

Реформирование управления сферой культуры было поддержано изданием закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» (1990 г.), в результате которого были сняты существовавшие в советское время идеологические ограничения в развитии искусства и культуры. Издание закона отразилось и на музейной сфере: началось свертывание экспозиций советского периода, отменена обязательная графа в отчетной форме 8-НК о поступлении в музей предметов советского периода. Последнее утверждение сделано на основе анализа материалов фонда «Управление культуры Томского облисполкома» Государственного архива Томской области. Было выявлено, что до 1989 г. включительно в форме 8-НК присутствовала графа о поступлении предметов советского периода (данное требование было зафиксировано в «Положении об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее» 1948 г. [33]), а с 1990 г. эта графа в отчетных формах 8-НК отсутствует, что косвенно подтверждает факт деидеологизации музейной деятельности.

Однако перестройка музейного дела проходила вяло, что вызывало недовольство музейной общественности. В результате сотрудники музеев стали инициаторами манифестации деятелей культуры, проходившей в Москве 28 июня 1990 г. [34]. Они выступали против невнимания властей к проблемам культуры. Данная акция была поддержана и томичами. Так, в этот день у здания облисполкома собрались работники томской культуры, поддержавшие высказанные в Москве претензии к власти об остаточном финансировании сферы культуры и о сложности встраивания учреждений культуры в хозяйственные и рыночные отношения. С участниками акции встретились депутаты Томского облсовета, председатель комиссии по вопросам культуры, языка, охраны исторического наследия и религий П.Я. Семенов поддержал требования манифестантов и пообещал рассмотреть все эти вопросы на ближайшем заседании комиссии [35].

В мае 1991 г. члены Научного совета музеев, собравшись в Костроме, подготовили документ, который был направлен в Верховный Совет РСФСР. Авторы документа требовали «создать не позднее конца 1991 г. II Всероссийский музейный съезд» для выработки новой концепции развития музейного дела в стране и нормативно-правовых основ ее реализации [31]. Но августовские события 1991 г., попытка антигосударственного путча и его подавление привели к кардинальным переменам в системе власти и управления в стране. В результате упомянутых событий начавшийся диалог деятелей культуры, в том числе и музейщиков, и представителей властных структур был прерван.

В таких непростых условиях музейная сеть Томской области продолжала развиваться, хотя это развитие было заложено еще в предыдущий период (т.е. имело инерционное развитие). В частности, это касалось сети общественных музеев, тогда как государственная часть музейной сети переживала непростые времена, особенно в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

Кризисная ситуация государственной музейной сети Томской области в этот период была связана, в том числе, и со сложным положением головного музея области и музейного объединения – Томского областного краеведческого музея. Закрыв свои экспозиции в 1986 г. и начав капитальный ремонт в 1988 г. [36], музей фактически «выпал» из жизни региона, потерял ведущую роль в музейной сети.

Филиалы ТГОИАМ развивались не столь однозначно: без особых проблем продолжал свою деятельность Колпашевский музей, а вот Нарымский и Коларовский филиалы имели более сложную судьбу. Так, Нарымский музей политических ссыльных большевиков также имел проблемы с ремонтом [37], а работы по открытию Коларовского филиала вообще были практически прекращены уже в 1986 г. [38]. Стрежевской филиал имел большие трудности с помещениями [37]. Самый удаленный филиал ТГОИАМ – музей Я.М. Свердлова в с. Максимкин Яр Верхнекетского района – фактически не развивался. В отчетных формах 8-НК из года в год сообщалось об одном и том же количестве музейных предметов (256) и посещений (около 100 чел. в год) [39]. В пояснительной записке к отчету ТГОИАМ за 1986 г. было указано, что при анализе посещаемости музея Свердлова необходимо учитывать его географическую удаленность и отсутствие транспортных коммуникаций [40]. Именно его нахождение на периферии и привело к его закрытию в 1998 г. Все фонды были переведены в Томский областной краеведческий музей [41].

Несмотря на все сложности, государственная музейная сеть Томской области все же увеличивалась. Так, в 1989 г. был открыт Асиновский краеведческий музей, ставший филиалом ТГОИАМ вскоре после открытия [42] и являющийся им до сих пор. Головному музею пришлось решать проблемы с помещениями и для этого филиала [37]. В 1989 г. у краеведческого музея появился очередной филиал: на основании решения Томского облисполкома обществом «Мемориал» был образован Музей жертв сталинских ре-

прессий, открытие которого состоялось только в 1996 г. [43, 44]. Сегодня данный музей существует в качестве отдела «Следственная тюрьма НКВД» Томского областного краеведческого музея.

В 1990 г. в состав государственной музейной сети по приказу Томского управления культуры вошел Подгорненский музей, открытый в 1984 г. к 60-летию образования Чаинского района [45] и ставший филиалом ТГОИАМ именно в 1990 г. Но сложная ситуация в Томском краеведческом музее не способствовала его закреплению в составе музейного объединения, и уже в 1992 г. он выходит из состава ТГОИАМ и становится первым муниципальным музеем Томской области под названием «Чаинский районный краеведческий музей» [46]. В таком положении он просуществовал до 1999 г., когда вновь вошел в качестве филиала в состав окрепшего Томского областного краеведческого музея [47. С. 284].

Напомним, что в состав государственной музейной сети Томской области кроме ТОКМ и его филиалов входил Томский областной художественный музей, во второй половине 1980-х – 1991 гг. ставший ведущим музеем в Томске по предоставлению выставочных услуг, что было связано с кризисным положением краеведческого музея. Но и художественный музей не мог избежать кризиса, который стал системным для всей сферы культуры. Именно в этот период руководство художественного музея пытается найти новые формы работы, чтобы привлечь в свои стены больше публики, хотя экспозиционных площадей катастрофически не хватало [48]. Так, в декабре 1990 г. при художественном музее начал работу аукцион антиквариата [49]. Информация об антикварном салоне в художественном музее прекращает появляться во второй половине 1992 г. [50, 51], что можно связать с открытием самостоятельных салонов и галерей. С этого времени берет свое начало художественный салон «Art-галерея», открытый в помещении Дома профсоюзов [52] и действующий до сих пор.

Таким образом, развитие музейного дела в Томской области шло в русле общегосударственной политики, однако имело свои особенности. Так, в результате десталинизации общественной жизни, связанной с проведением XX съезда, в регионе состоялась перепрофилизация Музея И.В. Сталина в с. Нарым. При этом посетители музея настояли на возвращении в экспозицию материалов, связанных с жизнью и деятельностью И.В. Сталина. Из трех общегосударственных тенденций в сфере музейного строительства (филиализация, создание самостоятельных музеев из филиалов и создание и рост сети художественных музеев) на территории Томской области были осуществлены только две – филиализация и открытие художественных музеев, при этом филиализация происходила не за счет общественных музеев, а за счет самостоятельных музейных единиц, а сеть художественных музеев была создана в Томской области только в 1990–2000-е гг. До это времени существовали всего два художественных музея: Томский областной и общественный (Чаинская картинная галерея).

Созданное в 1980-е гг. музейное объединение не пришло, как ожидалось, к усовершенствованию музейной деятельности на территории Томской области, что произошло в других регионах страны (в частности, во Владимирской области).

Итак, музейное дело Томской области со второй половины 1950-х до начала 1990-х гг. прошло в своем развитии несколько этапов:

1) 1956–1964 гг. – реорганизация музейной сети за счет перепрофилирования Музея И.В. Сталина и филиализации Колпашевского музея;

2) 1964–1982 гг. – незначительный рост количества музеев, выразившийся в открытии областного художественного музея и музея под открытым небом в с. Коларово;

3) 1983–1985 гг. – усовершенствование работы музеев региона в результате создания единого музейного объединения и филиализации ряда государственных и общественных музеев;

4) 1986–1991 гг. – кризис, связанный с закрытием главного музея Томской области на капитальный ремонт, ослаблением деятельности филиалов музея при условии появления новых, поиском новых видов работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красное знамя (Томск). 1978. 18 мая.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10010. Оп. 1. Д. 649.
3. Центр документации новейшей истории Томской области (далее – ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 3546.
4. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3573.
5. Георгиев Н. Новая экспозиция музея // Красное знамя (Томск). 1966. 25 дек.
6. Златоустова В.И. Государственная политика в области музейного дела (1945–1985) // Музей и власть. Государственная политика в области музейного дела (XVIII–XX вв.). М., 1991. Ч. 1. 323 с.
7. Лурье В. Ближе к жизни // Красное знамя (Томск). 1959. 28 фев.
8. Зиньковский М. Что показал смотр учреждений культуры // Красное знамя (Томск). 1959. 16 янв.
9. Рассамахин Ю.К., Яковлев Я.А. Колпашевский краеведческий музей // Энциклопедия Томской области. Томск, 2008. Т. 1. С. 312–313.
10. ГАРФ. Ф. 10010. Оп. 1. Д. 752.
11. Колотовкин П. Переполюх в музее // Красное знамя (Томск). 1969. 17 авг.
12. Егоров Ю.С. Развитие музейной сети в условиях зрелого социализма (60–70-е гг.) // Музейное дело в СССР: Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе. М., 1985. С. 22–38.
13. Приказ Министерства культуры РСФСР от 1 марта 1974 г. № 178 «Об улучшении организации научно-исследовательской работы по изобразительному искусству и деятельности художественных музеев РСФСР» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8270.htm
14. Майстровская М.Т., Воронцова Е.А. Художественные музеи // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 308.
15. Овчинникова Л.И. Томский областной художественный музей // Энциклопедия Томской области. Томск, 2009. Т. 2. С. 815.
16. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 1278.
17. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 4618.
18. Газалова К.М. Объединение музейное // Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 45–46.
19. Томский областной краеведческий музей: из прошлого в будущее. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. 182 с.
20. ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 18. Д. 17.
21. Григорьева С.Е. История Томского областного краеведческого музея (1920–2000-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 253 с.
22. ГАТО. Ф. Р-829. Оп. 1. Д. 1424.
23. Матющенко О.И. Нарымский музей: время становления // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 11. С. 240–247.
24. ГАТО. Ф. Р-1653. Оп. 2. Д. 646.
25. ЦДНИ ТО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 15.
26. Бестужев-Лада И. Власть и культура (социальная организация труда в сфере науки и искусства требует обновления) // Советский музей. 1991. № 2. С. 7, 13.
27. Кагарлыкский О. По жесткой застойной модели // Советский музей. 1991. № 4. С. 16–17.
28. Приказ Министерства культуры РСФСР «О передаче ряда функций Министерства в компетенцию местных органов культуры и музеев» // Библиотека Нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14533.htm, свободный (дата обращения: 25.09.2011).
29. Постановление Совмина РСФСР от 10 августа 1988 г. № 326 «О генеральной схеме управления отраслью культуры в РСФСР» // BestPravo Информационно-правовой портал. URL: <http://www.bestpravo.ru/sssrgn-pravo/p6b.htm>, свободный (дата обращения: 25.09.2011).
30. Приказ Министерства культуры СССР от 27 декабря 1988 г. № 483 «Об утверждении положения о музейном фонде». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_15346.htm, свободный (дата обращения: 25.09.2011).
31. Будет музейный съезд // Советский музей. 1991. № 5. С. 15.
32. Семенов Т. Создан Музейный совет // Советский музей. 1989. № 5. С. 47.
33. Положение об областном, краевом, республиканском (АССР) краеведческом музее: Утверждено Комитетом по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР // Очередные задачи перестройки работы краеведческих музеев. М., 1950. С. 215–218.
34. Манифестация деятелей культуры против невнимания к ее проблемам // Советский музей. 1990. № 6. С. 40–41.
35. Иванов Н. В защиту культуры // Красное знамя (Томск). 1990. 30 июня – 1 июля.
36. Сенюкова Н. Дом Асташева // Красное знамя (Томск). 1989. 5 окт.
37. Коптяева А. Сколько еще ждать? // Красное знамя (Томск). 1990. 30 июня – 1 июля.
38. Маскина Н. «Сигнальщики». Осторожно: демагогия! // Красное знамя (Томск). 1986. 19 авг.
39. ГАТО. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 726. Л. 5.
40. ГАТО. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 663. Л. 11–12.
41. Привалихина С. Закрыт дом-музей Свердлова // Томский вестник (Томск). 1998. 8 июля.
42. Колеров О. Сохранить историю, сохранить память! // Причулымская правда (Асино). 1989. 28 июня.
43. Корнева И. Искусство ГУЛАГа в новом музее // Томская неделя. Томск. 1996. 6 июня.
44. Кашеев Н. Музейная тишина над реликвиями ГУЛАГа // Томский вестник (Томск). 1996. 16 июля.
45. Чернавина Г. Музей – в подарок! // Молодой ленинец. 1984. 4 окт.
46. ГАТО. Ф. Р-1653. Оп. 1. Д. 755. Л. 10.

47. Решетникова З.С. Краеведы Земли Чаинской // Земля Чаинская: Сборник научно-популярных очерков к 100-летию с. Подгорного. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 278–286.
48. Сохоров В. Нехудожественные проблемы художественного музея // Красное знамя (Томск). 1990. 21 сент.
49. Михайлова В. Аукцион в музее // Красное знамя (Томск). 1990. 22 ноя.
50. Флегонтова В. Антиквариат – в музей // Красное знамя (Томск). 1991. 27 дек.
51. Антикварный салон в музее // Красное знамя (Томск). 1992. 17 апр.
52. Гошина Н. Заверните, пожалуйста, «Лунный вечер»! // Томский вестник (Томск). 1993. 11 мая.

Статья представлена научной редакцией «История» 29 сентября 2015 г.

STATE POLICY IN THE MUSEUM WORK IN THE SECOND HALF OF THE 1950S – EARLY 1990S AND ITS LOCAL IMPLEMENTATION IN TOMSK OBLAST

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 109–116. DOI: 10.17223/15617793/402/15

Sizova Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sizova_i@mail.ru

Keywords: museum work; museum policy; Tomsk Oblast; democratization; de-ideologization.

The development of museums in Tomsk Oblast from the second half of the 1950s till the beginning of the 1990s was in compliance with the national museum policy. This process can be divided into several stages: 1) 1956–1964. Reorganization of the museum network after the XX Party Congress because of The Stalin Museum in Narym reorientation and of the Kolpashevo museum reconstruction; 2) 1964–1982. A small growth of museum number; as a result, the Region Art Museum and the open-air museum in Kolarovo were opened; 3) 1983–1985. Organization of the Museum Union of Tomsk Oblast and reconstruction of a range of state and public museums; 4) 1986–1991. A crisis due to the temporary closing of the Museum of Tomsk Oblast. The museum branches were less active in this period, yet searched for new types of activities. At the same time, despite the national museum policy, the development of museums in Tomsk Oblast had its own features. At the first stage, as a result of the de-Stalinization of public life connected with the XX Congress, the focus area of The Stalin Museum in Narym changed. However, despite the overall process of de-Stalinization, visitors of the Museum insisted on returning Stalin's objects to the exposition. Simultaneously, there was a boom in museum activities due to the principle of competition. For example, 270 museums of the Ministry of Culture, including the Museum of Tomsk Oblast took part in the Russian review of museum work. At the second stage, among the three nation-wide trends in museum construction (forming museum branches, organizing independent museums and growing the network of art museums) the following are observed in Tomsk Oblast: forming museum branches and organizing art museums. Museum branches were formed by some independent museums but not public ones. The network of art museums was established in Tomsk Oblast only in the 1990s–2000s. Before, there were only two art museums here (The Art Museum of Tomsk Oblast and The Chainsk Art Gallery). At the third stage (in the 1980s), the organization of the Tomsk Museum Association did not improve the museum activities in Tomsk Oblast, as it was expected from the experience of in other parts of Russia (in particular, in Vladimir Oblast). It is worthy to note that the process of museum centralization in Tomsk Oblast was organized by the territorial principle (association of various museums of the region). The other principle (profile principle), for example, the union of literary museums in Penza, is not observed in Tomsk Oblast. The fourth stage is characterized by changing the national museum policy. Despite the difficult conditions, the museum network of Tomsk Oblast continued to develop. However, its development had an inertial character. The crisis of the museum network in Tomsk Oblast was connected with the temporary closing of the main museum – The Tomsk Local Lore Museum – in 1988, and, as a result, it lost its leading role in the museum network. Instead of it, The Art Museum of Tomsk Oblast took a leading role in the museum network. However, the system crisis in culture influenced The Art Museum, too. During this period new museum activities such as auctions of antiques, supporting private collections were suggested by art museum management to attract visitors to the museum.

REFERENCES

1. *Krasnoe znamya*. (1978). 18 May.
2. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10010. List 1. File 649. (In Russian).
3. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 3546. (In Russian).
4. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 3573. (In Russian).
5. Georgiev, N. (1966) Novaya ekspozitsiya muzeya [A new museum exposition]. *Krasnoe znamya*. 25 December.
6. Zlatoustova, V.I. (1991) Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (1945–1985) [The state policy in the field of museum affairs (1945–1985)]. In: Kasparinskaya, S.A. (ed.) *Muзей i vlast'. Gosudarstvennaya politika v oblasti muzeynogo dela (XVIII–XX vv.)* [Museum and power. The state policy in the field of museology (XVIII–XX centuries)]. V. 1. Moscow.
7. Lur'e, V. (1959) Blizhe k zhizni [Closer to life]. *Krasnoe znamya*. 28 February.
8. Zin'kovskiy, M. (1959) Chto pokazal smotr uchrezhdeniy kul'tury [What the review of cultural institutions showed]. *Krasnoe znamya*. 16 January.
9. Rassamakhin, Yu.K. & Yakovlev, Ya.A. (2008) Kolpashevskiy kraevedcheskiy muzey [The Kolpashevo History Museum]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. V. 1. Tomsk: Tomsk State University.
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 10010. List 1. File 752. (In Russian).
11. Kolotovkin, P. (1969) Perepolokh v muzee [Turmoil in the museum]. *Krasnoe znamya*. 17 August.
12. Egorov, Yu.S. (1985) Razvitiye muzeynoy seti v usloviyakh zrelogo sotsializma (60–70-e gg.) [The development of the museum network in the conditions of mature socialism (1960–70-ies)]. In: *Muzeynoe delo v SSSR: Muzeynaya set' i problemy ee sovershenstvovaniya na sovremennom etape* [Museology in the USSR: The museum network and problems of its perfection at the present stage]. Moscow.
13. Library of regulatory legal acts of the USSR. (1974) *Prikaz Ministerstva kul'tury RSFSR ot 1 marta 1974 g. № 178 "Ob uluchsheniі organizatsii nauchno-issledovatel'skoy raboty po izobrazitel'nomu iskusstvu i deyatel'nosti khudozhestvennykh muzeev RSFSR"* [Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation on March 1, 1974 No 178 "On improving the organization of research on fine arts activities and art museums of the RSFSR"]. [Online]. Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8270.htm.
14. Maystrovskaya, M.T. & Vorontsova, E.A. (2001) Khudozhestvennye muzei [Art museums]. In: Yanin, V.L. et al. (eds) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopaedia]. V. 2. Moscow: Progress, Ripol Klassik.
15. Ovchinnikova, L.I. (2009) Tomskiy oblastnoy khudozhestvennyy muzey [Tomsk Regional Art Museum]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Entsiklopediya Tomskoy oblasti* [Encyclopedia of Tomsk Oblast]. V. 2. Tomsk: Tomsk State University.
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 1278. (In Russian).
17. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 1. File 4618. (In Russian).

18. Gazalova, K.M. (2001) Ob"edinenie muzeynoe [Merging museums]. In: Yanin, V.L. et al. (eds) *Rossiyskaya muzeynaya entsiklopediya* [Russian Museum Encyclopaedia]. V. 2. Moscow: Progress, Ripol Klassik.
19. Chernyak, E.I. (ed.) (2003) *Tomskiy oblastnoy kraevedcheskiy muzey: iz proshlogo v budushchee* [Tomsk Regional Museum: from past to future]. Tomsk: Tomsk State University.
20. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 607. List 18. File 17. (In Russian).
21. Grigor'eva, S.E. (2010) *Istoriya Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (1920–2000-e gg.)* [The history of the Tomsk Regional Museum (1920–2000-ies.)]. History Cand. Diss. Tomsk.
22. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. List 1. File 1424. (In Russian).
23. Matyushchenko, O.I. (2002) Narymskiy muzey: vremya stanovleniya [The Narym Museum: the time of formation]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum]. V. 11. Tomsk: Tomsk State University.
24. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1653. List 2. File 646. (In Russian).
25. Documentation Centre of the Modern History of Tomsk Oblast (TsDNI TO). Fund 1393. List 1. File 15. (In Russian).
26. Bestuzhev-Lada, I. (1991) Vlast' i kul'tura (sotsial'naya organizatsiya truda v sfere nauki i iskusstva trebuetsya obnoveniya) [Power and Culture (social organization working in the field of science and art requires updating)]. *Sovetskiy muzey*. 2.
27. Kagarlytskiy, O. (1991) Po zhestkoy zastoynoy modeli [By the rigid recessionary model]. *Sovetskiy muzey*. 4. pp. 16–17.
28. Library of regulatory legal acts of the USSR. (n.d.) Prikaz Ministerstva kul'tury RSFSR "O peredache ryada funktsiy Ministerstva v kompetentsiyu mestnykh organov kul'tury i muzeev" [Order of the Ministry of Culture of the RSFSR "On the transfer of certain functions of the Ministry in the competence of the local culture agencies and museums"]. [Online]. Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_14533.htm. (Accessed: 25 September 2011).
29. BestPravo. (1988) *Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 10 avgusta 1988 g. № 326 "O general'noy skheme upravleniya otrasl'yu kul'tury v RSFSR"* [Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of August 10, 1988 No. 326 "On the general scheme of the management of culture in the RSFSR"]. [Online]. Available from: <http://www.bestpravo.ru/ussr/gn-pravo/p6b.htm>. (Accessed: 25 September 2011).
30. Library of regulatory legal acts of the USSR. (1988) *Prikaz Ministersva kul'tury SSSR ot 27 dekabrya 1988 g. № 483 "Ob utverzhdenii polozheniya o muzeynom fonde"* [Order of the USSR Ministry of Culture on December 27, 1988 No. 483 "On approval of the museum fund"]. [Online]. Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_15346.htm. (Accessed: 25 September 2011).
31. Anon. (1991) Budet muzeynyy s"ezd [There will be a museum congress]. *Sovetskiy muzey*. 5. p. 15.
32. Semenenko, T. (1989) Sozdann Muzeynyy sovet [The Museum Council has been established]. *Sovetskiy muzey*. 5. p. 47.
33. Petrov, F.N. (ed.) (1950) Polozhenie ob oblastnom, kraevom, respublikanskom (ASSR) kraevedcheskom muzee: Utverzhdeno Komitetom po delam kul'turno-prosvetitel'nykh uchrezhdeniy pri Sovete ministrov RSFSR [Regulation on the provincial, regional, republican (ASSR) Local History Museum: Approved by the Committee for cultural and educational institutions in the Council of Ministers of the RSFSR]. In: Petrov, F.N. (ed.) *Ocherednye zadachi perestroiki raboty kraevedcheskikh muzeev* [Immediate Tasks of the restructuring of the museum]. Moscow.
34. Anon. (1990) Manifestatsiya deyatelay kul'tury protiv nevnimaniya k ee problemam [Demonstration of culture activists against the neglect of its problems]. *Sovetskiy muzey*. 6. pp. 40–41.
35. Ivanov, N. (1990) V zashchitu kul'tury [In defense of culture]. *Krasnoe znamya*. 30 June – 1 July.
36. Senyukova, N. (1989) Dom Astasheva [The House of Astashev]. *Krasnoe znamya*. 5 October.
37. Koptyaeva, A. (1990) Skol'ko eshche zhdai? [How long is it yet to wait?]. *Krasnoe znamya*. 30 June – 1 July.
38. Maskina, N. (1986) "Signal'shchiki". Ostorozhno: demagogiya! ["Signalmen". Caution: demagoguery!]. *Krasnoe znamya*. 19 August.
39. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1653. List 1. File 726. Page 5. (In Russian).
40. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1653. List 1. File 663. Pages 11–12. (In Russian).
41. Privalikhina, S. (1998) Zakryt dom-muзей Sverdlova [The Sverdlov House Museum Closed]. *Tomskiy vestnik*. 8 July.
42. Kolerov, O. (1989) Sokhraniti istoriyu, sokhraniti pamyat'! [Save history, save memory!]. *Prichulymskaya pravda*. 28 June.
43. Korneva, I. (1996) Iskusstvo GULAGA v novom muzee [GULAG Art in the new museum]. *Tomskaya nedelya*. 6 June.
44. Kashcheev, N. (1996) Muzeynaya tishina nad relikviiyami GULAGA [Museum silence over the relics of GULAG]. *Tomskiy vestnik*. 16 July.
45. Chernavina, G. (1984) Muзей – v podarok! [Museum as a present]. *Molodoy leninets*. 4 October.
46. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-1653. List 1. File 755. Page 10. (In Russian).
47. Reshetnikova, Z.S. (2001) Kraevedy Zemli Chainskoy [Local historians of the Chainskoye land]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya Chainskaya: Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 100-letiyu S. Podgornogo* [The Chainskoye Land: Collection of popular science essays on the 100th anniversary of S. Podgorny]. Tomsk: Tomsk State University.
48. Sokhorev, V. (1990) Nekhudozhestvennyye problemy khudozhestvennogo muzeya [Non-artistic problems of the Art Museum]. *Krasnoe znamya*. 21 September.
49. Mikhaylova, V. (1990) Auktsion v muzee [Auction at the museum]. *Krasnoe znamya*. 22 November.
50. Flegontova, V. (1991) Antikvariat – v muзей [Antiques to the museum]. *Krasnoe znamya*. 27 December.
51. Anon. (1992) Antikvarnyy salon v muzee [Antique Salon at the Museum]. *Krasnoe znamya*. 17 April.
52. Goshina, N. (1993) Zavernite, pozhaluysta, "Lunnyy vecher"! [Wrap the "Moon Night", please!]. *Tomskiy vestnik*. 11 May.

Received: 29 September 2015

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ ШАХТЁРОВ РОССИИ В 1992–1999 гг.

Рассматриваются основные направления нейтрализации протестного движения шахтёров России в 1992–1999 гг.: политическое противодействие и социально-экономическая деятельность. Проводится сравнительный анализ с забастовочным движением 1989–1991 гг. В контексте выделенных этапов выявляются роли основных участников данного процесса. Делается вывод о важности компромиссно-консенсусного подхода в прекращении шахтёрской борьбы.

Ключевые слова: Россия; шахтёры; протесты; нейтрализация.

В отечественной историографии обращается внимание на то, что активность протестного движения рабочего класса в России 1990-х гг. была значительно ниже, чем в других странах [1. С. 185]. Однако она была заметно выше и разнообразнее, чем в «перестроечный» период, и происходила в сложное для российской государственности время. Как и прежде, в авангарде рабочего движения были шахтёры. Их нейтрализация являлась важнейшей задачей укрепления экономической и общественно-политической стабильности. Поэтому на протяжении рассматриваемого времени органы власти и управления использовали для этого все имевшиеся возможности, в том числе и силу. Анализ источников и литературы показал, что основными направлениями нейтрализации шахтёрского недовольства являлись политическое противодействие и социально-экономическая деятельность. Данный процесс необходимо рассматривать поэтапно, во взаимосвязи с динамикой борьбы.

На первом этапе (1992–1997 гг.) наблюдался рост протестного движения шахтёров. В его начале протестная активность шахтёров не вызывала серьёзного внимания со стороны их основных контрагентов – руководителей предприятий, а также представителей исполнительной власти всех уровней. Программа «шоковой терапии» предусматривала развитие негативных процессов в экономике и социальной сфере не только угледобывающих регионов, но и всей страны. Особого сожаления со стороны власти и общества горняки не вызывали и потому, что изначально оказались далеко не в самом худшем положении в сравнении с представителями других социально-профессиональных групп. Между тем рост их протестной активности вынуждал администрации предприятий и органы власти активнее реагировать на её причины и факторы.

Главным направлением нейтрализации протестного движения шахтёров стало политическое противодействие, в основе которого были: популизм, политический диалог, дезорганизация, морально-психологическое давление и сила. Новая власть и органы управления изначально были в более выгодных условиях в сравнении с «перестроечным» периодом. В высших эшелонах власти оказались вчерашние лидеры шахтёрского движения. Их объективным преимуществом в сравнении с политической элитой конца 1980-х гг. являлось то, что они «изнутри» знали сильные и слабые стороны в жизни и деятельности рабо-

чих угольной промышленности. Это помогало Б. Ельцину и его команде не только успешно лавировать, но и по необходимости проявлять жёсткость. Во многом это объясняет незначительную уступчивость федеральных органов власти использованием с их стороны множества косвенных методов нейтрализации шахтёрской борьбы.

Высокий уровень доверия президенту Б. Ельцину определил преобладание в начале 1990-х гг. популистских мер воздействия на шахтёрскую борьбу со стороны представителей всех уровней власти. В этом им помогали либерально ориентированные рабочкомы и Независимый профсоюз горняков России (НПГР). Оправдания и обещания стали главными инструментами нейтрализации протестной активности и со стороны руководства предприятий и отрасли, которых поддерживал другой отраслевой профсоюз – Росуглепроф. Таким образом, с первых дней перехода к рынку в сфере угольной политики сформировались два противоборствующих лагеря, каждый из которых много обещал, а все неудачи списывал на «идейных противников».

Программа «шоковой терапии» ориентировала всех на трудности и время, что соответствовало парадигме постсоветской трансформации. Соответственно, в умах шахтёров закладывалась идея о необходимости «подождать» и «потерпеть» ради «светлого будущего». Москва щедро раздавала обещания, уговаривала, а временами даже заигрывала с рабочими, что позволяло затягивать время в выполнении своих обязательств. В течение первого этапа углепромышленные регионы неоднократно посещали высокопоставленные чиновники, большинство из которых были ответственны за топливно-энергетический комплекс страны, и успешно «убаюкивали» озлобленных шахтёров очередными обещаниями.

Выступления шахтёров считались неизбежными, поэтому реакция власти на них была слабой. Дефицит госбюджета не позволял Правительству РФ полностью выполнять свои обязательства перед трудящимися. Однако это не мешало органам власти делать открытые заявления о скором улучшении ситуации в угольной отрасли. Президент и Кабинет министров умело поддерживали атмосферу политико-экономического единства реформаторов и горняков, сформированную в последние годы советской власти.

В унисон Б. Ельцину действовали и региональные лидеры, которые обещали «навести порядок» в отрас-

ли, наказать виновных в коррупции, «найти» деньги и т.п. Популярность органам власти добавляли отдельные факты успешной социально-экономической деятельности и укрепления правопорядка. Любой успех широко рекламировался в шахтёрской среде и становился примером для общего подражания. В этом заметную роль играли подконтрольные органам власти СМИ. Газеты и телевидение отмечали появление широких возможностей угледобытчиков, но при этом часто умалчивались проблемы, мешавшие их реализации. Таким образом, создавалась иллюзия неиспользованных экономических возможностей работниками угольной промышленности.

В ходе предвыборной кампании Б. Ельцина Кремль сконцентрировал свои усилия на раздаче шахтёрам новых обещаний. Они затрагивали самые наболевшие темы и преподносились весьма солидно, как правило, в виде Указов президента РФ и других нормативно-правовых актов. Многие рабочие угольной промышленности вновь поверили Б. Ельцину и снизили давление на Правительство РФ. Летом 1996 г. иллюзия политического диалога между властью и шахтёрами достигла своей кульминации.

В реальности политический диалог не являлся приоритетным направлением в противодействии шахтёрскому движению, хотя власть понимала значимость данного инструмента разрешения социально-трудовых конфликтов и отчасти его использовала. Важнейшей особенностью его ведения стало то, что он в основном вёлся не напрямую с шахтёрами, а через их представительные органы – Советы рабочих комитетов и отраслевые профсоюзы. Высокая степень доверия им со стороны горняков на первом этапе позволяла не только власти, но и администрациям предприятий находить компромиссы, успешно договариваться, откладывая проведение намечаемой акции протеста на более поздний срок. Таким образом, снижалась степень политического недовольства, создавалась иллюзия непричастности Кремля к проблемам угольной промышленности.

Вместе с тем угроза политического хаоса в регионах заставляла Кремль прислушиваться к мнению угледобытчиков. Примером положительной реакции власти на шахтёрское недовольство может служить, хоть и фрагментарная, но всё-таки борьба с нецелевым использованием средств государственной поддержки [2. Л. 32]. На этом фоне требования горняков теряли радикальный и масштабный характер.

Вину за кризис в угольной промышленности Президент всё чаще возлагал на региональную власть. Решиться на смену руководителей шахтёрских территорий было непросто, так как Б. Ельцин сам их назначил и они всегда показывали политическую преданность. Однако в 1997 г. Президент готов был на подобные «жертвы» ради общественно-политической стабильности. Такая позиция встречала понимание среди горняков, которые сами неоднократно выступали с требованием отстранения отдельных руководителей регионов, а также городов и посёлков. Ротация кадров была выгодна профсоюзам и партиям, так как позволяла выдвигать собственных людей в органы власти и управления.

Наиболее заметным событием стала смена руководства администрации Кемеровской области. Символично, что это случилось незадолго до региональной стачки, проведение которой планировалось на 11 июля 1997 г. Её разрастание могло достичь всероссийского масштаба. Б. Ельцину пришлось сменить главу областной администрации М. Кислюка на известного и популярного в крае политика – А. Тулеева. Таким образом, власть дала горнякам ведущего углепромышленного бассейна сигнал о желании выстраивать взаимовыгодный диалог.

Подавляющая часть общественно-политических организаций Кемеровской области, в первую очередь КПРФ и профсоюзы, положительно отреагировали на смену власти. Они были уверены в том, что А. Тулеев сможет пригасить страсти в мятежном крае, развернуть конструктивную деятельность по решению социально-экономических проблем трудящихся. Надежды кузбассовцев в целом оправдались. Несмотря на сложные отношения между Б. Ельциным и А. Тулеевым на протяжении всего времени, новый губернатор умел проявлять политическую гибкость и вместе с Кремлём решать общие задачи по выводу угольной промышленности из кризисного состояния.

Политический диалог сыграл определенную роль в сдерживании протестного натиска шахтёров. С каждым годом его значение только возрастало. Между тем в течение первого этапа на фоне ухудшения социально-экономического положения углепромышленных регионов его косвенный и ограниченный характер не позволял решить ключевые проблемы шахтёрских городов и посёлков.

Слабым местом политического диалога являлось отсутствие на местах необходимых средств и полномочий для решения конкретных вопросов угольщиков. Поэтому органы власти и управления часто избегали прямых контактов с рабочими. Им приходилось ориентироваться на новые и эффективные методы противостояния в шахтёрской борьбе. На первом этапе одним из наиболее результативных способов стала дезорганизация протестного движения, которая позволяла нанести превентивный удар по солидарности как внутри шахтёрского сообщества, так и по его взаимоотношениям с товарищами из других отраслей экономики и работниками бюджетных организаций.

Используя широкий спектр инструментов, федеральная власть сумела быстро и легко внести раскол в ряды рабочего класса, посеяв недоверие, а в некоторых случаях и вражду. Сначала солидарность снизилась между угольщиками и работниками других отраслей экономики, затем на уровне смежников, регионов, предприятий, а потом и внутри шахтёрских предприятий [3. С. 189]. Насаждалась идея несовместимости радикальных методов борьбы с той властью, которую рабочие не так давно активно поддерживали. Все, кто воспринимал это негативно, в глазах не только власти, но и либерально настроенной общественности становились «реваншистами». Поэтому многие экономические претензии рабочих в ходе акций протеста выглядели не убедительно и имели конкретно-ориентированный, местный характер. В итоге созда-

валаась иллюзия отсутствия системных ошибок. Шахтёры оказывались в замешательстве, что, несомненно, снижало эффективность их борьбы.

В начале рыночных преобразований сложнее отводить от себя шахтёрскую агрессию удавалось директорскому корпусу. В ходе непосредственных встреч с горняками администрации предприятий «продавливали» идею о том, что протестные действия ухудшают собственную конкурентоспособность. Все проблемы они связывали с неумелой топливно-энергетической политикой Правительства РФ. По мере сокращения помощи из центра, а также ослабления шахтёрской солидарности доводы руководства становились всё убедительнее, и рабочие действительно прислушивались к ним.

В тех случаях, когда всё-таки удавалось организовать массовые акции протеста, органы власти и управления находили всевозможные «хитроумные» способы дезорганизации и ослабления шахтёрского натиска. Например, довольно часто использовались финансовые манипуляции, позволявшие провоцировать стихийное прекращение забастовок на отдельных шахтах. Тем самым создавались условия для возникновения цепной реакции прекращения стачки по всему региону, а в некоторых случаях и во всероссийском масштабе [4. С. 71]. Наиболее распространённым и вполне эффективным способом противодействия стала переориентация вектора рабочего недовольства на других субъектов политической и хозяйственной деятельности. Подчёркивая свою «солидарность» и переводя агрессию друг на друга, они, по сути, ставили шахтёров в тупиковое положение. Совместными усилиями «находились» деньги, но, как правило, они направлялись инициаторам акции протеста. Это вызывало распри, а в конечном итоге било по горняцкой солидарности и снижало протестную активность.

В результате с середины 1990-х гг. вектор политического недовольства шахтёров главным образом был направлен в сторону региональной и федеральной власти. Однако бороться с ними в силу дополнительных трудностей (географических, материальных и т.д.) было намного сложнее.

В моменты острых кризисных ситуаций органы власти и управления показывали способность к консолидации усилий, так как протесты создавали проблемы для всех, в том числе для жителей шахтёрских городов и посёлков. Ключевую роль в этом играли Правительство РФ и госкомпания «Росуголь». Их противостояние выглядело ярко, но в действительности оно было условным. Они успешно использовали тактику провоцирования микровзрывов с дальнейшим их погашением. Это приводило к изматыванию сил горняков и их профсоюзов и превращало подготовку и проведение акции протеста во всё более сложное дело [3. С. 194–195].

Несмотря на отдельные вспышки коллективных действий, шахтёрская борьба на первом этапе так и не приобрела пугающего власть характера. Наоборот, потеря классовой солидарности показала возможность использования при необходимости морально-

психологического давления и силы. Морально-психологическое давление выглядело более предпочтительным, что и определило его широкое использование. Оно осуществлялось на всех уровнях органов власти и управления и представляло собой целый комплекс взаимосвязанных направлений – информационный прессинг, шантаж, унижения и т.п. Меры нейтрализации протестной активности использовались как на уровне всего шахтёрского сообщества, так и его лидеров. Всё чаще в шахтёрской среде насаждались всевозможные мифы, способствовавшие созданию атмосферы восприятия трудностей трансформационного периода как закономерной реальности. Таким, например, был широко распространённый миф о «комплексе неполноценности» шахт.

После двух лет рыночных преобразований органы власти и управления усилили давление на протестное движение рабочих угольной промышленности. Оно стало ориентироваться на комплексность и системность. На местах ждали сигнала сверху к более решительным действиям и вскоре его получили. Впервые угроза преследования организаторов незаконных забастовок (в то время все они фактически являлись таковыми) прозвучала из уст российского президента в конце 1993 г. Показательным для всех примером было возбуждение в конце 1994 г. уголовного дела против шахтёров г. Анжеро-Судженска по факту перекрытия Транссибирской магистрали [3. С. 246–247]. В то время общественное мнение до такой степени было на стороне рабочих, что органы власти вскоре прекратили уголовное преследование их лидеров, но обществу был дан знак о готовности к использованию таких мер. В течение трёх лет шахтёры не использовали «рельсовую войну» как форму протеста.

Первым случаем, когда органы власти и управления использовали силу, стали события на шахте «Центральная» в г. Прокопьевске. Здесь в апреле 1997 г. «бастовавших» под землёй рабочих (в основном женщин) силой подняли на поверхность [5. С. 124–126]. Данный случай не получил должного резонанса и придал органам власти и управления дополнительную смелость в использовании силы. Почти сразу же представители правоохранительных органов жёстко пресекли попытку Объединённого городского рабочего комитета г. Анжеро-Судженска вывести трудящихся на рельсы [Там же. С. 121].

В целом ключевые контрагенты шахтёров сумели локализовать их политическое недовольство и не допустить драматического сценария развития протестного движения.

Только реальные, позитивные изменения в жизни шахтёров могли остановить рост недовольства. Поэтому одним из направлений противодействия протестному движению являлась экономическая и социальная деятельность. Её значение возрастало по мере ухудшения ситуации в угольной промышленности и снижения успехов органов власти и управления в популизме. Однако в рассматриваемое время шахтёрская борьба ослаблялась в том числе и объективными экономическими и социальными факторами. Впервые, в начале 1990-х гг. решать жизненно важные

вопросы шахтёрских городов и посёлков было легче благодаря потенциалу, накопленному в советское время. Во-вторых, новые рыночные условия внесли серьёзные коррективы в экономическую политику хозяйствующих субъектов и социально-профессиональную мобильность рабочих.

Последнее явилось особо значимым в контексте рассматриваемой проблемы. Изменение модели хозяйственной системы в сторону рыночных отношений способствовало формированию экономической политики, ориентированной не на интересы каких-либо социально-профессиональных групп, а на рентабельность и конкурентоспособность предприятий. Российская экономика в рассматриваемое время стала составной частью всемирного хозяйства со всеми вытекающими отсюда положительными и отрицательными последствиями. Конъюнктура мирового рынка в те годы оказалась более пригодна для нефтегазового сектора, чего не скажешь об угольной промышленности России. Более динамичное развитие нефте- и газодобывающих компаний предопределило падение важности угледобывающей отрасли и, соответственно, снижение возможностей экономического давления шахтёров на власть.

Потеря прежнего места и роли угольной промышленности в индустриальном секторе страны привело к росту негатива и в социальной динамике шахтёрского сообщества. Многие рабочие стали покидать шахты и разрезы и переходить на материально выгодные производства, а также заниматься предпринимательской деятельностью. Это позволило государству снизить финансовую нагрузку, а также увеличить возможности поддержания социальной сферы шахтёрских городов и посёлков. Рабочие угольной промышленности несли не только количественные, но и качественные потери, снижались их место и роль в социально-профессиональной структуре трудящихся России.

Вместе с тем объективные социально-экономические причины и факторы не решали всего комплекса задач по нейтрализации шахтёрской борьбы. Миллионы жителей углепромышленных городов и посёлков нуждались в быстром и эффективном решении жизненно важных проблем. Стабильное развитие угольной отрасли напрямую зависело от действий Правительства РФ, руководства предприятий, а также органов местной и региональной власти. Это явилось объективной основой наращивания их совместной деятельности по выходу из кризиса.

Социально-экономическая деятельность как инструмент противодействия шахтёрским протестам реализовывалась по трём ключевым направлениям. Их связующим звеном являлось повышение эффективности угледобывающих предприятий и компаний. Центральным из них было создание условий для этого на макроэкономическом уровне. Вторым направлением был поиск администрациями предприятий и компаний внутренних резервов. Третьим – разносторонняя помощь региональных и местных органов власти.

Высокая степень централизации угольной промышленности определила ведущую роль Правительства РФ в создании условий повышения её конкурен-

тоспособности на макроэкономическом уровне. Рост дефицита госбюджета обусловил скорое предоставление предприятиям угольной промышленности широкой хозяйственной самостоятельности, в том числе и во внешнеэкономической деятельности. Рабочие, как члены акционерных обществ, получили возможность участия в производственно-экономической деятельности шахт и разрезов, на чём они так упорно настаивали во время перестройки. Их предприятия имели возможность доступа к современной технике и технологиям, что позволяло повысить их уровень конкурентоспособности. Таким образом, государство сняло с себя ответственность за результаты производственной деятельности шахт и разрезов, частично и за решение социальных вопросов рабочих.

В условиях политической и хозяйственной нестабильности широкие экономические свободы оказались неэффективны. Ослабление «контроля сверху» усилило влияние субъективного фактора в деятельности предприятий, поэтому только некоторые из них сумели воспользоваться новыми преимуществами. По мере обострения ситуации в угольной промышленности всё очевиднее становился системный характер её проблем. В памяти руководителей страны были свежи крупномасштабные забастовки 1989 г., поэтому им приходилось корректировать стратегию экономического развития государства. Правительству срочно требовалось решить две основные задачи по выводу угольной промышленности из кризиса: провести системные и кардинальные реформы в отрасли, а также обеспечить высвобожденных горняков другой трудовой деятельностью.

Поскольку процесс реального реформирования шахтёрской отрасли затягивался, в 1993 г. был создан орган для оперативного решения её острых вопросов – Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов (МБК). Она имела широкие полномочия, её решения были обязательны для всех министерств, ведомств и субъектов Федерации. Несмотря на определённый эффект в деятельности МБК, данный орган не имел чёткой программы действий. Вполне оправданным в данной ситуации стал принятый в 1994 г. план реструктуризации угольной промышленности. Главной целью реструктуризации объявлялся переход на уровень рентабельной угледобычи, а ключевым инструментом её достижения – приватизация шахт и разрезов.

В силу многих причин, прежде всего отсутствия необходимой институциональной базы и средств, процесс реструктуризации имел весьма болезненное содержание. Большинство промахов и ошибок пришлось устранять администрациям предприятий посредством поиска внутренних резервов. Директорский корпус являлся наиболее близким контрагентом рабочих угольной промышленности, поэтому первые экономические требования ориентировались на него. Там, где руководство справлялось с поставленными задачами, горняки не чувствовали серьёзных потрясений. Наиболее успешно складывалась производственная деятельность на тех предприятиях, где инженер-

но-технический персонал быстрее осваивал рыночную грамотность и активно выходил на международный уровень сотрудничества, администрация требовательно относилась к дисциплине и порядку, а в случае нарастания кризисных ситуаций не боялась прямых контактов с рабочими.

Сохранять социальную стабильность им помогала, прежде всего, местная власть, которая была в этом заинтересована не меньше, чем руководство предприятий. Рост протестной активности не только горняков, но и других трудящихся шахтёрских городов и посёлков вынуждал органы региональной и местной власти оказывать разностороннюю помощь предприятиям угольной промышленности. Наиболее важным в их деятельности можно считать не прекращавшуюся борьбу с попытками быстрого и необоснованного закрытия шахт. Со стороны региональной и местной власти предпринимались конкретные меры поддержания дееспособности шахтёрских предприятий: предоставлялись отсрочки и рассрочки по уплате налогов, составлялись графики поэтапного погашения недоимок, проводилась реструктуризация задолженности в бюджеты на долгосрочный период и т.д. Благодаря их помощи решались вопросы погашения задолженности, изыскивались новые возможности социальной защиты рабочих семей, создавались условия по развитию предпринимательства и т.д.

В середине 1990-х гг. социальная инфраструктура предприятий полностью перешла в ведение муниципальных властей. Созданная в то время Ассоциация шахтёрских городов способствовала реализации важных социальных программ на муниципальном уровне, содействовала обеспечению социальных гарантий горнякам и членам их семей, участвовала в законотворческой деятельности по решению проблем и защите интересов шахтёрских городов и посёлков на уровне правительства и парламента РФ с целью принятия соответствующих документов. Учёт интересов всех слоёв населения позволял гасить пламя протеста не только шахтёров, но и работников бюджетной сферы.

Таким образом, ряд объективных и субъективных факторов в экономической и социальной сферах способствовал некоторому «купированию» шахтёрских проблем. Однако это были тактические успехи. Так и не появились общие подходы в решении наиболее важных вопросов угольщиков. На это указывает продолжавшийся рост задолженности по заработной плате, который был катализатором почти всех акций протеста горняков.

В целом меры, направленные на преодоление шахтёрских протестов, в 1992–1997 гг. отличались высоким уровнем конфликтности. Приоритетными являлись политические меры противодействия. Отдельные причины и факторы протестного движения довольно успешно гасились экономической и социальной политикой. Всё-таки эффективный механизм решения шахтёрских проблем в конце первого этапа так и не был создан.

Второй этап (январь–июль 1998 г.) явился пиком протестного движения шахтёров России. Решать социально-экономические проблемы углепромышлен-

ных территорий и, соответственно, противостоять протестному движению трудящихся стало ещё сложнее. В условиях разразившегося мирового финансово-экономического кризиса администрации шахт и разрезов оказались в ещё более худшем положении. Эффективно поддержать угледобытчиков местная и региональная власти не могли, так как не обладали широкими экономическими полномочиями. Поэтому всё внимание шахтёров было приковано к президенту и Правительству РФ, что отразилось в их требованиях, формах и методах реализации поставленных задач. Постепенно и Кремль стал осознавать всю полноту ответственности за кризис в народном хозяйстве страны, необходимость кардинальных перемен в топливно-энергетической политике и важность социальной составляющей процесса реструктуризации угольной промышленности. В течение второго этапа федеральная власть укрепила свои позиции в системе противодействия шахтёрским протестам. Остальные участники разрешения социально-трудовых конфликтов в большей мере дополняли действия Кремля, акцентируя внимание на собственных интересах.

Усиление на втором этапе политических требований шахтёров укрепило роль отраслевых профсоюзов и парламентских партий в решении важнейших вопросов угледобывающих территорий. Их действия не являлись нацеленными на радикальные политические изменения в стране, а подконтрольность протестного движения была выгодна, так как укрепляла посреднические позиции. Отраслевые профсоюзы и парламентские партии, как правило, поддерживали акции протеста шахтёров до тех пор, пока они являлись популярными. Но когда противостояние угрожало жизнедеятельности предприятий и городов, они меняли свою позицию, призывали рабочих к политическому диалогу, а правительство – к конкретным мерам по поддержке угольной отрасли. Поэтому президенту и правительству удавалось достигать с ними общей позиции по ключевым вопросам развития угольной промышленности, а также изолировать радикально настроенных рабочих и политическую оппозицию.

В течение второго этапа значение политического противодействия протестному движению возрастало, так как ни средств для решения социально-экономических вопросов горняков, ни авторитета за это время власть и хозяйствующие субъекты не прибавили. На этом фоне произошли качественные изменения в содержании данного направления нейтрализации шахтёрской борьбы: усилилась борьба с экономическими преступлениями, власть чаще стала использовать дезорганизацию протестного движения, морально-психологическое и силовое давление. Между тем в самые драматичные моменты противостояния политический диалог и популизм оказывались самыми эффективными средствами.

Политический диалог был представлен широко и касался не только формата отношений между органами власти и управления, с одной стороны, и шахтёрами – с другой. Большое значение имело налаживание диалога между ключевыми участниками политического процесса. Существенную политическую гибкость проявил

Кремль, что стало примером и для других контрагентов протестующих горняков. Однако до всероссийских «рельсовых войн» в мае 1998 г. политический диалог между членами Правительства РФ и представителями рабочих угольной промышленности не носил системного и результативного характера. Предоставляя деньги из бюджета, правительство считало выполненным свой долг перед угледобытчиками. О том, в каких объёмах эти средства доходили на конкретные нужды, оно не очень беспокоилось. Кремль в основном ограничивался отдельными заявлениями, суть которых состояла в неприемлемости давления угольщиков на него. Поэтому первоочередной удар приходилось держать органам власти и управления угледобывающих территорий, так как в числе прочих последствий акций протеста являлись социально-экономические потери не только предприятий, но и шахтёрских городов и посёлков. Это объективно консолидировало руководство угледобывающих предприятий, местную и региональную власть в принятии жизненно важных для угольщиков решений.

Положение администраций шахтёрских предприятий было двойственным. С одной стороны, в ходе второго этапа они находились в наихудшем финансово-экономическом положении за всю историю постсоветской России, что заметно снизило возможности удовлетворения экономических претензий трудящихся. С другой – основные требования рабочих, которые в тот момент имели политический характер, были направлены против федеральной власти, что ослабляло конфликтность между ними и администрацией угледобывающих предприятий. Последние оказались в ещё более зависимом от экономической политики Правительства РФ положении, чем раньше. Данная ситуация вынуждала руководителей предприятий чаще использовать нестандартные решения экономических проблем, показывать личный пример и т.п. Важную роль в этом играли регулярные встречи руководства и трудовых коллективов, где обсуждались злободневные вопросы производства и погашения задолженности по зарплатам. Открытый диалог способствовал выработке взаимоприемлемых компромиссов, предоставлял кредит доверия администрации.

Рост протестного движения шахтёров весной 1998 г. определил дальнейшее сближение усилий федеральной, региональной и местной власти в решении социально-экономических проблем углепромышленных регионов. Все свои действия Кремль стал согласовывать с региональным руководством и через него выстраивать стратегию и тактику противодействия борьбе рабочих. Укрепление в ходе второго этапа места и роли федеральных и региональных органов власти в решении проблем угольной промышленности повысило в то время значимость муниципалитетов и администраций угледобывающих предприятий, которые регулярно информировали вышестоящие инстанции о настроениях в трудовых коллективах и следовали инструкциям сверху.

Наибольшее воздействие на позицию Кремля оказали «рельсовые войны», когда возникла реальная угроза гражданской войны. Для решения вопросов

развития угольной промышленности стали оперативно привлекаться внутренние и внешние возможности, повышалась ответственность должностных лиц, создавались новые вспомогательные структуры и т.д. Но главное – власть стала оперативно реагировать на требования протестующих горняков, в том числе и тех, которые работали в частных компаниях, хотя их проблемы, по сути, не имели прямого отношения к деятельности органов государственной власти и управления.

Всероссийские «рельсовые войны» способствовали укреплению прямого политического диалога между властью и шахтёрами. Для всех были очевидны угрозы безопасности железнодорожного движения, возможных провокаций, использования силы и т.д. Первыми, кто отреагировал на масштабную акцию протеста горняков в мае, были руководители предприятий, местные и региональные администрации. Их самой важной заслугой стало непосредственное участие в предотвращении кровопролития, например, в Инте, Анжеро-Судженске, Шахтах и других наиболее напряженных очагах «рельсовых войн». Представители муниципалитетов работали в круглосуточном режиме, делая всё для прекращения акций протеста, – встречались с забастовочными штабами, решали с руководителями акций протеста организационные вопросы, искали способы решения проблем и т.д. [6. С. 359]. Предпринимались различные меры по урегулированию конфликтных ситуаций. В первую очередь представители органов власти и управления пытались убедить шахтёров в неправомерности и чреватости последствий радикальной акции. В некоторых регионах, например Челябинской области, местная власть сумела сама договориться с протестующими шахтёрами без привлечения правительственных комиссий [7]. Однако такие успехи были в большей мере связаны не с уникальными способностями областной администрации, а с более низким градусом протестной активности трудящихся и пенсионеров данного региона.

Главным посредником между пикетчиками и Кремлём в мае стала региональная власть. В тот критический для страны момент региональные лидеры проявили смелость и решительность, взяв на себя ответственность за разблокирование железнодорожных магистралей и обеспечение их безопасности. Особенно заметны тогда были действия губернатора Кемеровской области, по распоряжению которого 20 мая в крае было объявлено чрезвычайное положение. Благодаря этому кузбасские предприятия сохранили рабочий ритм, а населённые пункты – общественно-политическую стабильность [8]. Б. Ельцин открыто поддержал смелые и эффективные действия не только А. Тулеева, но и других руководителей регионов.

Реакция Кремля на требования трудящихся во время всероссийской «рельсовой войны» в мае 1998 г. имела неоднозначный характер. В целом Президент сохранял дистанцию с недовольными горняками, показывая неприемлемость с его стороны политических уступок. Однако это не означало недооценку им необычайно массовой акции протеста. Б. Ельцин умело перевёл развитие конфликта в формат взаимоот-

ношений пикетчиков и правительства, акцентируя внимание на социально-экономических требованиях шахтёров. Для урегулирования конфликтов на территориях довольно быстро были созданы представительные правительственные комиссии во главе с вице-премьерами. Их члены шли на небывалые уступки, порой превышая свои полномочия, а в некоторых случаях соглашались даже на подмену закона нормами морали. Это позволило создать атмосферу высокой заинтересованности президента и правительства в решении проблем угольной промышленности.

В самый сложный момент противостояния Б. Ельцин демонстративно показал личную заинтересованность в решении шахтёрских вопросов. Это произошло 25 мая на Совете безопасности России, где было принято решение о разработке новой государственной программы, направленной на кардинальную стабилизацию обстановки в угледобывающих регионах [9. С. 4]. Таким образом, власть признала справедливость шахтёрских требований и показала готовность идти на серьёзные уступки. Это снизило напор протестного движения и позволило акцентировать внимание горняков на социально-экономических требованиях.

В дальнейшем каждые десять дней для решения целого комплекса вопросов угольной отрасли страны в Москве собиралось специальное совещание под председательством вице-премьера Правительства РФ Б. Немцова [10]. Данные совещания проводились не только в столице, но и непосредственно на шахтёрских территориях. На заседаниях МВК анализировался ход выполнения «рельсовых» протоколов, рассматривались многие вопросы выхода угольной отрасли из кризиса, принимались конкретные решения. В центре внимания данной комиссии были проблемы социального характера, что стимулировало развитие политического диалога с рабочими.

В мае активными участниками переговорного процесса стали отраслевые профсоюзы, прежде всего Росуглепроф. Профсоюзные организации занимались поиском наиболее выгодного для угольной отрасли компромисса между рабочими и Кремлём. Рабочим они обещали скорое поступление денег и защиту от судебного преследования, а правительству гарантировали, что не станут заключать коалиции с коммунистами, ставить вопрос об изменении государственного строя и о национализации угольных предприятий [11. С. 89].

Очень часто диалог органов власти и управления с шахтёрами сопровождался использованием популистских методов воздействия. На втором этапе они приобрели особую значимость, так как каждая сторона пыталась показать себя не виновной в шахтёрских проблемах. Руководители шахт и разрезов часто убеждали рабочих в необходимости потерпеть, немного подождать и т.п., переводя агрессию в адрес российского правительства. Порой им это удавалось, тем самым сохранялся рабочий ритм предприятий. Весной 1998 г. это сделать было сложнее, а в моменты таких острых противостояний, как, например, в мае шахтёры уже не верили большей части руководителей шахт и разрезов. Тогда популистские меры воздействия – обещания и уговоры – стал активно ис-

пользовать Кремль. В мае члены правительственных комиссий не скупились на обещания по быстрому возврату долгов по зарплате, широкой материальной помощи как непосредственно рабочим, так и шахтёрским городам и посёлкам. Они ставили свои подписи под требованием отставки президента РФ и т.д. Правительственные комиссии не пугала подготовка заведомо невыполнимых документов, важнее было достижение главной цели – открытие магистрали. О дальнейшей судьбе протоколов они особо не задумывались, надеясь на скорое решение проблем, и их надежды, в общем, оправдались.

По мере снижения протестной активности горняков потребность в популизме уменьшалась. Вместе с тем примеры популистского поведения представителей органов власти и управления встречались в дальнейшем. На фоне конкретных положительных результатов в решении важнейших вопросов угольщиков новые обещания выглядели ещё убедительнее.

Важным направлением снижения напряжённости стала борьба с экономическими преступлениями, которая прежде велась недостаточно эффективно. Ситуация существенно изменилась во время «рельсовых войн». Активизировались действия по упрочению правопорядка, ликвидации возможных вариантов повторения масштабных акций протеста. Ключевую роль в этом стала играть прокуратура, которая контролировала наиболее уязвимые вопросы деятельности шахт и разрезов: соблюдение законодательства о труде, целевое использование финансовых средств, ценообразование при продаже угля посредникам, коррупция среди руководителей, исполнение решений судов о выплате зарплаты и др. [12. Л. 1]. Заметно увеличилось количество административных и уголовных дел, имевших прямое отношение к деятельности угледобывающих предприятий.

В ходе второго этапа расширился спектр мер дезорганизации шахтёрского движения. Почти все они были усовершенствованы. Особую важность на втором этапе приобрели методы оперативного срыва начинающихся акций протеста. Органы власти и управления создавали рабочим дополнительные трудности, вводили в заблуждение, отказывали в использовании инфраструктурных объектов, манипулировали транспортом и т.п. Если до всероссийских «рельсовых войн» это удавалось в наибольшей мере руководителям предприятий, то в мае–июле 1998 г. подобную практику чаще использовали региональные и федеральные органы исполнительной власти.

Неотъемлемыми элементами дезорганизации являлись дезинформация шахтёров и информационный прессинг. Мощным идеологическим ресурсом в нейтрализации шахтёрской борьбы являлись некоторые центральные СМИ («Российская газета», «Известия» и др.), реже – региональные. Они замалчивали борьбу горняков либо давали неполноценные сведения, даже искажали картину происходящего [13. Л. 3]. В обществе широко насаждалась идеология революционного страха и коммунистического реванша.

Там, где лучше всего удавалось дезорганизовать протестное движение, органы власти и управления

чаще использовали против рабочих давление и силу. Использовать силу в момент подъёма протестного движения было опасно, поэтому в действиях органов власти и управления доминировали методы морально-психологического давления — убеждения, создание негативного образа протестующих в глазах общественности, финансовый шантаж, демонстрация силы и угрозы. Шахтёров убеждали в неэффективности предпринимаемых действий, предупреждали о возможности их втягивания «в политическую борьбу» и т.п. Использовать давление в мае–июле было весьма рискованно, так как это могло вызвать обратный эффект и объединить рабочих угледобывающих предприятий с трудящимися других отраслей.

В мае 1998 г. на волне укрепления шахтёрской солидарности использовать административный ресурс стало сложнее. Инициатива противостояния активным методам борьбы горняков перешла в руки правоохранительных органов. Особое внимание уделялось «зачинщикам», их действия фиксировались фото- и видеокameraми [14]. Для большей «убедительности» и надёжности в «горячие точки» перебрасывали спецподразделения милиции из других населённых пунктов.

Федеральный центр осуществлял давление на горняков и через региональные органы власти. С мая 1998 г. одним из ключевых критериев оказания финансовой помощи регионам со стороны правительства РФ стало условие общественно-политической стабильности, прекращение любых протестных действий [15]. Поэтому региональная и местная власть стала проявлять больше политической лояльности к Кремлю, доказывать шахтёрам невозможность реализации политических требований и т.д.

С первых дней всероссийской акции протеста на рельсах Кремль не скрывал своей готовности привлечения к ответственности её участников [16]. Всё-таки решительные меры в отношении «зачинщиков» предпринимались в моменты ослабления протестного натиска. Наиболее действенным способом борьбы с пикетчиками стало уголовное преследование их лидеров. Первое уголовное дело по факту перекрытия железнодорожной магистрали было возбуждено 18 мая Воркутинской транспортной прокуратурой [17. Л. 14]. Однако в других шахтёрских городах и регионах прокуратуры не спешили возбуждать подобные уголовные дела, стараясь не нарушать хрупкую общественно-политическую стабильность. Если и приглашали участников пикетов, то только для дачи свидетельских показаний [18].

Во второй половине мая обеспокоенные размахом протестного движения, президент и Правительство РФ выдержали паузу и не поднимали этот вопрос. Мало того, во время подписания протоколов с забастовщиками члены правительственных комиссий даже гарантировали им уголовную неприкосновенность [19]. В июне–июле уровень шахтёрской солидарности снизился. На этом фоне в июле по телевидению было озвучено устное распоряжение президента РФ генеральному прокурору о необходимости привлечения к уголовной ответственности инициаторов «рельсовой войны» [20. Л. 17]. Началось массовое преследование

шахтёрских лидеров, несмотря на данные ранее правительственные гарантии.

Таким образом, меры политического противодействия протестному движению шахтёров во многом стали вынужденной альтернативой целенаправленной социально-экономической политики по выводу из кризиса шахтёрских городов и посёлков. Органы власти и управления успевали купировать недовольство рабочих, однако без реальных мер по улучшению их жизни ситуация в угледобывающих регионах оставалась зыбкой.

На втором этапе экономическая и социальная деятельность приобрела ещё большую значимость в нейтрализации шахтёрской борьбы, так как авторитет органов власти и управления продолжал снижаться. Только реальные дела могли поддержать регулярные заявления президента и правительства о необходимости решения жизненно важных проблем углепромышленных территорий. Положительные изменения в жизни горняков к лучшему Кремль связывал с продолжением либерализации отношений в области угольной промышленности, повышением её рыночной эффективности. Однако в начале второго этапа заметных дел со стороны правительства в реформировании стратегически важной отрасли не наблюдалось. Мало того, небывалых масштабов достигли задержки выплаты заработной платы. По-прежнему решением этого жизненно важного вопроса никто целенаправленно не занимался. В итоге работникам угольной промышленности и руководителям шахтёрских территорий пришлось в ещё большей мере самостоятельно решать эти проблемы.

Руководители шахт и разрезов были вынуждены внимательнее относиться к проблемам рабочих, быстрее осваивать законы рынка, заниматься повышением рентабельности производства и т.д. С их стороны чаще использовались жёсткие методы в отношении потребителей продукции, посреднических организаций, нарушителей трудовой дисциплины, а также оказывалось большое внимание модернизации оборудования и т.д. На отдельных угледобывающих предприятиях страны даже наблюдался рост технико-экономических показателей.

В силу своих возможностей найти выход из кризиса шахтам и разрезам помогали местные и региональные органы власти, а также отраслевые профсоюзы. Они контролировали выполнение социально-экономических обязательств, взятых на себя Кабинетом министров, уделяли больше внимания развитию предпринимательства, обеспечивали повышение сбора налогов в бюджет, искали новые формы поддержки малоимущих семей и др.

Всё-таки ключевой проблемой, на решение которой были брошены все силы органов власти и управления, являлось сокращение задолженности по зарплате. В мае правительству пришлось признать прямую ответственность за многомесячные задержки «кровно заработанных». Для решения этой проблемы были оперативно задействованы внутренние и внешние источники. Использование последних порой шло вразрез с международными обязательствами России,

но на это не обращалось внимание. Хотя и не в полном объеме, деньги на погашение задолженности по зарплате всё же шли. Причем их поток постепенно увеличивался и, что было немаловажно, имел «живое» содержание.

Таким образом, социально-экономическая деятельность на втором этапе приобрела более согласованный и комплексный характер. Однако продолжавшееся ухудшение финансово-экономического положения в стране могло в любой момент обострить кризис в угольной промышленности. Это требовало сохранения достигнутых в мае–июле высоких темпов решения актуальных проблем угольщиков.

В целом противодействие протестному движению шахтёров в течение второго этапа являлось более активным и сбалансированным. Ключевым фактором укрепления стабильности в углепромышленных регионах стали конкретные меры по решению экономических и социальных проблем шахтёров.

На третьем этапе (август 1998 – 1999 г.) наблюдался спад протестного движения шахтёров. Обстановка в углепромышленных городах и посёлках хоть и улучшилась, но продолжала оставаться беспокойной. Поэтому действия ключевых контрагентов шахтёрских протестов не теряли своей актуальности и требовали использования новых, системных подходов в решении проблем угольной промышленности. Финансово-экономический кризис, развернувшийся летом 1998 г., в совокупности с бюджетным дефицитом выдвинули на первый план политические инструменты противодействия шахтёрскому недовольству.

Использование политического противодействия несколько изменилось в сравнении с предыдущими месяцами. С одной стороны, оно не являлось столь активным, как в первой половине 1998 г., с другой – его методы приобрели более смелый и разнонаправленный характер. Особенности политического противодействия на третьем этапе являлись следующие. Во-первых, снижение роли популизма. Органы власти и управления «устали» давать обещания, а шахтёры всё меньше им верили. Во-вторых, власть вела политический диалог не только и не столько с рабочими, сколько с их законными политическими представителями. Это позволяло изолировать радикально настроенную оппозицию. В-третьих, возросла роль правоохранительных органов в борьбе с экономическими преступлениями, а также в давлении на инициаторов акций протеста шахтёров.

В первые месяцы рассматриваемого этапа доминирующая роль в нейтрализации шахтёрских протестов продолжала оставаться за федеральным центром, который разными способами реализовывал политику компромиссов. Даже там, где использовалось давление, оно было до тех пор, пока власть не чувствовала достаточность подобной меры для установления компромисса и стабильности. На фоне финансово-экономической помощи углепромышленным регионам такой подход встречал поддержку среди многих рабочих, а также их профсоюзов. Политика компромиссов являлась объективным процессом, так как правительство уже не могло поддерживать тот уро-

вень материально-экономической помощи шахтёрским территориям, который обозначился в конце второго этапа. В то же время наблюдалось истощение политико-экономических сил борющихся горняков. Идея консенсуса на основе компромиссов, предложенная Кремлём, стала основой антикризисного механизма в шахтёрских городах и посёлках.

В июле 1998 г. второй этап «рельсовой войны» в Кузбассе закончился. В других углепромышленных регионах массовые и радикальные акции протеста шахтёров не имели такого дестабилизирующего эффекта. Попытки горняков организовать народное давление на Кремль, используя, например, пикет перед Домом правительства, показывали невозможность осуществления данной идеи. Однако многомесячным присутствием «горячей» точки в столице могли воспользоваться леворадикальные партии и движения. Соответственно, перед Б. Ельциным стояли три политические задачи, реализация которых позволяла перевести протестное движение шахтёров в менее опасный формат. Первая и наиболее важная – это изоляция горняков от реальных и потенциальных политических союзников. Вторая – раскол шахтёрского движения изнутри. Третья – повышение степени доверия органам власти и управления со стороны населения углепромышленных территорий.

Из реальных политических союзников шахтёров по-прежнему выделялась компартия РФ, которая активно анализировала опыт и уроки «рельсовых войн» [21. Л. 27] и не оставляла попыток организовать «антинародным» реформам правительства масштабное сопротивление рабочих. Любая крупномасштабная акция протеста в то время могла стать катализатором смены политического режима, поэтому президент внёс существенные коррективы в укрепление общественно-политической стабильности в стране. Он решился на создание коалиционного правительства во главе с Е. Примаковым, человеком популярным в политических и хозяйственных кругах страны. Это решение позитивно восприняли КПРФ и другие оппозиционные общественно-политические партии и движения. Таким образом, Б. Ельцину довольно быстро удалось достичь принципиального компромисса с главной оппозиционной силой страны – компартией РФ.

Решить вторую задачу – расколоть шахтёрское движение изнутри – было легче, чем первую, так как органы власти и управления весьма хорошо в этом преуспели в предыдущие годы. Однако в силу многих особенностей реализовать на практике эту задачу явилось довольно кропотливым делом, так как главная и наиболее организованная сила шахтёров – отраслевые профсоюзы – не так быстро сдавала свои протестные позиции, как хотелось бы власти. Несмотря на некоторые разногласия по вопросу использования форм протестной борьбы внутри самих шахтёрских профсоюзов, они продолжали контролировать пикет перед Домом Правительства РФ и многие другие локальные акции протеста в углепромышленных регионах. Просто покинуть Москву означало для НППР, как организатора столичного пикета, потерять доверие рабочих. Правительство РФ пошло на ряд

важных уступок, которые пикетчики считали достаточными для сворачивания акции. Прекращение пикетирования Дома Правительства РФ за два дня до всероссийской акции протеста профсоюзов седьмого октября 1998 г. указывает не только на достигнутый взаимовыгодный компромисс с Кремлём, но и на обозначившийся серьёзный раскол в отношениях между НПГР и ФНПР.

Сложнее всего Кремлю было решать третью задачу – повышение степени доверия органам власти и управления со стороны населения углепромышленных территорий. Для этого в первую очередь необходимо было снять имевшуюся напряжённость в отношениях. Символическим шагом, показывающим такое намерение, явилось прекращение уголовного преследования «организаторов» транспортных блокад в мае и июле 1998 г. [22]. Данное решение противоречило нормам закона [23], но соответствовало избранной Б. Ельциным и шахтёрскими профсоюзами политике компромиссов.

Для предотвращения массовых и радикальных акций протеста Кремль сконцентрировал свои усилия на создании антикризисного механизма. Его основой стали политико-правовые инструменты устранения социально-экономического недовольства. В 1999 г. усилились меры ответственности руководителей предприятий, изменилась нормативно-правовая база трудового законодательства. Появление уголовной ответственности за задержку заработной платы заметно повысило действенность механизма разрешения трудовых конфликтов.

В общем, политика компромиссов сыграла существенную роль в укреплении общественно-политической стабильности в углепромышленных территориях. В отношении тех, кто её не принял (а их было меньшинство), власть прибегала к альтернативным методам воздействия.

Обратной стороной политики компромиссов стали давление и угрозы на недовольных шахтёров. Их использование было особенно заметно в регионах, общественно-политической обстановкой в которых Кремль был обеспокоен меньше, чем в столице. Федеральный центр не желал идти на серьёзные уступки угледобытчикам, так как в стране было много других актуальных и не менее значимых проблем; требования рабочих противоречили экономической политике Правительства РФ; власть чувствовала настроения общества и в целом контролировала ситуацию.

Одним из критериев начала рассматриваемого этапа можно считать откровенные заявления президента и других высокопоставленных чиновников о необходимости применения силы против участников незаконных акций протеста [24. Л. 78]. Энергичному преследованию подверглись «зачинщики» незаконных форм борьбы. Всё это происходило на фоне судебных разбирательств с участниками «рельсовых войн», в отношении которых работники прокуратуры и следственных органов заняли жёсткую позицию. Благодаря широкому общественному резонансу и избранной президентом политике компромиссов никто из инициаторов железнодорожных блокад не был осужден.

Однако эффект морального подавления шахтёрского недовольства имел место.

Это дополнялось созданием атмосферы необходимости использования правоохранительными органами жёстких действий в отношении радикально настроенных рабочих. Для поддержания психологического давления милиция регулярно занималась «профилактикой» рабочих протестов. Проверку профессиональных навыков в случае перекрытия железнодорожных магистралей она проводила масштабно [25], охотно демонстрируя это с экранов телевизоров.

Давление и угрозы не встретили бурной негативной реакции не только со стороны горняков, но и других социально-профессиональных групп российского общества в том числе и потому, что осуществлялось активное давление органов власти и на работодателей. Это чётко проявилось на региональном уровне, особенно в Кемеровской области [26. С. 103].

Ещё более показательным процессом, ориентированным на повышение уровня доверия к органам власти, явилась репрессивная политика по отношению к тем участникам угольного рынка, которые, по мнению горняков, были ответственны за кризис в отрасли. В противном случае общественно-политическая обстановка в шахтёрских регионах оставалась бы взрывоопасной. Поэтому на третьем этапе была продолжена борьба с экономическими преступлениями, прежде всего, с недобросовестными посредниками и нарушителями трудового законодательства. Чтобы избежать возможных злоупотреблений в экономической сфере, правительство расширило полномочия региональных администраций.

В целом политическая деятельность, направленная на нейтрализацию протестного движения шахтёров, позволила создать эффект близости шахтёров и власти, а также успешнее реализовывать социально-экономическую политику.

Более цельный, конкретный и эффективный характер в деле снижения уровня шахтёрского недовольства приобрела экономическая и социальная деятельность. Сохранение общественно-политической стабильности требовало незамедлительного решения социально-экономических проблем населения, прежде всего рабочих. Первоочередной задачей органов власти и управления в начале третьего этапа по-прежнему являлось сокращение задолженности по зарплате трудящимся угледобывающих предприятий. В первые месяцы рассматриваемого этапа продолжилось выделение дополнительных средств для финансирования отрасли. Это позволило оперативно решить самые острые проблемы с задолженностью, прежде всего в наиболее «горячих точках» угольных бассейнов. Сокращение задолженности по зарплате осуществлялось и благодаря возвращению долгов со стороны посреднических фирм и потребителей продукции, а также повышению эффективности производственной деятельности предприятий.

Однако увеличение объёмов финансирования угледобывающей промышленности не решало коренных проблем рабочих. Отрасль нуждалась в систем-

ном оздоровлении. В силу политических катаклизмов это произошло только осенью 1998 г. Отставка Кабинета министров С. Кириенко после финансового дефолта 17 августа и формирование нового состава правительства в сентябре не позволили фактически до октября выстраивать какую-либо чёткую программу по выходу из кризиса угольной отрасли России.

Новые способы повышения эффективности угледобывающих предприятий и компаний обозначились в экономической политике правительства Е. Примакова. Она реализовывалась в двух основных направлениях: усиление государственного регулирования деятельности угольной промышленности и углубление и расширение рыночных преобразований. Несмотря на определённую противоречивость этих направлений, они в реальности проводились не в ущерб друг другу.

Первое направление знаменует собой начало конца эпохи «дикого капитализма» в угольной промышленности. Главными задачами государственного вмешательства являлись: организация регулируемого рынка сбыта угля, формирование честной конкуренции между предприятиями и компаниями, поддержка смежных отраслей промышленности, создание конкурентных преимуществ российских шахтёров на международном уровне, вытеснение с угольного рынка России иностранных конкурентов.

На региональном уровне усилились контроль финансовых потоков угледобывающих предприятий и соблюдение прав трудящихся. Быстрее, чем другие угольные территории, расширением социально-экономических возможностей воспользовалась администрация Кемеровской области [27. С. 28–29].

На местном уровне наиболее значимым решением стало предоставление органам местного самоуправления шахтёрских городов и посёлков права получения средств на программы местного развития и обеспечение занятости населения [28. С. 29]. Это способствовало снижению нецелевого использования средств господдержки, предназначенных для реструктуризации угольной отрасли.

Было бы сложно добиться успеха в развитии угольной промышленности без государственной поддержки смежных отраслей. Федеральные и региональные органы власти создавали условия для функционирования крупных частных компаний, которые объединяли такие взаимосвязанные отрасли, как угольная, машиностроительная и металлургическая. Данные меры способствовали не только повышению конкурентоспособности угольщиков, но и диверсификации региональных экономик, появлению новых рабочих мест, увеличению налогооблагаемой базы, росту инвестиций и т.д.

Параллельным направлением «нового» экономического курса правительства Е. Примакова стала интенсификация либеральных преобразований, устранение преград на их пути. Это выразилось в дальнейшей приватизации шахт и разрезов, корректировке законодательства, стимулировании роста эффективности производства и др. Благодаря данным мерам в отрасль пошли инвестиции, снизились издержки добычи угля, укреплялись межотраслевые связи и т.д., а в общем,

повышалась конкурентоспособность угольной промышленности. В 1999 г. приватизированные предприятия стали демонстрировать лучшую динамику развития в сравнении с государственными [29. С. 135], что подчёркивало правильность избранного пути.

Таким образом, государство динамично снимало с себя финансовую нагрузку, формировало эффективного собственника и уходило от ответственности за результаты производственной деятельности. Соответственно, устранялись причины, ориентировавшие шахтёрское недовольство в сторону российского правительства.

Положительная динамика доходной части федерального бюджета позволила продолжить погашение долгов перед горняками и заниматься реальным реформированием отрасли. В 1999 г. общий объём средств на господдержку угольной промышленности по сравнению с 1998 г. увеличился с 5,250 до 12 млрд руб. [30. С. 4]. Повышение экономической эффективности предприятий, рост угледобычи, снижение себестоимости продукции и т.д. стимулировали в 1999 г. повышение зарплат рабочим и рост уровня жизни населения шахтёрских территорий [31. С. 33].

Важной особенностью третьего этапа стала реализация ответственной социальной политики в шахтёрских городах и посёлках, что чётко обозначилось в 1999 г. С того года было увеличено финансирование из федерального бюджета мероприятий по социальной защите работников, высвобождаемых в ходе реструктуризации угольной отрасли, при одновременном усилении государственного контроля целевого использования этих средств; более чёткие и конкретные формы и содержание приобрело социальное партнёрство товаропроизводителей, профсоюзов, государства и местных органов власти в решении социальных проблем реструктуризации угольной отрасли и обеспечении жизнедеятельности в углепромышленных муниципальных образованиях; были введены более действенные механизмы профсоюзного контроля соблюдения законодательства о труде и об охране труда и т.д. [32. С. 77].

Сложнее всего решалась проблема безработицы высвобождаемых шахтёров. С ней боролись тремя способами. Первый – рабочих закрываемых шахт и разрезов переводили трудиться на другие (новые или более рентабельные) угледобывающие предприятия. Второй – им предлагали работу на предприятиях и организациях других отраслей хозяйства, например в дорожном строительстве. Третьим и наиболее значимым способом ликвидации безработицы являлось вовлечение горняков в предпринимательскую деятельность.

Начиная с сентября 1998 г. важнейшим направлением социальной политики Правительства России стало возобновление решения такой важной проблемы, как переселение шахтёрских семей из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей. Количество шахтёрских семей, переехавших в центральные районы страны, увеличилось с 51 в 1998 г. до 857 в 1999 г. [33. С. 64–65], т.е. почти в 17 раз.

Таким образом, социально-экономическая деятельность органов власти и управления в противодей-

ствии протестному движению шахтёров России на третьем этапе заметно возросла как в количественном, так и качественном измерении. Она приобрела открытый, системный и перспективный характер. Шахтёрское сообщество восприняло её как вполне достаточную для достижения консенсуса со своими основными контрагентами. Укрепление социальной стабильности, в свою очередь, положительно отразилось на решении актуальных экономических задач угледобытчиков.

В целом антикризисная деятельность органов власти и управления, а также общественно-политических организаций оказалась сильнее протестного движения шахтёров, несмотря на небывалое в истории России противостояние. Эти действия были тесно взаимосвязаны и в целом отвечали общим интересам, так как позволили смягчить наиболее сложные социально-экономические проблемы и противоречия, сохранить стабильность и либерально-демократический путь развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Р.И. Деформация классовых свойств у российских рабочих в конце XX – начале XXI столетия // Вестник РГГУ. 2007. № 2–3/07.
2. Письмо прокурора Приморского края В.В. Василенко территориальному комитету профсоюза АО «Приморскуголь», 14.12.1995 г. // Государственный архив Приморского края (далее – ГАПК). Ф. Р-1707. Оп. 1. Д. 163.
3. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.). М., 2001.
4. Будько В.И. Современное положение и основные задачи Российского независимого профсоюза угольщиков в условиях реструктуризации угольной промышленности // Российский независимый профсоюз угольщиков – организованные действия в условиях реструктуризации угольной промышленности. М., 1996.
5. Борисов В., Бурнышев К. Кузбасс: перед большим огнем // ЭКО. 1997. № 9.
6. Малофеевская Л.Н. Город на большой Инте. Сыктывкар, 2004.
7. Вадимов А., Гончарова Т. Невменяемые и безответственные, берегитесь: Борис Ефимович едет! // Южноуральская панорама (Челябинск). 1999. 29 апр.
8. Striking miners force state of emergency in Kemerovo: BBC News Online. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm> свободный (дата обращения: 25.12.2015 г.).
9. Синявский Б. Навечно замороженные // Известия. 1998. 27 мая.
10. Политическая нестабильность в Республике Коми нанесет удар по ее экономике // Искра. 1998. 9 июня.
11. Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (По материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. 2004. № 3.
12. Прокурорам субъектов РФ, транспортным прокурорам задание «Об организации проверок исполнения законодательства в деятельности предприятий угледобывающих регионов» (01.06.1998 г.) // ГАПК. Ф.-533. Оп. 2. Д. 176.
13. Протокол № 20 заседания президиума Прокопьевского теркома углепрофсоюза, 15.01.1998 г. // Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 338.
14. Попок В. Стояние на Транссибе // Кузбасс. 1998. 21 мая.
15. Житинев С. Шахтеры плюс деньги – конец забастовке // Вечерний Челябинск. 1998. 24 авг.
16. Голованко А. Нина Останина: «Угрожая шахтерам, власть играет с огнем» // Заполярье (Воркута). 1998. 15 мая.
17. Письмо прокурора г. Инты И.М. Астарханова заместителю прокурора Республики Коми Рыжову Н.И. // Национальный архив Республики Коми. Ф. Р-1307. Оп. 1. Д. 1878.
18. Литвинов Ю. «Трясут» «Ростовуголь» // Молот (г. Ростов-на-Дону). 1998. 28 мая.
19. Протокол заседания рабочей группы по рассмотрению требований, выдвинутых трудящимися и жителями города Анжеро-Судженска (23.05.98 г.) // Текущий архив муниципального учреждения культуры «Городской краеведческий музей» г. Анжеро-Судженска.
20. Государственный архив Кемеровской области. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 88.
21. Постановление Президиума Ростовского областного комитета КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 30.05.1998 г. // Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. Р-3703. Оп. 1. Д. 33.
22. Участники блокады прощены // Парламентская газета (Москва). 1999. 10 февр.
23. Морозова Е. Суд Кемеровской области оставил без удовлетворения заявления прокурора области о признании недействительным пункта в «Согласительном протоколе» об уголовном непреследовании участников «рельсовой войны» // Сибирский курьер (Новосибирск). 1998. 19 окт.
24. Протокол № 15 заседания Президиума Ростовского обкома КПРФ, г. Ростов-на-Дону, 29 августа 1998 г. // ЦДНИРО. Ф. Р-3703. Оп. 1. Д. 33.
25. Учения на железной дороге // Шахтёрская правда (Прокопьевск). 1999. 18 мая.
26. Плотникова Е. Отраслевые профсоюзы: практика колдоговорной работы // Профсоюзы России: организация или пространство? / под ред. В. Борисова, С. Кларка. М., 2004.
27. Heiko Pleines. Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse. Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa, Bremen. 2006. Nr. 80.
28. Ротин В.Г., Черни А.В. Роль ассоциации шахтерских городов в решении социальных проблем угольных муниципалитетов // Уголь. 2001. № 3.
29. Кожуховский И.С. Реструктуризация угольной промышленности России : дис. ... канд. экон. наук. М., 2003.
30. Саламатин А.Г. О ходе реструктуризации угольной промышленности и перспективах ее развития в условиях рыночной экономики // Уголь. 1999. № 12.
31. Кондратьева Е.В. Новые реалии функционирования отрасли и социальные проблемы угольных предприятий на примере Кузбасса // Уголь. 2003. № 5.
32. Пяткин А.М. Социальная напряженность в углепромышленных регионах: социальный феномен, реальность и перспектива // Уголь. 2005. № 9.
33. Сборник основных статистических данных о деятельности Федерального государственного учреждения «Соцуголь» за период 1998–2010 годы. М., 2010.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 декабря 2015 г.

PRINCIPAL DIRECTIONS TO CONTROL PROTEST CAMPAIGNS OF RUSSIAN MINERS IN 1992–1999

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 117–130. DOI: 10.17223/15617793/402/16

Solovenko Igor S. Yurga Institute of Technology (Branch) of Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

Keywords: Russia; miners; protests; counteraction.

Principal directions to counteract miners' dissatisfaction involved political response, social and economic activities. They were different as the struggle evolved. The first stage (1992–1997) was distinguished by intensifying miners' protest campaigns. The core way to counteract them was mainly a political opposition based on populism, political dialog, disorganizing, moral and psychological pressure and force. At the beginning of the period in question, populism prevailed, then political dialog and disorganizing were used more frequently. Pressure and force were hardly fallen back on. Economic and social activity comprised three key spheres: developing conditions to support the branch on the macroeconomic level; search for internal reserves by management of companies and enterprises, and diverse assistance by regional and local authorities. In general, measures taken to overcome miners' protests in 1992–1997 were notable for strong conflict intensity. The second stage (January – July 1998) was a peak point of miners' protest campaigns in Russia. Political counteraction to miners' struggle was distinguished by major breakthroughs: control over economic crime got stronger; the authorities used disorganizing, moral and psychological pressure and force as methods to withstand protest campaigns more often. Economic and social activities gained in importance. Internal and external resources were widely applied to cut arrears of wages. To sum up, control over miners' protest campaigns over the second period was more active and balanced. Decline of protest campaigns was typical for the third stage (August 1998–1999). Special features of protest campaigns of this stage were as follows: populism was not as important as before, political discussions were carried out not with workers but with their legal political representatives, activities of low-enforcement agencies were intensified to control economic crimes. Social and economic activities of the government agencies supported actual reforms of the mining industry and debt repayments to workers. Generally speaking, anti-crisis activity of government agencies and authorities, as well as political organizations was more significant than miners' protest campaigns. It could resolve the most significant social and economic problems and contradictions, keep stability and liberal-democratic way of development.

REFERENCES

1. Anisimov, R.I. (2007) Deformatsiya klassovykh svoystv u rossiyskikh rabochikh v kontse XX – nachale XXI stoletiya [The deformation of the class properties of Russian workers at the end of the 20th – beginning of the 21st centuries]. *Vestnik RGGU*. 2–3/07.
2. Pis'mo prokurora Primorskogo kraia V.V. Vasilenko territorial'nomu komitetu profsoyuza AO "Primorskugol", 14.12.1995 g. [Letter from public prosecutor of Primorsky Krai V. Vasilenko to the territorial committee of trade union of "Primorskugol" of 14.12.1995]. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund R-1707. List 1. File 163.
3. Borisov, V.A. (2001) *Zabastovki v ugol'noy promyshlennosti (analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–99 gg.)* [Strikes in the coal industry (analysis of the miners' movement of 1989–99)]. Moscow: ISITO.
4. Bud'ko, V.I. (1996) Sovremennoe polozhenie i osnovnye zadachi Rossiyskogo nezavisimogo profsoyuza ugol'shchikov v usloviyakh restrukturi-zatsii ugol'noy promyshlennosti [The current situation and the main tasks of the Russian independent trade union of coal miners in coal industry restructuring]. In: Mokhnachuk, I.I. (ed.) *Rossiyskiy nezavisimyy profsoyuz ugol'shchikov – organizovannye deystviya v usloviyakh restrukturi-zatsii ugol'noy promyshlennosti* [Russian independent trade union of coal miners – organized action in the restructuring of the coal industry]. Moscow: Rosugleprofsoyuz.
5. Borisov, V. & Burnyshev, K. (1997) Kuzbass: pered bol'shim ognem [Kuzbass: before a large fire]. *EKO*. 9.
6. Malofeevskaya, L.N. (2004) *Gorod na bol'shoy Inte* [City on the big Inta]. Syktyvkar: Komi respublikanskaya tipografiya.
7. Vadimov, A. & Goncharova, T. (1999) Nevmenyaemye i bezotvetstvennye, beregites': Boris Efimovich edet! [Insane and irresponsible, beware: Boris Efimovich is coming!]. *Yuzhnoural'skaya panorama*. 29 April.
8. BBC News Online. (1998) Striking miners force state of emergency in Kemerovo: [Online]. Available from: <http://news.bbc.co.uk/2/low/europe/97296.stm>. (Accessed: 25 December 2015).
9. Sinyavskiy, B. (1998) Navechno zamorozhennye [Forever frozen]. *Izvestiya*. 27 May.
10. Anon. (1998) Politicheskaya nestabil'nost' v Respublike Komi naneset udar po ee ekonomike [The political instability in the Republic of Komi will blow its economy]. *Iskra*. 9 June.
11. Potseluev, S.P. (2004) Ritualizatsiya konflikta (Po materialam "rel'sovoy voyny" 1998 g.) [Ritualization of conflict (On the "rail war" of 1998)]. *Polis*. 3.
12. Prokuroram sub'ektov RF, transportnym prokuroram zadanie "Ob organizatsii proverok ispolneniya zakonodatel'stva v deyatel'nosti predpriyatiy ugledobyvayushchikh regionov" (01.06.1998 g.) [To prosecutors of subjects of the Russian Federation and transport prosecutors: a task "On the organization of checks of the implementation of legislation in the activity of enterprises of coal-mining regions" (01.06.1998)]. State Archive of Primorsky Krai (GAPK). Fund 533. List 2. File 176.
13. Protokol № 20 zasedaniya prezidiuma Prokop'evskogo terkoma ugleprofsoyuza, 15.01.1998 g. [Minutes No. 20 of the meeting of the Presidium of the Prokopyevsk territorial committee of the trade union of coal miners, 15.01.1998]. Archival Department of the Administration of Prokop'yevsk. Fund 31. List 1. File 338.
14. Popok, V. (1998) Stoyanie na Transsibe [Standing at Transsib]. *Kuzbass*. 21 May.
15. Zhitinev, S. (1998) Shakhtery plyus den'gi – konets zabastovke [Miners plus money: the end of the strike]. *Vecherniy Chelyabinsk*. 24 August.
16. Golovenko, A. (1998) Nina Ostanina: "Ugrozhaya shakhteram, vlast' igraet s ognem" [Nina Ostanina "Threatening the miners, the government is playing with fire"]. *Zapolyar'e*. 15 May.
17. Pis'mo prokurora g. Inty I.M. Astarkhanova zamestitelyu prokurora Respubliki Komi Ryzhovu N.I. [Letter from Public Prosecutor of Inta I.M. Astarkhanova to Deputy Prosecutor of the Republic of Komi N.I. Ryzhov]. National Archive of the Republic of Komi. Fund R-1307. List 1. File 1878.
18. Litvinov, Yu. (1998) "Tryasut" "Rostovugol'" ["Shaking" "Rostovugol'"]. *Molot*. 28 May.
19. Protokol zasedaniya rabochey gruppy po rassmotreniyu trebovaniy, vydvynutykh trudyashchimisya i zhitelyami goroda Anzhero-Sudzhenska (23.05.98 g.) [Minutes of the meeting of the working group to address the demands made by the workers and residents of Anzhero-Sudzhensk (23.05.1998)]. Current Archive of the Municipal Cultural Institution City History Museum of Anzhero-Sudzhensk.
20. State Archive of Kemerovo Oblast. Fund 1311. List 1. File 88.
21. Postanovlenie Prezidiuma Rostovskogo oblastnogo komiteta KPRF, g. Rostov-na-Donu, 30.05.1998 g. [Resolution of the Presidium of the Rostov Regional Committee of the Communist Party, Rostov-on-Don, 30.05.1998]. Documentation Centre of the Modern History of Rostov Oblast (TsDNIRO). Fund R-3703. List 1. File 33.

22. Anon. (1999) Uchastniki blokady proshcheny [The blockade participants forgiven]. *Parlamentskaya gazeta*. 10 February.
23. Morozova, E. (1998) Sud Kemerovskoy oblasti ostavil bez udovletvoreniya zayavleniya prokurora oblasti o priznanii nedeystvitel'nym punkta v "Soglasitel'nom protokole" ob ugovornom nepresledovanii uchastnikov "rel'sovoy voyny" [Kemerovo Oblast Court dismissed the prosecutor's application for annulment of the point in the Conciliation Protocol of non-prosecution of the criminal participants of the "rail war"]. *Sibirskiy kur'er*. 19 October.
24. Protokol № 15 zasedaniya Prezidiuma Rostovskogo obkoma KPRF, g. Rostov-na-Donu, 29 avgusta 1998 g. [Minutes No. 15 of the meeting of the Presidium of the Rostov Regional Committee of the Communist Party, Rostov-on-Don, August 29, 1998]. Documentation Centre of the Modern History of Rostov Oblast (TsDNIRO). Fund R-3703. List 1. File 33.
25. Anon. (1999) Ucheniya na zheleznoy doroze [Exercising at the railway]. *Shakhterskaya pravda*. 18 May.
26. Plotnikova, E. (2004) Otrasleye profsoyuzy: praktika koldogovornoy raboty [Branch trade unions: the practice of collective contract works]. In: Borisov, V. & Klark, S. (eds) *Profsoyuzy Rossii: organizatsiya ili prostranstvo?* [Trade Unions of Russia: organization or space?]. Moscow: IISTO.
27. Heiko Pleines. (2006) Der politische Einfluss der Kohlelobbies in Polen, Russland und der Ukraine. Eine vergleichende Politikfeldanalyse [The political influence of coal lobbies in Poland, Russia and Ukraine: comparative policy studies]. *Arbeitspapiere und Materialien – Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen*. 80.
28. Rotin, V.G. & Cherni, A.V. (2001) Rol' assotsiatsii shakhterskikh gorodov v reshenii sotsial'nykh problem ugol'nykh munitsipalitetov [The role of the Association of mining towns in solving social problems of coal municipalities]. *Ugol'*. 3.
29. Kozhukhovskiy, I.S. (2003) *Restrukturizatsiya ugol'noy promyshlennosti Rossii* [The restructuring of the coal industry of Russia]. Economics Cand. Diss. Moscow.
30. Salamatina, A.G. (1999) O khode restrukturizatsii ugol'noy promyshlennosti i perspektivakh ee razvitiya v usloviyakh rynochnoy ekonomiki [On the progress of restructuring of the coal industry and its development prospects in a market economy]. *Ugol'*. 12.
31. Kondrat'eva, E.V. (2003) Novye realii funktsionirovaniya otrasli i sotsial'nye problemy ugol'nykh predpriyatiy na primere Kuzbassa [The new realities of the functioning of the industry and the social problems of the coal enterprises on an example of Kuzbass]. *Ugol'*. 5.
32. Pyatkin, A.M. (2005) Sotsial'naya napryazhennost' v uglepromyshlennykh regionakh: sotsial'nyy fenomen, real'nost' i perspektiva [Social tensions in the coal-mining regions: a social phenomenon, reality and prospects]. *Ugol'*. 9.
33. Anon. (2010) *Sbornik osnovnykh statisticheskikh dannykh o deyatelnosti Federal'nogo gosudarstvennogo uchrezhdeniya "Sotsugol'" za period 1998–2010 gody* [Collection of basic statistics on the activities of the Federal State Institution "Sotsugol'" for 1998–2010]. Moscow.

Received: 30 December 2015

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЗАГРАНИЧНОГО ПОХОДА (1813–1814 гг.)

Историография заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. традиционно затмевалась героическим 1812 г. Очень мало опубликовано исследований, посвященных проблемам кампании 1813–1814 гг. На сегодняшний день темы, связанные с заграничным походом, в силу своей значимости для российской истории становятся актуальными. Поэтому важно проследить то, как они освещались в отечественной историографии и на какие аспекты кампании 1813–1814 гг. обращали большее внимание.

Ключевые слова: заграничные походы русской армии 1813–1814 гг.; Отечественная война 1812 г.; Наполеоновские войны; историография войны 1812 г.; эпоха 1812 г.

История заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. традиционно затмевается героическими событиями предшествующего года. В российской исторической науке преобладает перекос в сторону историографических исследований, посвященных проблематике Отечественной войны 1812 г., работ же, содержащих анализ кампании 1813–1814 гг., не так много. Заграничный поход 1813–1814 гг., начавшийся с изгнания армии Наполеона из России и завершившийся созданием новой системы миропорядка, привел к большим изменениям. Наполеоновский проект единой Европы не состоялся, но в тот же момент оформился Священный союз. Россия не только утвердила свое место среди великих держав, но и на несколько десятилетий стала одной из ведущих сил европейской политики. С этого момента началось становление национального самосознания русского народа. Начиная с середины XIX в. российская историография сделала из Отечественной войны основу для создания национальной идентичности. Наполеоновские войны породили множество всевозможных легенд, послуживших базой для формирования ключевых российских исторических мифов. Будучи тесно связанными с историографией, исторические мифы породили то, что сегодня принято называть исторической политикой или политикой прошлого. На сегодняшний день темы, связанные с заграничным походом русской армии 1813–1814 гг., в силу своей значимости для российской истории становятся актуальными. В этой связи необходимо проследить то, как в отечественной исторической науке освещалось это событие и на какие аспекты кампании 1813–1814 гг. историки обращали большее внимание.

Впервые к историографии заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. исследователи обратились в рамках широкомасштабного празднования столетнего юбилея Отечественной войны. Это было сделано в монографии Ю.С. Карцова и К.А. Военского «Причины войны 1812 года» [1] и статье В.П. Алексеева «Отечественная война в русской исторической литературе», вошедшей в семитомное издание «Отечественная война и русское общество» [2]. Ю.С. Карцов и К.А. Военский в предисловии к книге дали свою периодизацию литературы по истории Отечественной войны 1812 г., выделив два периода: «официально-легендарный» (1813–1860 гг.) и «период обнаруже-

ния, исследования и опубликования новых документов» (после 60-х гг. XX в.). Авторы, проанализировав труды историков первой половины XIX в., упрекнули их в шаблонности суждений, недостатке исторической перспективы, в непонимании общей картины событий и предвзятости. Однако причин «близорукости», помимо близости к описываемой эпохе, они не определили. Представителей второго периода в историографии авторы критикуют за увлечение фактами и документами в ущерб представлению в целом, а также непонимание решающего значения экономического фактора. Ю.С. Карцов и К.А. Военский, подводя итог, приходят к выводу о «подготовительном» [1. С. 307] характере всей предшествующей историографии.

В статье «Отечественная война в русской исторической литературе» В.П. Алексеев, в отличие от своих предшественников, ограничивавшихся только историографическим обзором, анализирует работы, выделяя «национально-патриотическое» и «научное» направления в историографии эпохи 1812 г. Автор критикует национально-патриотическое направление за недостаточную научную базу, за влияние божественного проведения на ход событий, игнорирование социальной стороны войны, подытоживая, что оно дало только военную историю «с небольшой долей критического элемента». По его представлению, научное же направление находится на стадии становления, поскольку научная картина Отечественной войны 1812 г. еще не сформирована.

Вместе с тем В.П. Алексеев, Ю.С. Карцов и К.А. Военский еще не делали различий в подходах к изучению темы между либеральной и официальной историографией. Историки критиковали своих предшественников, которые особое внимание уделяли личности императора Александра I, при этом упускали важное значение экономического фактора, а внешнюю политику представляли именно как выражение воли правящего монарха.

В советский период в отечественной исторической науке не было написано ни одного обобщающего исследования о заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. Практически отсутствуют монографические работы, посвященные анализу сражений, действия отдельных регулярных соединений. Не появилось и основательных научных биографий российских полководцев, отличившихся в кампании 1813–1814 гг.

Кроме того, взгляды и оценки большинства советских историков сильно зависели от государственной идеологии. Тем не менее исследователи регулярно обращались к историографическим вопросам заграничного похода 1813–1814 гг. в контексте внешней политики России начала XIX в. В работе Е.В. Тарле «Об изучении внешнеполитических отношений России и деятельности русской дипломатии в XVIII–XX веках» [3] представлен небольшой историографический обзор, в котором автор касается темы дореволюционной историографии, но не дает ей характеристики, как и не оценивает советские работы по внешней политике этого периода.

Работа Л.Г. Бескровного «Очерки военной историографии России» [4] стала первым обобщающим исследованием такого рода в отечественной исторической науке. Автор предпринял попытку историографического анализа дореволюционных работ по истории эпохи 1812 г., косвенно затронув некоторые аспекты заграничного похода русской армии 1813–1814 гг., таких авторов, как А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович и др. Кроме того, в ряде работ советских историков по различным вопросам истории Отечественной войны 1812 г., Священного союза и других были сделаны историографические обзоры. Здесь можно отметить исследования П.А. Жилина [5], Н.С. Киняпиной [6], Л.В. Маркова [7], Н.А. Троицкого [8].

В конце 1980-х гг. вышла статья В.А. Дунаевского «Освободительный поход русской армии в 1813 г. (Некоторые аспекты советской историографии и источниковедения)» [9], посвященная обзору историографии заграничного похода русской армии в 1813 г. В ней дается обзор работ советских историков по теме, не разделяя их на периоды. Автор говорит о противоречивом характере кампании 1813 г., который заключался в агрессивных внешнеполитических планах Александра I, направленных на использование своего влияния в целях реакции. Однако, говоря о самом походе, автор акцентирует внимание на освободительных, прогрессивных тенденциях. Историк отмечает, что в советской исторической науке существовал «неверный» взгляд на позицию М.И. Кутузова в отношении участия России в заграничном походе, унаследованный от дореволюционной историографии, который заключался в нежелании полководца переносить военные действия за границу. По мнению В.А. Дунаевского, М.И. Кутузов напротив, желал освобождения Европы.

Практически одновременно были опубликованы две работы времени перестройки – монография Б.С. Абалихина и В.А. Дунаевского «1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987» [10] и исследование Н.А. Троицкого «Отечественная война 1812 года. История темы», авторы которых поставили перед собой цель – проанализировать историографию Отечественной войны 1812 г. Эти работы внесли значительный вклад в исследование эпохи 1812 г., став первыми попытками критического анализа русской дореволюционной и, главным образом, советской историографии. Хотя тема исследования в

обоих трудах ограничена одним годом, в них затрагиваются и разбираются работы, относящиеся к участию России в 3-й и 4-й антинаполеоновской коалициях, Тильзитском мире, континентальной блокаде и заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. Н.А. Троицкий выступил с резкой критикой советской историографии Отечественной войны с позиций историзма и марксизма. В то же время в работе не освещается переходный период от дореволюционной к советской историографии, не прослеживается судьба историков этого времени, упущены некоторые «неудобные» для периодизации имена, в частности великого князя Николая Михайловича, близкого к либеральному направлению.

В конце 80-х гг. XX в. в печати разгорелись жаркие споры между Н.А. Троицким [11], с одной стороны, и Б.С. Абалихиным и В.А. Дунаевским – с другой [12], связанные с разными взглядами авторов на ряд ключевых вопросов истории Отечественной войны 1812 г., а в частности на историю самого термина «Отечественная война», роль, действия и оценку И.М. Кутузова, Александра I, стратегию Наполеона в 1812 г., создание VI антинаполеоновской коалиции. Дискуссия продолжалась и в последующие годы Б.С. Абалихиным в исследовании «1812 год: актуальные проблемы истории» содержащей историографический анализ некоторых проблем Отечественной войны, в частности, стратегии Наполеона в 1812 г., истории Бородинского сражения, контрнаступления русских войск и др., а также в работах Н.А. Троицкого, посвященных вопросам новейшей историографии темы [13].

Несмотря на достоинства работ, опубликованных в годы перестройки, их авторы сохраняли приверженность ряду установок марксистско-ленинской историографии, что выражалось в сохранении шаблонов предшествующих годов. Внешнюю политику Александра I 1812–1815 гг. советские историки считали реакционной; в заграничном походе они усматривали превалирующее реакционное значение. Кроме того, по их мнению, участие и роль Александра I в заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. нивелировались или сводились к минимуму. По мнению исследователей, победу одержала именно русская армия и талантливые военачальники, отдельное место отводилось личности М.И. Кутузова, роль императора в этом была незначительной. Нужно отметить недостаточное внимание и анализ наследия дореволюционной историографии, взгляды представителей которой априори считались устаревшими и необъективными. Для данного периода характерной чертой является постоянное обращение к тезисам классиков марксизма-ленинизма, чьи утверждения старались доказать советские историки. Несмотря на заявленный вектор на объективность, зачастую такое цитирование выражало не более чем прикрытие для «приукрашивания» истории, когда «выдергивались» из текста и муслировались «выгодные» высказывания и, напротив, замалчивались «невыгодные».

В советский период на развитие историографии эпохи 1812 г. большое влияние оказала политическая конъюнктура, определяемая государственной идеоло-

гией. В течение этого длительного периода работа историков была ориентирована государственными структурами и общими обстоятельствами «внутренней дисциплины» на создание враждебного образа противника. Такого рода установка по определению отвергала то, что принято называть «новой исторической наукой» или «новой историографией». Потому как проникновение в человеческий контекст событий прошлого неизбежно размягчало бы «образ врага» и заставляло бы более критически относиться к действиям своей стороны.

С окончанием холодной войны связывают начало подлинной «интернационализации» исторических изысканий в сфере изучения наполеоновских войн. Это проявилось не только в приобщении историков Восточной Европы к методологическим разработкам западной гуманитарной науки, но и в том, что западноевропейские и американские исследователи стали активно обращаться к трудам восточноевропейских историков и начали расширять источниковую базу трудов за счет российских архивов.

Отличительной особенностью исследований, вышедших после 90-х гг. XX в. от предыдущего этапа, явилось то, что помимо заметного влияния западной историографической традиции изучения наполеоновских войн, российские историки обратились к опыту историописания рубежа XIX–XX вв. Решающую роль в этих поисках для многих российских авторов имел уникальный опыт участия в движении военно-исторической реконструкции, благодаря которому «человеческое измерение» наполеоновской эпохи стало для них естественным, а нередко и главным элементом в военно-исторических исследованиях.

Один из крупных исследователей эпохи 1812 г. В.М. Безотосный в своей статье, не потерявшей актуальности и по сей день, дал обобщенную характеристику современной российской историографии Отечественной войны 1812 г. Он подчеркнул, что отечественная историография 1812 г. подверглась не менее тяжелому испытанию – совершенному отсутствию финансирования, что привело к потере кадров. Тем не менее В.М. Безотосный, несколько преувеличивая достижения постсоветского периода, говорит о нем как о чрезвычайно плодотворном и принципиально новом в качественном отношении, так как фактически впервые для российской историографии главным стимулом исследований стало само развитие военно-исторической науки [14. С. 295].

В ряде работ и коллективных трудов последних лет, не посвященных специально историографическим вопросам, авторы считают необходимым уде-

лить внимание историографии отдельных моментов и аспектов эпохи 1812 г., русско-британских, русско-шведских отношений и т.д. Эту тенденцию мы можем видеть на примере исследований В.В. Рогинского [15], А.А. Орлова [16], В. Г. Сироткина [17], энциклопедии «Отечественная война 1812 года. Энциклопедия» [18], и ее существенно дополненных переизданиях «Заграничные походы русской армии. 1813–1815 годы» [19] и «Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов» [20]. По мнению В.П. Тотфалушина, в 1990-е гг. историки стали отказываться от стереотипного изображения событий 1812 г. и внешней политики этого периода в целом [21. С. 166]. Иначе говоря, впервые начались дискуссии по теме Отечественной войны 1812 г. и Наполеоновских войн в рамках регулярных научных конференций, посвященных эпохе 1812 г., сформировалось новое поколение исследователей.

Наиболее подробный обобщенный анализ состояния отечественной историографии заграничного похода приведен во введении к работе Н.А. Могилевского «От Немана до Сены: заграничный поход русской армии 1813–1814 гг.» [22. С. 10–14]. Автор указывает на то, что в российской исторической науке очевиден огромный перекос внимания в сторону Отечественной войны 1812 г., в ущерб кампании 1813–1814 гг.

В рамках празднования 200-летнего юбилея Отечественной войны 1812 г. и заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Институтом российской истории РАН был проведен ряд конференций, посвященных проблемам этого периода. По их итогам были опубликованы сборники статей [23, 24], авторы которых обращались как к общим проблемам историографии заграничного похода [25–27], так и к ее отдельным аспектам [28].

Подводя некоторые итоги, хочется заметить, что несмотря на наличие достаточного количества трудов, затрагивающих разные аспекты темы исследования, до сих пор отсутствует целостная работа по историографии заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. Научные исследования по-прежнему посвящаются преимущественно историографии Отечественной войны 1812 г. и внешней политике первой четверти XIX в. При этом трактовки воззрений как дореволюционных, так и советских историков достаточно противоречивы и не всегда последовательны. Проблемой является и то, что далеко не все устоявшиеся в советской историографии тезисы и оценки, в настоящее время во многом устаревшие, пересмотрены и отвергнуты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карцов Ю.С., Военский К.А. Причины войны 1812. СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1911. XIV. 115 с.
2. Алексеев В.П. Отечественная война в русской исторической литературе // Отечественная война и русское общество. М., 1912. 376 с. Т. VII.
3. Тарле Е.В. Об изучении внешнеполитических отношений России и деятельности русской дипломатии в XVIII–XX веках // Юбилейный сборник АН СССР, посвященный 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1947. С. 42.
4. Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М.: Наука, 1962. 318 с.
5. Жилин П.А. О войне и военной истории. М.: Наука, 1984. 496 с.
6. Киняпина Н.С. Некоторые вопросы внешней политики России в новой публикации документов Российского министерства иностранных дел // История СССР. 1971. № 5. С. 136–141.

7. Марков Л.В. Россия и Священный союз // Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 56–68.
8. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М. : Наука, 1988. 350 с.
9. Дунаевский В.А. Освободительный поход русской армии в 1813 г. (Некоторые аспекты советской историографии и источниковедения) // Бессмертная эпопея (к 175-летию Отечественной войны 1812 г и Освободительной войны 1813 г. в Германии) : сб. ст. М. : Наука, 1988. С. 261–273.
10. Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков, 1917–1987. М. : Наука, 1990. 246 с.
11. Троицкий Н.А. Рецензия на книгу Б.С. Абалихина, В.А. Дунаевского «1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987» // История СССР. 1992. № 2.
12. Абалихин Б.С., Дунаевский В.А. Пусть судит читатель. Авторы книги о войне 1812 года не согласны с оценками рецензента // Отечественная история. 1992. № 6. С. 188–193.
13. Троицкий Н.А. Советская историография войны 1812 г. (Традиции. Стереотипы. Уроки) // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. Первые Дружининские чтения : сб. докл. и сообщений. М. : Институт российской истории РАН, 1992. С. 11–25.
14. Безотосный В.М. О путях развития современной историографии Отечественной войны 1812 г. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Т. IV : Труды ГИМ. М. : ГИМ, 2005. Вып. 147. С. 294–310.
15. Рогинский В.В. Борьба за Скандинавию: Международные отношения на Севере Европы в эпоху Наполеоновских войн 1805–1815. М. : Весь Мир, 2012. 522 с.
16. Орлов А.А. Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху Наполеоновских войн. М. : Прогресс-Традиция, 2005. 367 с.
17. Сироткин В.Г. Наполеон и Россия. М. : ОЛМА-Пресс, 2000. 379 с.
18. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2004. 880 с.
19. Заграничные походы русской армии. 1813–1815 годы: Энциклопедия : в 2 т. М. : РОССПЭН, 2011. 1516 с.
20. Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 г. Энциклопедия : в 3 т. М. : РОССПЭН, 2012. 2138 с.
21. Тотфалушин В.П. Заграничные походы русской армии в советской историографии // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: материалы международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 166–175.
22. Могилевский Н.А. От Немана до Сены: заграничный поход русской армии 1813–1814 гг. М. : Кучково поле, 2012. 288 с.
23. Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М. : Кучково поле, 2013. 614 с.
24. Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады научной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотное). XII : Сборник материалов. К 200-летию заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. М., 2014. 448 с.
25. Земцов В.Н. Европейская война 1812–1814 годов: историки последних десятилетий в поисках методологических новаций // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XII : сб. материалов. М. : Кучково поле, 2014. С. 329–342.
26. Ивченко Л.Л. Проблемы современной российской историографии Наполеоновских войн // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XII : сб. материалов. М. : Кучково поле, 2014. С. 342–363.
27. Таньшина Н.П. Заграничные походы русской армии в западной историографии: двести лет в плену мифологий и идеологий // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 25–26 марта 2014 г.). М., 2014. С. 158–166.
28. Захарчук О.Н. Стратегия и тактика наполеоновской дипломатии на Пражском (1813) и Шантильонском конгрессах в современной российской историографии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XII : сб. материалов. М. : Кучково поле, 2014. С. 162–175.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 сентября 2015 г.

FEATURES OF RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE FOREIGN CAMPAIGN (1813–1814)

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 131–135. DOI: 10.17223/15617793/402/17

Fedina Natalia G. Novosibirsk Teachers' Professional Re-Training Institute (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: ngfedina@yandex.ru

Keywords: foreign campaign of the Russian army in 1813–1814; Patriotic War of 1812; the Napoleonic wars; historiography of the war of 1812; era of 1812.

The subject of historiography on the foreign campaign of the Russian army of 1813–1814 was traditionally eclipsed by the heroic events of the previous year. The Russian historical science shows more interest in the historiographical research on the problems of the war of 1812. Works analyzing the campaign of 1813–1814 are few in number. The foreign campaign of 1813–1814 led to large changes in the European world order. For decades Russia became one of the leading European powers. The Napoleonic wars gave rise to many kinds of legends, served as the basis for the formation of the key Russian historical myths. Being closely related to historiography, historical myths began to form the state historical policy. Today, topics associated with the foreign campaign of the Russian army in 1813–1814, because of their importance for the Russian history, are relevant. In this regard, it is necessary to trace how the domestic historical science covered the event and what aspects of the 1813–1814 campaign receive more attention. The first time researchers addressed the historiography on the foreign campaign of the Russian army of 1813–1814 was during the celebration of the centennial of the Patriotic War. The monograph of S. Kartsov and K. Voensky *Prichiny voyny 1812 goda* [Causes of the War of 1812] and the article by V. Alexeyev “Otechestvennaya voyna v russkoy istoricheskoy literature” [Patriotic War in Russian Historical Literature] were first attempts of periodization and analysis of the historiography of the 19th century. During the Soviet period of the Russian historical science, there was no summary research on the foreign campaign of 1813–1814. The development of historiography of the 1812 era was influenced by the political situation. During a long period, the work of historians was focused on the creation of a negative image of the enemy. They saw a prevailing reactionary significance in the foreign campaign. Moreover, the participation and the role of Alexander I were reduced to a minimum. The Russian army and the talented commanders won the war. Special attention was given to Kutuzov. However, researchers turned to the historiographical issues of the foreign campaign of 1813–1814 in the context of the history of the War of 1812 and foreign policy of Russia at the beginning of the 19th century. The works of L. Beskrovny, N. Troitsky, B. Abalikhin and V. Dunaevsky are representative in this respect. At the present stage, Russian historians turned to the experience of historiography of the turn of the 19th and 20th centuries, as well as to the western historiographical tradition of studying the Napoleonic wars. The authors of a number of papers, not specifically devoted to the historiographical issues, feel the need to pay attention to the historiography of certain moments and aspects of the era of 1812. For the first time there began a

discussion on the Napoleonic wars in regular scientific conferences devoted to the era of 1812. Despite the availability of a sufficient number of works, there is no coherent work on the historiography of the foreign campaign of the Russian army of 1813–1814.

REFERENCES

1. Kartsov, Yu.S. & Voenskiy, K.A. (1911) *Prichiny voyny 1812* [Causes of the War of 1812]. St. Petersburg: Tip. A.F. Shtol'tsenburga.
2. Alekseev, V.P. (1912) Otechestvennaya voyna v russkoy istoricheskoy literature [Patriotic War in Russian historical literature]. In: Dzhivegelov, A.K. et al. (eds) *Otechestvennaya voyna i russkoe obshchestvo* [Patriotic War and the Russian society]. V. 8. Moscow: Tipografiya T-va I.D. Sytina.
3. Tarle, E.V. (1947) Ob izuchenii vneshnepoliticheskikh otnosheniy Rossii i deyatelnosti russkoy diplomatii v XVIII–XX vekakh [On the study of foreign relations of Russia and the activities of Russian diplomacy in the eighteenth – twentieth centuries]. In: Vavilov, S.I. (ed.) *Yubileyny sbornik AN SSSR, posvyashchennyy 30-letiyu Velikoy Otkryabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Anniversary Collection of the USSR Academy of Sciences dedicated to the 30th anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
4. Beskrovnyy, L.G. (1962) *Ocherki voennoy istoriografii Rossii* [Essays on Russian military historiography]. Moscow: Nauka.
5. Zhilin, P.A. (1984) *O voyne i voennoy istorii* [On War and Military History]. Moscow: Nauka.
6. Kinyapina, N.S. (1971) Nekotorye voprosy vneshney politiki Rossii v novoy publikatsii dokumentov Rossiyskogo ministerstva inostrannykh del [Some questions of Russian foreign policy in the new publication of documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 136–141.
7. Markov, L.V. (1989) Rossiya i Svyazhenny soyuz [Russia and the Holy Alliance]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1. pp. 56–68.
8. Troitskiy, N.A. (1988) *1812. Velikiy god Rossii* [1812. A great year for Russia]. Moscow: Nauka.
9. Dunaevskiy, V.A. (1988) Osvoboditel'nyy pokhod russkoy armii v 1813 g. (Nekotorye aspekty sovetskoy istoriografii i istochnikovedeniya) [The liberation campaign of the Russian army in 1813 (Some aspects of Soviet historiography and source studies)]. In: Narochitskiy, A.L. & Scheel, G. (eds) *Bessmertnaya epopeya (k 175-letiyu Otechestvennoy voyny 1812 g i Osvoboditel'noy voyny 1813 g. v Germanii)* [An immortal epic (the 175th anniversary of the Patriotic War of 1812 and the War of Liberation in 1813 in Germany)]. Moscow: Nauka.
10. Abalikhin, B.S. & Dunaevskiy, V.A. (1990) *1812 god na perekrestkakh mneniy sovetskikh istorikov, 1917–1987* [1812 at the intersection of views of Soviet historians, 1917–1987]. Moscow: Nauka.
11. Troitskiy, H.A. (1992) Reti. na kn. B.S. Abalikhina, V.A. Dunaevskogo “1812 god na perekrestkakh mneniy sovetskikh istorikov 1917–1987” [Book Review: Abalikhin, B.S. & Dunaevskiy, V.A. (1990) *1812 god na perekrestkakh mneniy sovetskikh istorikov, 1917–1987* [1812 at the intersection of views of Soviet historians, 1917–1987]. Moscow: Nauka]. *Istoriya SSSR*. 2.
12. Abalikhin, B.S. & Dunaevskiy, V.A. (1992) Pust' sudit chitatel'. Avtory knigi o voyne 1812 goda ne soglasny s otsenkami retsenzenta [Let the reader judge. The authors of the book on the 1812 war do not agree with the reviewer's estimates]. *Otechestvennaya istoriya*. 6. pp. 188–193.
13. Troitskiy, N.A. (1992) Sovetskaya istoriografiya voyny 1812 g. (Traditsii. Stereotipy. Uroki) [Soviet historiography of the War of 1812 (Traditions. Stereotypes. Lessons)]. In: Koval', I.L. (ed.) *Ekonomicheskaya i obshchestvennaya zhizn' Rossii novogo vremeni. Pervye Druzhininskie chteniya* [Economic and social life of the new Russian time. First Druzhininsky Readings]. Moscow: Institute of Russian History RAS.
14. Bezotosnyy, V.M. (2005) O putyakh razvitiya sovremennoy istoriografii Otechestvennoy voyny 1812 g. [Ways of development of modern historiography of the Patriotic War of 1812]. *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya*. V. IV:147. pp. 294–310.
15. Roginskiy, V.V. (2012) *Bor'ba za Skandinaviyu: Mezhdunarodnye otnosheniya na Severe Evropy v epokhu Napoleonovskikh voyn 1805–1815* [Fight for Scandinavia: International relations in Northern Europe in the era of the Napoleonic Wars, 1805–1815]. Moscow: Ves' Mir.
16. Orlov, A.A. (2005) *Soyuz Peterburga i Londona: Rossiysko-britanskoe otnosheniya v epokhu Napoleonovskikh voyn* [The union of Petersburg and London: The Russian-British relations in the era of the Napoleonic Wars]. Moscow: Progress-Traditsiya.
17. Sirotkin, V.G. (2000) *Napoleon i Rossiya* [Napoleon and Russia]. Moscow: OLMA-Press.
18. ROSSPEN. (2004) *Otechestvennaya voyna 1812 goda. Entsiklopediya* [The War of 1812. Encyclopedia]. Moscow: ROSSPEN.
19. Bezotosnyy, V.M. Smirnov, A.A. (eds) (2011) *Zagranichnye pokhody rossiyskoy armii. 1813–1815 gody: Entsiklopediya: v 2 t.* [The foreign campaigns of the Russian army. 1813–1815: Encyclopedia: in 2 v.]. Moscow: ROSSPEN.
20. ROSSPEN. (2012) *Otechestvennaya voyna 1812 goda i osvoboditel'nyy pokhod russkoy armii 1813–1814 g. Entsiklopediya: v 3 t.* [The War of 1812 and the liberation campaign of the Russian army of 1813–1814 Encyclopedia: in 3 v.]. Moscow: ROSSPEN.
21. Totfalushin, V.P. (2014) [Foreign campaigns of the Russian army in Soviet historiography]. *Osvoboditel'nye pokhody russkoy armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy* [Liberation campaigns of the Russian army of 1813–1814 in the history of Russia and Europe]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 25–26 March 2014. Moscow. pp. 166–175. (In Russian).
22. Mogilevskiy, N.A. (2012) *Ot Nemana do Seny: zagranichnyy pokhod russkoy armii 1813–1814 gg.* [From the Niemen to the Seine: overseas campaign of the Russian army of 1813–1814]. Moscow: Kuchkovo pole.
23. Artizov, A.N. Levykin, A.K. & Petrov, Yu.A. (eds) (2013) *Epokha 1812 goda v sud'bah Rossii i Evropy* [The era of 1812 in the fate of Russia and Europe]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 8–11 October 2012). Moscow: Kuchkovo pole.
24. Bezotosnyy, V.M. & Smirnov, A.A. (eds) (2014) *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. Doklady nauchnoy konferentsii “Rossiya i Napoleonovskie voyny” (Mezhotne). XII: Sbornik materialov. K 200-letiyu zagranichnykh pokhodov russkoy armii 1813–1814 gg.* [The era of 1812. Research. Sources. Historiography. Reports of the scientific conference “Russia and the Napoleonic soldiers” (Mezotne). XII: The collection of materials. The 200th anniversary of the foreign campaigns of the Russian Army of 1813–1814]. Moscow: Kuchkovo pole.
25. Zemtsov, V.N. (2014) Evropeyskaya voyna 1812–1814 godov: istoriki poslednikh desyatiletii v poiskakh metodologicheskikh novatsiy [The European war of 1812–1814: the historians of recent decades in search of methodological innovations]. In: Bezotosnyy, V.M. & Smirnov, A.A. (eds) *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. XII* [The era of 1812. Research. Sources. Historiography. XII]. Moscow: Kuchkovo pole.
26. Ivchenko, L.L. (2014) Problemy sovremennoy rossiyskoy istoriografii napoleonovskikh voyn [Problems of modern Russian historiography of the Napoleonic Wars]. In: Bezotosnyy, V.M. & Smirnov, A.A. (eds) *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. XII* [The era of 1812. Research. Sources. Historiography. XII]. Moscow: Kuchkovo pole.
27. Tan'shina, N.P. (2014) [Foreign campaigns of the Russian army in Western historiography: two hundred years in captivity of mythologies and ideologies]. *Osvoboditel'nye pokhody russkoy armii 1813–1814 gg. v istorii Rossii i Evropy* [Liberation campaigns of the Russian army of 1813–1814 in the history of Russia and Europe]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 25–26 March 2014. Moscow. pp. 158–166. (In Russian).
28. Zakharchuk, O.N. (2014) Strategiya i taktika napoleonovskoy diplomatii na Prazhskom (1813) i Shantil'onskom kongressakh v sovremennoy rossiyskoy istoriografii [Strategy and tactics of Napoleon's diplomacy in Prague (1813) and Chantillon congresses in modern Russian historiography]. In: Bezotosnyy, V.M. & Smirnov, A.A. (eds) *Epokha 1812 goda. Issledovaniya. Istochniki. Istoriografiya. XII* [The era of 1812. Research. Sources. Historiography. XII]. Moscow: Kuchkovo pole.

Received: 24 September 2015

ПРЕДВОЕННОЕ БРИТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ ИДЕАЛА ГРАЖДАНИНА-ДЕМОКРАТА

Анализируется один из аспектов дискуссии, развернувшейся в Великобритании 1930-х гг. по вопросу спасения демократии – поиск идеала гражданина, способного противостоять угрозе фашизма. Рассматриваются модели гражданина-демократа, предложенные эллинистом Ричардом Уинном Ливингстоном, известным европейским социологом Карлом Мангеймом (Манхеймом), а также членами Ассоциации гражданского образования и Содружества в пользу нового образования, создавшими в 1940 г. общественный Совет по реформе учебного плана.

Ключевые слова: идеал гражданина; либеральное образование; индоктринация; Р.У. Ливингстон; К. Мангейм; Совет по реформе учебного плана.

Ничто не казалось после окончания Первой мировой войны столь непререкаемым, как победа демократической идеи. Над народами «возвышалась бесспорно и неопровержимо, как объединяющий принцип эпохи, идея демократии» [1. С. 11]. Но к 1939 г. либерально-демократические режимы сохранились лишь в 13 из 29 стран Европы – в 6 республиках и 7 монархиях.

Великобритания была в числе этих государств. Но озабоченные её судьбой англичане понимали: в их собственной стране развиваются во многом те же самые процессы, что и в Италии с Германией, которых не спасли от сползания к крайнему авторитаризму ни рыночная экономика, ни заимствованные у Британии парламентские учреждения. Как следствие, в английском обществе развернулась дискуссия о том, как защитить демократию. Размышления о демократии, конечно же, подразумевали исключительно один её тип – тип либеральной демократии, именуемый сегодня иногда ««элитарной» демократией свободы» – в противовес «массовой демократии равенства» [2. С. 157].

Поиск способов защиты британской демократии вёлся в 1930-х гг. в условиях постоянного сопоставления «коммунизма, фашизма / нацизма и демократии», которые нередко назывались «тремя активными социальными экспериментами мира» [3. September – October 1936. P. 223]. При этом теоретики и практики скрупулёзно анализировали в первую очередь фашизм – оба его «классических» варианта: итальянский и германский. Сталинизм не привлекал столь пристального их внимания, ибо считалось, что он порождён условиями отличного от европейского общества и более раннего исторического периода.

Отвергая «всесилие тоталитарного государства», большинство в то же время выступило за заимствование у правительств Германии и Италии опыта их политики. А опыт этот свидетельствовал: решить волнующую демократов проблему, упрочить существующий режим можно, развернув широкомасштабную и целенаправленную работу по воспитанию населения (в первую очередь молодёжи) в духе приверженности к ценностям либерально-представительной демократии.

Директор Института образования Лондонского университета профессор Ф. Кларк прямо говорил на XXIV конференции Ассоциации (местных) комитетов образования: «Мы поступим мудро, последовав при-

меру континентальных соседей по крайней мере в одном: уделив ещё больше внимания разработке и планированию с целью достижения благоразумного соотношения всех воздействий, испытываемых молодёжью» [3. 1936. March. P. 65]. Архиепископ же Кентерберийский скажет в феврале 1940 г.: «Никто из нас не хочет, чтобы наши молодые люди были выдрессированы, как немецкая молодёжь – в духе подчинения желаниям и мнениям правящих кругов». Но «если германский метод ошибочен, то германский принцип верен. Забота о подготовке своих будущих граждан – для общества дело жизненной важности» [4. Col. 477, 484].

Таким образом, в 1930-х гг. впервые в британской истории на разных уровнях общественных и государственных структур фактически был поднят вопрос о возможности и необходимости ведения среди населения (в первую очередь среди молодёжи) общественно-политической пропаганды, обеспечиваемой всеми основными институтами социализации личности.

Но означавшее с XVII в. простое распространение конкретной доктрины или системы взглядов слово «пропаганда» после Великой войны приобрело пугающий либерально-демократическое общество смысл. Пропагандой стали именовать, как констатировал в 1936 г. секретарь исполкома британского Союза Лиги наций М. Ганит, «организованные попытки заставить людей думать о чём-то конкретном или абстрактном, простом или сложном иначе, нежели думал бы совершенно беспристрастный человек, осведомлённый обо всех относящихся к делу фактах» [5. P. 574]. Поэтому-то Ганит даже выступил в 1936 г. с инициативой устранения возникшей «двусмысленности», договорившись впредь использовать слово «пропаганда» «только в его сегодняшнем зловещем значении и употребляя какой-либо иной термин... когда речь идёт о распространении доктрины или принципа» [Ibid. P. 577].

Сам Максвелл Ганит прозорливо считал возможным именовать «распространение доктрины» просто «рекламой» [Ibid. P. 580]. В обществе прижилось, однако, иное понятие – «индоктринация». Кроме того, многие общественно-политические и государственные деятели, отмежёвывавшиеся на словах от пугающих их понятий «пропаганда», «индоктринация», но понимавшие, что без них не обойтись, «политкор-

ректно» именовали их гражданским образованием, воспитанием гражданственности.

Созданная в 1934 г. общественностью Ассоциация гражданского образования (Association for Education in Citizenship) разъясняла: под гражданским воспитанием подразумевается «формирование нравственных качеств, необходимых гражданам демократии, поощрение ясного мнения относительно повседневных дел и получение знания о современном мире, обычно приобретаемого с помощью курсов истории, географии, экономики, гражданственности и общественных дел» [6. Р. 269; 7. Р. 314]. В то же время члены Ассоциации всюду проводили одну мысль: «Ценностям и философии, на которых базируется демократия, в прошлом уделялось мало внимания». Игнорирование же «политической философии, на которой покоится в мире демократия, может привести к её поражению». Поэтому «необходимо передавать от поколения к поколению политические ценности, лежащие в основе демократии» [7. Р. 16]. То есть речь велась о прямом внушении молодёжи определённой «политической философии», об обсуждении вопросов, относящихся к сфере политики, с вполне определённых идейно-политических позиций.

Не случайно многие европейцы язвили: в Германии, Италии и Японии по поводу полезности политико-идеологической индоктринации, допустим, школьников говорят: «Да»; во Франции: «Ни в коем случае, нет»; а в Англии с США губами обычно произносят: «Нет», но практикой утверждают: «Да» [3. 1936. September–October. Р. 257].

И, конечно же, в ходе дискуссии об индоктринации не в последнюю очередь обсуждался вопрос о том, как должен выглядеть пропагандируемый идеал гражданина-демократа.

Одним из тех, кто достаточно полно обрисовал свой образ идеального гражданина, был профессор Оксфордского университета, с 1936 г. президент Эллинистического общества страны Ричард Уинн Ливингстон, обобщивший свои соображения по рассматриваемому вопросу в книге 1941 г. с символическим названием «Будущее в образовании» (The Future in Education).

Ливингстон считал: «Гражданственность выходит далеко за пределы голосования, уплаты налогов, заседания в суде и выполнения других обязанностей, которых ожидает нация. Правильно понимаемая, она включает в себя все действия человека, затрагивающие его сограждан и влияющие на жизнеспособность и благосостояние государства. Гражданственность почти адекватна долгу по отношению к соседу, т.е. она включает всё, что требует закон, но также и многие из тех обязанностей, о которых закон молчит, оставляя их индивидуальному сознанию» [8. Р. 135].

Подчёркивая, что «гражданственность — это не информация и не интеллектуальный интерес», а поведение, которое к тому же «не пассивно... а активно», Ливингстон разъяснял: «Мы рассматриваем человека, чужающегося общественных обязанностей... как “бесполезного”: тот, кто спит на своём гражданском посту, так же нарушает свой долг, как и тот, кто пере-

ходит на сторону врага. Цитируя Перикла и Э. Бёрка, учёный писал: Человек, который уклоняется от уплаты налогов — плохой гражданин; но точно таким же является и тот, кто, голосуя, думает только о своих личных интересах или кто слишком безразличен либо ленив, чтобы вообще участвовать в голосовании» [8. Р. 135–136].

«Плохими гражданами» Ливингстон называл также «предпринимателей, чьё обращение с наёмными рабочими — не только нарушение нравственного закона, но и усугубление социальных проблем страны», «рабочих, бастующих из-за частного интереса в условиях, когда на карту поставлено само существование их страны», спекулянтов и клиентов «чёрного рынка», тех, кто мог быть полезным в местном самоуправлении, но избегает его, и т.п. Хороший гражданин, по убеждению учёного, сродни «хорошему солдату, научившемуся чувствовать себя и действовать в качестве части организма... и в случае необходимости жертвовать во имя его своими интересами и даже жизнью, выполняя долг перед государством без принуждения и по своей доброй воле» [Ibid. Р. 150].

Такое понимание гражданства получило довольно широкое распространение. Правда, в отличие от сэра Ричарда, многие считали неприличным упоминать в «эпоху тоталитаризма» о долге человека перед государством, а поэтому предпочитали говорить об его ответственности перед согражданами.

Собственный образ идеального гражданина-демократа набросали члены общественного Совета по реформе учебного плана (The Council for curriculum reform).

Совет возник уже после начала новой мировой войны, в конце 1940 г., после того, как при участии министра образования в Оксфорде была проведена конференция по вопросам пересмотра учебных курсов. В создании Совета приняли участие активисты двух общественных организаций: вышеупомянутой Ассоциации гражданского образования и международного Содружества в пользу нового образования (New Education Fellowship), основанного в 1915 г. на платформе признания того, что «проблемы, стоящие перед нашей цивилизацией, являются в основном проблемами человеческих отношений, уходящими корнями в индивидуум, а поэтому для их решения нужен новый тип образования дома и в школе» [3. 1934. September–October. Р. 193].

В 1944 г. Совет по реформе учебного плана публикует работу «Содержание образования», пронизанную идеей: «Воспитай привычку некритического повиновения, принятия власти и использования силы как средства решения проблем — и вырастет “фашист”. Воспитай привычку разумной дискуссии, уважения товарищей и сотрудничества с ними — и получится “демократ”» [9. Р. 37].

Совет считал возможным определить демократический образ жизни как соединение греческой любви к свободе, римского сознания долга, христианской любви и братства, средневекового уважения здравого смысла, свойственного XVII в. стремления к практике и науке и не в последнюю очередь — той жажды справедливости и социального равенства, что воодушевляла реформаторов XVIII–XIX вв.

Отсюда и необходимые отличительные черты демократа. Первой из них провозглашалось «огромное внимание и уважение к индивидуальности других людей независимо от их расы, возраста, социального положения или убеждения»: гражданин демократического общества сознаёт, что «на людей везде и всегда следует смотреть как на самоцель и никогда – как на средства достижения целей других»; демократ «испытывает негодование, видя, что других эксплуатируют или обращаются с ними произвольно, несправедливо, грубо или жестоко. Он восстаёт, когда слышит о зверствах нацистов по отношению к евреям и полякам, воспринимая их как попрание своего собственного человеческого достоинства». Испытывая «огромную неприязнь к любого рода мысли об эксплуатации других человеческих существ», подчёркивал Совет, демократ «готов поддержать политическое действие, кладущее конец таким злоупотреблениям, даже если это подвергает опасности его собственную жизнь». Подлинный гражданин-демократ «хочет, чтобы о старых заботились, молодых обучали, за слабыми присматривали. Ради этих целей он готов пожертвовать собственным комфортом».

Наряду с этим Совет также подчёркивал, что «идеальный гражданин-демократ заботится о равенстве. Он испытывает неловкость, когда замечает, что кто-то страдает от нищеты и нужды, в то время как другие владеют слишком многим и пользуются незаслуженными привилегиями. Желая изменить подобную ситуацию, он готов согласиться с фундаментальными социальными изменениями, если те необходимы для этой цели, поскольку верит, что социальные организации – всего лишь средства достижения человеческих целей, помогающие человеческим существам трудиться вместе и жить вместе полнее и богаче».

Но при этом Совет, конечно же, добавлял, что заботящийся об общественном благе настоящий демократ «не думает, что для обеспечения реорганизации нашей экономической жизни необходимо использовать насилие. Он глубоко верит в разумность людей и в их добрую волю; верит, что прогресс знания позволит нам – в обмен на жизнь – решить все проблемы, стоящие перед человечеством». Демократ «не желает использовать силу, чтобы заставить других делать то, что хочет он, но одновременно не желает, чтобы и другие навязывали ему свои идеи. Он хочет участвовать, по крайней мере отчасти, в определении своей собственной жизни и в политической деятельности своего сообщества» [9. Р. 38–39].

Свой идеал гражданина представил Карл Мангейм (Манхейм). Эмигрировавший в 1933 г. из Германии, этот крупный европейский мыслитель продолжал заниматься в Англии социологией молодёжи и социологией образования и сделал немало для привлечения внимания тогдашнего британского общества к проблемам как молодого поколения, так и школы на всех её уровнях. (Публикации и выступления Мангейма, начиная с 1933 г., в Лондонской школе экономики и политической науки, а с 1941 г. – в Институте образования при Лондонском университете составят основу известного труда учёного 1943 г. «Диагноз нашего

времени: очерки военного времени, написанные социологом»).

Демократия, «если она хочет выжить», говорил Мангейм, должна превратиться из нейтральной в воинствующую, а поэтому идеалом является «личность, передовая и воинствующая, но не фанатичная».

Указывая на неприемлемость «релятивистской позиции *laissez-faire* предыдущего века», социолог призывал защищать «процесс социальных изменений и те основные добродетели и ценности, которые являются основой мирного функционирования социального порядка – братскую любовь, взаимопомощь, порядочность, социальную справедливость, свободу, уважение к личности» [10. С. 420].

Ценности эти формально всегда признавались и ценились. Но в кризисную эпоху со стороны очень многих появилось стремление внушить массам мысль, что «с самим миром ничего плохого не произошло, во всём виноваты лишь мы сами, наши отношения друг с другом» [3. 1934. September–October. P. 160], а значит, надо заняться исключительно самоусовершенствованием. В одном из меморандумов Ассоциации комитетов образования можно было, например, прочесть: «Люди нашей эпохи настолько склонны искать источники добра и зла вне себя, что не будет ничего более желанного и спасительного в жизни и просвещении, нежели изменение их настроения, способное заставить людей озаботиться своим собственным духовным и нравственным состоянием» [3. 1936. March. P. 63].

К. Мангейм усматривал в такого рода подходе стремление к реанимации господствовавшей в прошлом теории либерального образования и её основополагающего принципа, согласно которым «конечная и исключительная цель образования – воспитание свободной личности путём беспрепятственного развёртывания её внутренних качеств». С этим социолог не мог согласиться.

«Во все времена, – писал Мангейм, – трудно было отделять личные отношения от окружающих социальных и политических структур». Но всё же в прошлом часто можно было рассуждать так: «...поскольку я хороший христианин в личной жизни и личных отношениях, я могу не беспокоиться относительно социального и политического строя, при котором живу». В наше время такой подход, однако, не годится: «...социальная организация более, чем когда-либо, становится делом личной совести», ибо то, что возможно в личных отношениях, сегодня «во многом определяется организацией общественного строя».

«Нельзя быть добрым христианином в обществе, основные законы которого противоречат духу христианства, – говорил Мангейм. – Так было уже во времена Льва Толстого, сказавшего, что крепостничество противоречит христианству... Это ещё более верно сейчас, когда не осталось ни одного укромного уголка, куда бы не проникало влияние господствующих принципов данного социального строя». Как следствие, христианин должен соотносить основные принципы социальной организации с христианскими ценностями, т.е. вести борьбу за их претворение в жизнь: «Сегодня не-

возможно быть последовательно религиозным без интеллектуального знания, без контакта с политическим действием» [10. С. 516, 523, 549].

Поэтому-то Мангейм поднимал вопрос о необходимости формирования «нового, демократического персонализма». Не принимая «духа терпимости, характерного для эпохи *laissez-faire*» и являвшегося скорее «нейтралитетом в отношении того, что правильно и что нет...», ссылаясь на горький опыт последних десятилетий, учёный подчёркивал: «Смысл демократической терпимости вовсе не в том, чтобы терпеть то, с чем мириться нельзя, а в том, что граждане британского содружества имеют право ненавидеть и исключать из него тех, кто злоупотребляет свободой с целью её уничтожения» [10. С. 458].

«Демократический персонализм», полагал Мангейм, будет отличаться от «атомистического индивидуализма периода *laissez-faire*» и тем, что «восстановит истинные силы, таящиеся в групповой жизни». А это поможет «преодолеть кризис (общества), порождённый одиночеством, чрезмерной уединённостью и обособлением», мобилизовав одновременно «жизненные силы группы во имя общественного идеала». Веривший в возможность «добиться не слепого послушания, а добровольной преданности и верности идеалам», учёный писал о необходимости пробуждать в обществе «дух солидарности и сотрудничества», добиваясь в процессе образования личности «равновесия между согласованным конформизмом и свободой» [Там же. С. 460–461].

Интерес представляет и мангеймовский подход к проблеме способов формирования «передовой и воинствующей, но не фанатичной» личности. Учёный считал, что система образования должна осуществлять синтез двух принципов: «основные ценности и добродетели будут воспитываться у детей с помощью всех имеющихся в нашем распоряжении средств, в то время как более сложные вопросы будут оставаться

открытыми, дабы избежать пагубных последствий фанатизма» [10. С. 420].

Развёрнутый в «эпоху фашизма» общественными и государственными структурами Великобритании поиск обновлённого идеала гражданина, а также средств его воспитания предвосхитил аналогичный процесс в странах послевоенной Европы, а затем и в объединённой Европе. На одной из конференций 1961 г., организованных Европейским экономическим сообществом, будет, например, разработан своеобразный моральный кодекс гражданина Европы, звучавший так: «1) Уважение человеческих существ и как индивидуумов, и как членов социальной и национальной группы; 2) признание приоритета нравственных и духовных ценностей; 3) наличие критического духа и ясного непредвзятого мнения; 4) вера в ценность демократических институтов, законов и образа жизни, готовность сохранять их и совершенствовать... 7) горячее стремление оказывать сопротивление любому гнёту, откуда бы он ни исходил...». Эти положения «кодекса» дополнялись ещё четырьмя, требовавшими: «5) взаимопонимания с другими нациями... без умаления чувства любви к собственной стране; 6) готовности подчинять партикулярные интересы общему интересу европейского сообщества; 8) приверженности обязательствам... взятым в рамках сообщества наций; 9) признания необходимости сотрудничества со всеми народами» [11. Р. 20]. Замени в последних положениях понятие «Европа», «сообщество наций» на «Великобританию» и получишь во многом те же самые нравственно-идеологические нормы, что в 1930-х гг. предлагалось прививать британским гражданам.

Самому британскому обществу развёрнутый в нём накануне войны поиск идеала гражданина и способов его воспитания облегчил сохранение социальной стабильности – той стабильности, которая так была ему нужна в период более чем пятилетней борьбы с нацистской Германией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997.
2. Панарин А.С. Политология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.
3. The new era in home and school.
4. The Parliamentary Debates. House of Lords. Vol. 115.
5. The Contemporary Review. 1936. May.
6. The Times Educational Supplement. 1934. Aug. 11.
7. Education for citizenship in elementary schools / iss. by the Association for Education in citizenship. London : Oxford University Press, 1939.
8. Livingston R. On education. Cambridge, N.Y., 1945.
9. The content of education. Proposals for the reform of the school curriculum being the interim report of the Council for curriculum reform. London : University of London Press, 1944.
10. Мангейм К. Диагноз нашего времени : пер. с нем. и англ. М., 1994.
11. Civics and European education at the primary and secondary level. Strasbourg, 1963.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 ноября 2015 г.

THE SEARCH FOR THE IDEAL CITIZEN'S MODEL IN THE BRITISH SOCIETY ON THE EVE OF THE SECOND WORLD WAR

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 136–140. DOI: 10.17223/15617793/402/18

Fomenko Svetlana V. Omsk State University n.a. F.M. Dostoevsky (Omsk, Russian Federation). E-mail: fomenk@gmail.com

Keywords: ideal citizen's model; liberal education; indoctrination; R.W. Livingstone; K. Mannheim; The Council for Curriculum Reform.

After the Great War it seemed that the democratic idea would have triumphed in Europe forever. But by 1939 the liberal-democratic regimes had survived only in 13 out of 29 countries. Britain was one of those countries. In spite of this, not without the

influence of the experience of totalitarian states, in the 1930s, for the first time in British history, the issue of the need for social and political propaganda among the population (especially among youth) was raised. It was the issue of the conveyance of a well-defined “political philosophy”. But due to the fact that “propaganda” and “indoctrination” presented a frightening sense, the British preferred to talk about civic or liberal education. The search for the ideal of the citizen-democrat, corresponding with the terms of the twentieth century, became part of the discussion that took place at different levels of the public and state structures. An understanding of “citizenship”, formulated by Professor Richard Winn Livingston, came into widespread acceptance: a “good citizen” is like a “good soldier”; he serves as part of the body, and, if necessary, sacrifices his life and carries out his duties to the state on his own free will. Truly, in the “era of totalitarianism” most people preferred to talk about person’s duties not to the state but to the fellow citizens, to society. Another image of the citizen-democrat’s ideal was introduced by the Council for the Curriculum Reform which treated the democratic way of life as a combination of the Roman feeling for law, the Christian love and brotherhood, the medieval respect for reason, the seventeenth-century pursuit of empiricism and science, and, not the least, the passion for the social justice and social equality which inspired the reformers of the 18th and 19th centuries. In the time of crisis there was a desire to convince people that they were to blame themselves, and therefore they should engage in self-improvement. A well-known European thinker Karl Mannheim, who emigrated from Germany to England in 1933, opposed the reanimation of the liberal theory and its postulates, according to which the purpose of education is a free development of internal qualities of a free person. The sociologist believed that it is impossible to be a good Christian in a society in which the basic laws contradict the spirit of Christianity. Therefore he defended the process of social changes and those virtues and values that can provide it: brotherly love, mutual assistance, honesty, social justice, freedom and respect for the individual. At the same time, in order to survive, democracy must become “militant”, and therefore it must produce individuals who are advanced and militant, but not fanatical. The search for the ideal of the citizen and ways for his training, widely spread in British society on the eve of war, eased the preservation of social stability that was so needed in the UK during its more than five-year fight against the Nazi Germany.

REFERENCES

1. Plenkov, O.Yu. (1997) *Mify natsii protiv mifov demokratii: nemetskaya politicheskaya traditsiya i natsizm* [Myths of the nation against myths of democracy: the German political tradition and Nazism]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
2. Panarin, A.S. (1999) *Politologiya* [Political Science]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
3. *The New Era in Home and School*.
4. The Parliamentary Debates. House of Lords. Vol. 115.
5. *The Contemporary Review*. (1936). May.
6. *The Times Educational Supplement*. (1934). August 11.
7. Milf, H. (ed.) (1939) *Education for citizenship in elementary schools*. Issued by the Association for Education in citizenship. London: Oxford University Press.
8. Livingstone, R. (1945) *On education*. Cambridge: Cambridge University Press.
9. Council for Curriculum Reform. (1944) *The content of education. Proposals for the reform of the school curriculum being the interim report of the Council for curriculum reform*. London: University of London Press.
10. Mannheim, K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Translated from German and English. Moscow: Yurist.
11. Council of Europe. Council for Cultural Co-operation. (1963) *Civics and European education at the primary and secondary level*. Strasbourg.

Received: 13 November 2015

А.К. ИВАНОВ (1886–1937) – ГЕОГРАФ, АРХЕОЛОГ И ЭТНОГРАФ

Исследование выполнено при поддержке Фонда им. Д.И. Менделеева ТГУ и гранта Правительства РФ П 220 в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (№ 14.В25.31.0009).

Статья посвящена Алексею Константиновичу Иванову – талантливому ученому, внесшему значительный вклад в развитие томской археологии, этнографии и географии. На основании архивных документов, периодической печати и исследовательской литературы предпринимается попытка реконструировать биографию, показав деятельность А.К. Иванова в Томском государственном университете.

Ключевые слова: Томский государственный университет; А.К. Иванов; биография; археология; этнография; география.

В 2016 г. исполняется 130 лет со дня рождения Алексея Константиновича Иванова – географа, археолога, этнографа и краеведа, оставившего заметный след в истории образования и науки в Сибири и Томского университета. К сожалению, ему посвящена всего лишь одна небольшая статья профессора А.А. Земцова, не в полной мере отражающая заслуги этого ученого перед сибирской наукой [1].

А.К. Иванов родился 12 марта 1886 г. в с. Жигаево Дмитриевского уезда Курской губернии в крестьянской семье. Его мать, Анна Николаевна, тяжело перенесла рождение сына, заболев туберкулезом, и вскоре скончалась. Отец, Константин Кузьмич, в то время отбывал воинскую повинность.

После смерти матери А.К. Иванов, которому было меньше года, остался на попечении своей бабушки. Первоначальное образование он получил, как писал позднее, «у старика дьячка, который применял старинные методы учения: “буки-аз-ба”, указку и таскание за вихры для вразумления» [2. Л. 16]. В 1894 г. отец, служивший писарем в военном ведомстве, перевез его в Петербург, а через год вместе со своей новой женой Варварой Васильевной и сыном переехал в Тифлис, где стал служить кассиром в артели.

На Кавказе А.К. Иванов заинтересовался природой, проводя летом много времени с товарищами в окрестных горах. Впоследствии он вспоминал: «Эти странствования, а также переезд в Тифлис по Военно-Грузинской дороге и дальнейшее пребывание в течение лета в Кахетии, возвращение из Тифлиса через Черное море и Крым снова в Петербург, куда отец был переведен по службе в 1901 г., – зародили во мне любовь к путешествиям и интерес к географии» [Там же].

По возвращении в северную столицу А.К. Иванов поступил во 2-ю Петербургскую гимназию. Здесь его интерес к географии не только не угас, но еще больше разгорелся, благодаря тому что географию преподавал известный педагог-географ, автор ряда учебных пособий Г.И. Иванов. В 1906 г. А.К. Иванов окончил гимназию, удостоившись за успехи в обучении серебряной медали.

Тяга к изучению естественных наук, особенно географии, побудила А.К. Иванова поступить на географическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Его научным руководителем стал известный метеоролог и географ, профессор П.И. Броунов (1853–1927), вовлекший лю-

бознательного студента в работу Общества землеведения при университете. В 1908–1911 гг. избирался секретарем студенческого научного географического кружка, а в 1911–1913 гг. председателем.

За время учебы в университете А.К. Иванов организовал и принял участие в нескольких научных экскурсиях на Кавказ, в Крым и Финляндию. Весной 1912 г. он был командирован Обществом землеведения «в Курскую губернию, преимущественно в уезды Дмитриевский и Фатемский, для этнографических и географических исследований» [3. Л. 119].

По приглашению того же П.И. Броунова А.К. Иванов в 1907 г. устроился на временную работу в Метеорологическое бюро Ученого комитета при Главном управлении земледелия и землеустройства. Вскоре его перевели на штатную должность ассистента, а затем и младшего специалиста по сельскохозяйственной метеорологии. В 1914 г. был откомандирован в Самарскую и Уфимскую губернии для осмотра сельскохозяйственных метеорологических станций, посевных полей и опытных станций» [2. Л. 16 об.]. Его избрали членом Русского антропологического общества.

Университет А.К. Иванов окончил в начале 1913 г. и лишь спустя два года, что было связано с его работой и занятиями наукой, он выдержал государственные испытания и был удостоен диплома I степени.

В декабре 1915 г. А.К. Иванов по мобилизации был направлен на военные курсы при Константиновском артиллерийском училище, по окончании которых в звании прапорщика в июле 1916 г. был зачислен в состав 36-й артиллерийской бригады Северного фронта. В марте 1917 г. он в тяжелом бою под Двинском (ныне Даугавпилс) отравился немецкими удушающими газами, но даже будучи контужен, оставался в строю.

Летом 1917 г. бригада, в которой служил А.К. Иванов, была перебросена на линию прорыва под Ригой и оказалась на позициях близ Вендена, где находилась вплоть до самого окончания войны. В фронтовой обстановке он вел просветительскую работу среди солдат, а после Февральской революции организовал для них школу, где сам и преподавал.

В конце сентября 1917 г. А.К. Иванов получил отпуск со службы и приехал в Томск, где в то время состояла вольнослушательницей медицинского факультета Томского университета его будущая жена Конкордия Павловна Кузьмина, уроженка г. Бугурус-лана [4]. По всей видимости, с ней он познакомился

во время экспедиции в Самарскую губернию в 1914 г., а после этого вел переписку.

«Вернувшись в ноябре на фронт в свою часть, — писал он в автобиографии, — я застал последнюю уже перестроенной на новых началах советского строя» [2. Л. 17]. Его избирают командиром взвода, членом дивизионного комитета. Под Венденом он находился вплоть до заключения Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. Вскоре поступил приказ отступить к Пскову и Луге, где его застала демобилизация.

Желая продолжить подготовку к сдаче магистерских испытаний, но не имея возможности вернуться в Петроград, А.К. Иванов приезжает в Томск, где его прикрепляют к Минералогическому кабинету Томского университета для занятий под руководством профессора С.М. Курбатова [5. Л. 309–310]. В мае он официально зарегистрировал брак с К.П. Кузьминой. Вскоре молодожены отправились на родину жены в Самарскую губернию. В Омске поезд, в котором они ехали, был остановлен белочехами, но супругам все же удалось по Западно-Уральской железной дороге добраться до Бугуруслана, находившегося в то время под властью «Самарской учредилки» (Комитет членов Учредительного собрания).

Вскоре КОМУЧ начал формирование собственной «Народной армии». В середине июля 1918 г. под мобилизацию попал и А.К. Иванов. Однако его «как «сибиряка» отправили обратно в Томск» [2. Л. 17].

В начале сентября он приехал в Томск, где 10-го числа был вновь мобилизован в армию, теперь уже Временного Сибирского правительства, и определен в 1-й артиллерийский полк запасной артиллерийской бригады. Формирование бригады затянулось до марта 1919 г.

Служба, как отмечал позднее сам А.К. Иванов, носила «полугражданский» характер, что позволило ему продолжать подготовку к экзаменам. С марта 1919 г. он принял участие в боевых действиях на Восточном фронте. Однако уже в июне началось отступление Сибирской армии на восток, а в декабре, уже в Томске, весь 1-й артиллерийский полк перешел на сторону Красной армии.

Как опытный офицер-артиллерист А.К. Иванов был привлечен к обучению красноармейцев старшим инструктором по артиллерии. Параллельно с военной службой ему было позволено посещать университет.

На кафедре географии и антропологии физико-математического факультета, которой заведовал профессор С.И. Руденко, в то время не хватало специалиста по физической географии для ведения практических занятий. Поэтому кафедра и факультет возбудили ходатайство перед Реввоенсоветом 5-й армии о его откомандировании в университет [Там же. Л. 17 об.].

Уже 29 декабря 1919 г. на заседании факультета А.К. Иванов был избран на должность младшего ассистента [6. Л. 84]. В феврале 1920 г. Томский губреввоенсовет откомандировал его в распоряжение ректора Томского университета.

Помимо ведения практических занятий А.К. Иванов занялся разбором коллекций кабинета географии и антропологии, в пополнении которых он и сам принимал непосредственное участие.

С октября 1920 по сентябрь 1929 г. А.К. Иванов преподавал географию на рабочем факультете при Томском государственном университете [Там же. Л. 18].

Летом 1920 г. А.К. Иванов вместе с профессором С.И. Руденко, Ф.А. Фиельструпом, С.А. Теплоуховым, препаратором кабинета географии и антропологии И.М. Залесским и профессорским стипендиатом В.Ф. Смолиным по заданию Института исследования Сибири принял участие в Абаканско-Минусинской экспедиции, организованной с целью археологических, этнологических и ботанических исследований в бассейне р. Абакана и Минусинском уезде и для физико-географического изучения Ширинских озер и озер к востоку от Минусинска [7. Л. 17–18].

В задачи А.К. Иванова входило изучение озер юго-западной части Ачинского уезда, а также ландшафтов Минусинского уезда. Попутно он производил магнитные измерения при помощи прибора, предоставленного Вашингтонским институтом Карнеги (это была упрощенная копия магнитного походного теодолита Бауера) [8–9].

Летом 1921 г. Иванов в качестве руководителя группы студентов естественного отделения (Б.А. и Н.А. Успенские и Ю.М. Голубкова) по поручению Киргизского наркомата земледелия и почвенной комиссии Российской академии наук был направлен в географическую экскурсию в Западный Киргизский край и Приуралье. Целью поездки было: 1) обследование этих районов в географическом отношении; 2) гипсометрическая съемка водораздела рр. Тобол, Иртыш и Ор; 3) лимнологические исследования озер в районе Миасса.

По прибытии 20 июня в Оренбург выяснилось, что проезд в Актюбинский и Иртышский районы без собственного транспорта оказался невозможным в виду массового падежа скота и эпидемии холеры среди местного населения. До Тобола было решено добираться через Кустанайскую губернию [10. Л. 50].

За время пребывания в Оренбурге экскурсантам удалось побывать в ряде местных музеев. На заседаниях Общества изучения Киргизского края (бывшее отделение Русского географического общества) они ознакомились с метеорологической станцией, а также совершили поездку в долину реки Сакмары.

В начале июля экскурсия добралась до Кустаная и начала движение по маршруту Кустанай – Аракагайский лес – Сартык – оз. Убаган. В районе свирепствовала холерная эпидемия, быстро распространявшаяся среди истощенного голодом местного киргизского (казахи) населения и русских поселенцев, что помешало научным наблюдениям. «Местами поселки, — по словам А.К. Иванова, — были покинуты жителями, бросавшими хозяйство и сожженные солнцем поля и отправлявшимися на волах в сторону России» [Там же. Л. 50 об.].

В середине августа участники поездки перебрались из Кустаная в Челябинскую губернию для проведения лимнологических исследований озер Миасского уезда. Были также совершены многочисленные поездки и пешие прогулки в Ильменские горы для исследования характерных особенностей местного ландшафта и

этнографические экскурсии с целью ознакомления с бытом и традиционными занятиями местного башкирского населения [Там же. Л. 51].

По возвращении в Томск его откомандировали в Петроград для приобретения для кабинета географии и антропологии ТГУ научной литературы и учебных пособий. Ему удалось при содействии уполномоченного от Сибревкома отправить поездом в Томск 550 томов книг и 35 настенных географических карт. Были переданы в библиотеку и другие научные и учебно-вспомогательные кабинеты университета 186 томов [10. Л. 51 об.].

После отъезда в Петроград заведующего кабинетом географии профессора С.И. Руденко на заседании физико-математического факультета 8 ноября 1921 г. новым заведующим был назначен С.А. Теплоухов, а его помощником А.К. Иванов [3. Л. 17]. В марте 1922 г. С.А. Теплоухов тоже уезжает в Петроград. Заведывание кабинетом переходит к А.К. Иванову [11. Л. 69].

В сентябре следующего года он еще раз побывал в Петрограде, где ознакомился с работой Главной физической обсерватории для организации в последующем метеорологической станции при ТГУ. На обратном пути он остановился в Москве, где приобрел необходимое для кабинета географии и антропологии оборудование [3. Л. 18, 20].

После прочтения в январе 1922 г. пробных лекций («Географические циклы» и «Влияние ландшафта на почвенный и растительный покров») ему поручили преподавание необязательного курса «География Сибири», рекомендованного для групп географов, антропологов, ботаников, геологов и зоологов. В этом же учебном году он совместно с профессором В.Д. Кузнецовым принимал экзамены по общей географии и климатологии, а также входил в состав биологической предметной комиссии [12. Л. 148 об., 151 об., 153 об., 161, 169 об.].

Уже к концу 1923 г. А.К. Иванов один полностью обеспечивал преподавание географических дисциплин на физико-математическом факультете [3. Л. 29]. В виду отсутствия профессоров он после отъезда из Томска С.И. Руденко и С.А. Теплоухова исполнял обязанности заведующего кафедрой географии и антропологии [13. Л. 188].

В 1923 г. А.К. Иванов организовал для студентов практику, в ходе которой были проведены лимнологические исследования группы «Святых» озер (Большое, Большое круглое, Малое круглое, Сухое, Полдневое, Долгое и др.), расположенных в Калтайском бору близ Томска [14. Л. 25 об.].

В том же году этнолого-археологический музей при Томском государственном университете, основанный В.М. Флоринским еще в 1882 г., был передан в ведение Главнауки при Наркомпросе РСФСР. В июне того же года А.К. Иванов был назначен заведующим музеем, сменив на этом посту Н.Н. Бакая.

Музей в то время находился в крайне удручающем состоянии. В отчете комиссии по осмотру состояния музея отмечалось, что он «представлял собой зрелище полного хаоса и заброшенности». В таком же состоянии были и музейные коллекции [15. Л. 10].

Под руководством А.К. Иванова музей активно включился в культурно-просветительскую работу среди населения. Одним из первых мероприятий была организация в ноябре 1923 г. выставки «Уголок Японии» в поддержку трудящихся Японии, пострадавших от разрушительного землетрясения. На выставке было сосредоточено все то, что можно было достать в Томске из относящегося к истории и культуре этой страны. Часть экспонатов была заимствована из фондов ТГУ, другие предоставлены частными лицами. Сам А.К. Иванов прочитал публичную лекцию «Япония и японцы», в которой с географической и исторической точки зрения описал страну и быт японцев [16–18].

В 1924 г. была организована выставка «Доисторическая жизнь Сибири», содержащая материалы каменного, бронзового и железного века в Сибири. Уже в первый месяц выставку посетило свыше 2 000 человек. Входная плата не взималась [19].

Проведение подобных мероприятий было возможно только при самоотверженном труде музейного персонала. Помимо Иванова, это хранитель П.П. Славнин, делопроизводитель Н.П. Кузьмин, студенты Л.М. Шорохов и А.И. Шкряев. Отпускаемых Наркомпросом на содержание музея ежемесячно 5–15 руб. (сумма, близкая к студенческой стипендии) хватало только на текущие расходы. На реставрацию музейных коллекций и ремонт помещений денег не выделялось [20].

Музей регулярно посещался красноармейцами, рабочими, учащимися средних школ, студентами томских вузов и гостями города. В состав университета он был вновь передан с 8 октября 1926 г. и закреплен за физико-математическим факультетом в качестве учебно-вспомогательного учреждения [21. Л. 149].

В начале 1925 г. по инициативе А.К. Иванова при музее был организован краеведческий кружок студентов-туземцев. На его призыв откликнулись студенты – алтайцы, якуты, шорцы, татары, буряты и киргизы (казахи). Перед кружком был поставлен ряд задач: «1) изучение краеведческих материалов, относящихся к той или иной народности (быт, экономика, история, география); 2) проработка материала и пополнение его собственными наблюдениями; 3) знакомство с методической краеведческой литературой; 4) подготовка краеведов для туземных автономий Сибири» [22].

А.К. Иванову удалось вовлечь в работу кружка наиболее талантливых представителей национальных меньшинств. Так, например, председателем киргизской секции состоял студент-геолог Сибирского технологического института, впоследствии первый президент АН Казахской ССР, академик АН СССР К.И. Сатпаев. В помещении музея регулярно проводились заседания кружка и этнографические вечера.

После отъезда из Томска профессора С.И. Руденко, перевода еще ранее в Казанский университет В.Ф. Смолина археологические исследования в Томском университете, благодаря А.К. Иванову, не прекратились. В июле–августе 1924 г. им были организованы археологические раскопки в районе «Тоянова городка», Басандайки, на Самусьском затоне и «Томском могильнике».

В них приняли участие хранитель музея П.П. Славнин, его сын Донат, делопроизводитель Н.П. Кузьмин, сотрудник Русского музея в Ленинграде М.П. Грязнов и 4 рабочих-студентов. На «Тояновом городке» был раскопан 51 курган эпохи, близкой к основанию Томска. Под слоем городища был обнаружен неолитический культурный слой. На «Томском могильнике» А.К. Ивановым были обнаружены осколки каменных орудий, а при раскопках вблизи Самусьского затона два каменных топорика и несколько скребочков. Неолитическая стоянка была открыта и на Басандайке. В августе 1929 г. им была проведена повторная разведка «Тоянова городка» [23. Л. 21 об., 58].

А.К. Иванов проявил себя и как талантливый этнограф. Летом 1925 г. им была организована экспедиция в Кузнецкий район Западно-Сибирского края с целью изучения коренного шорского населения. В ходе ее удалось обследовать районы расселения шорских родов по бассейну р. Кондомы до ее верховьев (рр. Мрассу, Матур), собрать большую этнографическую коллекцию.

А.К. Иванов провел также археологические раскопки вблизи Кузнецка, обнаружив там неолитическую стоянку, городище железного века. Помимо этого были обследованы курганные могильники, относящиеся к бронзовому веку. От Кузнецка до Томска участники экспедиции добирались на лодке по р. Томи. Попутное обследование берегов реки близ д. Шевели позволило обнаружить новые городища и могильники в двух местах. Собранные коллекции поступили в фонды этнолого-археологического музея [14. Л. 25 об.].

В июне–сентябре 1927 г. под руководством А.К. Иванова была проведена вторая этнографическая экспедиция в Горно-Шорский район Сибкрая (верховья р. Кондомы и бассейн Верхней Мрассу) для изучения шорского населения и пополнения коллекций музея. Она была организована Туземным краеведческим кружком при финансовой поддержке Общества изучения Сибири и ее производительных сил [2. Л. 18; 3. Л. 84].

Летом 1930 г. Центральное бюро краеведения разослало по всем краеведческим организациям письмо, в котором краеведы призывались к активному участию в социалистическом строительстве путем содействия экспорту за границу научного материала с целью получения валютных средств. Организация «Новоэкспорт» занималась реализацией за рубежом археологических, этнографических и других коллекций, а заготовителям полагалось по 10% от выручки [24. С. 540]. Третья экспедиция А.К. Иванова в Горную Шорию в 1930 г. была организована при содействии Общества изучения Сибири и ее производительных сил как раз с целью сбора этнографических коллекций для «Новоэкспорта». Часть предметов была передана в Щегловский музей [2. Л. 18].

В феврале – марте 1930 г. А.К. Иванов командировался с агитколонной в Малопесчанский район Томского округа для проведения агитации среди коренного населения по вопросам коллективизации и посевной кампании. Попутно он проводил научно-популярные беседы с местной учащейся молодежью,

от которой узнал о «курганах, стоянках и находках археологических в этом районе», а в с. Колеул местными жителями ему были переданы каменное долото и бронзовое украшение. В Колеуле им была проведена более подробная археологическая разведка, в ходе которой удалось побеседовать со старейшими представителями «ясашных» (мариинских) татар, записать местные сказания. А.К. Иванов пришел к выводу, что язык мариинских татар крайне близок к шорскому [23. Л. 61–61 об.].

В 1932 г. по заданию Главной геофизической обсерватории и Бюро генеральной магнитной съемки была совершена еще одна экспедиция в Горную Шорию. А.К. Иванов был назначен начальником Кузбасской партии генеральной магнитной съемки СССР и произвел магнитные наблюдения в районе слияния рр. Чумыш и Томь, а также левого притока Томи, р. Абы.

Все это позволило ему собрать значительный этнографический и географический материал, вошедший в музейные коллекции университетского музея [2. Л. 18].

Насыщенной была и научно-организаторская деятельность А.К. Иванова. С момента основания Общества изучения Томского края (1925) А.К. Иванов входил в его совет, а также был членом Общества изучения Сибири и ее производительных сил. В декабре 1926 г. А.К. Иванов в качестве представителя этнолого-археологического музея командировался в Новосибирск для участия в 1-м Всесибирском краевом научно-исследовательском съезде [3. Л. 74].

В 1923–1932 гг. ему пришлось много заниматься вопросами организации в Сибири краеведческого движения. В 1925 г. А.К. Иванов делегировался от Томска на 2-й Всесоюзный краеведческий съезд в Москве. После съезда А.К. Иванов был приглашен в Ленинградскую государственную академию истории материальной культуры, где сделал доклад о «Тояновом городке» [2. Л. 18 об.].

Наряду с этим он принимал участие в работе комиссии по районированию при Томском губплане, в краевых музейных и картографических совещаниях, в краеведческих комиссиях при Томском губоно, окроно и гороно, в студенческих краеведческих ячейках при томских вузах и втузах.

А.К. Иванов активно участвовал в работе городского экскурсионного бюро, входил в совет Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) и городского бюро Пролетстуда, принимал участие в организации томского отделения Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ), Секции научных работников (СНР) [Там же].

Следует также отметить его работу в Обществе естествоиспытателей и врачей при ТГУ. С февраля 1922 г. и вплоть до его закрытия в 1927 г. А.К. Иванов исполнял обязанности ученого секретаря общества, председательствовал в краеведческой секции, выступал на заседаниях с научными докладами. В период с 1921 по 1926 г. им было сделано восемь докладов. В 1922–1923 гг. как представитель общества входил в комиссию по районированию Кузнецко-Алтайской области при Томском губисполкоме, с 1925 г. входил в Центральное бюро краеведения, принимал участие в комиссии по

изучению и организации производственных отраслей народного хозяйства Сибири при Сибплане [25].

В 1927–1932 гг. А.К. Иванов принимал активное участие в создании «Сибирской советской энциклопедии»; редактируя отдел физической географии ему «пришлось лично написать почти все мелкие статьи, по несколько раз переделывать статьи других авторов». Всего им было для этого издания написано около 800 статей по разным географическим наименованиям, 450 из них были опубликованы в первых трех томах [2. Л. 19]. В их числе: «Восточно-Сибирское море» (Т. 1), «Зайсан» (в соавторстве с А.И. Березовским), «Индирик» и др. Начиная с 1932 г. А.К. Иванов отошел от активного участия в составлении следующих томов.

Остановимся на его педагогической и административной деятельности в 1930-е гг. В 1930 г. геологическое и химическое отделения физико-математического факультета ТГУ были реорганизованы путем объединения с соответствующими факультетами Сибирского технологического института, образовав Сибирский химико-технологический институт (СХТИ) и Сибирский геологоразведочный институт (СибГРИ) [26. С. 11–12]. В результате реорганизации А.К. Иванов оказался отстраненным от преподавания в университете. Однако в том же году Наркомпросом было принято решение об открытии в составе ТГУ педагогического факультета [2. Л. 19]. Приказом директора ТГУ проф. Д.В. Горфина от 30 октября 1930 г. А.К. Иванов был назначен на должность доцента по курсу экономической географии и краеведения педагогического факультета [27. Л. 255].

Еще до выделения педагогического факультета в самостоятельный институт ему было предложено организовать географическое отделение. Приказом ректора от 25 июня 1931 г. он был назначен заведующим отделением [28. Л. 64]. Вскоре его утверждают штатным доцентом [2. Л. 19; 29. Л. 5], а с 7 сентября того же года назначают заведующим специальностью «Североведение и физическая география» [28. Л. 93]. После открытия географического отделения кафедра географии была разделена на кафедру физической и экономической географии. Заведывание первой было поручено А.К. Иванову.

На протяжении более десяти лет А.К. Иванов являлся единственным географом в Томске, пропагандировавшим географическую науку среди широких масс населения. Он неоднократно ходатайствовал о назначении в Томск специалистов-географов. В 1932 г. из Москвы в Томск прибыл выпускник Ленинградского университета Е.Д. Прозоров, назначенный заведующим кафедрой экономической географии. В новом 1932/33 учебном году ему были переданы и обязанности заведующего географическим отделением [30. Л. 176].

С 1 мая 1933 г. ТГУ вновь был переведен на факультетскую систему. Кафедры физической и экономической географии вошли в состав геолого-почвенно-географического факультета [31. С. 304]. В 1933 г. А.К. Иванов отказался от заведования этнолого-археологическим музеем, что позволило ему полностью переключить внимание на преподавание.

С момента открытия кафедры физической географии в ТГУ, как отмечал А.К. Иванов, находилась «в загоне» и была одной из наиболее слабых в плане укомплектованности профессорско-преподавательскими кадрами. Однако Постановление СНК СССР, ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР» коренным образом изменило положение дел. На кафедре физической географии была организована подготовка климатологов и геоморфологов для удовлетворения растущих нужд сельского хозяйства, транспорта и промышленности. Стоит отметить, что за Уралом больше ни один вуз не готовил специалистов по климатологии, а геоморфологов готовили только несколько учебных заведений в Москве, Ленинграде и Одессе. Благодаря стараниям А.К. Иванова была расширена география производственных практик студентов, а также налажены тесные производственные контакты с такими организациями, как Восточно-Сибирское краевое управление единой гидрометслужбы и Отдел землеустройства Севера [32].

В последние годы А.К. Иванов работал над темой «Географические наименования и их значение в деле поиска рудных месторождений» [1. С. 165].

Летом 1937 г. по приглашению Томского государственного педагогического института А.К. Иванов временно стал заведывать кафедрой географии. На кафедру им были приглашены лучшие выпускники геолого-почвенно-географического факультета ТГУ, что позволило в кратчайшие сроки наладить преподавание географических дисциплин в институте.

В автобиографии, составленной 30 октября 1937 г., А.К. Иванов писал: «Теперь мне остается еще один из наиважнейших участков моей работы – научно-исследовательский. Мне необходимо освободиться от педагогической настолько, чтобы можно было обработать накопившиеся научные материалы, собранные мною в предыдущие годы. К этому я и стремлюсь» [2. Л. 19 об.].

Однако судьба распорядилась иначе. 23 ноября 1937 г. А.К. Иванов был арестован НКВД, а уже 25 ноября уволен с должности заведующего кафедрой физической географии ТГУ [3. Л. 163]. 4 декабря он был обвинен в участии в тайной белогвардейской организации «Союз спасения России», якобы базировавшейся в Томске, и 14 декабря расстрелян. Реабилитирован он был лишь в июле 1957 г. [33. С. 378]. Остались неопубликованными ценнейшие результаты многолетних исследований А.К. Иванова: «К лимнологии озер Ачинского уезда», «Пещера Кашкулак», «Озеро Песчаное около Томска», «Озера Святые», «К историческому прошлому Томского края» и др. Рукописи, по всей вероятности, были изъяты при аресте. В настоящее время их так и не удалось обнаружить.

После смерти А.К. Иванова его жена, Конкордия Павловна, вместе с двумя несовершеннолетними дочерьми, Ией (р. 1921) и Зоей (р. 1923), вернулась в родной Бугуруслан, где работала врачом-фтизиатром. В 1952–1953 гг., вплоть до выхода на пенсию, она работала главным врачом местного детского противотуберкулезного диспансера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земцов А.А. А.К. Иванов – первый заведующий кафедрой физической географии Томского университета [20–30-е гг.] // Вопросы географии Сибири. Томск, 1993. Вып. 19. С. 163–166.
2. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 535.
3. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 18. Д. 131.
4. ГАТО. Ф. 102. Оп. 2. Д. 2412.
5. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 773.
6. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 29.
7. ГАТО. Ф. 102. Оп. 9. Д. 473.
8. Шубин С.И. Результаты магнитных определений А.К. Иванова в Минусинском крае // Известия Томского технологического института. 1923. Т. 43. С. 53.
9. Иванов А.К. Магнитные наблюдения в Минусинском крае в 1920 г. // Известия Томского технологического института. 1923. Т. 43. С. 52.
10. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 55.
11. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 88.
12. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 27.
13. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 154.
14. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 347.
15. Архив Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ (МАЭС ТГУ). Д. № 313.
16. Помощь томских вузов трудящимся Японии // Красное знамя. 1923. 18 нояб.
17. С. Выставка японских произведений // Красное знамя. 1923. 23 нояб.
18. А.Ш. ВУЗы о Японии // Красное знамя. 1923. 6 дек.
19. Выставка доисторической жизни в Сибири // Красное знамя. 1924. 15 марта.
20. Зудилов И. Учебно-вспомогательные учреждения университета // Красное знамя. 1924. 26 сент.
21. ГАТО Ф. Р-815. Оп. 1. Д. 295.
22. Грязнова В. Первый туземный кружок (Письмо из Томска) // Советская Сибирь. 1925. 4 июня.
23. Архив МАЭС ТГУ. Д. № 83.
24. Соболев В.С. Академия наук и краеведческое движение // Вестник Российской академии наук. 2000. Т. 70, № 6. С. 535–541.
25. Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей и врачей при Томском государственном университете: Отчет о деятельности О-ва за 1917–1926 годы. Томск : Тип. Издат. «Кр. Знамя», 1927. 42 с.
26. Профессора Томского университета: Биографический словарь / С.Ф. Фоминых, С.А. Некрылов, Л.Л. Берцун, А.В. Литвинов. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.
27. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1729.
28. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1737.
29. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1745.
30. ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 12. Д. 1758.
31. Зайченко П.А. Томский государственный университет имени В.В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955) / под ред. В.А. Пегеля. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1960. 477 с.
32. Заслуженный авторитет: Из беседы с зав. кафедрой физической географии геолого-почвенно-географического факультета ТГУ доцентом Ивановым // Красное знамя. 1934. 15 сент.
33. Боль людская: Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов / Управление КГБ СССР по Томской области ; сост.: В.Н. Уйманов, Ю.А. Петрухин. Томск, 1991. 400 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 25 сентября 2015 г.

A.K. IVANOV (1886–1937): GEOGRAPHER, ARCHAEOLOGIST AND ETHNOGRAPHER

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 141–147. DOI: 10.17223/15617793/402/19

Fominykh Sergey F. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sergei.fominykh1940@mail.ru

Afanasenkov Vladislav O. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: erpaison@gmail.com

Keywords: Tomsk State University; A.K. Ivanov; biography; archaeology; ethnography; geography.

The article is devoted to Alexei Konstantinovich Ivanov, a talented scientist who played a big role in the development of Tomsk archaeology, ethnography and geography. Based on the archive documents, periodicals, research literature an attempt is made to reconstruct his biography. After graduating from the Natural Department of the Faculty of Physics and Mathematics of St. Petersburg University in 1913, in 1915 he was drafted to the army. He participated in the fighting against Germany in the North-Western Front during the First World War. On leave in September 1917, he came to Tomsk to meet his future wife Concordia Pavlovna Kuzmina (at that time she was a listener of the Medical Faculty of the Tomsk University), whom he had met in 1914 during one of his expeditions. A.K. Ivanov returned from the army in late November 1917, when it had already been rebuilt on the soviet principles. After the signing of the Brest-Litovsk peace deal, he was demobilized and came to Tomsk, planning to start preparing for the delivery of master tests. However, the Civil War which began in the late spring interrupted his plans. A.K. Ivanov, as a soldier of the White Army, took part in the fighting in the Eastern Front. In December, 1919, in Tomsk, he came over to the Soviet government's side. At this time in Tomsk State University there was no specialist in physical geography for conducting practical classes, and Professor S.I. Rudenko invited A.K. Ivanov to the post of a junior assistant. In January 1922, Ivanov was allowed to teach geographical subjects. After the departure of S.I. Rudenko and S.A. Teploukhov from Tomsk, he became the Head of the Office of Geography and Anthropology. In 1923, he headed the Ethnological and Archaeological Museum, which under his leadership began to involve workers, peasants, soldiers and students of Tomsk in educational activities. Much credit of Ivanov is the replenishment of museum collections. In the 1920s–1930s, he took part in several ethnographic expeditions (Achinsk-Minusinsk expedition in 1920, an expedition to the Western edge of the Kirghiz and Urals in 1921, an expedition to Mountainous Shoria in 1925, 1927, 1930, studies during a business trip with a propaganda column in Malopeschansky area in 1930), organized archaeological excavations in the neighborhood of Tomsk (Toyano Gorodok, Tomsk Burial, Basandayka, Samus Backwater). In 1931–1932, after reorganization of faculties, A.K. Ivanov headed the Geographic Department, and after a new restructuring the Department of Physical Geography. In November 1937, he was arrested by the NKVD and soon sent to the death penalty on charges of membership in the Russian Union of Salvation.

After his death, his wife with their daughters moved to Buguruslan, where she headed a tuberculosis hospital for children. The most valuable manuscripts of A.K. Ivanov were seized during the arrest; they have not been found until now.

REFERENCES

1. Zemtsov, A.A. (1993) A.K. Ivanov – pervyy zaveduyushchiy kafedroy fizicheskoy geografii Tomskogo universiteta [20–30-e gg.] [A.K. Ivanov: the first head of the Department of Physical Geography of the University of Tomsk [1920–30-ies]]. *Voprosy geografii Sibiri*. 19. pp. 163–166.
2. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 535. (In Russian).
3. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 18. File 131. (In Russian).
4. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 2. File 2412. (In Russian).
5. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 1. File 773. (In Russian).
6. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 29. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 102. List 9. File 473. (In Russian).
8. Shubin, S.I. (1923) Rezul'taty magnitnykh opredeleniy A.K. Ivanova v Minusinskom krae [The results of magnetic discoveries of A.K. Ivanov in Minusinsk territory]. *Izvestiya Tomskogo tekhnologicheskogo instituta*. 43. p. 53.
9. Ivanov, A.K. (1923) Magnitnye nablyudeniya v Minusinskom krae v 1920 g. [Magnetic observations in Minusinsk territory in 1920]. *Izvestiya Tomskogo tekhnologicheskogo instituta*. 43. p. 52.
10. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 55. (In Russian).
11. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 88. (In Russian).
12. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 27. (In Russian).
13. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 154. (In Russian).
14. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 347. (In Russian).
15. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University (MAES TGU). File 313. (In Russian).
16. Anon. (1923) Pomoshch' tomских вузов trudiyashchimsya Yaponii [Help of Tomsk universities to the working people of Japan]. *Krasnoe znaniye*. 18 November.
17. S. (1923) Vystavka yaponskikh proizvedeniy [The exhibition of Japanese works]. *Krasnoe znaniye*. 23 November.
18. A.Sh. (1923) VUZy o Yaponii [Universities on Japan]. *Krasnoe znaniye*. 6 December.
19. Anon. (1924) Vystavka doistoricheskoy zhizni v Sibiri [Exhibition of prehistoric life in Siberia]. *Krasnoe znaniye*. 15 March.
20. Zudilov, I. (1924) Uchebno-vspomogatel'nye uchrezhdeniya universiteta [Training and supporting institutions of the University]. *Krasnoe znaniye*. 26 September.
21. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 1. File 295. (In Russian).
22. Gryaznova, V. (1925) Pervyy tuzemnyy kruzhok (Pis'mo iz Tomsk) [The first indigenous Circle (A Letter from Tomsk)]. *Sovetskaya Sibir'*. 4 June.
23. Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University (MAES TGU). File 83. (In Russian).
24. Sobolev, V.S. (2000) Akademiya nauk i kraevedcheskoe dvizhenie [Academy of Sciences and the local lore movement]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 70:6. pp. 535–541.
25. Society of Naturalists and Physicians. (1927) *Protokoly zasedaniy Obshchestva estestvoispytateley i vrachey pri Tomskom gosudarstvennom universitete: Otchet o deyatelnosti O-va za 1917–1926 gody* [Minutes of meetings of the Society of Naturalists and Physicians at Tomsk State University: Report on the activities of the Society for 1917–1926]. Tomsk: Krasnoye Znamya.
26. Fominykh, S.F. et al. (1998) *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar'* [Professors of Tomsk University: A Biographical Dictionary]. V. 2. Tomsk: Tomsk State University.
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1729. (In Russian).
28. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1737. (In Russian).
29. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1745. (In Russian).
30. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-815. List 12. File 1758. (In Russian).
31. Zaychenko, P.A. (1960) *Tomskiy gosudarstvennyy universitet imeni V.V. Kuibysheva: ocherki po istorii pervogo sibirskogo universiteta za 75 let (1880–1955)* [Tomsk State University n.a. V.V. Kuibyshev: essays on the history of the first Siberian University for 75 years (1880–1955)]. Tomsk: Tomsk State University.
32. Anon. (1934) Zasluzhennyy avtoritet: Iz besedy s zav. kafedroy fizicheskoy geografii geologo-pochvenno-geograficheskogo fakul'teta TGU dotsentom Ivanovym [A deserved authority: Interview with the Head of the Physical Geography Department of the Geological-Soil and Geographical Faculty of Tomsk State University, Associate Professor Ivanov]. *Krasnoe znaniye*. 15 September.
33. Uymanov, V.N. & Petrukhin, Yu.A. (1991) *Bol' lyudskaya: Kniga pamyati tomichey, repressirovannykh v 30–40-e i nachale 50-kh godov* [Human Pain: Memory Book of Tomsk residents repressed in the 1930–40-ies and in early 1950s]. Tomsk.

Received: 25 September 2015

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ РЕЖИМА НА ТАЙВАНЕ

Ставится задача изучения внутренних факторов, ставших предпосылками демократизации режима на Тайване в 1986–1996 гг. Рассматриваются факторы смены политической элиты, общественного мнения, диалога власти и оппозиционных сил, военной безопасности. Акцент сделан на выявлении причин формирования обозначенных факторов, их конкретных проявлений и следствий для социально-политической жизни острова, главной из которых является демократизация.

Ключевые слова: Тайвань, демократизация; политическая система Тайваня; развитие Тайваня; безопасность Тайваня; общественное мнение; оппозиция на Тайване.

Несмотря на то что проблема демократизации авторитарных режимов является хорошо изученной широким кругом специалистов разного профиля, она, безусловно, сохраняет свою актуальность и по сей день. Многие страны уже прошли через этот процесс, но еще многим он предстоит в будущем, и для них изучение опыта трансформации режимов является крайне важным. Однако не следует забывать, что даже при наличии общих черт процессов демократизации, позволивших ученым создать их различные классификации и выделить этапы их осуществления, в каждом конкретном случае существует своя специфика, а потому опыт каждого конкретного режима заслуживает детального изучения.

Случай Тайваня интересен еще и тем, что демократизация и либерализация были тесно связаны с другой важной проблемой – проблемой разделенных народов. Пока на острове господствовал авторитарный режим и установленное им военное положение, сближение с Китаем являлось крайне маловероятным, особенно беря во внимание существование не менее авторитарного режима Мао Цзэдуна на материковом Китае.

Выявление предпосылок и факторов демократизации представляет интерес и с прогностической точки зрения, так как позволяет «заглянуть в будущее» и предсказать развитие того или иного режима, используя опыт изучения аналогичных процессов в других странах.

Данная работа в основном опирается на материалы зарубежного журнала «Asian Survey», выпускаемого издательством «California press». В данном журнале ежегодно публикуется своеобразная сводка событий за год в азиатских странах, в том числе и на Тайване. Материалом для написания этих ежегодных отчетов служат статьи из газет и журналов (преимущественно страны, о которой идет речь), мнения и интервью высокопоставленных чиновников и специалистов, а также статьи видных ученых, занимающихся изучением данной страны [1]. Одной из главных особенностей этих ежегодных публикаций является полное отсутствие или лишь незначительное влияние субъективного фактора, так как они практически лишены прогнозов и аналитики, а представляют собой подборку значимых событий за определенный период и тематическую выжимку из СМИ. Ежегодный характер публикаций при изучении динамики развития того или иного процесса позволяет свести субъективный фактор до абсолютного минимума, потому что любые необоснованные выводы опровергаются событиями,

нашедшими отражение в публикациях последующих годов, а определенные важные события, не нашедшие освещения в работе отдельных авторов, так или иначе рассматриваются в статьях опубликованных позднее.

В работе проанализирован период начиная с 1972 г. Дата выбрана не случайно, так как представляется, что предпосылки для демократизации социально-политической жизни Тайваня, включая как внутренние, так и внешние, начали складываться с этого года (речь в первую очередь идет о назначении Цзян Цзинго премьер-министром Тайваня и начале официальных контактов между Китаем и США, за которым последовало исключение Тайваня из ООН). В 1972 г. на Тайване господствовал режим, носивший тоталитарные и авторитарные черты. На острове было установлено военное положение, которое оправдывалось необходимостью мобилизации сил для противостояния коммунистическому Китаю. В соответствии с ним любая организованная оппозиционная деятельность была запрещена, и хотя независимые кандидаты имели возможность участвовать в выборах, но при этом кандидаты от партии власти – Гоминьдана – обладали несравненно большими предпочтениями. Их поддерживали различные профессиональные сообщества, СМИ, они имели возможность пользоваться административным ресурсом и иными средствами ведения нечестной политической борьбы. Государственный контроль за выборами в органы местного самоуправления не был таким жестким и они, таким образом, являлись своего рода «лакмусовой бумажкой», позволявшей центральным властям отслеживать изменение общественного мнения и степень поддержки населением партии власти.

На уровне центральной власти фактически наблюдалось сращивание партийного и государственного аппарата. Члены Центрального постоянного комитета Гоминьдана занимали ключевые государственные посты, а харизматичный глава партии – Чан Кайши – являлся президентом Тайваня и обладал крайне широкими полномочиями. Выборы президента носили непрямой характер, т.е. он избирался Национальной Ассамблеей на шестилетний срок. В свою очередь, два ключевых органа центральной власти – Национальная Ассамблея и Законодательный Юань – формально являлись выборными. Однако ввиду военного положения места пожизненно закреплялись за делегатами с 1947 г., подавляющее число которых были членами Гоминьдана, выбранными в эти органы еще на матери-

ковом Китае и бежавшими вместе с Чан Кайши с материка после поражения в Гражданской войне в 1948–1949 гг. По сути, ключевые политические решения принимались внутри партии и лично Чан Кайши, а сложившаяся политическая система обеспечивала их безальтернативное воплощение в жизнь.

Общественный порядок на острове гарантировался развитой системой карательных органов и армией. Кроме этого, немаловажным аспектом обеспечения социальной стабильности являлся контроль над СМИ и системой образования. Существование такого рода политической системы не мешало складыванию определенных предпосылок для демократизации тайваньского общества, которые получили развитие в 1970–1980-х гг. и привели непосредственно к демократизации режима в 1986–1996 гг. Факторы демократизации Тайваня можно разделить на две большие группы – внутренние и внешние. В данной работе акцент сделан именно на внутренних факторах демократизации, в первую очередь на политических и социальных.

Смена политической элиты представляется основным внутренним фактором, способствовавшим демократизации режима. До 70-х гг. XX в. во власти преобладали военные круги, бежавшие вместе с Чан Кайши с материка. Для них авторитарная политика представлялась не только средством сохранения своей власти, но и мобилизационным ресурсом для противостояния коммунистическому Китаю. Со временем сложились предпосылки для серьезных изменений во властных структурах. Оценивая причины перестановок в высших властных кругах в период с 1972 по 1986 г., что представляется важным при анализе факторов демократизации Тайваня, можно проследить несколько основных тенденций, которые влияли на почти все значимые изменения во власти.

Для постепенной смены власти, ставшей главным фактором демократизации Тайваня, сложилось две главных предпосылки – объективная и экономическая, без которых дальнейшие изменения политической системы, скорее всего, были бы невозможны. Другие предпосылки носили вспомогательный характер и их возникновение (или правильнее будет сказать, влияние на демократизацию) «само по себе», без основных причин, вызывает большое сомнение значимости и не рассматривается в данной работе.

При этом не следует забывать и о ряде факторов, которые обусловлены геополитическим положением Тайваня, что выражается в зависимости от экспорта-импорта (а следовательно, и стабильных торгово-экономических отношениях с другими странами) и военной поддержки США. Несмотря на то что работа посвящена изучению внутренних факторов демократизации, отрицать влияние внешних факторов, в том числе на эволюцию политической системы Тайваня, не представляется возможным.

Основная предпосылка носила естественный характер – средний возраст членов Гоминьдана и чиновников неуклонно увеличивался, многие уходили с политической арены ввиду болезней или смерти, и со вре-

менем партия власти начала испытывать кадровый голод. К 1972 г. средний возраст членов Национальной Ассамблеи был 63 года, Законодательного Юаня – 67 лет, Контролирующего Юаня – 73 года [2. Р. 106]. Самому Чан Кайши было 85 лет. Так, в правительстве, парламенте и профессиональных комитетах, ответственных за проведение специальной политики, стало появляться все больше лиц, получивших качественное высшее образование из уже родившихся на Тайване. Они относились к материковому Китаю без особых предубеждений и понимали, что авторитарный режим не сможет существовать вечно, и со временем Тайвань будет вынужден искать пути сближения с Китаем. Для них также на первом месте стояли экономическое процветание острова и эффективность проводимой политики, а не идеологические установки.

Другая причина постепенного прихода новых людей во власть заключалась в быстрых темпах экономического роста, улучшении благосостояния граждан и рост уровня образованности. Это привело, с одной стороны, к появлению высококвалифицированных кадров, которые могли бы восполнить кадровые пробелы во властных структурах, с другой – к появлению зажиточного слоя граждан, нуждавшихся в политической защите своих интересов или имевших политические амбиции. Эти процессы в определенной степени усиливали давление на центральную власть, вынуждая ту идти на политические послабления, позволившие определенным категориям граждан принимать более активное участие в политической жизни острова.

Наряду с основными существовали и второстепенные предпосылки демократизации. Первая из них заключалась в постепенном совершенствовании социальной структуры тайваньского общества, внешнее значение которой отразилось в либерализации избирательного законодательства в 1980 г., которое фактически дало возможность многим выдающимся гражданам эффективно участвовать в выборах и рассчитывать на осуществление политической карьеры. Также это создало базу для формирования оппозиции Гоминьдану, тем самым дав гражданам еще одну возможность участия в политической жизни острова. Другим фактором, по всей видимости, стало сознательное решение правящей элиты о необходимости привлечения новых людей во власть. Привлечение коренных тайваньцев с высшим образованием имело смысл не только с целью восполнения кадровой лакуны, но было и попыткой снижения социального напряжения, вызванного недовольством незначительного числа лиц, представлявших интересы коренных жителей во властных структурах.

Возможно, определенное значение для кадровых перестановок в высших эшелонах власти имел субъективный фактор, заключающийся в личных качествах и ценностях руководителей Гоминьдана, и, прежде всего, Цзян Цзинго, ценивших не только и не столько родственные связи, сколько профессиональные качества. Кроме того, приход новых людей на ключевые должности президента или премьер-министра часто сопровождается перестановками или появлением новых лиц во властных структурах. Так,

назначение Цзян Цзинго премьер-министром в 1972 г. вызвало масштабные изменения в правительстве.

1972 г. стал отправной точкой для значительных перемен во властных структурах на Тайване. Без сомнения, этот процесс был многоуровневым и многоэтапным, а его последствия стали одним из ключевых двигателей демократизации. На самом высоком властном уровне изменения были связаны с назначением в мае 1972 г. старшего сына Чан Кайши Цзян Цзинго премьер-министром Тайваня. Сам Чан Кайши был переизбран президентом на очередной срок [2. Р. 105]. Такой шаг означал не только неизбежные перестановки в кабинете министров, но и фактически то, что Цзян Цзинго, вероятнее всего, станет преемником Чан Кайши. По всей видимости, не последнюю роль в процессе демократизации режима сыграли личность и характер Цзян Цзинго. Не вызывает сомнения высокий уровень его образованности, который отразился не только в понимании необходимости либерализации Тайваня, но и механизмов ее проведения. Современники отмечали его природную скромность и уравновешенность, а также близость к народу, которая выражалась в его частых визитах в сельскую местность [3. Р. 22–23].

При этом следует отдавать отчет в том, что одного фактора роли политического лидера было бы недостаточно для проведения глубинных преобразований. Важным является и степень готовности общества к таким преобразованиям, а в особенности руководящей элиты. К слову, Цзян Цзинго обладал поддержкой партийной верхушки Гоминьдана, многие члены которой опасались улучшения самочувствия Чан Кайши после 1972 г. и его возврата к непосредственному управлению островом, что, вероятно, привело бы к отмене либеральных преобразований начала 70-х гг., связанных с назначением Цзян Цзинго [Ibid. Р. 23].

Цзян Цзинго являлся своего рода компромиссным вариантом, который устраивал представителей разных течений внутри Гоминьдана. С одной стороны, консерваторы могли рассчитывать на преемственность политического курса после ухода Чан Кайши, учитывая родственную связь Цзян Цзинго и Чан Кайши. С другой стороны, реформаторы связывали с ним возможность демократических преобразований, беря во внимания тот факт, что он большую часть сознательной жизни провел именно на Тайване, а не на материке, и к тому же был высокообразован.

Едва ли можно назвать совпадением, что с назначением Цзян Цзинго произошли определенные изменения в проводимом политическом курсе. Во-первых, активизировалась борьба с коррупцией. Так, уголовному преследованию подвергся Ван Чен И – глава Бюро по управлению персоналом, секретарь и родственник Чан Кайши. Из-за своей коррупционной деятельности он получил пожизненное заключение [Ibid]. В 1977 г. Цзян Цзинго объявил курс на борьбу с коррупцией и неэффективностью государственного аппарата, в результате которой были сокращены многие сотрудники, работавшие на непостоянной основе, а различные коррупционные скандалы получали широкое освещение в СМИ.

Во-вторых, в 1973 г. в ряде специальных и профессиональных институтов (в Национальном научном совете, Совместной комиссии по реконструкции деревни, Комиссии по экономическому планированию) сменились главы. Усредненный портрет новых руководителей можно было бы описать как «высококвалифицированный специалист около 40 лет, не имеющий опыта политической деятельности», что фактически означало решение правительства сделать ставку на интеллектуальную элиту, подавляющая часть которой являлась коренными жителями [3. Р. 23–24]. В-третьих, произошло смягчение цензуры. В 1973 г. основной орган цензуры – Культурное бюро Министерства образования – был расформирован, а его полномочия переданы Министерству образования и Государственному информационному офису [Ibid]. В 1975 г. было амнистировано несколько видных политических преступников. При этом послабления носили временный характер.

5 апреля 1975 г. скончался Чан Кайши. Согласно Конституции Тайваня бывший вице-президентом при Чан Кайши Янь Цзягань стал исполняющим обязанности президента до 1978 г., а премьер-министр Цзян Цзинго сохранил свой пост. 28 апреля в ходе внутрипартийного анонимного голосования он был назначен председателем Центрального постоянного комитета партии. В 1984 г. Цзян Цзинго был выбран президентом, в то время как Ли Дэньхуэй стал вице-президентом. Это было воспринято многими как важнейший очередной шаг на пути «тайванизации» правительства, так как Ли родился и вырос на Тайване, следовательно, не имел никакого отношения к материковому Китаю [4. Р. 90].

Назначение Цзян Цзинго премьером Тайваня дало старт кадровым изменениям на министерском уровне. Вице-премьером был назначен коренной тайванец, министром внутренних дел также был назначен тайванец, а бывший мэр Тайбэя Као Ишу, будучи беспартийным, был назначен министром связи, став первым за всю политическую историю Тайваня министром, не являющимся членом Гоминьдана [2. Р. 105]. В 1976 г. из-за коррупционных скандалов лишились своих постов министр юстиции и уже упомянуты министр коммуникаций Као Ишу. Министр финансов Ли Гуодин, творец «тайваньского экономического чуда», ушел с поста по состоянию здоровья. В 1981 г. по состоянию здоровья в отставку ушел вице-премьер Тайваня и этот пост занял бывший министр внутренних дел Чиу Чуанхуань [5. Р. 105]. Самые серьезные перестановки на этом уровне произошли в 1984 г. после избрания Цзян Цзинго на второй президентский срок. Премьер-министром стал Юй Гогуа, а свои посты сохранили только министры иностранных дел, обороны и транспорта. Вице-премьером, а также 6 из 19 чиновников министерского уровня стали коренные тайванцы.

На парламентском уровне также происходили значительные изменения. 20 декабря 1975 г. состоялись выборы на 37 вакантных мест в Законодательный Юань. 30 мест досталось кандидатам от Гоминьдана, 4 – независимым кандидатам, получившим поддержку партии власти, но что самое важное, 86% всех побе-

дивших кандидатов были коренными тайваньцами [5. Р. 18], так как кадровый резерв эмигрировавших с материка гоминьдановцев с течением времени, в силу проблем со здоровьем, постоянно сокращался. 6 декабря 1980 г. состоялись очередные выборы, в ходе которых 403 кандидата боролись за 97 мест в Законодательном Юане и 76 мест в Национальной Ассамблее [6].

К 1982 г. проблема возраста членов парламента стала еще острее, в связи с чем правительство было вынуждено сократить число требуемых голосов для достижения кворума [7. Р. 43]. 3 декабря 1983 г. прошли выборы в Законодательный Юань. Из 71 места 61 получили кандидаты от правящей партии, набрав при этом 68% голосов [Ibid. Р. 122].

Для изучения эволюции политической системы Тайваня и, в частности, факторов демократизации особый интерес представляет анализ процессов внутри Гоминьдана. Беря во внимание специфику конкретного авторитарного режима и учитывая сращивание партийного и государственного аппарата, можно констатировать, что зачастую любые изменения политического курса, проводимого руководством Гоминьдана, в первую очередь отражались на изменениях внутри партии, а уже впоследствии проявлялись на уровне государственных структур. Изменения на партийном уровне характеризовались, в первую очередь, сменой состава Центрального постоянного комитета Гоминьдана – основного органа партии, ответственного за принятие ключевых решений. После выборов 1972 г. средний уровень образованности членов Центрального постоянного комитета партии вырос, а средний возраст уменьшился. Кроме того, произошло сокращение административных единиц внутри партии [8], что означало принятие курса партии на сокращение бюрократического аппарата.

В ноябре 1976 г. на 11 Конгрессе Гоминьдана за Цзян Цзинго был закреплён статус Председателя партии, в то же время члены постоянного и иных комитетов, а также их главы сохранили свои места. При этом составы исполнительных комитетов были расширены за счет молодых тайваньцев [5. Р. 26].

29 марта – 5 апреля 1981 г. состоялся 12 Национальный конгресс Гоминьдана, в ходе которого было выбрано 150 новых членов и 75 заместителей в Центральный комитет партии. Особенностью итогов выборов стало то, что впервые в истории партии членами Центрального комитета стали бизнесмены, три журналиста и работник сферы образования, которые не принадлежали к политическим или военным кругам [9. Р. 48–49]. В 1984 г. в Центральный постоянный комитет Гоминьдана было выбрано еще три коренных тайваньца, что довело их процентное соотношение с 33 до 39 [4. Р. 90]. В марте 1986 г. Центральный комитет Гоминьдана выбрал четырех новых члена Центрального постоянного комитета партии, двое из которых также были коренными тайваньцами. Всего число тайваньцев в этом органе достигло почти 50% (для сравнения, еще 5 лет назад их было всего четверть). Современники также отмечали относительно молодой возраст новоизбранных членов (около

40 лет), их высокий уровень образованности, отсутствие их какого-либо отношения к военным кругам и родственных связей с президентом) [9. Р. 82].

Наконец, изменения затронули уровень местного самоуправления. По итогам выборов 1977 г. важные посты заняли относительно более образованные выходцы из коренного населения (средний возраст выбранных кандидатов составил 44 года, и 2/3 из них получили высшее образование). По их заявлениям, для них Гражданская война в Китае была скорее частью уроков по истории, нежели личным опытом [10. Р. 26], а соответственно, это позволяло им более непредвзято относиться к материковому Китаю, адекватно оценивая возможные перспективы Тайваня, степень угрозы со стороны Китая и перспективы сотрудничества двух сторон.

Кадровые изменения внутри политической элиты означали, что во власти оказалось значительно больше коренных тайваньцев, чем до 1972 г. Почти все они получили высшее образование, не являлись членами военной элиты и не имели значительных родственных связей в высоких политических кругах. Говоря другими словами, происходили «тайванизация» и демилитаризация власти, а также рост ее образованности. С практической точки зрения, это означало формирование более адекватной оценки ситуации вокруг Тайваня, а следовательно, и принятие более взвешенных стратегических решений. Новая политическая элита не имела реваншистских настроений по отношению к материковому Китаю, что являлось не только важной предпосылкой для возобновления контактов с коммунистическим режимом, но и гарантировало определенную стабильность в отношениях с региональными державами и США.

Подобного рода изменения также открывали возможности для демократизации отдельных аспектов жизни острова. Постепенная разрядка напряжения в отношениях с Китаем неизбежно сводила на «нет» целесообразность сохранения военного положения, серьезно ограничившего гражданские свободы.

Еще одним немаловажным фактором демократизации Тайваня, и при этом крайне многогранным по своим проявлениям и причинам возникновения, является общественное мнение. Изучение процессов формирования, влияния государственной политики и внешних явлений на его изменение, зависимость проводимой государством политики от него – все это является крайне нетривиальной задачей для исследователей многих ученых. Тем не менее, если рассматривать этот фактор в контексте его влияния на процесс демократизации Тайваня, то ситуация выглядит более однозначной.

Если сам факт влияния общественного мнения на проводимую государством политику представляется, скорее, очевидным, то выяснение возникновения и влияния конкретных явлений, с ним связанных, вызывает значительный интерес.

Статистика по выборам на разные уровни власти с 1972 по 1986 г. позволяет утверждать относительно высокую степень вовлеченности жителей Тайваня в политическую жизнь. 23 декабря 1973 г. на выборах

Национальную Ассамблею и Законодательный Юань явка составила 80%; в 1975 г. – 75,97%; 1980 г. – 66,4%; 1983 г. – 63,2%. На выборах в органы местного самоуправления 1981 г. явка составила 71,38%, в 1985 г. – 72,08% [9. Р. 82]. Это может объясняться не только относительно высоким уровнем образованности на острове, но и историческими причинами. В течение 50 лет до Второй мировой войны Тайвань, даже несмотря на то, что являлся колонией Японии, все же обладал значительной самостоятельностью и жители острова принимали достаточно активное участие в политической жизни.

Другой особенностью стала значительная поддержка населением гоминьдановского режима. Так, на выборах 1972 г. в Законодательный Юань и Национальную Ассамблею из 76 победивших кандидатов 73 были гоминьдановцами [10]. На выборах 1977 г. 76,5% от общего числа победителей были членами партии власти [11. Р. 26]; в 1985 г. Гоминьдан также получил более 70% голосов [12]. Согласно опросу общественного мнения 1981 г. 82% жителей острова были довольны уровнем жизни [13. Р. 47], а в 1986 г. 73,1% выразили доверие правительству и правящей партии [9. Р. 82].

Причин столь устойчивого положения Гоминьдана было несколько. В первую очередь, правительство проводило грамотную социальную политику, которая была возможна, в том числе, благодаря экономическим успехам острова. На рубеже 1970–1980-х гг. правительство повысило минимальную заработную плату с 67 до 84 долл. США; выделило 27,7 млн долл. на улучшение жилищных условий работников предприятий. Кроме того, было выделено 870,2 млн долл. на жилищное и дорожное строительство, 567 млн долл. для строительства жилья для жителей с низким и средним уровнем доходов и т.д. Развивалось трудовое законодательство, расширяя гарантии рабочих, создавались специальные суды для разрешения противоречий, связанных с соблюдением трудового кодекса, и т.д. [14. Р. 55].

Во-вторых, важную роль играла «коммунистическая угроза» со стороны материкового Китая. В этом контексте Гоминьдан представлялся гарантом независимости острова. Поэтому господствовавшее на Тайване военное положение не вызывало серьезного беспокойства населения фактором.

Интересным с точки зрения изучения процессов демократизации на Тайване представляет вопрос о взаимоотношениях партии власти и оппозиции. Фактически до 1980 г. оппозиция носила неорганизованный характер, а до 1986 г. – к тому же и неофициальный, т.е. любая организованная оппозиционная деятельность де-юре была незаконна. На уровне местного самоуправления у непартийных кандидатов было несколько больше возможностей для ведения политической деятельности, например в предвыборный период, чем у таковых на центральном уровне. Но и в провинции Гоминьдан обладал широким инструментарием по влиянию на общественное мнение и другие факторы, сказывающиеся на итогах выборов.

Тем не менее с изменением избирательного законодательства в 1980 г. можно говорить о начале ново-

го этапа в политической жизни острова. Так, были разрешены избирательные комитеты, нарушения в предвыборной деятельности уточнены, а деятельность кандидатов и их сторонников была более строго регламентирована [14. Р. 55]. По сути, речь идет о достижении некоего компромисса и начале диалога между Гоминьданом и оппозицией, которая к тому времени самоорганизовалась в движение «Данвай», что дословно может быть переведено как «вне партии». Взаимодействие между ними привело к возникновению компромисса, который проявился уже на выборах 1980–1981 гг. Так, кандидаты от оппозиции согласились не затрагивать ряд определенных острых вопросов в предвыборной кампании, в то время как Гоминьдан ограничил использование административного ресурса и различных лояльных ему групп для саботажа политических мероприятий оппозиции [9. Р. 83–84]. Дальнейшее сотрудничество между политическими силами привело к совместному обсуждению (с привлечением ученых) механизмов и сроков отмены военного положения, легализации оппозиции, а также к разрешению «Данвай» открыть сеть представительств по всей стране через Исследовательскую ассоциацию общественной политики [Ibid. Р. 83].

Возможность диалога между Гоминьданом и оппозицией имела несколько причин. Первая заключается в сложившейся к 1980 г. политической ситуации и широкой поддержке Гоминьдана населением острова. На основании итогов выборов разных уровней и данных социологических опросов можно сделать вывод, что поддержка Гоминьдана населением составляла более 70%, что даже, несмотря на либерализацию и возможное разрешение оппозиции, позволяло бы Гоминьдану сохранить власть. Таким образом, один из главных сдерживающих политическую либерализацию факторов, а именно риск потери власти в случае осуществления демократизации, в случае Тайванем отсутствовал.

Другая причина является субъективной, т.е. развитие диалога между партией власти и оппозицией было сознательным выбором гоминьдановского руководства. Диалог с оппозицией по некоторым важным вопросам теоретически мог привести к выявлению новых свежих идей, а организованная оппозиционная деятельность могла бы создать базу для появления новых выдающихся политических деятелей, которых можно было бы привлечь к управлению островом.

Не стоит забывать и о пресловутом внешнем факторе, который, в первую очередь, выражался в ожидании от Тайваня (прежде всего, США) демократических преобразований, важной частью которых являлось наличие оппозиции. Невыполнение шагов в этом направлении создавало риск ухудшения отношений с США, что было недопустимо, учитывая стремления Китая присоединить Тайвань.

Факторы общественного мнения и взаимодействия власти и оппозиции представляются скорее не как импульсы, давшие толчок к демократизации режима, а как объективные условия, совокупность которых не только сделала демократизацию возможной, но и во многом определила форму ее осуществления. Кон-

структивный диалог с оппозицией и поддержка значительной части населения политики партии власти внесли огромный вклад в снижение социального напряжения и обусловили возможность эволюционного изменения политической системы.

Один из факторов демократизации можно отнести к одинаковому успеху как к внутренним, так и внешним. Речь идет о военном потенциале Тайваня, который зависит не только от уровня экономического развития острова, т.е. количества средств и производственных мощностей, которым обладает Тайвань, но и от готовности и возможности партнеров острова продавать вооружения и участвовать в совместных военных проектах. Важность этого фактора является неоспоримой, особенно если рассматривать военное положение и ограничение свобод на Тайване как способ защиты от материкового Китая. В этом ключе наращивание военного потенциала являлось одним из гарантов безопасности острова, а достаточный уровень защищенности лишал смысла сохранение военного положения. Данный фактор является скорее объективным и не имеет какой-то конкретной причины возникновения, а является лишь требованием, которое существует существующая реальность.

Важность этого фактора в контексте обеспечения безопасности острова подтверждается непрерывающейся работой над различными вооружениями и количеством военных проектов с разными странами, включая США, Японию и Израиль. Так, в 1975 г. в производство была запущена модифицированная ракета класса воздух–воздух [15. Р. 63]. В 1976 г. в докладе ЦРУ сообщалось, что Тайвань начал переработку обедненного урана для создания запасов плутония, который потенциально может быть использован для создания ядерного оружия [5. Р. 25]. В этом же году Тайвань заказал США 60 улучшенных истребителей F-5Es, и Сенат одобрил продажу 45 [15. Р. 64]. В том же 1975 г. 18 инженеров с Тайваня отправились в Массачусетский технологический институт для разработки высокоточных систем наведения, которые могли бы использоваться в ядерном оружии [Ibid].

Другим доказательством важности военного потенциала служат периодические демонстрации силы в форме военных парадов и выставок военной техники, проводимые властями Тайваня. 10 октября 1975 г. в честь Национального дня был проведен парад, на котором демонстрировались самолеты, вертолеты, танки

и иная военная техника, произведенная на острове [15. Р. 64].

Еще одно доказательство – привлечение специальных пожертвований населения для усиления военного потенциала острова. В июне 1980 г. правительство привлекло дополнительные 288 млн долл. в военный бюджет для осуществления специальных проектов [13. Р. 88]. В 1979 г. на волне разрыва официальных отношений с США правительство Тайваня привлекло 93 млн долл., которые потратило на закупку 16 самолетов F-5E и 2 F-5F [16. Р. 88].

Особое значение имело дезертирство на Тайвань китайского командира эскадрильи Фань Юань Йеня в 1977 г., который, среди прочего, сообщил о низкой боеготовности и моральном духе китайской армии, что несколько снизило напряжение, господствовавшее в правительственных кругах Тайваня по поводу роста военной мощи Китая [11. Р. 72].

К 1972 г. фактически сформировалась причинная база для формирования ключевых факторов демократизации, которые получили свое развитие в следующие 15 лет и привели с 1986 по 1996 г. к трансформации тайваньского режима из авторитарного в демократический. Итак, важными факторами этого процесса стали постепенная смена людей во власти, отразившаяся в ее демилитаризации, рост среднего уровня образованности чиновников и снижение их среднего возраста, а также увеличение числа коренных тайваньцев. Общественное мнение, с одной стороны, поддерживало правительство, что и гарантировало эволюционный характер изменений, с другой – требовало либерализации режима и было готово к этому; существование определенного консенсуса между партией власти и оппозицией также гарантировало реформационный характер демократизации. На укрепление идеи демократизации влиял рост военного потенциала и защищенности острова, постепенно снижавшего потребность в сохранении военного положения для мобилизации ресурсов.

Несмотря на всю важность внутренних факторов демократизации, не следует забывать о значительной роли группы внешних факторов. Их значимость прослеживается в возникновении некоторых предпосылок к складыванию внутривластных и внутрисоциальных причин демократизации режима на Тайване, а их тесная связь и взаимообусловленность с внутренними факторами демократизации во многом определили формы, темпы и направление этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Appleton, Sheldon L. Taiwan: The Year It Finally Happened // *Asian Survey*. Vol. 12, № 1 (Jan. 1972). P. 32–37.
2. Jacobs J. Bruce. Taiwan in 1972: political season // *Asian Survey*. Vol. 13, № 1 (Jan., 1973). P. 102–112.
3. Jacobs J. Bruce. Taiwan 1973: Consolidation of the Succession // *Asian Survey*. Vol. 14, № 1. A Survey of Asia in 1973: Part I (Jan., 1974). P. 22–29.
4. Hsiung James C. Taiwan in 1984: Festivity, New Hope, and Caution // *Asian Survey*. Vol. 25, № 1. A Survey of Asia in 1984: Part I (Jan., 1985). P. 92–96.
5. Gerald McBeath, Taiwan in 1976: Chiang in the Saddle // *Asian Survey*. Vol. 17, № 1. A Survey of Asia in 1976: Part I (Jan., 1977). P. 18–26.
6. Copper John F. // Taiwan's Recent Election: Progress toward a Democratic System. *Asian Survey*. Vol. 21, № 10 (Oct., 1981). P. 1029–1039.
7. Chang Parris. Taiwan in 1982: Diplomatic Setback Abroad and Demands for Reforms at Home // *Asian Survey*. Vol. 23, № 1. A Survey of Asia in 1982: Part I (Jan., 1983). P. 38–46.
8. Jacobs Bruce J. Age of Consent // *Far Eastern Economic Review*. LXXXVI: 14 (April 1, 1972). P. 7.
9. Taiwan in 1986: Back on Top again Author(s): John F. Copper // *Asian Survey*. Vol. 27, No. 1. A Survey of Asia in 1986: Part I (Jan., 1987). P. 81–91.

10. Jacobs J. Taiwan 1973: Consolidation of the Succession // *Bruce Source: Asian Survey*. Vol. 14, No. 1; A Survey of Asia in 1973: Part I (Jan., 1974). P. 22–29.
11. McBeath, Gerald. Taiwan in 1977: Holding the Reins // *Asian Survey*. Vol. 18, № 1 (Jan., 1978). P. 17–28.
12. Copper John F. Taiwan's 1985 Elections // *Asian Affairs*, Spring 1986.
13. Copper John F. Taiwan in 1981: In a Holding Pattern // *Asian Survey*. Vol. 22, № 1. A Survey of Asia in 1981: Part I (Jan., 1982). P. 47–55.
14. Copper John F. Taiwan in 1980: Entering a New Decade // *Asian Survey*. Vol. 21, № 1. A Survey of Asia in 1980: Part I (Jan., 1981). P. 51–62.
15. Cheng Peter P. Taiwan 1975: A Year of Transition // *Asian Survey*. Vol. 16, № 1. A Survey of Asia in 1975: Part I (Jan., 1976). P. 61–65.
16. Jacobs Bruce J. Taiwan 1979: "Normalcy" after "Normalization" // *Asian Survey*. Vol. 20, № 1. A Survey of Asia in 1979: Part I (Jan., 1980). P. 84–93.

Статья представлена научной редакцией «История» 17 января 2015 г.

DOMESTIC FACTORS OF DEMOCRATIZATION OF TAIWAN

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 148–154. DOI: 10.17223/15617793/402/20

Kharlov Vladimir R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharlov.vladimir@gmail.com

Keywords: Taiwan; democratization; political system of Taiwan; security of Taiwan; social opinion; opposition in Taiwan.

The article is devoted to domestic factors that led to democratization of Taiwan in 1986–1996. The analysis of each factor consists of three consecutive important steps: the first step is finding reasons for their emerging; the second is finding events or processes in the politico-social life of Taiwan where they are reflected; the third is proving their importance by tying them with particular policies that were aimed at democratization of the regime in Taiwan. The emphasis on the shift of the power factor is made in the article, because it appears to be the most important constituent that contributed to the politico-social changes in Taiwan society. This factor comprises a gradual and consequent shift of political elite on every level of power: presidential, ministerial, parliamentary and local. Relative statistic data can be found in the article that indicate gradual rejuvenation of the political elite and growth in the average educational level. There was also a shift of the ethno-political nature: an increase in the number of local Taiwanese that were born and raised on the island and were more open-minded towards China, while the number of mainlanders that escaped China with Chiang-Kai-shek after the loss in the Civil War in 1949 decreased. The chronological terms in the article (1972–1986) were also chosen with attention to the time when this factor emerged in the politico-social life in Taiwan and became the leading factor of democratization. Other factors were considered as well, but their role as a catalyst of democratic changes is disputable, while their role as determinants of the shape and methods of democratization is certain. These factors include the social opinion factor, the cooperation and political dialogue between authorities and opposition factor, the security factor (the emphasis is made on military security). The social opinion factor and the cooperation and political dialogue between authorities and opposition factor are important as those decreasing the level of social tension. It seems that its relatively low level was the main reason for the peaceful and gradual character of changes in the Taiwan society. Security (military security, first of all) is closely connected with the martial law that was established till 1986 and justified disrespect for political and human rights and freedom of Taiwan citizens. In turn, it hindered the democratization process. A gradual increase in the defense level of the island by building up armaments (of defense nature) led to diminishing the sense of threat and danger, imposed by China, and made the maintenance of the martial law meaningless. The influence of foreign factors on politico-social transformation of Taiwan is evident, but it is not the subject to this work.

REFERENCES

1. Appleton, Sh.L. (1972) Taiwan: The Year It Finally Happened. *Asian Survey*. 12:1 (Jan.). pp. 32–37.
2. Jacobs, J.B. (1973) Taiwan in 1972: political season. *Asian Survey*. 13:1 (Jan.). P. 102–112. University of California Press.
3. Jacobs J.B. (1974) Taiwan 1973: Consolidation of the Succession. *Asian Survey*. 14:1. A Survey of Asia in 1973: Part I (Jan.). pp. 22–29.
4. Hsiung, J.C. (1985) Taiwan in 1984: Festivity, New Hope, and Caution. *Asian Survey*. 25:1. A Survey of Asia in 1984: Part I (Jan.). pp. 92–96.
5. McBeath, G. (1977) Taiwan in 1976: Chiang in the Saddle. *Asian Survey*. 17:1. A Survey of Asia in 1976: Part I (Jan.). pp. 18–26.
6. Copper, J.F. (1981) Taiwan's Recent Election: Progress toward a Democratic System. *Asian Survey*. 21:10 (Oct.). pp. 1029–1039.
7. Chang Parris. (1983) Taiwan in 1982: Diplomatic Setback Abroad and Demands for Reforms at Home. *Asian Survey*. 23:1. A Survey of Asia in 1982: Part I (Jan.). pp. 38–46.
8. Jacobs, B.J. (1972) Age of Consent. *Far Eastern Economic Review*. LXXXVI:14 (April 1). p. 7.
9. Copper, J.F. (1987) Taiwan in 1986: Back on Top again. *Asian Survey*. 27:1. A Survey of Asia in 1986: Part I (Jan.). pp. 81–91.
10. Jacobs, J. (1974) Taiwan 1973: Consolidation of the Succession. *Asian Survey*. 14:1; A Survey of Asia in 1973: Part I (Jan.). pp. 22–29.
11. McBeath, G. (1978) Taiwan in 1977: Holding the Reins. *Asian Survey*. 18:1 (Jan.). pp. 17–28.
12. Copper, J.F. (1986) Taiwan's 1985 Elections. *Asian Affairs*. Spring.
13. Copper, J.F. (1982) Taiwan in 1981: In a Holding Pattern. *Asian Survey*. 22:1. A Survey of Asia in 1981: Part I (Jan.). pp. 47–55.
14. Copper, J.F. (1981) Taiwan in 1980: Entering a New Decade. *Asian Survey*. 21:1. A Survey of Asia in 1980: Part I (Jan.). pp. 51–62.
15. Cheng, P.P. (1976) Taiwan 1975: A Year of Transition. *Asian Survey*. 16:1. A Survey of Asia in 1975: Part I (Jan.). pp. 61–65.
16. Jacobs, B.J. (1980) Taiwan 1979: "Normalcy" after "Normalization". *Asian Survey*. 20:1. A Survey of Asia in 1979: Part I (Jan.). pp. 84–93.

Received: 17 January 2015

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ТАКТИКА КАДЕТОВ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКИХ ДЕПУТАТОВ

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Представлен анализ тактики сибирских депутатов III Государственной думы, вошедших в состав фракции партии народной свободы. На основе широкого круга источников установлены логические связи между тактическими установками кадетов, их парламентскими практиками и достигнутыми результатами. Дана оценка думской тактики кадетов Сибири с точки зрения её адекватности идеологии и принципам либерализма, с одной стороны, и внешним вызовам, связанным с объективными условиями третьеиюньской системы, с другой.

Ключевые слова: III Государственная дума; кадетская фракция; сибирская парламентская группа; думская тактика.

Важной составляющей стратегии кадетской партии являлось обеспечение реформ общественного устройства через законодательную деятельность органа народного представительства. С созданием Государственной думы появилась возможность для апробации этой стратегии, но вместе с тем остро встала проблема перевода общего стратегического видения в плоскость тактических принципов и практических действий. В этом контексте изучение парламентского опыта конституционных демократов является значимым для определения их потенциала в сфере публичной политики.

Думская деятельность либералов не относится к числу белых пятен в историографии. Однако выводы, к которым приходят исследователи, затрагивавшие различные аспекты этой темы, в ряде случаев оказываются противоречивыми. Так, Ф.А. Гайда важным фактором, заблокировавшим возможность межпартийного соглашения либералов в рамках третьеиюньского парламента, считает стремление кадетского руководства во что бы то ни стало сохранить «партийную физиономию» и использовать парламент прежде всего как средство политической агитации и пропаганды [1. С. 152, 154]. С тезисом об отсутствии у кадетов намерений заняться органической законодательной работой диссонируют выводы И.Г. Мосиной. Изучив деятельность «представителей сибирской буржуазии» (под которыми понимаются члены и сторонники кадетской партии) в III Государственной думе, она определила в качестве квинтэссенции их парламентской тактики «дух компромисса, дух соглашательства» [2. С. 124]. В том же диапазоне представлены характеристики думской тактики кадетской фракции этого периода и в зарубежной историографии [3].

Примечательно, что в обоих случаях оценки исследователей основаны на анализе широкого круга источников, логически выверены и сопровождаются убедительными аргументами. Объясняется этот кажущийся парадокс тем, что выбор линии поведения в III Государственной думе на протяжении всех лет её существования являлся предметом дискуссий в кадетской партии на уровне Центрального комитета, парламентской фракции, совещаний с представителями местных организаций, в ходе которых высказывались весьма различные, а иногда и диаметрально противо-

положные точки зрения [4. С. 249–258, 301–304, 370–381, 387, 451–455]. Кроме того, тактика кадетов претерпевала изменения по мере усиления консервативных тенденций в правительственном курсе и, соответственно, нарастания критического настроения в отношении третьеиюньского политического режима [5. С. 18–20]. В силу этих обстоятельств источники содержат материал, дающий достаточно оснований для различных умозаключений относительно парламентской тактики кадетов в III Думе, а потому едва ли могут оказаться плодотворными попытки выйти на однозначные суждения в отношении столь полифоничного во всех его проявлениях направления общественно-политического движения, как либерализм.

Принимая за исходное теоретико-методологическое основание тезис о специфике либерализма как сложносоставного явления, представленного различными течениями, группами и персонами, следует признать важность учета нюансов, деталей для выявления множественности его измерений и ипостасей, их общих черт и специфических особенностей. В частности, обращение к исследованию парламентской тактики либерально настроенных депутатов от Сибири призвано внести вклад в формирование комплексного представления о политических практиках российских либералов.

Определение степени обоснованности, реалистичности и гибкости тактических позиций сибирских либералов в III Думе, оказавшейся «политическим долгожителем» на фоне государственных дум первых двух созывов и ставшей единственной в истории Российской Империи, полностью отработавшей отведенный ей срок – 5 сессий, является значимым для оценки их способности «настраиваться по ситуации», поскольку последняя в этот период изменялась весьма динамично. Становление третьеиюньской системы и назревание её кризиса, период реакции и начало нового общественного подъема – эти и сопутствовавшие им обстоятельства требовали своевременного реагирования со стороны участников политического процесса.

Характеристика тактических ориентиров депутатов Сибири, вошедших в состав кадетской фракции, представляет интерес и для понимания внутренней логики действий сибирской парламентской группы в

III Думе. Введенный исследователями в научный оборот пласт источников позволил реконструировать основные направления деятельности сибирской группы, позиции её членов по значимым для региона проблемам [2. С. 112–124; 6–9]. Анализ этого фактического материала в контексте тактических принципов и установок представителей фракции партии народной свободы (ПНС) дает дополнительные основания для осмысления мотивов действий парламентской группы в различных обстоятельствах, поскольку именно кадеты во многом определяли линию поведения своих земляков в Думе. Хотя депутаты, вошедшие в состав кадетской фракции, не доминировали явно в численном отношении (первоначально членами кадетской фракции являлись 5 из 11 сибирских депутатов, а к 1912 г. их число составило 6) [10. С. 39], они пользовались значительным авторитетом и оказывали заметное влияние на позиции сибирской группы в целом. Подтверждением этого может служить тот факт, что основные комиссии и подкомиссии сибирской группы депутатов действовали совместно с фракцией ПНС или с соответствующими комиссиями фракции. Так, комиссия сибирской группы по местному управлению заседала с кадетской комиссией, а переселенческая комиссия даже объединились «ввиду согласованности своих общих взглядов в переселенческом деле» [6. С. 49]. По-видимому, историк-большевик М.К. Ветошкин имел достаточные основания для определения группы местных депутатов как «своего рода филиального отделения кадетской партии» [11. С. 324].

Таким образом, анализ парламентской тактики кадетов Сибири в III Государственной думе позволяет выйти на решение целого ряда исследовательских задач. При этом специфика предмета исследования в данном случае предполагает расширение круга источников, традиционно использовавшихся при изучении деятельности сибирских депутатов, за счет включения в него документов конференций и совещаний партии народной свободы, отчетов кадетской фракции, текстов выступлений сибирских кадетов с думской трибуны, а также материалов центральной и местной либеральной периодической печати.

Вопрос о выборе линии поведения в Думе третьего созыва стал предметом обсуждения либералов Сибири еще в ходе избирательной кампании. В условиях начавшегося после роспуска II Государственной думы периода реакции кадеты придавали парламентской деятельности особое значение. «...именно Государственная дума – при настоящих условиях – требует наибольшего внимания, наиболее зрелых сил и деятелей, наибольших забот в качестве единственного, хотя и несовершенного, но все же народного учреждения», – подчеркивал один из лидеров томского отдела ПНС М.Р. Бейлин [12. 1907. 29 сент.]. Отвергая бойкот Думы и абсентеизм как отказ от открытой политической деятельности и сдачу позиций крайним правым, мечтающим о реставрации старого порядка, либералы призывали всех граждан, «которые дорожат мирным развитием нашей несчастной родины и кото-

рые хотят содействовать скорейшей выработке необходимых законодательных актов... проявить свою политическую роль в подаче голосов на выборах для того, чтобы до конца использовать имеющееся в руках законное орудие политической жизни» [12. 1907. 2 сент.].

«Органическая работа», «творческая законодательная деятельность» – такова была общая формула парламентской тактики, предлагавшаяся на страницах местных либеральных изданий. В своих выступлениях перед избирателями кадеты наполняли её конкретным содержанием. Так, профессор Томского университета И.А. Малиновский, являвшийся членом местной партийной организации и кандидатом в выборщики от прогрессивной группы избирателей, на предвыборном собрании 26 сентября 1907 г. призывал воспользоваться «тем несовершенным народным представительством, которое уже есть», чтобы добиться настоящего народного представительства на основе всеобщего избирательного права и ответственного министерства, демократического земства, справедливого и равного суда, действительного обеспечения прав человека и гражданина (неприкосновенности личности и жилища, свободы совести, слова, союзов и собраний), необходимых реформ социального быта в интересах трудящихся масс [Там же. 28 сент.]. Впрочем, не все коллеги по партии разделяли оптимизм Малиновского в оценке перспектив органической работы в III Думе. На том же собрании профессор университета Н.Я. Новомбергский, в частности, заявил: «Я не верю, чтобы депутаты – кто бы они ни были – способны были бы так же быстро преобразовать социально нашу родину, как индийский факир выращивает из зерна дерево, как молния разбивает дом». Поэтому он считал «преступным обременять депутатов такими несбыточными требованиями и полномочиями, как немедленное преобразование социального строя» и предлагал: «Пусть они (депутаты. – О.Х.) добудут хотя бы крупицу свободы, хотя бы малое улучшение, чем вовсе ничего» [Там же]. Тем не менее сама по себе установка на законотворческую деятельность в Государственной думе не вызывала разногласий. В целом особых поводов для дискуссий по вопросам парламентской тактики на стадии избирательной кампании не возникало, поскольку предпринимать конкретные способы действий своих представителей в Думе кадеты считали нецелесообразным ввиду непредсказуемости состава представительного органа, формировавшегося в новой политической ситуации на основе избирательного закона 3 июня 1907 г.

Кристаллизации представлений о задачах и основных направлениях парламентской деятельности способствовало непосредственное включение кадетских депутатов в работу III Думы. Прибыв в Петербург, сибиряки прежде всего определили свою фракционную принадлежность. В состав фракции ПНС первоначально вошли депутаты от Томской губернии Ф.И. Милошевский и Н.В. Некрасов, депутат от Енисейской губернии В.А. Караулов, а также представитель городского, крестьянского и инородческого населения Забайкальской области Н.К. Волков. Вско-

ре к ним присоединился депутат от войскового населения Амурского и Уссурийского казачьих войск Н.А. Маньков, вышедший из фракции октябристов. В 1908 г. ряды сибиряков во фракции ПНС пополнили депутат от Томской губернии А.А. Скороходов и депутат от Тобольской губернии К.И. Молодцов. В октябре 1908 г. представительство сибирских депутатов во фракции ПНС сократилось в связи с отказом от членства в Государственной думе Ф.И. Милошевского. Последнее изменение в личном составе сибиряков, являвшихся членами фракции ПНС, произошло в 1911 г.: в связи со смертью В.А. Караулова (19 декабря 1910 г.) вакантное место депутата от Енисейской губернии занял кадет С.В. Востротин [13. С. 72, 77, 90]. В результате к финалу деятельности III Думы членами фракции ПНС состояли Н.В. Некрасов, Н.К. Волков, А.А. Скороходов, К.И. Молодцов, Н.А. Маньков, С.В. Востротин.

Кадеты Сибири проявляли заметную активность в партийной фракции, принимая деятельное участие как в определении её общей тактической линии, так и в практическом воплощении принимавшихся решений. С началом думской деятельности перед ПНС прежде всего встала задача конкретизации директивных резолюций V съезда партии (октябрь 1907 г.), предусматривавших активное участие фракции в законодательных работах «строго согласно партийной программе» и борьбу против всех покушений на существование и права народного представительства. Для решения этой задачи кадетской фракцией был организован ряд совещаний с представителями местных партийных групп.

На совещаниях сразу же обнаружилось, что члены думской фракции понимают свои задачи и обязанности несколько иначе, чем местные партийные функционеры. Последние критиковали думцев за недостаточно энергичную деятельность. Прибывший на совещание в начале июня 1908 г. из Томска профессор университета М.Н. Соболев, например, предлагал фракции всемерно развивать законодательную инициативу. Внесение законопроектов, в которых следовало развернуть программные положения партии, по его мнению, позволило бы завоевать симпатии избирателей на будущих выборах и создать тем самым в перспективе возможности для положительной законодательской деятельности [14. Л. 7].

Сибирские депутаты, успевшие к этому времени приобрести некоторый опыт думской деятельности, к подобным предложениям отнеслись с большой долей скепсиса. В.А. Караулов пояснил представителям местных партийных групп, что в ряде случаев внесение самостоятельных законопроектов нецелесообразно, поскольку может повлечь за собой сокращение влияния кадетов в некоторых комиссиях (например в церковной, где кадетам осторожной тактикой удалось обеспечить себе прочное большинство). При этом он призывал учитывать специфику расстановки политических сил в Государственной думе, которая не позволяла кадетам занять более левые позиции без риска «отбросить направо» правых и центр Думы. Не опасаясь роспуска III Думы и отказавшись от лозунга ее

«бережения», В.А. Караулов предлагал новый лозунг – «беречь народ» от возможного усиления реакции в результате еще большего «поправления» Думы [14. Л. 15, 18–19]. В.А. Караулов полностью поддержал Н.В. Некрасов, призвавший отказаться от пути «безответственной оппозиции» и сосредоточиться на конструктивной думской работе. В ответ на критику со стороны представителей местных партийных групп по поводу недостаточно энергичной думской деятельности он пояснил: «Мы – арьергард отсутствующей, только что перенесшей поражение армии. Нам ли думать об общей атаке... Нам надо собрать и укрепить свои ряды, постепенно ослабить неприятеля» [Там же. Л. 18].

Дискуссия на июньском совещании 1908 г. так и не привела к выработке единых позиций думцев и местных деятелей кадетской партии по проблемам парламентской тактики. В октябре 1909 г. томская либеральная газета «Сибирская жизнь» отстаивала то же кредо, которое представлял на совещании М.Н. Соболев. Местные либералы указывали на необходимость работы по укреплению конституции и усовершенствованию государственного механизма. Ставя перед депутатами ПНС задачи «более решительной думской деятельности», они настаивали на усилении законодательной инициативы, «в особенности в области так называемых гражданских свобод и в сфере бюджетных прав Думы» [12. 1909. 9 окт.].

В свою очередь, представители Сибири во фракции ПНС остались непреклонны в своем стремлении следовать «методу постепенных приближений» в законотворчестве. Логика их тактического выбора была продиктована соображениями «реальной политики» и являлась по своей сути логикой адаптации к специфическим условиям деятельности III Государственной думы. Прозвучавший на конференции ПНС в ноябре 1909 г. призыв В.А. Караулова сосредоточиться на органической работе [15. Л. 63], по-видимому, отражал общий настрой сибиряков – членов фракции ПНС. Во всяком случае, они активно включились в работу различных думских комиссий. Так, Н.К. Волков состоял членом вероисповедной, переселенческой, рыболовной, охотничьей и сельскохозяйственной комиссий, а также комиссии по вопросам народного образования и подкомиссии по рассмотрению проблем поземельного устройства крестьян и инородцев на казенных землях сибирских губерний и областей; В.А. Караулов – членом комиссий церковной, вероисповедной (товарищ председателя), старообрядческой (председатель), переселенческой (товарищ председателя), по рыболовству, по местному самоуправлению; А.А. Скороходов – членом комиссии путей сообщения, по делам православной церкви, по борьбе с пожарами, переселенческой, старообрядческой, охотничьей; С.В. Востротин – по борьбе с пожарами; Н.В. Некрасов – членом комиссий по путям сообщения, разбору корреспонденции, местному самоуправлению, а также финансовой, бюджетной (секретарь) и университетской [16. С. 524]. Более того, Н.В. Некрасов и В.А. Караулов считали необходимым сотрудничество с правительством посредством уча-

ствия в работе формируемых им комиссий в тех случаях, когда имелись соответствующие поручения от избирателей и защита интересов последних становилась для депутатов своеобразным императивом [4. С. 301–302]. Такого же мнения придерживался и С.В. Востротин, представлявший позицию сибирской группы по вопросу о восстановлении порто-франко в устьях Оби и Енисея на совещаниях, организованных при министерстве торговли и промышленности [17].

Органическая работа в Думе не вступала в конфликт с идейно-политической идентичностью сибирских кадетов. Показательна в этом отношении парламентская деятельность В.А. Караулова, являвшегося одним из самых последовательных и убежденных сторонников данной линии поведения. В выступлениях депутата Енисейской губернии, снискавшего в III Думе репутацию специалиста по проблемам вероисповедания, явственно прослеживались либеральные мотивы. Рефреном звучало в них программное требование кадетов о предоставлении гражданам свободы совести, духовного и национального самоопределения. Целый ряд речей В.А. Караулова с думской трибуны был посвящен обличению церковной бюрократии, защите интересов белого духовенства, развитию идеи независимой организации православной церкви на началах свободы совести [18. С. 178–182, 201–205; 19. С. 51–57, 153–155; 20. С. 64–68].

На отстаивание свободы религиозной совести В.А. Караулов сумел направить и работу возглавлявшейся им комиссии по старообрядческим делам [19. С. 178–182]. Его выступление с докладом комиссии обеспечило проведение через Думу существенных изменений в действовавший закон о старообрядческих общинах (право проповедования, т.е. свобода религиозной пропаганды, замена разрешительного порядка при образовании общин явочным, утверждение избранных общиной духовных и должностных лиц их регистрацией). Этот успех комиссии фракция ПНС расценивала как важный с точки зрения создания прецедента в таких существенных вопросах законодательства, как избирательное право, образование обществ и союзов и т.п. [21. С. 49].

Несмотря на неудачу попытки В.А. Караулова и поддержавшего его Н.К. Волкова, являвшихся членами вероисповедной комиссии, легализовать вневероисповедное (атеистическое) состояние граждан, деятельность кадетов по отстаиванию гражданских прав и свобод в этой комиссии в целом также оказалась результативной. В частности, им удалось «расширить рамки свободы» при рассмотрении правительственного законопроекта о переходе из одного исповедания в другое посредством легитимации свободного перехода не только из одного христианского вероисповедания в другое, но и в нехристианское [Там же. С. 50].

Основой успеха фракции ПНС в решении вопросов вероисповедания В.А. Караулов считал следование той самой тактике органической работы, которую он отстаивал на партийной конференции в ноябре 1909 г. Доказывая перспективность этой тактической линии, он приводил такой пример: при обсуждении правительственного законопроекта о правах старооб-

рядцев фракция не ограничилась декларацией о безусловной свободе всякого вероисповедания, а взяла за основу законопроект, выработанный самими старообрядцами, и отстаивала их требования. И хотя этот законопроект был заблокирован Государственным Советом, подобный тактический маневр, по мнению В.А. Караулова, полностью оправдал себя, поскольку позволил удержать 15 млн старообрядцев от намечавшегося вступления в «Союз русского народа» и привлечь их симпатии на сторону кадетов [15. Л. 63].

Будучи последовательным в отстаивании принципа толерантности по отношению к представителям различных религий, В.А. Караулов считал необходимым руководствоваться этим принципом и в решении национальных проблем. В ходе обсуждения запрета евреям быть мировыми судьями он заявил решительный протест против дискриминации еврейского народа «как христианин, ибо это противно духу учения Христа; как русский, ибо унижительно для национального самосознания ограждать права великого народа путем угнетения; как культурный человек, для которого возмутительно преследование целого народа; и наконец, как конституционалист, для которого самое важное – равенство всех перед законом, так как там, где есть народы-парии, там нет конституционного строя» [22. С. 72]. Таким образом, в принципиальном неприятии В.А. Карауловым антисемитизма значимыми являлись не только соображения христианского гуманизма, но и приверженность либеральным ценностям.

В целом изучение материалов, характеризующих думские практики сибирских кадетов [16. С. 523–541], свидетельствует о соответствии избранной ими тактики «органической работы» ключевым принципам либеральной идеологии: поступательность и преемственность в общественном развитии, предпочтительность реформистских методов преобразований, значимость гражданских свобод и прав как основы общественного порядка, формирование гражданского общества на основе развития общественной инициативы и самостоятельности, терпимость к тому, что само не исключает терпимости. Имея такие ценностные основания, тактика «органической работы» не только не исключала критического отношения к действиям властей, но и естественным образом предполагала его в тех случаях, когда политика правительства вступала в конфликт с либеральным видением и пониманием проблем и перспектив общественного развития.

Свидетельством этого могут служить выступления В.А. Караулова и Н.В. Некрасова от имени кадетской фракции на заседаниях Думы, посвященных обсуждению сметы Министерства внутренних дел в 1909 и 1910 гг. В обоих случаях основанием для блокирования перехода к постатейному обсуждению сметы расходов данного министерства стало осуждение политики правительства как антинациональной, антипатриотической и антигосударственной, а поводом для таких оценок послужили безответственная финансовая и экономическая политика, репрессивный курс, стремление к искусственному возрождению отживших государственных форм, преследование поли-

тических партий, профессиональных и национальных союзов и обществ, угнетение различных национальностей и игнорирование их интересов, нарушение принципов свободы слова и совести, личной неприкосновенности [23. 1909. 26 февр.; 1910. 23 февр.].

В ноябре 1908 г. сибирская группа постановила внести в Государственную думу запрос по поводу многочисленных незакономерных и ничем серьезно не мотивированных фактов закрытия администрацией просветительных обществ и учреждений во многих сибирских городах [23. 1908. 15 нояб., 16 нояб.; 24. 1908. № 39–40. С. 84]. Одновременно В.А. Караулов и В.И. Дзюбинский по поручению группы посетили председателя Совета министров П.А. Столыпина по поводу закрытия в Омске и Енисейске обществ начального образования. Объяснив, что эти общества существуют давно и все время занимаются только культурной работой без какой-либо политической окраски, они заручились обещанием Столыпина дать распоряжение о расследовании причин закрытия обществ [23. 1908. 8 нояб.; 25. 1908. 9 дек.]. Занимаясь разработкой законопроекта об отмене политической ссылки и обосновывая его значимость, сибирская группа считала своим долгом информировать министра внутренних дел о массовых обысках, арестах и избиениях политических ссыльных в Туруханском крае после введения там военного положения [23. 1909. 22 марта; 25. 1908. 23 нояб.].

Приведенные примеры примечательны как иллюстрация практической реализации одного из основных тактических принципов думской деятельности, сформулированного Н.В. Некрасовым на совещании фракции ПНС с представителями местных партийных групп в октябре 1908 г. – недопустимости компромиссов в вопросах обеспечения гражданских прав населения (в частности таких, как неприкосновенность личности, отмена «каторжного» закона о печати или отклонение законопроекта об исключительном положении) [26. Л. 27, 79]. Зону возможных компромиссов в парламентской деятельности кадеты Сибири изначально обозначили весьма четко, ограничив её фактически вопросами проведения региональных реформ. Так, Н.В. Некрасов считал совершенно необходимым компромисс при проведении законов о введении земства в Сибири, о расширении земского избирательного закона и т.п. [Там же. Л. 79]. Эту же позицию отстаивал на октябрьском совещании 1908 г. В.А. Караулов, заявивший, что требование введения «хоть какого-нибудь» земства в Сибири находится в русле «реальной политики» [Там же. Л. 84]. Солидарны были сибирские депутаты и в трактовке целей этой тактической линии. По их мнению, она позволяла добиться хотя бы частичных улучшений законодательства и содействовала политическому воспитанию народа, служила наглядным примером того, как следует претворять свои желания в действия [Там же. Л. 27, 79].

Однако тактика компромиссов в условиях третьиюньской политической системы не прошла проверку на эффективность. Пожалуй, наиболее ярко несостоятельность избранного кадетскими лидерами тактиче-

ского курса продемонстрировала выстроенная в полном соответствии с ним деятельность сибирской группы в области земского законодательства.

Вопрос о земской реформе был одним из центральных для депутатов Сибири. Первоначально комиссия сибирской группы по вопросам местного самоуправления решила придерживаться проекта земского положения фракции ПНС «как материала при внесении поправок при обсуждении в Думе правительственного законопроекта» [25. 1908. 18 янв.]. Но в связи с признанием необходимости учета особенностей региона на заседании 28 января 1908 г. группа постановила заняться разработкой собственного законопроекта. За основу было принято земское положение 1890 г., что мотивировалось тактическими соображениями скорейшего проведения законопроекта через законодательные учреждения [7. С. 66]. Продемонстрированная сибирскими либералами готовность воздержаться от выдвижения требования всеобщего, равного и тайного голосования при выборах земства, от широкой программы деятельности местного самоуправления стала одним из «пробных шаров» в осуществлении предлагавшейся ими тактики компромиссов.

В мае 1908 г. сибирская группа по инициативе земской комиссии внесла в Думу проект о распространении на Сибирь действующего в Европейской России положения о земских учреждениях с изменениями в избирательном законе, обусловленными местными особенностями [23. 1908. 17 мая]. Проект сибиряков подписали 36 кадетов, 33 октябриста (с оговоркой о сомнениях по поводу правомерности предоставления пассивного избирательного права лицам, лишенным имущественного ценза), 9 трудовиков, 7 прогрессистов, 5 членов фракции «умеренных правых», 4 социал-демократа, 2 представителя польского кола и по одному от фракции правых, национальной группы и беспартийных [25. 1908. 3 июля]. Поддержка законопроекта представителями различных партийно-политических направлений дала основания В.А. Караулову на октябрьском совещании фракции ПНС заявить о реалистичности избранной парламентской тактики [26. Л. 84]. Однако дальнейшее развитие событий показало иллюзорность расчетов на её эффективность.

Для доработки законопроекта фракция ПНС создала сибирскую подкомиссию во главе с князем Голицыным. Докладчиком от нее был избран В.А. Караулов, а после его смерти – Н.В. Некрасов [22. С. 51; 27. С. 43; 28. 1909. 21 апр.]. Первоначальные замыслы отличались широтой и даже предполагали разработку основных положений местного самоуправления для каждой губернии региона в отдельности (с учетом специфики бытовых, этнографических, экономических и прочих условий) [28. 1909. 30 янв.]. Однако подкомиссии пришлось столкнуться с противодействием со стороны властей (Министерство внутренних дел отказалось предоставить ей необходимые материалы по разработке закона, собранные администрацией в 1905–1906 гг.), в результате чего ее работа затянулась. К третьей сессии Государственной думы

(конец 1909 г.) удалось выработать только избирательный законопроект [22. С. 51].

Главным результатом совместных усилий сибирской группы и фракции ПНС последняя числила некоторые улучшения избирательного права, расширение независимости земства от администрации и улучшение финансового положения будущего земства [27. С. 43–44]. В действительности сходный в основном с «Положением 1890 г.» проект предполагал, главным образом лишь изменения в избирательной системе и не предусматривал расширения прав земского самоуправления [2. С. 118; 7. С. 66–68]. Кроме того, чтобы не спровоцировать противодействие законопроекту со стороны правительства, сибирская подкомиссия согласилась на поэтапное введение земства: сначала в Тобольской, Томской губерниях и Иркутском генерал-губернаторстве, а затем «по мере подготовленности» в Приамурском генерал-губернаторстве. Из районов земства исключались также северные области сибирских губерний и вся Якутская область, где проведение реформ отводилось на усмотрение администрации [7. С. 66–68].

Законопроект сибирской подкомиссии был внесен на обсуждение Государственной думы и принят на заседании 30 января 1912 г. после выступлений Н.К. Волкова и Н.В. Некрасова с его обоснованием [29. С. 52]. Однако Государственный Совет заблокировал этот законопроект. Комиссия Государственного Совета выразила пожелание, чтобы разработкой вопроса о земстве в Сибири занялось правительство, на что последнее с готовностью согласилось [Там же]. Фактически это означало отстранение депутатского корпуса от участия в проведении земской реформы. Горестный сарказм звучал в словах С.В. Востротина, писавшего в феврале 1912 г. Г.Н. Потанину: «Сибирское земство проносили через Государственную думу как дорогого покойника, перед которым все молчаливо снимали шапки и просили не произносить надгробных речей» [17].

Фиаско, которое потерпела сибирская парламентская группа при реализации тактики компромиссов в сфере земского законодательства, стало поводом для разочарования «в способности современного правительства к сколько-нибудь разумной государственной политике в отношении Сибири» и резкой смены тональности в выступлениях кадетов. Н.К. Волков от имени сибирской группы заявил с думской трибуны «энергичный протест против всякого дальнейшего промедления во введении земства на всем пространстве Сибири» [29. С. 53–54].

Впрочем, для крушения иллюзий, связанных с тактикой «органической работы» во имя решения региональных проблем, имелись и другие основания. Не удалось достичь компромисса с правительственными инстанциями в злободневном для Сибири вопросе о судебной реформе. После принятия в начале 1909 г. комиссией Государственной думы законопроекта о введении суда присяжных в Томской и Тобольской губерниях, а также в Акмолинской и Семипалатинской областях В.А. Караулов и Н.К. Волков предложили комиссии выразить «пожелания» о скорейшем

введении суда присяжных в Иркутской и Енисейской губерниях и Забайкальской области. По их настоянию комиссия приняла формулу перехода, в которой признавалось необходимым скорейшее введение суда присяжных в этих районах [23. 1909. 20 февр.; 24. 1909. № 7. С. 37–38].

Однако предложенный в ноябре 1909 г. на обсуждение Думы законопроект министра юстиции о реформе местного суда не предусматривал ее распространения на Сибирь [24. 1910. № 2. С. 50]. Тем не менее в 1909 г. сибирские депутаты еще не оставляли надежд на результативность тактики компромиссов и в очередной раз продемонстрировали готовность к ним. Выступавший при обсуждении правительственного законопроекта А.А. Скороходов подчеркнул отсутствие намерений требовать его переработки и немедленного включения в него статей о Сибири, так как «это задержало бы введение у вас (в центре. – О.Х.) реформы». Сибирская группа настаивала лишь на поддержке предложенной ею формулы перехода к очередным делам, в которой отмечалась необходимость скорейшего внесения правительством проекта судебной реформы и распространения ее на сибирские судебные установления [24. 1910. № 2. С. 53].

Безуспешными оказались и попытки провести через Думу инициированный сибирской группой законопроект «О порто-франко в устьях Оби и Енисея как мере оживления севера Сибири и установления Северного морского пути». Представлявший позицию группы по этому вопросу на совещаниях, организованных при Министерстве торговли и промышленности, С.В. Востротин признавал, что к концу работы III Думы окончательно убедился «в безнадежности в его решении при существующей конъюнктуре» [17]. Такая констатация побудила депутата от Енисейской губернии апеллировать к мнению общественности: в мае 1912 г. он обратился к Г.Н. Потанину с просьбой о содействии возможно широкой публикации в прессе Сибири стенограммы его думской речи о северном пути. Расчет был на то, что приведенная в речи аргументация будет принята во внимание планировавшимся в Омске торгово-промышленным съездом, а положительное решение съезда по этому вопросу, в свою очередь, создаст шанс повлиять на позицию правительства [30].

К концу срока полномочий III Государственной думы несостоятельность расчетов сибирских кадетов на конструктивную законотворческую деятельность стала очевидной. «Органическая работа», на которую они первоначально сделали ставку, оказалась невозможной в условиях третьиунской системы. Разочарование в способности III Государственной думы выполнять функции органа народного представительства и обеспечить проведение реформ логически подводило кадетов к выводу о необходимости радикального изменения избирательного закона. В рамках третьиунской системы кадеты, как точно сформулировал Ф.А. Гайда, являлись маргинальной силой и свои перспективы могли связывать лишь с её ликвидацией [1. С. 154]. Не случайно Н.В. Некрасов, будучи весьма прагматичным и дальновидным политиком, выступая

22 сентября 1912 г. перед томичами с лекцией «Сибирь и законодательные учреждения», поставил перед будущими депутатами Думы четвертого созыва задачу добиваться всеобщего избирательного права [12. 1912. 25 сент.].

Анализ тактики сибирских кадетов в III Государственной думе, ориентированный на учет и соотнесение изначально ставившихся задач, практических шагов по их реализации и конечных результатов, дает основания для некоторых выводов относительно её адекватности сущностным характеристикам либеральной партии (так называемой партийной физиономии), с одной стороны, и внешним вызовам, связанным с объективными условиями третьиенюнской системы, – с другой.

Тактические установки, которыми руководствовались кадетские депутаты в своей парламентской деятельности, в полной мере соответствовали основным идеологическим принципам либерализма: приоритет прав и свобод личности как основа общественного устройства, гражданская ответственность, развитие общественной инициативы и самостоятельности, легитимность средств и методов преобразований в различных сферах, преемственность и поступательность в осуществлении реформ. Избранная модель политического поведения, последовательно реализовывавшаяся сибирской группой, коррелировала с либеральным видением перспектив общественного развития страны. В этом смысле тактика кадетов была не просто адекватна общим стратегическим намерениям партии народной свободы, но и, пожалуй, являлась единственно возможной для представителей этого общественно-политического течения. Выбор в пользу «органической работы» был попыткой адаптации к специфическим

условиям третьиенюнской монархии без утраты идейно-политической идентичности. Однако практический опыт деятельности сибирских кадетов в III Государственной думе показал несостоятельность их расчетов на конструктивное сотрудничество с властью в области законотворчества. Проявленная ими готовность к компромиссам для постепенного преобразования общественного устройства страны не нашла отклика в правительственных кругах. Недооценка консерватизма абсолютистского режима, его инерционности, вероятно, может быть отнесена к числу тактических просчетов кадетов. Впрочем, избежать просчетов такого рода было едва ли возможно ввиду отсутствия прецедентов парламентской деятельности в подобных условиях, а также сложностей политического прогнозирования в ситуации повышенного динамизма общественной жизни, определявшегося назреванием системного кризиса в стране.

Однако неэффективность парламентской деятельности кадетских депутатов была, по-видимому, обусловлена не столько тактическими просчетами, сколько нестыковкой самих либеральных проектов общественного переустройства и, соответственно, тактики их реализации как с намерениями правящего режима, так и с социальными ожиданиями большинства населения. Важным итогом деятельности кадетов в III Государственной думе стало осознание невозможности реализации либеральных планов законодательного реформирования в рамках третьиенюнской системы, в связи с чем закономерно вставал вопрос о необходимости корректировки тактического курса, не оправдавшего связанные с ним надежды сибирских депутатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция и проблема парламентского большинства в период кризиса третьиенюнской системы (1911–1917) // Российский либерализм в региональном измерении: идеи, структуры, тактики, лидеры : Всероссийская научно-практическая конференция. М., 2008. С. 151–154.
2. Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1978. 170 с.
3. Макаров Н.В. Проблемы истории русского либерализма в 1907–1914 гг. в трудах современных англо-американских исследователей // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 393. С. 134–140.
4. Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. М. : ПРОГРЕСС-АКАДЕМИЯ, 1994. Т. 1. 528 с.
5. Российские либералы: кадеты и октябристы. (Документы, воспоминания, публицистика) / сост. Д.Б. Павлов, В.В. Шелохаев. М. : РОССПЭН, 1996. 304 с.
6. Разгон И.М., Мосина И.Г. Буржуазия Сибири и Государственная дума // Классы и партии накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1977. С. 32–61.
7. Кузнецов А.А. Сибирские депутаты в Государственных думах (1906–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. 14 с.
8. Барсуков В.Л. Сибирские депутаты и аграрно-переселенческий вопрос в Государственной думе. 1906–1914 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 16 с.
9. Шиловский М.В. Сибирская парламентская группа: опыт отстаивания региональных интересов (1907–1917 гг.) // Парламентаризм в России: исторический опыт и современные проблемы. Красноярск, 2006. С. 145–148.
10. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 47 с.
11. Ветошкин М.К. Местные нужды и сибирская парламентская группа // Современный мир. СПб., 1912. № 7. С. 324–325.
12. Сибирская жизнь. Томск.
13. Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. I.
14. Протокол совещания фракции народной свободы с представителями местных групп партии 1–2 июня 1908 г. в Петербурге // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 6.
15. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 9. Протоколы конференции партии народной свободы 14–15 ноября 1909 г.
16. Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 1998. 813 с.
17. Письмо С.В. Востротина Г.Н. Потанину 19 февраля 1912 г. // Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 381. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
18. Третья Государственная дума. Сессия вторая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1909. Ч. II. Речи членов фракции. 227 с.
19. Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. – 5 июня 1910 г. СПб. : Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1910. Ч. II. Речи членов фракции. 180 с.

20. Третья Государственная дума. Сессия четвертая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 г. – 13 мая 1911 г. СПб.: Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1911. Ч. II: Речи членов фракции. 195 с.
21. Третья Государственная дума. Сессия вторая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1908 г. – 2 июня 1909 г. СПб.: Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1909. Ч. I: Отчет фракции. 59 с.
22. Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10 октября 1909 г. – 5 июня 1910 г. СПб.: Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1910. Ч. I: Отчет фракции. 90 с.
23. Речь. СПб.
24. Сибирские вопросы. СПб.
25. Сибирь. Иркутск.
26. ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 7. Протоколы совещания фракция народной свободы III Государственной думы с представителями местных групп партии 20–22 октября 1908 г.
27. Третья Государственная дума. Сессия четвертая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1910 г. – 13 мая 1911 г. СПб.: Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1911. Ч. I: Отчет фракции. 67 с.
28. Омское слово. Омск.
29. Третья Государственная дума. Сессия пятая. Фракция народной свободы в период 15 октября 1911 г. – 9 июня 1912 г. СПб.: Т-во «Екатерингофское печатное дело», 1912. Ч. I: Отчет фракции. 91 с.
30. РГАЛИ. Ф. 381. Оп. 1. Д. 37. Л. 3. Письмо С.В. Востротина Г.Н. Потанину 2 мая 1912 г.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 июня 2015 г.

THE PARLIAMENTARY TACTICS OF THE CADETS IN THE III STATE DUMA: POLITICAL EXPERIENCE OF SIBERIAN DEPUTIES

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 155–163. DOI: 10.17223/15617793/402/21

Kharus Olga A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kharus-olga@sibmail.com

Keywords: III State Duma; Cadets faction; Siberian parliamentary group; Duma tactics.

The analysis of the Cadets' tactics in the III State Duma is thought to contribute to the comprehensive understanding of parliamentary practices of the Russian liberals, and to the assessment of their potential in public policy. The use of such sources as documents of conferences and meetings of the People's Freedom Party, reports by the Cadet faction, speeches by Siberian deputies at the Duma podium, as well as central and local liberal press materials – all these allowed to reveal logical links between the tactical objectives of the Cadets, their parliamentary activities and the results achieved. Guided by the 'realpolitik' philosophy, Siberian deputies, who had become members of the Cadet faction, opted for the 'organic work' in the III Duma. Practical steps in this direction were above all related to the active participation of the Siberians in the activities of various Duma committees. The study of materials that characterize parliamentary practices of the Siberian Cadets reveals the compliance of their tactics with the key principles of liberal ideology: progressiveness and continuity in social development, preference for reformist change, civil liberties and rights as a basis for social order, formation of civil society based on the development of social initiative and activity. Having such values as a basis, not only did the tactics of the 'organic work' include a critical stance towards the authorities but, naturally, it also involved a critical attitude to them in cases when the government policy collided with the liberal vision and understanding of problems and prospects of social development. Definitely rejecting the possibility of compromises in matters related to ensuring civil rights of the population, the Siberian Cadets were convinced of these being needed for the solution of regional problems. However, the Siberian parliamentary group's activity built fully along these tactical lines demonstrated their failure to have constructive cooperation with the authorities in the field of lawmaking. The underestimation of the conservatism of the absolutist regime and its inertia may be seen as one of the tactical mistakes made by the Cadets. At the same time, the inefficiency of the Cadets' parliamentary activity was due not so much and only to their tactical mistakes as to the inconsistency of the very liberal projects of social transformation and, thus, the tactics of their implementation with both the intentions of the regime and social expectations of the majority of the population. The important result of the Cadets' activity in the III Duma was the realization of the impossibility to fulfill liberal plans for legislative reforms within the Third of June system, and naturally the question arose as to the need to correct this tactics.

REFERENCES

1. Gayda, F.A. (2008) [The liberal opposition and the problem of the parliamentary majority in the crisis of the Third-of-June system (1911–1917)]. *Rossiyskiy liberalizm v regional'nom izmerenii: idei, struktury, taktiki, lidery* [Russian liberalism in the regional dimension: ideas, structure, tactics and leaders]. All-Russian scientific-practical conference. Moscow. pp. 151–154. (In Russian).
2. Mosina, I.G. (1978) *Formirovanie burzhuazii v politicheskuyu silu v Sibiri* [Formation of the bourgeoisie in the political power in Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Makarov, N.V. (2015) Problems of the history of Russian liberalism (1907–1914) in the works of contemporary Anglo-American researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 393. pp. 134–140. (In Russian).
4. Pavlova, T. et al. (ed.) (1994) *Protokoly Tsentral'nogo komiteta konstitutsionno-demokraticeskoy partii. 1905–1911 gg.* [Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1905–1911]. V. 1. Moscow: PROGRESS-AKADEMIYA.
5. Pavlov, D.B. & Shelokhaev, V.V. (1996) *Rossiyskie liberaly: kadety i oktyabristy. (Dokumenty, vospominaniya, publitsistika)* [Russian liberals: Cadets and Octobrists. (Documents, memoirs, journalism)]. Moscow: ROSSPEN.
6. Razgon, I.M. & Mosina, I.G. (1977) *Burzhuaziya Sibiri i Gosudarstvennaya дума* [The bourgeoisie of Siberia and the State Duma]. In: Razgon, I.M. (ed.) *Klassy i partii nakanune i v period Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii* [Classes and parties before and during the Great October Socialist Revolution]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kuznetsov, A.A. (1980) *Sibirskie deputaty v Gosudarstvennykh dumakh (1906–1914 gg.)* [Siberian deputies in the State Dumas (1906–1914)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
8. Barsukov, V.L. (1990) *Sibirskie deputaty i agrarno-pereselencheskiy vopros v Gosudarstvennoy dume. 1906–1914 gg.* [Siberian deputies and agro-colonization issue in the State Duma. 1906–1914]. Abstract of History Cand. Diss. Novosibirsk.
9. Shilovskiy, M.V. (2006) *Sibirskaya parlamentskaya gruppa: opyt otstaivaniya regional'nykh interesov (1907–1917 gg.)* [Siberian parliamentary group: the experience of settling regional interests (1907–1917)]. In: Grishaev, V.V. (ed.) *Parlamentarizm v Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennyye problemy* [Parliamentarism in Russia: historical experience and modern problems]. Krasnoyarsk.
10. Kharus', O.A. (1998) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka* [Liberalism in Siberia in the early 20th century]. Abstract of History Dr. Diss. Tomsk.

11. Vetoshkin, M.K. (1912) Mestnye nuzhdy i sibirskaya parlamentskaya gruppa [Local needs and the Siberian parliamentary group]. *Sovremennyy mir*. 7. pp. 324–325.
12. *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk.
13. Anon. (1912) *Obzor deyatel'nosti Gosudarstvennoy dumy tret'ego sozyva. 1907–1912 gg.* [Review of the activities of the III State Duma. 1907–1912]. Pt. 1. St. Petersburg: Gos. tip.
14. Protokol soveshchaniya fraktsii narodnoy svobody s predstaviteliyami mestnykh grupp partii 1–2 iyunya 1908 g. v Peterburge [Minutes of the meeting of the faction of People's Freedom with local groups of the party on June 1–2, 1908 in St. Petersburg]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 523. List 1. File 6.
15. Protokoly konferentsii partii narodnoy svobody 14–15 noyabrya 1909 g. [Minutes of the People's Freedom Party Conference 14–15 November 1909]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 523. List 1. File 9.
16. Kharus', O.A. (1998) *Liberalizm v Sibiri nachala XX veka* [Liberalism in Siberia in the early 20th century]. History Dr. Diss. Tomsk.
17. Pis'mo S.V. Vostrotina G.N. Potaninu 19 fevralya 1912 g. [Letter of S.V. Vostrotin to G.N. Potanin of February 19, 1912]. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 381. List 1. File 37. Page 1.
18. Anon. (1909) *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Sessiya vtoraya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1908 g. – 2 iyunya 1909 g.* [The III State Duma. Session Two. The faction of People's Freedom in the period October 15, 1908 – June 2, 1909]. Pt. 2. St. Petersburg: T-vo "Ekateringofskoe pechatnoe delo".
19. Anon. (1910) *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Fraktsiya narodnoy svobody v period 10 oktyabrya 1909 g. – 5 iyunya 1910 g.* [The III State Duma. The faction of People's Freedom in the period 10 October 1909 – June 5th, 1910]. Pt. 2. St. Petersburg: T-vo "Ekateringofskoe pechatnoe delo".
20. Anon. (1911) *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Sessiya chetvertaya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1910 g. – 13 maya 1911 g.* [The III State Duma. Session Four. The faction of People's Freedom in the period October 15, 1910 – May 13, 1911]. Pt. 2. St. Petersburg: T-vo "Ekateringofskoe pechatnoe delo".
21. Anon. (1909) *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Sessiya vtoraya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1908 g. – 2 iyunya 1909 g.* [The III State Duma. Session Two. The faction of People's Freedom in the period October 15, 1908 – June 2, 1909]. Pt. 1. St. Petersburg: T-vo "Ekateringofskoe pechatnoe delo".
22. Anon. (1910) *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Fraktsiya narodnoy svobody v period 10 oktyabrya 1909 g. – 5 iyunya 1910 g.* [The III State Duma. The faction of People's Freedom in the period 10 October 1909 – 5 June 1910]. Pt. 1. St. Petersburg: T-vo "Ekateringofskoe pechatnoe delo".
23. *Rech'*. St. Petersburg.
24. *Sibirskie voprosy*. St. Petersburg.
25. *Sibir'*. Irkutsk.
26. Protokoly soveshchaniya fraktsiya narodnoy svobody III Gosudarstvennoy dumy s predstaviteliyami mestnykh grupp partii 20–22 oktyabrya 1908 g. [Minutes of the meeting of the faction of the People's Freedom of the III State Duma with local party groups on 20–22 October 1908]. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 523. List 1. File 7.
27. Anon. (1911) *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Sessiya chetvertaya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1910 g. – 13 maya 1911 g.* [The III State Duma. Session Four. The faction of People's Freedom in the period October 15, 1910 – May 13, 1911]. Pt. 1. St. Petersburg: T-vo "Ekateringofskoe pechatnoe delo".
28. *Omskoe slovo*. Omsk.
29. Anon. (1912) *Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Sessiya pyataya. Fraktsiya narodnoy svobody v period 15 oktyabrya 1911 g. – 9 iyunya 1912 g.* [The III State Duma. Session Five. The faction of People's Freedom in the period 15 October 1911 – 9 June 1912]. Pt. 1. St. Petersburg: T-vo "Ekateringofskoe pechatnoe delo".
30. Pis'mo S.V. Vostrotina G.N. Potaninu 2 maya 1912 g. [Letter of S.V. Vostrotin to G.N. Potanin of May 2, 1912]. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 381. List 1. File 37. Page 3.

Received: 11 June 2015

ПЛАНЫ КАБИНЕТА У. ЧЕРЧИЛЛЯ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ СОВЕТА ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (1951–1955 гг.)

Успешность французской интеграционной модели – в формате наднациональной организации – затемнила британские инициативы в области интеграции, выдвигавшиеся послевоенными правительствами в конце 1940-х – начале 1950-х гг. В статье рассматриваются идеи по реформированию Совета Европы с целью его совмещения с задачами британского руководства в области безопасности и колониальной сфере. Автор обращается к истории организации и показывает ее эволюцию от замысла к воплощению.

Ключевые слова: Совет Европы; У. Черчилль; А. Иден; наднациональность; европейская интеграция; европейская безопасность; Европейское оборонительное сообщество.

В историографии до сих пор дискуссионным остается вопрос о том, упустила свой шанс Великобритания или нет, отказавшись присоединиться к Общему рынку в 1957 г. Подобные дискуссии почти не затрагивают более ранний период, когда в Западном регионе было оформлено Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) и обсуждались планы по созданию Европейского оборонительного сообщества (ЕОС).

Британское руководство со скепсисом реагировало на эти французские инициативы в области интеграции и безопасности. Подобный взгляд не помешал Лондону выдвигать альтернативные французским проектам идеи.

Одной из таких идей стало создание Совета Европы.

Еще в октябре 1942 г. в письме своему министру иностранных дел А. Идену Черчилль выразил надежду, что «европейская семья сможет действовать в рамках Совета Европы. Я с нетерпением жду создания Соединенных Штатов Европы, внутри которых будут ослаблены торговые барьеры и экономика Европы будет действовать как единое целое» [1. Р. 47].

Победу на всеобщих выборах 1945 г. с заметным перевесом одержали лейбористы, сформировавшие кабинет во главе с лидером партии К. Эттли.

У. Черчилль после отхода от власти продолжил оказывать заметное влияние на внешнеполитический курс Британии.

В сентябре 1946 г., менее чем через полтора года после окончания войны в Европе, отставной политик произнес в Цюрихском университете речь, получившую название «Трагедия Европы». В этом выступлении содержался призыв к объединению европейских народов на основе франко-германского сотрудничества. Черчилль отмечал, что «в стане победителей стоит неумолкаемый гвалт громких, торжествующих голосов; в стане побежденных царит унылая, угрюмая тишина. Вот чего добились европейцы, издревле живущие порознь, разделенные на множество наций и стран; вот чего добились Германия с ее союзниками... И тем не менее есть одно кардинальное средство, которое, если к нему прибегнут сообща все европейские страны, чудесным образом изменит нынешнюю картину и в считанные годы сделает всю Европу или, по крайней мере, ее большую часть, такой же свободной и счастливой, какой мы видим сегодня Швейцарию. В чем же заключается это чудодейственное средство? В воссоздании европейской семьи народов...».

Ядром предлагаемой организации регионального характера должен был стать Совет Европы, базировавшийся на франко-германском союзе. Великобритании, Британскому Содружеству наций, США и СССР У. Черчилль отводил роль партнеров и поручителей в «строительстве новой Европы» [2. С. 497–503].

В перспективе на базе Совета Европы должна была возникнуть интеграционная группировка, которую отставной политик обозначал как Соединенные Штаты Европы, перебросив тем самым мостик к аналогичным идеям, высказанным разными политическими и общественными деятелями в период Нового и начала Новейшего времени.

Выступление У. Черчилля, вошедшее во все хрестоматии как развивавшее идеи интеграционного порядка, по большому счету носило программный характер, и его суть не сводилась только к объединительным инициативам. Выдвинутые в Цюрихской речи идеи демонстрировали наметившийся вектор развития международных отношений и стремление британской дипломатии, как и прежде, действовать в роли арбитра, регулируя отношения двух сверхдержав в интересах сохранения глобальной роли Британии.

В декабре 1946 г. был образован Европейский союз федералистов, деятельность которого была нацелена на объединение стран региона. В августе 1947 г. в швейцарском городе Монтрё прошел конгресс образованного союза, на котором присутствовали делегации от 16 государств. На конгрессе обсуждались идеи по созданию европейского федералистского правительства. В мае 1948 г. состоялся конгресс в Гааге, председателем на котором был У. Черчилль. Участники призвали к созданию Совета Европы и принятию Европейской конвенции по правам человека.

Лейбористы поддержали идею Совета Европы. Этому способствовал острый кризис, возникший вокруг Берлина в июне 1948 г. и ставший символом отхода прежних союзников от сотрудничества и перехода к конфронтации. Продолжавшийся почти год – до начала мая 1949 г. – Берлинский кризис обозначил явную линию раскола двух сверхдержав по германскому вопросу и потребность западных стран в создании интеграционных группировок, укрепляющих европейское единство.

При обсуждении целей Совета Европы члены британского кабинета К. Эттли пришли к согласию, что в

сферу полномочий будущего Совета не должны входить «военные» вопросы, что можно объяснить включением этих проблем в сферу готовящегося к подписанию проекта Североатлантического альянса [3. Р. 44–45].

Длительные дискуссии были посвящены вопросам полномочий Консультативной, или Парламентской Ассамблеи – основного института Совета. Некоторые члены кабинета высказывали мысль о наделении Ассамблеи «высшей политической властью» с тем, чтобы с течением времени она превратилась в широкую интеграционную группировку на базе ОЕЭС с Великобританией в качестве лидера.

Британские чиновники также вынашивали идеи о внесении в сферу деятельности Совета Европы колониальных проблем, однако после последовавших дискуссий эти варианты были отвергнуты [4. Р. 81–83].

В начале мая 1949 г. произошло официальное оформление Совета Европы, лишь в общих чертах напоминавшего проект У. Черчилля. В его состав кроме Британии вошли Бельгия, Дания, Франция, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия и Швеция. В 1950 г. к этой организации присоединились Греция, Турция, Исландия и ФРГ.

Накануне, 4 апреля 1949 г., в Вашингтоне состоялось торжественное подписание Североатлантического договора. Предтечей этого договора стало создание Западного союза. В марте 1947 г. во французском Дюнkerке был подписан англо-французский договор о союзе и взаимопомощи, состав которого был расширен за счет Бельгии, Нидерландов и Люксембурга в 1948 г. Образованный Западный союз ставил задачи укрепления сотрудничества в области экономики, социальной сферы и культуры и предусматривал принцип коллективной безопасности, положенный позднее в основу НАТО.

Созданные структуры британские правительства воспринимали, прежде всего, как эффективный инструмент решения германского вопроса.

5 мая на заседании кабинета министров премьер-министр и члены кабинета отметили успешную работу главы Форин оффис Э. Бевина, основным итогом которой были названы три важнейших события: подписание Североатлантического договора, создание Совета Европы и прекращение советской блокады Берлина [5. Р. 13].

В сентябре 1949 г. в Страсбурге на заседании первой Консультативной ассамблеи Совета Европы У. Черчилль в выступлении спросил, оглядев собравшихся: «А где же немцы?» [6. Р. 284]. Этот вопрос прямо отсылал собравшихся к его Цюрихской речи 1946 г.

Немцы – представители Западной Германии – сидели в зале рядом с французами, и в этом смысле речь Черчилля, казалось бы, достигла цели.

Генеральный комиссар по планированию Франции Ж. Монне, премьер-министр Бельгии П.-А. Спаак и другие видные деятели федералистского движения в Европе надеялись, что Совет Европы будет развиваться в направлении наднациональной организации, о которой они мечтали [Там же. Р. 285].

Однако Устав созданной организации, принятый в 1950 г., провозглашал такие цели, как защита прав

человека, укрепление парламентаризма и основ демократии, общеевропейских ценностей и единства [7. С. 89–92].

Как видно, Совет Европы не стал интеграционной группировкой в том смысле, в каком ее видел У. Черчилль или какой ее хотели видеть другие лидеры федералистского движения в Европе. Созданная организация лишь формально являлась воплощением идей британского политика, так и не став основой для решения германского вопроса и не обеспечив Великобританию лидирующей роли в европейских и мировых делах, как на это рассчитывал У. Черчилль. Тогдашнее правительство К. Эттли не собиралось «причаливать» к континенту, рассчитывая на сохранение торговых преференций со странами Содружества, глобальную торговлю и относительно сильный промышленный сектор [8. Р. 149].

Когда стало понятно, что Черчилль не заинтересован в таком движении Совета Европы, Ж. Монне предложил альтернативный проект – «план Шумана».

Идея наднациональности, лежавшая в основе этого плана, вызвала иронию у вернувшегося к власти Черчилля и его министра иностранных дел А. Идена. Они подшучивали над этим словом, вспоминая, как в середине июня 1940 г. Черчилль предложил создание конституционного союза между Британией и Францией. Вот такой союз, считал Черчилль, действительно был наднациональной идеей в отличие от замысла французского комиссара по планированию [6. Р. 285–286].

В апреле 1951 г. шесть континентальных стран – Франция, ФРГ, Италия, Бельгия, Нидерланды и Люксембург – подписали договор о создании ЕОУС.

В октябре 1951 г. в Великобритании прошли выборы в палату общин. Консервативная партия с перевесом в 26 мест в парламенте одержала победу. Кабинет министров сформировал У. Черчилль, вернувшийся к власти после шестилетнего перерыва.

Британия еще при лейбористах отказалась принимать участие в проекте, сославшись на причины экономического характера. Великобритания не была заинтересована в передаче управления своими угольной и сталелитейной отраслями промышленности на надгосударственный уровень. Сама идея наднациональности вызывала известное неприятие у островного государства.

За подписанием договора ЕОУС последовал процесс ратификации. В британском правительстве выражали сомнение, что парламенты всех стран-участниц одобряют договор. В конце ноября на заседании кабинета министров были озвучены сомнения, что договор одобряют парламенты всех стран-участников. В случае провала ратификации, считали члены правительства, могли понадобиться посреднические услуги Британии с целью новой попытки договориться [9. Р. 48]. Также отмечалось, что рабочие угольной и сталелитейной отраслей британской промышленности с подозрением относились к «плану Шумана», и правительство должно публично заявить, что оно не имеет намерения присоединяться к этому проекту.

Такие оценки и мнения показывали общее недоверие Лондона к французским инициативам в области экономической и военной интеграции. Тем не менее в курируемом Британией Совете Европы было решено сделать следующее заявление: «Правительство Его Величества признает, что действия, предпринятые французским правительством в создании ЕОУС и ЕОС, являются важным шагом на пути к единству Европы... Если «план Шумана» будет ратифицирован, Правительство Его Величества сформирует постоянную делегацию для участия в руководящих органах Сообщества» [9. Р. 48].

10 августа 1952 г., когда после непродолжительного периода ратификации договор вступил в силу, Великобритания в тот же день аккредитовала при Верховном органе власти своего специального представителя со штатом сотрудников 20 человек. Впоследствии другие страны последовали этому примеру и назначили своих специальных послов и наблюдателей [10. С. 79].

Переговоры по другому проекту – «плану Плевена» – продолжили те же государства.

17–18 декабря 1951 г. в Париже прошли консультации главы Форин оффис с членами французского правительства по вопросу участия Британии в европейской армии. По итогам встречи было издано коммюнике, в котором провозглашалось, что «правительство Его Величества ассоциируется настолько тесно, насколько возможно, с Европейским оборонительным сообществом на всех стадиях его политического и военного развития» [11. Р. 1]. Предполагалось, что вооруженные силы Британии, находившиеся под контролем Верховного военного командующего в Европе, будут связаны с такими же силами участников ЕОС для обучения и проведения операций на земле, на море и в воздухе.

Переговоры по созданию европейской армии проходили сложно. В конце декабря 1951 г. шесть стран-участников будущего оборонительного сообщества встретились в Париже для преодоления разногласий. А. Иден предполагал, что существующие трудности, скорее всего, будут преодолены, и при таком развитии событий Британии следует определиться с формой своей ассоциации с ЕОС.

Создание европейской армии в Лондоне считали несвоевременной затеей, хотя понимали опасения Франции по поводу воссоздания германской национальной армии в случае ее включения в НАТО. 29 декабря 1951 г. министр иностранных дел подготовил меморандум об ассоциации Соединенного Королевства и ЕОС, в котором намечалось, что взаимодействие с оборонительным сообществом будет строиться на «приемлемой основе» и путем постоянных консультаций. Британия выражала готовность поддерживать свои вооруженные силы на континенте столько, сколько «потребуется в рамках ЕОС и для соблюдения особых обязательств в Германии» [Ibid. Р. 2].

В феврале 1952 г. меморандум Идена стал предметом обсуждений в кабинете [12. Р. 96]. Примечательно, что если вопрос о том, будет ли ратифицирован договор ЕОУС, вызывал сомнения у британских по-

литиков, то в отношении ЕОС такие сомнения отсутствовали. Скорее наоборот, глава Форин оффис был уверен, что ратификация договора завершится в течение года [13. Р. 90].

Между тем одним из спорных вопросов в связи с учреждением Европейской армии было согласование полномочий НАТО и ЕОС. Иден считал возможным предложить посреднические услуги странам «шестерки» для разрешения этой дилеммы. Британское правительство предлагало провести встречу заинтересованных стран с участием ФРГ. К другим вопросам относилась подготовка Декларации поддержки ЕОС со стороны правительств Великобритании и США, на чем стала настаивать французская сторона.

Британские чиновники подготовили проект такой декларации, имевший целью поддержать создание Европейской армии и убедить Париж в реальной, а не мнимой заинтересованности Лондона в успехе французского проекта [Там же]. Сложившийся образ Великобритании, традиционно дистанцирующейся от полноценного участия в делах на континенте, на этот раз сработал против нее: убедить европейских коллег и США в желании Лондона поддержать французский проект было непросто.

В действительности же оформление ЕОУС и завершение переговоров по учреждению ЕОС вызывало тревогу Британии. В марте 1952 г. правительство У. Черчилля приступило к обсуждению меморандума министра иностранных дел о будущем Совета Европы.

А. Иден предлагал реформировать эту организацию таким образом, чтобы она стала «полезной в отношении «плана Шумана», ЕОС и других будущих организаций, созданных с тем же составом участников и на той же основе». В ходе развернувшейся дискуссии члены кабинета выразили сомнение в своевременности такого реформирования, но признали, что в случае оформления ЕОУС и ЕОС «их конституционные органы и в целом континентальная федерация должны быть подчинены Совету Европы» [14. Р. 145].

Кроме проблем совмещения Совета Европы с французскими интеграционными инициативами существовали трудности другого порядка – уже внутри самого Совета. Британская делегация в этой организации состояла из представителей консервативной и лейбористской партий, причем вторые в этот период активно стали поддерживать движение Совета Европы к федерализму. Такая активность лейбористов вызывала неодобрение правящей партии, продолжавшей сомневаться в жизнеспособности и целесообразности существования уже оформленного ЕОУС и намеченного к созданию ЕОС в том виде, в каком они были задуманы.

В этих условиях британское правительство считало важным найти оптимальную для себя основу взаимоотношений Совета Европы с создаваемыми институтами и подумать над включением в сферу интересов Совета вопросов, попадающих в поле интересов наднациональных сообществ. Одновременно британские политики с сожалением констатировали, что «надежды на формирование объединенной Европы оказались серьезно подорваны продолжающимся раз-

делением Европы на «федералистские» и все остальные страны» [15. Р. 149].

Лорд-хранитель печати лорд Солсбери заявил на заседании кабинета, что не представляет себе, что когда-нибудь Британия станет «полноправным членом континентального блока»: «Мы не континентальная, но островная держава с колониальной империей и уникальными связями с независимыми членами Содружества. Хотя мы можем поддерживать тесную ассоциацию со странами континента, мы не должны совмещать наши интересы только с их интересами. Мы должны быть *с*, но не *в* какой-либо комбинации европейских держав (курсив мой. – Е.Х.)» [Там же. Р. 150]. При этом лорд Солсбери, как и другие члены кабинета, считал важным контролировать и направлять происходящие на континенте процессы с тем, чтобы в будущем избежать риска доминирования Западной Германии в объединенной Европе.

На первый взгляд, британская дипломатия по-прежнему исходила из представлений о том, что дела континента требуют контроля, но не полноценного участия в происходящих процессах. Колониальная империя и Содружество представлялись оплотом британских позиций в мире, а европейские дела вызывали интерес главным образом с точки зрения вопросов безопасности. Однако такое мнение разделяли уже не все британские политики: в 1950-е гг. формируется группа так называемых проевропейски настроенных консерваторов, среди них Д. Экклз, К. Хогг, Э. Хит и др. Как заметил П. Торникрофт в парламентских дебатах по ЕОУС, «умы более молодого поколения были на одной стороне» [16. Р. 23–24].

Собственно, и правительство Черчилля не отвергало полностью участие в интеграционных группировках, стремясь учесть любое развитие событий на континенте. После встречи трех министров иностранных дел 17–19 февраля 1952 г. Форин-оффис начал подготовку проекта Трёхстороннего соглашения о военных гарантиях ЕОС для согласования с правительствами Франции и США.

28 марта А. Иден представил к обсуждению план о британских военных гарантиях ЕОС. Ключевая идея плана состояла в том, чтобы Соединенное Королевство и США показали заинтересованность в оформлении Европейской армии посредством предоставления обязательств по сохранению военных сил в Европе и защите ЕОС со стороны НАТО в случае военной угрозы странам – участникам сообщества. А. Иден, согласовавший накануне на встрече в Лиссабоне с французским премьер-министром Р. Шуманом проект Соглашения о британских военных гарантиях ЕОС, отметил, что находится под сильным давлением Франции. Париж настаивал на вхождении Британии в состав оборонительного сообщества. А. Иден рассматривал такой вариант участия Лондона в проекте как неприемлемый, в то же время считая важным как можно скорее заверить европейских соседей в поддержке в связи с падением в некоторых странах интереса к подписанному договору [17. Р. 1–2]. Процесс ратификации уже состоялся в странах Бенилюкса, но затянулся в ФРГ и Италии.

Важным пунктом переговоров между Британией и Францией по ЕОС был поднятый французской стороной вопрос о совмещении сроков действия ЕОС и НАТО. Вопрос не был праздным. Как отмечал А. Иден, «Брюссельский пакт и договор ЕОС подписаны на 50 лет, в то время как Североатлантический договор мог быть денонсирован через 20 лет после создания, то есть в 1969 г.». При таком развитии событий, которое в Лондоне не исключали в связи с «изоляционистским мышлением» американской администрации, на Британию лег бы груз значительных военных обязательств в отношении Европы без всякой поддержки США [17. Р. 3].

С этой точки зрения Британия была заинтересована в реализации французской инициативы по продлению срока действия НАТО и максимальном участии Вашингтона в европейской интеграции.

28 февраля 1952 г. А. Иден, выступая в палате общин, обрисовал основные итоги прошедшей 20–26 февраля встречи Совета НАТО в Лиссабоне [18]. В ходе сессии преимущественно обсуждался германский вопрос: включение ФРГ в ЕОС и отношения между ЕОС и НАТО. Наиболее насущный вопрос, по мнению Идена, состоял в том, станет ли Европейская армия реальностью: последние две недели бурных обсуждений в Бонне и Париже показали, что вступление в договор ЕОС находится под угрозой срыва в ФРГ и Франции.

Однако достигнутые соглашения должны были вступить в силу только после подписания договора ЕОС. Бывший премьер-министр К. Эттли задал вопрос министру иностранных дел о том, как он оценивает перспективы создания европейской армии. А. Иден выразил уверенность, что договор ЕОС будет подписан, но сроки оставались неопределенными [Там же].

Для обсуждения сложившейся ситуации и поиска выхода из нее Британия инициировала встречу в Лондоне, на которой присутствовали госсекретарь США Д. Ачесон, премьер-министр Франции Р. Шуман и канцлер ФРГ К. Аденауэр.

На этой встрече, предшествовавшей сессии НАТО в Лиссабоне, участники выразили общее согласие, что нужно искать компромисс по таким вызывавшим споры вопросам, как финансовый вклад Западной Германии в оборону и обеспечение эффективного механизма безопасности Европы. После длительных переговоров правительство ФРГ согласилось в течение года (до июня 1953 г.) выплатить 11,25 млрд марок для покрытия расходов на содержание оккупационных войск западных держав и на первоначальный взнос в общий бюджет ЕОС. Вдобавок Западная Германия должна была удовлетворить определенного рода расходы НАТО, включая затраты на оборону Берлина на общую сумму около одного млрд. марок [Там же].

А. Иден рассматривал достигнутую договоренность как важный шаг «в укреплении обороны Запада и создании Новой Европы», а также как свою дипломатическую победу, учитывая финансовые трудности страны. На сессии Совета в Лиссабоне страны ЕОС представили доклад, ставший итогом длительного – в течение года – согласования всеми участниками об-

щей политики созданного сообщества. Совет НАТО в дополнение к этому докладу рассмотрел вопрос о разграничении полномочий ЕОС и НАТО. Участники встречи приняли решение, что члены Североатлантического пакта и европейской армии будут взаимно связаны обязательствами, изложенными в Североатлантическом договоре. В этих условиях предполагалось продлить срок действия договора НАТО, и для этого стороны выразили намерение подписать Протокол к НАТО после подписания договора ЕОС [18].

Ситуация с созданием европейской армии оставалась сложной, несмотря на старания Британии. 4 апреля 1952 г. члены кабинета обсудили подготовленные А. Иденом проекты о гарантиях военной поддержки ЕОС. В первом проекте правительства Великобритании и США провозглашали заинтересованность в проекте, «подтверждая свое решение сохранять вооруженные силы в Европе» и прибегнуть к использованию ст. 4 Договора НАТО о коллективной безопасности в случае угрозы ЕОС «с любой стороны».

Второй проект содержал предложения по заключению договора о взаимных военных обязательствах между Соединенным Королевством и ЕОС в случае, если одна из сторон подвергнется «вооруженному нападению в Европе» [19. Р. 19]. Срок таких военных гарантий предлагалось ограничить периодом действия Договора НАТО. Такая привязка к Североатлантическому пакту отражала неготовность Британии воевать в одиночку за страны будущего оборонительного сообщества.

В середине мая в Париже министр обороны Великобритании встретился со своим французским коллегой для обсуждения деталей взаимодействия британских вооруженных сил и европейской армии. Военный министр выразил удовлетворение этой встречей, на которой была достигнута договоренность об обучении западногерманских сил, создаваемых в рамках ЕОС, на территории Британии [20. Р. 107].

Интерес представляет ставшая предметом обсуждения в кабинете идея «об установлении тесного экономического союза Западной Европы и стерлинговой зоны Содружества» [21. Р. 116–117]. Эту мысль А. Иден предлагал озвучить на встрече министров иностранных дел в Совете Европы, однако члены британского кабинета во главе с премьером отвергли эту инициативу. Министр по делам Содружества лорд Солсбери выразил мнение, что предлагаемый союз может «разрушить единство Содружества», а излишнее давление на страны организации вызовет обратный ожиданиям Лондона эффект и приведет их в объятия Соединенных Штатов.

Бурное обсуждение этой идеи показывало, что в изменившихся послевоенных условиях Британия преувеличивала экономическое значение империи и Содружества и переоценивала свои позиции в Европе. Канцлер казначейства докладывал в июне 1952 г. о том, что «хотя в последние недели наблюдалось увеличение долларовых и золотых резервов внутри стерлинговой зоны, есть признаки новой волны недоверия к стерлингу» [22. Р. 155]. Единогласное избрание

А. Идена председателем Совета ОЕЭС в июне 1952 г. дало основания британскому правительству считать лидерство в этой организации «символом экономического доминирования в Европе» [23. Р. 149–150]. В реальности средние показатели экономического роста Британии отставали от континентальных стран Западной Европы [24. Р. 39–41].

26 мая 1952 г. был подписан Договор об отношениях между тремя державами и Федеративной Республикой Германия (Боннский договор), по которому с Западной Германии снимался оккупационный статус и она восстанавливала государственный суверенитет во внутренних и внешних делах. Боннский договор был связан с Парижским договором о создании ЕОС и вступал в силу только в случае вступления в силу последнего.

На следующий день, 27 мая 1952 г., в Париже страны «шестерки» подписали Договор о создании ЕОС. Согласно ст. 38 в течение шести месяцев после вступления в силу договора государства-участники должны были разработать контуры Европейской политической власти (European Political Authority) федеративного или конфедеративного типа для управления ЕОС [25]. В процессе разработки эта структура получила название Европейского политического сообщества (ЕПС), создание которого было, таким образом, увязано с созданием Европейской армии.

Эти идеи министра иностранных дел получили название «плана Идена» 1952 г. (в 1954 г. появится другой «план Идена», посвященный решению проблем безопасности в Европе). Его сторонниками были проевропейски настроенные консерваторы или страсбургеры (Strasbourgers), сплотившиеся вокруг У. Черчилля, Совета Европы и панъевропейского движения еще в конце 1940-х – начале 1950-х гг.

Сложившаяся ситуация не располагала к реализации этих планов. А. Иден предрекал, что после провала ЕОС другая – уже созданная – группировка ЕОУС вряд ли выживет, и тогда появится запрос европейских стран на интеграцию в рамках межправительственной модели под руководством Великобритании [26. Р. 187].

Время доказало ошибочность этого прогноза, в то время казавшегося верным: процесс ратификации подписанного договора действительно оказался длительным и трудным, прежде всего во Франции и ФРГ. Другие участники ратифицировали договор в течение года.

Парламент Западной Германии все же ратифицировал договор весной 1953 г. В самой Франции вопрос о ратификации постоянно откладывался. В июле французский посол в Лондоне информировал своего британского коллегу о том, что вряд ли удастся провести ратификацию договора ЕОС в ближайшем будущем [27. Р. 20].

А. Иден справедливо замечал, что Париж, убедивший себя в неизбежном доминировании в Европейской армии ФРГ, теряет интерес к договору: «...французы стали жертвами собственного энтузиазма по поводу федералистской концепции европейского единства. ...Вначале они поддерживали идею феде-

ральной структуры, потому что рассчитывали на свое лидерство в ней, теперь их тревожат быстрые темпы германского восстановления» [28. Р. 126].

В конце июля 1954 г. А. Иден информировал кабинет, что французское правительство выразило готовность обсудить с Лондоном другие формы германского перевооружения на случай, если Национальная ассамблея не одобрит договор [29. Р. 3]. Уже на тот момент судьба европейской армии была ясна.

27 августа А. Иден докладывал членам кабинета, что в ближайшие дни Национальная ассамблея Франции, скорее всего, отвергнет договор ЕОС. При этом никаких публичных заявлений об альтернативном плане ремилитаризации ФРГ Париж не сделал и делать, очевидно, в скором времени не планировал. В Лондоне считали, что единственной реальной альтернативой остается вхождение Боннской республики в НАТО. В этой связи министр иностранных дел предлагал сразу же после провала проекта связаться с администрацией США и начать процесс подключения ФРГ к Североатлантическому пакту.

Премьер-министр У. Черчилль отмечал, что провал проекта был очевиден еще в прошлом году, и поддержал инициативу главы Форин оффис, добавив, что реакция США, вероятно, будет носить благожелательный характер [30. Р. 3–4].

30 августа 1954 г. окончательные дебаты в Национальном собрании Франции по договору ЕОС завершились отказом от его ратификации.

Такой поворот событий объяснялся рядом закономерных факторов. Во-первых, сама идея интеграции в военной сфере в политическом истеблишменте и французском обществе стала восприниматься болезненно, особенно на фоне поражения в войне в Индокитае. Франция, как показали итоги этой колониальной войны и обсуждение в парламенте, оказалась не готова жертвовать своими национальными силами в пользу европейской армии, подконтрольной наднациональным институтам.

Самые разные политические силы внутри парламента выступали против Европейской армии. Французская коммунистическая партия (ФКП) не принимала саму идею перевооружения Западной Германии, представители националистических партий (в том числе «Объединение французского народа» Ш. де Голля) считали идею передачи вооруженных сил на наднациональный уровень не соответствующей внешнеполитическим интересам страны, колониальные круги выражали обеспокоенность ослаблением позиций Франции в колониях и заморских департаментах [31. С. 116].

Опросы общественного мнения, проведенные накануне ратификации, показывали, что создание ЕОС к 1954 г. стало вызывать все большее недоверие у французов. Среди населения и политиков Франции преобладали опасения, что в случае военного усиления Западной Германии может повториться сценарий германского нападения на Францию в четвертый раз [32. С. 96].

К моменту ратификации значительное воздействие на общественное мнение страны стало оказывать так называемое движение нейтралитета, противопостав-

лявшее политике атлантизма идею неучастия Западной Европы в противостоянии между СССР и США, осуждая как «американский капитализм», так и «русский тоталитаризм». Входившие в состав движения французские интеллектуалы (Ж.-П. Сартр, Э. Мунье, Ж.-М. Доменак и др.) считали возможным вообще избежать участия ФРГ как в европейской армии, так и в НАТО, полагая, что объединенная Европа должна стать «фактором стабильности и разрядки» [31. С. 108–109].

Сказалась и общая политическая слабость IV Республики: частая смена кабинетов не позволяла выстраивать и осуществлять долгосрочный политический курс.

Комплекс указанных факторов обусловил отказ французского парламента от ратификации договора ЕОС, автоматически означавшего и провал ЕПС, что вновь актуализировало идеи о включении ФРГ в НАТО.

Ж. Монне впоследствии указывал на то, что «момент был выбран неудачно»: «...французы, потрясенные военной драмой в Индокитае, на какое-то время потеряли способность трезво смотреть в свое будущее. ...Силы прошлого и силы будущего раскололи страну, и в результате беспорядочного спора первые одержали верх» [33. С. 489–490]. Монне сокрушался, что не нашлось политика, который бы объяснил населению и парламентариям, что в реальности вопрос стоял так: европейская армия или национальная немецкая армия [Там же. С. 490].

Другой видный французский политик Р. Шуман, оставивший полные патетики дневниковые записи, почти обошел вниманием произошедшее в конце августа событие, отметив только, что позиция Национального собрания серьезно «подорвала авторитет Франции в области европейских инициатив» [10. С. 64].

1 сентября 1954 г. британский кабинет обсудил провал европейской армии. А. Иден докладывал, что решение французского парламента произвело «ошеломляющее воздействие на наших партнеров по Западному союзу» [34. Р. 2]. Так, К. Аденауэр назвал 30 августа «черным днем для Европы», неиспользованной возможностью для окончательного прекращения франко-германской вражды [35. С. 194].

Глава Форин-оффис в этих условиях считал возможным в самые кратчайшие сроки начать переговоры с западногерманским канцлером по вступлению ФРГ в НАТО на основе Боннских соглашений 1952 г.

Создавшаяся ситуация действительно давала Великобритании хорошие шансы выступить в качестве посредника в отношениях между ФРГ, США и Францией. Планы по реформированию Совета Европы были оставлены. Британское руководство полностью сосредоточилось на укреплении своей роли в сфере европейской безопасности. Благодаря усилиям британской дипломатии в 1955 г. ФРГ сначала вступит в Западный союз, а затем в Североатлантический союз.

В том же году очередной шаг по пути интеграции совершили страны ЕОУС, собравшиеся в Италии для разработки новых проектов на наднациональной основе. Великобритания вновь отказалась принимать участие в

обсуждении этих планов, и во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. предложит свои замыслы интеграционного порядка в экономической и политической сферах, и вновь на межправительственной основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Council of Europe / ed. by T.E.J. Kleinsorge. Alphen aan der Rijn, 2010.
2. Черчилль У. Мускулы мира. М., 2002.
3. CAB 128-15. 29 January 1949.
4. CAB 128-15. 24 February 1949.
5. CAB 128-15. 5 May 1949.
6. Best J. Churchill: A study in greatness. New York, 2006.
7. Системная история международных отношений. Т. 4 : Документы. 1945–2004. М., 2000.
8. New Labour in Power. Precedents and prospects / ed. by B. Brivati and T. Bale. New York, 1997.
9. CAB 128-23. 22 November 1951.
10. Шуман Р. За Европу. М., 2002.
11. CAB 129-48. 29 December 1951.
12. CAB 128-24. 18 February 1952.
13. CAB. 14 February 1952.
14. CAB. 13 March 1952.
15. CAB. 13 March 1952.
16. Forster A. Euroscepticism in Contemporary British Politics: Opposition to Europe in the British Conservative and Labor Parties since 1945. New York ; London, 2002.
17. CAB 129-50. 28 March 1952.
18. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. North Atlantic Council (Lisbon Meeting). 28 February 1952. Col. 1459–1466. London, 1953.
19. CAB 128-24. 4 April 1952.
20. CAB 128-25. 13 May 1952.
21. CAB 128-25. 15 May 1952.
22. CAB 128-25. 12 June 1952.
23. CAB 128-25. 10 June 1952.
24. Booth A. British Economic Development since 1945. New York, 1995.
25. European Defense Community Treaty. Wash., 1952. URL: <http://aei.pitt.edu/5201/1/5201.pdf>
26. Deighton A. The Last Piece of the Jigsaw: Britain and the Creation of the Western European Union, 1954 // Contemporary European History. Vol. 7, No. 2. 1998.
27. CAB 128-26. 8 July 1953.
28. CAB 128-26. 26 November 1953.
29. CAB 128-27. 27 July 1954.
30. CAB 128-27. 27 August 1954.
31. Наринский М.М. Нейтрализм в годы «холодной войны»: альтернатива французских интеллектуалов // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М., 1992.
32. Проден Е.Ю. Провал ратификации Договора о создании Европейского оборонительного сообщества во французском Национальном собрании в 1954 г. // Американские исследования в Сибири. Томск, 2003. Вып. 7.
33. Монне Ж. Реальность и политика: мемуары / пер. с фр. В. Божовича. М., 2001.
34. CAB 128-27. 1 September 1954.
35. Ющенко О.И. Конрад Аденауэр, Шарль де Голль и германо-французское «историческое примирение» // Разрушение и возрождение в истории Германии и России. Томск, 2010. Вып. 7.

Статья представлена научной редакцией «История» 30 сентября 2015 г.

PLANS OF REFORMING THE COUNCIL OF EUROPE IN THE CONTEXT OF EUROPEAN SECURITY UNDER CHURCHILL GOVERNMENT (1951–1955)

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 164–171. DOI: 10.17223/15617793/402/22

Khakhalkina Elena V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Keywords: Council of Europe; Winston Churchill; Anthony Eden; supranational European integration; European security; European Defence Community.

After the Second World War, Britain and France have offered their vision of building models of European integration. In September 1946, less than a year and a half after the end of the war, Winston Churchill gave a speech in the University of Zurich, Switzerland. In this speech Churchill called for the unification of the European nations on the basis of Franco-German cooperation. The Council of Europe was established in 1949 under the auspices of the UK on the basis of an intergovernmental approach and was originally aimed at the solution of the German problem by integrating West Germany in the European integration structures. The article deals with the idea of reforming the Council of Europe with a view to align it with the objectives of the British leadership in the field of security and the colonial sphere. The author refers to the history of the organization and shows its evolution from concept to realization. The article shows that the European Council did not become an integration group in the sense that Winston Churchill and other leaders of the federalist movement in Europe saw it. The established organization is the embodiment of the ideas of the British politician only formally, never becoming the basis for the solution of the German problem and never providing the UK's leading role in European and world affairs, as Winston Churchill expected. In this situation, France, represented by general commissary for the French Plan of Modernization and Equipment Jean Monnet, took the lead in the continuation and deepening of the integration process. In 1950 came the famous “Schuman Plan”, a year later another project, the “Pleven Plan”. The first project led to the establishment of the European Coal and Steel Community. The second project of the European army failed because of the position of France while Britain was interested in the project. This outcome did not stop the French model of integration. Under the conditions of the fledgling “cold war” and the need to address security, the French approach to the integration proved to be viable. Britain, leaving the

plans to reform the Council of Europe by the mid-1950s, put forward several notable initiatives in the field of European security, and later in the area of economic integration. However, for various reasons, these projects failed. The success of the French integration model in the form of a supranational organization obscured the British initiative on integration post-war governments put forward in the late 1940s and early 1950s. The growing crisis tendencies in the modern European Union do not exclude the drift of the organization towards the strengthening of intergovernmental elements in its structure. In these circumstances the British ideas about the development of an intergovernmental model of integration can be claimed.

REFERENCES

1. Kleinsorge, T.E.J. (ed.) (2010) *Council of Europe*. Alphen aan der Rijn.
2. Churchill, W. (2002) *Muskuly mira* [Muscles of the world]. Moscow: Eksmo-Press.
3. CAB 128-15. 29 January 1949.
4. CAB 128-15. 24 February 1949.
5. CAB 128-15. 5 May 1949.
6. Best, J. (2006) *Churchill: A study in greatness*. N.Y.: Thoemmes.
7. Bogaturov, A.D. (ed.) (2000) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [The systemic history of international relations]. V. 4. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
8. Brivati, B. & Bale, T. (eds.) (1997) *New Labour in Power. Precedents and prospects*. London; New York: Routledge.
9. CAB 128-23. 22 November 1951.
10. Schuman, R. (2002) *Za Evropu* [For Europe]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
11. CAB 129-48. 29 December 1951.
12. CAB 128-24. 18 February 1952.
13. CAB. 14 February 1952.
14. CAB. 13 March 1952.
15. CAB. 13 March 1952.
16. Forster, A. (2002) *Euroscepticism in Contemporary British Politics: Opposition to Europe in the British Conservative and Labor Parties since 1945*. London; New York: Routledge.
17. CAB 129-50. 28 March 1952.
18. Hansard. Parliament. House of Commons. Parliamentary Debates. North Atlantic Council (Lisbon Meeting). 28 February 1952. Col. 1459–1466. London. 1953.
19. CAB 128-24. 4 April 1952.
20. CAB 128-25. 13 May 1952.
21. CAB 128-25. 15 May 1952.
22. CAB 128-25. 12 June 1952.
23. CAB 128-25. 10 June 1952.
24. Booth, A. (1995) *British Economic Development since 1945*. Manchester-New York: Manchester University Press
25. European Defense Community Treaty. Wash., 1952. [Online]. Available from: <http://aei.pitt.edu/5201/1/5201.pdf>.
26. Deighton, A. (1998) The Last Piece of the Jigsaw: Britain and the Creation of the Western European Union, 1954. *Contemporary European History*. 7:2. DOI: <http://dx.doi.org/10.1017>
27. CAB 128-26. 8 July 1953.
28. CAB 128-26. 26 November 1953.
29. CAB 128-27. 27 July 1954.
30. CAB 128-27. 27 August 1954.
31. Narinskiy, M.M. (1992) Neytralizm v gody "kholodnoy voyny": al'ternativa frantsuzskikh intellektualov [Neutralism during the "cold war": an alternative to French intellectuals]. In: Chubar'yan, A.O. (ed.) *Evropeyskiy al'manakh. Istoriya. Traditsii. Kul'tura* [European almanac. History. Traditions. Culture]. Moscow: Nauka.
32. Proden, E.Yu. (2003) Proval ratifikatsii Dogovora o sozdaniy Evropeyskogo oboronitel'nogo soobshchestva vo frantsuzskom Natsional'nom sobranii v 1954 g. [The failure of the ratification of the Treaty establishing the European Defence Community in the French National Assembly in 1954]. In: Pelipas', M.Ya. (ed.) *Amerikanskije issledovaniya v Sibiri* [American Studies in Siberia]. V. 7. Tomsk: Tomsk State University.
33. Monnet, J. (2001) *Real'nost' i politika: memuary* [Reality and politics: memoirs]. Translated from French by V. Bozhovich. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy.
34. CAB 128-27. 1 September 1954.
35. Yushchenko, O.I. (2010) Konrad Adenauer, Sharl' de Goll' i germano-frantsuzskoe "istoricheskoe primirenie" [Konrad Adenauer, Charles de Gaulle and the German-French "historic reconciliation"]. In: *Razrushenie i vozrozhdenie v istorii Germanii i Rossii* [The destruction and rebirth in the history of Germany and Russia]. V. 7. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 30 September 2015

РАЗВИТИЕ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ: ПРАКТИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX в.)

Снижение интереса и качества чтения среди детей и молодежи в России и мире актуализирует проблему развития читательской компетенции будущих учителей. Современные методики и технологии, разработанные в педагогической теории, пока не дают заметных эффектов. В статье анализируются культурные практики приобщения к чтению, которые использовались в учительских семинариях и институтах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Выделены наиболее интересные приемы и формы развития читательской компетенции будущих учителей (систематизация внеклассного чтения, организация народных чтений, проведение бесед, вечеров и др.).

Ключевые слова: читательская компетенция; педагогическое образование; учительские семинарии; учительские институты; Западная Сибирь.

Татьяна Черниговская, известный российский психолингвист, размышляя о перспективах чтения, предложила свой сценарий недалекого будущего. По ее мнению, гипертекстовая организация текстов вскоре приведет к расслоению читателей [1]. Появится элитарная литература, прочитать которую смогут немногие. Можно предположить, что чтение постепенно станет критерием социального расслоения. Эти тенденции появились уже сейчас. Исследования «Левада-центра» показали, что только 6% опрошенных назвали чтение в качестве своей зависимости. Многочисленные исследования, проводимые в рамках «Национальной программы поддержки и развития чтения», действующей в России с 2006 г., показывают снижение интереса к чтению, сокращение тиражей выпускаемых в России книг. В статье М.В. Кузьминой и Ю.А. Тюменева, построенной на основе анализа данных PISA, отмечается, что российские школьники показывают результаты в читательской грамотности ниже средних международных и ниже, чем в естественных и математических дисциплинах [2]. Исследователи этой проблемы заявляют, что единственный путь изменить ситуацию – активизировать процесс приобщения к чтению детей и молодежи.

В современной педагогической теории эта проблема стала активно обсуждаться в начале 2000-х гг. В работах В.Я. Аскаровой, Р.У. Богдановой, С.Г. Вершловского, Т.Г. Галактионовой, Е.И. Казаковой, М.В. Кларина, О.Е. Лебедева, Н.И. Роговцевой, Ю.М. Тугова и др. складывается понятийный каркас педагогики чтения (читательская культура, культура чтения, читательская активность, читательская компетентность). Так, под функциональной грамотностью в области чтения понимается «способность человека понимать и использовать письменные тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни» [3. С. 14]. Чтение – не только часть современной культуры, но и значимый фактор успешной жизни. Именно это ставит проблему в ранг государственных. Проводимые в разных странах исследования выявили зависимость чтения и качества не только образования, но и жизни.

В масштабных американских исследованиях выявлено, что подростки, проявляющие интерес к чтению,

получают в различных национальных системах оценивания более высокие баллы не только по чтению, но и в среднем, по сравнению с теми, кто чтением не увлекается. Вовлеченность в чтение оказалась третьим по значимости фактором среди переменных, определяющих результаты PISA по чтению. На вовлеченность в чтение оказывает влияние семья (материальное благополучие, образование, традиции), но не меньше семьи в этом процессе участвует и школа.

Опросы, проводимые в рамках «Национальной программы приобщения к чтению» на протяжении 10 лет, показали зависимость между чтением и успехами в обучении молодежи, чтением хорошей литературы и имеющимися жизненными и профессиональными перспективами [4. С. 128]. Именно поэтому подготовка учителя, который сам любит читать и может увлечь этим занятием своих учеников, становится одной из задач современного педагогического образования. Разнообразные технологии приобщения к чтению, проекты, методические материалы никогда не дадут эффекта, если будущий учитель в процессе обучения в вузе не получит «прививку чтению».

Педагогическое сообщество, как одна из наиболее крупных профессиональных страт в нашей стране, всегда составляло основу читающей российской интеллигенции. Это было возможно благодаря тому, что развитие привычки и культуры чтения ставилось на протяжении всей его истории в качестве одной из приоритетных задач педагогического образования. Попытаемся выделить педагогические средства, которые использовали в образовательном процессе, чтобы развить навыки и культуру чтения у воспитанников учительских семинарий и институтов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Ограниченность общего и профессионального образования, которое давали учительские семинарии и институты своим воспитанникам, должно было компенсироваться за счет самообразования. В п. 54 «Положения об учительских семинариях» 1872 г. указывалось, что необходимым пополнением преподавания всякого учебного предмета можно считать самостоятельные чтения учеников, разумеется, по указанию преподавателя, с обязательной контрольной беседой.

Особое место чтению отводилось в учительских семинариях, основной контингент которых составля-

ли выпускники сельских училищ. За многолетнюю историю в семинариях региона сложилась система мер, направленных на развитие интереса к чтению: по всем гуманитарным предметам наставники составляли списки книг для внеклассного чтения; в профессиональные обязанности педагогов семинарии входил контроль над самостоятельным чтением воспитанников. В рамках учебного процесса его осуществляли учителя-предметники, а во внеурочной работе – наставники-наблюдатели, классные наставники, посещавшие учеников на частных квартирах. На педагогических советах учебных заведений по этому вопросу регулярно заслушивались отчеты наставников. Так, в 1891 г. в Омской учительской семинарии педагоги отмечали, что воспитанники читают почти все, но мало и не совсем толково [5]. Для повышения качества чтения с 1895 г. воспитанникам рекомендовалось вести дневники, где они должны были записывать краткое изложение прочитанного [6].

В январе 1907 г. в Павловской учительской семинарии (Томская губерния) для выяснения вопроса о развитии привычки к чтению было проведено обследование воспитанников, которое показало, что начало активного чтения большинство воспитанников относят ко второму-третьему отделению начальной школы. Только один воспитанник начал читать книги с первого отделения. Из всех прочитанных книг большинство воспитанников смогли назвать по 2–3 сказки, два человека вспомнили книгу Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». По 2–3 человека в качестве знакомых имен писателей указали А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева и И.А. Гончарова. Обследование показало, что периодических изданий почти нигде в семьях воспитанников не выписывалось, и даже название «периодические издания» не всем понятно. По результатам опроса педагоги сделали вывод: на самостоятельное чтение в начальной школе не обращают должного внимания, поэтому необходимо активизировать этот процесс в семинарии. Для чего постановили:

1. Составить список книг русских писателей, в том числе и новейших, для внеклассного чтения.
2. Практиковать устройство бесед с воспитанниками по поводу прочитанных книг и составление самостоятельных письменных и устных рефератов на основе критических статей.
4. Учить группировать произведения по сходству основных идей и изображаемых типов.
5. Рекомендовать литературные произведения одновременно с изучением соответствующих разделов курса истории.
7. Обязать преподавателей Закона Божьего, педагогики, истории, географии составлять списки книг для воспитанников, желающих пополнить свои знания.
8. Рекомендовать воспитанникам вести краткие записи прочитанного.
9. Выписать детские книги в ученическую библиотеку и рекомендовать их к чтению [7].

Понижение уровня общей культуры, начавшееся в российском обществе в период 1914–1917 гг., затро-

нуло и педагогическое образование. В 1914 г. на заседании педагогического совета Омской учительской семинарии отмечалось, что воспитанники читают мало или несистемно, многие незнакомы с лучшими произведениями русской и иностранной литературы [8. С. 87]. Для изменения подобной ситуации наставники предложили вернуться к составлению списков книг и ужесточению контроля над внеклассным чтением.

Дополнительным стимулом к чтению и знакомству с лучшими произведениями литературы среди воспитанников педагогических учебных заведений служили вечера, публичные чтения, беседы. Так, с 1881 г. в Омской семинарии для ознакомления с родным языком начали проводить вечера, на которых ученики читали произведения лучших русских авторов, зачитывались сочинения воспитанников третьего класса по произведениям русской словесности. Подобные беседы сопровождались пением народных песен [9. С. 8]. С октября 1892 г. в семинарии учителем русского языка была разработана программа чтений для воспитанников [10]. На литературно-музыкальные вечера в октябре 1901 г. были приглашены учащиеся начального училища и их родители [11]. В 1905 г. на заседании педагогического совета отмечалось, что директор и наставники должны наблюдать за чтением, а при всяком удобном случае вести беседы на развитие эстетических чувств, устраивать спектакли и вечера [12].

Одним из направлений работы начального учителя, особенно в сельской местности, было просвещение родителей и широкой общественности. Поэтому уже в период обучения в семинарии ставилась задача приобщения воспитанников к просветительской деятельности. С октября 1886 г. в Омской учительской семинарии стали устраиваться народные чтения с волшебным фонарем. На заседании педагогического совета при обсуждении вопросов о тематике чтений было принято решение знакомить слушателей с лучшими образцами русской литературы и музыки [13. С. 34]. Отмечалось, что чтения пользовались успехом, количество слушателей постоянно увеличивалось. После короткого перерыва в 1900 г. чтения с волшебным фонарем были возобновлены. Деятельность педагогического сообщества по распространению книжной культуры и просветительству в начале XX в. только возросла. В 1903 г. на территории западносибирского учебного округа народные чтения проводились при 124 училищах. В Тобольской губернии чтения были организованы при 103 училищах, что составляло 61% от общего числа чтений в Сибири и Дальнем Востоке [14. С. 258]. В 1914 г. в Западной Сибири, по подсчетам Ю.В. Тимофеевой, уже насчитывалось 342 пункта чтений, учителя составляли примерно 70% лекторов [15. С. 10].

В результате деятельности учительских семинарий и институтов по проблеме приобщения к чтению воспитанников в регионе остро встала проблема в среде учителей: что читать? Журналист Н. Носов в статье «Как дать сельским учителям Тобольской губернии возможность читать», опубликованной «Тобольскими губернскими ведомостями» в 1896 г., писал: «Кто хо-

тя бы немного знаком с положением сельских учителей Тобольской губернии – знает, что они почти ничего не читают, по той простой причине, что читать нечего: своих средств на книги и журналы нет, школьные библиотеки до крайности бедны или даже совсем пусты, а общественных не существует». Ситуация с ростом библиотек в регионе быстро изменилась. Если в 1911 г., по данным Н. Юрцовского, в Западной Сибири из 3 446 училищ учительские библиотеки имелись в 2 726, а на каждую приходилось в среднем 54 книги [16. С. 166], то в 1916 г. в Тобольской губернии центральные учительские библиотеки имелись уже при 32 училищах, число книг в них варьировалось от 475 до 800, число выдач составляло в течение года от 40 до 520, ежегодно на каждую библиотеку выделялось по 50 руб. [17. Л. 266].

Изучение исторического опыта деятельности педагогических учебных заведений Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. показывает, что включение в систему профессионального воспитания будущих учителей разнообразных форм приобщения к чтению помогало решению задач профессионального образования. В современных условиях необходи-

мость реанимации аналогичных мер обусловлена проблемами развития выпускников школ, среди которых психологи отмечают трудность в понимании смысла прочитанного, быструю утомляемость от чтения и др. Проведенное нами в текущем учебном году анкетирование 20 студентов первого курса подтвердило актуальность поднимаемой проблемы и необходимость разработки комплекса мер по приобщению обучающихся Омского государственного педагогического университета к чтению художественной литературы. Так, 80% опрошенных студентов читают художественную литературу не чаще одного раза в месяц, не более 10 минут в день, но при этом проводят в сети Интернет ежедневно более 2 часов. Не лучше обстоит дело и у студентов старших курсов. Школа и семья не смогли сформировать потребность у них и привычку к чтению как форме досуга, саморазвития и части жизни. Поэтому, несмотря на то что приобщение к чтению всегда считалось задачей семьи и школы, профессионально-педагогическое образование должно использовать этот канал воспитательного влияния, что позволит повысить общую и профессиональную культуру регионального учительского корпуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Черниговская Т. Распределенное сознание: о будущем чтения. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/7582-chernigovskaya>.
2. Тюменева Ю.А., Кузьмина Ю.В. Роль школы и семьи и индивидуальные характеристики ребенка для образовательных результатов (на примере данных PISA 2009 по чтению в России). URL: <http://www.hse.ru/data/2013/11/03>.
3. Российская школа от PISA-2000 до PISA-2003 / под общ. ред. А.Г. Каспаржака, К.Н. Поливановой. М.: Логос, 2006, 196 с.
4. Ярошева В.В. Отношение студенческой молодежи к книге и чтению // Национальная программа поддержки и развития чтения: год седьмой: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. «Национальная программа поддержки и развития чтения: проблемы и перспективы» и III Всерос. конф. «Библиотеки, издательства, книжная торговля и СМИ: влияние на круг чтения» М.: Межрегион. центр библиотеч. сотрудничества, 2014. С. 127–136.
5. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 115. Оп. 1. Д. 38.
6. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 41.
7. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 126. Оп. 2. Д. 2248.
8. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 9.
9. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 76.
10. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 40.
11. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 63.
12. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 67.
13. ГИАОО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 31.
14. Ежегодник внешкольного образования. М., 1907. Вып. 1.
15. Тимофеева Ю.В. Книжная культура сельского населения Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011.
16. Юрцовский Н. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск: тип. Центросоюза в Омске. 1923. Вып. 1: Общий ход развития школьного дела в Сибири. 1703–1917 гг. 246, IV, [2] с.
17. ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3084.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 июня 2015 г.

DEVELOPMENT OF READING COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS: PRACTICE OF PEDAGOGICAL EDUCATION OF WESTERN SIBERIA (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES)

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 172–175. DOI: 10.17223/15617793/402/23

Churkina Natalia I. Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: n_churkina@mail.ru

Keywords: reading competence; pedagogical education; teachers' seminars; teachers' institutes; Western Siberia.

In this article the author examines the issue which is relevant to the modern society: a lower interest in reading among children and youth. Based on the study of the research materials and results of sociological surveys, the following conclusion was made: the only way to change the readership culture of the younger generation is to bring up a reading teacher. There was made an attempt in the article to find interesting forms of reading competence formation in future teachers with the help of a retrospective analysis of the experience of teaching seminaries and institutes of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries. The conducted research showed that regional teaching seminaries paid special attention to reading, and most of the students were graduates of rural vocational schools. Over the long history, seminaries of the region formed a system of measures aimed at the development of interest in reading: teachers made lists of books for extra-curricular reading of all Humanities; the professional responsibilities of seminary teachers included the control of students' independent reading. The analysis of archival materials showed that in the early 20th century there was a reduction of the level of general culture, which reflected the fact that pupils of teachers' seminaries read

little or non-systematically, many of them were not familiar with the best works of the Russian and foreign literature. To change this situation, teachers suggested returning to the compilation of lists of books, and tighter control of extra-curricular reading. The most successful forms of appealing to reading and getting acquainted with the best works of literature among pupils of educational institutions were literary events, readings and discussions of the reading of books, compiling of programs for students' reading. A separate form of education, a means of readers' activity development pupils were involved in was their participation in the organization of people's readings with a magic lantern. The study of the historical experience of educational institutions of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries shows that various forms of appealing future teachers to reading in the system of professional education helped to accomplish professional tasks. In modern society, the need for resuscitation of similar measures is conditioned by the development challenges of school graduates. Among them psychologists mention the difficulty in understanding the meaning of reading, rapid reading fatigue, etc. Despite the fact that appealing to reading has always been considered to be a task of family and school, professional and vocational education should use this way of educational influence, which will improve the overall and regional professional culture of teachers.

REFERENCES

1. Chernigovskaya, T. (2013) *Raspredelennoe soznanie: o budushchem chteniyu* [Distributed mind: the future of reading]. [Online]. Available from: <http://theoryandpractice.ru/posts/7582-chernigovskaya>.
2. Tyumeneva, Yu.A. & Kuz'mina, Yu.V. (2013) *Rol' shkoly i sem'i i individual'nye kharakteristiki rebenka dlya obrazovatel'nykh rezul'tatov (na primere dannykh PISA 2009 po chteniyu v Rossii)* [The role of the school and the family and the individual characteristics of a child for educational outcomes (by example of the PISA data for 2009 on reading in Russia)]. [Online]. Available from: <http://www.hse.ru/data/2013/11/03>.
3. Kasparzhak, A.G. & Polivanova, K.N. (eds) (2006) *Rossiyskaya shkola ot PISA-2000 do PISA-2003* [The Russian School from PISA-2000 to PISA-2003]. Moscow: Logos.
4. Yarosheva, V.V. (2014) [The attitude of students to the book and reading]. *Natsional'naya programma podderzhki i razvitiya chteniya: problemy i perspektivy; Biblioteki, izdatel'stva, knizhnaya trgovlya i SMI: vliyaniye na krug chteniya* [National Programme for Reading Promotion and Development: Challenges and Prospects; Libraries, Publishing Houses, Book Trade and the Media: the Impact on the Reading Circle]. Proceedings of the conferences. Moscow: Mezhtsentr bibliotek. sotrudnichestva. pp. 127–136. (In Russian).
5. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 38. (In Russian).
6. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 41. (In Russian).
7. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 2248. (In Russian).
8. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 9. (In Russian).
9. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 76. (In Russian).
10. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 40. (In Russian).
11. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 63. (In Russian).
12. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 67. (In Russian).
13. State Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund 115. List 1. File 31. (In Russian).
14. Charnoluskiy, V.I. (ed.) (1907) *Ezhegodnik vneshkol'nogo obrazovaniya* [Yearbook of the non-formal education]. V. 1. Moscow: T-vo I. D. Sytina.
15. Timofeeva, Yu.V. (2011) *Knizhnaya kul'tura sel'skogo naseleniya Zapadnoy Sibiri (konets XIX – nachalo XX v.)* [Book culture of the rural population of Western Siberia (the end of the 19th – early 20th centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Omsk.
16. Yurtsovskiy, N. (1923) *Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri* [Essays on the History of Education in Siberia]. V. 1. Novonikolaevsk: tip. Tsentrosoyuza v Omske.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund 126. List 2. File 3084. (In Russian).

Received: 22 June 2015

ЭТНИЧЕСКАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ ИЛИ КОНСТРУИРОВАНИЕ: ПРОБЛЕМА ГЕНЕЗИСА ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУР

*Работа выполнена при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности
Томского государственного университета на 2013–2020 гг.*

Ставится проблема происхождения и возрождения традиционных культур в рамках примордиалистского и конструктивистского подходов. Не отрицая значимости последнего при анализе современных идентичностей, делается вывод о необходимости изучения направленности этнических процессов, которые определяют не только степень сохранения традиционных культур, но вследствие консолидации разнотнических компонентов в новую этническую общность создают и новые идентичности, в том числе этническую и культурную, которые являются модифицированными вариантами прежних традиционных культур.

Ключевые слова: традиционная культура; идентичность; этническая консолидация; конструирование.

Проблема изучения процессов возрождения этнических традиций, формирования различного вида и уровней идентичностей, в том числе этнических, анализа их содержания и смысловой нагрузки является одной из наиболее актуальных в современной отечественной и зарубежной этнологии. Вклад в разработку теории идентичностей Э. Геллнера [1], Ф. Барта [2], Э. Андерсона не подлежит сомнению. Их работы стали основой исследований по изучению специфики современных традиционных культур, по проблемам их возрождения и закономерностям формирования. В них четко прослеживается инструменталистский подход, следствием которого является тезис о политической или этнической элитах как «творцах» разнотнических конструкторов, в том числе и традиционной культуры, ее символического и эмоционального наполнения.

При понимании всей важности опоры на исследование этих ученых следует заметить, что в их работах отсутствует такая категория, как «этнос», он заменен «этничностью», что стало общепринятым в зарубежной этнологии. Объявив этнос объективно несуществующим, а этничность (этническое самосознание) – конструктором, изучаться стали идеологии, представления, создателями и носителями которых часто являются отдельные лица либо группы лиц. Вопрос о том, насколько они разделяются всеми членами данного сообщества, если и рассматривается, то в контексте государственных и общественно-политических коммуникаций. Учитывая возможности современных СМИ, успехи по внедрению таких конструкторов могут быть быстрыми, но это не дает ответа на вопросы – насколько долговременными, а также соответствуют ли они интересам социума.

Отказ от использования категории «этнос» в исследованиях зарубежных и частично отечественных ученых приводит к тому, что из сферы научных интересов выводится и изучение этнических процессов, постоянно и объективно трансформирующих все социальные общности, независимо от уровня их социально-экономического развития. Укрепление антропологического подхода с его принципами «надэтничности», «внеисторичности» мало помогает пониманию причин возрастания роли и значимости этниче-

ского фактора как во внутренней жизни государств, так и в международных отношениях. Предложенный К. Леви-Строссом принцип рассмотрения всего многообразия культур через модификации универсальных бинарных оппозиций [3] способствовал утверждению положения о единстве «человеческого разума на всех стадиях исторического развития» и получил широкое распространение в различных гуманитарных исследованиях. По мнению же известного отечественного этнографа С.А. Токарева, «хотя в сочинениях Леви-Стросса много интересных и свежих идей, его чисто формальный метод, игнорирующий конкретное содержание исследуемых явлений... едва ли может принести пользу науке» [4. С. 313]. Возможно, данная оценка является достаточно жесткой, но не критичность в использовании антропологического метода и его абсолютизация привели к трудностям в решении современных проблем, связанных с формированием в государствах Западной Европы азиатских и африканских диаспор и ростом неконтролируемых миграций. Игнорирование принципа историзма в изучении этих явлений не позволяет найти ответы на вопросы о причинах подобных процессов, их внутреннем содержании, а значит, ограничивает их прогностический потенциал.

Нужно иметь в виду, что каждая наука или ее отдельные направления формируются в конкретных исторических условиях как ответы на запросы общества. Утверждение антропологического подхода, со временем оттеснившего значимость этнологического с его стремлением к подчеркиванию культурного многообразия человечества, соответствовало состоянию большинства стран Западной Европы середины XX в. с их достаточно простым этническим составом, превалированием этнической однородности, устойчивостью понимания «нации» как гражданства, так как к Новому времени они оформились не только как централизованные государства, но, по преимуществу, и как моноэтнические [5. С. 300–301].

Однако в России, Китае, Индии и многих других странах наряду с титульными этносами проживают сотни народов, которые также являются коренными, а значит, попадают под действие 169 Конвенции МКТ ООН 1989 г., которая обязывает государства сохра-

нять и развивать этнические традиции всех народов [6. С. 52–54]. Таким образом, наблюдается определенное противоречие между господствующими тенденциями в современной науке и международным правом. Ведь если в рамках антропологического подхода акцент смещается на «общее» в культурных явлениях, а конструктивистский принцип направлен на изучение разнообразных конструктов, которыми в определенной степени являются и современные традиционные культуры, то что же следует «развивать» и «охранять»? «Придуманные», сконструированные кем-то традиции, и как определить – являются ли они «народными»?

Изучение элементов «новых», «возрожденческих», идеологий и практик происходит, как правило, вне изучения состояния этноса, определяемого направленностью и соотношением различных этнических процессов, трансформирующих его на каждом историческом отрезке времени, в конкретной социально-политической, экономической ситуации. Глубокие наработки отечественной этнологии и, прежде всего, исследования Ю.В. Бромлея по теории этноса и этнических процессов, остаются на периферии современного научного дискурса. Между тем не требует доказательств очевидное – хотя этническая карта планеты обновляется медленнее, чем политическая, первый процесс объективен и естествен. Образование государства может иметь искусственный, спонтанный, конъюнктурный характер, вследствие чего, перефразируя Э. Геллнера, можно сказать, что возникает ситуация, при которой границы этнические и политические не совпадают [1. С. 5], а также появляются «разделенные народы», и тогда начинаются постоянные территориальные конфликты, направленные на разрешение этого несоответствия.

Исторический опыт указывает на тесную связь и взаимообусловленность процессов этногенеза и политогенеза. Процесс этногенеза заканчивается преодолением внутренней этнокультурной мозаики и сложением консолидированного этноса, отражением чего является устойчивое этническое самосознание. Такой этнос стремится к политической форме своего бытия, т.е. к образованию «своего» государства. И даже гибель такого государства не сопровождается полной ассимиляцией его создателей, сохраняя этническое самосознание, они в благоприятных условиях воссоздают свою утраченную когда-то государственность, что и было сделано армянами, евреями, китайцами (ханьцами) и др. В ситуации, когда процессы государствообразования опережают этническую консолидацию, после гибели даже сильных государств и империй достаточно быстро ассимилируются и их творцы. Так называемые кочевые империи евразийских степей – гуннский союз, государство сяньби, Древнетюркские каганаты и т.д. – исчезли, а их создатели, растворившись, стали этническими субстратами более поздних народов.

В условиях глобализации и унификации культур не менее действенна противоположная тенденция – сохранение и даже возрождение полузабытых этнических традиций. Если бы последнее касалось каких-то

отдельных народов, то это можно было объяснить активностью ее элиты. Но этот процесс приобрел мировой характер, значит, в нем проявляется некая историческая закономерность. Думается, что стремление этноса в силу каких-то причин сохранить и даже воссоздать традицию делает запрос на появление соответствующих лиц, которые трансформируют ощущения, настроения, ожидания групп людей в конкретные идеологии и практики. В результате этносу может предлагаться множество вариантов «традиционной» культуры, но закрепится тот, который в наибольшей степени соотносится с представлениями данного коллектива о себе, т.е. он будет соответствовать элементам традиции, сохранившейся даже в слабом виде, но присущей большинству. Значение традиции не столько в том, что она связывает поколения с их прошлым, сколько в том, что она корректирует выбор будущего.

Если же традиция (традиционная культура) размыта, в силу каких-то причин дискредитирована, то в данном обществе возможно появление таких конструктов, которые могут быть направлены против жизнеспособности своего этноса. Ведь предложенный конструкт, подкрепленный пропагандой, непроверяем и не подвержен критическому анализу потому, что его не с чем сравнивать, так как традиция как отражение прежнего исторического опыта отсутствует. И он принимается в форме якобы «национальной» идеологии или «традиционного» праздника. Последствия же этого могут оказаться трагическими для самого народа.

Конкретная историческая ситуация влияет на соотношение этнических процессов, трансформирующих этнос. Одновременно у одних народов могут превалировать консолидационные процессы, у других – ассимиляционные. Однако, как показывают сибирские материалы, в одно и то же время этнос может испытывать действие прямо противоположных тенденций. Как следствие – одна часть этноса растворяется в иноэтнической среде, другая, наоборот, сосредоточиваясь на уменьшавшейся территории, быстро консолидируется. В этой связи показательна этническая ситуация, сложившаяся в Кизильской степной думе Енисейской губернии в XIX в. Там с 1837 по 1850-е гг. в крестьяне Ужурской и Балахтинской волостей Ачинского округа перешло 86 аборигенных семей. За период с 1830 по 1875 г. более тысячи аборигенов сменили свое инородческое сословие на крестьянское [7. С. 188–189], что означало столь высокую степень русификации, что русская крестьянская культура осмысливалась ими как собственная, а русское население Сибири впитало в себя еще один аборигенный компонент. Та же часть кизильцев, которая в меньшей степени подверглась русификации, наряду с другими тюркоязычными группами левобережья Енисея вошла в состав современных хакасов.

Превалирование консолидационных процессов, усиливающих межэтнические стяжки, неизбежно приводит к осознанию членами прежнего аморфного образования своего единства, своей «особости». Следствием этого становится стремление «отделиться» от соседнего, часто близкородственного населе-

ния, проявлением чего становится актуализация оппозиции свой – чужой.

Этот процесс наиболее яркое выражение нашел у алтайцев (алтай-кижи) начала XX в. Внешним проявлением окончания консолидационных процессов стали отказ от шаманизма и принятие «новой» религии – бурханизма, которая облекла в религиозную форму этническое самосознание или этничность нового этноса. В мае – июне 1904 г. левобережные районы Катунь были охвачены массовым движением местного населения, которое, резко изменив привычный образ жизни, собиралось в долине Теренг. Отказ от шаманских жертвоприношений, преследование шаманов и сожжение их бубнов сопровождалось переходом к монотеизму, бескровным кроплениям молоком и возжиганием арчына (вид можжевельника), распространением эсхатологических настроений. Согласно представлениям бурханистов ожидавшиеся наводнения, землетрясения как наказания за грехи могли нейтрализоваться молениями (мюргюль) о возвращении прежнего правителя Ойрот-хана, который должен был спасти «свой» народ [8. С. 185–186].

В результате действия различных факторов движение было подавлено, а его «зачинщики» арестованы. Спустя два года состоялся судебный процесс, итогом которого стало оправдание всех обвиняемых. Несмотря на разгром движения, изменившееся законодательство в годы первой русской революции, в том числе касавшееся вероисповедания в совокупности с действовавшими статьями «Устава об управлении инородцев» (1822 г.) о праве народов Сибири следовать своим религиям, способствовали распространению и укреплению бурханизма в горах центрального и западного Алтая. Под влиянием «новой веры» изменялись правила поведения ее последователей, появлялись новые ценности, частично изменилась семейная обрядность, вместо кровавых жертвоприношений стали проводиться бескровные обряды и ритуалы.

Особенность их распространения заключалась в том, что они не выходили за пределы бытования последователей бурханизма, который полностью сопрягался с территорией обитания алтай-кижи, т.е. с левобережьем Катунь. Усиленно перерабатывалось общеперенятское культурное наследие: многие религиозные атрибуты, прежде всего дошаманского происхождения, в бурханизме не только сохранялись, но и актуализировались. При этом им придавался новый смысл и они наделялись новыми функциями. Например, известная у многих народов лента (полоска ткани) как священный дар стала называться «кыйра», вместо общетюркского названия «жалама», нечетность в ритуалах заменилась четностью и т.д. [8. С. 208–209].

Современники тех событий и более поздние этнографические материалы свидетельствуют о возросшей религиозной нетерпимости последователей «новой веры» даже по отношению к близкородственному населению, что было следствием глубинных этнотрансформационных процессов. Достаточно унифицированная культура населения юга Горного Алтая, фактически одинаковый его родовой состав не спо-

собствовали четкому этническому размежеванию населения правого и левого берегов Катунь. Для того чтобы подчеркнуть свою культурную непохожесть, опираться на них было недостаточно. Собственно этническая граница алтай-кижи требовала подкрепления за счет дополнительного фактора. Им и стал бурханизм, который зримо отделил алтай-кижи от теленгитов, прежде всего в религиозном отношении, а затем, и вместе с тем, и в этническом. Еще недостаточно выраженная этническая оппозиция свой – чужой была усилена конфессиональным противостоянием.

Между тем, в рамках теории этноса Ю.В. Бромлея, возникновение бурханизма и подобных ему идеологических и культурных феноменов представляется закономерным этапом развития этноса. Результатом окончания процесса этногенеза является формирование достаточно устойчивого этнического самосознания, внешним выражением которого является новый этноним, отражающий единство нового этноса в противовес другим, уже существующим подобным образованиям. В данном случае неважно происхождение этнонима, главное заключается в том, что он должен соотноситься всеми членами данного этноса только с собой.

В русских документах первой половины XVIII в. территория левобережья Катунь обозначалась как «зенгорские Канские, Каракольские волости», население которых, как и западные монголы (ойраты, джунгары), часто именовалось калмыками, что отражало его политическую зависимость от Джунгарского ханства и подверженность его культурному влиянию. Этноним «калмыки» применительно к этой группе тюркоязычного населения сохранился в русских документах до начала XX в., т.е. спустя полтора столетия после гибели ханства. Несмотря на то что «Канские, Каракольские волости» часто упоминались вместе и представляли собой некую этнополитическую и культурную общность, видимо, внутри себя они четко различали друг друга.

В переписке с русскими властями в 1756 г., принимая российское подданство, зайсаны помимо названий подвластных им волостей указывали свою этническую принадлежность. Некоторые из них называли себя «теленгутами», а свои владения «телеуцкими». Из этого следует, что в середине XVIII в. в Горном Алтае этнонимы «теленгут» и «телеут» не только были распространены, будучи синонимами, но и широко использовались местной элитой, прежде всего, «Каракольской волости». Элита «Канской волости» иногда именовала себя «уранхаевы зайсанги». Этноним «уранхай», «урианхайцы» выходит далеко за пределы Горного Алтая – в степи западной Монголии, Туву. Таким образом, в местной тюркоязычной среде левобережья Катунь, т.е. этнической территории будущих алтай-кижи, бытовали разные этнонимы, что было связано со сложными этническими процессами как в древности, так и в более поздние периоды. Если этноним «теленгут» был автохтонным и восходил ко времени существования древнетюркских каганатов VI–VII вв. (в форме «долангэ»), то появление этнонима «урианхай» связано с миграцией части населения из Прибайкалья периода существования

империи Чингис-хана. Взаимодействие этих двух компонентов, а также частичная их ойратская аккумуляция привели к формированию теленгутурхайской общности середины XVIII в., которая внутри себя сохраняла признаки незавершенной консолидации, что и отражалось в одновременном бытовании двух разных этнонимов и наличии двух разнотипных волостей [9. С. 143–146].

Как уже отмечалось, в конце XIX – начале XX в. это население в русских документах по-прежнему назвалось «горными, дзунгарскими, бийскими, алтайскими калмыками», общее самоназвание отсутствовало, подменяясь родовой или административно-фискальной принадлежностью. Нахождение в составе России, с одной стороны, приводило к уменьшению этнической территории, вызванному русской крестьянской миграцией и развитием горно-рудного производства, что усиливало консолидационные процессы, стирая прежние культурные различия между «теленгутами» и «уранхаями». С другой стороны, минимальное вмешательство со стороны российской власти во внутренние дела способствовало сохранению джунгарского политического и культурного наследия и определяло этническое своеобразие населения левобережья Катунь. Результатом этих процессов и стало появление к началу XX в. нового этноса, который был не теленгутами, не уранхайцами, и который принял новый этноним – алтай-кижи (человек Алтая, алтаец).

Усиление крестьянской колонизации Горного Алтая, активная деятельность Алтайской духовной миссии, начало аграрно-административной реформы провоцировали стремление к сохранению своей культуры, а проповеди миссионеров реанимировали те представления, которые находились на периферии шаманского мировосприятия и были связаны с фрагментами проникавших ранее мировых религий – несторианства, манихейства, буддизма, особенного ламаизма джунгарского времени. Это были идеи монотеизма, представление о накоплении людьми грехов, ожидание конца света и прихода мессии. Именно они и «всплыли» в бурханизме, выделив и дополнительно конфессионально обособив его последователей среди шаманистов и православных. Однако эти сюжеты были переосмыслены в соответствии с этносоциальными запросами нового этноса: мессией стал Ойрот-хан – идеализированное воплощение могущества правителей Ойратского (Джунгарского) ханства, которое было в прошлом, но должно вернуться вместе с этим героем. Обращение к древности, основному способу легитимизации новации универсально и независимо от социально-экономического уровня общества.

Выбор именно образа Ойрот-хана как носителя новых ценностей не был случаен – этот персонаж присутствует в фольклоре всех народов Горного Алтая. Но если северные алтайцы – кумандинцы, тубалары, челканцы – воспринимали его как отрицательный, который ассоциировался с набегами и грабежами ойратов (джунгар), то для алтай-кижи, чьи этнические предки были частью Джунгарии, его имя воспринималось прямо противоположно – славное прошлое ханства осмысливалось как собственное «вели-

кое прошлое» [8. С. 203–205]. Таким образом, была решена важнейшая проблема – как из общеалтайского культурного наследия выбрать то, что подчеркивало бы собственную специфику. Выбранный образ хотя и был общим для населения Горного Алтая, но его символическое содержание у родственных народов было диаметрально противоположным. Произошла сознательная актуализация того, что близкими по культуре народами воспринималось неодинаково. Это отличие было гипертрофировано в виде появления особого «бурханистского» фольклора – легенд, молитв, благопожеланий (алкыш), в которых воспевались деяния Ойрот-хана. Выбирались такие символы прошлого, которые стали трактоваться «новым» этносом прямо противоположно своим аналогам в культурах родственных народов. В результате противостояние свой – чужой достигает пика, и между народами, чья культура наиболее близка, возникают наиболее острые и болезненные противоречия.

На завершающей стадии консолидации «молодой» этнос актуализирует те стороны культурного наследия, которые наиболее явственно отличают его от уже существующих и, прежде всего, родственных народов, наполняя новым этнопоказательным содержанием традиционные символы, образы, ритуалы. Внешне это принимает «взрывные» формы, так как сопровождается мощным эмоциональным подъемом. Итак, между окончанием консолидационных процессов и появлением новых идентичностей существует закономерная связь. Этническая консолидация приводит к появлению нового этноса, он стремится утвердиться среди уже существующих, обостряя противостояние свой – чужой, используя для этого модифицированную, но принимаемую членами данной группы традиционную культуру или то, что большинством понимается под ней. Возникает «новая» идеология, которая может принимать различные формы: этническую, культурную, религиозную, политическую. Это, безусловно, конструкт, как и любой идеологический феномен, но такой, появление которого исторически закономерно. Поэтому он «проверяется» исторической памятью, культурными стереотипами, всем предшествующим этническим опытом. В начальный период он может иметь множество различных вариантов, так как отдельные люди и элита будут использовать все разнообразие традиционной культуры, чтобы этнически обособить «свой» народ. Но со временем утвердился тот вариант модифицированной традиционной культуры, который будет соответствовать представлению большей части этноса о себе.

Что же касается алтайского бурханизма, то рассмотрение его в отрыве от этнической среды, вызвавшей его, оценка его как искусственного явления привели к политизации бурханистского движения и его последователей. С 1930-х гг. в отечественной историографии он трактовался как «буржуазное, националистическое, антирусское движение», спровоцированное «монгольскими ламами и японскими шпионами» [10. С. 348], т.е. он рассматривался как искусственный конструкт, специально придуманный и внесенный с политическими целями в алтайскую среду,

как негативное явление, подлежащее уничтожению, а его последователи – наказанию. В связи с этим важно отметить, что признание элементов модифицированной традиционной культуры конструктами, «изобретениями» отдельных лиц в неблагоприятных политических условиях может стать и становилось основанием для репрессий. Политизированная оценка бурханизма в советской историографии является ярким примером того, как рассмотрение идеологического, культурного явления без учета состояния этноса, его истории и тенденций развития, т.е. с конструктивистских позиций, стала серьезной проблемой не только для лидеров, утверждавших «новые» ценности, но и для многих алтай-кижи.

Этнические процессы, в том числе консолидационные, «отменить» невозможно. А это значит, что с

выходом на «историческую арену» каждого нового этноса будет актуализироваться и оппозиция свой – чужой как результат успешной консолидации и, следовательно, появляться новые идентичности; будет «перекраиваться» как этническая, так и политическая карта мира. Безусловно, национальная элита может использовать традиционную культуру и для решения собственных эгоистических целей, создавая аналогичные конструкты и пытаясь внедрить их в сознание своей этнической общности. Поэтому необходимо изучать этническое состояние социума, т.е. определять, какой вид этнических процессов превалирует в нем, чтобы понять, насколько та или иная «возрожденная», «традиционная» культура соответствует объективным запросам народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геллнер Э. Нации и национализм. М. : Прогресс, 1991. 319 с.
2. Барт Ф. Этнические группы и социальные границы. М. : Новое издательство, 2006. 328 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
4. Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М. : Наука, 1978. 352 с.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 411 с.
6. Конвенция 169 МКТ ООН // Статус малочисленных народов России. М. : Юрид. лит., 1994. С. 52–64.
7. Ярилов А.А. Кизильцы и их хозяйство. Юрьев, 1899. 366 с.
8. Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. 288 с.
9. Шерстова Л.И. Этнокультурные общности Горного Алтая в XVII–XVIII вв.: этническая идентичность в историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 395. С. 142–146.
10. Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М. ; Л. : АН СССР, 1953. 442 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 27 ноября 2015 г.

ETHNIC CONSOLIDATION VERSUS CONSTRUCTION: TRADITIONAL CULTURES GENESIS PROBLEM

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 176–180. DOI: 10.17223/15617793/402/24

Sherstova Lyudmila I. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sherstova58@mail.ru

Keywords: traditional culture; identity; ethnic consolidation; construction.

The problem of traditional culture preservation and resurrection is timely, scientifically and socially significant. Traditional culture, being one of the identity levels, is studied by foreign scientists within the frame of a constructivist approach. Some important conclusions have been made in this direction: one of them describes the artificial nature of ideological perceptions and cultural phenomena created by a certain person or national (political) elite. Rejecting the principle of historicism gives an additional opportunity to analyze the current situation, but does not have any prognostic potential. Studying an ideological phenomenon but not considering the ethnic condition of a social entity in which a construct is placed does not give information on its historical age. Meanwhile, taking as a basis some conceptual ideas of Russian ethnologists on the importance of ethnic consolidation (leading to creation of ethnic conscience, identity, and thus creating one's own culture), it is possible to state that this process on the whole leads to an active search for "new" identities of different levels, starting from ethnic to cultural and then to political ones. During this process, national (political) elite becomes an "executor" for this "order". To make society adopt a construct, it should fit not only the emotional state, but also be based on values and beliefs of that very society, in other words it should take a tradition as a foundation. If migration, acculturation, assimilation are prevailing among ethnic processes, then a tradition will also be smooth, discrete, and members of this society will not be able to relate it to their previous experience. In this case a full denial of such a tradition occurs, and for some time society may entrench itself to ideological constructs which will further its own destruction. The article describes the creation of a "new" traditional culture in Altai society using several Siberian sources. This process is presented as a result of their ethnic consolidation and an "answer" to the historical challenges of the 20th century.

REFERENCES

1. Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress.
2. Bart, F. (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy* [Ethnic groups and social boundaries]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
3. Levi-Strauss, C. (2001) *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow: EKSMO-Press.
4. Tokarev, S.A. (1978) *Istoriya zarubezhnoy etnografii* [The history of foreign ethnography]. Moscow: Nauka.
5. Bromley, Yu.V. (1983) *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka.
6. Kryazhkov, V.A. (ed.) (1994) *Konventsia 169 MKT OON* [Convention 169 of the UN ILC]. In: Kryazhkov, V.A. (ed.) *Status malochislennykh narodov Rossii* [Status of small peoples of Russia]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
7. Yarilov, A.A. (1899) *Kizil'tsy i ikh khozyaystvo* [The Kyzyls and their economy]. Yuriev: Tipografiya K. Mattisona.
8. Sherstova, L.I. (2010) *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: the origins of ethnicity and religion]. Tomsk: Tomsk State University.
9. Sherstova, L.I. (2015) Ethnocultural communities in Gorny Altai during the 17th-18th centuries: ethnic identity in historical context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 395. pp. 142–146. (In Russian).
10. Potapov, L.P. (1953) *Ocherki po istorii altaytsev* [Essays on the history of Altai people]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

Received: 27 November 2015

ПРАВО

УДК 347.4

А.В. Андриященко

ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ДОГОВОРОВ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Рассматривается роль организационных договоров в современном гражданском праве. К формированию организационных договоров приводит существование организационных потребностей общества. Организационные договоры являются индивидуальным регулятором организационных отношений; юридическим фактом, порождающим, изменяющим или прекращающим организационные правоотношения; определяющим фактором развития законодательства в области организации взаимодействия участников гражданского оборота.

Ключевые слова: организационный договор; организационные потребности; организационные отношения; индивидуальное-правовое регулирование; юридические факты.

Необходимость регулирования общественных отношений обусловлена различными потребностями общества. В частности, организационные отношения требуют своего урегулирования в силу существования организационных потребностей общества. Социология, как известно, определяет общество в качестве исторически развивающейся совокупности отношений между людьми, складывающихся в процессе совместной деятельности. Иными словами, сущность общества кроется не в людях самих по себе, а в тех отношениях, в которые они вступают друг с другом в процессе своей жизнедеятельности. Различные виды отношений между людьми (общественные отношения) удовлетворяют те или иные их потребности. Одной из таких потребностей является потребность в организации, определяемая в науке как объективно существующая необходимость (нужда) в потреблении организационных благ в целях создания условий для нормальной жизнедеятельности человека [1. С. 19].

Организационное благо, или организованность, имеет ключевое значение для развития общества в целом, поскольку смысл создания и развития любого общества состоит в координации деятельности её членов, обеспечения их взаимодействия между собой для получения лучшего результата нежели тот, который может быть достигнут индивидами по отдельности.

Говоря об организации, следует сказать, что этот термин не всегда трактуется одинаково. Известный интерес представляет соотношение организации с управлением. Так, Ю. Харитонова полагает, что управление есть более широкое понятие, чем организация, которая, являясь частью управления, представляет собой лишь формирование предпосылок для создания возможности проводить управление в целом [2. С. 154]. Нам представляется, что организация и управление соотносятся иначе. Оба понятия включают в себя упорядочивающую деятельность субъектов. Однако управление подразумевает такую деятельность субъектов, в которой властвующий субъект (субъекты) упорядочивает деятельность другого субъекта (субъектов). Управленческая деятельность включает в себя организацию как один из этапов управления наряду с планированием и контролем. Но сущность организации не исчерпывается только лишь

управленческой деятельностью, поскольку организация может проявляться и в координационной деятельности, в которой субъекты взаимно согласуют свое поведение, и в самоорганизации субъектов.

Организационные потребности в той или иной степени возникают во всех сферах жизнедеятельности. Наибольшее значение они имеют в экономике, торговле, политике, военной деятельности, социальной сфере. В меньшей степени это касается религии, искусства, т.е. духовной сферы общества. В данной статье речь пойдет об организационных потребностях общества в сфере гражданского оборота, который, в свою очередь, является юридическим отражением экономического оборота.

Формирование организационных потребностей у субъектов гражданского оборота представляется закономерным и понятным. Гражданский оборот представляет собой динамичный процесс взаимодействия субъектов по поводу перехода материальных благ. Организация таких отношений в какой-то мере обеспечивается существованием гражданско-правовых норм, определяющих обязательные правила, которым должны следовать участники гражданско-правовых сделок. Организационные отношения, входящие в предмет гражданского права, регулируются им. Нормы гражданского права регулируют организационные отношения, которые приобретают в силу этого статус организационных правоотношений. Гражданское право, выступая нормативно-правовым регулятором организационных отношений, не всегда способно должным образом удовлетворить необходимость правового регулирования организационных отношений. В гражданском обороте нередко возникают ситуации и складываются такие отношения между субъектами, в которых требуется более гибкое регулирование организационных отношений самими участниками этих отношений. С помощью договора стороны могут регулировать отношения, не урегулированные законом, или даже в допустимых пределах адаптировать к своим потребностям законодательное регулирование [3. С. 102]. Кроме того, недостаточное регулирование организационных отношений на уровне гражданского законодательства приводит к тому, что без индивидуальных инструментов регулирования организацион-

ных отношений не обойтись. Таким инструментом в гражданском праве выступают организационные сделки, в частности организационные договоры.

Итак, можно вести речь о двух разновидностях правового регулирования организационных отношений – нормативно-правовом (общенормативном) и договорном (индивидуальном). Нормативно-правовое регулирование находит свое отражение в нормах гражданского законодательства, а также подзаконных нормативных актах, которыми регулируются организационные отношения. Договорное регулирование организационных отношений выражается в условиях организационных договоров.

Договорное регулирование по своему воздействию на рыночные отношения является более широким, нежели законодательное, поскольку последнее по своему воздействию способно лишь упорядочивать, а не организовывать, формировать [4. С. 113]. Нормы договорного права, в большинстве своем носящие диспозитивный характер, закрепляют границы допустимого поведения, определяют основу, базу будущих отношений сторон, в то время как условия договора позволяют учесть конкретную ситуацию и согласованные требования сторон к будущей сделке.

Однако нельзя сказать, что какой-либо из двух компонентов регулирования организационных отношений (договорный или общенормативный) имеет более важное значение. Договорное регулирование может осуществляться только во взаимодействии с регулированием общенормативным. Общие нормы договорного права устанавливают правовой режим организационных договоров (порядок заключения, изменения, расторжения). Содержание организационного правоотношения, вытекающего из организационного договора, обуславливается условиями этого договора и нормами договорного права. Речь идет, в-первых, о тех условиях договора, которые императивно закреплены законом для конкретного вида договора и не могут быть исключены или изменены сторонами договора. Во-вторых, в содержание организационного договора будут входить и диспозитивно установленные законом условия, если они не исключены или не изменены самим договором. В обоих случаях указанные установленные законом условия будут входить в содержание организационного договора независимо от того, закреплены ли они в самом договоре или нет. Таким образом, нормы договорного права (как императивные, так и диспозитивные) определяют содержание организационного правоотношения непосредственно, не трансформируясь в договорные условия.

Организационные договоры позволяют сторонам изменять диспозитивные установления закона, а также совместно вырабатывать иные, приемлемые для сторон условия договора. Помимо роли индивидуального регулятора организационных отношений, организационные договоры являются наиболее распространенным основанием возникновения организационных правоотношений, т.е. организационные договоры выступают тем юридическим фактом, с которым

закон связывает возникновение организационных гражданских правоотношений. Кроме того, организационный договор может приводить не только к возникновению новых организационных правоотношений, но и к изменению уже существующих, а также к их прекращению. Следовательно, организационный договор обеспечивает динамику организационных правоотношений в целом. Кроме этого, нельзя забывать и о роли имущественных договоров в регулировании организационных отношений. Нередко имущественные договоры содержат в себе организационные элементы, направленные на координацию действий сторон, и, соответственно, в определенной степени регулируют организационные отношения.

Роль организационного договора по отношению к организационным отношениям и правоотношениям не исчерпывается ролью индивидуально-правового регулятора и юридического факта – основания. В гражданском законодательстве пока не нашли своего отражения многие вопросы, касающиеся организационных отношений (такие как понятие и предмет организационного договора, его особенности, вопросы, касающиеся отдельных видов организационных договоров и др.). Между тем фактическое существование организационных отношений, их важность, а соответственно, и необходимость в упорядочении приводят к тому, что решающее место в регулировании организационных отношений занимает юридическая договорная практика. Именно организационные договоры становятся тем сосудом, который участники гражданского оборота, вырабатывая взаимно согласованные организационные условия этих договоров, наполняют содержанием. Это содержание, будучи обязательным для исполнения сторонами, и задает дальнейшие тенденции развития организационных отношений. Эти тенденции реализуются не только в практической сфере деятельности участников гражданского оборота, но во многом определяют и будущее нормативно-правовое регулирование организационных отношений. Так, в настоящее время легализованы два организационных договора – рамочный (ст. 429.1 ГК) и опционный (ст. 429.2 ГК), что является следствием увеличения числа заключаемых договоров такого рода и, следовательно, возросшей необходимости в законодательном закреплении этих организационных договоров. Существо и содержание указанных нововведений во многом обусловлены складывающейся деловой и судебной практикой [5]. Поэтому можно утверждать, что организационные договоры, их содержание во многом закладывают фундамент будущих гражданско-правовых норм, регулирующих организационные отношения.

Итак, организационные договоры выступают, в-первых, индивидуальным регулятором организационных отношений; во-вторых, юридическим фактом, порождающим, изменяющим или прекращающим организационные правоотношения; в-третьих, определяющим фактором развития законодательства в области организации взаимодействия участников гражданского оборота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 51 с.
2. Харитонов Ю. Организационные элементы управления в гражданском праве // Право и жизнь. 2012. № 167 (5). С. 152–164.
3. Казанцев М.Ф. Гражданско-правовое договорное регулирование: Исходные положения концепции // Правоведение. 2003. № 2. С. 90–102.
4. Шевченко Л.И. Об экономической и социальной ценности гражданско-правового договора в условиях рыночной экономики // Цивилистические исследования. Вып. первый : сб. науч. тр. пам. проф. И.В. Федорова / под ред. Б.Л. Хаскельберга, Д.О. Тузова. М. : Статут, 2004. С. 111–122.
5. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2009 № 09АП-9342/2009-АК по делу № А40-40998/09-96-166, от 25.06.2009 № 09АП-9302/2009-АК по делу № А40-40951/09-149-230, от 25.06.2009 № 09АП-9963/2009-АК по делу № А40-40993/09-79-243; постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.12.2008 по делу № А05-8872/2008 // СПС Гарант.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 декабря 2015 г.

THE VALUE OF ORGANIZATIONAL CONTRACTS IN THE CIVIL LAW SYSTEM

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 181–183. DOI: 10.17223/15617793/402/25

Andryushchenko Angelina V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: alkariz@mail.ru

Keywords: institutional agreement; organizational needs; organizational relations; individual legal regulation; legal facts.

Organizational relations must be regulated because of the existence of organizational needs of society. Organization has a principal value for the development of society as a whole, because the meaning of creation and development of any society is coordinating the activities of its members, ensuring their interaction with each other to produce a better result than the one that can be achieved by individuals. Organizational needs are defined in modern science as objectively existing needs in the consumption of organizational wealth in order to create conditions for normal life of individuals. The essence of organization is not limited to only administrative activities because organization can also manifest itself in the coordination activities and self-organizing entities. Organization of material relations is ensured to some extent by the existence of civil law rules determining mandatory rules to be followed by the participants of civil transactions. Organizational relations are included in the civil law subject and regulated by it. Civil law regulates organizational relations which acquire the status of organizational legal relations. Civil law, acting as regulatory control of organizational relations, is not always able to adequately meet the need for legal regulation of organizational relations. In the public circulation there are situations and relations between subjects which require a more flexible (individual) regulation of organizational relations by the participants of these relations. The parties may regulate relations which are not regulated by law through contracts or may even adapt a legislative regulation to their needs. Existence of organizational needs of society leads to the formation of organizational contracts. The author examines the modern significance of organizational contracts in civil law. Firstly, organizational contracts are individual organizational control of organizational relations. Secondly, organizational contracts are one of the most common legal facts which give rise to, modify or discontinue organizational relations. In this sense, organizational contracts, along with material contracts, provide the dynamics of organizational relations in general. Thirdly, one can speak about organizational contracts as a development factor of legislation in the field of interaction of participants of civil turnover, because they lay the foundation for future civil law rules governing organizational relations. In this way, organizational contracts have a multidimensional value in the modern civil law system.

REFERENCES

1. Morozov, S.Yu. (2011) *Sistema transportnykh organizatsionnykh dogovorov* [The system of transport organizational contracts]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
2. Kharitonova, Yu. (2012) *Organizatsionnye elementy upravleniya v grazhdanskom prave* [Organizational controls in civil law]. *Pravo i zhizn' – Law and Life*. 167 (5). pp. 152–164.
3. Kazantsev, M.F. (2003) *Grazhdansko-pravovoe dogovornoe regulirovanie: Iskhodnye polozheniya kontseptsii* [Civil-law regulation of the contract: The initial positions of the concept]. *Pravovedenie*. 2. pp. 90–102.
4. Shevchenko, L.I. (2004) *Ob ekonomicheskoy i sotsial'noy tsennosti grazhdansko-pravovogo dogovora v usloviyakh rynochnoy ekonomiki* [On the economic and social value of a civil contract in a market economy]. In: Khaskel'berg, B.L. & Tuzov, D.O. (eds) *Tsivilisticheskie issledovaniya* [Civil research]. V. 1. Moscow: Statut.
5. Garant. (2009) *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 22.06.2009 № 09AP-9342/2009-AK po delu № A40-40998/09-96-166, ot 25.06.2009 № 09AP-9302/2009-AK po delu № A40-40951/09-149-230, ot 25.06.2009 № 09AP-9963/2009-AK po delu № A40-40993/09-79-243; postanovlenie Chetyrnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 23.12.2008 po delu № A05-8872/2008* [Resolution of the Ninth Arbitration Appeals Court of 22.06.2009 No. 09AP-9342/2009-AK on case A40-40998 / 09-96-166, of 25.06.2009 No. 09AP-9302/2009-AK on case A40-40951 / 09-149-230, of 25.06.2009 No. 09AP-9963/2009-AK on case A40-40993 / 09-79-243; Resolution of the Fourteenth Appellate Court dated 23.12.2008 on case A05-8872 / 2008].

Received: 22 December 2015

ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анализируются закономерности трансформации общественных отношений в конституционно-правовые. Исследовательский акцент сделан на анализе места личности в системе конституционных правовых отношений. Исходной идеей для анализа выступает положение о том, что «высшей ценностью», согласно Конституции РФ, является не государство, не обезличенный его народ, а конкретный человек и его правовая ипостась. Основной задачей является обоснование необходимости всестороннего изучения личности в конституционном праве, актуальность которого будет лишь возрастать.

Ключевые слова: общественные отношения; правовые отношения; правовой статус личности; конституционное судопроизводство; личность в конституционном праве России.

Жизнь каждого человека, как и всех людей в целом, протекает в тех или иных отношениях с другими людьми, т.е. в общественных отношениях. Даже в тех случаях, когда человек вступает в отношения не с другим конкретным человеком, а с тем или иным органом власти или организованным сообществом граждан – общественной организацией, – в конечном счете он вступает в те или иные отношения с другим человеком.

Отличительными свойствами общественных отношений являются их общераспространенность и повторяемость.

Общепризнанным считается, что та часть, спектр общественных отношений, которые урегулированы нормами права, называется правоотношениями [1. С. 90; 2. С. 366]. Следует также заметить, что право не может регулировать в буквальном смысле все отношения между людьми. Межличностные отношения в быту, отношения соседства, дружбы, интимные отношения между супругами – далеко не полный перечень тех отношений между людьми, которые не регулируются правом, но вместе с тем играют немаловажную роль в жизни каждого человека.

Нельзя не отметить также, что всякий человек, только что народившийся, с первого момента своего появления попадает в систему уже сложившихся до него и урегулированных правом отношений.

В любом случае, всякое правоотношение является результатом сознательной деятельности людей. В основе всякого правоотношения лежит, таким образом, сознательная деятельность людей, человека. Это первый момент, на котором следует сфокусировать наше внимание.

Общественное отношение, становясь правоотношением, приобретает при этом ряд новых свойств. Поскольку правоотношения – это отношения, устанавливаемые государством, они не только составляют содержание тех или иных правовых норм, но и получают свойство обязательности их исполнения. Государство изначально закладывает в нормы права и вытекающие из них правоотношения возможность их принудительного исполнения, ибо общеизвестно, что норма права без возможности принудительного ее исполнения собственно уже и не норма права. Это будет благонамеренное пожелание, рекомендация, совет, но не норма права.

Еще одним отличительным признаком правоотношений является то, что, регулируя отношения меж-

ду людьми, они регулируют, как правило, отношения общественно-желаемые, общественно-одобряемые. При этом, правда, не исключаются и действия общественно-порицаемые, действия, нарушающие предписания правовых норм – правонарушения, а в своей крайней форме и преступления.

Но и правопослушное поведение, и правонарушающее поведение – это результаты поведения конкретных личностей, их волевое мотивированное поведение, а поскольку это так, то во всяком поведенческом акте, урегулированном правовой нормой, следует различать сами действия и их результаты – последствия действий и личность субъекта, который совершил эти действия. Действительно же, все действия совершаются человеком, личностью. Это второй момент, на котором следует акцентировать наше внимание.

Традиционно в конституционном праве отмечается многообразие субъектов конституционно-правовых отношений и их правового статуса. В перечень субъектов конституционных правоотношений включаются такие социальные общности, как народ, нация, народность, национальные меньшинства, само государство и его субъекты, органы государственной власти всех уровней, органы местного самоуправления и где-то там, в самом низу – социальные индивиды – граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства [3. С. 118].

Конечно, заманчиво и убедительно начать рассмотрение вопроса о субъектах отношений в конституционном праве с самого народа. Так, Н.В. Витрук в своем учебнике «Конституционное право Российской Федерации» (2010) традиционно заявляет, что «главным субъектом конституционно-правовых отношений является народ» [4. С. 309]. Трудновато спорить с подобным утверждением, да и надо ли спорить? И тем не менее представляется, что в свете ряда положений нынешней Конституции Российской Федерации акценты в перечне субъектов конституционно-правовых отношений могут и должны быть изменены.

Позволю себе указать на положение ст. 2 нашей Конституции о том, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Здесь речь идет одновременно как бы о двух субъектах: о человеке как таковом и о его правах и свободах. По моему мнению, права и свободы человека не есть весь человек. Это лишь правовая сторона личности человека, сам же человек многомерен и многосторонен. Человек – это прежде всего биологическое или, точнее,

биосоциальное существо со своей индивидуальной разумно-психологической структурой и, наконец, со своим правовым статусом. Таким образом, «высшей ценностью» Конституция РФ провозглашает не государство, не обезличенный его народ, а конкретного человека и его правовую ипостась.

Названное положение ст. 2 Конституции РФ разбивается и конкретизируется в ее ст. 18, где утверждается, что права и свободы человека и гражданина определяют «смысл, содержание и применение законов», саму деятельность (т.е. практику работы) законодательной и исполнительной власти, и все это должно обеспечиваться правосудием. В свете сказанного, для государства как субъекта конституционных правоотношений места почти не остается, если при этом не считать, что деятельность законодательной и исполнительной властей есть важнейшие атрибуты государства, но подчинены-то они должны быть охране и защите прав и свобод человека и гражданина, а не каким-то иным собственным целям и задачам государства.

В этой связи нельзя не поддержать оппонента Н.В. Витрука в этом вопросе, М.В. Баглая, когда он утверждает прямо противоположное: «Главным субъектом конституционных правоотношений является человек, как в статусе гражданина, так и без него» [5. С. 24].

Следует признать, что в свете процитированных выше положений ст. 2 и 18 Конституции РФ о роли, месте и значимости личности в нашей Конституции, более созвучным этому будет являться утверждение М.В. Баглая, нежели Н.В. Витрука. Но главное, конечно, не в этих высказываниях обоих уважаемых авторов, а в том, что личность как субъект конституционно-правовых отношений, по моему твердому убеждению, нуждается не в бесконечных отвлеченных, порой даже схоластического характера рассуждениях о ее правах и свободах, а в действительном внимании к ней, в учете ее конкретных свойств и качеств при реализации прав и свобод, нуждается в первую очередь в более полном и всестороннем изучении самой этой личности при защите ее прав и свобод.

В конституционном праве человек и гражданин как основные индивидуальные субъекты права находятся в правоотношениях и являются субъектами, приобретающими права и обязанности, вытекающие из конституционных установлений.

Можно также заметить, что если то или иное свойство (признак) личности человека и гражданина является обязательным обстоятельством того или иного конституционного установления и оно присутствует, зафиксировано в виде документа или его соответствующим образом удостоверенной копии и не вызывает сомнений в его подлинности, то данный факт можно считать установленным и по этому поводу не возникает каких-либо вопросов. Иная ситуация складывается в тех случаях, когда данное обстоятельство вызывает сомнение в его подлинности, и тогда по этому поводу возникает спор, который может стать предметом разбирательства в суде. В последнем случае потребуются представление соответствующих доказательств и проведение иных процессуальных действий.

Описанная ситуация может быть представлена и в ином виде. В случае добросовестного и полного исполнения прав и обязанностей, вытекающих из того или иного конституционного установления, какого-либо конфликта между личностью и государством не возникает. Гражданин и государство ведут себя взаимно добропорядочно, законопослушно. Нет конфликта – и у гражданина не возникает необходимости в отстаивании своего права, не возникает и необходимости в изучении и учете его личностных свойств и качеств. Подобного рода картина наблюдается в абсолютном большинстве случаев.

Но как только случается нарушение прав того или иного человека и возникает спор по поводу ненадлежащего исполнения его права, возникает необходимость в установлении всех обстоятельств дела, в том числе и личности субъекта, потерпевшего от данного правонарушения. Гражданин, права и свободы которого нарушены, вполне обоснованно может быть назван потерпевшим, и из этого вытекает необходимость в установлении всех обстоятельств каждого конкретного случая нарушения его прав и проявившихся при этом его личностных свойств и качеств.

Почему этого не происходит в должной мере в настоящее время? Представляется, что это имеет место в силу двух причин: короткого времени существования у нас такого особого вида судопроизводства, как конституционное судопроизводство, и ввиду отсутствия у нашего судейского корпуса судов общей юрисдикции обычая, практики применять напрямую нормы Конституции РФ, хотя сама Конституция РФ предписывает ее прямое действие (ч. 1 ст. 15).

Между тем в ряде статей Конституции РФ называются те или иные сведения (или обстоятельства) личностного характера, которые непременно должны быть установлены как необходимые и обязательные элементы состава данного юридического факта. В случае неустановления такого элемента состава (или его отсутствия) налицо будет правонарушение, влекущее конституционно-правовые последствия. Так, одним из наиболее распространенных и наиболее часто упоминаемых в тексте отдельных статей Конституции РФ является такой относительно понятный и достаточно просто устанавливаемый признак личности всякого человека, как его возраст. Вместе с тем конкретно определенный и достоверно установленный возраст является весьма существенным признаком личности всякого человека. Это подтверждается, в частности, тем, что фиксации возраста посвящена специальная, отдельная статья нашего Основного закона – ст. 60, в которой утверждается, что гражданин Российской Федерации может самостоятельно и в полном объеме осуществлять свои права и обязанности с 18 лет. Говоря другими словами, только при достижении 18-летнего возраста гражданин Российской Федерации становится полноправным гражданином и из категории несовершеннолетнего подростка переходит в категорию взрослого человека, что весьма немаловажно при разрешении разного рода конкретных ситуаций, в том числе и правового характера, на уровне самой Конституции РФ. Так, согласно ч. 3 ст.

38 Конституции РФ, именно достижение 18-летнего возраста и трудоспособное состояние детей является основанием их обязанности заботиться о нетрудоспособных родителях. Так что в случае возникновения ситуации отказа детей от выполнения названной конституционной обязанности, при рассмотрении ее в суде возникнет необходимость в доказательственном установлении соответствующего возраста детей и их трудоспособного состояния.

В дальнейшем тексте Конституции РФ законодатель еще несколько раз называет определенный возраст как непереносимое и обязательное условие (требование) для занятия той или иной конституционно значимой должности: возраст кандидата на пост Президента РФ (ст. 80), возраст для назначения судьей (ст. 119), возраст, необходимый для избрания депутатом Государственной Думы ФС РФ (ст. 97). В названных трех случаях помимо возраста, разного применительно к каждой названной фигуре, называются еще и другие сведения, характеризующие личность данного субъекта. Так, во всех трех случаях требуется, чтобы соответствующее лицо являлось гражданином Российской Федерации, а кандидат на пост Президента РФ кроме этого должен проживать в нашей стране постоянно последние 10 лет, кандидат в депутаты Государственной Думы ФС РФ – иметь право участвовать в выборах, а кандидат в судьи, помимо прочего, должен иметь высшее юридическое образование и не менее 5 лет стажа работы по юридической профессии.

Как видно, в каждом случае требуется информация разного рода, но каждое из названных сведений характеризует то или иное качество личности соответствующего субъекта и оно непременно должно быть установлено.

Наиболее часто и в достаточно обширном виде указания на те или иные свойства и признаки личности содержатся в статьях главы второй Конституции РФ, посвященной, как известно, конкретным правам и свободам человека и гражданина. В наибольшей мере это относится к статьям с 19-й по 44-ю Конституции РФ, где называются как весьма обобщенные понятия свойств личности (достоинство личности (ст. 21), защита чести и доброго имени (ст. 23), способность к труду, выбор рода деятельности и профессии (ст. 37), свобода совести и вероисповедания (ст. 28)), так и конкретно-определенные свойства личности: национальная принадлежность, родной язык, возраст, здоровье и др. Наиболее полный перечень конкретных признаков личности называется при этом в ст. 19 Конституции РФ, посвященной гарантиям равенства прав и свобод личности в нашем государстве, он насчитывает 10 позиций и, тем не менее, заканчивает-

ся указанием на возможность устанавливать и другие обстоятельства.

Сказанное приводит к выводу, что личность как субъект конституционно-правовых отношений нуждается в действительном внимании к ней, в учете ее конкретных свойств и качеств при реализации этих самых прав и свобод. Вместе с тем на сегодняшний день ситуация такова, что сказанное в большей мере проявляется не в конституционных правоотношениях, а в отраслевых правовых отношениях личности, в частности в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях, где сведения о личности имеют порой ключевое значение при решении того или иного правового вопроса: при предъявлении обвинения и избрании меры пресечения, при квалификации отдельных составов преступлений, при назначении меры наказания и т.д.

Но и в конституционном праве, в связи с изменением общего отношения к личности, человек приобретает все большую независимость, автономию, становится менее зависим от государства. Он получил право на неприкосновенность личности и личную тайну, его достоинство охраняется государством и т.п.

Одновременно автономность личности предъявляет к ней определенные требования, человек должен обладать еще и способностью самостоятельно принимать решения, реализуя в этом свою волю. Всякое же волевое решение может быть принято на основе и с учетом интеллектуальных и психологических свойств и качеств личности.

Поэтому личность, становясь субъектом правоотношений, должна обладать рядом свойств и качеств, наличие которых является непереносимым основанием и условием реализации ею своих прав и обязанностей, а также тех свойств и качеств, которые оказываются задействованными в процессе реализации того или иного правоотношения.

Способность вступать в правоотношения, приобретать права и обязанности есть социальное свойство личности, а в нашем случае – юридическое правовое свойство. Но личность может реализовывать это свое свойство, имея уже определенные биологические качества, например возраст. Причем одно и то же биологическое свойство личности имеет различную юридическую значимость в разного рода правоотношениях.

Возможно, высказанные в данной статье аргументы покажутся недостаточно убедительными для обоснования необходимости всестороннего изучения личности в конституционном праве, но то, что здесь есть проблема и со временем актуальность ее будет лишь возрастать, для автора представляется бесспорным и заслуживающим дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спиридонов Л.И. Теория права и государства. СПб. : Университет, 2004.
2. Проблемы общей теории права и государства : учебник для юрид. вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М. : Норма-ИНФРА-М, 1999.
3. Лучин В.О. Конституционные нормы и правоотношения. М. : Закон и право ; ЮНИТИ, 1997.
4. Витрук Н.В. Конституционное право Российской Федерации. М. : Норма, 2009.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. 8-е изд. М. : Норма, 2009.

Статья представлена научной редакцией «Право» 19 января 2016 г.

A PERSON AS A SUBJECT OF CONSTITUTIONAL-LEGAL RELATIONS

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 184–187. DOI: 10.17223/15617793/402/26

Vedernikov Nikolay T. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Keywords: public relations; legal relations; legal status of person; constitutional proceedings; person in the constitutional law of Russia.

Every human life takes place in certain relationships with other people, that is in public relations. Even in cases where a person stands in no relation to another particular person, but with a particular authority or an organized community of citizens, a public organization, s/he ultimately comes in a certain relationship with another person. Distinctive features of social relations are commonness and repeatability. It is generally accepted that the part of the spectrum of social relations regulated by the law is called legal relations. The law cannot regulate all relations between people in the literal sense. Interpersonal relations in everyday life, neighbor relations, friendship, intimate relations between a husband and a wife: this is not a complete list of relations between people that are not governed by the law, but at the same time play an important role in everyone's life. Every person since his/her birth enters the system of already established and settled legal relations. In any case, any legal relations are the result of conscious human activity. At the heart of every relationship is a conscious activity of people. This is the first point the author focuses his attention on. Public relations becoming legal ones acquire a number of new properties. Since legal relations are those established by the state, they are not only the content of certain legal norms, but they also receive a mandatory property of their execution. The government initially lays a possibility of legal enforcement in the rule of law and the resulting legal relations, because it is common knowledge that the rule of law without the possibility of its forced execution is actually no longer the rule of law: it is a well-intentioned wish, recommendation, advice, but not the rule of law. Another feature of legal relations is that by regulating relations between people they generally govern relations that are socially desirable and approved. At the same time, however, socially censured actions, actions that violate the requirements of legal norms: offenses and, in their extreme form, crimes, are not excluded. Still, law-abiding and infringing behavior is a result of the behavior of specific individuals, their intentional motivated behavior. Thus, any behavioral act regulated by a legal norm should distinguish actions themselves and their results: the impact of actions and the personality of the subject who committed these actions. Indeed, all actions are committed by a person. This is the second point the author focuses his attention on.

REFERENCES

1. Spiridonov, L.I. (2004) *Teoriya prava i gosudarstva* [Theory of Law and State]. St. Petersburg: Universitet.
2. Nersesyanets, V.S. (ed.) (1999) *Problemy obshchey teorii prava i gosudarstva* [Problems of the general theory of law and state]. Moscow: Norma-INFRA-M.
3. Luchin, V.O. (1997) *Konstitutsionnye normy i pravootnosheniya* [The constitutional norms and legal relations]. Moscow: Zakon i pravo; Izdatel'skoe ob'edinenie YuNITI.
4. Vitruk, N.V. (2009) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [The constitutional law of the Russian Federation]. Moscow: Norma.
5. Baglay, M.V. (2009) *Konstitutsionnoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [The constitutional law of the Russian Federation]. 8th ed. Moscow: Norma.

Received: 19 January 2016

ВСЕОБЩАЯ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ГРАЖДАН КАК ЭЛЕМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена вопросам совершенствования и практики применения государственной дактилоскопической регистрации как фактора общей превенции и как элемента реализации криминалистического предупреждения преступлений. Основной идеей выступает положение о необходимости введения всеобщей дактилоскопической регистрации, что неизменно скажется на уровне раскрываемости преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая регистрация; дактилоскопия; информация; преступление.

Очевидным и устоявшимся является то, что информационный фактор играет известную роль в процессе расследования преступлений [1. С. 17], который, по справедливому замечанию Ф.Г. Аминева, «проявляется в объективных процессах рассеивания информации о преступном событии или ее перекодировке, в результате которой она может оказаться недоступной для исследования. Одной из эффективных форм предотвращения рассеивания криминалистически значимой информации является криминалистическая регистрация» [2. С. 48]. Наиболее детальное и предметное исследование вопросов криминалистической регистрации провел С.А. Ялышев, определив, что криминалистическая регистрация – это основанная на применении закономерностей существования, функционирования и практического использования криминалистически значимой информации о механизме преступления и его составляющих элементов система научных положений и выводов, а также соответствующих им технических средств, методов и практической деятельности оперирования информацией, применяемых в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [3. С. 27]. Кроме того, уделено должное внимание криминалистической регистрации и А.С. Князьковым [4].

Общеизвестно, что в системе криминалистической регистрации ведется учет трех групп объектов: лица, предметы, преступления. Самым распространенным регистрационным признаком людей являются отпечатки пальцев рук, которые формируют дактилоскопический учет.

В настоящее время, учитывая уровень развития общественных отношений, научно-техническое обеспечение деятельности правоохранительных органов и органов государственной власти и уровень преступности, вопросы совершенствования дактилоскопической регистрации являются более чем актуальными. Все криминалистические учеты, в том числе дактилоскопический, как средство борьбы с преступностью является особой информационной системой всех правоохранительных органов, состоящей из регистрации, сосредоточения и систематизации сведений, имеющих уголовно-правовое и розыскное значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений [5. С. 191]. И вполне справедливо отмечено А.С. Самищенко, что методы дактилоскопии, оставаясь в ряду наиболее эффективных методов установле-

ния личности человека, требует своего дальнейшего развития и совершенствования [6. С. 3]. Кроме того, ежегодно на самом высшем уровне поднимается вопрос о совершенствовании работы по раскрытию и расследованию преступлений как одного из приоритетных направлений реформирования правоохранительной системы [7].

Вопросы совершенствования и практика применения государственной дактилоскопической регистрации, практически с принятием федерального закона активно обсуждаются как среди правоприменителей, так и в научном кругу. Достаточно аргументированно, на наш взгляд, обосновала вопросы совершенствования дактилоскопической регистрации, в том числе всеобщей дактилоскопической регистрации населения Российской Федерации, еще в 2011 г. И.А. Цховребова [8]. Ее аргументы вполне жизненны и практико-ориентированы. Полностью поддерживаем данную точку зрения, что именно «в быту» мы ощутим плюсы такой регистрации, так как в житейских ситуациях быстро и надежно можно будет удостоверить личность гражданина, в том числе и в условиях чрезвычайных происшествий, ну и, конечно же, это в полной мере будет способствовать снижению количества нераскрытых преступлений в случаях, когда с места происшествия изъяты следы рук, как, впрочем, и в целом скажется на раскрываемости. Позволим напомнить, что только за 2014 г. в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, остались нераскрытыми 925,3 тыс. преступлений, в 2015 г. тенденция продолжает быть отрицательной: так, за 10 месяцев остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, 766,2 тыс. преступлений (+4,7% относительно показателей 2014 г. за аналогичный период) [9].

В современных условиях необходима была точная, эффективная, единая система регистрации, такая система, которая могла бы разрешить проблему установления личности и обеспечить надлежащую борьбу с преступностью. Прежде всего, речь идет о всеобщей обязательной дактилоскопической регистрации, которая, вполне очевидно, будет иметь как розыскное, так и превентивное значение. В известной степени следует утверждать, что криминалистический учет в настоящее время выходит за традиционное и устаревшее понимание уголовной регистрации и поэтому ни в

кчем мере не ведет к тотальному контролю со стороны государства. Именно последнее и влияет на мнение всего общества, которое недооценивает значение дактилоскопической регистрации и относиться к ее использованию не просто скептически [8. С. 188], а именно негативно.

В настоящее время в ст. 9 ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» [10] установлен достаточно обширный перечень лиц, подлежащих обязательной государственной дактилоскопической регистрации, однако такая регистрация если и охватывает большое количество людей, то только в определенном возрасте или периоде жизни. Так, в п. «а» ст. 9 закреплено положение о дактилоскопической регистрации граждан РФ, призываемых на военную службу, однако не все призываются по достижении 18 лет, львиная доля подлежит призыву по окончании обучения в образовательных организациях высшего образования, соответственно в 22–24 года. Аналогичная ситуация с сотрудниками всех правоохранительных органов, за исключением лиц, проходящих очное обучение в вузах системы правоохранительных органов, где такая регистрация осуществляется с момента поступления, а именно с 18 лет. Кроме того, есть проблемы с дактилоскопированием и определенными в законе категориями. Так, исходя из анализа правоприменительной практики на местах, не всегда тщательно проводится работа по исследованию следов рук. Например, А.Ф. Купин приводит данные своего исследования, согласно которому выяснилось, что из 261 подозреваемого в совершении преступлений небольшой тяжести на дактоучет поставлено всего 49 лиц [11. С. 240]. Вполне очевидно, что именно такие примеры способствуют формированию отрицательного отношения к дакторегистрации, в том числе со стороны специалистов.

Однако все известные доводы противников всеобщей дактилоскопической регистрации, по меньшей мере, несостоятельны. Во-первых, в настоящее время человек как физическое лицо подвергается регистрации при получении паспорта, водительских удостоверений, медицинского полиса, страхового номера индивидуального лицевого счёта, при регистрации объектов недвижимости, автотранспорта, водных и воздушных судов. Более того, примитивно, но имеют место регистрация при подключении к оператору сетевой связи и, конечно же, регистрация в сети Интернет. При этом нет механизмов отказа от паспорта гражданина РФ, СНИЛСа. Во-вторых, криминалистические учеты предназначены для диагностических и идентификационных целей по индивидуальным приметам и другим признакам, когда установочные данные неизвестны или скрываются.

Главной целью криминалистической регистрации является использование учетных сведений в правоохранительной деятельности, прежде всего в деятельности по обеспечению охраны и защиты законных прав и интересов человека и гражданина. Если вести речь об ограничении прав и свобод, то именно дактилоскопическая регистрация абсолютно не влияет на это, в отличие от других вышеперечисленных фактов

регистрации. Информация о дактилоскопической регистрации не используется до тех пор, пока сам человек не инициирует это фактом совершения правонарушения. В этой части прав профессор Е.П. Ищенко утверждает, что «содержащиеся в регистрационных массивах данные останутся, образно говоря, мертвым кладом, если сотрудники ОУР, следователи, эксперты не будут их использовать в своей профессиональной деятельности. Любая информация, содержащаяся в криминалистических учетах, значительно увеличивает объем сведений, которыми можно оперировать для раскрытия преступлений и их полного и всестороннего расследования» [12. С. 69].

Проведение всеобщей дактилоскопической регистрации будет способствовать созданию единой универсальной и простой системы борьбы с преступностью, призванной обеспечить адекватный современным угрозам уровень защищенности общества и граждан. Следует помнить, что все виды учетов объединяет то, что содержащаяся в них информация используется в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений; розыска преступников; установления личности неизвестных граждан [13. С. 17]. Кроме того, абсолютно прав профессор А.Ю. Головин, утверждающий, что информационно-справочное обеспечение криминалистической деятельности является основной отраслью криминалистической техники [14].

Самым эффективным и повсеместным способом всеобщей дактилоскопической регистрации является дактилоскопирование при получении паспорта гражданина РФ в 14 лет. Соответственно, дактоучет будет обеспечен еще и фотографией лица, при этом, учитывая техническое оснащение правоохранительных органов, данная процедура не создаст никаких сложностей. Учитывая, что законотворческий процесс по созданию нового федерального закона достаточно длительная процедура, предлагаем внести дополнительный пункт в ст. 9 действующего закона. Впоследствии данный учет можно и нужно будет дополнить базой данных ДНК, который уже сегодня следует формировать, совмещая, например, регистрацию оружия всех видов.

В заключение следует заметить, что все вопросы, связанные с всеобщей дактилоскопической регистрацией, не повлекут серьезных финансовых затрат, так как система, выстроенная в ОВД, способна и сегодня обеспечить повсеместное дактилоскопирование. И самым важным, на наш взгляд, является то, что всеобщую дактилоскопическую регистрацию граждан можно признать элементом реализации криминалистического предупреждения преступлений, что в известной степени будет способствовать более оперативному раскрытию преступлений. Тем самым будет осуществляться профилактика, ведь общеизвестно, что лучшая профилактика – это раскрытие преступлений.

Криминалистическая регистрация, являясь обеспечивающей по отношению ко всей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, а также комплексной, интегративной по отношению к другим разделам криминалистики, по мнению профес-

сора С.А. Ялышева, должна принять на себя дополнительную функцию – функцию криминалистического информационного сопровождения и поддержки принятия обоснованных криминалистических решений в процессе раскрытия и расследования преступлений [3. С. 27].

Подводя определенные итоги, следует отметить, что всеобщая дактилоскопическая регистрация будет способствовать эффективному получению доказательственной базы по расследуемым уголовным делам лишь в том случае, если повсеместно будут внед-

рены современная электронная техника и технологии обработки информации, что скажется на оперативности и доступности. В этой части уже на протяжении последних десятилетий ведется не только обсуждение, но и вырабатываются конкретные предложения, в том числе на диссертационном уровне [3, 15–17]. Так, в настоящее время дактилоскопические информационные системы внедрены в единую информационно-телекоммуникационную систему для накопления и интегрированного обмена информацией между правоохранительными органами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батаев И.А. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение процесса расследования краж из квартир граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 1998. С. 17.
2. Аминев Ф.Г. Теория и практика использования специальных знаний в расследовании преступлений. Уфа : БашГУ, 2015. С. 48.
3. Ялышев С.А. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999.
4. Князьков А.С. Криминалистика : курс лекций. Томск, 2008.
5. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография. СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. С. 191.
6. Самищенко А.С. Научные основы дактилоскопии и перспективы их развития : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 3.
7. Выступление В.В. Путина на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел 21 марта 2014 г. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://президент.рф>
8. Цховребова И.А. Государственная дактилоскопическая регистрация: практика применения и перспективы совершенствования // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы : сб. науч. ст. М. : Академия Управления МВД России, 2011. Вып. 7. С. 179–192.
9. Статистика. Официальный сайт МВД России. Состояние преступности в России. URL: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/209743>
10. О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон № 128-ФЗ от 25 июля 1998 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3806.
11. Купин А.Ф. Организация обязательной дактилоскопической регистрации подозреваемых в совершении преступлений // Криминалистические средства и методы в раскрытии и расследовании преступлений : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием. М., 2014. С. 240.
12. Ищенко Е.П., Девиков Е.И. Уголовная регистрация. Омск, 1986. С. 69.
13. Стронский Д.Д. Криминалистическая регистрация в системе Интерпола. Краснодар, 2008. С. 17.
14. Головин А.Ю. Системные средства и методы в криминалистической науке : учеб. пособие. Тула : Изд-во Тул ГУ, 2013. С. 138.
15. Аминев Ф.Г. Комплексное использование экспертно-криминалистических учетов в информационном обеспечении расследования и раскрытия преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001.
16. Демина Р.Е. Проблемы криминалистической регистрации и ее использование в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001.
17. Усманов Р.А. Информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел: криминалистическая регистрация : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 декабря 2015 г.

UNIVERSAL DACTYLOSCOPIC REGISTRATION OF CITIZENS AS AN ELEMENT OF CRIME PREVENTION

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 188–191. DOI: 10.17223/15617793/402/27

Gribunov Oleg P. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: gribunov@mail.ru

Keywords: criminalistic registration; dactylography; information; crime.

It is well known that the system of criminalistic registration keeps records of three groups of objects: persons, subjects, crimes. The most prevalent registration sign of people is fingerprints that form dactyloscopic accounting. Improving fingerprint registration is more than relevant at present, given the level of social relations development, scientific and technical support activities of law enforcement agencies and government bodies and crime level. Questions of perfection and the practice of state fingerprint registration are actively discussed among law enforcers and scientists. Modern conditions require an accurate, efficient, single system of registration, a system that would solve the problem of identification and provide an adequate fight against crime. First of all, it is a universal compulsory fingerprinting which will have both investigative and preventive value. Criminalistic accounting is currently beyond the traditional and outdated understanding of criminal registration, and, therefore, does not lead to a total control by the state. The main purpose of criminalistic registration is to use accounting information in law activities, especially in activities to ensure safety and protection of the legitimate rights and interests of man and citizen. If to talk about the limitation of rights and freedoms, fingerprint registration is not affected by it, unlike other registrations. Information about fingerprint registration is not used until a person commits an offense. Universal fingerprint check will help to create a single, universal and simple system of combating crime, designed to provide an adequate level of protection of society and citizens. The most effective and widespread method of universal fingerprinting is dactylography when applying for a passport of a citizen of the Russian Federation at the age of 14. Then fingerprinting will also be provided with the photograph of a face; this procedure does not create any difficulties either, given the technical equipment of law enforcement bodies. The legislative process for the creation of a new federal law is a long process; the author proposes to introduce an additional paragraph in Article 9 of the current law. In the future, this accounting can and should be supplemented by a DNA database which should be formed today by combining it, for example, with registration of weapons of all kinds.

REFERENCES

1. Bataev, I.A. (1998) *Operativno-rozysknoe i kriminalisticheskoe obespechenie protsessa rassledovaniya krazh iz kvartir grazhdan* [Operational, investigative and forensic support of the process of the investigation of the theft of citizens' apartments]. Abstract of Law Cand. Diss. Izhevsk.
2. Aminev, F.G. (2015) *Teoriya i praktika ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy v rassledovanii prestupleniy* [Theory and practice of the use of expertise in the investigation of crimes]. Ufa: Bashkir State University.
3. Yalyshev, S.A. (1999) *Kriminalisticheskaya registratsiya: problemy, tendentsii, perspektivy* [Forensic Registration: issues, trends and prospects]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
4. Knyaz'kov, A.S. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Forensics: lectures]. Tomsk: TML-Press.
5. Vozgrin, I.A. (2003) *Vvedenie v kriminalistiku: Istoriya, osnovy teorii, bibliografiya* [Introduction to criminology: history, basic theory, bibliography]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
6. Samishchenko, A.S. (2015) *Nauchnye osnovy daktiloskopii i perspektivy ikh razvitiya* [Scientific basis for dactyloscopy and prospects]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
7. Official site of the President of the Russian Federation. (2014) *Vystuplenie V.V. Putina na rasshirennom zasedanii Kollegii Ministerstva vnutrennikh del 21 marta 2014 g.* [Speech by V.V. Putin at the enlarged session of the Ministry of Internal Affairs on March 21, 2014]. [Online]. Available from: <http://prezident.rf>.
8. Tskhovrebova, I.A. (2011) Gosudarstvennaya daktiloskopicheskaya registratsiya: praktika primeneniya i perspektivy sovershenstvovaniya [State dactyloscopy registration: practical applications and prospects of improving]. In: *Teoriya i praktika kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy* [Theory and Practice of Criminalistics and Forensics]. Is. 7. Moscow: Academy of Management, MIA of Russia.
9. Official site of the Russian Interior Ministry. (n.d.) *Sostoyanie prestupnosti v Rossii* [State of crime in Russia]. [Online]. Available from: <http://mvd.ru/presscenter/statistics/reports/item/209743>.
10. Russian Federation. (1998) O gosudarstvennoy daktiloskopicheskoy registratsii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon № 128-FZ ot 25 iyulya 1998 [On state fingerprint registration in the Russian Federation: Federal Law No. 128-FZ dated July 25, 1998]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31. Art. 3806.
11. Kupin, A.F. (2014) [Organization of the mandatory fingerprint registration of criminal suspects]. *Kriminalisticheskie sredstva i metody v raskrytii i rassledovanii prestupleniy* [Criminalistic means and methods in the disclosure and investigation of crimes]. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference in criminology and forensics with international participation. Moscow. (In Russian).
12. Ishchenko, E.P. & Devikov, E.I. (1986) *Ugolovnaya registratsiya* [Criminal registration]. Omsk: Izd. OVShM MVD SSSR.
13. Stronskiy, D.D. (2008) *Kriminalisticheskaya registratsiya v sisteme Interpol* [Forensic registration in the system of Interpol]. Krasnodar: KrU MVD Rossii.
14. Golovin, A.Yu. (2013) *Sistemnye sredstva i metody v kriminalisticheskoy nauke* [System tools and techniques in forensic science]. Tula: Tula State University.
15. Aminev, F.G. (2001) *Kompleksnoe ispol'zovanie ekspertno-kriminalisticheskikh uchetov v informatsionnom obespechenii rassledovaniya i raskrytiya prestupleniy* [Integrated use of forensic records in the information support of the investigation and solution of crimes]. Law Cand. Diss. Ufa.
16. Demina, R.E. (2001) *Problemy kriminalisticheskoy registratsii i ee ispol'zovanie v rassledovanii prestupleniy* [Problems of forensic registration and its use in the investigation of crimes]. Law Cand. Diss. Saratov.
17. Usmanov, R.A. (2002) *Informatsionnoe obespechenie deyatel'nosti organov vnutrennikh del: kriminalisticheskaya registratsiya* [Information support of the activities of the Interior: forensic registration]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

Received: 22 December 2015

ИНТЕГРАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПОЛУЧЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО СЛЕДАМ ОБУВИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

На основе литературных источников рассмотрены аспекты интегрального подхода в целях получения криминалистически значимой информации по следам обуви при раскрытии и расследовании преступлений. Автором выделены основные проблемные моменты при работе со следами обуви на различных этапах расследования преступлений.

Ключевые слова: следы подошвенной части обуви; диагностические, классификационные и идентификационные исследования; экспертно-криминалистические учёт.

Ежегодно на территории Российской Федерации совершается большое количество различных преступлений, раскрытие и расследование которых напрямую зависят от качественного взаимодействия подразделений правоохранительных органов. Согласно статистическим данным только за период с января по октябрь 2015 г. органами внутренних дел зарегистрировано 1 977,9 тыс. преступлений, или на 7,8% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 72 субъектах Российской Федерации, снижение – в 11 субъектах. Нераскрытыми остаются 783,8 тыс. преступлений, что на 4,3% больше аналогичного показателя за январь – октябрь 2014 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 23,3% (в январе – октябре 2014 г. – 25,3%). Остались нераскрытыми 684 убийств и покушений на убийство (–11,6%), 2 тыс. фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (–22,6%), 459,1 тыс. краж (+6,2%), 22,8 тыс. грабежей (–16,7%), 3,1 тыс. разбойных нападений (–11,7%). Почти каждое третье преступление, а именно 766,2 тыс. (+4,7%), остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [1]. На результаты такой раскрываемости оказывают влияние многие факторы, но основные из них связаны, прежде всего, с недостаточным качественным использованием научно-технического и технико-криминалистического обеспечения правоохранительных органов на месте происшествия. На этапах предварительного расследования данная проблема достаточно подробно рассматривалась в работах М.В. Кардашевской [2], В.Ю. Ткач [3], Э.В. Лантуха [4].

В ходе реализации установок Президента Российской Федерации В.В. Путина, который, выступая на расширенной коллегии МВД России 4 марта 2015 г., отметил, что «нужно кардинально менять ситуацию, прежде всего за счёт повышения качества оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной работы, причём на всех уровнях: от районного звена до центрального аппарата, более эффективно выстраивать взаимодействие с другими правоохранительными структурами...» [5], необходимо активизировать работу подразделений полиции по взаимодействию в области использования специальных знаний. Под специальными знаниями понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки

или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного, гражданского или административного судопроизводства [6. С. 149].

Любой факт преступного события сопровождается какими-либо действиями, которые, в свою очередь, влекут нарушения в вещной обстановке, т.е. ни одно преступление не проходит бесследно. При изучении вещной обстановки места происшествия применяются различные специальные знания, но наиболее востребованными являются знания по традиционным классическим криминалистическим направлениям. Так, очень правильно отмечено А.В. Варданяном и О.В. Мельниковой, что «необходимо активнее использовать классические положения криминалистической трасологии, залогом чего будет являться приглашение специалиста-криминалиста на каждый выезд на место происшествия...» [7. С. 17].

На необходимость обязательного участия в осмотре места происшествия специалиста указывают как отечественные, так и зарубежные криминалисты [8. С. 122]. Использование специальных классических криминалистических знаний играет основную и важную роль при получении криминалистически значимой информации по следовой обстановке на месте происшествия. Особое значение среди всего массива следовой информации на месте преступления занимают следы обуви человека, и на практике с каждым годом, хотя и незначительно, увеличивается процент их изъятия. Так, например, за 2014 г. сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений ЭКЦ ГУ МВД по Иркутской области было проведено 26 485 осмотров мест происшествий, на 5 253 из которых были обнаружены и изъяты следы обуви человека в количестве 6 936 штук, что составило 19,8%. К примеру, в 2008 г. данный показатель составлял всего 15,1% [9]. Анализ количества осмотров мест происшествия с изъятием следов обуви в период с 2008 по 2014 г. показан на рис. 1.

На основании приведённых данных видно, что следы обуви изымаются в среднем на каждом шестом осмотре места происшествия, что говорит о недостаточном внимании, которое уделяется данной категории следов. Криминалистическое значение следов обуви человека достаточно велико, так как они играют важную роль в установлении обстоятельств преступного деяния, розыске и изобличении лица, совершившего преступление и его соучастников, особенно по «горячим» следам.

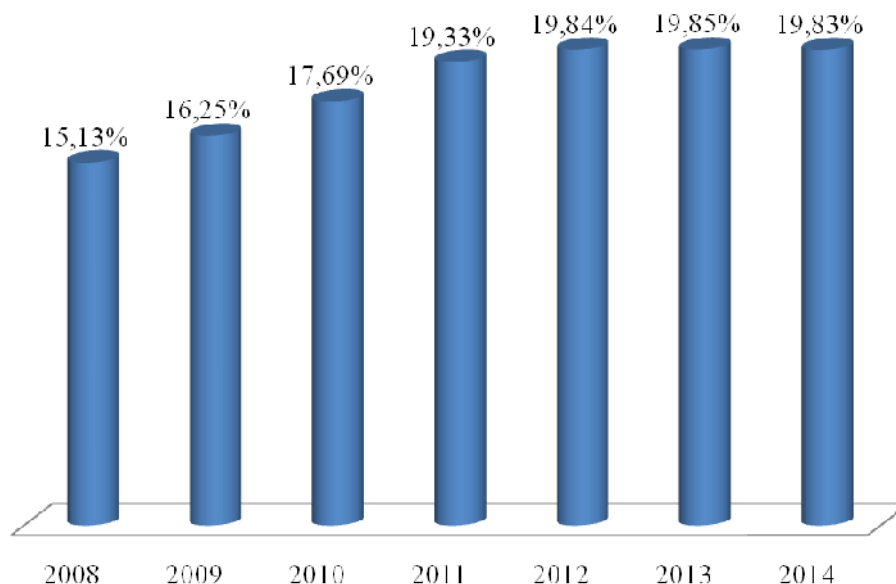

Рис. 1. Процентное соотношение осмотра мест происшествия с изъятием следов обуви относительно общего количества осмотров, проведенных сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области

В научной литературе при рассмотрении вопросов исследования следов обуви, обнаруженных на месте происшествия, больше пишут о доказательственной информации, получаемой в результате идентификационного экспертного исследования этих следов. При этом часто забывают о том, что для успеха в расследовании не менее, а на первоначальном этапе более важна ориентирующая криминалистически значимая информация, получаемая в результате предварительного исследования следов обуви, обнаруженных на месте происшествия.

Достаточно точно отметил А.С. Князьков: «Помимо вопросов, связанных с решением идентификационных задач, необходимо излагать вопросы классификационного, диагностического и ситуационного характера, даже если существует обоснованное предположение об успешном решении идентификационной задачи» [10. С. 93]. Вместе с тем предварительному исследованию следов обуви, обнаруженных на месте происшествия, специалистами-трасологами уделяется мало внимания. Так, при анализе 150 уголовных дел (по которым изымались следы обуви человека), находящихся в следственных подразделениях г. Иркутска, Улан-Уде, Читы, не было проведено ни одного предварительного исследования по следам обуви с целью получения криминалистически значимой информации.

Предварительное исследование – это внепроцессуальное применение специальных знаний для определения относимости обнаруженных следов к расследуемому событию, получения данных о механизме их образования, установления признаков следообразующего объекта и сбора сведений о возможных приметах, привычках и других данных, характеризующих преступника [11].

Предварительное исследование следов обуви человека, обнаруженных на месте происшествия, должно проходить интегрированно и обязательно проводиться специалистами. Так, по мнению Ф.Г. Аминова,

в результате интегрированного исследования должен проводиться анализ взаимосвязей между фактами и объектами. Для интегрированного исследования следов на месте происшествия необходимы знания и навыки производства всех видов криминалистических экспертиз [12. С. 42]. Исходя из этого, необходимо признать обязательное участие в проведении осмотра, сотрудника экспертно-криминалистических подразделений в качестве специалиста-трасолога, что на сегодняшний день не всегда соблюдается. Достаточно точно отметила О.А. Соколова, что «для получения информации о некоторых диагностических свойствах и признаках человека необходим инновационный подход к решению задач раскрытия и расследования преступлений на основе интеграции данных естественных наук» [13. С. 207].

Предварительное исследование является не процессуальным действием, поэтому обязательное условие его проведения – сохранение объекта в первоначальном виде. При проведении предварительных исследований на месте происшествия допускается применение неразрушающих исследуемый объект методов. Исключением являются случаи, когда от исследуемого объекта можно отделить какую-либо часть без изменения его свойств в целом, например, при исследовании вязких, сыпучих, жидких или газообразных веществ.

Обувь, независимо от типа и модели, состоит из деталей верха и низа, скрепленных между собой. При предварительном исследовании важное трасологическое значение имеют наружные детали низа обуви.

При проведении предварительного исследования следов обуви человека, в зависимости от характера следообразования, качества и количества следов, временного промежутка их оставления и т.п., возможно установить большое количество различной информации. В ходе проведения осмотра следов обуви возможно установление анатомических и функциональных признаков человека.

Интегрированный подход к изучению следов обуви человека, обнаруженных на месте происшествия, позволяет полноценно и всесторонне получить ориентирующую информацию, которая необходима для выдвижения следственных и розыскных версий, с максимальной достоверностью. Данная достоверность основывается на том, что человек как носитель самостоятельности и свободы ограничен рядом объективных факторов и в целом не склонен к излишне высокой инвариантности поведения [14. С. 199].

Так, например, на сегодняшний день существуют различные способы определения роста человека по следам обуви, но методы определения весовых параметров отсутствуют, хотя эти два основных параметра коррелируют между собой и, соответственно, дополняя друг друга, повышают уровень достоверности информации. Также при более точном определении ростовых и весовых показателей становится возможным установление и получение дополнительной ориентирующей криминалистически значимой информации о личности, оставившей след.

Предварительное исследование следов обуви человека должно проводиться в первую очередь на месте их обнаружения. Согласно п. 41 Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, утвержденному Приказом МВД России от 11.01.2009 г. № 7, такая информация оформляется в виде справки и носит ориентирующий предположительный характер. Но её значение очень велико для следственных и оперативных служб в целях раскрытия преступления по «горячим» следам. Поэтому пренебрегать такими исследованиями для получения максимальной предварительной информации по следам обуви ни в коем случае нельзя.

Достаточно значимым этапом при работе со следами обуви на месте происшествия является процесс изъятия данных следов. Они могут отобразиться в виде поверхностных и объёмных следов, что очень важно для процесса их изъятия. Так, объёмные следы необходимо изымать при помощи гипса, но в последнее время на практике для этого используют фототехнику. Объёмные следы фотографируют и в дальнейшем по данным фотоизображениям производят экспертные исследования, что в значительной мере влияет на качество и результат экспертизы, и далеко не в лучшую сторону.

Особенно это сказывается при проведении идентификационных экспертиз, когда исследуется микрорельеф подошвенной части обуви с целью установления комплекса частных признаков для отождествления обуви, оставившей данный след, и для проведения полноценного исследования фотоизображения недостаточно, в отличие от гипсовых слепков. Так, при анализе данных ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области за 2014 г. было проведено 4 198 экспертиз по следам обуви из которых 2 938 экспертиз по объёмным следам обуви [9]. И из общего числа экспертиз по следам обуви всего 479 идентификационных экспертиз с установлением обуви лица, оставившего данный след, получается, каждое десятое исследование является результативным, а остальные носят диагностический и классификационный характер.

Конечно, если проследить процентное соотношение количества экспертиз с установлением обуви лица, оставившего след, относительно общего количества трасологических экспертиз по следам обуви, выполненных сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений ЭКЦ ГУ МВД по Иркутской области в период с 2008 по 2014 г., то просматриваются тенденции роста за последние годы (см. рис. 2).

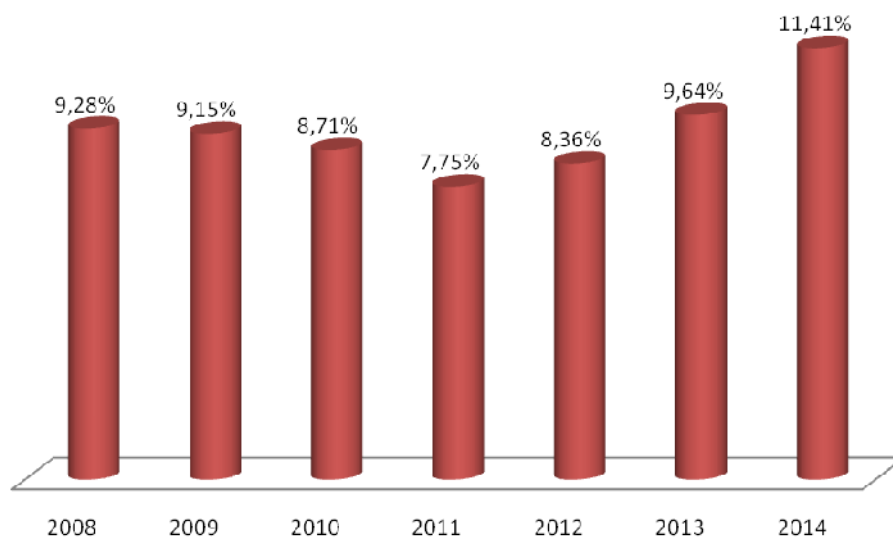

Рис. 2. Процентное соотношение количества экспертиз с установлением обуви лица, оставившего след, относительно общего количества трасологических экспертиз по следам обуви, выполненных сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений ЭКЦ ГУ МВД по Иркутской области в период с 2008 по 2014 г.

Особое значение по установлению лиц, причастных к событию преступления, при обнаружении следов обуви, составляет проверка их по локальным карточкам. Так, согласно Приказу МВД РФ № 70 от

10.02.2006 г., на местах, в экспертно-криминалистических подразделениях ведутся различные криминалистические учёты, в том числе и по следам обуви, изъятых с нераскрытых мест преступлений. Основной

формой ведения экспертно-криминалистических учетов является картотека, состоящая из информационных карт установленной формы, содержащих закрепленную и систематизированную индивидуальную экспертно-криминалистическую информацию об объектах учета [15. С. 106].

Каждая служба ОВД, ежедневно осуществляя свои профессиональные и должностные обязанности, сталкивается с большим количеством лиц различной категории, в том числе и по подозрению в совершении правонарушений. При работе с ними сотрудники полиции, а именно задействованные службы, должны производить отбор образцов подошвенной части обуви данных лиц и в дальнейшем выносить задание сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений для проверки их по локальным картотекам по следам обуви, изъятым с нераскрытых мест преступлений. Своевременное и качественное осуществление данных мероприятий дает возможность установить неизвестных лиц, при-

частных к преступлению по «горячим» следам, а также взаимосвязь между совершенными преступлениями, доказать причастность одного лица к совершению нескольких преступлений и т.д. Так, при анализе данных ЭКЦ ГУ МВД России по Иркутской области за 2014 г. было выполнено 3 тыс. заданий от различных служб, из них: 1 982 задания назначены следственными отделами, 323 – подразделениями полиции по обеспечению охраны общественного порядка и 695 заданий – оперативно-розыскными подразделениями. По результатам проведения данных проверок 462 исследования оказались результативными [6], с установлением обуви лица, оставившего данный след, т.е. каждое седьмое задание оказалось положительным при раскрытии и расследовании преступлений. Исходя из этого, необходимо активизировать данное направление по всем субъектам Российской Федерации для более полного и успешного использования следов обуви в раскрытии и расследовании преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности – январь–октябрь 2015 года. URL: www.mvd.ru
2. Кардашевская М.В. К вопросу о технико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений // *Эксперт-криминалист*. 2013. № 2. С. 21–22.
3. Ткач В.Ю. К вопросу о технико-криминалистическом обеспечении места происшествия // *Судебная экспертиза: Российский и международный опыт* : сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. ВА МВД Российской Федерации. 2014. С. 102–106.
4. Лантух Э.В. Техничко-криминалистическое обеспечение осмотра места происшествия // *Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее* : сб. тр. ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : Ун-т МВД России, 2015. С. 174–178.
5. URL: www.kremlin.ru/news/20624
6. Россинская Е.Р. Концепция судебно-нормативных экспертиз как основа использования специальных юридических знаний в судебно-экспертной деятельности // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2015. № 2. С. 149–152.
7. Варданян А.В., Мельникова О.В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2013. Вып. 2. С. 16–21.
8. Кокорин Д.Л., Пачина Д.С. Особенности тактики осмотра места происшествия при расследовании разбойных нападений // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2015. Вып. 3, ч. 2. С. 121–128.
9. Данные ЭКЦ ГУ МВД по Иркутской области за период 2008–2014 гг.
10. Князьков А.С. Тактические положения взаимодействия следователя и эксперта в ходе подготовки и производства судебной экспертизы // *Уголовная юстиция*. 2013. № 1 (1). С. 91–95.
11. Митричев В.С., Хрусталев В.Н. Основы криминалистического исследования материалов, веществ и изделий из них. СПб., 2003. 951 с.
12. Аминев Ф.Г. Предварительное интегрированное исследование следов преступлений на месте происшествия // *Адвокатская практика*. 2010. № 6. С. 41–43.
13. Соколова О.А. Некоторые направления использования инновационных технологий при получении диагностической информации о человеке // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. 2015. Вып. 3, ч. 2. С. 205–214.
14. Алексеева Т.А., Ахмедшин Р.Л., Юань В.Л. Полноструктурная модель механизма отражения личности в следах преступления // *Вестник Томского государственного университета*. 2015. № 397. С. 197–203.
15. Морозов А.В. Виды и перспективы развития криминалистических учетов материальных следов преступления // *Общество: политика, экономика, право*. Краснодар : Издательский дом «Хорс», 2011. № 1. С. 105–113.

Статья представлена научной редакцией «Право» 22 декабря 2015 г.

AN INTEGRATED APPROACH FOR OBTAINING FORENSICALLY RELEVANT INFORMATION FROM SHOE TRACES WHEN INVESTIGATING CRIMES

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 192–196. DOI: 10.17223/15617793/402/28

Naryzhny Yevgeniy V. East Siberian Ministry of Internal Affairs Institute of Russia (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: nev-79@mail.ru

Keywords: traces of shoe sole; diagnosis; classification and identification studies; forensic accounting.

On the basis of references, the article considers aspects of an integrated approach for obtaining forensically significant information on footwear traces when disclosing and investigating crimes. The use of special classical forensic knowledge plays the main and important role when obtaining forensically significant information on traces at a crime scene. Of special value among all trace information at a crime scene is traces of footwear of a person. In practice, every year the percent of their obtaining increases, though insignificantly. For example, in 2014, the staff of the expert and forensic divisions of the Expert and Forensic Center of the Department of the Ministry of Internal Affairs in Irkutsk Oblast made 26,485 inspections of crime scenes, at 5,253 scenes traces of footwear of a person, 6,936 pieces, were found and obtained, which is 19.8 %, while in 2008 it was only 15.1 %. The criminalistic value of footwear traces is rather great, as they play an important role in the establishment of circumstances of a crime, in search and exposure of the person who committed a crime and his/her accomplices, especially in hot pursuit. Scientific literature on research of footwear

traces found at a crime scene writes more about evidentiary information received as a result of identification expert examination of these traces. Thus, it is often forgotten that success in an investigation much depends on the forensically significant information received after preliminary research of footwear traces at a crime scene, especially at an initial stage. Preliminary research of footwear traces, depending on the character of traces, their quality and quantity, their time, etc., can give a lot of various information, including the anatomic and functional features of the person. The integrated approach to the studying of footwear traces at a crime scene allows to fully and comprehensively receive important information essential for making investigative and search versions with maximum reliability. This reliability is based on the fact that a person has independence and freedom is yet limited by a number of objective factors and in general is not inclined to an excessively high invariance of behavior. Of special value in finding persons involved in a crime when obtaining footwear traces is their check in local card files. Thus, according to the Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 70 of February 10, 2006, local expert and forensic divisions have various forensic accounts, including those of footwear prints from scenes of unsolved crimes.

REFERENCES

1. RF Ministry of the Interior. (2015) *Sostoyanie prestupnosti – yanvar'–oktyabr' 2015 goda* [The state of crime: January–October 2015]. [Online]. Available from: www.mvd.ru.
2. Kardashevskaya, M.V. (2013) K voprosu o tekhniko-kriminalisticheskoy obespechenii rassledovaniya prestupleniy [On the issue of providing technical and forensic investigation of crimes]. *Ekspert-kriminalist – Expert-Criminalist*. 2. pp. 21–22.
3. Tkach, V.Yu. (2014) [On the issue of providing technical and forensic support at a crime scene]. *Sudebnaya ekspertiza: Rossiyskiy i mezhdunarodnyy opyt* [Forensics: Russian and international experience]. Proceedings of II international scientific and practical conference of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Volgograd. pp. 102–106. (In Russian).
4. Lantukh, E.V. (2015) Tekhniko-kriminalisticheskoye obespechenie osmotra mesta proisshchestviya [Providing technical and forensic support when examining a crime scene]. *Sudebnaya ekspertiza: proshloe, nastoyashcheye i vzglyad v budushcheye* [Forensics: past, present and look into the future]. Proceedings of the annual All-Russian scientific and practical conference. St. Petersburg: University of the Russian Interior Ministry. pp. 174–178. (In Russian).
5. Official site of the President of the Russian Federation. (2014) *Vystuplenie V.V. Putina na rasshirennom zasedanii kollegii Ministerstva vnutrennikh del 21 marta 2014 g.* [Speech by V.V. Putin at the enlarged session of the Ministry of Internal Affairs on March 21, 2014]. [Online]. Available from: www.kremlin.ru/news/20624.
6. Rossinskaya, E.R. (2015) The concept of expert regulatory evaluation as the basis for the use of specific legal knowledge in forensic activities. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2. pp. 149–152. (In Russian).
7. Vardanyan, A.V. & Mel'nikova, O.V. (2013) Osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshchestviya pri rassledovanii prestupleniy v sfere proizvodstva i oborota fal'sifitsirovannoy alkogol'noy produktsii [Specifics of crime scene investigation in the investigation of crimes in the sphere of production and circulation of counterfeit alcohol products]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i Yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences*. 2. pp. 16–21.
8. Kokorin, D.L. & Pachina, D.S. (2015) Osobennosti taktiki osmotra mesta proisshchestviya pri rassledovanii razboynnykh napadeniy [Features of the tactics of crime scene investigation while investigating robberies]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i Yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences*. 3:2. pp. 121–128.
9. Data of the Forensic Science Center of Irkutsk Oblast MIA Department for 2008–2014. (In Russian).
10. Knyaz'kov, A.S. (2013) Tactical principles of interaction of the investigator and the expert in forensic examination preparation and execution. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 1 (1). pp. 91–95. (In Russian).
11. Mitrichev, V.S. & Khrustalev, V.N. (2003) *Osnovy kriminalisticheskogo issledovaniya materialov, veshchestv i izdeliy iz nikh* [Basics of forensic investigation of materials, substances and products from them]. St. Petersburg: Piter.
12. Aminev, F.G. (2010) Predvaritel'noe integrirovannoe issledovanie sledov prestupleniy na meste proisshchestviya [Preliminary integrated studies of crime traces at a crime scene]. *Advokatskaya praktika – Advocate's Practice*. 6. pp. 41–43.
13. Sokolova, O.A. (2015) Nekotorye napravleniya ispol'zovaniya innovatsionnykh tekhnologiy pri poluchenii diagnosticheskoy informatsii o che-loveke [Some trends in the use of innovative technologies in receiving the diagnostic information of the person]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i Yuridicheskie nauki – News of the Tula state university. Economic and legal sciences*. 3: 2. pp. 205–214.
14. Alekseeva, T.A., Akhmedshin, R.L. & Yuan, V.L. (2015) A full-structured model of the personality reflection mechanism in the traces of a crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 397. pp. 197–203. (In Russian).
15. Morozov, A.V. (2011) Vidy i perspektivy razvitiya kriminalisticheskikh uchetov material'nykh sledov prestupleniya [Types and perspectives of development of criminal records of material traces of the crime]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 1. pp. 105–113.

Received: 22 December 2015

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ

Анализируются основные социально-экономические факторы преступлений против личности, совершаемых в состоянии опьянения на территории Сибири. Рассматриваются наиболее актуальные, на наш взгляд, криминогенные факторы данных видов преступлений: социальная и экономическая нестабильность, проблемы в семье и в быту, алкоголизация и наркотизация населения, неблагоприятная социально-психологическая обстановка в обществе, отсутствие эффективной системы социальной профилактики пьянства, алкоголизма и наркомании и т.п.

Ключевые слова: социально-экономические факторы преступности; преступления против личности; состояние опьянения.

Для эффективного предупреждения преступлений против личности, совершаемых в состоянии опьянения, необходимо знать факторы, их обуславливающие. В словаре С.И. Ожегова фактор определяется как момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении [1. С. 845]. В криминологии изучаются факторы преступности, под которыми принято понимать многочисленные явления и процессы в общественном развитии, происходящие в настоящее время и так или иначе воздействующие на преступность. Мы же будем говорить о социально-экономических факторах преступлений против личности, совершаемых в состоянии опьянения, которые неразрывно связаны с причинным комплексом преступности в целом.

Можно выделить следующие общие группы факторов пьяной преступности:

1) социальная нестабильность: реализация низкокачественного дешевого алкоголя, опасного для жизни и здоровья людей; отсутствие возможности принудительного лечения лиц, больных алкоголизмом или наркоманией;

2) экономическая нестабильность: низкий уровень отечественного производства и трудовой активности населения, неспособность части населения обеспечить свои основные жизненные потребности;

3) неблагоприятная социально-психологическая обстановка: безнравственность, деградация части населения, выражающаяся в асоциальных или антиобщественных взглядах, установках; падение моральных принципов, уровня культуры; наличие стрессовых ситуаций;

4) семейная ситуация: большое количество разводов, неблагополучных семей;

5) низкий уровень здоровья населения: рост заболеваемости и смертности от потребления алкоголя или наркотиков и многое другое.

Одним из основных факторов, влияющих на уровень алкоголизации и наркотизации населения, является социально-экономическая ситуация в субъекте Российской Федерации. Так, регионы Сибирского федерального округа традиционно отличаются: незначительным предложением рабочих мест на рынке труда и сохранением повышенного уровня безработицы; низкими доходами населения (особенно в Алтайском крае) по сравнению с большинством субъектов Российской Федерации; пониженной обеспеченностью социальной инфраструктуры, обусловленной обшир-

ностью территории и неразвитой сетью городов; слабым контролем над миграционными процессами.

Преступлениям против личности, совершаемым в состоянии опьянения на территории Сибири, способствуют следующие социально-экономические факторы.

1. Разрушение свободной от права и морали личности. Общество с его противоречиями и конфликтами порождает социальные отклонения, негативные социальные явления, последствия которых приводят к социальной деформации [2. С. 88, 269].

Во многих регионах Сибири сегодня наблюдаются слои «больного общества», характеризующиеся безнравственностью, духовной опустошенностью, социальной деградацией, деморализацией населения в силу сложившихся негативных социальных условий. Многие граждане по причине этого боятся даже сделать замечание алкоголику либо наркоману-правонарушителю, оказать помощь пострадавшему от преступления. В процессе кризиса морали общество деградирует и становится нравственно больным.

Особенно актуальными остаются такие проблемы, как инфляционные процессы, низкая покупательная способность населения, незаконная миграция в Россию, материальное неравенство [3. С. 76], безработица и недостойный уровень заработной платы, недовольство своим социальным статусом, отсутствие личных перспектив, социальные конфликты, неустраиваемость в жизни, «кризис» морали, высокий уровень влияния криминальной субкультуры, вовлечение и наследственная предрасположенность к употреблению алкоголя, наркотиков, а также дефекты семейного, школьного и досугового воспитания и образования. Также разрастается материализация взаимоотношений в обществе, которая в основном выражается в эгоистическом воспитании личности, отсутствии помощи со стороны социального окружения.

Таким образом, эти криминогенные факторы приводят к *жизненной безысходности и бесперспективности, отсутствию возможности реализовать себя в жизни. Человек перестает чувствовать себя нужным обществу, государству, организации, в которой он работает (служит). При совершении им проступка ни коллеги по работе, ни общественность не приходят к нему на помощь, не выясняют причин совершенного проступка. В итоге его наказывают либо увольняют, так как он слаб и никому не нужен.*

2. Центральными причинами насильственного поведения остаются проблемы в семье, а также бытовая неустроенность, отсутствие должного социального контроля, увлечение пьянством, наркоманией, безнадзорность, неудачи и ошибки в выборе профессии, разочарование в жизни [4. С. 98–99], трудности в учебе, на работе, в службе.

Эти криминогенные факторы приводят к чрезмерному употреблению алкоголя и наркотиков гражданами России, что напрямую влияет на демографическую ситуацию в стране [5. С. 844] и регионах Сибири. В этой связи кратко отметим состояние рождаемости, смертности и естественного прироста населения России. С 1950 по 1990 г. государственная статистика фиксирует стабильный ежегодный рост населения. Переломным оказался период с 1990 по 1995 г., когда количество умерших резко превысило количество родившихся. Впоследствии вплоть до 2012 г. фиксировалась убыль населения России – рождалось меньше, чем умирало.

В 2013–2014 гг. отмечается естественный прирост. Так, в 2013 г. родилось 1 895 822 человека, умерло 1 871 809; прирост составил 24 013 человек. В 2014 г. родилось 1 942 683 человека, умерло 1 912 347; естественный прирост составил 30 336 человек (с учетом Крымского федерального округа) [6].

При этом отметим, что в целом количество умерших мужчин превышает количество умерших женщин. Самыми распространенными причинами смерти являются болезни системы кровообращения (в 2014 г. умерло 430 899 мужчин и 509 590 женщин), новообразования (154 297 мужчин и 136 103 женщины), внешние причины (144 430 мужчин и 42 349 женщин), болезни органов пищеварения (53 743 мужчины и 42 946 женщин) и органов дыхания (52 783 мужчины и 25 529 женщин), инфекционные и паразитические болезни (22 861 мужчина и 9 242 женщины).

Анализ данных о количестве семейных браков и разводов за последние десять лет (2004–2014 гг.) показал, что число разводов стабильно растет, а браков – снижается. В 2014 г. коэффициент разводов на территории России в расчете на 1 000 человек составил 4,7 условных развода, а браков – 8,4.

В Сибири также снижается количество браков и растет число разводов. Всего с начала года семейными узами себя связали 126 914 пар сибиряков. При этом расторгли брак 77 202 семьи. Таким образом, на 100 браков приходится 61 развод. Кроме того, в Сибири снижается рождаемость. По данным Новосибирскстата, с начала 2015 г. в федеральном округе на свет появилось малышей на две десятых процента меньше, чем за аналогичный период прошлого года. Наибольший рост количества новорожденных в Сибири отмечен в Республике Алтай – 2%, а наибольшее снижение – в Алтайском крае и Кемеровской области [7].

3. Остается стабильной большая доля лиц, больных алкоголизмом и наркоманией. Сегодня на учете в органах здравоохранения России больные алкоголизмом, повторно госпитализированные в течение года, составляют 25,76%. Доля больных наркоманией, повторно госпитализированных в течение года, – 30,34%. Треть больных в течение года госпитализируются повторно [8].

В России множество раз пытались решить проблему зависимости от алкоголизма, наркомании, токсикомании и преступлений, связанных с этими болезнями. Но она остается актуальной потому, что отсутствует возможность принудительного лечения алкоголиков и наркоманов, предусмотренная в советское время. В итоге по настоящее время не работает система социальной профилактики пьянства, алкоголизации, наркотизации населения, отсутствует суровое и неотвратимое наказание за преступления и административные правонарушения, совершаемые в состоянии опьянения, а также связанные с незаконным оборотом алкогольной продукции и наркотиков. Эти наказания неэффективны, поскольку в большинстве своем они выражаются штрафами либо лишением свободы условно. Даже те больные, которые понесли реальное наказание в виде лишения свободы, при освобождении из исправительного учреждения остаются без должного внимания и в итоге продолжают алко- и (или) наркопотребление. Таким образом, практика показывает, что при отбытии уголовного наказания у освобожденных больных лиц практически отсутствуют возможность, желание и волевая целеустремленность пройти полный курс лечения от алкоголизма либо наркомании до полного выздоровления.

Интересна теория зависимости личности от собственного преступного поведения. Когда человек свободен, он сам решает, какую линию своего поведения он избирает, а какую отвергает. Однако у зависимой личности никаких альтернативных линий поведения нет. Перед ней только один путь, по которому она должна следовать, причем лицо может вполне осознавать, что этот путь вреден и для него и для окружающих, что он нарушает нормы морали и права. Поэтому никакой ситуации выбора реально не существует для подобного индивида, он сам не осознает, не может понять, почему и какие силы толкают его на этот путь. Он не управляет или частично управляет своим поведением. Лишь на самых первых этапах зависимый человек может переживать борьбу мотивов, затем он уже не избирает, его влечет тот поток, из которого он не способен выбраться. Его поведение не избирательно и не свободно, даже самой ситуации выбора для него нет. Зависимость от алкоголя, наркотиков, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров, табака и т.д. в специальной литературе называется химической [9. С. 14, 21]. Поэтому соответствующая химическая зависимость применима и к лицам, больным алкоголизмом или наркоманией, которые под ее воздействием идут на совершение преступлений. Также зависимость от алкоголя или наркотиков приводит к развитию личностных проблем, психических аномалий и расстройств.

4. Большое количество потребления алкоголя, наркотиков, не позволяющее в полной мере обеспечить эффективную профилактику преступлений, совершаемых в состоянии опьянения.

Только по официальным данным на душу российского населения в год (в перерасчете на абсолютный алкоголь) приходится 12 литров чистого спирта в год [10]. Согласно собранным экспертами данным, доля

смертей, связанных с алкоголем, составляет почти 30% у мужчин и 17% у женщин. Всего, таким образом, Россия теряет до полумиллиона человек в год. Мы согласны с мнением, что снизить потребление алкоголя в России можно отчасти за счет восстановления учреждений закрытого типа для алкоголиков с обязательным принудительным лечением алкоголизма. Кроме того, нужно продолжать ограничение продажи спиртного по времени и возрасту [11].

Эксперты Минздрава России подчеркивают, что подавляющее большинство смертей от внешних причин происходит в состоянии алкогольного опьянения. Наиболее высокая смертность приходится на регионы с высоким уровнем распространенности хронического алкоголизма и алкогольных психозов [12].

По заявлению Федеральной службы по контролю за наркотиками Российской Федерации, на 2014 г. рынок наркопотребления в России составляет 8 млн человек (регулярное и эпизодическое потребление), из которых активно употребляют 3 млн [13].

Для разрешения данной проблемы была предусмотрена разработка региональных программ, направленных на снижение объемов потребления алкоголя, профилактику алкоголизма и наркомании, сокращение уровня распространенности распития алкогольной продукции в общественных местах, в семьях, а также на популяризацию здорового образа жизни и развитие физкультуры и спорта [10]. Однако их реализация в полном объеме пока не происходит.

Методы борьбы с таким явлением, как алкоголизм, в России более гуманны, чем во времена СССР, но эффективными их назвать трудно. Современное законодательство не позволяет остановить пьющего человека без его желания. Несмотря на то что алкоголизм является причиной многих насильственных преступлений и суицидов, от него также страдают близкие пьющего человека – все равно лечить его без его согласия нельзя [14].

По сути, данное положение потворствует алкоголикам в их пьянстве. Фактически приходится ждать, пока больной алкоголизмом не совершит какое-либо преступное деяние, чтобы затем его можно было принудительно лечить. Второй вариант – ожидание такой деградации от спиртного, чтобы появились основания для помещения пациента в психиатрические лечебницы. Однако в большинстве случаев человек умирает от осложнений, не желая лечиться добровольно.

5. Стабильно высокий уровень криминального оборота алкогольной продукции. Возможность получения в короткие сроки неконтролируемой государством прибыли от реализации неучтенного алкоголя привлекает в алкобизнес все большее количество не только отдельных правонарушителей, но и организо-

ванных преступных групп. По подсчетам Росалкогольрегулирования, в 2014 г. объем производства водки (данные системы ЕГАИС, которой пользуются производители) составил 67,6 млн дал, а розничные продажи (данные деклараций об объемах реализации спиртного продавцами) – 78,2 млн дал. Разница в 10,6 млн дал (около 13,5% всего рынка) – это примерная оценка объема нелегальной водки в стране [12].

6. По настоящее время не выработана система социальной профилактики пьянства, алкоголизма и наркомании, заключающаяся в комплексе мероприятий по реабилитации и социальной адаптации лиц, больных алкоголизмом и наркоманией (возможно воссоздание соответствующих лечебных профилакториев, ранее функционирующих в советское время). Во многих субъектах Российской Федерации отсутствуют либо практически не реализуются региональные программы, направленные на снижение объемов потребления алкогольной продукции, профилактику алкоголизма с учетом специфики каждого региона (доли сельского населения, обычаев и традиций) и в соответствии с мероприятиями, реализуемыми в сфере образования и здравоохранения.

Таким образом, прослеживающиеся дестабилизирующие факторы социального и экономического характера, высокая поляризация населения по уровню доходов, достаточно высокий в сравнении с другими регионами уровень безработицы и в дальнейшем будут способствовать росту криминальной активности населения в Сибири и совершению преступлений против личности в состоянии опьянения.

Наибольшее влияние на социально незащищенные слои населения оказывают имеющиеся проблемы в финансовом секторе экономики Сибири. Не видя выхода из сложившегося положения, люди начинают употреблять алкоголь (наркотики), что способствует их противоправному и (или) виктимному поведению. При этом если человек психологически готов совершить преступление против личности, но воздерживается от этого в силу страха наказания, то состояние опьянения ослабляет этот страх и способствует противоправному поведению.

Результаты проведенного нами исследования показали, что лица, больные алкоголизмом или наркоманией, сами не желают проходить курс лечения. Действующие правовые меры воздействия не обеспечивают их эффективное лечение и, соответственно, успешное предупреждение преступлений против личности, совершаемых в состоянии опьянения. Поэтому мы убеждены в том, что без принудительной изоляции больных алкоголизмом или наркоманией невозможна эффективная профилактика преступлений против личности, совершаемых в состоянии опьянения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М., 1990.
2. Абельцев С.Н. Криминологическое изучение насилия и защита личности от насильственных преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
3. Бугера М.А. Профилактика хищений средств сотовой связи : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011.
4. Овчинский С.С. Преступное насилие. Преступность в городах / сост. и вступ. ст. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. М. : ИНФРА-М, 2009.
5. Мацкевич И.М. Алкоголь и преступность // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7.
6. Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>, свободный (дата обращения: 28.11.2015).
7. В Сибири снижается количество браков и падает рождаемость. URL: <http://www.tvtomsk.ru/vesti/company/2868-v-sibiri-snizhaetsya-kolichestvo-brakov-i-padaet-rozh-daemost>, свободный (дата обращения: 12.11.2015).

8. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 294 // Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru>, свободный (дата обращения: 23.09.2015).
9. Феномен зависимого преступника / Ю.М. Антонян, О.В. Леонова, Б.В. Шостакович. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 14, 21.
10. Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. № 2128-р. // Собрание законодательства РФ. 11.01.2010. № 2. Ст. 264.
11. Протоиерей Димитрий Смирнов. В борьбе с пьянством все средства хороши. URL: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=176649>
12. Минздрав объяснил рост смертности алкоголизацией населения. URL: <http://top.rbc.ru/economics/12/08/2015>, свободный (дата обращения: 13.11.2015).
13. Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 9 месяцев 2014 года. URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>, свободный (дата обращения: 20.01.2015).
14. Лечение алкоголизма в СССР и современной России. URL: http://www.alkmed.ru/lechenie_alkogolizma_v_sssr_i_rossii.html (дата обращения: 26.05.2015).

Статья представлена научной редакцией «Право» 11 декабря 2015 г.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS CONTRIBUTING TO CRIMES AGAINST PERSONS COMMITTED IN A STATE OF INTOXICATION IN SIBERIA

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 197–200. DOI: 10.17223/15617793/402/29

Semeniuk Ruslan A. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

Keywords: socio-economic factors of crime; crimes against persons; intoxication.

The main socio-economic factors of crimes against persons committed in a state of intoxication in many regions of Siberia today are layers of a “sick” society infected with immorality, spiritual emptiness, social degradation, demoralization of the population due to the current negative stoical conditions. Of particular concern are issues such as inflation, low purchasing power of the population, illegal migration in Russia, income inequality, unemployment and low wages, dissatisfaction with one’s social status, lack of personal perspectives, social conflicts, disorder in life, crisis of morality, a high level of influence of the criminal subculture and the involvement in and genetic predisposition to alcohol and drug consumption, as well as defects in family, school and leisure education. There is also a growing materialization of social relations, mainly expressed in the upbringing of an egoistic person, in the lack of assistance from the social environment. The main cause of violent behavior is still problems in the family, as well as poor living conditions, lack of proper social control, drunkenness and drug addiction, homelessness, failures and mistakes in choosing a profession, disappointment in life, difficulties in school, at work, in the service. Stable are a high proportion of persons suffering from alcoholism and drug addiction, a high level of criminal trafficking of alcoholic beverages, a huge consumption of alcohol and drugs, which does not allow to fully ensure effective prevention of crimes committed in a state of intoxication. Until now, there is no developed system of social prevention of alcoholism and drug abuse, which consists in a complex of measures to rehabilitate and socially reintegrate persons suffering from alcoholism and drug addiction. In many regions of the Russian Federation there are no, or few, implemented regional programs aimed at reducing alcohol consumption, at alcoholism prevention in each particular region in accordance with its own specifics and with the activities in the education and health sectors.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I. (1990) *Slovar' russkogo yazyka* [Russian dictionary]. 23rd ed. Moscow: Russkiy yazyk.
2. Abel'tsev, S.N. (2000) *Kriminologicheskoe izuchenie nasiliya i zashchita lichnosti ot nasil'stvennykh prestupleniy* [Criminological study of violence and of protection of individuals from violent crimes]. Law Dr. Diss. Moscow.
3. Bugera, M.A. (2011) *Profilaktika khishcheniy sredstv sotovoy svyazi* [Preventing thefts of cellular devices]. Law Cand. Diss. Volgograd.
4. Ovchinskiy, S.S. (2009) *Prestupnoe nasilie. Prestupnost' v gorodakh* [Criminal violence. Crime in the cities]. Moscow: INFRA-M.
5. Matskevich, I.M. (2013) *Alkohol' i prestupnost'* [Alcohol and crime]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 7.
6. The Federal State Statistics Service. [Online]. Available from: <http://www.gks.ru>. (Accessed: 28 November 2015).
7. TvTomsk.ru. (c. 2015) *V Sibiri snizhaetsya kolichestvo brakov i padaet rozhdaemost'* [In Siberia, the number of marriages reduces and the birth rate falls]. [Online]. Available from: <http://www.tvtomsk.ru/vesti/company/2868-v-sibiri-snizhaetsya-kolichestvo-brakov-i-padaet-rozh-daemost>. (Accessed: 12 November 2015).
8. Konsul'tant Plyus. (2014) *Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii "Razvitie zdavookhraneniya": Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 15 aprelya 2014 g. № 294* [On approval of the state program of the Russian Federation “Health development”: Resolution of the Government of the Russian Federation on April 15, 2014 No. 294]. [Online]. Available from: <http://www.consultant.ru>. (Accessed: 23 September 2015).
9. Antonyan, Yu.M., Leonova, O.V. & Shostakovich, B.V. (2007) *Fenomen zavisimogo prestupnika* [The phenomenon of an addicted offender]. Moscow: Aspekt Press.
10. Russian Federation. (2010) *Kontseptsiya realizatsii gosudarstvennoy politiki po snizheniyu masshtabov zloupotrebleniya alkogol'noy produktsiy i profilaktike alkogolizma sredi naseleniya RF na period do 2020 goda: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2009 g. № 2128-r*. [The concept of implementation of public policies to reduce the abuse of alcohol and for alcohol prevention among the population of the Russian Federation for the period up to 2020: the order of the Government of the Russian Federation of December 30, 2009 No. 2128-p]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 264.
11. Archpriest Dimitriy Smirnov. (2008) *V bor'be s pyanstvom vse sredstva khoroshi* [In the struggle with alcoholism all means are good]. [Online]. Available from: <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=176649>.
12. Rbc.ru. (2015) *Minzdrav ob'yasn timerost smertnosti alkogolizatsiy naseleniya* [The Ministry of Health explained the increase in mortality by alcoholism of the population]. [Online]. Available from: <http://top.rbc.ru/economics/12/08/2015>. (Accessed: 13 November 2015).
13. Federal Drug Control Service of the Russian Federation. (2014) *Informatsionno-analiticheskaya spravka o narkosituatsii v Rossiyskoy Federatsii i rezul'tatakh bor'by s nezakonnyim oborotom narkotikov za 9 mesyatsyev 2014 goda* [The information-analytical report on the drug situation in the Russian Federation and the results of the fight against drug trafficking for 9 months of 2014]. [Online]. Available from: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/index.shtml>. (Accessed: 20 January 2015).
14. Alkmed.ru. (n.d.) *Lechenie alkogolizma v SSSR i sovremennoy Rossii* [Treatment of alcoholism in the Soviet Union and in modern Russia]. [Online]. Available from: http://www.alkmed.ru/lechenie_alkogolizma_v_sssr_i_rossii.html. (Accessed: 26 May 2015).

Received: 11 December 2015

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Рассматриваются вопросы о понятии форм и методов профилактической деятельности полиции, их внутреннего содержания с точки зрения действующего нормативно-правового регулирования и социально-экономических условий российского общества. С позиций комплексного подхода предлагаются инновационные варианты применения традиционных форм и методов профилактического воздействия на лиц, потенциально склонных к совершению преступлений.

Ключевые слова: индивидуальная профилактика; частная превенция; деятельность полиции; формы и методы воздействия.

Профилактическая деятельность среди других функций правоохранительных органов традиционно занимала приоритетное значение. Ей уделялось пристальное внимание как в советский период развития [1. С. 35–39], так и в условиях постсоветского правового поля¹. Однако теоретические разработки относительно внутреннего содержания форм и методов индивидуальной профилактической деятельности российских правоохранительных органов остались на позициях прежнего законодательства, а общественные отношения шагнули далеко вперед. Ранее профилактическая работа строилась на идеологической платформе, обосновывающей закономерный процесс отмирания преступности и победы идеалов коммунистического общества. К настоящему времени есть основание утверждать, что в вопросах противодействия преступности происходит рецепция восприятия преступности как неизбежного явления любого общества. И речь, соответственно, уже должна вестись не о борьбе с преступностью, ведущей к полному изживанию данного негативного явления, а о ее сдерживании в социально-приемлемых рамках.

Категории «форма» и «метод» являются ключевыми в теории деятельностного подхода философии и психологии, но к настоящему времени все чаще фигурируют и в юриспруденции. Так, например, Приложение № 6 к Приказу МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 (п. 3.16 в ред. от 31.12.2013) «Направления научного обеспечения деятельности в системе МВД России» указывает на то, что одним из стратегических направлений научных исследований в МВД России должны стать формы и методы работы участковых уполномоченных полиции. Однако к настоящему времени исследуемые категории как юридические феномены в современных условиях относятся к числу малоизученных. Так, отдельными авторами только перечисляются различные формы и методы профилактического воздействия без раскрытия их содержания [2. С. 28–33; 3. С. 38]. Некоторые ученые указывают на необходимость их совершенствования в рамках внедрения в практику новых форм взаимодействия правоохранительных органов с населением без конкретизации направлений подобного развития (ограничиваясь указаниями на повышение гражданской активности населения [4. С. 50]). По справедливому замечанию С.И. Даниловой, к числу наиболее острых к настоящему времени проблем относится

отсутствие нормативной регламентации так называемых иных форм профилактики [5. С. 34] (тех, которые не нашли закрепления в нормативных правовых актах РФ).

Ситуация, при которой отсутствует правовая характеристика механизмов реализации профилактической работы, приводит к тому, что сотрудники полиции на сегодняшний день слабо представляют, какими превентивными возможностями они обладают, чтобы задействовать весь потенциал профилактических средств.

Понимая значимость представленных категорий для целей настоящего исследования, мы не будем вдаваться в дискуссию по поводу внутреннего содержания самих понятий «форма» и «метод». Они достаточно хорошо освещены в рамках ситуационного подхода в психологии [6, 7]. Однако их адекватное восприятие необходимо для разрешения теоретико-методологических проблем, связанных с индивидуальной профилактической работой сотрудников полиции. Поэтому, присоединяясь к мнению С.В. Тарабрина, отметим, что в рамках данной работы под формой следует понимать вид проведения профилактических мероприятий [8. С. 84]. Под методом мы будем рассматривать совокупность приемов и способов, которые при употреблении их надлежащим образом способны привести правоприменителя к достижению поставленной цели [9]. В нашем случае это предупреждение преступлений сотрудниками ОВД.

В предупредительной деятельности, например, участковых уполномоченных полиции можно использовать обширный перечень форм профилактики, предложенный А.А. Борченко [10. С. 51–52]. К их числу он относит:

1. Опрос – беседы с жителями административного участка.
2. Личное наблюдение – непосредственное восприятие и оценка поведения граждан в общественных местах и местах индивидуального проживания.
3. Оперативная отработка участка в процессе поквартирного (подворного) обхода и рейдовых мероприятий.
4. Оперативный поиск в местах вероятного появления подконтрольного лица.
5. Оповещение граждан через средства массовой информации о имеющихся на административном участке случаях совершения преступлений.

6. Изготовление и распространение в жилом секторе специальных памяток-предостережений о способах защиты от преступника с учетом неоднократно повторяющихся на территории обслуживания видов правонарушений.

По мнению некоторых ученых, к числу форм непосредственного воспитательного воздействия на профилируемых следует относить также вовлечение их в социально полезные занятия трудового, общественного, спортивного характера с использованием при этом возможностей благотворительных фондов, помощи спонсоров и т.п. [11. С. 173].

Одной из специфических форм профилактического воздействия является шефство представителей общности над профилируемым. При этом используется помощь тех лиц, которые могут положительно воздействовать на профилируемого, нейтрализовать или устранить оказываемое на него неформальным окружением отрицательное влияние [Там же].

Отдельные специалисты полагают также, что в индивидуальной профилактике кроме личности адресатом выступают и внешние обстоятельства (семья, учебный или производственный коллектив) [12. С. 23]. И даже разъяснение законодательства и правовая пропаганда могут также рассматриваться в качестве форм индивидуальной профилактики правонарушений [13. С. 34].

Анализ содержания листов учета проведенных участковыми уполномоченными полиции профилактических мероприятий за 2011–2014 гг. показал, что в основном сотрудники пользуются вербальными способами воздействия на поднадзорных. Так, 62,9% из числа проведенных участковыми уполномоченными полиции мероприятий составили беседы в различных их вариантах: предварительные (ознакомительные), предупредительные (при наличии фактов антиобщественного поведения), воспитательные (при нейтральном поведении поднадзорного).

По справедливому утверждению А.И. Алексеева, к методам индивидуальной профилактики прежде всего относится убеждение как метод воздействия на сознание и поведение человека, представляющий собой комплекс воспитательных, разъяснительных и поощрительных мероприятий, осуществляемых в целях повышения сознательности, организованности и дисциплинированности граждан, добросовестного соблюдения ими норм человеческого общежития [14. С. 54–55]. В нашем случае это формирование убеждения в необходимости законопослушного образа жизни. По мнению С.В. Тарабрина, как правило, желаемое изменение взглядов подучетного, его интересов, потребностей и, в конечном счете, поведения достигается образованием или мобилизацией моральных стимулов [8. С. 85]. Поэтому для достижения профилактических целей убеждение должно быть конкретным, логичным и последовательным. Особенно следует обращать внимание на наличие уверенности сотрудников полиции в целесообразности каждого конкретного приема убеждения.

К числу методов индивидуальной профилактики также относится метод упражнения, под которым

следует понимать целенаправленное и планомерно организованное выполнение лицами, состоящими на учете органов внутренних дел, различных действий, практических дел с целью формирования и развития уважительного отношения к нормам и традициям человеческого общежития. Например, в нашем случае это может быть требование самостоятельного ежемесячного внесения платежей за оказание коммунальных услуг. Результатом систематического использования метода упражнения становится приобретение профилируемым устойчивых качеств личности – навыков и привычек. При этом чем сложнее формируемое качество, тем большее количество упражнений необходимо выполнить контролируемому для обретения устойчивой привычки.

По справедливому замечанию ученых, конечно, было бы просто нерациональным стремиться сразу привить потенциальным преступникам навыки и привычки, свойственные сознательным членам общества [14. С. 56]. Речь должна идти о выработке на первых этапах простейших навыков социального поведения, таких как готовность к компромиссам, формирование элементарных навыков доброжелательного общения и т.п.

Еще одним методом профилактической деятельности следует считать метод поощрения. В деятельности сотрудников полиции он ограничен в основном словесными формами. Это могут быть или доброжелательная реплика, или одобрительное замечание [Там же]. Однако через органы местного самоуправления есть возможность поощрить подучетного и материально, например за конструирование детской площадки района. Наиболее значимой мерой воздействия стимулирующего характера для лица, состоящего под административным надзором, является частичное снятие ранее установленных судом ограничений (ч. 3 ст. 4 Федерального закона № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы») либо вообще досрочное прекращение административного надзора (ч. 2 ст. 9 Федерального закона № 64-ФЗ).

В современных социально-экономических условиях достаточно широко может применяться метод оказания помощи. В частности, он должен использоваться для трудового устройства контролируемого, решения вопросов, связанных с улучшением его бытовых условий, организацией досуга, установлением социально полезных контактов, планированием денежных расходов, выбором жизненных целей и т.д. Нельзя пренебрегать оказанием помощи через воздействие на окружающую микросреду профилируемого. По справедливому замечанию В.А. Плешакова, отрицательные факторы могут корениться во всех сферах микросреды: в семье, трудовом коллективе, ближайшем окружении [11. С. 99]. Для нейтрализации их пагубного влияния индивидуальная профилактическая работа проводится с носителями подобного фактора. Наиболее кардинальное решение вопроса предусматривает разрыв профилируемого с данной микросредой (перевод в другой трудовой коллектив, смена места жительства). Если на это есть законные основания, к носителям отрицательного влияния долж-

ны применяться меры соответствующей юридической ответственности. Так, при наличии достаточных правовых оснований, лиц, отрицательно влияющих на профилактируемого, следует направлять на лечение от алкоголизма или наркомании. При отсутствии вышеуказанных оснований помощь должна заключаться в работе сотрудника полиции по развенчанию носителя антиобщественного влияния [11. С. 99].

К числу более ограничивающих права граждан, но достаточно эффективных методов профилактики относится принуждение. Однако необходимо помнить, что меры принуждения по отношению к иным методам играют вспомогательную роль. Они применяются, если другие методы воздействия не позволили достичь положительного результата. По справедливому замечанию Д.Г. Нохрина, метод принуждения является «чрезвычайным» методом социального регулирования [15. С. 6]. Он должен вступать в действие только там, где общественные отношения столь специфичны, что любое отклонение от нормативно заданного хода их развития способно причинить значительный вред интересам личности, общества или государства [Там же].

С точки зрения отечественных ученых, метод принуждения включает в себя систему более узких методов, каждый из которых характеризуется особенными, специфическими чертами, прежде всего особым способом реализации и целевым предназначением. Так, в качестве более узких методов выделяют методы пресечения, ограничения, правовосстановления, превенции, юридической ответственности [16. С. 8]. Мы полагаем, что заострять внимание на них в рамках настоящего исследования нет необходимости. Подробный анализ метода принуждения дан в разрезе принудительных мер административного характера [17]. Здесь лишь отметим, что наличие данного метода применительно к рассматриваемому виду деятельности обусловлено повышенной опасностью лиц, склонных к совершению преступлений. Актуальность применения государственного принуждения в административно-правовых отношениях повышается в случае негативного постпенитенциарного поведения лица, отбывшего уголовное наказание в виде лишения свободы. Это свидетельствует о том, что наказание не достигло своих целей. По справедливому замечанию В.С. Егорова, это предопределяет невозможность эффективного воздействия на такого субъекта иными методами в силу его более глубокой степени нравственной запущенности или наличия психического расстройства, которое исключает возможность адекватно оценивать свое поведение [18. С. 289]. Практика изучения дел по продлению срока административного надзора в отношении лиц, допускающих правонарушения, показала, что в деятельности органов внутренних дел Алтайского края в качестве меры принуждения в большей части (79,6%) применяется обязанность выплаты штрафа (как правило, в размере до 1 000 руб.).

Методы профилактического воздействия также могут складываться из приемов [19. С. 130], к числу которых, по справедливому замечанию А.И. Алексеева, следует относить разъяснение и опровержение [14.

С. 57]. Разъяснение раскрывается через привитие социальных ценностей (например, бережного отношения к общественному имуществу), прогнозирование последствий повторных правонарушений (разъяснение действующего законодательства). Опровержение заключается в выработке убеждения ложности, несостоятельности криминальных установок, идеалов, преодолении извращенных взглядов о нормах во взаимоотношениях людей, развенчании пренебрежительного, циничного отношения к социальным ценностям [14. С. 66].

В профилактической деятельности также могут применяться такие приемы, как активизация сокровенных чувств, «взрыв», вызывание гуманных переживаний, фланговый подход, прием опосредования, нравственное упражнение, просьба, проявление огорчения, организация успеха в деятельности, проявления доброты, внимания и заботы, приемы моральной поддержки и укрепления веры воспитуемого в собственные силы [Там же. С. 68–70].

Изучение передового опыта профилактической работы коллег зарубежных стран показал, что в данном виде деятельности правоохранительные органы широко опираются на общественные советы, ассоциации и другие территориальные объединения граждан, подразделения «добровольной стражи», группы гражданского патрулирования и т.д. [20. С. 11]. Во многих странах возникли общественные движения по оказанию помощи осужденным в период наказания и после их освобождения из тюрьмы [Там же. С. 39]. Отечественные ученые также согласны с тезисом, что более широкое привлечение граждан к работе по предупреждению правонарушений (в том числе и в качестве помощников участковых уполномоченных полиции) позитивно скажется на результатах противодействия преступности [21; 22. С. 25–26].

Необходимо придерживаться следующих требований, предъявляемых к методам индивидуальной профилактической работы:

1. Целью применения методов должна выступать переориентация асоциальных взглядов и традиций контролируемого.

2. К разработке профилактических мер следует подходить комплексно, с привлечением представителей всех ведомств, входящих в систему профилактики правонарушений [23. С. 20].

3. Сами воспитательные мероприятия должны осуществляться последовательно и непрерывно, а в случае работы с ранее судимыми и отбывающими наказание – в тесной связи с режимными требованиями, установленными судом обязательствами и правоограничениями [3. С. 39–40; 24. С. 19–21; 25. С. 30].

4. Любой метод должен применяться в интересах законопослушного общества.

Следует помнить, что профилактика – процесс творческий. Это деликатное и тонкое дело. В подобной работе не может быть инструкций на все случаи жизни. Следует согласиться с А.А. Борченко, что в реальной действительности определяющую роль могут сыграть любые обстоятельства как субъективного, так и объективного характера [10. С. 51]. Поэтому, на

наш взгляд, сотрудникам полиции целесообразно придерживаться следующих правил профилактики:

1. Универсальных профилактических мер не существует, эффективность их всегда избирательна.

2. Профилактическое воздействие – процесс длительный: положительные результаты начинают проявляться не сразу, а постепенно, когда убежденность профилируемого лица в целесообразности законопослушного поведения перерастет в общественно полезное поведение.

3. Успех профилактики напрямую зависит от полноты исходной информации, в частности о населении, проживающем на обслуживаемой территории.

4. Результативность профилактического воздействия во многом обусловлена способностями сотрудника полиции прогнозировать поведение человека.

5. Немаловажную роль также играет опыт работы сотрудника полиции с людьми. Причем не обязательно в должности представителя власти.

В целом, подводя итог представленным выше рассуждениям, следует поддержать мнения ученых и практических работников, согласно которым формы и методы профилактической деятельности не могут быть универсальными для всех регионов Российской Федерации [4. С. 50]. Они должны учитывать национальные, экономические, конфессиональные и иные особенности субъектов Российской Федерации, городов, районов. Жесткие разграничительные линии между различными формами и методами предупреждения преступлений провести невозможно [11. С. 153]. На практике все они реализуются в тесном переплетении между собой. По нашему глубокому убеждению, только встретившись с человеком, можно

определить его позицию, найти объяснение его действиям и выработать наиболее эффективные способы индивидуального профилактического воздействия.

В то же время термин «профилактика» используется для характеристики не только криминологического вида деятельности, направленного на недопущение самой возможности совершения преступления. Следует учитывать, что выделяют несколько иных разновидностей профилактики [11. С. 153], к числу которых можно отнести: моральную профилактику, предполагающую утверждение нравственных принципов, предписаний и оценок, моделирующих определенный тип поведения и ставящих его под контроль общественной морали; правовую профилактику, направленную на недопущение правонарушений и любых форм противоправного поведения; виктимологическую профилактику, заключающуюся в воздействии на лиц, которые могут стать потерпевшими от правонарушения.

При этом особую значимость приобретают такие меры индивидуального предупреждения преступлений, как умелое сочетание убеждения и принуждения, целенаправленность и непрерывность воспитательного процесса, преемственность и систематичность воспитательных мероприятий, индивидуальный подход [Там же]. Иногда ученые индивидуальную профилактику называют педагогической [26. С. 667–674; 27. С. 10–11], так как она использует воспитательные и обучающие средства предупреждения правонарушений [28. С. 32]. Но все же следует согласиться с А.И. Алексеевым, что ни одно педагогическое средство, ни один педагогический метод не могут расцениваться как панацея от всех бед, считаться постоянными, всегда и везде полезными [14. С. 101].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений : Постановление Правительства РФ от 28.03.2008 № 216 // Программа информационной поддержки российской науки и образования: Консультант Плюс: Высшая школа / справочные правовые системы. 2015. URL: <http://www.consultant.ru>; О Порядке заслушивания общественными советами при Министерстве внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органах информации должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации о деятельности органов внутренних дел по пресечению преступлений, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности и профилактике правонарушений : Приказ МВД России от 23.05.2012 № 534 // Программа информационной поддержки российской науки и образования: Консультант Плюс: Высшая школа / справочные правовые системы. 2015. URL: <http://www.consultant.ru> и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилова С.И. Особенности формирования и развития профилактики преступлений, осуществляемой на стадии предварительного расследования, в советский период // История государства и права. 2013. № 24. С. 35–39.
2. Исаев М.Х. Информационные аспекты предупреждения преступлений и обеспечения безопасности граждан в регионе // Российский следователь. 2010. № 19. С. 29–33.
3. Бабенко А.В. Место и роль программно-целевого планирования в системе общего и специального предупреждения преступности // Российский следователь. 2005. № 5. С. 38–43.
4. Перминов О.Г., Кипман Н.Н. О профилактике преступлений // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 48–50.
5. Данилова С.И. Профилактика преступлений, осуществляемая в ходе дознания по уголовным делам: проблемы и пути их решения // Российский следователь. 2015. № 5. С. 31–35.
6. Кашапов М.М. Психология творческого мышления профессионала. М., 2006. 688 с.
7. Малягина Н.А. Психология управления. М. : Евразийский открытый институт, 2011. 216 с.
8. Тарабрин С.В. Содержание, формы и методы административной деятельности участкового уполномоченного милиции // Актуальные проблемы формирования положительного имиджа участкового уполномоченного милиции. М., 2011. С. 79–87.
9. Серебрянников Г.С. Метод и методология: понятие и соотношение. URL: <http://www.nsportal.ru> (дата обращения: 20.05.2015).
10. Борченко А.А. Деятельность участковых уполномоченных милиции по виктимологической профилактике преступлений на административном участке // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 1. С. 51–52.
11. Криминология : учебник для вузов / А.Ф. Агапов, Л.В. Барина, В.Г. Гриб [и др.] ; под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2006. 528 с.
12. Пхитиков А.Ю. Криминологическая характеристика и профилактика органами внутренних дел незаконного оборота спиртных напитков (по материалам Кабардино-Балкарской Республики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 26 с.

13. Кравцов Д.А. Меры общей профилактики преступлений, совершаемых в отношении обвиняемых, содержащихся в СИЗО ФСИН России // Российский следователь. 2014. № 12. С. 31–36.
14. Алексеев А.И. Индивидуальная профилактика рецидива преступлений // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1. С. 36–93.
15. Нохрин Д.Г. Государственное принуждение в гражданском судопроизводстве. М. : Волтерс Клувер, 2009. 256 с.
16. Сергина В.В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж : Воронеж. ун-т, 1991. 120 с.
17. Анохина С.Ю. Административные наказания и порядок их назначения : лекция. Барнаул : Юрид. ин-т МВД России, 2007. 28 с.
18. Егоров В.С. Понятие и сущность государственного принуждения в уголовном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 286–291.
19. Кикоть В.Я., Лебедев С.Я., Румянцев Н.В. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел : учебник. М., 2012. 496 с.
20. Осипов С.В. Органы внутренних дел и население в профилактике преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. 26 с.
21. Уваров И.А. Зарубежные концепции организации криминологической профилактики рецидивной преступности // Российский следователь. 2010. № 17. С. 37–39.
22. Прокументов Л.М., Рачкова Н.М. Уличная преступность: понятие, характеристика и профилактика // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2 (24). С. 22–27.
23. Крупина М.А. Криминологические аспекты латентной преступности несовершеннолетних (по материалам Санкт-Петербурга и Ленинградской области) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009. 23 с.
24. Кобец П.Н. Современное состояние теории предупреждения преступности и ее роль в оптимизации борьбы с преступлениями // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 19–21.
25. Кобец П.Н. Профилактика преступности как сложный, многогранный процесс в условиях России начала второго десятилетия XXI столетия // Российский следователь. 2012. № 20. С. 27–30.
26. Юридическая педагогика : учебник для вузов по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. В.Я. Кикотя, А.М. Столяренко. М., 2004. 895 с.
27. Иванова А.А. Педагогическая профилактика в системе предупреждения преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 34 с.
28. Дорошков В.В., Патов Д.А. Профилактика подростковой преступности как составная часть уголовной политики на современном этапе // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 31–34.

Статья представлена научной редакцией «Право» 28 декабря 2015 г.

FORMS AND METHODS OF POLICE ACTIVITIES ON INDIVIDUAL PREVENTION IN THE CURRENT SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS

Tomsk State University Journal, 2016, 402, 201–206. DOI: 10.17223/15617793/402/30

Titarenko Andrei P. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Barnaul, Russian Federation). E-mail: tapavlovich@mail.ru

Keywords: individual preventive measures; personal prevention; police activities; forms and methods of influence.

Close attention has always been paid to the forms and methods of preventive law enforcement. This is indicated by characteristics of the legal regulation of the Soviet era of existence of the State, as well as by the current legal regulations. However, the theoretical constructs regarding the inner content of these categories have not changed their ideological platform, justifying the natural process of the withering away of crimes. The analysis of the legal regulation of preventive activities of the police in the current socio-economic conditions suggests adopting the understanding of a crime as an inevitable phenomenon in any society. Therefore, it suggests, accordingly, that crimes are deterred within socially acceptable limits. This gap between the theoretical constructs and the ideological views on crimes leads to the uncovering of the essential characteristics of the forms and methods of the police as the main subject of preventive influence on the modern stage. The widely replicated legal literature of today has no comprehensive analysis of the forms and methods of individual prevention in the current legal framework. This leads to a formal approach in its implementation, and, as a result, to the low efficiency of the measures in practice. In this study, forms denote forms of preventive measures; methods are sets of techniques and acts used in preventive activities. The most effective forms of impact in modern socio-economic conditions are a survey of citizens, personal observation by a police officer, intelligence activities on the territory, warning citizens through the mass media and individual booklets on the most common offenses in the area. According to some scientists, such forms of individual preventive work as involvement of citizens in socially useful labor and sports and public patronage of the persons likely to commit offenses can also be used in the current situation. The author's research has shown that prevention methods have retained their external form: persuasion, exercise, encouragement, assistance, coercion. But their inner content has changed in the direction of humanization and liberalization of the impact on persons wanting preventive measures. Coercive measures widely used previously have now been replaced by verbal methods of correction of potential offenders' behavior. The study of the preventive work of foreign colleagues has shown that in this type of law enforcement authorities are widely supported by community councils, associations and other territorial unions of citizens. Summing up the arguments presented above, the author supports the views of scholars and practitioners who assume that forms and methods of prevention activities cannot be universal for all regions of the Russian Federation. They should take into account the national, economic, religious and other peculiarities of the Russian Federation, cities and districts.

REFERENCES

1. Danilova, S.I. (2013) Osobennosti formirovaniya i razvitiya profilaktiki prestupleniy, osushchestvlyаемой на стадии предварительного расследования, в советский период [Features of the formation and development of crime prevention carried out at the stage of preliminary investigation during the Soviet period]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 24. pp. 35–39.
2. Isaev, M.Kh. (2010) Informatsionnye aspekty preduprezhdeniya prestupleniy i obespecheniya bezopasnosti grazhdan v regione [Information aspects of crime prevention and citizen security in the region]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 19. pp. 29–33.
3. Babenko, A.V. (2005) Mesto i rol' programmno-tselevogo planirovaniya v sisteme obshchego i spetsial'nogo preduprezhdeniya prestupnosti [The place and role of program-oriented planning in the system of general and special crime prevention]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 38–43.
4. Perminov, O.G. & Kipman, N.N. (2009) O profilaktike prestupleniy [On prevention of crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 2. pp. 48–50.

5. Danilova, S.I. (2015) Profilaktika prestupleniy, osushchestvlyаемaya v khode doznaniya po ugovnym delam: problemy i puti ikh resheniya [Prevention of crime carried out in the course of investigation of criminal cases: problems and solutions]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 5. pp. 31–35.
6. Kashapov, M.M. (2006) *Psikhologiya tvorcheskogo myshleniya professionala* [Psychology of creative thinking of a professional]. Moscow: PER SE.
7. Malyagina, N.A. (2011) *Psikhologiya upravleniya* [Psychology of management]. Moscow: Eurasian Open Institute.
8. Tarabrin, S.V. (2011) Soderzhanie, formy i metody administrativnoy deyatel'nosti uchastkovogo upolnomochennogo militsii [The content, forms and methods of administration of district militia officers]. In: Tselinskiy, B.P. (ed.) *Aktual'nye problemy formirovaniya položitel'nogo imidzha uchastkovogo upolnomochennogo militsii* [Topical problems of formation of a positive image of the militia precinct officer]. Moscow: VNII MVD Rossii. pp. 79–87.
9. Serebryannikov, G.S. (2013) *Metod i metodologiya: ponyatie i sootnoshenie* [Method and methodology: concept and correlation]. [Online]. Available from: <http://nsportal.ru/vuz/filosofskie-nauki/library/2013/03/24/metod-i-metodologiya-ponyatie-i-sootnoshenie>. (Accessed: 20 May 2015).
10. Borchenko, A.A. (2007) Deyatel'nost' uchastkovykh upolnomochennykh militsii po viktimologicheskoy profilaktike prestupleniy na administrativnom uchastke [The activity of district militia officers on victimological crime prevention at the administrative area]. *Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti*. 1. pp. 51–52.
11. Malkov, V.D. (ed.) (2006) *Kriminologiya* [Criminology]. 2nd ed. Moscow: Yustitsinform.
12. Pkhitkov, A.Yu. (2008) *Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika organami vnutrennikh del nezakonного oborota spirtnykh napitkov (po materialam Kabardino-Balkarskoy Respubliki)* [Criminological characteristics and prevention by internal affairs agencies of illicit trafficking of alcoholic beverages (on materials of the Kabardino-Balkarian Republic)]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
13. Kravtsov, D.A. (2014) Mery obshchey profilaktiki prestupleniy, sovershaemykh v otnoshenii obvinyaemykh, soderzhashchikhsya v SIZO FSIN Rossii [Measures of general prevention of crimes committed by the accused contained in detention units of the Federal Penitentiary Service of Russia]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 12. pp. 31–36.
14. Alekseev, A.I. (2010) Individual'naya profilaktika retsidiva prestupleniy [Individual prevention of recidivism]. *Rossiyskiy kriminologicheskii vzglyad*. 1. pp. 36–93.
15. Nokhrin, D.G. (2009) *Gosudarstvennoe prinuzhdenie v grazhdanskom sudoproizvodstve* [State coercion in civil proceedings]. Moscow: Volters Kluver.
16. Seregina, V.V. (1991) *Gosudarstvennoe prinuzhdenie po sovetskomu pravu* [State coercion by the Soviet law]. Voronezh: Voronezh State University.
17. Anokhina, S.Yu. (2007) *Administrativnye nakazaniya i poryadok ikh naznacheniya: lektsiya* [Administrative penalties and the procedure of their issue: lecture]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry.
18. Egorov, V.S. (2014) Ponyatie i sushchnost' gosudarstvennogo prinuzhdeniya v ugovnom prave [The concept and essence of state coercion in the criminal law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 1. pp. 286–291.
19. Kikot', V.Ya., Lebedev, S.Ya. & Rummyantsev, N.V. (2012) *Preduprezhdenie prestupleniy i administrativnykh pravonarusheniy organami vnutrennikh del* [Prevention of crimes and administrative offenses by bodies of internal affairs]. Moscow: Yuniti-Dana.
20. Osipov, S.V. (1999) *Organy vnutrennikh del i naselenie v profilaktike prestupnosti* [Law-enforcement bodies and the public in crime prevention]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
21. Uvarov, I.A. (2010) Zarubezhnye kontseptsii organizatsii kriminologicheskoy profilaktiki retsidivnoy prestupnosti [Foreign concepts of the organization of criminological prevention of recidivism]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 17. pp. 37–39.
22. Prozumentov, L.M. & Rachkova, N.M. (2013) Ulichnaya prestupnost': ponyatie, kharakteristika i profilaktika [Street crime: concept, characteristics and prevention]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2 (24). pp. 22–27.
23. Krupina, M.A. (2009) *Kriminologicheskie aspekty latentnoy prestupnosti nesovershennoletnikh (po materialam Sankt-Peterburga i Leningradskoy oblasti)* [Criminological aspects of latent juvenile crime (based on Saint Petersburg and Leningrad Oblast)]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.
24. Kobets, P.N. (2012) Sovremennoe sostoyanie teorii preduprezhdeniya prestupnosti i ee rol' v optimizatsii bor'by s prestupleniyami [The present state of the theory of crime prevention and its role in the optimization of the fight against crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 1. pp. 19–21.
25. Kobets, P.N. (2012) Profilaktika prestupnosti kak slozhnyy, mnogogranny protsess v usloviyakh Rossii nachala vtorogo desyatiletiya XXI stoletiya [Prevention of crime as a complex, multifaceted process in the conditions of Russia at the beginning of the second decade of the 21st century]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 20. pp. 27–30.
26. Kikot', V.Ya. & Stolyarenko, A.M. (eds) (2004) *Yuridicheskaya pedagogika* [Legal Pedagogy]. Moscow: YUNITI: Zakon i pravo.
27. Ivanova, A.A. (2006) *Pedagogicheskaya profilaktika v sisteme preduprezhdeniya prestupleniy* [Pedagogical prevention of the system of crime prevention]. Abstract of Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
28. Doroshkov, V.V. & Patov, D.A. (2014) Profilaktika podrostkovoy prestupnosti kak sostavnaya chast' ugovnoy politiki na sovremennoy etape [Prevention of juvenile crime as part of the criminal policy at the present stage]. *Rossiyskaya yustitsiya – Russian Justitia*. 6. pp. 31–34.

Received: 28 December 2015

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБСЕМЕТОВ Марат Оралбаевич – канд. ист. наук, генеральный директор Национального архива Республики Казахстан (г. Астана, Казахстан). E-mail: m.absemetov@gmail.com

АНДРЮЩЕНКО Ангелина Валерьевна – аспирант кафедры гражданского права Томского государственного университета. E-mail: alkariz@mail.ru

АНТОНОВА Евгения Константиновна – учитель истории и обществознания гимназии № 1 (г. Стрежевой Томской области). E-mail: antonovatomsk@gmail.com.

АФНАСЕНКОВ Владислав Олегович – студент исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: erpaison@gmail.com

БОЙКО Владимир Петрович – д-р ист. наук, профессор кафедры истории России и политологии Томского государственного архитектурно-строительного университета. E-mail: vrbjko@yandex.ru

БОЙКО Ольга Евгеньевна – ст. преподаватель кафедры социальных наук Томского государственного университета. E-mail: bojko1958@yandex.ru.

БОРИСОВА Алиса Борисовна – аспирант сектора литературоведения Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: borisovaab88@mail.ru

ВЕДЕРНИКОВ Николай Трофимович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: tsu-crime@mail.ru

ВОРОБЬЕВА Вероника Сергеевна – аспирант кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: 63.Oniks@gmail.com

ГОЛЬЕВА Александра Амуриевна – д-р геогр. наук, вед. науч. сотр. лаборатории географии и эволюции почв Института географии Российской академии наук (г. Москва). E-mail: 79163294335@ya.ru

ГОГОЛЕВА Марина Трофимовна – канд. пед. наук, зав. сектором «Эпос и этническая история» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (г. Якутск). E-mail: mtgogoleva@mail.ru

ГРИБУНОВ Олег Павлович – канд. юрид. наук, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России (г. Иркутск). E-mail: gribunov@mail.ru

ДЯКОВА Евгения Александровна – аспирант кафедры международных отношений Новосибирского государственного университета экономики и управления. E-mail: evgeniya.dyakova@gmail.com

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович – д-р ист. наук, зав. кафедрой отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: vpz@tsu.ru

КЛИНИЦКИЙ Артем Игоревич – аспирант кафедры отечественной истории Кемеровского государственного университета. E-mail: ArtemKlinitskiy@yandex.ru

КУСТОВА Елена Витальевна – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета (г. Киров). E-mail: kustovael@yandex.ru

ЛЯЩЕВСКАЯ Марина Сергеевна – канд. геогр. наук, ст. науч. сотр. лаборатории палеогеографии Тихоокеанского океанологического института Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: lyshevskaya@mail.ru

МАКЛЮКОВ Алексей Владимирович – канд. ист. наук, мл. науч. сотр. отдела истории Дальнего Востока России Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail: alekseymaklyukov@yandex.ru

НАМ Елена Вадимовна – канд. ист. наук, докторант кафедры отечественной истории, ст. науч. сотр. лаборатории социально-антропологических исследований Томского государственного университета. E-mail: n.elvad@yandex.ru

НАРЫЖНЫЙ Евгений Викторович – ст. преподаватель кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России (г. Иркутск). E-mail: nev-79@mail.ru

РЯБОГИНА Наталья Евгеньевна – канд. геол.-минерал. наук, ученый секретарь Института проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень). E-mail: nataly.ryabogina@gmail.com

СЕМЕНЮК Руслан Александрович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России. E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

СЕРГУШЕВА Елена Альбертовна – канд. ист. наук, науч. сотр. сектора первобытной археологии Института истории, археологии и этнографии Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Владивосток). E-mail lenasergu@gmail.com

СИЗОВА Ирина Алексеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры музеологии, культурного и природного наследия Томского государственного университета. E-mail: sizova_i@mail.ru

СОЛОВЕНКО Игорь Сергеевич – канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета. E-mail: solovenko71@mail.ru

ТИТАРЕНКО Андрей Павлович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Барнаульского юридического института Министерства внутренних дел России. E-mail: tapavlovich@mail.ru

ФЕДИНА Наталья Григорьевна – ст. преподаватель кафедры истории, обществознания и экономики Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования. E-mail: ngfedina@yandex.ru

ФОМЕНКО Светлана Владимировна – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: fomenk@gmail.com.

ФОМИНЫХ Сергей Федорович – д-р ист. наук, зав. кафедрой современной отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sergei.fominyh1940@mail.ru

ХАРЛОВ Владимир Русланович – аспирант кафедры востоковедения Томского государственного университета. E-mail: kharlov.vladimir@gmail.com

ХАРУСЬ Ольга Анатольевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kharus-olga@sibmail.com

ХАХАЛКИНА Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета. E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

НЕКРАСОВА Елена Дмитриевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. E-mail: NekrasovaED@yandex.ru

ЧУРКИНА Наталья Ивановна – д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики Омского государственного педагогического университета. E-mail: n_churkina@mail.ru

ШЕРСТОВА Людмила Ивановна – д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Томского государственного университета. E-mail: sherstova58@mail.ru

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является общенаучным периодическим изданием. Первоначально он выходил под названием «Труды Томского государственного университета», в 1998 г. издание университетского журнала было возобновлено уже под новым названием, и всего к 2016 г. был выпущен 401 номер. В настоящее время журнал «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет», редакция журнала «Вестник ТГУ».

Телефон 8(382-2)–52-96-67

Факс 8(382-2)–52-98-46

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from the authors or authors' institution.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Editorial Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University

36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050

Tel: 8(382-2)–52-96-67

Fax: 8(382-2)–52-98-46

Executive Editor: Dmitry Katunin

E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Общенаучный периодический журнал

2016 № 402 Январь

Главный редактор (председатель научно-редакционного совета)

Э.В. Галажинский

Ответственный редактор выпуска

Д.А. Катунин

ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ. ПРАВО

Печатная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

Электронная версия журнала

зарегистрирована в Госкомпечати РФ 14.09.1999 г. № 018694.

ISSN 1561–7793 от 20.04.1999 г. Международного центра ISSN (Париж).

Электронная версия журнала находится в сети Internet по адресу

[http:// www.journals.tsu.ru/vestnik](http://www.journals.tsu.ru/vestnik)

Адрес редакционного совета

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. ТГУ. Журнал «Вестник ТГУ»

Телефон 8+(382-2)–52-96-67

Подписано к печати 20 января 2016 г.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.

Цифровая печать. Усл. печ. л. 24,4. Тираж 250 экз. Заказ № 1600.

Редакторы: Ю.П. Готфрид, К.В. Полькина

Корректор Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет А.И. Лелююр

Дизайн обложки – Л.Д. Кривцова

Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании

Издательского Дома Томского государственного университета

634050, г. Томск, Ленина, 36

Телефон 8+(382-2)–53-15-28